

Мансуннатъ Володимиръ

М а к с и м и л и а н
В О Л О Ш И Н

Собрание сочинений

Под общей редакцией

В.П. Купченко и А.В. Лаврова

при участии Р.П. Хрулевой

Москва
Эллис Лак 2000
2006

М а к с и м и л и а н
В О Л О Ш И Н

Собрание сочинений

Том седьмой

Книга первая

Журнал путешествия

Дневник 1901–1903

История моей души

Москва
Эллис Лак 2000
2006

ББК 84(2Рос–Рус)
УДК 821.161.1-94
В68

*Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Составление, подготовка текста, комментарии

В.П. Купченко

Научный редактор

С.И. Субботин

Художник

В.Н. Сергутин

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова

(председатель, директор издательства)

В.П. Купченко

А.В. Лавров

С.И. Субботин

В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

Р.П. Хрулева

ISBN 5-902152-07-0 (т. 7)
ISBN 5-902152-05-4

© Эллис Лак 2000, 2006
© **В.П. Купченко** Составление,
подготовка текста, комментарии, 2006

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ
(26 мая 1900 г. - ?),
или Сколько стран
можно увидеть на полтораста рублей

1). В путешествии не столько важно зрение, слух и обоняние, сколько осязание. Для того, чтобы вполне узнать страну, необходимо ощупать ее вдоль и поперек подошвами своих сапог. *М. В.*

2). В путешествии количество виденного всегда обратно пропорционально количеству истраченного и съеденного.

3). Говорят, что надо съесть пуд соли с человеком, чтобы узнать его, а я говорю вам, что для этого достаточно пройти вместе пешком верст сто. *М. В.*

4). Все пути ведут в Рим. *Л. К.*

Высхали 26-го мая 1900 г. в 10 ч. вечера.

27 мая 1900 г. Варшава.

Первый день дороги. Проведен в вагоне Московско-Брестской дороги частью в спанье, частью во всеюдном (множественное число от «обоюдный») наблюдении над характерами и наклонностями путешественников. Алексей Васильевич обнаружил наклонности практические, проэктировал скупать в Риме картины бедных русских художников по дешевой цене, испытывал всё время достойное порицания стремление удовлетворять низменные наклонности своей природы: как-то пить чай, покупать яйца и есть три раза в день.

Comte d'Aouroff выказал, наоборот, прекрасные и достойные похвалы черты как человека, так и кассира. В качестве первого он дал совет уступить место для спанья «деточке», которая чрезвычайно неблагородно на наших глазах разрослась до размеров 18-тилетнего парня; в качестве же последнего он очень трогательно уговаривал всех не делать ненужных покупок.

Князь обнаруживал кровожадные охотничьи наклонности и сладострастно глядел из окна на пролетавших мимо аистов. *М. В.*

Макса все спутники чрезвычайно уважали за предполагаемые глубокие познания всех стран Западной Европы и всевозможных обстоятельств и перипетий путешествования. Однако постепенно, но неуклонно выясняется, что его искусство главнейшим образом состоит в том, чтобы возможно менее, а, в идеале, и совсем ничего не есть. Кажется, это открытие начинает колебать в основании всеобщее к нему уважение, а в некоторых членах общества поселяет некий мистический и суеверный ужас. Ужас этот еще более возрос, когда одному из путешествующих, продрогшему в ночное время и с негодованием обратившемуся к публике, которая, как он думал, безрассудно отворяла окна, публика с не меньшим негодованием возразила, что окна эти отворила никак не она, эта публика, а сам Макс, нарочно для оной цели побудившийся и вставший. *В. И.*

28 мая. День 2-ой путеш<сствия.> Варшава.

Въехали в Царство Польское. Я вылез на станции и сел на лавочку под высокий ветвистый каштан. Первый раз в жизни наслаждался отдыхом и прохладой под тенью этого прекрасного дерева. Испытывал чувство, приятное до неизъяснимости. Видел 3-ех аистов сразу и опять умилялся душой. Чем ближе мы подъезжали к Варшаве, тем богаче становилась природа. Некоторые путешествующие находили возможным и даже приятным спать. Я же всё время с любопытством и удовольствием смотрел из окна, а при остановках выходил на станции, чтобы впитывать всеми фибрами существа впечатления новой для меня природы, новых людей и новой обстановки.

Один опытный, убеленный сединами и согбенный годами муж убедил меня, наконец, лечь спать, высказав зловещее предсказание, что следующую ночь от Варшавы до Вены спать отнюдь нельзя будет. Я уже собирался последовать его совету, лег на лавку и хотел погрузиться в объятия Морфея. Но не тут-то было. Наш вагон стал вдруг по каким-то неизвестным ни мне, ни моим спутникам, причинам противоестественно подпрыгивать, раскачиваться и болтаться из стороны в сторону. Сначала я счел это за галлюцинацию, навеянную суровым режимом, введенным у нас Максом, но, осмотревшись, к величайшему прискорбию своему, заметил, что тело самого Макса судорожно подпрыгивает, раскачивается взад и вперед и неистовыми толчками головой об стену колеблет эту последнюю — и тем, по моему соображенью, производит еще большее колебание всего вагона.

Очевидно, что спать при таких обстоятельствах было невозможно. Многочисленные неудачные в этом отношении попытки, не

достигая своей цели, покрывали мое тело язвами и кровоподтеками. Не могу, однако, не сообщить любознательному читателю, что в подобных случаях всё-таки несравненно удобнее лежать на животе*, ибо он своей мягкостью и упругостью несколько умеряет толчки. Когда мы, наконец, приехали в Варшаву и сели в вагон объездного пути, наши репортеры газетные, Макс и Ал<сексей> Вас<ильевич>, страстно желали увидеть Сенкевича, прогуливающегося по краю дороги, чтобы иметь, таким образом, благовидный и удобный предлог зашибить немалую деньгу. К сожалению, они его не увидели, что, конечно, несколько не мешает им поступать совершенно так, как будто они его видели и даже с ним разговаривали.**

Все неудачи наших корреспондентов не помешали нам, тем не менее, приехать на Венский вокзал.

Первоначально наши помыслы направились на умывание, но приезд персидского шаха, к сожалению, помешал.

Отправились осматривать город. Вынесли несколько ценных наблюдений: 1) зарегистрирована необыкновенная честность и аккуратность полек. Булочница определила цену булки в 8½ ко<пеек> и на данный ей гривенник сдала 1½ коп<ейки>; 2) Предыдущее наблюдение поколеблено обманом, учиненным над нашим кассиром*** в меняльной лавке. Его нагрели на целых 5 рублей. Таким образом, ½ копейки польской честности потонули бесследно в тысяче полкопеек польской**** бесчестности.

Зашли на картинную выставку, куда привлекло нас объявление о гравюрах Клингера. Алексей Вас<ильевич> не последовал туда за нами, и поэтому его дальнейшее времяпрепровождение окутано для меня мраком загадочности.

Я и Леонид остриглись наголо, но тщетно старались убедить и Макса проделать то же. На все наши доводы он открыл нам тайну, что его сила прямо пропорциональна длине его волос.

Не зная достопримечательностей Варшавы, но желая, тем не менее, провести с пользой несколько часов, обратились с расспросами к парикмахеру (он же и фельдшер). Тот любезно указал на Саксонский (Сикский?) сад. Отправились туда. Гуляли несколько

* При наличии оного. <Примеч. Л. Кандаурова>.

** Не могу не отметить здесь подобного же сенсационного «голода» наших корреспондентов, когда они прочли в газетах о болезни Папы: «О, если бы Папа к нашему приезду умер!» – восклицали они.

*** Балда, балда! все присутствующие могут только отвечать за это. <Примеч. Л. Кандаурова>.

**** По позднейшим изысканиям деньги меняли евреи, а не поляки. – В. И.

часов по тенистым каштановым аллеям, сидели на лавочке, наслаждались прекрасным воздухом и видом многочисленной элегантной и оживленной публики. Должен сознаться, что варшавянки произвели на меня неизгладимое впечатление своими костюмами и изяществом.* Питались мы в этот день простоквашей, за 3 порции которой с нас взяли 29 коп<еек>. До сих пор никто из нас не мог решить, какой смысл в этой цифре и как разделить ее на три части. Думаю из личных средств назначить премию за разрешение этого вопроса.

День, проведенный столь разнообразно и плодотворно, закончился, наконец, сном в вагоне, где Макс и Леонид, со свойственной первому изобретательностью и любовью к неразборчивому подражанию, обычной для второго, улеглись на полу. Я же спал на лавке, что, очевидно, соответствовало моему достоинству. *В. И.*

Среди картин надо отметить картины Вавржнецкого, отличающиеся приятно-символическим характером (змеи и жертвы) и очень аппетитным фасоном (аристократически продолговатым). Князь оказался необыкновенно тонким ценителем картин в современном парижском жанре (дезабильированные дамы) и всё сствовал на то, что они дурно повешены. *М. В.*

В дополнение к рассказу о посещении парикмахерской я должен добавить следующие интересные подробности. Войдя в это учреждение, мы долго оставались одни. Когда же к нам из боковой двери выскочил рыжеволосый семит, то князь своими настойчивыми вопросами, не может ли он обстричь двух разом, так напугал его, что мы снова остались на неопределенное время в одиночестве. Умолчание об этом хроникера этого дня (князя) не делает чести его объективности. Я должен для восстановления истины сказать также, что термин «неразборчивого подражания», примененный ко мне тем же хроникером относительно спанья на полу, совершенно не подходит, т<ак> к<ак> я лег, завернувшись в плащ. *Л. К.*

Нельзя не отметить геройского отказа от вечернего чая со стороны Алекс<ея> Васильевича. Скрепя сердце он начинает исправляться. *М. В.*

Добавление. Нельзя не отметить исключительного внимания жителей Варшавы к нам, путешественникам, и в особенности к Максусу. Оный надел свой синий плащ и, размахивая его полами, быстрыми энергичными шагами ходил по улицам. Публика, пора-

* Тут впервые у меня зародилась мысль о переходе в Варшавский университет. <*В. И.*>

женная его сверхчеловеческим видом, рассыпалась при его приближении и потом долго провожала испуганными взглядами широко раскрытых удивленных глаз. В. И.

29 мая (11 июня) 1900. 3-й день пути. Вена.

Часам к 9-ти утра мы по унылой стране подъезжали к австрийской границе. Перед самым выходом на границу мне пришла пагубная мысль проглотить одну хинную лепешку в 3 грана. Последствия получились довольно печальные. Я долго не мог прийти в себя от этого вкусного лекарства. Воспользовавшись стоящим на платформе автоматом, мы получили за 10 heller порцию Erfrischung вопбонс*, которые своим вкусом вполне нейтрализовали вкус хины у меня и произвели подобное последней действие на моих коллег. Для покупки хлеба были отряжены князь и Макс. Князь робко обратился к буфетчице со словами: «Brot» — и получил ломтик хлеба, тогда он столь же робко заметил, что ему надо viel mehr**, но неожиданно получил кусочек еще меньше. В заключение всего, была заключена крайне невыгодная для нас покупка куска хлеба за ½ гульдена, которую князь наивно счел равной 30 к<опейкам>. Макс ограничился ролью наблюдателя.

В вагоне мы сидели с разными славянскими народами, которых А. В. не преминул интервьюировать для того, чтобы написать корреспонденцию. Сведения, почерпнутые им, оказались настолько неожиданными, что мы заподозрили, так ли понял наш корреспондент, что ему повествовали.

Кондуктор, найдя общество для нас неподходящим, предложил нам за gratis*** отдельное купе. Мы отклонили это и нажили в нем врага. Особенно он обратил внимание на князя, что выразилось в ряде замечаний и негодующих обращений к нему. Так, например, вывеска, висящая поперек окна и гласящая: «Für nicht Rauchen»****, которая мешала князю любоваться природой, будучи им отодвинута в сторону, была водворена на место нашим тираном кондуктором. Особенного труда стоило всем выпить по кружке пива, т<ак> к<ак> поезд стоял столько, столько хотелось нашему деспоту, и при малейшем движении его руки пускался в путь. Однако мы не проехали еще и полдороги, а уже 3 ч<аса> дня. Всем очень надоело бесконечное пребывание в вагоне ж<елезной> д<ороги>. Макс отправился расспрашивать про Вену у одного немца, который с тех пор нас долго не мог оставить в покое, так мы его заинтересовали;

* Освежающих леденцов (нем.).

** Много больше (нем.).

*** Бесплатно (лат.).

**** Для некурящих (нем.).

он очень изумлялся нашему плану проехать много на такую сумму, которую мы ассигновали и, глядя на А. В., всё покачивал головой, сомневаясь, чтобы тот выдержал путешествие. Насчет Макса он высказал такое мнение, что Макс пошло бы священническое одяние, а, узнав, что священники могут жениться и иметь много детей, он прибавил, что именно этого можно от него ожидать. Наш новый знакомый называл Макса не иначе как *Reise-Marschal*¹*. А. В. до сих пор был убежден в существовании в Неаполе королевства с деспотической властью**.

После приезда в Вену в 10 часов вечера мы углубились в переулки и улицы близ *Prater Strasse*. Высокие дома, тихие, пустынные улицы. Луна, мелькающая между остроконечными черепичными крышами, и музыка из окон, — всё это произвело огромное впечатление на нас. Несколько отелей оказались очень дороги, и мы, наконец, попали, уж отчаявшись ночевать где-нибудь, в *Hotel M.-Guth*, которая отвела нам комнату с монументальными кроватями. *Л. К.*

Дорога до Вены замечательна своей необыкновенно разнонациональной публикой, говорящей на всех существующих и несуществующих языках. Из фигур особенно замечательны были: упомянутый венец; старик кроат, говоривший на таком языке, что его никто решительно не мог понять, юркий богемец-еврей, заподозренный в шпионстве, который водил нас в Люнденбурге в залу с особенно дешёвым пивом, еврей с большим красным носом и молодой юноша — художник, из Вены, очень красивый и изящный, в широкополой мягкой шляпе, который мне рассказывал об Риме <?>. *М. В.*

На меня удручающе подействовали порядки на железной дороге. Нашим русским привычкам и потребностям совершенно не соответствует быстрота, малые остановки и деспотическая власть кондуктора, с которым даже поругаться нельзя, а которого можно только беспрекословно слушаться. *В. И.*

30 мая (12 июня). 4-й день. Дунай (на пароходе).

В 10 часов вечера вчерашнего числа мы приехали в Вену. За 2½ гульдена достали номер, выпили тут за 10 крестеров по стакану какого-то, со сбитыми сливками, молока и легли спать, хотя Макс

* Дорожный маршал (нем.).

** И только сегодня получил радостное известие об объединении Италии и, кажется, хотел сообщить об этом немедленно в «Северный Курьер». *М. В.*

предлагал идти «со свежими силами» (?) гулять по улицам ярко освещенной столицы. В 10 часов утра мы были на улице и с полчаса метались в поисках стакана молока. Трудно было что-нибудь наблюдать и видеть, кроме спины синей блузы Макса, который с одной стороны улицы метался на другую, прокладывая себе путь, не зная куда. Пред ним публика расступалась, ему легко было идти, а нас, шедших позади, затирали. Чтоб не упустить из виду нашего чичероне, приходилось зорко следить за его неровными движениями по улице, и, кроме него и изумленных венцев, мы ничего за этот поход за стаканом молока не видели. Наконец, мы достигли собора Св. Стефана, но не остановились и здесь, а устремились в погребок по соседству, так как были голодны, как волки. Эстергази-keller существует, говорят, 500 лет и, кроме электрических тусклых лампочек, ничто в нем не переменялось. За 62 крейцера достали там литр хорошего вина, за 15 крейцеров — достаточное количество сыра и хлеба. Цены на всё крайне низкие. Макс даже уверяет, что вино здесь продается по той же цене, как и 500 лет тому назад; но это утверждение можно только приписать его незнакомству с теорией меновой ценности вообще и законами ее изменения во времени в частности. С отуманенными головами вылезли мы из старинного характерного погребка и полезли на колокольню Св. Стефана. Но здесь приключений никаких не случилось, только Леонид Васильевич разбил себе колено (мы думали сначала, лоб), да и этот ушиб теперь начинает заживать. После этого традиционного восхождения на колокольню и осмотра галереи мы совершили, чтоб достойно покончить этот день, еще более традиционное путешествие в императорский парк Schönbrunn, где видели, кроме остриженных деревьев, даже самого императора. Итак, посмотревши всё, что надо, в Вене, мы в 10 часов вечера сели на пароход на Дунае и поплыли в Linz. Одного еще только мы не сделали — не осмотрели всех храмов, дворцов и достопримечательных ресторанов, но это объясняется не оплошностью и не отсутствием интересов к изучению со всех интересных сторон жизни чужой страны, а просто недостатком денежных средств, так как в хорошие, достойные внимания просвещенных и любознательных туристов рестораны нас даже и не пустили бы. А. С.

Автор настолько был затуманен посещением Эстергазиевского кабачка, что совершенно не заметил того, что между кабачком и колокольней мы полчаса просидели внутри самого Стефана, слушая дивную музыку, которая звучала из глубины собора и застывала между стенами храма в виде разноцветных стекол. К сожалению, это был единственный

светлый момент этого дня, так как через два часа мы попали во власть одесского студента — грека, сессециониста и офицера русской армии. Все эти качества в общем дали поразительную общительность и наивность. Особенную симпатию он почувствовал к князю, который отплатил ему взаимностью, найдя его замечательно красивым молодым человеком. Кажется, что больше всего они сошлись в мнениях по женскому вопросу. Этот роковой сессеционист увлек нас в Шёнбрунн, где мы все умирали от жажды и усталости, а он ошеломлял нас дикими припадками сессеционизма, находя его и в цвете конок и в почтовой бумаге, и выражая желание построить себе, когда он женится, замок, подобный римским развалинам в Шёнбрунне, которые по исследованию оказались полуразрушенной аркой, носящей сильные следы фальсификации. Приятная перспектива построить себе замок в виде дыры! Вплоть до отхода парохода проклятый сессеционист и офицер русской армии не оставлял нас, и только распорядительности высших чинов русской армии, не желавших продлить ему отпуск, мы обязаны тем, что он не отправился нас сопровождать и дальше. В первый раз в жизни я понял, что и русская армия имеет до некоторой степени свой «*raison d'être*».* *Макс.*

31 мая (13 июня). День 5-тый. Линц.

На Дунае

Свежий ветер. Утро. Рано.
Дышит мощная река.
В дымке синего тумана
Даль прозрачна и легка.
В бесконечных изворотах
Путь Дунай прорезал свой
И кипит в водоворотах
Мутно-желтую волной.**

* Разумное основание, смысл (*фр.*).

** К сожалению, мне пришлось убедиться, что «Der blau Donau» грязно-желтого цвета, а «тихий Дунай» весь покрыт водоворотами. И русская, и немецкая наблюдательность стоят друг друга. <Примеч. автора>.

Уплывают вниз селенья,
Церкви старые видны,
Будто смутные виденья
Невозвратной старины.
И душа из тесных рамок
Рвется дальше на простор...
Вон встает старинный замок
На зубчатом кряже гор.
Эти стены, полный ласки,
Обвивает виноград.
Как глаза трагичной маски,
Окна впалые глядят.
И рисуется сурово
Их зловещий силуэт,
Как забытого, бывшего
Грозный каменный скелет.

Горы были покрыты зелеными густыми лесами, осыпи и обрывы розовели от утреннего солнца. Потом горы сменялись бесконечными островками и отлогими берегами, покрытыми густыми сочными зарослями. В пять часов вечера мы приехали в Линц и остановились в маленькой старой гостинице на берегу Дуная, с многочисленными переходами, галереями и двориками в восточном вкусе, обладающей прекрасным и очень дешёвым белым вином, которое мы пили под тенью каштанов на самом берегу реки.

После мы отправились на гору Пестлинсберг, увенчанную остроконечной церковью, очень красиво издали. Вид с вершины на бесконечные излучины Дуная был очень красив. Горы были подернуты легкой синеватой дымкой, а <на> ровных далях, уходивших на восток, преоблада<ли> сероватые тона, и изредка сверкали металлические струйки Дуная. Особенно хорош был вид налево, где близко внизу крутые горные склоны, покрытые огромным лесом, резко спускались вниз к потемневшему Дунаю. Совершенно было много наблюдений над немецкой регламентацией. Из бесконечного количества надписей на столбах $\frac{3}{4}$ непременно что-нибудь запрещают под страхом штрафа и только одно, что эти надписи разрешают и одобряют, — это посещение пивных, которым по-

священа остальная четверть. Единственная надпись, не носящая характера кулака, приподнятого над головой, гласила: «Никакой добрый человек не будет портить никакого дерева» — «Kein guter Mann beschädigt einem Baum». Алекс<ей> Васильевич всё время проявлял самостоятельность характера и полное неуважение к конституции и к мнению большинства. Особенности его характера особенно проявляются в настоящий момент: он при нашем всеобщем молчании, не переставая, умоляет нас перестать говорить и, кажется, абсолютно не замечает, что все звуки, которые наполняют нашу комнату, произво<дит> только он сам, в гораздо более значительной степени мешая заниматься нам корреспонденцией, чем мы ему спать. Очевидно, он не будет сегодня спать совершенно, так как по стене мирно гуляют два благонамеренных немецких клопа.

Немецкий язык настолько дробится на разные непохожие друг на друга наречия, что стоит только говорить по-немецки бегло, делая какие угодно грамматические ошибки и коверкая слова, и вас будут принимать за немца. На пароходе один юноша мне сказал: «Вы, верно, берлинец! я очень плохо понимаю, что Вы говорите». *Макс.*

1 (14) июня. День 6-ой. Мюнхен.

В 5 часов утра мы выехали из гостеприимного Линца. Путь наш был на Мюнхен через Зальцбург. Нас услаждала надежда, что мы остановимся в Зальцбурге на несколько часов до следующего поезда. Я предлагал даже провести там ночь и только на следующее утро ехать в Мюнхен, но предложение это было встречено весьма холодно. В особенности восстал против этого Смирнов, который утверждал, что нет ни малейшего смысла останавливаться в городах.

«Главное наше удовольствие, — говорил он, с упреком глядя на меня и прочих коллег, — состоит в том, чтобы, приехав в город, напиться вина или пива, и с отуманенной головой, неверными шагами направиться к ближайшей высокой церкви и, подвергаясь ежеминутной опасности сломать себе шею, лезть на самый верх колокольни». Предоставляю читателю самому судить, прочитав до конца наши записки, много ли истины заключают в себе его желчные слова.

Таким образом перекоряясь, продвигались мы к Зальцбургу. Мы не предчувствовали беды. Но вот постепенно небо стало заволакиваться тучами, навис тяжелый туман, и заплакали стекла вагона. Дело было настолько очевидно, что даже наш естествоиспытатель, Леон<ид> Вас<ильевич> Кандауров, высунувшись из окна и почувствовав несколько капель дождя на гладко остриженном затылке своем, объявил с уверенностью, что идет дождь.*

Уныние овладело нами (исключая, конечно, Смирнова). Зальцбург был для нас потерян. Прождав в Зальцбурге несколько часов, не вылезая из вагона, мы в столь же унылом настроении двинулись далее. Только что мы отъехали от Зальцбурга, как прояснилось небо, луч солнца прорезал облака, и окна вагона стали улыбаться сквозь слезы. Дождь мало-помалу перестал. Наш естествоиспытатель высунул опять голову из вагона, посмотрел вопрошительно на небо, но, не дождавшись оттуда ни одной капельки, с полной уверенностью заявил, что дождь действительно перестал. Мы немного оживились. Встали с лавок, где апатично лежали, подсели к окнам и стали любоваться на дальние горы, окутанные синей дымкой с белыми снеговыми жилками на верхушках. Макс, основываясь якобы на Бедекере, утверждал, что красоты природы должны являться нам с правой стороны. Вопреки этому, жадные взоры наши, устремившись в правые окна вагона, натыкались прямо на зеленую однообразную насыпь или же, вырвавшись наружу, расплывались в однообразных равнинах, поросших кос-где лесом. Лишь изредка, вдали, виднелась гора с полосками снега на вершине. Наоборот, с левой стороны открывались картины одна прекрасней другой. Круглые зеленые долины, окруженные синими горами, на которых легким убором лежали облака, иногда обвивая их белым прозрачным поясом, сменялись небольшими, чистыми горными озерами.

В 6½ часов приехали мы в Мюнхен. О, если бы и теперь было тоже не более 6-ти часов. Тогда я с радостью рассказал бы обстоятельно, как бродили мы по улицам баварской столицы, сидели в пивной, слушаля нелепых тирольских музыкантов, спали в «Herberge**» евангеличес<ого> общества на Landwehrstraße, 13 (ночлежном доме). Но увы! Бьет <на> колокольне 12 часов. Усталая голова моя клонится бессильно на плечо, и я заканчиваю этим описание нашего 6-го дня. *В. И.*

* Не надо забывать, что Л<сонид> Вас<ильевич> получил на экзамене по метеорологии только 3. Очевидно, от него и нельзя требовать большей проницательности.

** Постоялый двор (нем.).

Еще задолго до остановки поезда около Zentral-Bahnhof'a* в окнах вагона нач<ал> и мелькать бесконечные пивные заводы, потом вывески, оканчивающиеся на «bräu»**, потом вагоны для перевозки пива с гербами именитых мюнхенских пивоваров, потом гигантская фигура Баварии с огромной кружкой пива в руке, и масса больших и маленьких немцев по обе стороны полотна дор<ог> и в разных позах пили из больших кружек и дразнили жажду. Немецкий добросовестный паровоз усиленно запыхтел и, совершенно запыхавшись, побесал к станции, где и его, верно, ожидала хорошая кружка пива. На улицах объявления о пиве снова преследовали нас повсеместно. Из одного из них мы почерпнули сведения, что в этой столице пива существует даже детское пиво и пивные погреба для детей. Наконец и мы удостоились отведать этого божественного напитка, который у древних назывался нектаром и был так дорог, что его могли пить только боги, а в Новых Афинах демократизировался и стал общим достоянием. *М. В.*

15 <(2)> июня 1900. 7-й день. Мюнхен.

Макс, который указал нам этот ночлежный дом, где мы ночевали, долго не сдавался и уверял, что это всё, что можно требовать от места остановки в городе для таких путешественников, как мы. Но когда его пыл немного утих, то и он согласился перейти в гостиницу. В ночлежном доме пускали в общие комнаты с кроватями и очень дурным запахом только в 9 ч<асов> вечера, а надо уходить в 7 ч<асов> утра. Одну ночь все-таки пришлось там переночевать. Утром мы купили несколько путеводителей и планов Мюнхена и отправились на выставку International Sezession. Здесь видели чудные вещи Segantini, который отдельными мазками красок, вблизи страшно пестрых, передает свет солнца, неба поразительно сильно. Пейзаж Лейстикова, по манере напоминающий Куинджи, но по спокойствию и глубине тонов совершенно исключительный. Мадонна Бёклина нам очень не понравилась.

В этот же день мы успели еще побывать в Глиптотеке и Schack Galerie. Последняя обладает многими картинами Бёклина; здесь 2 виллы у моря, морская идиллия, жалобы пастуха, смерть на коне

* Центрального вокзала (*нем.*).

** Пиво, пивоваренный завод (*нем.*).

скачет в осенний день, анахорет, Пан, пугающий пастуха, и еще несколько. Не все картины по краскам так же хороши, как и по замыслу. Из других художников интересен пейзажист Vamberger. Хороша картина Steinley «Loreley». Затем мы отправились в банк, где перевели почти все деньги на Милан, чем создали себе массу хлопот, так как денег у нас оказалось мало и нам пришлось продать чек с потерей 2 % (8 мар.= 4 руб.). Часов в 7 веч<ера> мы зашли в Frauen Kirche — Мюнхенский собор, там играл целый оркестр. Собор снаружи и внутри очень своеобразен. Архитектура его настолько незатейлива, что приближается к египетской. Мюнхен — город очень своеобразный; как Макс определил, он есть сочетание пива, картинных галерей, греческих колоннад и немецкой старины. Вернувшись домой, мы в первый раз легли все в отдельные постели с чистым бельем и благополучно проспали до семи часов утра.

День начался весьма важный для нас, так как мы вручили судьбу нашу А.В. и отправили его в Обер-Аммергау за билетами. Сами же пустились наспех окончить обзор Мюнхена и наши сборы в путь по горам. Но во всем этом мало преуспели, о чем поведает уже мой преемник Макс. *Л. В. К.*

3 (16) июня. 8-ой день. Мурнау.

В настоящую минуту мы сидим на крошечном вокзале в Мурнау и ждем поезда. Еще со вчерашнего дня, после того, как мы ошалели и решили схать в Обер-Аммергау немедленно, мы мечемся как угорелые кошки, и успели наделать подавляющее количество сверхъестественных глупостей. Началось это с гениальных банковских операций князя, внушенных Леонидом, в результате которых нам пришлось уплатить изрядный процент налога на глупости*. Сейчас разыгралась

* Гнусная неправда!!!! «Сверхъестественная глупость», последствием которой был убыток в 4 р., состояла в том, что рубли, размененные на марки и переведенные из Москвы в Мюнхен, мы из Мюнхена перевели в Милан, разменяв на лиры. Потом оказалось, что денег на путешествие в Обер-Аммергау и Швейцарию не хватит. Банк «Lorierische Filial ADK» был заперт в субботу, и мы принуждены были в маленькой, подозрительной меняльной лавочке продать чек и обменять лиры опять на марки. Тут нам вместо прежних 300 марок дали только 292. Кто виноват? Очевидно, кассир. Он знал, сколько у нас наличных капиталов, а между тем, он, не размыслив совершенно, говорит мне, что нет никакой надобности брать денег в Мюнхен, и только уж мне пришла в голову счастливая мысль взять хоть 85 марок, но и их, к сожалению, не хватило. *В. И.*

такая сцена: поезд, который должен был отвезти нас из Мурнау в Обер-Аммергау, ушел перед нашим носом, переполненный народом. Мы спокойно уселись писать открытки, и я, рассматривая карту, имел неосторожность заметить, что жаль, что мы не проехали с нашим мюнхенским поездом до Оберау, откуда мы свободно прошли бы пять километров пешком до Обер-Аммергау и были бы у цели значительно раньше. Через несколько минут показалась побледневшая от радости физиономия Леонида, и он взволнованным голосом закричал, чтобы брали билеты в Оберау, так как наш мюнхенский поезд еще стоит у платформы, потом метнулся в сторону, схватил князя за шиворот, подтащил его к кассе и прохрипел: «Билеты... в Оберау... берите!!!! Вещи собирайте...» — и, бросившись к вещам, начал что-то куда-то пихать. Я тоже кинулся к вещам, но, схватив сак, нашел, что всего уместнее будет немного потанцевать среди комнаты, что и исполнил, мечась от двери к двери, не зная, в которую кинуться и сбивая с ног кондукторов и прохожих. Наконец я, как бомба, вылетел в двери и выскочил на платформу, сопровождаемый князем и Леонидом. Кондуктор, широко расставивший руки, чтобы удержать меня, был отброшен на несколько сажень. Я, наконец, очутился на просторе, под отчаянным проливным дождем, один перед поездом, и окон-

Князь совершенно нелепо называет написанное Максом «гнусной клеветой». В словах Макса одна только объективная правда. Опровергая же выдуманную им самим клевету на себя, он взводит, но уже настоящую, клевету. Я имел неосторожность сказать, что нам хватило бы денег, но надо взять 88 марок, т<ак> к<ак> предстоит покупки, которые оказались очень велики: напр<имер>, А. В. купил в 7 р<ублей> сапоги. Макс, князь также истратили много. Обер-Аммергау будет также стоить сумм, которые не вхолят в наши ассигновки, и потому мною не предвидены. *Л. К.*

В сущности, никто не виноват в случившемся — ни князь, ни Леонид. Просто не было ни одного ответственного лица, каждый считал, что думать и действовать должен другой, и потому ограничивался только советами, считая всё это делом князя, который в свою очередь считал себя только исполнителем чужих приказаний. В результате ничего, кроме сверхъестественной, так сказать, стихийной глупости, и не могло выйти. <М. В.>

А все-таки Леонид виноват. *В. И.*

«На воре шапка горит»... *Л. К.* — воскликнул Леонид, хватаясь за свою голову. *В. И.*

чательно обезумел от поспешности и страха, что поезд уйдет. Помню только, что я бегал по пустой платформе из конца в конец вдоль поезда, иногда приседая и дико вскрикивая, а дождь, будто издеваясь, припускал всё сильнее. Из этого состояния я был выведен отчаянными криками князя и Леонида, пойманных кондукторами, отчаявшимися поймать меня. Придя в себя, я бросился к ним на помощь и тут узнал, что этот поезд идет обратно в Мюнхен, а в Оберау идет другой через 2 часа; словом, оказывалось, что нам снова предстоит платить налог на глупость, но, к счастью, мы были от этого великодушно освобождены кассиром, которому откровенно в глупости нашей сознались. *М. В.*

После этой полемики возвращаюсь снова к Мюнхену. Мы были в этот день в Неу-Пинакотеке. Из множества виденных картин наибольшее впечатление произвела картина Габриэля Макса «Галлюцинатка Катерина Эмерих». Это девушка, полусидящая в постели. Она сжала голову, перевязанную белым платком, обими руками и с бесконечно мучительным недоумением смотрит на распятие, лежащее на ее коленях. На ее бледных, почти прозрачных руках видны бледно-красные пятнышки стигматов. Полотно, которым обвязана ее голова, слегка окрашено кровью. Картина необыкновенно проста, но от нее нельзя оторваться, и чем дольше смотришь, тем большим проникаешься настроением. Когда мы схали вечером в вагоне, Леонид сказал мне: «Знаете, в детстве так бывает... Знаешь так барышень и относишься к ним просто как к людям, т. е. не как к людям, а просто как к барышням. И вот, когда она вдруг заболит и приходишь к ней в комнату: она лежит в постели, вся в белом... Знаете, так... в мягкой белой рубашке, под ней как-то чувствуется мягкая девичья грудь, и так кажется, что положишь ей голову на колени, и она так приласкает... понимаете? Вот именно это впечатление на меня произвела эта картина...». Из других картин произвел наибольшее впечатление по своей технике пейзаж Сегантини (plein-air), представляющий пашню высоко в горах. Горный, прозрачный, трепещущий воздух, снега, окружающие горную равнину, горная сочная трава, сочные борозды черной

пашни переданы поразительно. Просто чувствуешь, как из рамы вст легкий, прохладный горный ветерок. Знаменитая «Игра волн» Бёклина особенного впечатления не произвела. Волны, действительно, великолепны, но передняя наядя, и преимущественно ее задняя часть подверглась жестокой критике, равно как и «Война» Штука.

Нельзя не отметить подвигов князя в Мюнхене. В день нашего приезда он непременно пожелал найти для нас более дешевую и более удобную комнату, чем в нашем ночлежном доме, и поэтому зашел во время наших скитаний в Мюнхене в какую-то гостиницу необыкновенно подозрительной наружности, похожую скорей на притон, и, путаясь языком и забыв слово «Zimmer»*, спросил: «Sagen Sie... wieviel... für ein Nacht?»** Женщины, присутствовавшие при этом, покраснели и прыснули в другую комнату, а подошедший мужчина объяснил, что здесь «ein Nacht» стоит 2 марки. На другой день князю понадобилось купить «Unterhosen»*** Зайдя в лавку, где находились только одни хорошенькие приказчицы и масса дам, князь сперва смущенно шепотом начал бормотать: «Bitte... geben Sie mir... mir... bitte...»,**** тут он вдруг густо покраснел и громовым голосом выпалил: «Die Unterhosen!!!» Действие произошло поразительное: несколько дам бросились вон из магазина, хорошенькие приказчицы рассыпались в разные стороны, и перед князем моментально очутился солидный приказчик. На третий день князя отправили к Hausvater-у***** занять 20 марок под залог 20 гульденов, и он обратился прямо к первому попавшемуся старцу, сидевшему в ресторане, и, считая его за Vater-а, отдал ему 20 гульд<снов>. Впоследствии Vater оказался совершенно молодым человеком, с носом, выкрашенным заново желтовато-коричневой масляной краской, но несмотря на это очень любезным. Тем не менее, мы к нашему удивлению все-таки получили наши день<ги> от неизвестного старца обратно.

* Комната (нем.).

** Скажите... сколько... за ночь? (нем.)

*** Подштанники (нем.).

**** Пожалуйста... дайте мне... мне... пожалуйста... (нем.)

***** Глава семейства (нем.).

Просидев 3 часа в Мурнау, мы приехали к 11 час. веч<сра> в Обер-Аммергау, с поразительно ленивым quasi-электрическим паровозом, и нашли на станции ожидавшего Алексиса, который нам заявил, что ни билетов, ни комнат нет. Началось бесконечное странствование по темным и мокрым улицам Обер-Аммергау. Оказалось, что для того чтобы получить билеты в театр, необходимо представить свидетельство от домохозяина, у которого остановился. Сперва мы были в «домовой комиссии», где пытались импонировать нашими корреспондентскими билетами, что нам, положим, не удалось. Затем князь забрался в какой-то частный дом, где перетревожил девиц и имел между ними успех. Там молодой человек, говоривший по-французски, рекомендовал нам просидеть ночь в ресторане, что мы и решили сделать. Сперва нам это не удалось благодаря тому, что нас приняли за арабов, но когда мы скинули капюшоны и победоносно доказали нашу принадлежность к белому племени, — швейцарец-кельнер сжалился над нами, и мы были помещены за 5 марок на сеновале под лошадиными попонами. Ночь прошла великолепно, если не считать воплей Алексиса и его героического единоборства с котенком, кончившегося полным поражением последнего. *М. В.*

4 (17) июня. 9-ый день. Обер-Аммергау.

Встали утром в 5 часов. Макс и Леонид, поднявшись немно-го раньше, стремительно спустились с сеновала и снизу принялись всячески упрекать меня и Алексиса за медлительность, хотя мы на вставание и уборку вещей употребили никак не более 10 минут. Впрочем (да останется это между нами) юноши эти и раньше творили и говорили столь много нелепостей, что одной больше, одной меньше, конечно, безразлично. Окончив миром пререкания, мы поспешно устремились к театру, надеясь достать билеты в 2 марки. Долго ждали там среди различной разношерстной публики. Наконец, нам объявили, что билетов на сегодня достать уже нельзя, но что мистерии повторятся завтра, вследствие большого количества неудовлетворенной публики. Макс и Леонид решили тотчас ехать дальше в Абергау, и только настойчивость моя и Алексиса склонила их к попытке достать хотя бы два билета по 10 марок. Жребий

должен был решить, кому смотреть утреннее представление, кому послеобеденное. Пока мы решали этот вопрос, касса окончательно закрылась, и мы поневоле отправились в нашу гостиницу «Alte Post». Мы не ожидали того приятного сюрприза, который приготовил нам наш услужливый швейцарец.

Он предоставил нам ночевку за 2 марки с человека, а ночевка эта давала нам право взять немедленно билеты на завтра. Мы, конечно, с радостью согласились. Какая-то не менее услужливая личность принесла нам 4 билета по 2 марки, и мы, напившись кофе, от радости решили немедленно взлезть на ближайшую самую высокую гору, с обрывистой вершиной, на которой сквозь утренний туман чуть вырисовывались тонкие очертания креста. Подъем был труден, но прекрасен. Долго лезли мы по неровной скалистой тропинке, которая зигзагами и извилинами поднималась всё выше и выше. Когда очень уставали, присаживались отдохнуть минуты на 2, а потом мужественно лезли дальше. Сделав последний подъем по крутой обрывистой вершине, мы достигли, наконец, вершины и расположились у подножия креста. Открылась дивная панорама. С востока под нашими ногами лежал в большой равнине Обер-Аммергау. Довольно высокие горы замыкали со всех сторон долину, по ней струилась прихотливыми извилинами узкая, но чистая и довольно глубокая речка. Легкое облако окутало вершину противоположной горы. Нас тоже обхватил холодный туман. Мы закутались в плащи, вытащили съестные припасы, которые предусмотрительно захватили с собой, и принялись утолять голод, возбужденный утомительным подъемом. Но вот туман вокруг нас сгустился, стал накрапывать дождь. Мы свернули плащи и двинулись в обратный путь.

Спуск с горы оказался гораздо труднее. У нас не было палок, не на что было опереться. Приходилось, в особенно крутых и обрывистых местах, осторожно ставить ногу, обдумывая каждый шаг и крепко держась за скалистые выступы стен.

Наш естествоиспытатель открыл на вершине горы особую породу деревьев: «Никакое дерево». Затем он указал на какой-то цветок довольно больших размеров, который мог быть каким угодно цветком, но только не васильком, и с убеждением сказал, что это не какое-либо иное растение, а именно василек. Мы, конечно, поверили ему на слово, ибо ботаника его специальность. Не удовлетворившись, однако, своим научным авторитетом, наш естествоиспытатель пустился в область совсем иную. Вдохновившись

горным воздухом, он без особенно долгих размышлений произнес несколько кратких, но метких афоризмов. Один из них: «Верьте всему, что я говорю, и не верьте тому, чего я не говорю». Однако, подумав, он несколько изменил этот афоризм и высказал его уже в такой редакции: «Верьте мне, если я говорю правду, и не верьте мне, если я говорю неправду». Мы шумно приветствовали эти гениальные изречения.

Обогатив, таким образом, свои умы полезными знаниями и насладившись горным воздухом, мы пошли к нашему ресторану, выпили там по 2 кружки пива и с немного отуманенными головами пошли полежать за город в тени деревьев у подножия горы. *В. И.*

5 (18) июня. 10-ый день. Гармиш.

Сегодня знаменательный день кончился благополучно. Мы были на мистериях. В театре, состоящем из громадного сарая (паровозного депо), открытой авансцены, на которой мокли под дождем хористы и артисты, и театра собственно посередине авансцены, т. е.*

Мистерии состоят из трех частей: пролога, Vorbild** и действия. Пролог произносится и поется хором в греческих костюмах на авансцене, Vorbild открывается на сцене в виде живой картины из Ветхого Завета, служащей прообразом событий Н<ового> З<авета>. И действие происходит отчасти на сцене, отчасти и на авансцене. Масса народу специально подобранного, отрастившего себе волосы, усы и бороду, когда надо. Херувимы, которых мы встречали целые дни на лугах и улицах. Хор и музыка для любительского театра очень приличны. Игра, тоже для любителей, очень хорошая. Жаль, что уж очень много шаблонных приемов в жестах и декламации. Некоторые сцены по пластике и расположению фигур очень удачны. Петр-апостол очень типичен. Мария красива, но обладает очень неприятным голосом. Про Христа нечего сказать, он с достоинством носит свою христообразную наружность. Чего нельзя сказать про Иуду, который слишком недостойно ведет себя в прекрасном облике Иуды, чем доставляет много развлечения всей публике. Трогательные по кровопролитию сцены заставляют плакать одних, чувствовать некоторую нервную тошноту других и заставляют размышлять о том, как это сделано, — третьих. *Л. К.*

* <Далее нарисован план театра. — *Сост.*>

** Здесь: предварительного действия (*нем.*).

6 (19) июня. 11-й день. Тироль. Ehrwald.

18 июня в 6 часов вечера под проливным дождем мы выскочили из театрального сарая и устремились в Оберау. Хляби небесные разверзались, реки разливались, а мы шли и ругались. Изящный юноша Алексис жаждал молока, я горячо протестовал, Алексис протестовал еще больше, называл меня тираном и давал клятвы всегда есть больше, чем надо. В таких милых и интересных разговорах мы дошли до станции Оберау по лесистому ущелью. На станции князь потерял свой непромокаемый плащ и по очер~~с~~ди подбегал к каждому пассажиру, обладавшему подобным одеянием, и спрашивал, дергая его за край одежды: «Das ist nicht mein?»* В вагоне сжалась масса баварок — девушек и девочек, удивительно крепких и пышущих здоровьем, но некрасивых. Они, очевидно, возвращались с прогулки и по очереди тянули какую-то спиртную жидкость из плоских бутылочек. Когда мы приехали на вокзал, находящийся между Гармишем и Партенкирхе, было уже темно. В вагоне еще мы узнали, что проход «Die blaue Gumpen»,** через который мы должны были пересечь в Тироль, еще покрыт снегом и пройти там можно только с проводником, так что нам пришлось наметить другой обходный путь через Ehrwald. Когда мы вышли с вокзала, мы имели неосторожность спросить какую-то женщину: нет ли у ней комнаты для ночевки, нас сейчас же облепила масса народу. Три какие-то женщины визгливыми голосами говорили что-то абсолютно непонятное, свирепый мужчина большого роста топал ногами, кричал на них, потом подбегал к нам, хлопал нас по очереди со всего размаха по плечу и тоже говорил нечто непонятное, с частым повторением «Ein Gulden». В результате мы удрали в Гармиш и стали обходить разные гостиницы, ища более дешевой комнаты. Я попал в какую-то лавку, где пожилая немка, уже начавшая было благоволить к нам, узнав, что мы русские студенты, сказала: «О! так у вас должно быть очень много денег. Сколько вы на свои кнейпы тратите». Несмотря на мои убеждения, что

* Это не мое? (нем.).

** Голубой Гумпен (нем.).

кнейпов в России не существует, она не соглашалась взять с нас меньше чем по гуль<дену>. В конце концов все-таки за эту же цену мы нашли две прекрасных комнаты в частном доме столяра, где и переночевали. Поздно утром мы вышли из Гармиша по направлению к Эйбзее. По дороге мы имели несчастье (по мнению остальных, а по-моему, счастье) последовать указанию доски, гласившей: «Nach Eibsee über Thierwald».* Дорога шла всё время лесом и представляла каменистую тропинку, но оказалась более дальней и отняла у нас лишку около часу. Наконец внизу в просветах деревьев мелькнула темно-зеленая гладь озера, заключенного между горами, одетыми лесом. Спустившись к озеру около гостиницы, перед которой толпа туристов любовалась на снежный Цугшпитце, ссревший, как грозовая туча, своими голыми каменными склонами над озером, мы стали подыматься по очень крутому каменистому руслу потока на холм «Thörlu», где проходит граница между Баварией и Тироле. Там была прорублена просека и стоял столб. Мы широко расставили ноги, так, чтобы одна нога находилась в Тироле, а другая в Баварии, и глубоко наслаждались этим интернациональным положением в течение нескольких минут к великому гневу корректного Алексиса. Пред этим у нас шли снова бесконечные разговоры о способе путешествия, и я из этих разговоров пришел к окончательному выводу, что большинство людей предполагают, что путешествовать пешком можно сидя или лежа. Через час мы были в хорошеньком местечке «Ehrwald», обладающем прекрасной каштановой аллеей и красивой готической часовней под тенью прекрасного старого дерева, округлая листва которого необыкновенно красиво выделялась на синевато-серых стенах гор, окружающих Gaisthal. К особенностям изящного юноши Алексиса нужно отнести его любовь украшаться полевыми цветами, мытье ног в тех тазах, из которых другие моют лица и разделение одного полотенца на две части — одну для лица, а другую для ног, и всё это при необыкновенном стремлении к аккуратности и опрятности.

М. В.

* На Эйбзее через Тирвальд (нем.).

7 (20) июня. 12-ый день. *Habichen. Oetz-Thal.*

Утром в гостинице Ehrwald'a произошел жаркий спор. Макс, со свойственной ему противоположной страстью к лазанью по неудоб<бо>проходимым горным стремнинам, настаивал, чтобы идти по направлению к Ötztal'у по горной тропинке, а другие путешественники думали, что благоразумнее идти обходом по шоссе. Компания чуть было не разделилась. Наконец, порешили идти по горной тропинке, как по более близкой, в том случае, если в Ehrwald'e можно будет достать горные палки. Палки действительно нашлись и, по странной иронии судьбы, самому маленькому из нас, изящному Алексису, досталась самая большая палка, а мне, обладающему самым наибольшим ростом, — самая маленькая.

Здесь с удовольствием замечу, что у нас начало проявляться приспособление к местным условиям существования. Выразилось это в том, что мы достали у крестьянки массу молока за очень маленькую цену в глиняных плошках. Молоко это мы так и пили кто через край плошки, а кто оловянными ложками.

На дороге из Ehrwald'a в Biberwier произошло весьма чреватое последствиями событие. Была очередь писать дневник Алексиса. Алексис не только отказывался писать, в частности, дневник, но стал в неприличных и полных неуважения выражениях отзываться о нашей конституции вообще. Сначала хотели поступить с ним по закону, но т<ак> к<ак> он и самого закона не признавал, то, очевидно, единственным средством являлось поставить его вне закона. Так и сделали. Единственно порешили лишить Алексиса гражданской и уголовной правоспособности.

До Biberwier'a мы шли по равнине. Оттуда стали подниматься на Magienberg. Подъем был крут и труден. Мы по достоинству оценили горные палки. Наоборот, спуск был отлогий, по прекрасной лесной тропинке, которая прихотливо извивалась по краю обрывистой долины. Спустились мы к Obsteig'у. Там в маленькой гостинице ели сыр, картофельный салат, пили пиво. К величайшему своему прискорбию заметили, что пиво очень плохое. Его не только нельзя сравнивать с мюнхенским, но даже хорошему русскому оно несомненно уступит. Мы дали торжественное обещание пива больше не спрашивать. Мы узнали, что до ближайшей станции железной дороги (Metz), по которой мы могли бы проехать прямо к станц<ии> Oetz-Thal, лежащей при входе в долину Ötz, всего час ходьбы. В 3 часа мы вышли, чтобы без всякого риска попасть к 5 часам (время отхода поезда). Наша предусмотрительность оказалась весьма не лишней. Один раз мне и Леониду В<асильевичу> удалось

сделать весьма удачное сокращение пути. Это нас так воодушевило, что мы не замедлили повторить смелую попытку. Последствия нашей храбрости были плачевные. Мы попали на какие-то козы тропки. Мы лезли, цепляясь за колючие ветки пихт и елей, по крутому склону, пересеченному глубокими лощинами. Пошел дождь. Резиновые плащи, накинутые на плечи, еще более мешали нашему движению. Кое-как добрались мы до Metz'a за ¼ часа до отхода поезда.

В 20 минут доехали мы до Oetz-Thal'я, прошли еще ¼ часа и решили ночевать в Nabichen'e. Опять сказалась наша приспособленность к местным условиям. Мы зашли к содержателю лавки и стали убеждать его жену пустить нас ночевать на сеновал. Та сначала указала на имеющуюся у них в селе <1 сл. прзб>. Наконец, поверив нашим уверениям, что там для нас дорого, она предоставила в наше распоряжение комнатку с одной кроватью, где настлала на пол соломы и положила несколько платков и каких-то попон. Накормила она нас превосходной яичницей, напоила молоком, и мы мирно уснули, прикрывшись попонами. Утром она нас опять кормила не менее прекрасной яичницей, поила кофеем — и за всё это взяла 2 гульдена. Это ли не уменье дешево существовать?! В. И.

Уж очень князь умилен хозяйкой, он сделал ей даже подарок, приняв который, она объяснила, что она женщина, но за сыновей благодарна. Л. К.

8 (21) июня. 13-й день. Oetz-Thal.

Всю ночь шел дождь. Утро пасмурное. Мы в 7 ч<асов> храбро пустились в путь. Решено было пройти больше 40 верст. Долина была очень широка и покрыта камнями. На половине склонов гор лежали облака. По всей дороге, идущей рядом с бурливой Аше, шло устройство нового шоссе, и нам приходилось идти по острым камням. Всюду, где дорога прижималась к скалам или шла рядом со свирепым потоком, попадались столбы, на которых были прибиты трогательные изображения чьей-нибудь гибели на утешение всем путешествующим. Когда мы дошли до Längenfeld'a, — там мы позавтракали. Отсюда дорога пошла интереснее. Долина суживалась, по склонам лепились домики, внизу ревел Аше. Впереди долина упиралась в снеговую вершину, над которой сквозь облака было видно небо. Со всех сторон шумели водопады. В одном месте мои спутники живописно расположились на скалах и под шум потока сладко заснули. Через полчаса мы двинулись дальше. Дорога окончательно завела нас в Альпийский мир. Высоко над нами, на зеленых лужай-

ках, попадались домики. По горам лазали коровы и звенели своими колокольчиками. В Sölden нам встретился проводник по горам, который всячески уверял нас, что пройти через Hoch-Joch без него или подобного ему нельзя. Мы, отчасти убежденные его доводами, решили проводника не брать, но написать в сем дневнике завещание, прежде чем подниматься. В Sölden, деревушке, очень красиво расположенной у широкого ручья, падающего в Аше, наконец кончилась проезжая дорога, и пошла тропинка. Все деревни, нам встречавшиеся, обладали удивительно красивыми церквами с высокими красными остроконечными башнями, красиво выделяющимися на темно-зеленом фоне леса. Тропинка быстро ушла от потока вверх, и скоро мы шли над ним очень высоко. Внизу Аше было очень тесно, и он шумел еще сильнее. Эта часть дороги похожа, по словам Макса, на Via Mala. Мне больше всего понравилось, что, несмотря на красоту места, нет ни одной англичанки. Здесь мы видели ледниковую воронку в скале. Всем эта часть пути страшно понравилась. Однако мы так устали, пройдя верст 38, что, дойдя до конца Oetz-Thal и начала Fender-Thal, мы остановились в Zwieselstein'e. Л. К.

9 (22) июня. 14-й день. Уледника Hoch-Joch.

В половине седьмого мы проснулись в маленькой комнатке скверной гостиницы в Цвизельштейне, которая вся содрогалась от моих шагов, и выглянули в маленькое четверугольное окно, какие всегда бывают в горных домиках. Было ясное безоблачное утро, но солнце еще не заглядывало к нам в долину. Снизу было показалась «тучка золотая», имевшая довольно непрезентабельный и растрепанный вид после ночи, проведенной на груди «утсса великана», но, повертев слегка своим длинным носом, она предпочла растаять, «утопая в сияньи радостного дня». В этот момент в нашу комнату ворвался князь, который ночевал вместе с Алексисом в другой комнате, и, увидев нас негодными, проявил необузданное ликование и, торжествуя, заявил, что теперь не они нас, а мы их будем заставлять ждать. Несмотря на это хвастливое заявление, мы все-таки раньше были готовы внизу со своим багажом, чем они. Далекое не прекрасная обитательница гор с необыкновенно тупым выражением лица и большими красными руками, говорившая только одно слово «jõ», записала нам счет, и мы тронулись в путь. Дорога по ущелью

была очень красивая, день очень жаркий и, несмотря на великолепную погоду, нами всеми овладела страшная апатия и лень – верно, как следствие переутомления, которых не уничтожил даже великолепный головной душ под водопадом. Дорога со вчерашнего дня сильно изменилась: большие леса сменились мелкорослыми альпийскими соснами и ярко-красными зарослями альпийских роз. Вообще то, что мы перешли границу 1500 метров, сказывалось во многом: шпиль церквей, бывшие раньше готически остроконечными, теперь сделались православно круглыми, «чтобы на них не могли образоваться ледники», как объяснил Леонид; действие вина на высоте оказалось очень сильное, так Леонид накануне, выйдя из хижины, в которой он выпил $\frac{1}{4}$ половины литра слабого вина с водой, слушая шум потока, говорил: «Какой сильный ветер!» – и, указывая пальцем на вершины гор, прибавил: «Даже вон вершины гнутся». Цены в гостиницах, которые до 1500 метр<ов> постепенно уменьшались, сразу начали подниматься выше этого пояса большими скачками, что нам не дало возможности чего-нибудь купить в Фенде, откуда Алексис наконец отправил свою таинственную корреспонденцию. Пришлось идти до Рофсна, где мы предполагали переночевать, но наше желание разбилося вдребезги об поразительное негостеприимство жителей Рофсна. Сначала две женщины послали нас в соседний дом, а там только после долгого штурма согласились заплатить контрибуцию в виде яичницы из 20 яиц, но на оккупацию не согласились и послали нас еще дальше в горную хижину около самого начала ледников Хох-Йоха. Здесь местность окончательно переменилась. Деревья исчезли совершенно и сменились мхами и лишаями, а скоро исчезли и они, а остались только одни каменные осыпи, спускающиеся вниз снега, проливной дождь и бурные потоки, размывавшие тропинку, через которые нам приходилось переправляться вброд. Наибольшее мужество выказал Леонид, провалившийся прежде всего по пояс в снег, под которым ревел ручей, а затем прыгавший, как дикий козел, через все потоки. Князь тщательно выбирал самые глубокие места и с наслаждением окунал туда свои длинные ноги. Алексис со свойственным его характеру благоразумием

лез на самые отвесные скалы и оттуда аккуратно окунался в середину бурного потока. Совершенно мокрые добрались мы до домика у подошвы глетчера, в котором мы нашли приют у двух очень милых и любезных тиролск, которых князь на первых порах совершенно ошеломил, ответив на их любезные приветствия вопросом: «Und wieviel kostet zu nächtigen?»* Свою неловкость он оправдывал тем, что, привыкши торговаться, он совершенно потерял стыдливость. Мы все моментально разделись и сдали сушить свое платье, а сами, устроивши себе юбки из накидок, сошли вниз, где топилась печка. Из окон были видны сползавшие вниз ледники, а около дома лежали груды снега. Кругом не было ни признака растительности, и местность была поразительно дикая и суровая. Обе тирольки, как оказалось, живут тут совершенно одни, без мужчин, всё лето вплоть до сентября, и только позже к ним присоединяется еще 6 девиц. Все припасы к ним привозят снизу из Фенда. Как раз при нас они ожидали мулов, везущих дрова и хлеб. Когда я сказал, что мы обогнали их вскоре за Рофеном, они страшно обрадовались и захлопали в ладоши. Но мулы все-таки не пришли: очевидно, остановленные разлившимися потоками, в которых купались мы, они вернулись назад. Когда мы сказали, что идем через Hoch-Joch без проводника, они поразились нашему мужеству, и мы узнали, что до нас только одна партия прошла в этом году через льды. Несмотря на то, что решено было предварительно написать всем завещание, но, выпив горячего вина около теплой печки, на которой дымились части нашей одежды, мы совершенно позабыли об этом, и только Алексис, не переставая беспокоиться, спрашивал у хозяйки, не может ли она ему дать «ein sehg, sehg dicker Pfaden»,** подразумевая под этим веревку, которой мы должны были бы связаться. *Макс.*

10 (23) июня. 15-ый день. Дол<ина> Мерана, Штабен.

Сквозь сон помню, что каждый раз, как открывал слипавшиеся от усталости глаза, я всякий раз видел фигуру Леонида, в каком-то белом узком одеянии, который без всякой причины всё утро с 4-х

* Сколько стоит переночевать? (нем.)

** Очень, очень толстую нитку (нем., искаж.; правильно – Faden).

часов бродил из одной комнаты в другую, таская какие-то мокрые и сухие вещи, уговаривал нас смотреть на восход солнца, которого за туманом, вероятно, вовсе не было видно, и вообще твердо решил, по-видимому, не давать нам спать. Но я мужественно противустоял всем его ухищрениям и проспал, как убитый, до 7<-ми> часов. К этому времени как раз подошли 2 партии путешественников с проводниками, которые тоже должны были переходить Hoch-Joch. Это значительно облегчало нам задачу, тем более, что дождь, в таком изобилии излившийся в предыдущий день, должен был смыть прежние следы, и <мы> едва ли бы нашли без продолжительного плутания дорогу через ледник. Наша милая хозяйка напоила нас кофеем, пожелала нам счастливого пути, и мы отправились вслед за прочими путешественниками. Мы скоро обогнали одну партию, состоящую из двух осторожных немцев под предводительством не менее пожилого проводника в синих очках, и направились по следам другой, более многочисленной и энергичной партии. Вперед шел Леонид. Мы сначала выражали ему полное доверие и без опасения шли за ним, но как только мы подошли к обледенелому снегу, где следы передней партии стали менее ясными, как Леонид немедленно сбился с дороги и потерял след, утверждая почему-то, что дорогу указывают камни, тянувшиеся слева длинной грядой. С большим трудом мы нашли опять утерянный след и единогласно решили, что вперед Леонида пускать нельзя и что предводительствовать должен Макс. Однако Леонид выказал полнейшее непослушание нашему решению. С необыкновенной быстротой устремился он на обретенный нами след, перегнал нас и, невзирая на наши крики и просьбы, пустился вперед, пускаясь бегом и делая громадные козлиные прыжки всякий раз, как мы приближались к нему. Только убедившись, наконец, что снег далее пошел мягкий, следы глубокие и ясные, мы перестали беспокоиться за исход нашего путешествия, но и Леонид тоже потерял прежнее необузданное желание идти первым.

Итак, мы благополучно дошли до края ледника. Путь этот был одним из самых прекрасных. Ослепительный блеск снега, острый холодный воздух, яркое солнышко, сиявшее над головой, составляли необыкновенные контрасты. Когда мы подошли к хижине для турист<ов>, наступила настоящая весна. На земле стояли лужи от тающего снега, воздух был пропитан весенним ароматом. Мы сели на скамеечку у спуска и выпили в честь ледника по стакану красного вина. Не был вполне удовлетворен один Макс. Он впоследствии признался, что сожалеет, что никто не погиб при переходе. Это, очевидно, увеличило бы эффект нашего положения. Нам предстоя-

ло спуститься в долину р<еки> Эч. Из весеннего пейзажа мы переносились в южное лето. Появились сначала сосны, ели, пихты, потом березы, далее каштаны, часа через четыре появился виноград. Штабен, по которому мы спускались, становился всё уже. С обеих сторон поднимались дикие темные утесы. Дорога, отвоеванная у тесно сплотившихся скал, вилась по одной стороне пропасти и иногда уходила под тень низко склонившихся густых деревьев. Мы спускались всё ниже и ниже. Повяло теплом и влагой. Мы вступили в долину Эча. Нам потянулись навстречу гряды винограда, ветви абрикосов, грецких орехов. Настала теплая, летняя, южная ночь. Мы остановились в гостинице д<еревни> Штабен, отворили окна, из которых веяло теплом, и уснули под свежим впечатлением пережитых нами прекрасных контрастов. *В. И.*

11 (24) июня. 16 день. Долина Эча. Prad.

После ночи, прекрасно проведенной в дешевой гостинице в Staben, недалеко от Мерана, мы быстро пустились вверх по течению Эча к западу по очень широкой долине. Кругом были довольно отлогие склоны гор. Слева горы венчались красивыми темно-коричневыми конусами с рисунком снегов и сплошными белыми шапками. С голубым фоном неба это очень красиво сочеталось. Весь северный склон был покрыт виноградниками, от которых шел весенний аромат цветов. Дорога всё время представляла шоссе ослепительной белизны, обсаженное ивами, тополями, грецкими орехами. Нам попался один, очень красивый, полуразрушенный замок. Сквозь один обвалившийся угол его, обвитый плющом, было видно голубое небо. В первом же городке князь и Макс накупили себе post-carte с его изображением.

Шоссе по временам проходило рядом с Эчем, который быстро катил свои мутные воды. Не доходя до Schländers, мы сели на лугу, и мои коллеги исправно выпались. Часа в три дня мы пришли в этот город, и князь так нелепо заказывал кушанья и так много спрашивал, что сколько стоит, что немка рассердилась и сказала, чтоб мы садились, а она дорого не возьмет. Было заказано 2 порц<ии> картофельного салата для Макса и 3 порц<ии> яичницы с мукой (вроде драчены) для нас. Немка, видно, не хотела никого обидеть и дала всего по 4 порции. Мы же постарались разделить так, что Макс съел весь картофель, а мы всю яичницу. Взяли с нас дешево, но не по нашему карману. И вдобавок после такого угощения мы еле могли идти. С этих пор Макс несколько охладел к картофель<ному> салату, который он считал самым выгодным кушаньем и ел его од-

ного на удивление всем немкам. Цель наша оказалась очень далека. Городок Prad принял нас только в 9 ч<асов> в свои шумные стены. Устроились мы очень дорого в гостинице. Всюду пели песни и слышалась гармония. Был Иванов день. Мы старательно морили себя голодом, т<ак> к<ак> у нас уже истощались австрийские деньги, а граница Италии еще была далеко. Менять же можно было с большим убытком. Утром в 8 ч<асов> мы вышли по дороге к перевалу через Stilsfer-Joch. Л. К.

12 (25) июня. День 17-ый. Долина Адды. Бормио.

Был совершен самый большой и самый утомительный из наших переходов — переход через Стельвио длиной в 40 кило<метров> и с подъемом на высоту 3-х верст. Из Прада мы вышли довольно поздно, утомленные переходами предыдущих дней, и стали медленно подниматься по очень отлогому шоссе, шедшему по краю неширокой долины. Вскоре мы подошли к маленькому австрийскому укреплению, сквозь которое проходила дорога. Перед ним и за ним со стороны дороги торчало много металлических стержней, имевших вид громоотводов, но когда мы остановились перед ними, чтобы узнать об их назначении, грозный окрик австрийских часовых заставил нас поспешно удалиться. Теперь долина становилась шире, и вдали показались грандиозные ледники. Миновав местечко Трафой с несколькими громадными отелями, поместившимися против ледников, спускавшихся с противоположной стороны долины, мы стали подниматься всё выше по бесконечным извилинам шоссе, вившегося по скалам среди огромного соснового леса, открывая с каждым поворотом всё новые перспективы и панорамы мощных ледников и далеких белоснежных вершин Ортлера, слегка закутанных сверху облаками. Над нами на седле горы виделся домик, мимо которого шло шоссе. Это была Францескёз, но еще далеко не перевал, а только первая ступень его. Этот проход открыл нам новую долину, уже совершенно голую, лишенную всякой растительности и только испещренную всюду большими белыми пятнами снега. Огромные ледники с синими трещинами, спускавшиеся к Трафою, остались уже далеко внизу, и теперь поверхность гор представляла одно

сплошное гладкое поле снега. Дорога с трудом лезла вверх еще большими зигзагами, резко выделявшимися на голых осыпях крутого скло<на>, на седле которого далско на верху снова виднелся некрасивый горный дом, стоявший на высочайшей точке перехода. Не желая следовать за дорогой в ее бесконечных извилинах, мы начали сокращать путь по боковым, страшно крутым тропинкам. Лсонид, который во время предыдущих переходов всегда шел впереди и делал от радости козлиные прыжки, на этот раз совсем ослаб до полного изнеможения и принужден был съесть половину своей карманной аптеки. Тогда, снова воспрянув духом, он опять стал прыгать и лезть вверх. Последний подъем был самый опасный – тропинка шла над обрывами, внизу которых лежал снег и шумела вода. От разреженного воздуха слегка кружилась голова. Наконец мы очутились наверху, на границе трех государств – Австрии, Италии и Швейцарии и там в кабачке «Casa delle tre lingue»* выпили пол-литра вина и в 4½ часа пополудни вступили на итальянскую территорию. Исполнить наше намерение стать на четверинки таким образом, чтобы различные части нашего тела находились в различных государствах, нам не удалось, потому что было грязно, мокро и холодно. По итальянской территории ходили тучи, из долин тянул холодный ветер и хлестал дождик. Всюду по дороге лежали сугробы снега. Ниже они начали таять, и раскрылись пустые широкие долины, покрытые зеленой травой и подернутые синевато-серым туманом. Мы прошли мимо нескольких унылых больших зданий, одиноко стоявших среди пустыни, в которых помещалась итальянская стража, но нам так же, как и через баварскую границу, пришлось пройти, не будучи освидетельствованными таможеней. Вскоре нас нагнал экипаж с путешествовавшими немцами, которых мы почсмуто упорно называли англичанами и обогнали еще раньше на сокращениях при подъеме. Тут у князя разгорелось чувство соревнования, и он, как добрый охотничий пес, пустился им вперегонку по обрывам скал, и мы действительно имели еще три раза удовольствие видеть проезжавший мимо нас экипаж.

* Дом трех языков (ит.).

Так мы пробежали около 10 кил<ометров>. Местность теперь представляла узкое ущелье с мощными пластами камня, разнообразившими дикие отвесные стены своими волнистыми линиями. Дорога проходила под навесами искусственных галерей, устроенных для защиты от лавин. Там было темно и грязно. Сверху капала вода, и в одной из темных ниш мы увидели целый большой водопад, который вместе с тусклыми лучами свету вырывался сверху и исчезал в темном отверстии под дорогой. Под вечер, страшно измученные, с дрожащими коленями и подгибающимися ногами, мы добрались до первого итальянского городка Бормио на берегу Адды и после странствий по типичным узким и грязным итальянским улицам нашли приют в немецкой гостинице. *М. В.*

13 (26) июня. 18-ый день. Бормио.

День этот был посвящен отдохновению, упражнению в итальянском диалекте и изучению наружности и нравов первого итальянского города. Всё это проделывали мы с большим успехом. Спали и ели прекрасно. Объяснялись по-итальянски весьма красноречиво, помогая себе жестами и ежеминутно справляясь со словариком. Наконец, вынесли немало ценных наблюдений.

Особенно резко бросаются в глаза особенности итальянской жизни по контрасту с немецкой. Бормио — маленький, грязный городок на берегу не менее грязной Адды. Улицы узенькие, с отвратительной мостовой, движенья почти никакого. Поля возделаны плохо, всюду грязь, небрежность и бедность. Улицы даже по прямому направлению постоянно меняют свои названия. Один дом стоит на улице *Cornelia*, другой рядом на *via Savonarola*, третий тут же на *vicolo Tiberia*. На городском мосту следующая надпись: «Запрещается брать на топливо материал из этого моста, в особенности перила. Иначе мальчишки, бегающие по мосту, могут упасть в воду. С нарушителями сего будет поступлено по духу закона». Дома сделаны из какого-то каменного щебня. Лучшее здание в городе — *Hotel della Tour*, в котором мы остановились, на *piazza Savour*. Вечером мы слушали музыку, сидя на краю грязного водохранилища. Макс так увлекся звуками, извлекаемыми неопытной рукой из разбитого фортепиано, что от умиления опустил фалды своей накидки в воду и заметил это только тогда, когда вода, пользуясь законом капиллярности, достигла его шеи. Ужинали мы сыром и яблочным

сидром, почему-то называемым виноградным сладким вином, в маленьком кабачке «Osteria nuovo Stelvio». *В. И.*

Этот ужин стоит того, чтобы на нем остановиться подробнее. Когда мы вошли в Osteria, то произошел страшный переполох. Нас привели в комнату, зажгли огонь. 2 девушки возлились с мандолинами, одна девочка — с гитарой. Мы долго торговали сыр, наконец сошлись в цене и сели. Девушки стали, не обращая на нас внимания, разучивать что-то и наполняли маленькую комнату ужасными звуками. Кстати, они были больше похожи на евреек, чем на итальянок. Когда пришло время расплачиваться, князь дал хозяину на 10 сант<имов> меньше, думая, что дает на 70 больше. Когда тот покачал головой, князь тоже покачал, и тот ушел. Мы долго ждали воображаемой сдачи. Я отправился ее требовать. Скоро явился хозяин и разъяснил князю его ошибку. Тогда князь стал совать всем итальян<ские> деньги, и мы поспешно удалились. *Л. К.*

14 (27) 1900. 19-ый день. * Июнь. *Valviola* близ *S. Carlo*.

Этот день для нас полон всяких событий. Макс, проснувшись, объявил, что нога его (Ахиллесово сухожилие) очень разболелась. Мы принялись обсуждать, что делать. Решено было, что Макс отправится прямо в Sondrio на омнибусе и затем в Колико на озеро Комо, где и будет нас ждать. У меня также болело колено и Ахиллесово сухожилие, но еще немного. Однако когда я провожал Макса, у меня было сильное стремление ехать с ним. Я удержался, и Макс поехал один.

Когда мы втроем дошли почти до *S. Carlo*, где должны были ночевать, какой-то юноша нас убедил, что там гостиницы нет, и мы вернулись в соседнюю деревушку. Оказалось, что владелица гостин<ицы> есть мать этого юноши. Хотя мы предусмотрительно посидели на траве, дали ему уйти и затем только пошли... Однако нас уже ждали. Запросили дорого и всё предлагали сына в проводники. Кое-как сторговавшись, мы заказали макароны и сели ждать. Когда мы спросили счет, то оказалось, что там есть много изобретенного — на вящее опустошение нашего кармана. Мы решительно отвергли всё, не относящееся к уговору, и не встретили ни малейшего сопротивлен<ия>. Это очень характерно для итальян<цев>. *Л. К.*

* Дни, обведенные каймой, — в отсутствие Макса. <Примеч. Л. Кандаурова>.

15 (28) <июня>. 20-й день. Ober Engadin. Pontresina.

День громадного перехода. Мы шли с 6 часов утра до 9 вечера с небольшим отдыхом и сделали не менее 45 километров от S. Carlo до Pontresina. Едва заметная, постоянно исчезающая тропинка вела по Valviola. Много раз мы сбивались, шли без всякой дороги, прямо по беспорядочно набросанным камням, по дну унылой долины. В одном месте пришлось круто спускаться вниз. Я хотел сократить дорогу и попал на страшную крутизну. Камни без всякой растительности обрывались отвесной стеной. Приходилось спускаться ползком. Первый раз на Альпах в мою душу прокрался малодушный страх. Я бросил вниз палку и накидку и с громадными усилиями сполз вниз, ежеминутно рискуя упасть на целый поток острых камней. Накидку и палку потом насилу нашел с помощью Алексиса, который наблюдал за мною из бинокля. Наше положение ухудшалось то обстоятельство, что совершенно невозможно было обращаться с вопросами к встречающимся итальянцам. При первом намеке на вопрос, они немедленно, не дожидаясь нашего согласия, шли вперед в качестве проводников. От одного мальчишки мы должны были откупиться и тем только вернули утраченную свободу. По Val di Campo достигли шоссе, закусили в маленькой харчевне и отправились к Бернинскому перевалу. Судьба нас преследовала неутомимо. Это уже третий перевал через высокие горы и каждый раз, как мы поднимаемся кверху, небо начинает хмуриться и поливает нас холодным дождем. Мокрые, иззябшие поднялись на перевал. Чтобы согреться, зашли в ресторан zum Berinnerung и выпили красного вина. Мы были так истощены предшествующим трудным переходом, что вино окончательно затуманило наши слабые головы. Леонид всё утверждал, что ноги его вышли из повиновения и желают нести его вниз с неудержимой быстротой. Я советовал ему бороться с этим своеволием членов тела, ухватившись за телеграфный столб, но сам не мог с точностью указать, за какой именно, так как вместо одного столба мне представлялись целых три, и какой из них истинный, я определить никак не мог. Свежий горный ветер скоро унес с собою наши иллюзии, и мы стали быстро спускаться по шоссе к Pontresina.* (Дождик перестал, но туман еще более усилился. Мы шли среди облака. В пяти шагах ничего не было видно. Нас окружали со всех сторон молочные волны тумана. Сквозь белый пар до нас изредка доносились звонки коров и шум горных потоков).

* Всё до скобки случилось еще на вершине, пока мы не были в отеле. Очевидно, утверждение, что «иллюзии наши унес ветер», не относится к князю. Ведь мы и вино пили потому, что промокли, а не наоборот. Л. К.

В Pontresina пришли мы в 9 часов страшно утомленные. Стали искать пристанища. Цены везде оказались очень высокими. За ночь с нас взяли 6 франков. За три порции кофе 4 фр<анка>. Мы утешали себя тем, что можно создать фикцию, будто мы живем здесь не один, а два дня, т<ак> к<ак> переход двухдневный сделали в один день. Комната наша в отеле «Steinbock» оказалась очень плохой, холодной и сырой. Я чувствовал себя нездоровым, ночью плохо спал и страдал тоской по родине. *В. И.*

16 (29) июня. 21-ый день. 1900 г. Pontresina.

Мне предстоит описать день, проведенный нами в Pontresin'e, т. е. день, в который мы не двигались вперед. Благодаря последнему обстоятельству мы страшно скучали и не знали, что делать. Ведь у нас есть деньги на передвижение и на поддержание жизни. Если мы не идем вперед или не бегам по галереям картин, мы живем в убыток себе. Погода всё время пасмурная. Городок состоит из Hotel'ей, и на улице больше их агентов, чем туристов. Мы чувствуем себя неловко под взорами всех этих личностей, привыкших лишь к денежным туристам. Ходили по окрестностям. Князь и Alexis всё восхищались. Однако я своим скептицизмом несколько расхолодил князя. Все леса и склоны гор, овраги, обрывы прорезаны дорожками. Везде столбы с надписями, указывающими путь к ресторану. Перила, скамейки и туристы, старательно пробующие крепость перил. В городе масса лавок с разными изделиями ювелирными, деревянными, post-kart'ами, но хорошего мало. Особенно плохи post-kartes, им далеко до немецких. Завтра нам предстоит пройти массу курортов. Мимо озер, из которых течет Инн. Через S. Moritz и Maloja мы направимся к Chiavenna уже в Италии. За спиной звенят колокольчики и стучат копыта лошадей. Мы в первом Hotel'е помещены рядом с конюшней. О, унижение! *Л. К.*

17 (30) июнь. 22 день. Val Bregaglia. Vicosoprano.

В 10 ч<асов> утра мы покинули Pontresina и отправились лесом в Сен-Мориц. День был роскошный. Мы прошли мимо С. Морица с его отелями и электрическим трамваем. Мимо озер Silvaplana и Silser, чудного зеленого цвета, мы шли по ослепительно-белому шоссе. Всё время проносились мимо omnibusы и экипажи, оставляя нас в облаках пыли. В 3 ч<аса> мы были в Mallaggia. В Osteria отдохнули и закусили и отправились в 5 ч<асов> дальше. Мы ожидали перевал через горы, судя по извивам, которые делало

шоссе на карте, но нас приятно поразило, что мы, находясь уже на 1811 м, должны спуститься в Val Bregaglia с крутого обрыва. Долина Val Bregaglia оказалась очень красивой, покрытой роскошной растительностью. Правая сторона была в глубоко синей тени, и всё дно долины. Тогда как лучи солнца, светлые и «черные», как их назвал Смирнов, подразумевая полосы неба, более темные между лучами солнца, светящего сквозь скалы вершин гор, освещали левую стену гор, вершины которых были убраны облаками. К 7 ч<асам> мы дошли до Vicosoprano и нашли приют в очень милой гостинице. Л. К.

18 июня (1 июля). 23 день. Озеро Комо. Colico.

Утром в 8 часов вышли мы снова по долине Bregaglia. Мимо проезжает пустая карета. Кучер, упитанный итальянец, старательно соблазняет нас перспективой поездки в карете до Киавенны за 6 ф<ранков>, потом за 5, но мы твердо держимся предложенной нами цифры 4 — и таким образом благополучно одолеваем соблазн. Дорога понемногу понижается. Растительность становится всё пышнее. Воздух всё теплее и мягче. В 12 часов достигаем Киавенны, но там с прискорбием узнаем, что поезд идет только через 3 часа. Отправляемся закусьивать в итальянскую Osteria. Из окна кабачка вид на шумящий и плещущий водопад. Прислуживала нам прекрасная итальянка высокого роста, стройная, с умными темными глазами. Отсюда по железной дороге отправились в Колико, где нас должен был ждать Макс. Колико оказался скверненьким маленьким городком. На почте нашли 2 письма от Макса. Он, как оказалось, восточковался, сидя в одиночестве в Колико, и удрал далее — в Милан, где и решил проживать до нашего появления. Поругавши Макса, из-за которого мы, собственно, и заехали в Колико, мы решили обсудить предстоящий нам образ действий. Отправившись для этого в кабачок, спросили вина и, по примеру древних персов, стали обсуждать дела за вином. Мы решили провести в Колико ночь, а в 6 часов утра ехать по Комо на пароходе. Комнату наняли за 3 франка. После цен на курортах это показалось нам невозможно дешево. Вот сколь относительны все наши понятия!

Наш печальный день скрасили дивным купанием в озере Комо. Alexis не стал купаться, убоившись холодной воды. Мы с Леонидом боялись вторжения женского элемента в наш укромный уголок на берегу под скалой, и потому выскочили из воды весьма поспешно. В. И.

19 июня (2 июля) 1900. 24 день. Милан.

Alexis не захотел осматривать вилл на берегах Комо. Он взял билет прямо до города Комо. Мы с Леонидом отправились сначала в Белладжио, где Макс советовал нам осмотреть виллу Мельци. Белладжио расположен на самом мысу, врезающемся в Комо с юга. Вилла Мельци оказалась для нас недостижимой. Она открыта только по четвергам и воскресеньям. Самая вилла очень простое и красивое здание, с дорическими колоннами. Окружена она дивным парком, который содержится в прекрасном порядке. Леонид вспомнил о семейных преданиях своих о вилле Сербеллиони, и мы отправились туда.

Вилла Сербеллиони расположена на холме. Она утратила совершенно характер виллы аристократа и превратилась в ресторацию, куда за франк пускают публику любоваться парком и дивным видом с вершины холма на подернутое вдали туманной дымкой озеро. Мы встретили на вершине двух красивых пожилых дам с белыми седыми волосами, которые сидели молча, углубленные в чтение. Они отрывали свой взгляд от книги только для того, чтобы посмотреть вдаль на озеро.

Из Белладжио на лодке направились в Каденаббину. Это роскошное местечко. Богатые виллы и не уступающие им в роскоши ресторации тянутся по берегу. Вилла Карлотта открылась в 12 часов. За вход — тоже по лире. Ресторана там, к счастью, не оказалось. Нас водил какой-то господин, вероятно, садовник. Парк прекрасный. Тонкие зеленые стебли бамбука, кудрявые араукарии, темные стройные кипарисы, олеандры с пахучими белыми и красными цветами, густолиственные магнолии с роскошными громадными белыми цветками, исполинские мясистые листья агавы, широкие ажурные филодендроны и масса других тропических растений, помещенных в удивительном разнообразии, представляли из себя картину такой богатой, роскошной растительности, что мы, северяне, пришли от нее в некий телячий восторг. В вилле находятся несколько произведений Кановы: Амур и Психея, Магдалина с черепом, девочка с голубями и др. Стены и камин украшены прекрасными барельефами Торвальдсена.

В 2 часа пришел пароход, и мы отправились в г. Комо. Пароход делал постоянные зигзаги по озеру, приближаясь то к одному берегу, то к другому, и приставая то и дело к селеньям. Берега Комо — прекрасны. Непрерывной гирляндой тянутся виллы, утопающие в пышной южной зелени. Стройные кипарисы высятся над круглыми купами деревьев, выделяясь темной зеленью на нежном фоне.

Макс писал нам, что мы увидим много бёклиновских мотивов. Он был прав.

Перед виллами цвели всевозможных красок цветы, к озеру сбегали и купались в нем стройные гранитные и мраморные ступени.

На правом берегу мы увидали прекрасное, стройное, очень большое здание, стоящее довольно одиноко и сторонящееся от зеленой стены деревьев. Леонид решил, что это замок английской королевы.

Панорамы, одна прекраснее другой, непрерывной чередой сменялись перед нашими взорами, и мы с сожалением простились с чудными берегами. Показались трубы фабрик, дома запестрели своими черепичными кровлями, и мы подъехали к г. Комо. До поезда мы успели еще осмотреть собор, который, впрочем, ничем нас не удивил.

До Милана поезд идет около 2-х часов. Несколько раз мы погружались в абсолютную темноту. Поезд бежал по тоннелям. Один раз при внезапно появившемся свете я заметил, как головка дамы, нашей визави, прильнула к голове мужчины, с которым она перед тем оживленно разговаривала, и губы ее коснулись его щеки. Мне стало завидно.

Мы простились с Альпами, потянулась Ломбардская равнина с рядами фруктовых деревьев, полосами маиса, сложенными уже крестцами желтой пшеницы.

В Милан мы приехали в 6½ часов. Мы скоро отыскивали гостиницу, адрес которой нам прислал Макс. Его мы нашли энергичным, веселым, но сильно похудевшим. Последнее он усиленно отрицал, утверждая, что только постриг свою окладистую бороду, придававшую его физиономии сугубую округлость. В. И.

20 <июня> (3 июля). 25 день. Милан.

Шесть дней назад я отделился от компании и в типично грязном итальянском дилижансе, напоминавшем мне путешествия Гейне и Андерсена, ехал по направлению к Сондрио. Местность была еще очень высокая и дикая, но с каждым поворотом дороги Италия сказывалась всё сильнее. Она сказывалась в смуглых лицах и загорелых щеках, и <в> пушистых группах каштанов, и в живописной ниште деревушек, и в гирляндах винограда, свешивавшихся из-за каменных оград. А в голове неотступно звучало:

Италия! Италия! О ты,
Кому судьба наследием несчастным
Дар роковой вручила красоты!
О, лучше б ты была не так прекрасна,
Зато сильна...

И в ответ на это на небе вспыхнули прекрасные прозрачные краски итальянского заката, какими приветствовала когда-то Венеция мой первый въезд в Италию. Перспектива гор, убегающих в низ долины, необыкновенно чиста, отчетлива и воздушна. Прекрасный синий цвет десятками оттенков ложится на ясные дали картины, а <по> бокам на красноватых скалах розовеют снега.

Я ночевал в Сондрио, куда присхал поздно вечером. Когда я проскакал по темным улицам, местами освещенным электрическими лампочками, на меня пахнуло тем ярким и пестрым шумом итальянской толпы, который мне был так памятен после Венеции. Я долго ходил по улицам Сондрио, ища себе ночлега и пугая народ звоном своей большой палки и подкованных каблуков, нестерпимо гремевших и визжавших о каменные плиты улиц. Наконец я нашел себе комнату, в которую нужно было проникать сквозь какой-то подвал, полный старых бутылок и бочек, но зато обладавшую электрическим освещением и шестью дверями, ведущими неизвестно куда. Утром я бродил по городу и наблюдал приготовления к какому-то велосипедному празднику. В 3 часа я уехал в Колико и, приехавши туда, неожиданно ощутил такой острый приступ тоски, что решил съехать на другой же день в Милан. День был пасмурный и скучный. Я долго бродил по скалам и мокрым кустам, спускавшимся по дикому склону гор у берега, и выкупался. На другой день в три часа я был в Милане. Остальные четыре дня, проведенные мною там в одиночестве, я почти всё время проводил частью в соборе, частью на кладбище. Когда пришел четвертый день, и мне решительно уже ничего не оставалось смотреть — в мою комнату вошли князь и Леонид.

Утром мы прежде всего отправились на кладбище. Было жарко, и между камнями шныряли ящерицы. Прежде всего

мы отправились к моему любимому памятнику: грустной медной девочке, сидящей на зеленой траве около маленького простого креста, в тени двух слочек. В ней так много северного и так мало итальянского, что она кажется еще более грустной под этим чужим ей итальянским небом. Так и кажется, что кругом должен расти жиденский березовый лесок и низко висеть серенькое русское небо. Она похожа на Алenuшку Васнецова. Если б у меня был дар Пигмалиона воскрешать к жизни холодные статуи одним поцелуем, то я все-таки не поцеловал бы ее, потому что тогда она наверно бы пошевелилась и испортила бы свою позу. Другой памятник, очень мне нравящийся, — фамилии Казати, — представляет мертвую девушку, до половины покрытую тяжелым покрывалом, рельефно покрывающим ее ноги. Грудь ее обнажена. Руки упали мертвенно без движения. Голова ее высоко лежит на подушке, и волосы распущены. На всем глубокая печать смерти. Если б я рисовал воскрешение дочери Иаира, то я изобразил бы ее именно такую. После мы пошли к крематорию. Седенький старичок очень скверно, но необыкновенно отчетливо говоривший по-немецки, самыми соблазнительными красками рисовал нам всю выгоду и всё наслаждение быть сожженным. Демонстрации печек и праха сожженных были так убедительны, и убеждения старичка так трогательны, что я, кажется, согласился бы быть немедленно сожженным и помещенным тут же на полочку, если бы не было так невыносимо жарко и не хотелось бы чего-нибудь более освежительного, чем кремационная печь. После мы с Леонидом ходили в Santa Maria del Grazie, и пока он смотрел *Cenacolo*, я ждал его в церкви. Пообедав в 3 часа макаронами, мы отправились на крышу собора и около часу лазили по мраморным кружевам, описывать впечатление которых я предоставляю видевшим их в первый раз. Вечер был проведен в городском саду в кормлении уток и в созерцании птицы-бабы. *М. В.*

Милан — город очень уютный и полон всяких магазинов, садов, бульваров. Его замечательный собор не произвел на меня впечатления ни наружным видом, ни внутренним. Лучше всего у него на крыше, откуда открывается вид на город, и с башни под куполом — на крышу собора с массой статуй и очень сложной системой

арок, лесенок, улиц и переулков, целый город, и всё из мрамора. Масса розеток и орнаментов придает характер растений многочисленным украшениям из мрамора. Кладбище в массе поражает пошлостью или некрасивой тяжелой архитектурой памятников и мавзолеев. Работа бюстов и статуй большею частью очень хороша, но смысла иногда мало. Мне понравились только два памятника, описанные Максом: девочка в виде Аленушки Васнецова и девушка, лежащая полуобнаженная, с отпечатком смерти на формах своего трагично-просто вытянутого тела. Питались мы в Милане больше молоком, которое здесь легче достать, чем в Швейцарии, и оно дешевле, чем где-либо на земном шаре. Л. К.

21 июня (4 июля). 26-ой день. Милан.

Второй день, который мы провели с Максом в Милане, был посвящен Брера и Амброзиана. Эти галереи обладают очень многими интересными картинами. В Брера мне больше всего понравились некоторые вещи Б. Луини. Каковы: «Положение во гроб Св. Екатерины», изумительная по легкости, грациозности, натуральности и красоте компоновки вещь. Затем интересны его Мадонны. Очень своеобразно и выразительно написаны иконы Mantegna и его Богоматерь, окруженная поющими ангелами, тоже полна экспрессии. Лучшей же мадонной, пожалуй, будет Мадонна Sassoferrato. В ней меньше «девы». Но зато очень красивая, грустная женщина-мать. Хорошо «Изгнание Агари» Guerzino. Эффектны картины Россассино. And. d. Milano <?> очень хорошо сохранился в красках и производит впечатление современной хорошей живописи. Здесь есть голова Христа, рисунок Леонардо да Винчи: она очень красива, но слишком женственна. Рафаэля «Обручение» очень красиво, но не так, чтобы особенно меня тронуть.

Из Брера мы с князем зашли в библиотеку Амброзиана, где нашли Макса. Здесь много рисунков Л<еонардо> да Винчи, его «Изабелла». Картины Афинской школы Рафаэля. Но темнота помещения убийственно мешает что-нибудь рассмотреть. Вместо того, чтобы идти в музей Poldi Pezzoli смотреть Боттичелли, мы провели остальное время до 6 часов вечера в магазине, покупая платье. Это продолжалось очень долго. Макс всё мешал покупать сначала князю, затем помогал мне и в заключение стал сам покупать себе. Мы обзавелись обновками: князь — шелковой курточкой, я панталонами цвета морской воды (приняв их за серые), а Макс тем же одеянием, снова невероятной прочности, как и старые, но столь же быстро принимающими грязный вид. Мы, руководимые Мак-

сом, обошли кругом Милана, чтобы попасть домой. Наш Reise-Marschal<1> уверял, что это очень интересно, но мы этого не заметили. Дома мы нашли больного Alexis'a. У него были нарывы на ногах, и он всё лежал. Вечером снова ходили в сад кормить птиц. Однако дождь нас прогнал домой. Л. К.

22 июня (5 июля). 27<-й> день. Генуя.

Наша гостиница в Милане «Савойя» — очень странная гостиница. Всю ночь ее оглашают всевозможные звуки. Плачут дети, визжит какая-то водокачка, поет скрипка, и по временам раздаются громкие удары какого-то железа о другое железо. С раннего утра этот шум и гам всё усиливается. В этой странной гостинице очень странный лакей — мальчишка весьма нелепых свойств. Первоначально он относился к нам очень неровно. Почему-то мне чистил башмаки, Алексису упорно не чистил, громко и тяжело вздыхал, когда мы приказывали принести воды для питья, и воду постоянно приносил в таких крошечных графинчиках, что выпивали их одним залпом. Перед отъездом мы дали ему 2 лиры. Эта щедрая награда за нелепости, им совершаемые, совершенно его ошеломила. Он окончательно утратил всякий смысл своих действий. Он принес Максу сразу 3 графина с водою, 2 чернильницы. Вбежал опрометью ко мне и, бросив на стол без всякого повода чайную ложку, стремительно убежал назад.

Этот самый нелепый мальчишка разбудил нас громким стуком в дверь в 4½ час<a> вместо 6-ти. Грохот, плач и пение с нашего дворика уже давно врываются в окно. Продремав с час тревожным сном, мы оделись и пошли пить молоко. Поезд в Чертозу отходил в 7½ часов.

За вход во двор монастыря Чертозы взимается по франку. Мелочи у нас не было, а была 100-франковая бумажка. Мы ее всем привратникам показывали, те отрицательно покачивали головами, но, тем не менее, прониклись к нам уважением и любезно пригласили осмотреть храм бесплатно. Таким образом, с помощью внушительной 100-франковой бумажки, мы сделали солидное сбережение в 3 франка. Мы решили возможно чаще пользоваться этим прекрасным способом, чтобы бесплатно проникать в музеи, храмы и пр. Пробовали показать эту же бумажку кассиру на железной дороге, но тот, к сожалению, решил лучше разменять ее, чем дать бесплатно билеты.

Ломбардская равнина стала изменяться. Появились сначала на горизонте мягкие очертания отрогов Апеннин. Поезд стал

нырять в темноту туннелей. Наступил мрак особенно продолжительный — очень длинного туннеля. Мы подъезжали к Генуе. Всем страстно захотелось поскорее увидеть море. Макс высунул голову в окно и объявил, что уже пахнет морем. Поезд остановился на несколько минут на вокзале на окраине города, потом перенесся по туннелю под улицами, и мы очутились в центральном вокзале.

Город нас сразу поразил чистотой своих улиц. Дома громадные, шести- и восьмизэтажные, все сплошь увешаны бельем, которое сушится на жарком солнце.

В Милане нам дали рекомендательное письмо в Hotel Piccolo Torigina, где убеждал<и> дать нам кров за 1 лиру с человека. С вокзала мы отправились вслед за лакеем этого отеля по лабиринту узких улиц. Макс своей рубашкой навывпуск производил на генуэзцев ошеломляющее впечатление, служанки выскакивали из дверей, мальчишки смеялись и кричали что-то непонятное. Один господин старался обратить даже мое внимание на необычную фигуру неведомого иностранца. Обедали мы опять неизменными макаронами и рисом. У меня явилась блестящая мысль выпить кофе с шартрезом. Макс мысль эта тоже пришла по вкусу. Один Леонид остался на неприступной высоте умеренности и экономии. Долго я убеждал его в законности позволить себе такую невинную роскошь. Наконец, взяв с меня торжественное обещание даже в случае крайней необходимости не покупать себе брюк, он, наконец, согласился. К нашему изумлению, именно местного ликера не оказалось, и нам дали бенедиктина.

В прекрасном настроении отправились мы бродить по городу. Вышли на мол. Перед нами открылась темно-синяя даль моря. Погода тихая, ветра почти нет. На море штиль. У берегов море зеленовато-серое, иногда пробегает красноватая полоса. Далее, точно отделенное какой-то волшебной чертой, море совершенно синее. Справа синева эта сливается с туманными, воздушными очертаниями Апеннин. Море чуть пенилось у берегов и вокруг выступающих утесов.

Какой-то юноша сидел на берегу. Волны то отбегали от него, то приближались, перекачивались далее и на минуту обливали его пенистой влагой. Нам стало завидно смотреть на него. Мы пошли в самый город и долго бродили по узким, пестрым улицам, то поднимающимся кверху, то спускающимся и тогда особенно красивым. Иногда улицы эти становились до того узкими, что можно было сразу коснуться обеими руками противоположных стен. Иногда они даже соединялись наверху домов в виде арки. Нас окружала веселая говорливая оживленная толпа. *В. И.*

Генуя. 23 <июня> (6 июля). 28 день 1900.

У ч и т < е л ь >. А какой город Вам больше всего понравился в Европе?

Д-р Д о р н. Генуя. В ней великолепная уличная толпа.

«Чаїка».

Генуя — дикий город, нелепый и вместе с тем бесконечно прекрасный. Щелки в полтора аршина шириной между бесконечными каменными громадами здесь считаются улицами. Самые жалкие лачуги имеют здесь не менее восьми этажей росту. Грязное белье, развешанное на веревках на головокружительной высоте, считается самым подобающим украшением для мраморных дворцов и восьмиэтажных грязных домов, умирительно нелепо вытарашивших на море неисчислимое количество окон. Уличная толпа в Генуе действительно великолепна. Генуя, как и Париж, живет на улице. На улице же она совершает все свои жизненные отправления — ест, пьет, спит, принимает поясные ванны под фонтанами. Особенно хороши и красивы генуэзские дети. Но Генуя хороша только там, где она грязна, узка и высока, там, где она подделывается под Европу, она становится скучна и обыкновенна. Улицы ее пахнут тухлым мясом и цветами. Порт ее сер, подернут клубами дыма, заставлен бесконечными мачтами кораблей и посыпан угольной пылью.

Сегодня утром, выпив молоко в соседней латтерии, мы пошли на Кампо Санто. Дойдя до той площади, где против неизбежного Виктора-Эммануила верхом на коне стоит высокий и легкий памятник Маццини, мы сели на электрический трамвай, который доставил нас на кладбище. Это грандиозное, но некрасивое сооружение. Бесконечные переплетающиеся коридоры переполнены невыразимо пошлыми мраморными изделиями, увековечивающими генуэзских банкиров и коммерсантов конца XIX в. На самом верш холма, вне здания лежит могила Маццини, украшенная тяжелой низкой дорической колоннадой. Есть в ней что-то несоответствующее. Таким людям подобает быть или непризнанными, или обоготворенными. Такое же уважительное

полупризнание кажется какой-то недоговоренной фразой. Памятник Маццини стоит только в Генуе, а памятники Гарибальди есть во всех городах Италии. Вообще Генуя чтит своих патриотов-революционеров. Здесь есть площадь имени Манини и улица Аврелия Саффи. Положим, и в Милане мы видели великолепный памятник Джакомо Медичи. Он стоит мраморный в великолепном военном наряде, спокойно опершись на саблю, а у его подножия медная волчица, взъерошенная, исхудалая, но неизменно верная, приподняв голову, кладет лапу на истерзанное итальянское знамя. Вечера, когда я вечером ходил по улицам, ко мне подошел, слегка пошатываясь, почтенный седовласый старец, продававший газеты: «Вы француз?» — «Нет — русский». — «О! Все русские хорошие социалисты! Вашу руку». Обменявшись рукопожатиями, мы расстались.

С кладбища мы отправились купаться, предварительно купив себе купальные костюмы. Мы с князем сделали безумно-смелую попытку прорваться к купальне сквозь линию фортов, украшенных внушительными пушками, и клубы, только не порохового дыма, а генуэзской пыли, и позорно вернулись назад, не решившись даже выкупаться в городских экскрементах, к Леониду, благоразумно ожидавшему нас в безопасном от пыли месте. Выкупавшись, пообедав и отдохнув дома, мы пошли на противоположную — западную часть города. Когда мы вышли за городские ворота, Леонид произнес горячую речь о Риме, и мы, решив пожертвовать пешеходным путешествием по Ривьере, постановили завтра же ехать в Пизу и вернуться в город. Но коварная генуэзская улица, по которой мы думали сократить свой путь, сперва вывела нас обратно на набережную, а потом неожиданно устремилась в горы, выбежала за город и, завертевшись на одном месте, уперлась в стену каменоломни. Мы храбро продолжали путь по тропинке и в результате только еще дальше оказались от города. Когда это заметила проходившая мимо туча, она начала усердно поливать франтовские пиджаки и желтые туфли, приобретенные Леонидом и князем в Милане. Кое-как мы добрались до города и выпили молока. *М. В.*

24 ию<ня> (7 ию<ля>). Пиза. 29 день.

Сегодня утром, когда мы уже назначили отъезд в Пизу, Генуя предстала нам во всей красе яркого солнечного дня. Море, синее вдаль и зеленое ближе, весело искрилось. На улицах двигалась оживленная волна людей и, казалось, лица также играли улыбками, как море зыбью на солнце. Мы втроем сначала кинулись к палаццо Дория. Затем решили, что времени мало, и отправились купаться. Тут Макс выказал отчаянную решимость найти мраморную террасу и ринулся в порт среди бочек дегтя, тюков товара и куч угля. Мы с князем еле спасли его и увлекли скорее к купальням, уверяя, что если за бочками дегтя и окажется мраморная терраса, то наверное она сильно потеряет от такого соседства. Купанье было превосходно. Макс надувал щеки, прыгал в волнах, изображая одного из Тритонов Бёклиновской «Игры волн». Я выпил с полстакана морской воды и от такого напитка почувствовал себя не совсем приятно. Однако мы очень торопились. Быстро одевшись, мы с князем прибежали домой укладываться. Скоро пришел и Макс. Он, оказалось, в наше отсутствие так и искал мраморную террасу, но безуспешно. Когда мы прибежали на вокзал, оказалось, что еще неизвестно, куда ехать. Князь уперся на Специи. А я и Макс взяли в Пизу. Князь не может изучить плана города предварительно без того, чтобы в этом городе нас не встретил дождь. Благодаря его детальному изучению плана Зальцбурга мы не попали в этот город. Вчера вечером мы обманным обещанием ехать в Специю спасли себя от дурной погоды на утро. Князь лег спать, не изучивши Специи. Когда мы отъехали от города и, ныряя ежеминутно в темноту, понеслись по берегу моря, князь стал изучать Специю и, о ужас, принялся за Пизу и хотел приняться за Флоренцию. Небо хмурилось. Полил дождь. Только к вечеру, когда мы оставили князя в Специи, погода дальше стала хорошей. Дорога от Специи между холмами, с городами на террасах и вершинах, была очень красива. Горы, облитые золотистым светом светящего из-за облаков солнца, с серебристыми и золотистыми облаками над ними. Цвет неба нежно-голубой. Всё очень походило на те идеально прекрасные пейзажи, которые обыкновенно изображали Рафаэль и др<угие> флорентийцы на своих картинах.

В 10 ч<асов> вечера мы подъехали к освещенному электричеством вокзалу в Пизе. Комнату нашли высоко, с балконом и видом на город. Мы отмыли с трудом всю копоть, которой нас наградили туннели, и которая превратила Макса в Отелло, а меня в трубочиста. Л. К.

25 <июня> (8 июля). День 30. Пиза.

Всю ночь над моим ухом жужжал комар. Вероятно, поэтому я проснулся на рассвете и вышел на балкон. Внизу расстилался город, подернутый утренней дымкой. Ночь еще не успела уйти. Небо над горами было ясно-желтое, слегка оттененное розовым. Оттенки были необыкновенно чисты, воздух прозрачен и тишина полная. Такими я представлял себе те маленькие итальянские городки эпохи Возрождения, о которых я так мечтал несколько лет назад. Потом я снова заснул. В восемь часов мы проснулись необыкновенно бодрые, свежие и жизнерадостные и пошли к собору. Пиза замечательна тем, что ее центр, т. е. собор, Кампо Санто, падающая башня и баптистерия находятся на самом краю города у городской стены. Вполне эксцентрический город. Собор стоит на пустынной площади, заросшей травой, по которой кое-где проходят тропинки. Его чистый, пожелтевший от времени, а не закоптелый от дыма, как в Милане, мрамор необыкновенно гармонирует с запустением площади. Сидя в соборе, украшенном великолепными картинами Андреа дель Сарто и Содомы, мозаиками Чимабуэ и скульптурой Джованни да Болонья, и вслушиваясь в таинственно прекрасные звуки органа, я писал в своей записной книжке: «Теперь в нем прохладно и играет орган. Посредине висит знаменитая люстра, при помощи качанья которой Галилей выводил свои законы маятника. Я ясно представляю себе, как он в жаркий солнечный день зашел сюда под прохладные своды. Верно, так же играл орган, он сперва наслаждался красотой в то время еще новой церкви. Потом он случайно взглянул на люстру, и снова началась беспокойная работа мысли, пробившей столько страшных брешей в прекрасном и законченном храме католическо-средневекового мирозерцания, стройном, как эта музыка, которую я слушаю». После мы пошли в Кампо Санто. Лучшее всего — это внутренняя сквозная галерея, окружающая его. Она поразительно легка и изящна в своей мраморной простоте. Внутри ее много античных саркофагов и бюстов и очень интересные фрески джиоттистов, наивные по форме, но живые и смелые по мысли, и не менее интересные фрески Беноччо Гоццолли со многими интересными

фигурами, но очень поблёкшие и выцветшие. Орнаменты и барельефы Никколо Пизано на кафедре крестильницы более интересны для специалиста и эстетического удовольствия не дают. Поднявшись на падающую башню, легкую и напоминающую какую-то точеную вещицу из слоновой кости, мы легли на мраморные плиты. Был полдень, башня была наклонена в сторону солнца, и тени от железных перил совсем не было. Под нами расстилался великолепный тосканский пейзаж. Воздух был поразительно прозрачен, и кудрявая зелень долин рисовалась с необыкновенной отчетливостью. На горизонте узенькой синей полоской играло море. Горы, закрывающие Лукку, были подернуты легкой солнечной мутью. Так как до отъезда во Флоренцию нам оставалось еще 5 часов, то мы, пообедав, решили схать на трамвае к морю. После 30 минут езды по прекрасной платановой аллее мы были на берегу моря. Берег был песчаный и пустынный. Даже купальные будочки и какое-то поселение не нарушали его пустынности. Невдалеке рос густой сосновый лес. Море звенело и смеялось, длинные волны, победно потрясая ослепительной пеной, весело взбегали на берег... «Дайте мне дышать запахом дикой волны», — пел Гюго. Но здесь мысли были полны другим поэтом, труп которого был когда-то выкинут волнами на этот берег.

Усну я вечным сном, а море,
Волной лазурною звеня,
Свой гимн мне пропоет, баюкая меня.

Далеко на горизонте синел скалистый остров, верно, Горгона. Белая пена, которую ветер неожиданно подхватывал и срывал с верхушки волн, иногда скрывала его из глаз. Мне кажется, что Шелли должен был любить именно такое море.

Мы сидели в поезде и ждали князя, и уже было решили, что Алексис задержал его, когда показался он сам; задумчиво шагая через рельсы между снующими поездами, он направлялся куда-то вдаль, но, совершенно случайно попав под окно нашего вагона, был извлечен из футляра своей задумчивости и усажен в вагон в момент отхода поезда. Первое, что я увидел, подъезжая к Флоренции, это были красивые очер-

тания купола Брунеллески. Минуту спустя мы были окружены невероятным количеством комиссионеров всевозможных гостиниц, предлагавших нам свои услуги на всех возможных и невозможных языках, и толпою мальчишек, диким гиканьем приветствовавшей наше появление на улицах Флоренции. Всё это следовало за нами очень оживленной и пестрой толпой. Постепенно наш кортеж рассеялся, и остался только один необыкновенно настойчивый молодой человек, который всё время бежал впереди нас и делал вид, что ведет нас. Несмотря на всевозможные диверсии в сторону и игру в прятки на боковых улицах, он все-таки постоянно нас находил и в ту самую минуту, когда мы, думая, что он уже потерял наш след, входили в гостиницу, — вдруг выскочил из-за угла и, влетев раньше нас на крыльцо, объявил, что это именно он привел нас сюда, и потребовал с гостинника за это мзду, но его ухищрения были разрушены нами на немецком диалекте, и его попросили вон, между тем как мы, мелькнув перед его изумленными взорами, возносились на седьмой этаж при помощи подъемной машины. Мы пошли бродить по Флоренции. Около нас была пьядца ди Синьориа с своим palazzo Vecchio, украшенным колокольной, прекрасной в своей простоте. Пока было еще светло, мы смотрели статуи, украшающие площадь Синьории и Loggia d'c>i Lanzi, по которой бегали дети, поднимая невообразимый визг. Потом мы прошли мимо собора и снова вернулись на площадь. Мы с Леонидом пошли мимо фасада Уффици, украшенного арками, на берег Арно. Месяц картинно, точно на carte postale, нырял среди облаков, в Арно отражались огоньки противоположного берега, а против нас сквозь громадную арку виднелся силуэт высокой, поразительно легкой колокольни. *М. В.*

26 июня (9 июля). 31-ый день. Флоренция.

Предварительно надо сказать несколько слов о Специи. Мы вдвоем с Алексисом остались в Специи на вокзале, а Макс с Леонидом уехали в Пизу. Я решил остаться в Специи, главным образом потому, что Алексису с большой ногой весьма трудно было бы самому отыскать подходящее местопребывание.

На вокзале нас встретил немного пьяный портье и предложил нам отправиться в Hôtel Mille. Там мы и устроились по франку с человека. Я тотчас же пошел бродить по восточной части Специи. Обошел селение, расположившееся в круглой долине, среди невысоких гор. Улицы и шоссе широкие, чистые, кругом высятся толстые стены укрепления, казармы и арсенал. Не найдя здесь ничего достойного своего внимания, я пошел на западную сторону, к морю. От нашей гостиницы сначала тянулась улица демократическая, вся наполненная дешевыми кабачками, табачными и молочными лавочками. С площади, носящей громкое имя piazza Garibaldi, началась аристократическая часть Специи. Яркий электрический свет, блестящие кофейни, магазины, рестораны. Прекрасный бульвар, весь залитый электрическим светом, — на самом берегу морского залива. Вечер был прекрасный, публика оживленно гуляла по бульвару и говорила. В заливе стояло масса лодок с белыми парусами. Я гулял здесь с час. Потом пошел проведать Алексиса. Он лежал в унынии в маленьком номере. Разнообразные насекомые с ожесточением кусали его. Пришлось идти в аптеку за разными снадобьями для уврачевания Алексиса и истребления насекомых. Аптекарь заинтересовался моей национальностью и, увидев русско-итальянскую книжку у меня в руках, просил меня почитать по-русски. Я с большим чувством принялся декламировать текст о «дамском туалете». Итальянец в удивлении восклицал: «O, c'est très difficile!».* Я с важностью покачивал головой.

На другой день мы с Алексисом гуляли по берегу моря. Я купался, с наслаждением качаясь в волнах, потом ел устрицы, пил тосканское, весьма кислое вино. Потом в 2 часа сел на поезд в Пизу. В Пизе я с поразительной быстротой сдал багаж на хранение и побегал на другой конец города к падающей башне. Площадь, собор и легкая башня — чрезвычайно красивы. Впрочем, они уже описаны. Так же поспешно прибежал я на станцию. Здесь должен обратить внимание на клевету со стороны моих уважаемых коллег, будто я шел в пространство, глубоко задумавшись. Я наоборот шел весьма поспешно, зорко оглядывая окна вагонов.

Перейду теперь к событиям во Флоренции. Утром в 10 часов мы отправились пить молоко и закусывать, чтобы потом иметь возможность провести всё время до 4 часов в галерее Уффици. В 11 часов попали, наконец, в галерею. Невозможно, конечно, приняться за описание громадного богатства галереи. Опишу картины, которые на меня лично произвели сильнейшее впечатление.

* O, это очень трудно! (фр.)

Нас всех поразила изумительная картина Леонардо да Винчи «Голова Медузы». Змеи <к>как живые извиваются и как будто шипят. Лоб болезненно наморщился. Из уст поднимается ядовитый пар. Из капель крови рождаются новые змеи и жабы.

Радостный младенец на картине А. дель Сарто очень хорош. Выражение лица у мадонны так трудно схватить, что на 2-х копи<ях>, только что снятых, лицо это передано различно, и ни то, ни другое не похоже на самую картину.

В зале Тривула, где собраны chef-d'oeuvres искусства, особенно хороша Мадонна Рафаэля, спокойная, чистая, красивая, и Мадонна Корреджио.

Очень красивы по освещению «Святое семейство» Рембрандта, «Святое семейство» Тициана. Очень своеобразное, красивое, испуганное лицо у Сусанны на картине Гвидо Рени.

Необыкновенно выразительны и хорошо освещены лица пастухов у Жирадини Нотти («Поклон<ение> пастухов»).

Максу не понравилась «Флора» Тициана, потому что, по его словам, он не переваривает физиономий его собственной комплекции.

Наконец, укажем еще на легкий наивный образ Венеры на картине Боттичелли «Рождение Венеры».

Мы страшно устали, осмотрев до 3½ часов всю громадную галерею.

Мы с Леонидом пошли пообедать, а Макс остался дома, уверяя, что совершенно не хочет есть. Решили идти обедать в столовую евангелической гостиницы, объявление которой Леонид якобы видел в нашей гостинице. Отыскивали по его указаниям воображаемую гостиницу, вошли и спрашиваем у портье, нельзя ли здесь mangiare.* Тот, очевидно плохо уразумев наше пожелание, сказал: «Сейчас проведу вас к патеру».

Между тем Леонид отыскал на стене расписание экзаменов и, убоявшись, позорно скрылся за дверью. Я был введен в кабинет, где стоял стол с зеленым сукном, а за столом сидел благообразный господин, принявший меня весьма любезно. Я недоумевал. Недоумение мое разрешилось самым нелепым образом. Мы, оказалось, попали вместо ресторана в институт. Хорошо, что я не обратился к директору с обычным вопросом: «Avette macaroni? Que costa una portione?»**

Пообедали мы, тем не менее, очень хорошо макаронами и яичницей в маленьком трактирчике на площади S. Стосе. Макс

* Посеть (фр.).

** Есть ли макароны? Сколько стоит одна порция? (ит.)

утверждал, когда мы возвратились, что обедать он действительно совершенно не хочет, но через некоторое время пойдет поужинать.

Отдохнув, мы пошли гулять по городу, осмотрели собор, очень простой внутри, с прекрасной вычурной колокольной работы зн<аменитого> Джотто. Тщетно отыскивали мифический фасад церкви Св. Лаврентия работы Микеланджело. Фасада так и не нашли. Зато обрели удивительный дворик с колоннадой (по словам Макса, работы опять-таки того же Микеланджело). Потом, любовавшись храмом St. Maria Novella, Макс пошел ужинать. Мы гуляли по берегу Арно. Макс вскоре присоединился к нам. Долго любовались лунным сиянием и старинными домами по берегам реки. Надеюсь, что больше никаких важных событий в день сей не произойдет. *В. И.*

Сегодняшний день был почти всецело посвящен Уффициям, и я еще раз убедился в том, что старые картины доставляют мне больше исторического удовольствия, чем эстетического. Я гораздо больше непосредственно наслаждался несколькими современными портретами современных живописцев, которым уделена небольшая зала, чем шедеврами старого искусства. Эстетическое непосредственное удовольствие, получаемое мною, почти всегда сводится к той степени современности, т. е. жизненного реализма, которая есть в них. Одна из наиболее понравившихся мне картин в Уффициях было «Снятие со креста» Джоттино. Она очень наивна, неуклюжа на своем золотом фоне, но совершенно простое, не приподнятое и не прикрашенное сильное чувство брызжет от этих неумело нарисованных фигур. Поэтому я люблю и римские бюсты с их фотографической портретностью, пред которыми я проводил столько времени в Лувре и которыми наслаждался снова сегодня. Это страницы Тацита, запечатленные в мраморе. Каждый из них даст полную и законченную характеристику целого типа. Венера Медицейская мне не понравилась. У ней лицо дамы, кокетки, самки. Милосская — бесконечно выше и прекрасней — она не просто красивая женщина, жаждущая половой любви, а женщина-человек, озаренная своим материнством, материнством всечеловеческим, языческим, не напоминающим христианское материнство мадонн.

Группа Ниобы тоже не произвела непосредственно сильного впечатления. Сама Ниоба настолько знакома, что ее оригинал как-то не прибавил ничего нового к ранее составленному образу, самые же фигуры ее детей расположены по залу в полном беспорядке, и поэтому невозможно получить общего драматического представления.

Князь за последнее время обнаруживает глубокую страсть к покупкам, причем старается делать их от нас потихоньку. В Генуе он купил себе, напр<имер>, на имя Алксиса тяжелый черный зонтик от солнца, и только когда мы уже подъезжали к Специи, он нам стыдливо признался, что зонтик этот принадлежит ему, как будто боялся, что если он это скажет нам в Генуе, то мы заставим отнести его обратно в ма<га>зин. Сегодня утром из его кармана выпал перочинный ножик, купленный в Специи. Вчера вечером князь гулял по Флоренции в великолепный ясный лунный вечер со своим громадным черным зонтиком от солнца, держа его торжественно пред собой и аккуратно позабывая его в каждом магазине, куда мы заходили. *М. В.*

27 июня (10 июля). 32-ой день. Флоренция.

Сегодня мы встали поздно и поспешили в галерею Питти. Мы прошли мимо бронзового кабана на площади Mercato, с морды которого капала вода. Невольно здесь приходит на память сказка Андерсена о мальчишке, уснувшем на спине у него. Затем по Старому мосту, застроенному лавочками, мы пошли дальше. С него мы каждый вечер долго любимся закатом солнца, освещением старинных домов на берегу Арно. Это место одно из лучших во Флоренции. Нам нравится также здание Сеньории со своейстройной башней Вазари, которую Макс влопыхах окрестил именем известной башни Джотто, и мы долго потом не могли забыть этого. Настоящей башней Джотто уже никто не восхищался. Последняя, правда, очень изящна, и к ней подходят слова Карла V, что ее хочется поставить под колпак, и Фрикена, готового положить ее в футляр, но к архитектурному произведению это мало подходит. Я сравниваю ее с палочкой пастилы розового и белого цвета с инкрустацией из мармелада. Очень красива площадь Сеньории с Лоджия, где среди ста-

ту и играют дети. Между Palazzo Vecchio и Uffizi перекинута очень высоко через улицу арка, по своим пропорциям очень красивая.

Однако вернусь к сегодняшнему дню. Мы подошли к палаццо Pitti. Много уже удивлялись этому оригинальному зданию, очень простому, сложенному из неотесанных прямоугольных кусков камня. Галерея Pitti не так велика, как Уффици, и не так дышит стариной. Очень красива лестница с балюстрадой из простых изящных колоннад серого камня. Из окон чудный вид на Сад Boboli. Комнаты все очень высокие, почти квадратные, с золотой лепкой на потолке, окружающей фрески. Из картин здесь, кроме прославленного Рафаэля, Андреа дель Сарто, я обратил внимание на Мадонну Боттичелли в круглой раме, прижавшей к щеке младенца, затем портрет Susterman'a и de Vries. Хороша «Юдифь» Аллори, «Мученичество» Св. Агаты» Себастьяна дель Пьомбо; Мадонна Мурильо, по удачному выражению князя, — светится. Очень хороша «Сусанна» Гвидо Рени. Больше всего здесь картин Андреа дель Сарто, трактующих на разный лад Вознесение Богородицы. Рубенса здесь очень хорошая портретная группа каких-то ученых.

Мы почему-то, пройдя галерею, быстро ее покинули под предлогом идти в Santa Croce. По дороге зашли в фотографический магазин, где пробыли очень долго. Причем я, старательно пересматривавший все альбомы, страшно возмущал князя. Наконец, <когда> мы закупили достаточно и явились в Санта-Кроче, она была заперта. Мы закусали и через порта Романа вышли за город. По чудной кипарисовой аллее мы дошли до поворота на Viale dei Colli, открылся вид на Флоренцию. Низбегающий склон холма, на котором мы стояли, покрытый маслинами, напомнил мне склон Елеонской горы. Сзади Флоренции пологие горы, покрытые зеленью, и весь пейзаж своей простотой и какой-то связью с внутренним миром человека был очень хорош после холодной красоты альпийских пейзажей. Мы вышли на площадь Микель-Анджело, господствующую над городом. Посредине стоит бронзовая статуя Давида, по углам которой расположены фигуры с могилы Медичи. Но это искусственное соединение работ Микель-Анджело в один монумент не особенно удачно по отсутствию смысла, но по общим очертаниям выглядит красиво. Мы вернулись в город и зашли в Santa Croce. Здесь погребены Данте, Галилей, Макнавелли, Микель-Анджело и другие. Правая фигура памятника Данте и таковая же Галилея очень удачны. Выражения скорби на лицах этих мраморных колоссальных женщин передано прекрасно. Фрески Джотто мы плохо рассмотрели, так как темно. Это печальная судьба многих фресок. Вечером мы снова были на нашем любимом

мосту и, сидя на камнях перил, смотрели, как сквозь арки мостов проникали золотисто-красные лучи вечерней зари, скользя по желтой воде Арно. Когда мы вернулись домой и уселись на диване, в комнату вошел недавно приехавший Alexis. Л. К.

Леонид — бич фотографов — так отныне будем называть его. Он по 5 раз пересмотрел все до одного альбомы, почти ничего не выбрал, а когда мы стали увещевать его, что невозможно же бесконечно сидеть в магазине и мучить несчастную старушку, он стал хватать альбомы с еще большей быстротой. Началась настоящая вакханалия. Он хватал ожесточенно то одну, то другую пачку фотографий, с головокружительной быстротой замелькали в его руках страницы альбомов, к великому сокрушению несчастной хозяйки. И это он называет внимательным пересмотром фотографий ??!... В. И.

28 июня (11 июля). 33-ий день. Флоренция.

Юг оказывает на нас глубоко растлевающее действие. Сегодня мы опять встали в 10 часов, разбуженные (о позор!) Алексисом!!! Потом (о, второй позор!) закусили дорогим деликатесом — рыбой, купленной нами еще с вечера, что (о, третий позор!) повторяется с нами уже неоднократно. Затем еще, кроме того, мы отправились пить молоко. По дороге мы, впрочем, к огорчению Алексиса, забежали в церковь Бадиа, где находится картина Филиппино Липпи «Видение Богоматери св. Бернарду». Когда мы только вошли в церковь и осматривались по сторонам, не зная, где находится эта картина, некий юный служитель церкви начал торопливо опускать шторы в верхних окнах, когда мы наконец отыскали оную, то она оказалась в глубокой тени. Тогда он очень любезно отдернул снова занавески и объявил нам, что мы стоим пред знаменитой картиной Филиппино Липпи. Затем, скромно удалившись в сторону, стал ждать незаслуженной mzды, которую и получил от великодушного князя в количестве 5 сантимов. Но цифра эта произвела на него впечатление личного оскорбления, и он проводил нас с проклятьями. Затем, выпив молока с кофе — оригинальный итальянский напиток, состоящий из стакана горячего молока и двух капель влитого туда кофе, — мы пошли в национальный музей, раньше

называвшийся музеем Баргелло, в котором больше всего находится памятников скульптуры Возрождения. Там <в> некрасивом и типичном внутреннем дворе с колоннадой стоит «Победитель» Микеланджело и его умирающий Адонис. Особенно полно представлен Донателло. Интересен один его раскрашенный портретный бюст. Цветные же фаянсовые скульптуры Луки делла Роббиа произвели на нас мало впечатления. Старинных вещей в этом музее мало, и они не особенно интересны. Отсюда мы отправились в Санто-Лоренцо в капеллу Медичи. По обстановке она очень проста и отделана только мрамором. Друг против друга у противоположных стен стоят две Микеланджеловские гробницы Медичи. Глядя на них, я испытывал смешанное чувство: в них чудится колоссальная сила гения, но она не затрагивает душу. Эти невероятные, колоссально-могучие, непропорциональные фигуры, лежащие в нечеловеческих позах, производят странное впечатление. Их как-то относишь не к миру людей или человекоподобных существ, а скорее к тем декоративным существам, которые извиваются в орнаментах Ренессанса. Здесь они внезапно окаменели, оживленные сверхчеловеческой жизнью. Но в них все-таки слишком мало реального, чтобы заставить трепетать душу. В этой же капелле на алтаре сидел молодой художник датчанин спиной к Микеланджело и копировал каких-то маленьких дракончиков с завитыми хвостиками на мраморном бордюре алтаря.

В музей Св. Марка мы с князем не пошли, убоявшись новой платы, и предоставили это Леониду, который вернулся к нам в восторге от комнаты Савонаролы. После обеда мы отправились в Санта Мариа дель Кармине, куда Леонид стремился уже давно, чтобы посмотреть фрески Мазаччио. Особенно хорош «Чудесный лов рыбы». Фигура Петра очень выразительна, и хороша голова Христа и его жест. Вся фреска отличается единством и цельностью, чего нельзя сказать про нижнюю фреску, законченную Филиппино Липпи. Значительно меньше было вынесено нами из Санта Мариа Новелла и ее знаменитой Испанской часовни, расписанной джиготтистами. Возвращаясь оттуда, мы опять зашли в магазин

фотографий и закупили себе еще полдюжины. Особенно прельстила нас современная картина Кастанья, изображающая любовь Фра Филиппо Липпи к молодой монашенке, с которой он писал мадонну, последствием чего явился Филиппино Липпи. Завтра же решено ехать в Рим. *М. В.*

Флорентийское растрепанье. Нравов наших, прежде столь строгих, теперь, увы, коснулся разврат и растрепанье. Мы спим до 12 часов, едим по четыре раза в день, уничтожаем невероятное количество черешен и сегодня ели мороженое. И кто же из нас подвергся наибольшему растрепанью? Увы! Наш *Reise Marschall*, наш железный Макс, переносивший с гордым и презрительным спокойствием голод и холод, теперь размяк, спит дольше всех, ужасно любит поесть. Сегодня, когда проходили мимо кофейной, не могли оттащить от двери: «Мы поедем мороженого», — говорил он, облизываясь от предвкушаемого наслаждения. Делать нечего. Зашли, спросили мороженого. У Макса плотоядно заблестели глаза: «Еще порцию! Мороженое так прекрасно». Начались разговоры об устрицах, вине, ликере. Макс съел еще порцию. Насилу увели мы его из кафе, боясь за его здоровье. *В. И.*

29 <июня> (12 июля). День 34. Флоренция.

Последний день во Флоренции. Сегодня вечером едем в Рим. Утром были в галерее *Veaux Arts*. Галерея эта представляет интерес исключительно для человека, специально изучающего историю искусства в XIII, XIV, XV веках. Картины расставлены в хронологическом порядке. Очень интересно следить, как совершенствуются художественные приемы при изображении тела и исчезает мало-помалу условность. Мне страшно понравилась одна картина: «Поклонение волхвов» Алатори. В галерее этой есть и современные картины. Мало хороших. Нас еще раньше в фотографиях и копиях очень заинтересовала картина проф. Кастаньо «Фра Филиппо объясняется в любви монахине». Нельзя сказать, чтобы созерцание самой картины значительно увеличило наш интерес к ней. Поза монахини — очень хороша. Лицо ее серьезно, прекрасные глаза смотрят умоляюще. Видно, что и сама она любит, но смотрит на возникающее чувство трагически. Наоборот, фигура Фра Филиппо — нехороша. Поза — не блещет оригинальностью. Ноги его не в одной плоскости с верхней частью туловища. Они отодвинуты в глубь картины, между тем как тело валится вперед.

Очень хороша картина «Извержение Везувия».

Отсюда мы пошли в галерею Буонарротти, куда в этот день можно было проникнуть даром. Тут особенно интересного ничего нет. Потом довольно долго ходили по прекрасному парку Boboli, любуясь видом на Флоренцию и обсуждая судьбы русского студенчества. Затем пошли обедать. Узнали новое название некоего горлощипательного мясного блюда: *casalino*. За обедом в маленькой столовой на *piazza St. Croce* мы каждый день встречаем славную девицу, которая приходит тоже обедать, <и> видно, со своим женихом, <т><ак> <к><ак> обращается с ним весьма нежно. Она улыбалась всё время Максу, а когда уходила, то, воспользовавшись тем, что жених ее ушел вперед, она потрепала любовно Макса по щеке.

Это уже не первая победа Макса в Италии. В Милане какая-то женщина на улице точно так же с любовью погладила его по спине (или немного ниже).

После обеда отдыхали, ели невозможные деревянные груши. Затем Макс пошел есть мороженое.

Теперь мы сложились и через 2 часа едем в Рим. Ура! в Рим!
В. И.

Рим. 1900 года. 35-й день. 30 июня (13 июля).

В 7 <часов> утра мы были в Риме. Оставив багаж на вокзале, мимо цирка (?) Диоклетиана, мы устремились по направлению к *via Sistina*, хорошо не понимая сами, зачем именно туда. На *via Sistina* зашли в дом, где живет Рейман. Его не было в Риме. Скоро мы вышли на площадь перед *Trinità dei Monti* и увидели крыши нижележащих кварталов Рима перед собой. Вдали виден был купол Св. Петра. Мы сошли по красивой, <т><ак> <н><азываемой> Испанской лестнице вниз и пошли дальше. Мы думали, что нам еще далеко до *Corso* и до почты. Но оказалось, что мы уже всё это прошли. На почте Макс получил много писем, и одно из них звало его в Норвегию. Тут обнаружилось всё легкомыслие нашего уважаемого *Reise Marschall'a*. Забыв, что он в Риме, что он наконец достиг того, чего желал, он носился как угорелый по городу, хватаясь за голову, и вопил: ехать или не ехать? Мы его на время усмирили и стали искать помещение. Несколько хозяек запрашивали с нас за 2 недели, считая в 1 день колоссальные суммы. Когда же мы предлагали за 2 недели круглую сумму, дающую в 1 день неизмеримо мало, они быстро соглашались. Мы обещали через 4 <часа> явиться и отправились искать еще дешевле, чем дали. <Т><аким> <обр><азом> мы, наконец, остановились на одной за 25 лир на *Via Monte Brianzo*, недалеко от замка Св. Ангела. Тогда решили принести багаж. <Т><ак> <к><ак> *Alexis* не вошел в счет жильцов по комнате, то он отправился

искать себе номер. Мы втроем, снабженные увесистыми мешками, порядком измученные бессонной ночью и беганьем, направились домой. Но тут снова пришлось нам потерпеть от легкомыслия нашего жестокого Макса. Он так уверенно шагал по новой дороге, справляясь с планом, что завел нас далеко от дома. Я тогда устремился куда глаза глядят, спрашивая направо и налево о дороге, всячески стараясь избегать указаний Макса, не давая им никакой веры, хотя бы они этого уже и заслуживали. Т<аким> обр<азом>, разбредшись по городу, мы в разное время собрались домой. Хозяйка вдруг нам объявила, что комната будет свободна лишь к 5 ч<асам> вечера. Мы снова очутились на улице. Решено было пойти пообедать. На этот раз повторилось снова одно из обыкновенных приключений в ресторанах. Толстая итальянка так трещала, что-то болтала и ушла. Подали нам суп, мы съели и стали ждать. Часа через полтора пришлось выяснить, что же будет дальше. Оказалось, нам больше ничего и не собирались давать и оставили нас в покое. Отсюда мы пришли на Piazza del Popolo и поднялись на М<onte> Pincio. Прекрасный сад на горе, откуда открывается чудный вид на город. Назад виден парк Villa Borghese. Погулявши, мы спустились снова в город и пришли по Корсо на Форум. Вход на него оказался платный, и мы только обошли его. Затем мимо храма Весты мы перешли Тибр по Trastevere, где Макса все принимали, за его шляпу, за китайца, мы вышли к Петру. Нельзя сказать, чтобы всё, что мы видели в Риме, было особенно для нас неожиданно, наоборот, всё казалось давно знакомым. Собор Петра снаружи довольно неуклюж. Нельзя отойти и увидеть его в соединении с колоннадой. Вблизи видишь или собор или колоннаду, и они мало друг другу соответствуют. Внутри пахнет сыростью, но светло. Страшная роскошь, громадные размеры, и никакого впечатления. Выкрашенные желтой краской органы стоят в притворах. Работ Микель Анджело не нашли, т<ак> к<ак> были без путеводителя, а они где-то в боковых капеллах. Мимо замка Св. Ангела мы вернулись домой. Наша комната еще была не свободна, и нам дали другую. О, итальянцы!

Л. К.

Рим. 36 день. 1 (14) июля.

В камень черный,
В берег голый
Бьст упорный
Вал тяжелый.
Ах! к пустыне той
Рвуся я душой!

И это в Риме?! Вот уж два дня, как всё перепуталось у меня в голове: вчера одновременно с приездом в Рим я получил письмо от Пешковского, зовущего меня в Норвегию, и решил из Константинополя схать туда. Теперь я немного пришел в себя, но вчера... вчера я совсем ошалел. Я метался по Риму, совершенно ничего не понимая, и сквозь пальмы на Пинчيو мне чудились северные фиорды; на Форуме мне чудилось полуночное солнце на Норд-Капе, а в храме Петра с шумом дробились тяжелые волны Северного моря. Словом, настроение для Рима было совершенно нелспос, и оно ярко проявилось в том сложном и извилисто-причудливом пути, которым я вел компанию с вокзала домой.

Сегодня утром мы были разбужены Алексисом, который нашел комнату отдельно от нас. Мы встали и пошли в Ватиканский музей скульптуры. Мы обошли громадное туловище собора по большим дворам, поросшим травой, и вступили в лабиринт Ватикана, похожий на беспорядочное нагромождение зданий, выросших одно на другом, подобно листьям кактуса. Что мы видели, трудно описать. Сотни всемирно известных антиков нам предстояло осмотреть в течение двух часов, и мы только успевали перебегать от Аполлона Бельведерского к Персею Кановы, от Лаокоона к Эроту Праксителя, от Венеры Книдской к группе Нила и т. д. Из одного окна открывался вид на Рим, залитый ослепительным солнцем, а прямо внизу тянулись некрасивые геометрические улицы полей Св. Ангела. В 12 час<ов> музей закрылся, и мы зашли в ближайший ресторанчик пообедать. Хозяин, толстый веселый итальянец с полуседыми усами, обедавший тут же вместе с нами, выказал необыкновенную радость, узнав, что мы русские, и даже слегка захолопал в ладоши. Потом начал оживленно болтать с нами по-итальянски, но довольно вятно, и в заключение не в счет счета угостил нас хорошим вином и только что присланным ему сыром, что можно всецело отнести к благоденствию итальянской природы.

Через Испанскую лестницу, так понравившуюся князю, мы прошли на виллу Медичи во французскую Академию, но она оказалась запертой на всё лето. Вчера, между прочим, князь убеждал нас идти обедать в какой-то необыкновенно

дешевый по виду ресторан, который он только что видел «на улице... улице... (тут он полез в свою записную книжку). Ее зовут *divieto... divieto affissione*». Нам, конечно, пришлось отказать от мысли найти эту тратторию, т<ак> к<ак> «*divieto affissione*» означает запрещение наклеивать объявления – надпись, встречающаяся почти на всех итальянских домах, которую князь по свойственным ему особенностям принял за название улицы.

Через *Monte Pincio*, где нас застал дождь, и *porta Romana* мы пришли на виллу Боргезе. По широким аллеям парка мы достигли до *Casino*, в котором помещаются коллекции. Там много прекрасных вещей. Есть антики, есть и копии с антиков. Очень грациозна группа Аполлона и Дафны Бернини. Венера Кановы поражает тонкостью и мастерством работы, но страшно холодна. Между картинами очень хороши расписания Ван Дика и Леда да Винчи. Подбор картин очень характерен для вельможи XVIII в., и князь высказал по этому поводу несколько ценных исторических соображений. Из *Casino* мы пошли смотреть ту часть парка, за вход в которую берется по 25 центезиме, а Леонид пошел домой через *porta Pinciana*. В платном саду оказались звери. Алексис великодушно предлагал одной серне пососать его палец, но она вежливо отклонила подобную честь. После мы смотрели на обезьяну, которая ездила верхом на своем отце, после любовались озером, по которому плавали лебеди. Но Алексис со свойственной ему прозаичностью доказал, что это не лебеди, а утки. Потом они с князем пошли покупать «Воскресенье», а я пошел домой и застал там Леонида, читающего письмо, полученное от т-те Поленовой, в котором она посылала его в Риме к т-те Хельбих. Скоро подошел князь, и мы решили немедленно отправиться туда на виллу Ланте, стоящую на Яникульском холме. Мы поднялись мимо церкви Св. Онуфрия на тенистую аллею, ведущую по вершине холма, откуда открывалась ослепительная вечерняя панорама на город, сзади на фоне заката вздымался стройный купол Петра. Военный джентельмен, к которому мы обратились за указаниями, отвечал нам сперва довольно холодно, но, узнав, что мы ищем «*il principessa Helbich*», внезапно стал поразительно мил, об-

ходителен и любезен и подвел нас к самым дверям одинокой виллы, стоящей на самом крас холма посреди парка, прямо над Римом. Так как вваливаться целой толпой было неудобно, то пошел один Леонид. Минут 10 мы с князем спокойно ждали, любуясь Римом. Вдруг из деревьев показался снова воснный и пошел ко мне, крича издали: «Chiuda!!». Думая, что это всё одно и то же лицо и что он беспокоится о том, что нам не отпирают вход на виллу, я ему стал объяснять, что один из нас уже вошел, а мы его ждем здесь. Теперь уж он ничего не понял. Нырря и захлебываясь в море итальянских слов, наконец, понял, что сад на Яникуле закрывается уже и что выйти будет больше нельзя. Мы с князем ринулись к воротам виллы и стали звонить, чтобы вызвать Леонида. Прибежало два итальянца; снова мы начали выпускать из себя потоки итальянских слов, но в результате здесь уже решительно никто ничего не понял, и нас для выяснения повели прямо к т-те Хельбих. Таким образом, в гостях оказались уже мы все втроем. Пред нами за столом сидела почтенная дама поразительной толщины и добродушного вида и склеивала какие-то старинные блюда. После первых приветствий и восхищений видом начался разговор. Она говорила много и непринужденно, очевидно о том, что ее самое в настоящую минуту интересовало: о сыне, производящем в настоящую минуту исследования над каучуком в итальянской Африке, о своей амбулатории, об итальянском докторе, которого она уверила, что итальянский язык очень похож на русский.

«Я в Риме уж тридцать лет живу и только иногда в Москву езу. Собственно, кроме Рима и Москвы я ничего не видела. Только в Вене останавливаюсь проездом часов на пять и езу по больницам, чтобы посмотреть, что там новенького. Я тут в Риме с докторами разошлась, и у меня теперь своя амбулатория. Они все возмущаются, что я рожу заговором лечу, а это всегда помогает — через сутки выздоравливают, и я верю в это. В медицину современную, в этих бацилл я совсем не верю. Все болезни, по-моему, исключительно на нервной почве. Я почти исключительно детей лечу; тут у нас в Транстевере поразительно красивые дети. Я страшно люблю итальянских детей, и у меня через руки не меньше 40 тысяч

прошло. Раньше мы жили на Капитолии, но потом муж разошелся с институтом, и пришлось искать квартиру. Да я в сущности и не искала, а эта вилла совсем случайно попала, и мы здесь вот уж 13 лет живем. Это ведь старинное здание. Ес Джулио Романо строил. У Вазари ее описание есть. Возьмите вон там на полке большой том, третий слева – я вам переведу. Приятно, когда описание своего дома за три столетия читаешь. Тут у нас привидения ходили раньше. Мы все видели, как в темноте большие огненные шары летали. Тут ведь драмы происходили. Вон, например, в той комнате в XVIII ст<олетии> один из Ланте свою сестру зарезал. Да вот возьмите лампу, я вам покажу другие комнаты. Вот в этой зале фрески были, но их увезли. А на потолке вон гербы фамилии Медичи – вы их в Апартаментах Борджиа увидите. А здесь потолок расписан Джулио Романо. Вон Форнарины портрет. Это вот студия моей дочери. Вот отворите-ка окно».

В комнату ворвались лучи ясного лунного света. На огромном чистом небе стояла луна. Внизу, широко раскинувшись, лежал Рим. Длинная огненная лента показывала течение Тибра. Два ярких электрических огня сияли на Квиринале. Некоторые кварталы тонули во мраке, в других кое-где сверкали огоньки. Направо темнели Альбанские горы, налево на горизонте смутно рисовалась Соракта. Густая зелень виноградников и садов спускалась внизу по склонам холма. Вечный город! Я впервые ощутил его веянье только теперь в этом старинном дворце, чувствуя под собой сонный трепет спящего города, утопающего в сиянии неподвижно застывшей луны. Дыханье 27 веков, смешанное с легким запахом винограду и переплетенное нитями лунных лучей, поднималось снизу.

«Ужасно то, что там внизу стоит центральная тюрьма. У них ведь всё одиночное заключение. Это более жестоко, чем у нас. Когда было здесь ночью землетрясение в 95 году, то мы слышали, как они все кричали в своих камерах».

Мы ушли в 10 часов, получив приглашение приходить снова. Через площадь Санто-Пьетро in Montorio под тенью деревьев, рассекавших дорогу своими сильными лунными тенями, и пустынные улицы Транстевере мы вернулись домой. *М. В.*

Макс был утонченно вежлив. На вопросы он отвечал сладким полупшепотом. «Право, здесь хорошо?» — спрашивает толстая дама. Макс закатывает глаза, вздыхает протяжно и громко от полноты ощущения и восторженно шепчет: «О! чудно, чудно! Только теперь я начинаю ощущать Рим».

Он увлекается, впадает в поэтический пафос при мысли о том, что толстая дама оживляет и одухотворяет обстановку античную, что вместе с нею взирают на Рим с этого самого места века и пр. и пр.

«Видно поэта, — говорит снисходительно дама. — Но ничего, не стесняйтесь, пожалуйста...». *В. И.*

37 день. 2 (15) июля. Рим.

Так как сегодня воскресенье и некоторые галереи открыты для публики безвозмездно, то мы решили не терять драгоценного времени и уже в 11 часов выступили в поход. Однако нам не суждена была удача. В Muse^o Nazionale, куда мы отправились прежде всего, мы обрели только Аполлона, якобы самого Фидия. Остальные достопримечательности музея состоят из членов человеческого тела, ведущих самостоятельный образ жизни. Туловища без головы, руки, ноги без туловища, голова без носа — все эти жалкие остатки былого величия, весьма интересные для историка искусств, на нас — дилетантов, произвели мало впечатления. К тому же верхний этаж оказался запертым вследствие ремонта.

Музей Кирхера — антропологический и археологический — очень богатый и полный — не представляет из себя ничего характерного для Рима и мало нас интересовал.

Утомившись столь бесплодными осмотрами, мы пошли обедать в маленький трактирчик, где ели обычное вареное мясо, салат из стручков и макароны. Отдохнув часа 2 дома, мы отправились на Форум, куда вход сегодня также бесплатный. Перед этим старались тщетно разыскать Тарпейскую скалу. Хотя Леонид и указывал на ее отличительный признак (она должна быть увешена бельем, которое сушится на солнце) и хотя мы усердно озирались на все стороны, надеясь увидеть разноцветные полоски материи, но так и не определили с точностью местонахождение этой исторической скалы.

На Форуме очень приятно бродить среди сохранившихся кое-где колонн, развалин, арок, смотреть на разноцветные кусочки мрамора, обломки гранитных колонн. Всюду расставлена масса сторожей. Леонид покушался на обломок розового мрамора, а я на плитку зеленого. Но сторожа бдительно следили за нашими дви-

жениями. Нам так и не удалось привести в исполнение наших преступных замыслов.

Макс сидел мечтательно на высоких развалинах базилики Константина под мощными арками. Мы условились встретиться у триумфальной арки Тита, чтобы идти в Колизей. Когда мы с Леонидом направились туда, какая-то темная личность стала убеждать нас, что с той стороны ворота уже заперты, и что надо подняться по лестнице, где обыкновенно сходит публика. Мы послушались убеждений темной личности (которые, как оказалось потом, были ложны). Разными обходами мы пробрались к Колизею. Макс, оказалось, уже давно ждал нас и негодовал на нашу неаккуратность.

В Колизее мы встретили громадную толпу русских девиц и одного с ними кавалера, пухленького юношу. Он в разговоре с Максом немедленно с сокрушением заявил, что девиц этих тридцать пять, а он один.

Мы вышли из Колизея, причем опять на некоторое время утратили Макса, и пошли подкрепиться, чтобы с наступлением вечера снова вернуться в Колизей. Пока мы пили кофеи, наступила ночь. Мы спустились к Колизею, почти ощупью пробрались под сводом на арену и сели там в ожидании луны. Полуразрушенные стены Колизея, все изрытые сводами, окнами, окружали нас темным грандиозным кольцом. Луна еще не показывалась. Было совершенно темно. Макс стал рассказывать сказку Кеннет Греем: Уклончивый дракон. Прямо за каменным выступом, на котором мы сидели, чернелся какой-то глубокий проход вниз. Мы ожидали, что оттуда вылезет дракон. Летучие мыши шныряли мимо нас. Иногда пробегали черные кошки, которых почему-то водится громадное количество в Колизее.

Когда мы возвращались домой, Макс опять убежал вперед и скрылся в темноту. *В. И.*

На Форуме

Арка, разбитый карниз,
Своды, колонны и стены...
Это обломки кулис
Сломанной сцены.
Кончна пьеса. Ушли
Хор и актеры. Покрыты
Траурным слоем земли
Славные плиты.

Здесь — пьедесталы колонн,
Там возвышалась роstra,
Где говорил Цицерон
Плавно, красиво и остро.
Между разбитых камней
Ящериц быстрых движенье...
Зной раскаленных лучей...
Струйки немолчное пенье...
Зданье на холм поднялось
Цепью изогнутых линий...
В кружеве легких мимоз
Стройные очерки пиний...
Царственный холм Палатин!
Дом знаменитый Нерона!
Сколько блестящих картин,
Крови, страданий и стонов!...
...Смерклось... и Форум молчит...
Тени проходят другие...
В воздухе ясном звучит
«Ave Maria!»

Ночь в Колизее

*(Посвящается Его сиятельству
кн<язю> И<шееву>)*

Спит великан Колизей,
Смотрится месяц в окошки.
Тихо меж черных камней
Крадутся черные кошки.
Это потомки пантер,
Скушавших столько народу,
Всем христианам в пример,
Черни голодной в угоду.
Всюду меж черных камней
Черные ходы. Бывало,
В мраке зловещих ночей
Сколько здесь львов завывало!!
Тихо... Подошли все львы,
Смотрится месяц в окошки.
Смутно чернея средь тьмы,
Крадутся черные кошки...

Колизей. 12 часов ночи. 15 июля. М. В.

Рим. 38 день. 3 (16) июля 1900 г.

Сегодня утром, вставши, мы поспешили к фотографу Tuminello, старейшему в Риме, по его словам. Его студия оказалась более похожей на любительскую. Снимает он и печатает, не ретушируя ни негатива, ни позитива. Карточка, негатив которой нам очень понравился, в позитиве не особенно хороша. Затем мы отправились в Сикстинскую капеллу. Потолок ее мне очень понравился. Надо пожалеть только, что Микель Анджело написал всё это так, что трудно смотреть, и притом большинство сюжетов еле помещается в отведенных им рамках. Мне очень понравились декоративные фигуры. «Страшный суд» посредине закрыт алтарем, что не делает чести современному властителю Ватикана. Фреска страшно потемнела, и ее трудно понять без изучен<ия>. В фигуре Христа очень много живости, она светлее других, но тряпка, окутывающая ее, немало портит. На Стансы Рафаэля нам осталось мало времени, я успел хорошо рассмотреть только «Диспут» и начал «Афинскую школу», когда нас прогнали. В 1 час в Ватикане всё запирают. Отсюда мы зашли в собор. Там было холодно сравнительно с улицей. Князь пошел, обычно поваливая плечами, вперед. Макс сел перед «Pietà» Микель Анджело, я постоял рядом с ним и вышел на воздух. Князь, бродя по собору и не видя нас около себя, пришел к интересному заключению: ему ни разу не удалось заметить, чтобы пропал он, всегда куда-то я и Макс запропастимся. Это он нам и сообщил, когда мы сошлись на паперти. По дороге домой мы зашли выпить вина с водой. Макс пришла идея выпить брудершафт. Мы выпили, но результаты пока плачевные. Князь упорно говорит «Вы» всем. А мы все стараемся говорить на «он». К нам зашел Смирнов и объявил, что едет сегодня в Венецию. В Риме он всё осмотрел; галереи ему не понравились, и делать больше нечего.

На вечер была назначена прогулка по Аппиевой дороге, и мы отправились. По дороге на почте мы получили письма. Макс, прочтя свое, возопил: «В Ташкент», перепугал нескольких итальянцев. Оказалось, что ему больше улыбается предложение ехать в Ташкент. Но недолго нам пришлось заниматься этим новым вопросом. Князь был изловлен неким русским и подвел его к нам. Высокий господин, бритый, с взбитыми усами, говорит со свистом, одет франтовски. Макс определил его удивительно обыкновенной парижской физиономией. Вот его титул:

Alessandro di Ukraintzeff
Capitano in ritiro della Infanteria della Guardia
Imperiale Russa.

Membro della Società Imperiale Geografica in Pietroburgo.
Corrispondente del «Pravitelstvenny Wiestnik»
(Messaggero di Stato) di Pietroburgo.
Redattore del Giornale «Russkia Wiedomosti»
(Il Notiziario Russo) di Mosca.*

Долго он болтал. Рассказывал про то, как он был на аудиенции у Папы. Что он сегодня в Офицерском собрании читает описание своего путешествия по Северу России, и старательно нас приглашал туда. Но мы обратили его внимание на наш костюм, и он пожалел, что у нас нет ничего более приличного с собой. Затем он, узнав, что Макс корреспондент, как и он, повлек нашего новоиспеченного журналиста, а я с князем поспешили удалиться. Как оказалось, наш новый незнакомец по дороге в редакцию Tribuna увидел редактора этой газеты, на улице бросился к нему, представил Макса, надоел порядком седому итальянцу. Последний под благовидным предложением скрылся. Макс снова сделался единственным слушателем рассказов М<onsegneu>г Украинцева о своей дочери, которая хоть и не совсем при дворе, но близка с вдовствующей императрицей. Затем на вопрос Макса, был ли он в Испании, отвечал, что он не был, но его племянник был. В Пиренеях племянника взяли в плен и, если бы не тетка племянника, заплатившая 4000 франков (тут следовало сильное выражение), то быть племяннику без уха. Затем редактор «Русских Ведомостей» взял с Макса слово прийти завтра утром в Hôtel Eden. Макс поспешил нас догонять. Конечно, этого надо было ожидать от Макса, но я и князь так мало рассчитывали встретиться с ним, что изменили свой план и вместо Аппиевой дороги пошли в Колизей. Здесь мы решили спуститься под арену. Долго выбирали место. Наконец, я, упершись руками и ногами в противоположные стены, быстро очутился внизу. Князь некоторое время висел в таком положении, но мое напоминание об Альпах его подбодрило, и он благополучно достиг почвы. Внизу мы бродили по коридорам, где, вероятно, содержались звери и куда стаскивали трупы убитых. Однако большинство выходов засыпано, и мы скоро обегали всё, что возможно было. Когда мы вернулись домой, то на столе нашли следующую записку: «До свидания, в 11 ч<асов> уезжаю. Благодарю за то, что ехал с вами, и извиняюсь за то беспокойство, которое доставил всем вам. А. С.». Скоро пришел Макс и рассказал нам, как

* Александр Украинцев, капитан в отставке гвардейской пехоты императорской России. Член Императорского Географического общества в Петербурге. Корреспондент «Правительственного вестника» в Петербурге. Редактор газеты «Русские ведомости» в Москве (ит.).

ему надоел наш новый друг и как он, удравши от него, обегал весь Колизей и пробежал верст десять по Аппиевой дороге, надеясь нас догнать. *Л. К.*

4 (17) июля. День 39. Рим.

Еще продрав глаза в половине девятого, князь и Леонид прежде всего стали ворчать и негодовать на то, что ради нашего нового знакомца — «редактора Русских Ведомостей», которому мы обещали прийти к нему утром, чтобы идти с ним в какую-то церковь Св. Павла, приходится вставать так рано. Тем не менее, встали и пошли. Князь поразительно долго рассматривал свои брюки, тер тряпочкой башмаки, мазал нос кольдкремом, втягивал его через нос внутрь, задумчиво застыл на одном месте с какой-нибудь частью туалета в руках, рассматривал свой бюст в зеркало, но, тем не менее, все-таки оделся. Когда мы пришли в гостиницу Эден, наш друг встретил нас внизу. Он был далеко не так блестяще презентабелен, как вчера. Он был еще не одет, и потому до самого горла застегнут в черное пальто. Усы были взбиты, но несколько растрепаны. Он провожал какого-то итальянского джентельмена, очевидно, желавшего удраить от него. Увидев нас, он с яростной любезностью кинулся к нам и только что успел было обратиться к джентельмену, чтобы представить ему «необыкновенно интересных корреспондентов, прошедших пешком из Москвы в Рим», но тот, воспользовавшись минутой, скрылся за дверь. Мы остались одни. Он провел нас в свою комнату, усадил нас полукругом на стулья и стал болтать.

«Ну, как... да вы уже, верно, многое видели в Риме? Были вы на Капитолии? Да? Видели там памятник Гарибальди?»

— Т. е. вы хотите сказать — на Джаниколо? Разве в Риме два памятника Гарибальди?

«О, нет — один! Он там среди площади на коне стоит».

— Извините, но не ошибаетесь ли вы? На Капитолии стоит только античная статуя Марка Аврелия.

«А... ах, между прочим!.. да... вы ведь студенты... Вы ведь знаете, что ведь собственно, в Петербурге при дворе

все в вы<с>шей степени сочувственно относятся к движениям молодежи. Константин Константинович... Но знаете, там, где юбка замшалась — добра не будет. Это всё Марья Федоровна... Вы простите меня, но между нами будь сказано (я совершенно не хочу хвастаться), моя дочь... она очень... знаете, ученая барышня. Даже курсы слушала. Она очень близка к Марье Федоровне. Собственно, она не придворная, не фрейлина... но она, знаете, себе иногда позволяет такие вещи... мне говорили, что она будто так и родилась при дворе... Так она, понимаете, такую штуку сделала... Ее Марья Федоровна спрашивает: “Ну, а вы, моя *petite savante**, что об студенческих беспорядках думаете?”, — а она ей прямо: “Я считаю студентов совершенно правыми”. Так и выпалила... и ничего... Она потом пятерых студентов из Петропавловки выручила... А в Китае-то у нас что? Эти наши дипломаты... Вот тоже, как при Александре II... Горчаков был (извините за выражение) просто... старая тряпка. Вот Александр Третий, это был тонкий дипломат. Я вам прямо скажу: как государя, я его не любил, но как человек это был дивный... Да вот, позвольте, вот газеты...

(Он развернул номер националистической газеты “Journal”).

Это мне высылают... Это националистическая... и я, по правде сказать, не люблю ее... Жидов они всё травят... И везде-то их все травят... жалко мне их, по правде сказать».

До сих пор мы все молчали и ничем не выражали ни своего сочувствия, ни своего несогласия. Это его, очевидно, сильно смущало, и он решительно начал теряться, не зная, какой взять тон. Сочтя, что он своими чересчур либеральными мыслями, верно, противоречит нашим консервативным убеждениям, он переменил фронт.

«А эти жида все-таки, знаете... Да вот хоть в прошлых беспорядках, это ведь всё они: поляки и жида... Честная русская молодежь была сперва в стороне... Да вы знаете, я сам лично видел, как они подстрекали и подливали масла в огонь».

* Маленькая ученая (фр.).

— А мне попечитель харьковского округа говорил, что студенческие беспорядки англичане устроили, — мрачно заявил Леонид из угла.

«Как? Англичане... нет... почему англичане? Положим... О эти англичане — они любят ловить рыбу в мутной воде. Вот теперь в Китае... Со стороны наших дипломатов было так глупо пустить туда японцев. Да, вот позвольте. Во Франции вся пресса подкуплена жидами. Я сам был всё время в Ренне во время процесса и видел. Пикар — мерзавец и педераст. И Лабори — педераст!! Это всё одна компания... А это покушение на Лабори! Как это, позвольте спросить, он с пулей в спине мог в суде через два дня говорить? Позвольте-с... я сам был ранен... положим, пулю сейчас же и вынули, но это какая же боль! Ведь это чувствуется как постороннее тело давит... перевернешься... Да, вот при мне "La Fronde", женский журнал... очень интересно... знаете, всё женщины и есть очень пикантные... так его при мне подкупили... Ротшильд 40 000 франков прислал. Золя был нанят — это известно... Деманж... Вы помните дело Владимирова? Он свою жену с Дрейфусом застал. Собственно, т<ada>те Дрейфус — это единственная светлая личность во всем деле. Ведь она уже начала дело о разводе, но когда началось это дело, прекратила его... только для детей...

Анатоль Франс? Вот о нем я вам ничего не скажу! О нем — ничего. Это честный человек. А Лубэ, вы меня простите за выражение, — сволочь».

Так он болтал долго. Но мрачный вид Леонида в конце концов смутил его окончательно. Он вдруг круто оборвал свое извержение словами, обращенными к нему:

«Да вы извините меня, милый человек, может, я ваши з<a>ветные чувства?..»

— О нет! У меня просто живот болит.

Так как это было первое нечто определенное, что он услышал от нас, то он тотчас с этим согласился и поспешил прибавить, что у не<го> самого тоже болит живот. Это было финалом, и мы удрали.

Сперва мы пошли с князем в Palazzo Dogia, но оно оказалось закрытым на лето. Вернувшись, мы застали Леонида катающимся на животе. До четырех часов мы обливались потом, лежа в своей комнате, а после пошли гулять. Сперва к воротам Св. Павла, около которых высится холм Тестаччио, весь составленный из черепков, и стоит Пирамида Цестия, под которой покоится прах Шелли. Оттуда полями мы прошли на Аппиеву дорогу.

Вечерело. Дорога между стен, обвитых вьющимися растениями. Кое-где, залитые вечерним солнцем, вставали мощные и красивые очерки пиний. Когда мы прошли гробницу Цецилии Метеллы и поднялись выше в гору, пред нами развернулась внизу Римская Кампания, подернутая прозрачными синими вечерними тонами. Виднелись бесконечные, разорванные местами арки водопроводов и синели Альбанские горы. Ясно можно было разглядеть на их склонах маленькие городки: Фраскати, Марино, Рокка ди Папа и Альбано на самой верхушке горы. Солнце уже село за Римом. Необыкновенно чистые, ровные цвета заката еще не сбежали с темневшего неба. Город, весь залитый голубой мутью, смутно рисовался черными острями церковей и кипарисов. Совсем близко великолепно развертывался на ясном закате темный силуэт царственной пинии, и трагически чернели средневековые зубцы, венчающие гробницу Цецилии Метеллы. Вниз прямой линией убегала Аппиева дорога и снова взбиралась на противоположный холм, закрывавший половину Рима. Мы шли и вспоминали «Призраки» Тургенева: «...и вот бледная, с опущенными веками, в лавровом венце голова императора стала медленно выдвигаться из-за развалины...».

Идя по пустынным улицам южной части Рима, сплошь покрытой виноградниками и развалинами, мы рассказывали друг другу страшные истории. Придя в кофейню пить молоко, князь высказал непреодолимое желание спросить себе того напитка, о котором висят объявления во всех кофейнях, называющегося «È vietato disputare» (запрещается спорить). Мы с Леонидом еле его от этого отговорили. М. В.

5 (18) июля. 40-й день. Рим.

Утром мы, наконец, посетили Пантеон, который от нас в двух шагах. При входе в него приятно поражает широкий сноп лучей солнца, проходящий сквозь отверстие в куполе. Этот единственный и простой источник света очень выгодно освещает внутренность. Из Пантеона мы зашли в ц^{ерковь} S. Maria Sopra Minerva. Здесь мы тщетно искали знаменитого Благовещения Беноццо Гоццолы и фрески Филиппино Липпи. Мы уже уходили. Я заметил, как монах в капелле, где я уже был, показывает что-то дамам. Когда я подошел, красная занавеска уже закрыла икону. Так вот как сохраняются знаменитые вещи в церквях от глаз нескромной публики. Мы отправились в виллу Фарнезина. Долго мы шли по горячему солнцу. Долго бродили, отыскивая вход на виллу, и в заключение всего узнали, что она закрыта на всё лето. Снова раскаленные улицы, и мы идем в галерею на другом конце города, открытую до 3 ч<асов>. Но и тут итальянцы, всполошенные нашим появлением, уверяют нас, что галерея открыта только до 12 ч<асов>. Совершенно измученные, мы пришли домой и засели до 6 ч<асов>. вечера. Вечером мы вышли за Порто Анжелико. Кварталы близ него застроены громадными домами, пустыми или населенными беднейшим классом. Это результаты строительной горячки, кончившейся так печально. За Порто Анжелико мы зашли довольно далеко. Вечер был тихий, закат красивый, где-то играли на корнет-а-пистоне, пели Santa Lucia. Мы говорили об искусстве, затем, возвращаясь, о нравственности и подготовили почву для следующего дня. <Л. К.>

6 (19) июля. 41-й день. Рим.

Вчера вечером была очередь князя писать дневник, и он не написал. Макс утром напомнил ему об этом и пригрозил § Узаконений, обещающим штраф за это. Тут у них произошел спор, освобождает или нет штраф от писания дневника. Так как князь утверждал, что освобождает, и предлагал уплатить, то Макс, не желая потворствовать столь опасному действию одного § Узаконений, напомнил князю о судьбе Alexis'a, рассуждавшего некогда так же. Так как судьба Alexis'a состояла в том, что он был исключен из Союза, то князь оскорбился такой угрозой. Макс не признавал за своими словами свойства оскорбительности. Он говорил — напоминание о действии законов не может считаться оскорбительным. Князь же, наоборот, считал оскорбительным напоминание карательных мер закона. По обоюдному согласию они принесли свой спор на мой третейский суд. Решение суда таково: «В намерении Макса не было

оскорбить князя, в словах же его при желании можно найти все элементы оскорбительности». Обе стороны этим удовлетворились и поручили мне записать в дневник, запись же мою критике заинтересованных в этом происшествии лиц не подвергать. Л. К.

Посещение Тиволи

Встали мы в 7 часов, чтобы поспеть на трамвай. Трамвай идет от ворот S<ap> Lorenzo. До Тиволи езды около 1½ часа. Дорога довольно скучная. Изредка на несколько секунд открывается вид на бесконечную долину Кампании с синими очертаниями гор на горизонте.

Проводники, рестораны; рестораны и проводники! Все лучшие места в Тиволи заняты ресторанами. Мы долго не могли понять этого и потому бесконечно ходили под палящими лучами солнца вокруг круглой глубокой долины, куда, шумя и пенясь, низвергаются водопады, образуемые рекой Аньо. Мы слышали плеск водопадов, видели сверху несущиеся волны, но никак не могли подойти к водопаду таким образом, чтобы видеть его снизу или сбоку. Раздосадованные, истомленные, обливаясь потом, мы сдались, наконец, и, купив билеты на villa Gregoriana, благополучно спустились в парк. По извилистым дорожкам мы проникли в грот, где пенилась вода и было очень холодно. Макс убеждал нас сидеть здесь и наслаждаться, но мы с Леонидом почувствовали сильный холод и ушли оттуда. Макс негодовал, рычал, рыл ногами землю и бранил нас.

Потом мы вышли на площадку около самого большого водопада и любовались на прекрасную радугу, сиявшую в водяной пыли над водопадом.

Мы вышли из парка и зашли в кофейню. Там встретили поляка-художника, который нам много рассказывал про прелести неаполитанской жизни. Он посоветовал нам посмотреть виллу д'Эсте. Мы решили пешком дойти до виллы д'Эсте, оттуда к вилле Адриана. В 6½ часов шел обратный поезд в Рим.

Вилла и парк д'Эсте – прекрасное место. Теперь он заброшен. Но от этого еще лучше. Фрески в доме потемнели, каменные ступени расшатались, известь и цемент выветрились. В парке дорожки еще немного чистятся, но резервуары для воды стоят пустые, вода, очевидно, нашла себе другой путь, статуи и каменные орлы, герб д'Эсте, почернели и поломаны. Но тем роскошнее темная зелень кипарисов. Осталось еще 2 громадных, прекрасных фонтана. Если бы вода везде текла в прежнем изобилии, то ничего невозможно было бы представить лучше этого парка. Нам не хотелось уходить из него.

Вилла Адриана, наоборот, не представляет из себя ничего красивого. Она интересна своими многочисленными и грандиозными развалинами всевозможных строений – бань, зал, бассейнов, дворцов и пр. Мы долго бродили между стенами, по мозаичным полам, мраморным ступеням, перекликаясь между собою. Леонид под листом жести обрел мозаику, хорошо сохранившуюся и прекрасного цвета.

В 6 часов мы поспешили на поезд. У ворот нас уже ждал сторож с графином воды, хотя кран водопровода тут же на дворе.
В. И.

В Тиволи мне очень понравились оливковые рощи по склону горы. Они очень напомнили мне Палестину. Мне трудно было отделаться от этого впечатления, когда мы спускались по каменистой дорожке к вилле Адриана. Ехавший впереди итальянец на осле казался одной из фигур нашего каравана в Палестине. Из виллы д'Эсте Кампания открывается, как громадное море зелени, над которым вечернее небо от горизонта до зенита переходит все оттенки желтых, зеленых и голубых тонов. Вилла Адриана лежит в равнине у подножия Сабинских холмов. Это очень запутанный лабиринт комнат, коридоров, все без крыш, без стен часто. Из мозаичных полов сохранились только неинтересные белые с черным. Только иногда виден мраморный пол. Очень много у подножия стен плиток облицовки желто-розового мрамора. Несмотря на разрушение, чувствуешь роскошь римских императоров, совершенно отличную от роскоши 18-го – 17-го столетия, которую мы видели в вилле д'Эсте. Роскошь римлян много проще, спокойнее, величественнее.
Л. К.

«Мне уж снился он когда-то
Этот старый, темный сад,
Воздух, полный аромата...»

Чем-то давно знакомым, родным повеяло от этих старых мраморных лестниц, зацветших плесенью и исчервленными временем, от этих темных аллей, дорожки которых заросли мохом, фонтанов, обросших зеленью, струйки которых весело поют и переливаются на солнце, нарушая тишину умершего замка, этих когда-то красивых, но теперь обвалившихся и сырых гrotтах, в которых сидят одни большие серые жабы.

Всё это было знакомо когда-то давно, а теперь позабыто. Знакомо по тем наивным и простым сказкам о старых замках и прекрасных принцессах, которые так легко гибнут от малейшего дуновения мысли и могут жить и цвести, как нежные тропические растения только на благодатной почве детской фантазии и увядают вместе с годами. И вот эти детские грезы застыли в реальных формах. В зеленоватом прозрачном полусумраке лавров старые сломанные боги, тритоны и речные божества в обрушившихся гротах, нимфа над фонтаном — вся старая мифология, воскрешенная XVIII в., но не холодная и рассудочная, а одухотворенная и живая среди этого разрушения. Из-за каменной балюстрады бесконечная синева Кампаньи и маленький купол на горизонте — Св. Петр. Стройный ствол черного кипариса... крик цикад... монотонное журчанье фонтана...

Бедные старые тени восемнадцатого века! Бедные маленькие очаровательные принцессы в своих шелковых платьях, с перетянутыми талиями, напудренными высокими прическами, на своих высоких каблучках, ваши тени смутно мелькают теперь в темных аллеях. Вы так же поблекли и завяли, как большие каменные лилии, царственные орлы с герба дома д'Эсте, остовы которых печально сереют в заброшенном парке.

Другая вилла... Бесконечные аллеи кипарисов... Траурные деревья — символы смерти. Всё разрушено. Солнце жжет уцелевшие мозаики пола великолепного дворца. Полуразрушенные стены, уцелевшие своды, библиотеки, музей, театр, термы — всё, что может создать тонкий эстетик, властитель мира. Теперь всё это заросло зеленой травой и синевато-зелеными оливами. Другая эпоха — другие тени. Я видел двух людей, печально бродивших рука об руку в тени кипарисов. Они были в длинных широких одеждах, падавших мягкими складками с одного плеча. Один был пожилой человек среднего роста, с курчавыми волосами с проседью и коротко подстриженной бородой. Глаза его были быстры и повелительны. Странное впечатление производил его немного длинный мощный нос и маленький рот, скрытый под небольшими усами. В нем виделся умный практический человек, умею-

щий дело соединять с тонким наслаждением красотой мысли и формы, — эпикурсец в первичном смысле этого слова. Движения его были быстры и энергичны. Его спутником, на руку которого он опирался, был высокий юноша атлетического телосложения и поразительной красоты. Юноша шел медленно и задумчиво. Дивная голова его была низко опущена на могучую широкую грудь. Из-под сросшихся широких бровей задумчиво глядели вдаль большие грустные глаза. В красоте его не было греческой нервности и тонкости линий. На этом почти детском лице и могучем теле лежала какая-то сонная восточная греза, прекрасная и неопределенная. Прекрасные фигуры императорского Рима! Вы жили на головокругообъемлющей высоте всемирного господства и умели воспользоваться всей красотой вашего положения. Прекрасный Антиной, утонувший в Ниле и обоготворенный Адрианом после смерти, статуей которого я любовался в Ватикане! Я видел эту задумчивую тень, идеальной красотой которой хотели обновить греческое искусство, под траурными кипарисами, вы<ро>сшими на развалинах виллы Адриана. М. В.

7 (20) июля. 42 день. Рим.

День начался со штанов. Вчера, пробегая по улицам Тиволи, князь с размаху опустился на одно колено на мостовую — «Nonny soit qui mal'y pense»* — он просто упал, и его правая штан<ин>а лопнула. Утром пришлось мне идти отдавать чинить его злосчастные брюки с которыми он не имеет право расстаться, ни купить себе новые, так как он продал это право в Генуе за рюмку бенедиктина. Первый портной, к которому я явился, умер накануне и поэтому никак не мог взять работу, второй с презрением отвернулся от брюк и сказал, что таких дыр они не чинят, а прямо шьют в таких случаях новые, и, наконец, я нашел третьего, который сидел под вывеской «Sartoria ecclesiastica»** и размахивал по воздуху иголкой с белой ниткой. Он, прежде чем я успел ска-

* Пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (фр.).

** Церковное ателье (ит.).

зять первое слово, выхватил у меня из рук княжеские брюки и немедленно начал их тыкать иголкой. Напрасно я убеждал его сказать, что это будет стоить, и только когда я его схватил одной рукой за коленку, а другой стал тянуть брюки к себе, он неохотно пробормотал: «Una lira».* В 10 часов князь был в штанах, и мы пошли в академию San-Luca. Самое замечательное в ней было то, что сторож отказался взять на чай и дал нам даром каталог. Из картин особенно поразила нас воображение картина Сальватора Розы, названия которой не знаю, но которую приличнее всего было бы назвать: «Грезы старого кота о мартовских днях его юности». Затем мы поднялись на Капитолий в скульптурный музей. Там нас немедленно поймал городской учитель из города Болграда Бессарабской губернии, путешествующий по всей Европе, не зная ни одного языка, кроме русского. Так как эти знания ему приходилось применять, очевидно, очень редко, то он воспользовался случаем встречи с нами, чтобы показать всё свое искусство выражать мысли на этом диалекте. Затем в зале «Умиравшего галла» мы наблюдали английский способ осматривать достопримечательности. Решительным шагом вошли семь девиц и один молодой человек. Последний сказал несколько свистящих слов. Затем девицы закурились вокруг статуи. Каждая хлопнула ее рукой по спине, некоторые пощупали у нее пальцы на ноге, и все стремительно выбежали в другую залу, не удостоив взглядом ни Праксителя Фавна, ни голову Александра Великого, ни статую Фаустины, вероятно, не отмеченных звездочкой в их путеводителе. В других залах нас опять ловил городской учитель, и я не могу сказать, чтобы видел там особенно много. Затем мы прошли в дворец консерваторов, напротив. Там небольшой скульптурный отдел, небольшая картинная галерея, в которой очень хорошо «Жертвоприношение Ифигении» Рибейры и «Св. Себастьян» Гвидо Рени. Там же прекрасные портреты Веласкеца и Микель Анджело. Внизу большая галерея бюстов итальянских великих людей и немножко археологии. Другую половину дворца занимают старинные парадные комнаты и

* Одна лира (ит.).

одну из них комната, посвященная реликвиям Гарибальди, где стоит его великолепный бюст из красной глины.

Пообедав в ресторанчике у подошвы Капитолия, где нам дали несомненно кисло-горько-соленого салату, мы вернулись домой, а вечером гуляли по Пинчио и на Корсо. Когда мы вернулись домой, нас ждал удивительный сюрприз. Мы еще с утра были извещены о том, что нас наконец переведут в ту большую комнату, которую мы наняли спервоначалу. Придя же туда вечером, мы застали там только две обыкновенных кровати. Призван был хозяин, но он нас уверял, и, кажется, вполне искренно, что мы при найме требовали себе именно две кровати, а как мы будем спать на них, совершенно ему неизвестно. Он, напр<имер>, предполагает, что можно сдвинуть кровати так, что один ляжет между ними. На мое замечание, что все-таки на дыре спать невозможно, он выразил полное свое недоумение. Теперь князь уже покоится на постели, но как мы проведем эту ночь и чем кончится кроватный вопрос — покрыто тайной. *М. В.*

8 (21) июля. День 43. Рим.

Я встал в 7 часов и принялся убеждать Леонида и Макса также одеться, чтобы изменить наш нелепый образ жизни в Риме, столь неприспособленный к страшной жаре от 11 до 3 часов дня. Но Леонид обнаружил позорную леность, и его удалось поднять только к 10 часам. Мы пошли опять в галерею статуй в Ватикане, где уже были один раз. Гораздо приятнее быть второй раз в подобном богатом собрании произведений искусства. Можно не спешить неудержимо вперед, а стоять долго перед такими дивными произведениями, как Венера Книдская, голова Зевса, бойцы Кановы, Лаокоон, дивный Меркурий и др.

В галерее оказалось пропасть русских. Как мы ни скрывались при звуках родной речи, нас настигли двое толстяков, не говорящих ни слова ни на одном из европейских языков, кроме русского, и один ученик Академии художеств из Петербурга, оставший от компании проф<ессора> Лесгафта, который тщетно и долго искал по всей Италии «Ночь» М<икель> Анджело, к которой относятся слова Сорбье: «Спи, спи!» (варьяция ученика Академии худож<еств>).

Домой мы вернулись рано, спали, писали письма, Макс рисовал талантливые виньетки. В 4 часа мы пошли в монастырь

Св. Онуфрия. Монах за 75 цент<езимо> повел нас по крутой лестнице на 3-й этаж, где находится келья Торквато Тассо. Стены коридора и соседних комнат увешаны лавровыми сухими венками с длинными некрасивыми лентами. На столах лежат всевозможные издания «Освобожденного Иерусалима». В углу стоит бюст, очевидно, сделанный по посмертной маске, производящий очень тяжелое впечатление.

Тут хорошо под вечер. Мы пошли отыскивать дубы Т. Тассо. Их всего два. Один с черным полусгнившим стволом. Он падает. С обеих сторон его старательно поддерживают большими подпорками. Тут же на склоне каменные ступени амфитеатра, где Палестрина давал свои концерты.

Полная тишина. Народу совершенно нет. Согнувшиеся, кудрявые дубы бросают длинные ажурные тени. Рим, расстилающийся внизу, кажется особенно красивым, позолоченный косыми лучами заходящего солнца.

Мы решили пойти опять к madame Helbich. Когда мы вошли во двор, то увидели дочь ее и мужа. Леонид подошел к почтенному немецкому профессору и любознательно спросил его: «Sprechen Sie Deutsch?»*. Получив утвердительный ответ удивленного профессора, он удовлетворился этим и замолчал. Профессор потрогал рукой свой затылок, убедился, что на нем выступила испарина, и поспешно скрылся в дом, чтобы прикрыть голову шляпой. На наше счастье скоро выплыла сама толстая дама. Она этот раз была еще милей, чем прежде. Она оказалась урожденной Шаховской. Знает она знаменитостей всего света. Прежде всего, развенчана была наука вообще и медицина в частности. Затем появился на сцену попугай, который был всего 15-ти лет от роду, но тем не менее оказался очень умной птицей с весьма выразительными телодвижениями и милой физиономией. Он целовал даму прямо в губы, закатывал умильно глаза, ласково вытягивал шею. Дама ласкала и кормила умную птицу и рассказывала нам его многострадальную судьбу. Попугаи живут по триста лет. Поэтому ее ужасно мучила мысль, куда он денется после ее смерти. — «Я решила отказать его по завещанию шведской королеве. Это самая прочная династия в Европе».

Она стала рассказывать о шведской королеве, милой даме, которая тоже очень любит попугая. Потом перешли к Льву Толстому, уничижающему за обедом бифштекс и пьющему крепкий кумыс в противоположность своим теориям. — «“Толстая дама из-за границы” в “Плодах просвещения” — это я. Раз я играла с

* Говорите ли Вы по-немецки? (нем.)

молодым скрипачом, живущим у него, Крейцерову сонату. Толстой она очень понравилась. После этого он и написал свою «Крейцерову сонату». Толстая дама оказалась всеведущей. Она знала и Д'Аннунцио, такого прекрасного в юности, и теперь обрюзгшего и противного, и Марию Башкирцеву, которую следовало бы посетить хорошенько и тогда бы с нее всё сразу слетело. — «Моммзен очень милый старичок, но все-таки ничего не знает. Научные теории лопаются одна за другой, как мыльные пузыри». Дузе она лечила. Нашлись общие знакомые. В больнице матери Шаховской главным доктором был Теш, хороший знакомый Макса. Еще раз пришлось убедиться, как мал свет. Все друг друга знают или, по крайней мере, имеют общих знакомых. Профессор опять появился. Макс стал расспрашивать его о Греции. Профессор знал дивно все подробности о греческих дорогах, музеях, достопримечательностях — всё того времени, когда он сам там был. А было это в 1861 году.

Он с точностью помнил даже часы отхода поездов и пароходов. Макс окончательно терял силы и изнемогал. К счастью, профессор почувствовал легкую испарину на всем теле и решил уйти совершенно в дом.

Нас угощали белым и красным вином, печеньем. Макс, к моему великому ужасу, съел всё печенье. Получив приглашение прийти ужинать <в> будущий вторник, мы ушли домой, подавленные таким количеством знаменитостей. *В. И.*

9 (22) июля. 44-ый день. Рим. Воскресенье.

Сегодня мы встали рано. Князь отправился на Palatin, а мы с Максом в церкви. Очень хорошо было в Santa Maria Maggiore. Там играл орган, и пели очень хорошие голоса. Церковь выстроена в виде базилики, тип, который мне очень нравится. Затем мы пришли в Музей современного искусства. Здесь довольно скульптуры и много картин. Мне очень понравились вещицы Polizzi, всё больше из деревенской жизни, животн<ые> и пейзажи. Очень хороши картины Giacomo, у него удивительный свет — мягкий, рассеянный. Одна картина Т. Cesare — «Крестьяне идут с крестин» — так блестит от солнца, что, по выражению Макса, хочется надеть шляпу. Здесь мы соединились с князем и пошли обедать. После обеда князь, обещав явиться в 4 часа на Palatin, пошел домой, а мы с Максом на Palatin. Но тут уже было положено начало неудачам этого дня. Я был уже утомлен, солнце жгло невыносимо. Мы шли к Palatin'у. Макс, по своему обыкновению уклоняться в сторону, потащил меня в Латеранский собор, хотел бежать на виллу Волкон-

ских и т.д. Я после осмотра Латеранского собора сел в тень и просил ¼ часа отдыха. Макс помчался на Palatin один. Он узнал, что Palatin заперт, и стал меня ждать. Я подошел к Palatin'у с других ворот и, узнав то же, расспросил сторожей, где синьор в китайской шляпе, получил ответ, что он пошел по направлению к Колизею. Это было очень разумно с его стороны, т<ак> к<ак> он наверно пошел к Термам Каракаллы, осмотреть которые мы собирались после Palatin'a. Долго бродил я по Термам и, после 2 часов сидения, решил идти навстречу своим товарищам. Но не тут-то было. Оказалось, князь проспал и не пришел на Palatin. Макс, ожидавший кого-нибудь из нас у Palatin'a, вознегодовал и бросился куда-то за город. Каким-то образом уже вечером князь и Макс встретились в Термах Каракаллы и предались размышлениям о моей судьбе. Я же, не встретив никого, провел вечер на Форуме и зашел в (С. Пьетро в Оковах) S.Pietro in Vincoli посмотреть Моисея Микель Анджело. Вечером мы, оставленные хозяевами без свечки, безрезультатно с ними препирались. Князь пошел на музыку, а мы с Максом, утомленные неплохим днем, заснули. Л. К.

10 (23) июля. День 45. Рим.

Когда мы напились кофе в 9 часов, то решили, что идти на купол Св. Петра, как мы собирались, — поздно, и поэтому прошли в Ватиканскую Пинакотску, которая прежде всего поразила нас своими малыми размерами. Мы потолклись некоторое время пред «Преображением» Рафаэля и пошли в стансы, где было по крайней мере прохладно. «Афинская школа» на меня производит все-таки наибольшее впечатление из рафаэлевских произведений. Заходили снова <в> Сикстинскую капеллу, но от жары все как-то ослабели и скоро пошли домой, сожалея и беспокоясь о том, что князю всё не высылают денег и не отвечают на посланную телеграмму. Решено было отправить новую. Но когда мы пришли после обеда (о, какими скверными макаронами на горьком масле накормили нас сегодня!) на почту, то князю пришла гениальная мысль (гениальная, впрочем, по его собственным уверениям) спросить на почте письма на имя не Icheef'a, а Scheef'a, и на него посыпалась груда желтеньких бумажек и блесеньких писем. Шестьдесят рублей были получены, и наш выезд из Рима обеспечен. Князь, потрясая бумажками по воздуху, возопил:

«Куплю панталоны», а мы с Леонидом побежали на Палатин, который, благодаря его вчерашнему балдушеству, обошелся нам сегодня <в> две лиры, и купили по дороге Бедекера по Греции. Это помешало мне наслаждаться Палатином, т<ак> к<ак> мысли мои были полны Грецией, и Леонид делал несколько тщетных попыток отнять у меня путеводитель. Палатин с его великолепными видами на Рим и Альбанские горы и со своими огромными сводами и темными переходами внизу производит сильное впечатление. Особенно хорош вид с высоты дворца Септимия Севера на термы Каракаллы на фоне Кампании. Вечер мы провели в тенистых аллеях, раскинувшихся над дворцом Калигулы прямо над Форумом. В зелени стояло несколько античных статуй, и развертывался сквозь ветви вид на Рим. Из-за крыш домов выделялись колонны М<арка> Аврелия и Траяна. Тут мы стали подсчитывать свои будущие расходы по Греции, и выяснилось, что существовать мы можем только 18 дней. В соображениях и планах и был проведен остаток дня. Выяснилось тоже, что все мы с радостью послезавтра уедем из Рима. *М. В.*

11 (24) июля. День 46. Рим.

Прежде всего мы полезли на купол Петра. Несмотря на 40-градусную жару, мы мужественно одолевали одну лестницу за другой. У каждого поворота стояло по сторожу, которые нам вежливо кланялись и просили дать 2 сольди, но мы ничего не давали. Мы долезли, наконец, до маленького купола, посаженного на главный купол, и я с Леонидом в изнеможении расположились тут, а Макс полез еще выше, в самый маленький купол.

Мы поразились небольшими размерами папских садов. Когда мы достаточно рассмотрели на Рим, весь окутанный дымкой солнечных лучей, мы спустились вниз. Макс с Леонидом решили идти в апартаменты Борджиа, а я пошел домой. Леонид обещал скоро вернуться тоже домой, чтобы идти вместе в галерею *Barberini*.

Я ждал, ждал его; наконец, почувствовал презрение за надувательство и пошел один. В галерее этой, очень маленькой (всего 3 комнаты) есть несколько хороших картин: «Св. Семейство» Андреа дель Сарто, «Беатриче Ченчи» Г. Рени, портрет Мазаччио, написанный им самим, и некоторые другие.

День ознаменовался покупкой мною новых брюк на место старых, совершенно никуда не годных, и неистовым, диким поведением Макса по этому поводу. Когда я вернулся домой, прибежал Леонид и, задыхаясь, пролепетал, что мы едем сегодня в Неаполь. Когда я ему на это благоразумно возразил, что этого совершить невозможно, т<ак> к<ак> не будет готово белье, он сначала замахал руками, но потом примирился с логикой вещей. Макс, прибежав, тоже долго махал руками и неистовствовал, но наконец подчинился необходимости.

Вечером мы были на званом ужине у m-me Helbich. Я с немецким профессором за ужином беседовал о русском пьянстве. Макс, поглощая один за другим стаканы с красным и белым вином попеременно, служил нам превосходной иллюстрацией.

После ужина мы погрузились в изучение этрусских рисунков. Макс воодушевился, приставал отчаянно к художнику, beau-fils* madame Helbich, с постоянными вопросами, какого века рисунок? Madame Helbich всё повторяла свою любимую фразу: «Никто ничего не знает!». Ее beau-fils наобум удовлетворял ненасытную любознательность Макса. Чем становилось позднее и чем больше все уставали, тем энергичнее приставал Макс.

Наконец хозяйка уснула, сидя в кресле, воспользовавшись счастливым мгновеньем, когда в Максина лапы попал ее злосчастный beau-fils. Во сне она стала лепетать (я подозреваю, умышленно): «До свиданья, до свиданья». С величайшим трудом мы вытащили Макса из-под гостеприимного крова семейства Helbich. В. И.

Вчера князем было совершено глубочайшее свинство по отношению к нам и к нашему путешествию. Подсчитывая наши ресурсы, мы с Леонидом пришли к открытию, что за вычетом необходимых сумм на билеты по самому кратчайшему пути до Константинополя нам остается денег всего на 18 дней. Таким образом, окончательно пришлось похоронить Везувий, Капри, остановку на Корфу и неопределенную часть Греции. Это всё было объяснено князю, и мы представили ему все эти соображения, прося его не покупать себе новые штаны, т<ак> к<ак> старые его, не имея, правда, элегантной наружности, подобающей его достоинству, все-таки вполне приличны и свободно могут дослужить до России, особенно при том образе жизни, который предстоит нам теперь на

* Зять (фр.).

пароходе в 3 классе. Тем не менее, князь все-таки купил себе брюки, нарушивши таким образом честное слово, данное нам в Генуе, и лишив нас еще одного дня существования и еще одной экскурсии в Греции.

Я считаю этот поступок настолько нетоварищеским, эгоистичным и недостойным его характера, который завоевал мои симпатии во время путешествия, что записываю это в дневник и передаю гласности.

Только тот, кто сможет себе представить наше настоящее экономическое положение и то чувство, с которым приходится проезжать *мимо* интереснейших местностей, о которых столько мечталось, не имея возможности увидеть их, поймет всю возмутительность подобного поступка. *М. В.*

Предоставляю читателям судить, можно ли ехать хотя бы по живописнейшим местностям Италии и Греции в брюках, вконец разодранных во время лазания по швейцарским ледникам, или, лучше сказать, совсем без брюк?... *В. И.*

Старые брюки князя представляют в настоящую минуту такой вид: они сделаны из тонкого, черного, крепкого сукна. Внизу они слегка обтрепаны, но подшиты самим князем. В шагу они тоже заштопаны, но на очень малом пространстве, и, в случае нового прорыва, могут быть свободно восстановлены. Зад совершенно крепок. Одна штана, разорванная при падении князя в Тиволи, крепко зашита портным. В общем, единственную опасность могут представить брюки в шагу; но здесь они совершенно свободно могли бы быть зашиты портным за франк и прослужить неопределенно долгое время. Издали они очень красивые и элегантны, так как заштопаны очень тонко, и это можно заметить только при детальном изучении. В прошлом году я ездил по самым фешенебельным местам Швейцарии и Италии в несравненно более истерзанных и прямо опасных брюках — и ничего. Княжеские же брюки, по моему глубочайшему убеждению, вполне могли и могут прослужить еще несколько месяцев, не только недель, особенно в таком путешествии, которое предстоит нам теперь. Издали, по-моему, они даже более элегантны, чем вновь купленные. И слова, что быть в таких брюках, значит быть совсем без брюк, — наглая ложь.

Свидетельствуем: Макс Волошин.

Маленькая дырочка сзади в горошинку велич<иной> не идет в счет.* Л. Кандауров.

* Следует рисованный овал в размер горошины. (*Сост.*)

12 (25) июля. 47-й день. Рим.

Вчера мы с Максом посетили апартаменты Борджиа и катакомбы Св. Каллиста. Комнаты Борджиа очень красивы. Фрески есть прекрасные. Очень хороши изразцовые и мозаичные полы, чудные обои и расписные потолки. Во всем виден тонкий вкус. Нигде нет того блеска золота, которое встречается во многих palazzo более близких к нам эпох. В катакомбы, находящиеся на Аппиевой дороге, почти у гробницы Цецилии Метеллы, мы пришли в 4 часа. Только что ушли с проводником 2 русских, и нас к ним присоединили. В темноте узких проходов между коричневыми стенами почвы, кажущейся очень рыхлой, мы увидели высокого, бритого старого монаха в шляпе с большими полями и в большом платке, который он держал рукой у горла; он, освещая нас восковой свечкой, показывал разные надписи, символы, кости. Кое-где есть живопись, но очень плохо сохранившаяся. Очень эффектно современное изваяние Св. Цецилии из мрамора. Она лежит в нише на земле, и сверху слабо светит красный свет. Проводник наш, по обыкновению, говорил быстро и много. Но очень мило, и его фигура гармонировала с окружающим. Нас водили недолго. Да и хорошо. Я уже чувствовал холод. Сегодня мы утро провели на Пинчيو, читая об Афинах. Вечером прошлись на Форум. Выпили воды из фонтана Треви и, прослушав номер музыки на площади Колонна, покидаем Рим. Л. К.

13 (26) июля. День 48. Неаполь.

«Vidi Napoli e mori»* — вероятно, подобный афоризм мог возникнуть только во время извержения Везувия, а мне, когда я увидел его сегодня утром, хотелось сказать: «Взгляни на Неаполь и постарайся никогда не умирать». Вчера в 12 часов мы выехали из Рима, провели в вагоне полубессонную ночь, как две недели назад, едуци из Флоренции в Рим, и в 7 часов утра приехали в Неаполь. Еще раньше из окна вагона мы заметили одинокую, сильно выделявшуюся своей высотой гору, которая оказалась Везувием. Мы его не узнали, т^ак к^ак, обращенный к нам со стороны Соммы, он не имел своего обычного конусообразно правильного вида. Над вершиной вилось по временам легкое облачко пара. Современные путешествия имеют тот недостаток, что, присхавши в

* Увидеть Неаполь — и умереть (лат.).

новый город, нельзя отдаваться прямо первым впечатлениям, а надо прежде всего заняться самым прозаическим делом — отысканием комнаты. Мы разрешили эту задачу блистательно, выторговав комнату за 2 франка в день со всех трех и поразив неаполитанских гостинников своей практичностью и знанием цен. Дешевко можно путешествовать по Италии, если денег мало!

Только напившись кофе, мы бросились на набережную. Солнце стояло прямо над морем, и Везувий, Соррентский полуостров, Капри почти совершенно тонули в горячей дымке солнечных лучей. Полюбовавшись на детей, красивых и смуглых, купавшихся прямо со ступенек набережной и катавшихся голышом в пыли мостовой, мы пошли по *via Toledo* к музею. Там громадные коллекции античных мраморов, греческих ваз (второго периода), большая пинакотека, большой археологический музей и главное, что собственно произвело на меня наибольшее впечатление, — это помпейская живопись. Она была для меня целым откровением, и я только теперь понял, насколько я не имел об ней никакого понятия. Она более близка мне, чем христианская живопись Возрождения. Там, где она должна быть декоративной, она остается все-таки очень простой и реальной. Нота трагизма звучит в ней очень сильно. Как образчик, очень хороша фигура женщины с изумительным выражением мести и решимости в лице и мечом в руках. (Вероятно, Медеи). В античной живописи поражает та простота отношений ко всем проявлениям и отправлениям человеческой жизни, которая совершенно чужда нам. Это особенно ярко сказывается в одной зале, куда почему-то запрещен вход дамам и где наравне с вещами нелепыми встречаются вещи очень красивые и оригинальные. Знаменитые помпейские танцовщицы, про одну из которых Мей писал:

Утомленная пляской без роздыху,
Обожженная в серном огне,
Ты, помпеянка, мчишь по воздуху,
Не по этой спаленной стене.
Опрозрачила ткань паутинная

Твой призывно откинутый стан;
Ветром пашет коса твоя длинная,
И рука ударяет в тимпан, —

сохранились довольно плохо. Масса фабрично-реставрированных копий с них рисуется в разных частях музея, но только почему-то ни один из копиистов не сидит перед оригиналом. На копиях бедные помпейские летунии превращаются в голых жирных розовотелых француженок, задрапированных в какие-то совершенно нелепые одесяния разных цветов.

Проходя из музея по Via Toledo в 2 часа, т. е. самое жаркое время дня, мы могли заметить, что движение на неаполитанских улицах в это время, в противоположность Риму, не только не прекращается, но даже не уменьшается. Леонид и князь после обеда пошли спать, а я отправился бродить по окрестностям. Я прошел по Кьяйе мимо выставки и прошел под мысом Позиллиппо по длинному туннелю более километра длиной. Выйдя со стороны Поццуоли, я сначала не видел ничего, так как всё было закрыто садами и строениями. Когда же я, пройдя несколько километров, спустился на отлогий берег моря, то открылась дивная панорама. Прямо впереди, совсем около берега, зеленой стеной вставал остров Низида со своим замком на воде, похожим на Castell Nuovo. Дальше длинный Мизенский мыс, за ним очертания большой Искьи и Поццуолли на небольшом выступе. Волны катились на берег, весело смеясь, маленькие и звонкие, оттененные смуглыми телами ребятишек. Невольно вспоминались Стансы на берегу Неаполитанского залива — «Сияет даль улыбкой ясной...». Через Позиллиппо по высокой дороге, пробитой между скалами над великолепными садами и виллами, я вернулся в Неаполь. Тут уже открывались новые виды на Капри, Сорренто и Везувий. Я спустился к первой купальне и, выплыв далско в море, долго лежал без движения на спине, любуясь легким дымком, курившимся на вершине Везувия. На набережной я встретил Леонида и князя. Они тоже пошли купаться, а после мы купили себе арбуз и расположились на парапете набережной, чтобы съесть его с хлебом. Нас тотчас же облепила толпа мальчишек, просивших

у нас арбуза. Сперва мы отмалчивались, но когда они стали вырывать куски прямо изо рта у Лсонида, я для устрашения их объявил, что мы китайцы. Они при этом известии обнаружили неистовое ликование. Какой-то военный чин направился было к нам, очевидно с целью освободить нас, но юные неаполитанцы поспешили сообщить ему, что мы китайцы, и он, усомнившись в патриотичности своего поступка, удалился. Мы довольно оживленно и весело продолжали беседовать на какой-то невероятной смеси наречий со своими преследователями и наконец откупились от них двумя кусками арбуза. Мы прошли по Санта Лючия, полной народом, и я пошел писать дневник, а они бродить по городу. *М. В.*

14 (27) июля 1900 г. <День> 49. Неаполь.

День прошел крайне неудачно. Утро мы поехали в Пуццуоли. Все впечатления этого путешествия можно кратко выразить в 3-ех словах — пыль, жара и неотступные приставания проводников. На нас напали проводники, мальчишки, извозчики приставали к нам, уговаривали куда-то ехать, что-то смотреть, тянули за рукава, забегали вперед, кричали. Кое-как отделившись, мы пошли по дороге. Белая меловая пыль лезла в нос и рот, солнце жгло невыносимо. Единственным отрядным явлением было наше купание в море. Берег ровный, песчаный. Волны с ласковым шумом взбегают на песок и скатываются. Мы долго плавали, лежали на берегу и бегали по берегу. Но и купание не обошлось без инцидентов в этот печальный день. Когда мы подошли к берегу, я и Леонид заявили, что выбираем себе для раздевания два камня на берегу. Камней таких было множество, но Макс вдруг вспыхнул гневом и, затопав ногами, вскричал: «Так я не стану совсем купаться!» Впрочем, он сейчас же сам удивился своему непонятному припадку гнева.

Авернское озеро нас совсем разочаровало. Мы сели на берегу его в тени под телегу, намереваясь предаться кратковременному отдыху, но к нам подошел старик крестьянин и предупредил, что здесь — малярия. Неизвестно, относится ли это ко всему берегу Авернского озера или только к нашему месту под телегой.

Мы пошли назад к Пуццуоли. Около кабачка на дороге нас изловил извозчик и стал приставать и показывать свои рекомендации. Мы долго не могли понять, чего он от нас хочет. Оказалось, что ему очень хочется иметь рекомендации от русских. Он предложил нам пойти в соседний кабачок, распить на его деньги бутылку

вина за 40 сантимов и написать ему несколько рекомендаций. От вина мы отказались, но рекомендации ему дали, решив а priori, что он, вероятно, ничем не хуже всех остальных извозчиков. Он стал соблазнять нас неаполитанскими удовольствиями. Вечером предложил вести нас посмотреть тарантеллу, исполняемую молодыми, красивыми неаполитанками *sans costume*.* Леонид предположил, что это, вероятно, очень красиво. Макс с ним вполне соглашался. Наши строгих моралистов удержал от соблазна только недостаток денег.

Когда мы вернулись в Пуццуоли, то долго не могли найти храм Сераписа, хотя по карте он был тут, под носом. Наконец, через решетку увидели несколько полуразрушенных колонн, но решетка была заперта, и мы так никуда и не попали. Опять начались приставания мальчишек, проводников. Решили идти на Сальфатару. За нами бежало несколько мальчишек. У одного поворота они стали нам кричать, что дорога не та. Я посоветовал взять одного из них в проводники. Но Макс опять раскипятился, восклицал, что будет с нашей стороны черт знает что такое.

Мне так надоели наши бесплодные скитания, что я вернулся назад к вокзалу, сел на трамвай и уехал в Неаполь. *В. И.*

А мы с Леонидом отправились между тем к Сольфаторе. Там даже все кратеры в Западной Европе составляют теперь собственность предпринимателей, то с нас потребовали по лире. Мы по обыкновению стали торговаться и предлагали по 2 сольди. Но из этого ничего не вышло. Тогда мы поднялись со стороны на край потухшего кратера и стали смотреть вниз. Среди густой зелени, заткавшей всё плоское дно кратера, выделялась белым пятном большая ровная плоскость — вероятно, место истечения серных паров. Мы пошли вниз в Пуццуоли. С дороги открывались прекрасные перспективы Неаполитанского залива и разнообразных островов и мысов. Мы прошли в ту часть городка Пуццуоли, которая лежит на скале. Эта скала вся сплошь облеплена домами, которые соединяются между собой не улицами, а лестницами. Вернувшись трамваем в Неаполь, мы сходили на почту, а потом отправились бродить по узким и крутым переулкам Неаполя, переходящим временами просто в лестницы, поднимающиеся к высотам Сан-Эльмо. Мы лезли вверх очень

* Без одежды (*фр.*)

долго, сопровождаемые двумя мальчуганами, которые, желая получить от нас незаслуженное сольди, старательно объясняли нам, что город, по которому мы бродим, есть Неаполь и что Италия прекрасная страна. Изредка из-за крыш домов и из-за зелени мелькали то голубая шапка Везувия с легким облачком наверху, то часть залива, то сияющие очертания Капри. Поднявшись до высоты Сан-Эльмо, мы долго сидели на старой крепостной стене, любуясь Неаполем и Везувием, меркнувшим в ясных лучах вечернего солнца. Когда стемнело, и над Неаполем полстели по темному небу горящие точки бумажных шаров и на Везувии стали заметны легкие вспышки пламени, мы стали спускаться снова по крутым переулкам к Кьяйе. Все двери на улицу были отворены, и сквозь них была видна внутренность итальянской жизни. Многие улицы прямо напоминали комнату, так как всюду перед дверями стоят столы, горят лампы; тут же работают, чешутся, умываются и т. д. Особенно поражает в Неаполе количество женщин и детей. Мужчин там сравнительно очень мало. Когда мы проходили по набережной, к нам подошел молодой, прилично одетый господин и стал говорить на ломаном французском языке: «Messieurs! Écoutez-moi, messieurs! Voulez-vous voir cette nuit la danse... La tarantella napoletain dans les costumes de Pompeis. Vingt poses des fresques de Pompeis... Écoutez-moi, messieurs – je suis agent de cette maison. Quinze jolies anges tout à fé nus, messieurs. Entre gratuits, messieurs! Pour regarder gratis et si vous vouler avoir cinq francs tout compris»*. Он долго бежал за нами и всячески соблазнял нас, но мы остались непреклонны и, вернувшись домой, встретились с князем, который поведал нам свои впечатления. *М. В.*

Прежде всего, должен обратить внимание Макса на его «сияющие очертания» Капри и на «пламя» Везувия. Очертания Капри были далеко не сияющие, а, наоборот, туманные, а «пламя» Везувия видел, по-видимому, один только Макс, хотя он, как известно,

* Господа! Послушайте меня, господа! Не хотите ли вы увидеть танец сегодня ночью... Неаполитанская тарантелла в костюмах Помпеи. Двадцать поз с помпейских фресок... Послушайте меня, господа – я представитель этого дома. Пятнадцать ангелов, совершенно обнаженных, господа. Бесплатный вход, господа! Бесплатное зрелище, и, если угодно, пять франков за всё (*фр., с отдельными итальянскими словами*).

особой дальнорукостью не отличается. Впрочем, подобные казусы происходили с Максом не раз. Так, взлезши на Везувий, Макс увидел Неаполь и даже гулявших там по набережной красивых женщин, между тем как для всех остальных смертных, взлезших вкупе с ним, солнце сверкало с такой ослепительной яркостью, что не только прекрасных женщин, но и никаких признаков Неаполя отнюдь рассмотреть никто не мог. *В. И.*

15 (28) июля. 50-й д<снь>. Помпея.

Утром мы выехали из Неаполя, день был жаркий. Поезд, набитый битком, привез нас на станцию, одиноко стоящую у полотна дороги. Недалеко от нее было несколько отелей, один из которых почему<-то> очень хотел обладать русским хозяином, но говорили там по-русски только слово «каршо». По раскопкам в Помпее нас водил очень милый старичок сторож. Улицы узкие, прекрасно мощенные, с колеями от колес. Везде видны водопроводы, бассейны. Лавки для вина <с> громадными амфорами. В хорошо сохранившемся доме Веттиев разведен садик, и фрески защищены стеклами, если бы не венские стулья, можно было бы почувствовать себя в гостях у римлянина. Из Помпеи мы пошли закусить. Нас обступили проводники и совсем затормошили. Мы взяли мальчишку за франк и отправились на Везувий. Дорога долго шла, слабо поднимаясь среди оград виноградников. Ноги вязли в золе. Когда мы стали подниматься по сыпучим лавовым пескам, было уже часа 3. Мы страшно утомились. Через 1 час мы подошли к забору, который загораживал дорогу на Везувий. Тут мы уже собирались уходить, т<ак> к<ак> с нас просили дорого за право пройти по ней. Макс всё пытался лезть по лаве напрямик, но это было невозможно. Наконец, за 3 фр<анка> нас пропустили. Долго мы карабкались по пеплу зигзагами идущей дороги. У самого кратера с нас снова потребовали денег, уже 9 фр<анков>. Такую сумму мы не решались платить и старались всячески доказать, что мы можем идти, ничего не платя. Но нам удалось выторговать только 3 фр<анка>, и мы в отчаянии решили ограничиться видом на окрестности с вершины Везувия и идти вниз. Я решил тогда на то, чтобы поддержать энергию своих коллег, и закричал, что денег на Грецию хватит, и мы вернулись заплатить 6 фр<анков>. Кратер невелик, и его легко обойти кругом. Вокруг земля горяча и местами идет пар или горячий воздух. Всё покрыто налетом белого, желтого и оранжевого цветов. Края кратера круты и осыпаются вниз. Из глубины поднимался пар и сернистый газ, от которого мы задыхались. Кругом расстились склоны

Везувия и Кольцо Соммы. Лава была темно-коричневого цвета. Я видел очень большие куски лавы, т<ак> н<азываемые> бомбы, закругленные в виде яйца. Кое-где были видны складки на лаве, похожие по виду на кишки. С Везувия мы бежали бегом по крутому осыпающемуся склону. За нами несло облако пепла. Сапоги были полны им. Все грязные и измученные, мы в 9 ч<асов> вечера прибежали на станцию за 5 м<инут> до отхода поезда в Salerno. Весь подъем и спуск занял у нас 9 ч<асов> времени. С вершины Везувия Неаполь нельзя было рассмотреть, так как за ним было солнце.
Л. К.

Мальчишка, которого мы взяли в проводники, за то собственно, что он не был проводником, всячески старался завлечь нас ночевать в Торре-Аннунциата, хотя мы требовали, чтобы он вел нас прямо в Помпею, где остались наши вещи. Когда я заметил, что он из Боска де Треказе все-таки пошел прямо к Торре, я потребовал, чтобы он изменил направление. Долго он нас пугал разбойниками и говорил, что мы будем обязаны поддерживать его семью, если его убьют, мы все-таки пошли, объявив, что, если мы не попадем на поезд в Помпее, то он ничего от нас не получит. Последнюю часть пути нам пришлось бежать прямо бегом, и мы вздохнули спокойно, только очутившись в железнодорожном вагоне. Часа через полтора, выглянув из окна, я увидел вблизи массу огоньков. Это был городок Виэтри. Поезд шел высоко по скалистому берегу, а далеко внизу огненной полоской виднелось Салерно. С моря веяло ветром, но его не было видно в темноте. Через несколько минут мы уже раздевались в своих комнатах. <М. В.>

16 (29) июля. День 51. Салерно – Равелло.

Когда утром я вышел из своей темной комнаты (она оказалась лишенной окон), то меня ослепил голубой свет. Всё было голубое: голубое небо, голубое море, голубые горы, прорезанные голубыми излучинами. Белые городки каскадами спускались со скал к морю. Мы пошли в Равелло. Было одиннадцать часов, и всё было раскалено. По шоссе проезжавшие повозки вздымали клубы пыли, совершенно белой и горячей. Только когда мы шли по парапету, веял легкий бриз,

и становилось прохладно. Но мы дошли вместе только до Визитри. Тут князь с Леонидом не выдержали и заявили, что они тут остаются, чтобы купаться и отдыхать. Я пошел один. Дорога извивалась по скатам гор, круто спускавшихся к морю, и постоянно то убегала внутрь глубокой крутой долины, пересекая ее края, то снова выбегала к морю. Всюду росли кактусы, агавы со своими сочными листьями и прямым высоким стволом, ветви которого, красиво изогнувшись, поддерживали широкие диски желтых цветов. Бесконечными лестницами, опираясь своей ярко-зеленой листвой на деревянные решетчатые сетки, разрастались лимонные плантации, вился виноград, синела темная листва олив.

Дорога взбиралась всё выше, огибая далеко выдающийся в море мыс Dell'Orso. Становилось всё жарче, камни всё раскаленнее. Я несколько раз мочил себе голову водой. Мне казалось, что я вижу теперь дивный оригинал той картины, копиями которой я раньше любовался на южном берегу Крыма. Дорога, огибающая Capo dell'Orso, мне очень напомнила Байдарскую дорогу в миниатюре. Здесь вид на Салерно с убегающим вдаль пустынным и ровным берегом Пестума скрылся за скалами и развернулся новый великолепный залив Амальфи, окруженный огромными сияющими склонами гор. В глубине его виднелся городок Майори, а за ним отвесная каменная стена, венчающая зеленый крутой склон к морю. На плоскогорьи виднелась масса разбросанных белых домиков — цель пути — Равелло, мавританский городок, построенный, кажется, в XI веке Робертом Гвискарром. Дорога так же извивалась между гор, и с каждым новым поворотом открывались новые виды. Старые сторожевые башни стояли на скалах над морем. За местечком Минори начался подъем в Равелло, и уже не по дороге, а по лестнице, которая сперва взбиралась на отвесную скалу, держась на каменных устоях, потом ползла по самой скале, переходила временами в тропинку, вившуюся между оливковых рощ и виноградников, проходила под сводами старой церкви, завитой сквозной чашей винограда, через деревню с текущим рядом холодным,

бурливым ручейком и снова превращалась в крутую лестницу. В Равелло в этот день был праздник Св. Пантелоне, и потому по всей этой невозможно утомительной дороге пестрой праздничной толпой тянулись крестьяне: загорелые дети, безобразные старухи, одетые в яркие лохмотья, старики с выразительными бритыми лицами, сотни красивых и оригинальных итальянских типов. Всё это собиралось на зеленую лужайку перед церковью, где было устроено что-то вроде русской деревенской ярмарки. Когда я закусил в соседней trattoria и вышел оттуда, я встретил подошедших князя и Леонида. Пока они посадили традиционные макароны, из церкви пошла процессия. Желто-оливковые морщинистые старики в белых одеждах и лиловых пелеринах с золотым отливом, дети в церковных облачениях, духовенство с жезлами, раззолоченный идол Мадонны на носилках — всё это под сверкающим солнцем было необыкновенно красиво. Я прошелся немного по гористым улочкам разброшенного городка. Мавританского в нем осталось мало. Изредка только сквозь открытую дверь виден тенистый дворик с мавританскими колоннами. Приземистые львы с закрученными усами, стоящие перед часовней, тоже очевидно нехристианского происхождения. В церкви, довольно обыкновенной и некрасивой снаружи, сохранились трон и кафедра на витых столбах, покрытые великолепной мраморной мозаикой. Но без сомнения, лучшее в Равелло — это те бесконечно прекрасные виды на море и горы, когда поднимаешься туда. На возвратном пути князь и Леонид тщетно старались меня уверить, что они вышли из Виэтри только <v> 2 часа дня, хвалились тем, что они через ½ часа после меня пришли в Равелло, и убеждали меня, что я спал по дороге незаметно для самого себя.

В одиннадцать часов вечера, измученные и усталые, мы вернулись в Салерно.

Посреди сада на берегу моря в Салерно стоит мраморная статуя одного из наиболее прекрасных и наименее известных героев итальянского Risorgimento — Карло Пизаканс, высадившегося здесь с горстью товарищей, чтобы поднять

восстание в королевстве, и расстрелянного бурбонским правительством. О нем составила народная песня, которая начинается словами: «Нам говорили, что они придут грабить, как разбойники, наши дома и нивы, но они ничего не взяли у нас: обливаясь слезами, они упали на эту землю и целовали ее»... *М. В.*

17 (30) июля. 52-ой день. Бриндизи.

В 9 часов утра мы уже сидели на поезде и мчались в Бриндизи. Природа и растительность южной Италии, насколько мы могли видеть из окон вагона, показалась нам бедной и однообразной. Нам живо вспомнилась наша Россия. В Бриндизи мы приехали в 6 часов вечера, и тотчас же нам указали дешевую комнату за 2 фр<анка> для трех. По дороге еще мы узнали, что убит около Милана в Монце итальянский король. В Бриндизи мы были свидетелями траурного народного собрания. Громадная толпа народа очень тихо и спокойно двигалась по улицам, несли несколько знамен. На площади толпа остановилась, и редактор местной газеты прочел речь, в которой, насколько мы поняли, трогательно описывал смерть короля и восхвалял его. Толпа аплодировала не особенно дружно. Пошли дальше и остановились на другой площади против здания муниципалитета. Оратор долго не показывался. Наконец на балконе ярко освещенного общественного здания появился какой-то господин и в двух словах провозгласил *vivat* новому королю Виктору-Эммануилу III. Толпа кричала и аплодировала опять очень недружно. Старались главным образом мальчишки. Речей больше не произносилось, и толпа так же тихо и спокойно стала расходиться. *В. И.*

18 (31) июля. 53 день. Бриндизи.

Утром Макс отправился к консулу устраивать наши денежные дела. Консул — итальянец, ни слова не говорил по-русски. Кое-как продали чек с убытком в 7 фр. 40 сант. Макс сообщил нам государственную тайну, которую узнал от консула: сегодня должен высадиться в Бриндизи новый итальянский король. Оказалось, что он проехал в Грецию, и мы напрасно готовились его встретить. Под вечер мы прогулялись по дороге среди агав к морю за город. В 10 ч<асов> сели на пароход и устроились отлично на палубе спать. *Л. К.*

*19 июля (1 августа). День 54. Пароход «Romania».
В виду берегов Эпира. Адриатическое море.*

Вчера в 9 часов вечера мы вошли на большой итальянский пароход «Романья» и расположились спать на палубе. Он отходил в 12 часов ночи, и я был в это время разбужен шумом цепей и канатов и, подойдя к борту, видел, как исчезала в темноте освещенная набережная Бриндизи и как мелькнули красные огни при выходе из порта. Затем всё потемнело кругом, и началось одно море. Обвеваемый мягким и сильным морским ветром, я заснул. На рассвете, когда горячие лучи солнца разбудили меня, мне бросились прежде всего в глаза пустынные синевато-розовые цепи гор, на которых лежали облака. Это были берега Эпира. Греция! До сих пор отношения мои к ней были очень разнообразны и совершенно неопределенны. В детстве книжка с греческими мифами и легендарными рассказами из греческой истории была моим любимым чтением. Тогда я, кажется, больше всего и любил ее. Но когда на фабрике благонамеренных подданных усердные педагоги стали тщательно замазывать мои мозги вязкой и пресной классической замазкой, приготовленной из вечно юных песен Гомера, наивно-простых записок Ксенофонта и грандиозно-прекрасных мыслей божественного Платона, из которых тщательно было вытравлено всё живое и всякая мысль, а оставлены только отвратительно-бессмысленные формы языка, которые вырастали из каждой строчки тысячами голов, как немейская гидра, и пожирали наши молодые мозги, тогда во мне пробудилось сильное чувство самосохранения, и траурная завеса опустилась над прекрасным греческим миром. Позже, когда я прочел Байрона и Гейне, Греция снова развернулась передо мной, со своим гармоничным жизнерадостным мирозерцанием и со своими светлыми изгнанными богами. И теперь тень Гейне, обитающая на Корфу, в воздвигнутом в честь него храме, благословляла мое прибытие в Грецию.

Скоро показались берега Корфу, сперва низменные, потом гористые. Пароход вошел в пролив и, обогнув маленький

желтый островок, остановился пред городом. Но, несмотря на то, что пароход здесь оставался 7 часов, нам пришлось отказаться от высадки на берег и визита к Гейне, которые нам так настойчиво предлагал некий грек-проводник, благодаря тому, что всё это удовольствие должно было стоить 13 фр<анков>. Так мне и не пришлось увидеть мраморного поэта, грустно сидящего на своем кресле и окруженного после смерти всем тем, что он так любил в юности. Пока мы стояли на якоре, подошла какая-то иностранная флотилия, которую Леонид признал почему-то за английскую, и открыла неизвестно зачем невыносимую пальбу. Потом они вывесили на себе массу флагов всевозможных государств и выпустили массу лодок.

Ездить на итальянском пароходе в третьем классе очень удобно. Здесь не смотрят на пассажира третьего класса, как на русских пароходах, т. е. как на вещь совершенно ненужную, которую можно толкать, пихать в разные щели, кричать на нее. Помещение для спанья тут довольно чисто, но жарко, т<ак> ч<то> мы, взяв свои матрацы, спали на палубе. За полторы лиры мы здесь имели пансион, состоящий из утреннего кофе, макарон, мяса и вина в полдень, и мяса и вина в 7 часов. Всё это не отличалось достоинствами гастрономическими и получалось по представлению в кухню жестяных тарелок, но зато было в большом количестве. Служащие были очень любезны и предупредительны. Почти весь день мы пролежали на носу корабля в виду Корфу. Теперь, простояв там около 9 часов, мы снова тронулись. Солнце садится сзади корабля, и глубоко-синие волны Средиземного моря покрылись там фиолетовым оттенком. Берега Эпира померкли, подернулись лиловой мутью, изредка прорезанной розовыми лучами. Долинки и расселины по скатам пустынных гор приобрели яркость и отчетливость. Скоро стемнеет. Над турецкими владениями уже сияет тонкий изогнутый рог полумесяца. *М. В.*

20 июля (2 авг<уста>). День 55. Приезд в Грецию.

Весь день 1 авг<уста> мы плыли благополучно, не ощущая никакой качки. Но вечером поднялся сильный ветер. Пароход стало слегка колыхать. Леонид первый почувствовал малодушный страх, поспешно спустился с верхней палубы на носу, где мы лежали, и поспешил улечься, утверждая, что чувствует уже все признаки начинающейся морской болезни. Мы вскоре последовали его примеру.

Качка всё усиливалась. Столы, скамьи и разные другие предметы стали с шумом сдвигаться со своих мест. Их старательно привязывали веревками к бортам парохода. Около нас с грохотом обрушилась какая-то жестяная посуда. Мы лежали ничком, стараясь не глядеть на колеблющиеся предметы и берега.

В просвет под тентом то виден был берег и широкая полоса воды, то берег и море исчезали вниз, и сияли звезды и луна. Матросы и прислуга не обращали ровно никакого внимания на качку, кажущуюся нам столь ужасной. Мы слышали около себя веселый говор, смех и ругань.

Наконец мы заснули. Утром в 6 часов, когда мы проснулись, пароход уже стоял в Патрасской гавани.

Несмотря на то, что мы попали в Грецию из Италии, страны, не блещущей большой интенсивностью культуры, Греция все-таки поразила нас своею бедностью и дикостью. Патрасс — один из больших городов Греции, чуть ли не второй после Афин. Между тем, станция железной дороги тут до того мала, грязна и не похожа на благоустроенное учреждение этого рода, что мы никак не могли поверить утверждениям местных жителей, что это именно и есть станция. Вагоны маленькие, узенькие. Паровоз какой-то игрушечный. Поезда двигаются с поразительной медленностью и подолгу стоят на маленьких станциях.

Зато первые греки, с которыми нам пришлось столкнуться, произвели на нас весьма милое впечатление.

Таков был наш хозяин в *Hôtel des étrangers* в Коринфе. Когда у Леонида на следующий день заболел живот, и он отказался от обеда, хозяин стал всячески угощать его кофеем или чем иным подходящим к этому случаю, говоря наперед, что за это он ничего не возьмет, так как денег у нас мало, а заболеть может всякий, и большой вызывает сожаление.

Впрочем, он обещал вознаграждать себя, когда мы еще приедем в Грецию уже с карманами, набитыми золотом.

Победавав, мы в 2 часа отправились на Акрокоринф. По дороге мы лазали по развалинам древнего Коринфа и храма. Раскопки еще незначительные, но обещают со временем еще много интересного.

Когда мы поднялись по крутой каменистой тропинке вверх до первых ворот, прошли мимо сохранившихся очень хорошо средневековых стен, длинных развалин казарм и влезли, наконец, на высшую часть Акрокоринфа, перед нами открылся дивный вид. С севера синела суживающаяся полоса Коринфского залива с мягкими очертаниями гор на том берегу, из которых самая маленькая и западная, кажется, — Парнас. Узкий Коринфск<ий> перешеек (канала не видно) отделял его от Эгинского залива, где вдали на горизонте, чуть заметной белой полоской выделялся Саламин, ближе — Эгина и другие маленькие островки. С юга далеко расстились волнами долины и холмы Пелопоннеса, на горизонте синели более высокие горы Арголиды и Аркадии.

Пейзажи Греции — эти скудные растения, желтые волнообразные холмы, прозрачная синева моря и легкое чистое небо — прекрасны. Они мне нравятся более итальянских, и я легко представляю себе здесь античных греков. Расцвет греческого искусства много обязан неуловимой прелести греческой природы. В 9 часов вечера мы, усталые, вернулись домой и были превосходно напитаны нашим уважаемым хозяином. <В. И.>

21 июля (3 августа) 1900. День 56.

Я могу только сказать, что утром я был настолько нездоров, что отстал от своих коллег. Только к приезду в Афины в 5 часов вечера у меня боли желудка утихли. Афины нас обдали целым ураганом пыли. Когда мы, наконец, устроились в гостинице, то оставили вещи и побежали в Акрополь. Солнце было уже низко, и в этом мягком скользящем свете Парфенон и Эрехтейон казались еще прекраснее. Мы зашли в музей, находящийся на Акрополе. Здесь немного хорошо сохранившихся произведений скульптуры. Но меня поразило, что на большинстве лиц заметна какая-то скептическая и вместе довольная, счастливая улыбка. Это, вместе с картиной запустения на Акрополе, заставило меня почувствовать греческий мир навсегда погибшим; христианство слишком глубоко разделило древность от современности. Мне кажется совершенно лишенным искренности воскресение сейчас греческого искусства. Л. К.

22 июля (4 августа), День 57. Афины. — Пароход «Эвтерпа».

Афинская ночь была ужасна. Клещи и блохи кусали нас немилосердно и не дали мне заснуть абсолютно. Кроме того, к нам в комнату впустили вечером еще какого-то господина

в цилиндре. Это всё было причиной того, что мы вскочили в б часов ут<ра>, побежали опять на Акрополь. Самое характерное для него — это стройный белый профиль тонкой ионийской колонны на темно-синем небе. Станным кажется, как этот белый хрупкий мрамор, местами облитый бронзовым оттенком, точно загорелый от солнца, мог еще настолько сохраниться до нашего времени. Когда глядишь сверху на уцелевшие арки римского театра, то невольно сравниваешь эту мощную практичность Рима с хрупкостью Греции, красота которой так легко исчезает от одного грубого прикосновения варвара. Достаточно было одной венецианской бомбы, чтобы разбить Парфенон, а Колизей, служивший в средние века простой каменоломней, все-таки поражает своей величиной. Природа Италии прекрасна, роскошна, живописна, а природа Греции просто красива, настолько просто, что простота эта сперва кажется бедностью. Сверху Афины некрасивы и очень плоски. Но там есть очень красивые здания. Общий тип афинской улицы очень мне напоминает улицы южных русских городков, где сказывается влияние Востока. На них так же растут акации, так же много пыли, так же много фруктовых лавок, такая же пестрая полувосточная толпа. Но многие из частных новых домов в Афинах поражают своей изящной простотой и нешаблонностью, которой так недостает роскошно-пошлым домам многих городов Зап<адной> Евр<опы>. С Акрополя мы пошли в Национальн<ый> музей, полный великолепных антиков и дивных терракот Танагры. И опять тут поражала разительная разница между греческими оригиналами и римскими подражаниями. В двенадцать часов мы уже выехали в Пирей, чтобы успеть визировать паспорта у турецкого консула. Но, несмотря на отчаянные звонки, продолжительный штурм консульского дома и препирания на всех языках, турецкий консул все-таки оказался для нас недоступен, и мы поехали на пароход без визы. Здесь на палубе нас ждала пестрая восточная толпа пассажиров третьего класса, между которой мы и разместились. Скоро у нас оказалось много знакомых: молодой грек-студент оттоманского университета со своим старичком-спутником — турецким поэтом, как оказалось, — с которыми мы познакомились

еще накануне по дороге из Коринфа. Московский студент Карандеев, который, как оказалось, знает меня, и очень симпатичный молодой армянин, турецкий подданный, возвращающийся из архитектурного училища в Венеции. В их обществе мы провели весь вечер. Море было спокойно, но дул сильный теплый ветер и надул нас такой насморк, что я совсем ошалел. *М. В.*

23 июля (5 августа). День 58. Пароход.

Ночь на пароходе также была не из особо приятных. Дул сильнейший ветер. Особенно усилился он к рассвету. Мы лежали на палубе, старательно прикрывались накидками, но все-таки было очень холодно. Макс уверял, что у него ужасно зябнет нос. Действительно, он встал утром с ужасным насморком и головной болью. Он забрался на верхнюю палубу и, завернув свой нос в плащ, улегся на носу парохода и долго лежал там без движения.

Пароход остановился на 2 часа в Дарданеллах. Лишь только спустили лестницу — тотчас на пароход хлынули всевозможные турецкие торговцы. Бараньи жареные головы, баранье жареное туловище без головы, горшочки с варенцом, всевозможный турецкий сладкий хлеб, фрукты и т. п. вещи.

Мы с помощью наших турецких знакомых меняли французские деньги на какие-то разнообразные маленькие, дырявые турецкие монетки всевозможных достоинств и купили себе 2 горшочка варенца. Леонид восхищался горшочками с золотыми и синими разводами и хотел взять их с собою в Россию, но багаж наш и без того уже так увеличился, что с болью сердечной <он> отказался от этого плана. *В. И.*

24 июля (6 августа). День 59-й. Константинополь.

Приехали в Константинополь рано утром в очень хорошую погоду. Простились с нашим новым знакомым — студентом Карандеевым, так как он намеревался сесть на русский пароход, не сходя на берег, по каким-то судам прыгали, чтобы достигнуть лодки. Сейчас же нас подвезли к лодке с полицейским, где записали что-то. Когда мы вышли на таможенную пристань, нас принял под свое покровительство агент Пантелеймоновского подворья. Но, несмотря на его обещание, что нас пропустят, нас повезли в какой-то домик, где дали нового провожатого и сказали, что нас отвезут к русскому консулу. Но после того, как нас долго вел по

грязным улицам Галаты наш, по выражению князя, «официальный проводник», попросту городской, мы очутились перед турецким полицейским учреждением. Грязным двором, темными деревянными лестницами нас провели в комнату... на стене висели ручные кандалы, за решеткой спали заключенные, вне ее на лавках то же делали чиновники в одном белье. Пол был усыпан всяким мусором. Через полчаса один из чиновников стал подметать, другой любезно предложил помочь ему. И в это место проникла утонченная вежливость. Через 1 час к нам привели Карандеева, также под конвоем. Произошла трогательная встреча. Его нелюбезно приняли на русском пароходе и послали на берег, т<ак> к<ак> пароход идет завтра. Начали являться разные личности, б<ольшей> ч<астью> чтобы надеть мундир и тесак. Принесли есть начальнику, видно, нашей команды. Заостренной палочкой он то писал бумаги, то ковырял в зубах. Приходила какая-то армянка-старушка, ее заставили с нами говорить. Но ничего не вышло. Явился мол<од>ой мальчишка-черногорец, тоже ничего не поняли, пришел толстый турок — и все говорили что-то. Наконец, нас отвели в русское консульство и оттуда в подворье. *Л. К.*

ДНЕВНИК 1901-1903

<1901>

21 апреля 1901 г. Париж.

Неужели с *этого* я начну свой дневник? Положим, если уже начинать с чего-нибудь свой дневник в Париже, то именно с этого. Подготовлялось это долго. Задолго до Парижа.

Даже сначала и мысль такая была: «Ну, вот в Париже». А потом, уже в Париже: «Вот когда Пешковский уедет». И вот несколько минут назад это совершилось. Совершилось совсем просто, так просто, как всегда бывают простые великие события в жизни, а это во всяком случае принадлежит к важным событиям моей жизни. И теперь, когда это уже совершившийся факт, я вовсе не чувствую ни сожаления, ни угрызений совести, ни отвращения, ни обаяния своего собственного падения, а скорей какое-то радостное освобождение от чего-то давившего столько долгих месяцев. Я быстро пробежал из «той комнаты» по бульварам к себе домой, даже не оглядываясь на те стены, которые мне казались такими соблазнительными. Мне только хотелось скорей сосредоточиться, и теперь голова как-то сразу сделалась необыкновенно чиста и остались только холодный анализ происшедшего и на платье легкий запах ее тела.

Почему это произошло сегодня? Утром я был в Салоне. Потом обедал с Кругликовой и Давиденко, а после обеда пошел с ними в академию. Там позировала натурщица. Я в первый раз видел голое женское тело, т. е. то, чего я страстно и невольно жаждал в течение стольких ночей, и оно меня не только не ошеломило, не потрясло, но напротив, я смотрел на него как на нечто в высшей степени обычное. И действительно, оно было так просто среди рисующих художников, что не возбуждало никакой похоти. Я вышел спокойный, но на улице меня начал преследовать снова тот кошмар, что ли?

(только это, пожалуй, слишком сильно), который меня преследует в Париже всё время. Мне страстно хотелось «этого». Я зашел к Бинштоку. Он оказался дома, к удивлению. Я увидел высокого черного человека сврейского типа. Разговор о корреспонденциях вызвал некоторые сомнения и раздумия. Я вышел и пошел по Сен-Жермену. Мысль снова заработала в том направлении. Минуя женщин, я оглядывался и думал: эта... эта... Одна, просто одетая и нераскрашенная, небольшого роста, оглянулась на меня. Я ее обогнал и остановился у памятника памяти Дантона. Она, проходя, задела меня плечом. Потом, пройдя, оглянулась и призывно посмотрела на меня. Я почувствовал, что внутри всё затрепетало и в глазах помутнело. И я пошел по той же улице. Мне будет ужасно стыдно, если кто-нибудь прочтет это, но я хочу все подробности заргистрировать себе на память. Она свернула в сторону, в маленькую улочку и потом сразу подошла ко мне: «Vous promenez seul, monsieur»* — и еще что-то. Я сказал, что я плохо понимаю по-французски. Она сказала, что спешит домой. Я вспомнил, что в этих случаях просят позволения проводить, и, хотя мне сразу сделалось ужасно стыдно, я пробормотал эту фразу. «Я живу вот здесь напротив», — сказала она. И мы стали подниматься по лестнице маленького отеля. Она остановила меня на минутку, чтобы взять ключ, затем мы вошли в комнату. Там был полусвет от фонарей, глядевших с улицы сквозь открытое окно.

«Ах, у меня тут маленькая собачка. Она pauvre petite chien<ne>**», — говорила она, зажигая лампу и занавешивая окно. Мне показалось нужным нарушить молчание, погладить собачку и сказать: «C'elle jolie chien<ne> avez-vous***». Собачка была маленький щенок и дрожала от холода.

«Embrasse moi, polisson****», — сказала она, подходя и подставляя губы. Лицо у ней было бледное, маленькое и, кажется, хорошенькое. Я вспомнил, что так делают, и поцеловал ее. Но в этот момент у меня уже не было ни страсти и ни дрожи, а только одно любопытство.

* Вы гуляете один, сударь (фр.).

** Бедная маленькая собачка (фр.).

*** У Вас прекрасная собачка (фр.).

**** Поцелуй меня, шалун (фр.).

«Что вы хотите, чтобы я показала вам прежде?» Так <как> я не знал никакого более подходящего французского слова, то ответил: «Tous»*.

Она начала раздеваться, но я смотрел на это равнодушно, только с любопытством.

«Ну, теперь мы вымоемся, как это делают в аристократических домах», — сказала она, приготовляя таз с водой и ставя его на низкий стол.

И всё время потом оставалось только любопытство, а когда это кончилось, какое-то недоумение, зачем это мы здесь вдвоем в комнате. То, что я думал и говорил о социальном преступлении, о разврате, когда при этом не иметь в виду зарождение ребенка, — всё было в голове, но казалось так, как будто это всё не к этому относится.

Юность — только агония
Умирающего детства.

Жизнь — бесконечное познание...
Возьми свой посох и иди! —
...И я иду... и впереди
Пустыня... ночь... и звезд мерцание.

[В далекий путь я взял с собой
Из мира, брошенного мной,
Лишь грезы детства...]

Два столетние каштана,
Обожженные грозойю.
На заре своей тропойю
Я иду... В волнах тумана
Два столетние каштана,
Опаленные грозойю. <...>

* Всё (фр.).

Слава великим гробам!
 Тучи собираются снова...
 Но недоступна рабам
 Тайна свободного слова...
 Раб обнажил уже меч...
 Рушится старое зданье,
 Куйте ж свободную речь
 В огненном горне познания.

Совесть и огонь. Хорошо, когда она светит ровным светом и освещает дорогу впереди.

Если ж се искра падает на сухие и горючие горы следланного и прожитого, она может выжечь всю душу человека (Гл. Успенск<ий>). «Семь раз в день греши, только не кайся».

<1902>

18 июня. Ночь. Мисоп.

Светает. День суматохи.

Ајассіо. 3 июля.

Всегда тишина. Чуть шевелится что-то человеческое. Вся гора точно старая зацветшая медь. Я люблю эти белесоватые тона светлее неба. И море смеется сквозь ветви. Солнце целует крепко и горячо, а в тени ветер.

Море ласковос, как маленькая девочка. Ласковая краска и ласковый ветер. Переливаются густые и горячие струйки ароматов. Сухие пахучие травы, поседевшие от свету. Даже камни пахнут. Старые камни, разрисованные сухим мохом. Точно остатки византийской иконописи. Желтые, красные, черные круги... Иду выше.

Там сосны. Морские южные сосны с седыми лучами вместо игл. В воздухе тяжело и жарко от их запаха. И сухие, горячие оранжевые кустарники около дороги. И вдруг внизу сразу заширшет море, и всё утихнет. Заиграют красные крыши домов.

По горам тянется длинное облако, и они с неудовольствием вытягивают свои верхушки, чтобы взглянуть на залив.

После обеда идем по берегу за солнцем. И солнце течет под шляпу прямо в глаза жидкими струями золота. Я шучусь, делаю гримасы и чихаю.

Хочется проглянуть сквозь золотой полог, но гор не видно за ним.

Кактус цветет. Цветы красные и желтые. Безобразные как кораллы. И запах едкий, уродливый, солнечный.

И вот отлогий песчаный берег.

Горы из бледного золота и фиалок. Берег розовый и голубой. И малиновые травы. Волны синие в изломе и потом как тело, и в них тоже золото.

И когда солнце нырнуло — всё точно покрыто вуалью. И пепельно-голубой вечер — как тихая печаль.

И я иду купаться в матовых волнах. А внизу всё прозрачно, и камни светятся из-под воды.

Я встряхиваю мокрые волосы, так что они мне падают на глаза, надуваю щеки и чувствую, что я тритон.

И потом я иду по золотисто-розовой дороге в пепельное пространство.

И в воздухе еще тянутся теплые струйки ароматов. Точно пахнет солнечными лучами.

И потом, когда уже ночь, я всё еще натываюсь на эти нити горячего запаха.

Ночь.

Огоньки, как золото в синем. И залив дрожит от радости.

Оливы творят вечернюю молитву.

Кипарисы вздыхают над могилами.

Лай собак и шум города звучит сквозь тишину, как далекая музыка. И иногда вдох волны покрывает собою всё.

В кабачке у моря черные фигуры на красном.

Песок под ногами и в башмаках. Камни.

По темной лестнице мы поднимаемся ощупью, и вот я опять на чердаке со своими книгами, бумагой и чернилом.

5 июля. Аяччио.

Я чувствую себя безусловно счастливым человеком. Но я до сих пор не жил жизнью чувства.

Я был наблюдателем. Жизнь была музеем или сценой. Я чувствую, что наступает пора выступить на сцену. Верно, я и при этом останусь наблюдателем. Мне надо рассмотреть личные чувства актера.

Двойственность для меня не страдание, а основа счастья.

Всё время я жил рассудочной частью своего существа. Той, которая создана веяниями времени, общества, воспитания, книг. Это очень просто.

Тело — великая и таинственная основа всего — молчало. И только в этом году я начал узнавать, что оно существует. И я проникся к нему уважением. Старое представление о душе и теле соответствует этим двум «я», живущим во мне. Люди всегда подгоняли понятия к словам.

Рассудочная часть, соответствующая понятию души и разума, — очень банальна. Она известна вдоль и поперек и служит для домашнего употребления. Строй жизни так однообразен, что у нас на каждый случай готов уже вывод. Мышление свершается инстинктивно. Тело таинственно и неизвестно. Это для меня великий «ОН», и я не знаю никогда, как Он будет действовать.

Это связи с землей. Из нее все силы.

Его можно изучить только на опыте, ставя в различные положения, новые и необычные. Он не имеет понятия о нравственных правилах, обычаях, ни об чем, пред чем чувствую себя рабом я. Он не имеет понятия и о логике. Потому что логика — это тоже одна из условностей, созданная для домашнего обихода рассудка.

Итак, с Ним я начал знакомиться только в этом году, и я хочу припомнить всё, как было, потому что теперь я хочу предоставить Ему полную волю. Я раньше Его стыдился, и теперь еще это не прошло. Но мне надо обратиться на несколько лет в Его раба, чтобы узнать Его характер.

В минуты власти (Его власть называется страстью) легче все <го> определить характер, а мне Его характер надо знать,

т. к. с Ним мне придется уживаться всю жизнь. Секрет счастья — это уметь хорошо ужитья с Ним.

Он всегда мечтал о женщине. С 10 лет. Я — нет. Я слишком верил в прописные правила. Это шокировало меня. Я стыдился Его.

Это было через месяц после моего приезда в Париж.

Вечер. На тротуарах пятна света и полосы тени. Из аптечного окна лучится красное сиянье. Каштаные листья около электрического фонаря кажутся бумажными. Воздух теплый и сухой. Запах людей влажный. Этот запах тела — безобразный, но раздражающий. В голове стучит кровь. Час пред этим Он видел голую натурщицу. Это было в первый раз в его жизни. Он никогда не видел тела. Он зашел в академию, чтобы поговорить со знакомым художником, но это было предложом. Он хотел увидеть женщину. Когда Он входил, то у Него стучало в висках. Он поднял глаза, и женское тело (она стояла заложив руки за голову, освещенная двумя фонарями с рефлекторами), поразило Его своей обыденностью. Потом Ему снова хотелось посмотреть на нее, но Ему казалось, что это заметят, и Он взглянул, только выходя. И это было совсем просто, и Ему казалось, что Он это много раз видел. И страсть не говорила в Нем.

Потом Он зашел к одному незнакомому человеку, по делу. Ему было неприятно с ним говорить. И когда Он вышел, была ночь, и на улице много народу. Вдали это были темные фигуры неопределенных очертаний. Вблизи — светлые пятна лиц. Иногда запах женского тела.

У меня есть двадцать франков, думал Он. Это стоит 20 fr. Я, помню, видел это в «Igon-Igon». Я этого никогда не думал. Я считал преступным купить женщину, но Он никогда не считается с принятыми нравственными положениями. Он берет жизнь, как она есть.

И Он останавливается и смотрит на проходящую мимо маленькую фигурку в черной шляпке, и Ему хочется ее.

Женщина бросает взгляд на Него, и их глаза встречаются. Она сразу понимает Его взгляд, и в ее глазах вопрос. Что-то сразу собирается у меня в груди, сжимается... Я перестаю чувствовать ноги, вдруг становится мучительно стыдно,

и я быстро отворачиваюсь, прохожу несколько шагов и останавливаюсь около памятника Дантон<у>. Я чувствую, что она идет за мной, но я не решаюсь взглянуть. Под рукой я чувствую теплый шероховатый камень. И она проходит мимо меня и задевает меня, точно случайно, плечом. И опять что-то горячее стягивается у меня в груди. Я отрываю свою спину от памятника и иду за ней. Она на ходу оборачивается и улыбается мне. Затем останавливается на углу темного переулка, где нет людей. У меня кружится голова, и я приказываю своим ногам идти туда, как это бывает в опьянении. И вот я подошел и не знаю, как начать. Ни одной фразы у меня нет на языке.

Я готов убежать, но мне стыдно. Я стараюсь припомнить, что обыкновенно говорится в таких случаях, и говорю: «Вы мне позволите Вас проводить?»

И я чувствую, что говорю не то. Она что-то говорит, но я не понимаю. Потом я догадываюсь, что она живет тут же, потому что она показывает рукой на противоположный дом. Мы переходим через улицу, и мне стыдно, что меня могут увидеть.

Узкая лестница грязного отеля.

— Вы иностранец?

— Да, я русский.

— Погодите, я возьму ключ. — Она заходит за тускло освещенную дверь. Я остаюсь в темном коридоре, когда мимо меня проходят два человека, я стараюсь отодвинуться дальше в тьму.

«Идем».

Мы поднимаемся по лестнице, и она наклоняется, шаря замочной скважины. Я чувствую около себя юбку, дотрагиваюсь до нее робко пальцем и думаю:

«Неужели это и есть?..»

Она зажигает спичку, и мы входим. Комнатка крошечная, с большой постелью, как во всех отелях.

«У меня здесь собачка. Моя маленькая собачка», — говорит она и берет на руки крошечное дрожащее существо. Я делаю вид, что очень заинтересован собачкой, глажу ее и говорю:

«Какая хорошенькая собачка».

Она в это время запирает дверь и задергивает занавеску у окна. Она сняла шляпку и подходит ко мне.

– Ну, теперь поцелуй меня.

Это «ты» не кажется мне странным.

Я обнимаю ее за талию двумя руками и целую в губы. И чувствую что<-то> липкое – верно, губная помада.

Она худенькая и маленького роста. Ей лет двадцать.

У нее обыденное парижское лицо. Плоское, бледное, с синяками у глаз, но издали она кажется хорошенькой.

Мне совсем не хочется ее целовать, но я это делаю, потому что это принято.

И я думаю: «Неужели она сейчас разденется?»

И мне хочется, чтобы она разделась совсем. Любопытство меня охватывает.

И я делаю робкое движение, чтобы расстегнуть сй кофточку. Она говорит: «Погоди, я сама». И потом спрашивает деловым тоном:

«Ты хочешь, чтобы я разделась совсем?»

Я киваю головой. Она делает это как-то очень быстро и деловито. Она одним движением сбрасывает с себя все платье и остается только в черных чулках выше колен да с газовым бантом на голой шее. И меня опять поражает обыденность голого тела. Я гляжу на низ ее живота, и меня удивляет присутствие волос. Их я никогда не видел на картинах и статуях, но я вспоминаю натурщицу, а потом вспоминаю греческие вазы и залу античной порнографии в Неаполитанском музее,

Она подходит ко мне всем телом, я наклоняюсь и целую ее в груди.

«Кажется, это так делают», – думаю я.

Она говорит:

– Раздевайся.

И мне теперь не стыдно раздеваться, но я страшно боюсь сделать что-нибудь не так, как это обыкновенно делают.

Я боюсь, чтобы она не догадалась, что я это делаю в первый раз. Теперь «это» – моя невинность – кажется мне ужасно постыдной.

Я раздеваюсь позорно неуклюже и очень долго расшнуровываю ботинки.

«Зачем ты снял ботинки?» — говорит она. И <я> чувствую, что она догадывается, что я еще не имел дела с женщинами.

«Ох, какие у тебя ботинки», — говорит она и приподымаст мою стоптанную подбитую гвоздями горную ботинку.

И мне кажется, что я сделал какое-то ужасное неприличие.

И я снимаю рубашку и хочу откинуть одеяло.

«Как, ты хочешь лечь в постель?» И я готов провалиться от стыда. Теперь она уже наверно догадалась.

Потом, когда всё кончилось, мне всё становится отвратительно. И стыдно не того, что я не имею в этих случаях принятых манер, а стыдно этого тела, этой комнаты. Стыдно того, что я голый. Мне становится противна и она, и ее манеры, в которых чувствуется деловитость и специализация. Я начинаю быстро одеваться.

«Как, уже?» — спрашивает она меня с удивлением. Но теперь это меня не конфузит. Мне всё противно.

Когда я оделся, она говорит:

«А что ты мне подаришь?»

Я смущенно и неловко достаю свой кошелек и отыскиваю двадцатифранковую монету, которую кладу на стол.

«Ты очень мил», — говорит она.

Потом она говорит о том, что у ней есть ребенок, что ей сейчас надо ехать на другой конец города, просит дать ей на извозчика. И я кладу ей на стол еще пять франков. И мне так же неловко, как когда оставляешь деньги доктору.

Она оделась и выходит меня проводить с лампой в коридор.

«Ты ведь еще придешь, милый? Меня зовут Сюзанн. Пятый номер»...

Но я бегу, и мне кажется, что все прохожие знают. И опять мелькают пятна тени и света, силуэты людей, красное сияние в аптечном окне. И я дома.

И я сажусь за стол, но ничего не могу делать. И я чувствую какую-то легкость, то, что ушло что-то, что меня давило

много месяцев и заставляло проводить бессонные ночи и думать о женщине. Мне противно всё, что было, но я думаю: а все-таки это хорошо.

15 июля. Аяччио.

Вчера случайно с мыслью: «А ну-ка, что откроется?» — я развернул Ницше. И то, что я прочел, с первых же шагов поразило меня, как мой собственный портрет.

«Человек с объективным умом не более как зеркало... Всё, что остается в нем от своего “я”, кажется ему случайным, часто своевольным, а еще далее беспокойным. Он только тогда чувствует себя самим собой, когда анализирует, отражает посторонние образы и события.

Вспомнить о “самом себе” стоит ему напряжения, и нередко воспоминание *его бывает неверным*. (Поразительно!) Он легко смешивает себя с другими (источник всех моих недоразумений с людьми), ошибается в том, что ему нужно, и только в одном этом случае ум его непроницателен и он относится небрежно к делу. Может быть, его мучает нездоровье или странные, замеченные им отношения между женой и верным другом, и вот он принуждает себя размышлять о своем собственном мучении, но всё напрасно! Его мысль сейчас же удаляется от этого предмета и стремится к обобщению (ужасно верно), и завтра он точно так же не будет знать, как выйти из затруднения, как не знал вчера. Он отвык относиться серьезно к самому себе и потерял напрасно время, и вот он веселится не потому, что у него нету никакой нужды, но потому, что он не находит никаких ясных доказательств своей нужды. Он обыкновенно сам идет навстречу каждому случаю и жизненному опыту с веселым и простодушным гостеприимством, принимает всё, что касается его лично; его благосклонность неразборчива, его беззаботность относительно “да” и “нет” опасна, ибо как много таких случаев, где ему приходится страдать от этих своих добродетелей, и как человек он часто делается *Carput mortuum** своих добродетелей.

* Бренные останки (лат.).

Если захотите, чтобы он полюбил или возненавидел — я разумею здесь любовь и ненависть в том смысле, как понимают эти чувства женщина и животное, — то он делает то, что может, и дает столько, сколько может. Но не должно удивляться, если он даст немного, потому что именно в этом случае он оказывается не самим собой, а хрупким, сомнительного достоинства, ломким. Его любовь — любовь вынужденная, его ненависть искусственна и скорее напоминает собою un tour de force*, она немножко тщеславна и преувеличена (и это всё верно!).

Он бывает самим собой только до тех пор, пока остается объективным: только держась своего бодрого обобщения, он бывает “натурой” и “натуральным”.

Его всё отражающая, как зеркало, и, так сказать, вечно приноравливающаяся душа уже не может давать утвердительных ответов, ни отрицать; он не дает никаких приказаний, но вместе с тем и ничего не разрушает.

“Je ne méprise presque rien”**, — говорит он вместе с Лейбницем: обратите внимание на это слово presque — и разберитесь его хорошенько!

Он не такой человек, который мог бы служить примером; он не идет впереди кого-нибудь, а также не следует за кем-нибудь; он обыкновенно стоит слишком далеко, как будто бы у него есть основательные причины на то, чтобы не приставать ни к партии “добра”, ни к партии “зла”.

Когда его смешивали, в течение столь долгого времени, с философом, с этим цезарским ликтором и полицейским культуры, то этим делали ему слишком много чести и проглядели в нем самое существенное: он — орудие, род невольника, хотя, конечно, невольник высшего сорта, но сам по себе он — ничто, presque rien***! Человек с объективным умом это орудие (инструмент?) — дорогое, скоро портящееся и теряющее свой блеск орудие из желтой меди, художественно сделанное зеркало, которое нужно беречь и ценить; но у него нет

* Ловкая штука; силовой прием (фр.).

** Я почти ничего не презираю (фр.).

*** Почти ничто (фр.).

конечной цели, он не научит тому, как выйти откуда-нибудь или подняться наверх; он не такой человек, который бы служил дополнением к другим людям и который истолковывает то, что остается нам неизвестным в нашем существовании; он не заключение, но уже никак не начало, не порождение и не первая причина; в нем нет ничего твердого и сильного, стоящего крепко — нет свойств повелителя: он не более как сделанный из мягкой массы, дутый, с тонкими стенками, беспрестанно изменяющий форму сосуд. Его сначала нужно наполнить каким-нибудь содержанием или вместилищем, чтобы затем уже по нему принять свою форму — объективно это человек без вместилища и содержимого, человек, лишенный своего «я».

Поэтому он не имеет никакого значения для женщин и не пользуется никогда у них успехом».

Вот... Портрет настолько близок и схож, что я не отрываясь прочел три раза, и с каждым разом я всё больше убеждался в том, что это я. Много здесь очень неслучливо для меня, но справедливо.

Такие люди очень часто дают иллюзию сильной индивидуальности потому, что они не похожи на других. Это мне случалось замечать.

«Я — губка» — это то же, что «я — зеркало» и вполне совпадает с сосудом.

«Я — зритель. Мир — музей» — это тоже согласуется с Ницше, потому что его тип — это отражение мира. Да. Я принимаю эту характеристику со всеми ее жестокими правдами.

У меня нет непосредственного чувства «добра» и «зла». Я отношусь к ним с одинаковым интересом. Я не вижу ничего, что бы меня инстинктивно отталкивало в «зле». Единственное инстинктивное чувство, близкое к этим понятиям, которое живет во мне, — это чувство «оскорбленного права» — это уже следствие внешних воздействий русской действительности.

«Нет добра и зла» — для меня это не вывод, а откровенность.

25 июля. Неаполь.

Этот я написал третьего дня, сидя <на> площади Plebescito в кафе. Это отголосок разговора с А. В. Г<ольштей>н в вечер ее возвращения из Савойи.

На заре. Свежо и рано.
Там вдали передо мною
Два столетние каштана,
Обожженные грозюю.
Уж кудрявою листвою
На одном покрылась рана...
А другой в порыве муки
Искалеченные руки
Поднял с вечною угрозой —
Побежденный, но могучий,
В край, откуда идут грозы,
Где в горах рождаются тучи.
И, чернея средь лазури,
Божьим громом опаленный,
Шлет свой вызов непреклонный
Новым грозам, новой буре.

Над чернеющими пнями
Свежесрубленного леса
Шепчут тонкие побеги
Зеленеющих берез.
А в лесу темно, как в храме,
Елей темная завеса,
Пахнет хвоей под ногами,
И, как гроздь среди леса,
Всюду пятна птичьих <гн>езд*.

И от карканья ворон
Гул стоит со всех сторон,
Как торжественный, спокойный
Колокольный мерный звон —
Гулкий, стройный
И унылый...

* В оригинале описка — «звезд». (Ред.)

А над срубленными пнями,
 Как над братскою могилой,
 Тихо двигая ветвями,
 Им березы шелестят:
 «Мир уставшим...
 Мир усопшим».
 Вместе с дальним гулом сосен
 Наклоняясь, говорят...

И им вторит издалёка,
 Нарушая цепь их дум,
 Рокот вольного потока —
 Вечной жизни бодрый шум.

Думой новою объятый,
 Я стою... И мне слышны
 Словно дальние раскаты
 Человеческой волны...

9 августа. Неаполь.

Буду продолжать. Мне бы хотелось поскорее перейти к тому, что было этой весной и что еще теперь не кончилось. Но надо досказать историю моего первого грехопадения. Я встретился с той женщиной еще раз. Это было после возвращения из Испании. Меня опять охватило то состояние, при котором я ни о чем не мог думать, кроме женщины. Я проходил мимо Бюлье, и мне страшно захотелось войти туда и взять себе женщину. Но что-то удерживало меня. Это не были нравственные правила, ни страх болезни — я об этом не думал. Это была застенчивость непривычки. Я не раз бывал в Бюлье, чтобы смотреть на лица танцующих и иногда рисовать. Но когда я подошел к дверям, я вдруг испугался и вспомнил, что мне нужно в Cabinet на другую сторону площади, и ушел.

Потом я вернулся и вошел в залу. У меня не было ясного намерения, но мне казалось, что все знают, зачем я сюда пришел. Когда же разные женщины старались поймать мой взгляд или предлагали угостить их, я испуганно уходил в сторону, делая вид, что я не замечаю их.

И тут я столкнулся лицом к лицу с Сюзанн. Я хочу отвернуться, но она узнаёт меня и здоровается.

«Ты ведь меня угостишь?»

И мы идем к столикам. Мы садимся. У ней плоское парижское лицо и синяки около глаз. Мне она совсем не нравится. Гарсон подает два бока<ла>. Она подвигается очень близко ко мне, касается меня коленьями и закрывает мои ноги своей юбкой. Я чувствую, что во мне просыпается животное.

«Ведь мы пойдем ко мне? Правда?» — спрашивает она.

Я чувствую такое стеснение, что мое тело делается деревянным. Сквозь сдавленное горло я произношу что-то — верно «да».

«Погоди, я только протанцую еще этот вальс», — и она уходит. Я вижу, как она говорит с другой женщиной в велосипедных шароварах и, кивая в мою сторону, произносит:

«Это мой... с Rue l'École de Médecine»...

И мне хочется воспользоваться моментом и убежать, но я чувствую на ногах прикосновение ее колен и остаюсь.

Она возвращается. Я достаю портмоне, чтобы платить.

«Сколько?»

— Шестьдесят са... — говорит гарсон. Но она выразительно в упор смотрит на него.

«Два франка-с», — поправляется моментально он. Я плачу. И вот мы идем вдоль темной и сырой аллеи Обсерватуар. Она через два шага подпрыгивает и напевает. Я хочу принять развязный и веселый вид. Но не могу. Меня гложет мысль: «А вдруг меня увидят мои знакомые?» Мне хочется представить из себя кутящего парижского студента, но я принимаю только еще более мрачный и серьезный вид.

Стараюсь взглянуть со стороны и нахожу, что у меня страшно глупый вид.

Дорога до ее дома — это пытка. Опять мы входим по темной лестнице. Она заходит в контору и долго топчется. Затем мы идем в ее комнату, только не старую, а другую — значительно выше, меньше и грязнее.

«Ты мне дашь опять 20 франков?» — спрашивает она нежным голосом. У меня всего 20 fr. в кармане, и это все мои

деньги. Кроме того, я слышал, что двадцать франков – это слишком большая цена. И я говорю: «Нет, я сегодня не могу тебе дать больше 10 франков».

Она сразу делает сердитое лицо и деловитым голосом говорит, что за 10 фр<анков> она не может. Близость ее тела уже ослепляет и горячит меня. Идет отвратительный торг, и я все-таки остаюсь. Она берет 15 фр<анков> и говорит, что ей надо сперва спуститься, чтобы заплатить за комнату, а то хозяин се не хочет держать. Эта подробность на меня не производит впечатления. Я жду ее довольно долго. Мне вспоминаются рассказы об ловушках и западнях. Для ободрения я вынимаю перочинный ножик и смотрю на него. Слышны шаги. Я торопливо прячу его в карман и делаю вид, что смотрю в зеркало.

«Ты боялся?» – спрашивает она и начинает раздеваться. «Polisson...» – говорит она. «Tu est un grand baiseur»*.

Во всем этом что-то казенное. Я испытываю ощущение, как будто пью какое-то лекарство, закрыв нос, чтобы не слышать скверного запаха. Я ухожу еще с большим отвращением, чем в первый раз, и повторяю про себя:

«Больше никогда... Больше никогда...»

Даже физическое облегчение не может заглушить того отвращения, которое расплзается по душе.

Paris. 9 сентября.

Теперь мне хочется припомнить по порядку всё, что было прошлой весной перед моим отъездом.

Всё завязалось во время той знаменательной прогулки в Монморанси, которой мы с Косоротовым придавали потом в Неаполе такое почти мистическое значение.

Но это были его события.

Мои начались раньше. Это было 16 мая – день, когда мне исполнилось 25 лет.

Я зашел к Ауэр проститься. Они на другой день ехали к отцу в Дюссельдорф. Я в этот день купил себе краски. Первые масляные краски. Поэтому я опоздал к завтраку.

* Шалун... Ты такой холок (фр.).

«Простите меня, пожалуйста, я опоздал потому, что покупал краски».

Пока мы завтракали, как всегда, и в той же комнате, как всегда, кто-то сказал:

«Когда мы увидимся? Мне бы не хотелось потерять Вас из виду. Вы ведь куда-нибудь исчезнете из Парижа... Нет, Вы должны писать нам».

Теперь мне не кажется, что это сказала М-те Ауэр.

Я обещал писать.

Когда мы встали из-за стола, я сказал: «Вам ведь навсего нужно укладываться, так я прошусь с Вами».

«Нет, погодите... Это Тиля укладывает», – это уже сказала она – Муха. «Покажите-ка мне Ваши краски».

Я принес коробку и краски, которые были еще завернуты в бумагу. Мы их разворачивали вместе.

«Ну, нарисуйте мой портрет – я сегодня в своем декадентском капоте».

Она действительно была в своем капоте.

«Но ведь я еще никогда не держал в руках масляных красок».

И я все-таки стал рисовать.

И когда я стал намечать ее оригинальную линию щеки, мне вспомнилось, что ее сестра говорила, что она очень недовольна своим лицом. Вспомнилось тоже, как мама, когда увидела ее, сказала:

«У младшей Ауэр очень оригинальное лицо».

Поэтому я сказал:

«У Вас очень оригинальная линия щеки. Эдмонд Гонкур говорит в своем дневнике, что реже всего встречается красивая щека».

Но я сейчас же бросил рисовать и сказал: «Нет, я не буду рисовать. У меня ничего не выйдет. Давайте лучше говорить. В последний день...»

Теперь мне кажется, что, может, это и она сказала.

Не помню, как начался разговор. Но я вдруг заметил, что это она сама нарочно сделала, что мы остались вдвоем. И сердце вдруг сжалось.

Почему?

Раньше я на нее никогда так не смотрел. Как на всех людей, я смотрел на ее лицо. Но я вдруг заметил, что она очень красиво сложена, и мысленно представил себе очертания ее груди. И мне вдруг стало так стыдно, что я закусил больно губу и почувствовал, что моя мысль что-то оскорбила.

Она сказала: «Дайте-ка мне посмотреть Ваши краски».

И она держала коробку в руке и водила кистью по картону, на котором я начал намечать ее лицо.

Она написала на нем кистью «Муха» и положила коробку на диван.

Я совсем не помню, о чем мы говорили, вышло так, что она начала рассказывать о своем детстве.

«Меня до 16 лет никуда не выпускали без гувернантки.

Гувернантка была при мне неотлучно. Ведь толь<ко> год назад в Москве я стала самостоятельна. И главное, гувернантка меня страшно любила и ревновала к другим. Это было очень тяжело. Взрослые никогда не понимаю<т> и смеются над детьми, когда им говоришь: “Вы меня не понимаете”. Я любила оставаться одна дома, когда все уходило. Папа вечером почти никогда не бывал. Мама тогда часто бывала в театре. Сестры выезжали. И когда бывала одна, то я всегда старалась делать именно то, что мне запрещали. У меня была подруга Саша, дочь нашей горничной. У меня совсем подруг не было. Сестры все были старше – все уже были барышнями.

Так она меня одела в большую шубу, надела платок на голову – ведь этого никто из наших до сих пор не знает, так что если кто-нибудь войдет, то я не смогу рассказывать. И вот, я спустилась по лестнице мимо швейцара и в первый раз одна вышла на улицу. У нас было условлено, что дойду до угла и потом вернусь сейчас же назад, а Саша мне отворит дверь. И это было так страшно. Вся улица казалась не та. Ветер был. Это зимой было. Я бегом побежала, когда дошла до угла. Там на углу была булочная. И когда я подходила к дому, я вижу, в окнах тени ходят – меня ищут. У нас масса прислуги было. И вот меня хватились. Я подошла к двери и слушаю».

В это время в комнату зачем-то вошла ее сестра.

«...Ну, вот... Ведь я не могу говорить», — шпепотом сказала она. И потом, когда сестра вышла:

«Так когда они меня увидели, на меня кухарка наша рассердилась... Но я набралась нахальства, приняла барский тон: “Как вы сместе?! Это я только хотела вас напугать”. Но тут же меня обличили, спросили швейцара, и мне пришлось позорно просить прощения, чтобы никому об этом не говорили».

«Смотрите же, пишите мне, — говорила она, прощаясь. — Это все-таки будет кусочек Парижа».

«Когда отходит поезд?»

«Завтра в 7 час<ов> утра. Но вы нас не приходите провозжать».

Я сказал, что не приду, но в душе решил пойти. И когда я шел от них, то в груди трепетало, как пойманная ласточка, и земля вихрем летела из-под ног.

«Значит, я влюблен?» — с полуизумлением думал я. Это было в первый раз в жизни.

И мне вдруг вспомнилось всё: и то, как я пришел к ним в первый раз по письму Мар<ии> Бернардовны, и как потом я у них обедал по понедельникам, и Брандес, и потом уроки французского языка... И мне вдруг пришло в голову, что ведь это именно она придумала эти уроки.

И тут мне вспомнилось, какая она ходила радостная, как имснинница, когда познакомилась с Анатодем Франсом. И как над ней подтрунивали за это и говорили, что ее ревнует пожилая дама — любовница Франса, которая ее называла *petit cocher**, потому что она была тогда на вечере в кучерском русском костюме.

И кто<-то> сказал, что Ан<атоль> Франс ей сделает предложение. И тогда ее сестра сказала: «Вот выйдешь за Анатоля замуж, будешь m-me Тибо, а Максимилиана Александровича — в качестве друга дома».

Меня это тогда очень удивило и сконфузило. Теперь я понял, что у них были уже раньше какие-то разговоры обо мне.

* Маленький кучер (фр.).

Но ярче всего это последние дни. Как мы ездили в Версаль вчетвером: ее сестра, Габрилович, она и я. И как мы почему-то убежали от них. И мне опять вспомнилось, что ведь это именно она предложила убежать. Потом Эйфелева башня, когда Т<иля> мне очень подробно передавала содержание одного рассказа Марни, где играли очень трогательную роль старые калоши. А Муха всё отставала, потому что у нее одна калоша была велика и всё сваливалась с ноги. И она нарочно детским тоном говорила: «А у Муси калёся свалилась». И мне этот припев казался ужасно подходящим к рассказу.

Всё это было как раз в последние дни.

И меня охватывало какое<-то> счастливое сияние. Неужели это любовь? В тот день я обедал вечером вместе с Досекиным, и, когда вдруг среди разговора вспоминал то, что было утром, меня охватывало такое безумное счастье, что я не мог сидеть на стуле. И я решил не идти их провожать, чтобы сохранить этот последний разговор не запятнанным никаким другим впечатлением.

И на другой же день я стал писать письмо в Дюссельдорф. Я не знал, как ее назвать. Мне не хотелось называть ее Марией Львовной, а хотелось назвать просто Мухой. Поэтому я нарисовал в заголовке письма муху и поставил восклицательный знак. Но это мне показалось слишком интимно — поэтому я после еще прибавил «Львовна».

В письме я говорил о том, как приятно перебирать старые письма и что мне казалось, что она меня вчера подвела к своему письменному столу и вынула из ящика пачку старых пожелтевших писем.

И когда я отправил это письмо, то получил от нее письмо.

Она писала:

«19 мая 1902.

Дюссельдорф

Schumann Strasse – 2.

Pension Greeven.

Милый друг Волошин, увы! — мои первые слова будут печальны: итак, мы расстались, расстались на очень, очень долгое время, т<ак> к<ак> на будущий год в наш любимый Париж не попадем. В

два дня наши планы изменились, едем мы через два дня не в Крейцнах, не на море, а в Россию — в нашу далекую Матушку Русь, в деревню к сестре, — одним словом, туда, куда мы менее всего стремились; причиною тому — дела семейные, серьезные, недоступные. Едва ли выберемся мы оттуда зимою. Сестра и я горюем страшно и потеряли всякие надежды. — Завидую я вам всем, большим птицам, вашим свободным полетам. Хотела бы я полететь, да крылья малы! — Что же поделаешь, стерпится и, быть может, слюбится Москва. Я вперед теперь не загадываю, отдаюсь течению и жду новых ударов. — Простите, что пишу так плохо и на такой бумаге, но очень поздно — устала, нет времени искать другой, я Вам только хотела еще раз доказать мою искреннюю дружбу к Вам, в котором живет наша парижская жизнь. — Привет от нас всем и всему. До нескорого свидания

Муха Ауэр».

«22-го мая 1902. Дюссельдорф.

Какой Вы милый, — и как грустно и как больно стало мне после Вашего письма, так хорошо, так тихо больно; чуть ли не до слез, но рифмы не звучат, мне только кажется, что где-то далеко в моем сердце звенит на одной ноте слабая струна, на одной ноте, высокой, болезненной, томительной. — Спасибо Вам, я тоже люблю мысленно подать друг другу руку и начать и продолжать прерванный разговор. Да, Вы правы, я бессознательно привела вас к своему письменному столу и раскрыла перед Вами запертые ящики, не часто я их отпираю, потому и спрятанные листки пожелтели, и веет от них чем-то очень далеким, и мне кажется, что я столько с тех пор прожила, а всего два года как я начала их сознавать и как они стали для меня прошлым. — Ужасно грустно, право, можно искренно воскликнуть: “Муся бедная!” Здесь холодно, сыро, скучно. Немцы с их безвкусной выставкой меня раздражают. Живут они, как эти желтые грибы, которые растут на старых деревьях; колоти их палками — они и то не встряхнутся; весь день проходит с едой, во время еды — говорят о еде, после еды — о том, что съели! — Нет, никогда не выучиться мне летать по-вашему, если мне лететь, то мне столько нужно до этого работать; наши дороги так разные; Вы вольная птица, выпущенная в степь, широко она вокруг нас расстилается, ни оврагов, ни гор; ваша жизнь одна цельная, а цель Ваша — тучи, которые летают над

Вами. — Моя дорога — лошина: иду я по ней хорошо, точно, гладко... и вдруг — под ногами раскрывается пропасть, и безглазая глядящая тургеневская старуха толкает меня в нее, и я падаю и вижу — внизу передо мной вьется другая тропинка, и я опять иду по ней; а за мной стена оврага, высокая, недоступная, и хочется мне взглянуть через нее на пройденный путь, хочется опять по нему пойти, — хочется, да не можетя. — Я должна много работать, чтобы достичь чего-нибудь — тогда только возможен широкий полет. — Вы не могли испытать этого чувства, и если испытали, то по собственному желанию, но Вы не знаете, что за боль шемит все мои фибры, когда я думаю, что Париж и наша жизнь <на> Rue Goethe безвозвратно оторваны от меня, и больней оттого, что не сама я от этого отрываюсь, но что действует против моей беспомощности какая-то темная сила; нельзя не поддаться ей — вот и летишь вниз на новую дорогу и идешь по ней, вспоминая, идешь под звуки дальних русских песен.

Во донских степях, во широких!!! И как бы твержу бесконечно тихие фразы, те же любимые строки стихотворений и, главным образом, мой лейтмотив: “И тебе не грустно, и тебе не больно?” — И мне так грустно, так больно. — Я не думала, что существуют такие люди, как Вы! — Будучи девочкой, я рисовала себе в моих бесконечных фантазиях образ человека, который будет таким же фантазером, как и я, который наконец ответит мне так, как я чувствовала; и сколько мне приходилось видеть людей, и ни один человек не говорил со мной на одном языке, тогда я пришла к убеждению, что моя фантазия — глупость, что мои чувства не чувства, т<ак> к<ак> их столько раз коверкали по-своему, и отдалась им я без восторга, как в большом бреде; мне кажется теперь, что у нас с Вами одно воздушное наречие...

Едем отсюда завтра без остановки прямо на Москву, оттуда после двух дней отдыха отправимся в деревню. — Надеюсь там от Вас найти послание с новым стихотворением, с новой искрой Парижа. — Какой Вы счастливый и как я вам всем опять-таки завидую. Так Вы и не нарисовали наших капотов! — Ну, простите за мое безграмотное маранье, кажется, я никогда так много по-русски не писала.

Старое прожито, вынуто... выпито...

Та-та-та, та-та-та, та-та-та, та-та-та.

г. Калуга, имение Колышево (Kolishovo!).

М. Л. Ауэр».

Я был страшно счастлив, когда получил это письмо. Но еще больше я был счастлив тому, что я влюблен. Иногда ночью я просыпался от счастья.

По несколько раз в день я садился писать письмо ей, так что оно превращалось в дневник. Я ей ничего не писал о любви, но мне казалось, что все слова говорят об этом. И я повторял стихи Шелли:

Слишком часто заветное слово людьми повторялось,
Я его не хочу повторять...

Как-то вечером я написал стихи:

Спустилась ночь... Погасли краски...
Сияет мысль...

и т. д.

Я отправлял одно письмо и начинал другое. И всё ждал письма. И оно наконец пришло.

«Колышево. 30-го мая 1902 г.

Бяка и холосий! “Холосий” оттого, что написали мне такие длинные милые письма; бяка оттого, что сравнили меня с курицей; но об этом потом. Если б Вы знали, где я! — Пишу я в уютной розовой комнате с мебелью из карельской березы, старинной, глубокой; большое окно открыто на реку, луга и темный сосновый лес, чернеющий на горизонте. — Река мелкая, голубая, прозрачная, с золотыми песчаными берегами; в окно смотрят два старые ствола лип, и ветки их спустились до земли; тихо, тихо; соловей с утра до ночи и с ночи до утра свищет в акациях. Я слушаю и не верю, не верю этой тишине и спокойствию; очень уж хорошо, тепло и зелено теперь; после ужасного путешествия, пыльной трескучей Москвы мы живем в каком-то забытии. Странное меня охватило чувство; точно нарочно в Колышеве гостят те же родные моей сестры, которые были здесь в прошлом году, когда я ехала за границу; и, сидя теперь между ними, мне кажется, что никогда я не уезжала, но что я заснула и видела длинный хороший сон... проснулась и вижу те же лица, ту же погоду, те же привычки, но наяву я переносюсь мыслью к этому дивному сну, я люблю его и помню, но он мне кажется таким далеким, далеким. — Если б Вы знали, как мне трудно писать по-русски! Столько хочется сказать, а повернуть слов я не умею и завидую Вашему красивому стилю. — Неужели Вы думаете, что я не ратую за будущую зиму? Одна я стою за Париж. Наталья

Львовна тоже против него, говоря, что трудно будет там жить иначе, чем в этом году, и стоит за Женеву, где можно устроиться скромно и скромно; я, конечно, только и мечтаю о Atelier* и двух комнатках на левом берегу, мечтаю найти там прежнюю Муху Львовну, которую Вы знаете, а не ту, которая Вам теперь пишет издалека. Мне кажется, что я не вся сюда приехала, а что главные мои вибрирующие струнки оборвались и звенят в парижском воздухе, что во мне пока только эхо их песен, которое, наверно, скоро умолкнет совсем. Так не браните меня больше; я люблю, желаю, вспоминаю всегда до боли. Но что же делать, бывают же люди, которым никогда ничего не удастся; эти люди желают и мечтают сильнее и больней многих других; у Вас сговор с воздухом, с камнями, с горами, с тучами, они Вас слушают и с Вами говорят; я же чувствую себя бессильной перед ними, я их боюсь и люблю, и чем они сильнее и красивей, тем я чувствую себя ничтожней и грустней. Я ничего не могу, я массу желаю, я много чувствую, много думаю, но всё это остается во мне и скрытым для других, я не *одна*, я — *две*; многие знают только меня одну, не подозревая другого существа, которое живет более интенсивно и глубоко. — Но довольно про меня; я бы хотела знать, что *Вы* обо мне думаете, столько разных мнений на мой счет; Габрилович меня сравнил с Ольгой, а сестру с Татьяной; верно ли это? —

Должна кончать это весьма неинтересное письмо, т<ак> к<ак> торопят, чтобы отдать его посланному на станцию. — Простите меня, мой друг, и обрадуйте скорым ответом.

Всё как прежде, по высотам
Звезды мигают
И в кустах по старым нотам
Соловьи концерт играют».

15 октября 1902.

Я зашел с Поляковым к Бальмонту, чтобы пойти на Монмартр, как было условлено.

Стучим. Молчание. Но щель освещена. Потом шаги. Отворяет m-lle Христовсен. Как вчера, накрытый стол и остатки обеда. Он сидит в углу на диване и смотрит непонимающими воспаленными глазами.

«Вы еще не кончили обедать?.. Простите...»

* Мастерской (фр.).

Он тяжело поднимается и нетвердым голосом говорит:

«Нет, мы еще и не начинали...»

«Так простите... мы зайдем после...»

Он с внезапным порывом хватается за руки и с матовым блеском в мутных глазах говорит: «Да, ведь вы уйдете... но потом придете... Но теперь все-таки вы уйдете? Да? Вы уйдете... Уходите, уходите...»

И, беря Полякова за талию, ведет его к дверям. Я жму руку m-lle Христофсен и спрашиваю: «Мы, может, придем в другой день?»

«Я завтра уезжаю...» И она смотрит прямо, крепко жмет руку и не улыбается.

Мы сбегает по лестнице и не смотрим друг на друга. «Я совершенно подавлен», — прорывает вдруг Полякова, когда мы пересекаем бульвар. «Вчера я мог еще смеяться, но сегодня мне страшно. Он опять пьян как стелька. И она не могла удержать его? Вот я тебе говорил, что он любит ее. Тут ведь драма совершается...»

История — память человечества.

9 Rue Campagne Première.

Жить в новой комнате — это немного переменить себя. Я с радостью ощущаю простор и высоту. Проснувшись, я вижу облака, которые сквозь стёкла текут над моей головой. Сквозь стеклянную стену — мокрые глыбы растрепанных деревьев и громады домов — не рядами, а как-то разбросаннее в беспорядке. И куда ни глянешь, всюду только стёкла мастерских.

Вечером они накаляются. Я вчера долго смотрел и старался проникнуть внутрь. В каждой на стенах, если занавеска откинута, видны гипсовые маски, мольберты, люди, склонившиеся под лампой.

На противоположной стене я видел тени людей из ателье, находящегося подо мной. Они быстро двигались, то увеличивались, то уменьшались, так что я мог представить себе, как они ходили по мастерской. Из другой мастерской сбоку, внутренность которой мне была видна, женщина подошла к

окну, приникла лицом к стеклу и долго смотрела в то ателье. Потом она позвала мужчину, и тот тоже смотрел. Верно, там происходило что-то. Мне было странно догадываться по отражениям на стене и выражению смотрящих туда лиц о том, что там происходит. Помните, как Платон сравнивает людей с рабами, с рождения прикованными к стене и которые только по теням на противоположной стене имеют понятие о мире? А тени падают от фигур людей, которые сзади их освещены огнями костров.

1903 г.

Май. Коктебель.

Для того, чтобы подвести итоги перед отъездом в Японию, постараюсь теперь, через год, досказать события прошлой весны и зиму, т. е. Бальмонта.

Я ярко помню те весенние майские дни 1902 г. в Париже. Я ждал письма от Мухи и переживал первое счастье красок. Потому ежедневно я ездил по Сене в Шарантон к Скаковским по поручению Качереца и рисовал в Венсенском лесу.

Помню одну грозу, которая застала меня на том конце леса на террасе над Марной. Я писал равнину за Марной, покрытую длинными вереницами тополей, поднимавшимися одна из-за другой. И вдруг сразу потемнело. Смолкло. Запах цветов дошел до крика. Одним взмахом ветра из леса как вымело всю пеструю летнюю публику.

Я бежал эти несколько верст до Сен Мориса по совершенно пустынным аллеям. Кое-где, как сухие листья под ветром, уносились велосипедисты. Небо было черно, но ни одной капли дождя. Только когда я сидел уже у Скаковских, он хлынул потоками.

Я возвращался ночью трамваем. Ливень то затихал, то с новой силой низвергался на Венсенский лес. Между деревьями временами вспыхивало озеро. Около укрепления вагон

шел по воде. Потом пустые мокрые бульвары. Зеркальные тротуары. От Бастилии я пересел на линию Gare Montparnasse*.

Дома я застал Якимченку в ажитации.

«Миранда едет послезавтра в Брстань. И предлагает мне денег схать с ним».

— Ну так поезжай. Конечно.

«Да ведь я не знаю, как с деньгами. Только я уже больше не могу сидеть здесь в городе. Я совсем нервным становлюсь».

Мы проговорили весь вечер об отъезде.

«Ты только возьми мои акварели из Салона, да вещи я уж поручаю тебе».

«Хорошо».

«Ты, кажется, ужасно рад, что я уезжаю».

Да, конечно. Невозможное нервное состояние. Меня теперь так загоняли. И Качерец своими поручениями, и уроки, и Косоротов, — что я прямо хотел бы куда-нибудь, в окрестности, что ли, на месяц сбежать.

Утром я пошел на квартиру к Ауэр, где еще оставалась Надежда Евгеньевна. Там я застал Маню Муромцеву. Мы вышли все вместе по Cours de la Reine мимо Grand Palais, блестящего экипажами и флагами. Случилось, что я попал в этот вечер к Муромцевым.

Я там не был уже несколько месяцев. Там был какой-то немецкий барон. Молодой человек с манерами военного в штатском.

Когда он ушел, Ольга сказала: «Вот те, которых не хочешь видеть, приходят, а Вы не были уже три месяца».

Мы условились, что я приду через день обедать, и вечером мы пойдем на фюары.

«Сегодня еду», — говорит Якимченко. Весь сияет. Мы вместе складывали пожитки.

Потом простились. Мне нужно было к Косоротову. Это была среда — мой день. Пред этим я несколько раз был у него, но не заставал.

Мы расцеловались с Якимченкой на прощанье. Он уезжал в 7 часов. Но я возвращался всегда поздно.

* Вокзал Монпарнас (фр.).

Вечный омнибус Odéon – Place Clichy. Я соскакиваю около N^{otre} D^{ame} de Lorette.

Срeнькая Rue St. Georges.

«А, это ты? Как хорошо, что ты рано».

Косоротов без пиджака. Голубыс подтяжки. Он весь сияющий, приподнятый.

«Что с тобой?»

«Ах, это целая история. Я так рад, что ты пришел. Я так счастлив, как только может быть счастлив человек, сделавший другого счастливым. Да вот погоди, я уж сначала...»

Он быстро переодевается. Ходит по спальне и в это время рассказывает.

«Вот, видишь ли, я несколько дней назад вечером встретил на улице женщину... молоденькую совсем, очень красивую, обтрепанную страшно... Ботинки стоптанные, дырявые, мокрые...

И привел к себе. Она так, блядушка. Она жалуется. Вот, говорит, башмаки и мозоли у меня. И маленький bébé у нее. Я, собственно, ей хотел дать 20 fr., но я только что получил аванс, и тут она, такая милая и несчастная. Я ей дал 30 fr. Она так и расцвела. Ах, говорит, как хорошо. Я теперь к rediguer* пойду и для bébé то-то сделаю.

Потом, когда она уже уходила, я и говорю: «А вы знаете, куда я сейчас пойду?» – «Куда?» – «Я, говорю, сейчас пойду играть». – «Это, говорит, очень нехорошо».

– Я вот поставлю на ваше счастье эти сто франков и что выиграю сегодня, будет ваше, говорю.

Мы так и расстались. Я отправился играть. И думаю по дороге: вот выиграю сегодня двести франков и отдам ей половину. Уж очень она мне понравилась. Такая красивая, скорее на англичанку похожа, и в этих стоптанных ботинках.

И понимаешь, вышло как по-писаному. Через несколько ставок у меня 200 fr. Ну, думаю, мне везет. Надо продолжать. Но тут как застряло, никак не могу перейти через 200. То <1 сл. нрзб.>, то снова 200. И вдруг такая скверная мысль: жалко стало. Думаю – зачем ей отдавать 100, дам ей 50 fr.,

* Мозольный оператор (фр.).

и довольно. А тут стал проигрывать и всё спустил. Остался снова с тем, что начал. Так и ушел. А потом стыдно стало. Думаю: накажу себя и дам ей 100 fr. А на другой день все-таки снова пошел играть. И опять то же. До 200 дойдешь — и стоп. Я, как всякий игрок, немного фаталист, но тут прямо судьба. Но погоди, дальше.

Я уже решил, что я ей все 200 франков отдам. Но прямо не скажу. Написал ей, чтобы она пришла сегодня утром. И вот говорю ей, что, видишь ли, моя милая, я хочу сделать тебе маленький подарок. Ты мне говорила, что у тебя нет платья. Мы сейчас пойдем в магазин... Если б ты видел, как она расцвела».

ИСТОРИЯ МОЕЙ ДУШИ

1904 год

29 мая.

Прогулка в Фонтенбло. 27 л<ст>. Клятва схать в Индию. Вечер на дороге. В Цюрихе... Он приехал с тем <?>, чтобы предупредить. У него тогда не было денег. Бросили письмо ему на лицо.

Зачем Вы уступасте свое место. «Прочти Кама Сутра».

30 <мая>.

У Англады. Стихотвор<ение> «13 мая». «Как тебе нравятся эти рыбы?» Чтствие в обществе – Отчизна. «Я вижу, ты влюблен. Вот этот жест. Забил болт (?). Pardon». (Поляков).

Жорж Занд на Майорке. Прочсть «Спиридион», «Лукреция Флориани». Мемуары Жорж Занд и А. Дюма.

– Город – это большой павлиний хвост.

Новая красота – это только новое воспоминание о старой красоте.

3 ию<н>я.

Я не могу говорить о текущем – внутреннем. Если говорю – преувеличиваю. Через несколько месяцев я почти свободно говорю о себе и анализирую. Поэтому я не могу писать дневника. У меня есть непосредственное чувство, но нет для них непосредственных слов.

Слова всегда запаздывают.

Вечером у Кругл<иковой>. Я могу владеть силой жизнерадостности. М. В. в японском платье. За занавеской ждут.

4 июня.

Почему не удалось движение Рёскина и Морриса? Они требовали от искусства наибольшего количества художе-

ственных произведений, а не смотрели на него как на язык, которым должен владеть каждый.

Они все-таки считали маслян<ые> картины высшим искусством, а прикл<адное> и декор<ативное> искус<ство> низшим.

5 июн<я>.

Аксинит и алмаз.

Jardin des Plantes. Б<альмонт> странный, пьяный, но не вином. Глаза суженные и влажные.

«О чем ты думаешь?»

— О твоём стихотворении «13 мая». Твои глаза выдают тебя.

— Ты меня развратил (он так сказал). Я разрезал ее платье ножом сверху донизу. Когда тело обнажается сразу всё. Это действительно удивительно.

Она там лежит окровавленная. Я ее ранил. Есть действительно наслаждение крови. Это пьянее алкоголя. Я ее чуть-чуть резал. Мне хочется тебе всё рассказать. Мне бы хотелось, чтобы нас отделяли тысячи километров от Е<катерины> А<лексеевны> и Маргори, которую ты любишь так же, как я. (Это прямо глядя в глаза).

В J<ardin> d<es> Plantes: Крокодилы — это боги, ничего не видящие, ничего не чувствующие. «Он хочет удивить мир злодейством» (про слона).

Кристаллы. Поцелуй. Гнездо аметиста. «Если б женщины были такими!»

Вечером, проводив Муромцевых, у Юнге. Я зашел к М<аргарите> В<асильевне> и написал те 3 стиха. Я очень волновался и почти не мог скрыть.

— Напишите мне что-нибудь на «Евгении Онегине».

6 июня.

St. Germain <!'>Auxerrois. Перед Магдалиной. После долгой нерешимости. «В тех трех стихах есть вопрос». Долгое молчание. «Какой вопрос?»

Я не ответил. Рисуем. Проходя по двору Лувра: «Какой вопрос? Вы раньше не задавали вопросов».

– «Нет, это легенда»...

Но об вопросе мой язык не повернулся.

Завтрак у Дюваля. Об мгновении. «Служите мгновению. Это смирение. Я бездарна».

В Японском отделе. Много часов. Разговор непри-
нужденный, даже смех. Точно ничего не было. Но за этим
мысль.

Мышка бежала
Хвостиком вильнула,
Яичко упало
И разбилось...

Потом, выходя: «У меня мучительное чувство, когда люди мне вдруг надоедают и становятся невыносимы. Они совсем в этом не виноваты». (Это о Пищалке)...

Проходим через Тюильри. «И чем они меня больше любят, тем меньше я их могу выносить». — Тогда предупреждайте их, пока сохранилось чувство дружелюбия. Вы можете сказать: «Вот, у меня такая особенность — и т. д.».

«Ну вот, я Вас предупреждаю».

Чувство падения в провал. Долгое молчание. Потом мы говорим о других предметах, и я мысленно хвалю себя за то, что умею владеть собой.

В груди физическое ощущение, что что-то сжалось в ком-
мок, но мы спокойно говорим до самого дома.

Бальмонт уезжает. На вокзале Ек<атерина> Ал<ксес-
евна>, Елена и я. Когда я смотрю на нее, я боюсь показать,
что знаю.

С Ек<атериной> Ал<ексеевой>: Вы не изменили мне-
ние о М<аргоре>? Я узнала ее с других сторон. Она — это
говорили в семье, но она сама отрицала... (след<ует> тот же
рассказ).

Это для меня? Предупреждение?

Надо уничтожить всякое подозрение объяснения. Надо
дать другое толкование стихам и «Что значит вопрос?». Я ду-
маю об этом, ожидая omnibus'a на St. Germain'e. Меня осе-

няет возможность. Я заговорю о книге. Пока это возможно. «Три стиха определяют ее содержание».

Мне представляется, что мы говорили весь день и только два раза кончиками пальцев притронулись к главному. Теперь это надо скрыть.

7 июня.

Может, я всё это и выдумал. Мы утром поехали в музей Гимэ. Я сказал на конке: «Мне кажется, что эти три стиха, которые я написал на книге, очень определяют ее содержание. “О, если б нам пройти чрез жизнь одной дорогой”. Из <1 сл. нрзб.> выбрать одну. Вечная иллюзия человечества, что не может быть двух истин» и т. д.

Мне показалось, что она сделала радостное движение. В музее. Мумии. «Мне кажется, что это должно быть в церквах. Это неприлично в музее».

– Королева Таиах. Она похожа на Вас.

Я подходил близко. И когда лицо мое приблизилось, мне показалось, что губы ее шевелились. Я ощутил губами холодный мрамор и глубокое потрясение. Сходство громадно.

Она подошла, но была мала ростом, чтобы дотянуться.

– Возьмите на память этот рисунок.

8 июня.

Отъезд М-те Юнге. Мы вдвоем в карете. Беспросветный дождь.

– Мне кажется, это репетиция Вашего отъезда.

– Очень жаль.

– Нам не придется больше так увидеться. В Москве это будет не то.

Опять в St. Germain l'Auxerrois. Комната наверху. «Вот, нарисуйте мне это».

10 июня.

В музее Трокадеро. «Счастливей, что Вы остаетесь и можете всё это рисовать! Мне завидно (сделать номер для “Весов” – текст и рисунки).

Мне бы хотелось вместе с Вами побывать в Италии, во Флоренции, в Сиене, в Орвието».

«Мы будем писать друг другу».

«Я не хочу, чтобы близость между нами оборвалась».

«Нет, но будем писать не словами, а только рисунками и стихами?»

– Хорошо.

Вечером. Франциск Ассизский... «Но разве он воскрес?» – Это только дорогая легенда для тех, кто боится смерти.

11 июня.

В Лувре. Ватто – скрипучие шелковые платья с чеканными серебряными складками. Шарден. Фрагонар.

«Вчера Дьявол на меня не произвел такого сильного впечатления, как мог произвести несколько лет назад. Помните, я Вам говорила о том периоде равнодушия. Рэдоновский дьявол – это мой Дьявол. Когда мы ехали в Шарантон». – Индивидуальность бездны. Звездная уже близка. Страшны последующие.

Родэн. В. Гюго. Мы смотрели близко, почти соприкасаясь головами. В American Art. «Париж без меня больше не будет такой... Здесь-то холодно, а там горячо. Потом всё будет одинаково».

Вечером в Булонском лесу. «Я его никогда не видала таким... игривым. Это мне нравится.

И я у Вас никогда не слыхала такого тона».

«Как, если представишь себе, что это рассвет, всё сразу меняется».

Чувствуя близость плеча, я чувствую всё обаяние ласки. На днях я видел во сне, что она держала мою голову в руках и гладила. Лет 7–8 я вечером плакал в постели от отсутствия ласки. Потом привык.

13 июня.

Этот день я унесу в груди как большой драгоценный камень. День «грустного счастья». Надрывающего счастья.

Утром церкви, старые улицы. Кафе против Пигмалиона. «Ек<атерина> Ал<ксссевна>, поедмте в St. Cloud». – Нет. Поэзжайте с Маргорей – у меня кружится голова.

Едем. На пароходе. Мгновение грусти, когда слезы свертаются в глазах. «Посмотрите отражения. Как я это понимаю. Запомните это. Нарисуйте это. Вот этот желтый забор в большой волне. А вот видитс: кусочки инкрустаций дерева внутри круга».

На берегу. «Я чувствую свободу. Меня никто здесь не знает. Это в последний раз в жизни».

По парку. «Какая лестница. Восхищайтесь». Круглая лужайка. Как деревья грандиозны и торжественны. – У Вас кружится голова? – Немного. – Проидемте наверх. Сырые аллеи. Площадка с видом на Париж. «Мне бы хотелось вымести этих людей. Так, взять метлу и вымести за двери».

– Сядемте дальше в аллее.

Темно от ветвей.

...«И потом какой-то голос грустно говорит: Вот так вся жизнь».

– Проидемте так через жизнь. Смерть я вижу так: когда закроешь глаза и всё забудешь...

Потом ощущение влажной травы. Высокой и мягкой. И надо идти. Свет чуть-чуть, как язык пламени в глубине аллеи. И так долго между большими деревьями. И вся жизнь вспоминается. Но целиком на одной плоскости. Жемчужный рассвет. И потом обрыв. Когда спустишься – всё забудешь... Проидемте, как вместе.

– Мы еще не умерли! – Проидемте при жизни.

Далеко. Прямо. «До самого синего моря».

Почему всегда все доходят до самого синего моря?

– Тоже «синего».

«Белое, Черное, Красное моря – но нет Синего».

«Oeuvre de la bonne Mort»* – маленькие трусливые дети.

Они хотят ее уговорить ласковыми словами.

Смерть – это радость, это высший подъем жизни. Это высший момент жизни. Вдохновения.

* Работа доброй Смерти (фр.).

— Она подойдет и взглянет большими строгими глазами прямо в глаза и спросит: «Ты готова?»

Я не живу. Мне нужно, чтобы меня поезд переехал. Чтобы я почувствовала жизнь. Иначе смерть от меня отвернется.

«Притча о талантах».

Мы сидим в густой влажной траве на перекрестке. Слова сжимаются в горле.

Я пройду до конца аллеи. Когда возвращаюсь, то чувствую себя чужим и равнодушным.

Идем. «Я какой-то ошибкой живу. У меня есть подруга, которая живет как следует. Она любит собирать грибы и ягоды, постоянно влюбляется. Она меня страшно любит. Но пугается иногда. И тогда она меня зовет, как будто я где-то далеко. Я не могу жить без этого. Мне нужно, чтобы около меня копошилось бы что-то живое. <1 сл. нрзб.>? Она. Я тогда вспоминаю.

— Вы мне должны написать стихотворение. «Рождение Венеры».

Рассвет тихий, перламутровый. И волна вдруг поднялась и сверкнула. Небо отразилось. Неизменное в вечно текущем. И родилась красота. Белая как пена. И взвилась стая голубей. И у ней раскрывается глаз, один глаз. Большой, удивленный, испуганный. Как у коровы. Знаете. Волоокая.

Потом другое. Сумерки в мастерской. Кто-то смотрит в зеркало. Часы тикают. Капля капает из крана. Иногда перебивая. «Да, да... да. Так... Тик-так... да-да».

В зеркале видны только большие грустные безнадесные глаза и черные губы. За окном город. Вечерний. Громады домов. И так, как будто он вдруг лопнет от напряжения.

И сделайте это просто. Не нужно никаких: «На вершинах познания одиноко и холодно». А просто констатируя.

— Ну что ж. Аллея как аллея. Момент как момент. Около каскадов.

— Вы немецкий идеальный юноша. Благородный, честный. Вы способны ждать невесты 50 лет. Это хорошо. Нет, тут нет дурного. Вы можете думать что угодно, но останетесь честным против своей воли.

Бросила палкой на меня сено:

— Я была мертвой, но вокруг меня происходила жизнь. Только поэтому я догадывалась, что я живу. «Я произвожу впечатление — следовательно, я существую».

Может быть, кто-нибудь меня выдумал. Меня кто-нибудь соврал. Во всяком случае, про меня соврал художник.

Никому не говорите о надрывающем счастье. Это для Вас. Иначе всё исчезнет.

«Все чувства стремятся убежать в другую область — через посредство слова».

Я умерла и еще не родилась.

Обед. На реке. Всё серое. Голос говорил: «Вот так вся жизнь...» Слова щекотали в горле.

Зачем говорить последнее слово, когда все ясно.

«Пройдемте по миру, как дети».

Я буду помнить этот день так же, как день отъезда из Москвы.

«Вы знаете, что Вы имели на меня громадное влияние. Мне становилось веселее, когда я думала об Вас. Алеша то же самое говорил, когда Вы уезжали. Тот день был очень тяжел для меня. И я почти его не заметила, благодаря Вам».

— Пройдемте вместе по миру.

— Нельзя. Я мертвая — Вы живой.

Смотрите, какой праздник на воде.

Праздник серых теней. Вечером был праздник и огни танцевали в реке. Кто-то проносил большие алмазы. Пароходы проходили, оставляя зеленых танцующих змеек.

Башня стояла на огненном пьедестале, который висел высоко в воздухе.

— Так не забудьте. Напишите три стихотворения. Нарисуйте три пейзажа. Знаете. И прочтите Коро.

Вам нужно ехать сегодня.

— Третья тема. Женщина вползла на верх горы. Она была в тяжелом платье с драгоценными камнями. Оно рвалось. За ней остались следы лохмотьев и струйки оборвавшихся драгоценностей. Наверху нищий. Таким большим орлом. Самая вершина. Кругом горы, белеют снега. И она припала к его

ногам и замерла. Это последняя минута полного успокоения. Может, она сейчас умрет.

Вечером: Ек<атерина> Ал<ексеевна>, Ел<изавета> Сер<геевна>. Элект<рическая> ламп<а>.

14 июня.

Утром. Между вчера и сегодня легла грань. Ольг<а> Сер<геевна> – М<аргарита> В<асильевна> почти одни слова. Ужас за масками. Может, это ужас молодых девушек. Ужас природы непробудившейся, нерасцветшей.

J'aime l'honneur d'être vierge*... Это?

У меня есть то же. Но меня это не пугает. Почему со мной говорят об этом? О<льга> С<ергеевна> удивлялась, что я это знаю. Какая разница и какое сходство.

Если Вам будет нужна душа, чтобы стать человеком, – позовите.

Разговор с Екатер<иной> Алекс<еевной>. М<аргарита> В<асильевна> спит. «Мне хотелось снова поговорить с Вами об М<аргарите> В<асильевне>. Только я не знаю, как с Вами говорить. Вы не должны подумать, что она Вас может полюбить. Она странная. То расположение, которым Вы пользуетесь, это высшее, что Вы можете получить. Она говорила, что ей легко только с двумя людьми: со мною и с Вами. Она как-то нас сравнивала и находила громадное сходство. Только Вам, я боюсь, много придется страдать». – Я всё это знаю. Я так же думаю. Но, может, так надо. И я не знаю, любовь ли это?.. У меня нет желания (это я подумал).

– Ну, а если б она вышла замуж, полюбила другого?

– Я не знаю... Я не представляю себе. Я не могу представить. (На самом деле я представляю и чувствую острую боль. Но я думаю, что она скоро бы прошла.)

– Если Вам придется видиться так, урывками. Раз в несколько лет... Я думаю, что это только первая стадия, первый период настоящей любви.

– Но я не знаю, можно ли это назвать «любовью». Впрочем, верно, в «первом периоде» это всегда так бывает.

* Я люблю ужас девственного существа (фр.).

– Да. Это так бывает всегда (с грустной улыбкой). Мне жаль, что Вы утратите Вашу жизнерадостность.

– Я не думаю. Я со слишком большой радостью принимаю всё, что ни посылает мне жизнь. Может, разница в словах: я называю счастьем то, что другие называют страданием, болью.

– То, что у вас выходит естественно, что Вам дано от природы, это я достигла рядом долгим страданий, но пришла к тому же. Пусть другие видят в этом несчастье и страдают: я из каждого несчастья сделаю себе радость.

В детстве нас учили долгу. Нам запрещали смеяться. Думать по утрам о чем-нибудь, кроме работы. Наша мать со смерти нашего отца надела траур. Мы всё детство ходили в трауре. Десять лет. И я после этого все-таки достигла радости.

Вечером. По Сене до Отейля.

– У меня начинается спячка. Смотрите эти отражения. Я себе представляю лицо мирового закона. Оно бледное, с широко открытыми глазами.

Ел<ена> К<онстантиновна> – Сфинкс. «В Древней Греции таких девиц называли Сфинксами».

Около Эйф<елевой> башни. Деревенский пруд. Потом на террасе Трокадеро. Дождь.

«Представим себе, что мы вышли на террасу нашего дома».

«Мне бы хотелось знать: какой Вы были в детстве. Я думаю, Вы с тех пор мало изменились. У Вас есть ваши детские карточки?»

16 июня.

На Père Lachaise. У стены Коммуны. О смерти опять.

«У меня в детстве был ужас смерти. Мне казалось, что нужно любить каждую минуту так, как будто это была последняя...»

Мне странно, что Вы понимаете меня. Кажется, точно это недоразумение. Я ни с кем не могла говорить об этом. Т. е. говорила, применяясь. С Вами я не применяюсь. И реплики наши совпадают».

– Точно мы едем по соседним аллеям.

«Но я за деревьями не вижу вашей головы».

Я начинаю понимать разговоры с ответами через полчаса, как вы рассказывали про А<нну> Ник<олаевну>.

«Посмотрите, какие розы нам посылает Гименей».

(Садовник Лариных. Собачка Диониса.)

Едемте по рске. Вечером в Венсенском лесу.

Какая пропасть! Отраженное небо.

Лицо, освещенное лампочкой. Близкие смеющиеся глаза. «Какой Вы ребячливый».

Давайте рисовать на одни темы. Вот эти деревья при фонтане.

Ночью в комнате. На рассвете в Halle. Река утром. Корзины с ягодами. Цветы.

«Меня огорчает, что гортензии Вам нравятся. Они ситцевые. Не смотрите – это грешно».

17 июня.

В Люксембургском саду днем. Полусонные.

18 июня. Суббота.

«Вы изменились за последние дни. Стали молчаливее». У Вас бедные глаза».

– Когда я смотрю в глаза, у меня рождается страшная жалость к людям.

Jardin des Plantes. «В этом есть ужас мертвой природы».

Она следом за Вами ходит? (Е. С.).

Вечером в обществе.

«Влюбитесь в нее. Это идеальная красота. Это Вам еще завет».

«Бальмонт» приехал. Он в плохом состоянии. Остановился в 99».

Баронесса. Билет на вход. Торжественные стихи, так же поэтически».

19 <июня>. Воскресенье.

Утром. «Пойдите в Американский <магазин>. Вас ждут Конст<антин> и Елен<а>».

«Я тебе привез скверненькую наваху. Там был английский офицер, который рассказывал о бурской войне. Бесмысленность сражения. Ни малейшего чувства вражды».

К Ел<изавете> С<ергеевне> за М<аргаритой> В<асильевной>. «Вот мой офорт не удался. Мне так жаль. Поедемте за город».

Север. У Мечниковых. В лесу St. Cloud.

Как странно. Это те же аллеи. Вот мы здесь шли. Как это было давно... Неужели только пять дней?

Что ж... ничего... Это не повторение.

— Мне жаль, что это разбилось. Вам нужно было уехать тогда же. Мне хотелось тогда же убежать и сохранить тот день целиком, как драгоценный камень. Теперь это уже затерлось.

Я мечтал, что я приеду сюда один и буду вспоминать шаг за шагом.

Вышли на лужайку. Внизу глубоко между скалами-деревьями другие лужайки. Посередине статуя.

Добрянович и Ге заговорили о суевериях.

«Это бывает со всяким, кто заглянет в будущее, каким бы путем это ни случилось». А разве это так плохо — смерть?

«Тот, кто любит жизнь, не боится смерти».

Обед на лужайке. Спуск. По темным аллеям. Через город по лестницам.

«Здесь совсем Генуя. А вот Корсика».

«Зачем ездить, когда всё это можно здесь же увидеть?»

«Только сколько надо ездить раньше, чтобы увидеть это здесь».

В вагоне. «О чем Вы думаете?» ...Я не могу сказать. Т. е. вот сейчас не могу: это непреодолимый стыд. А через пять минут он пройдет. — Какой Вы честный, другой бы выдумал...

Разговор оборвался на Иловайской. Я представил себе ее лицо и губу. Потом думал о том, что она вся погрузилась в материнство. Что в этом переходе, как у Наташи, может, и нет

никакого противоречия. Это у женщины. Но как же у мужчины? Я представил себе себя женатым. «Около 30 лет всегда начинают сниться детки». Поток впечатлений оборвался. Я ловлю немногие. Формулирую. М-г Бержере. Самостоятельность поступков. У меня ее нет. Я всегда считаюсь с тем, что подумают. Я всегда всё делаю для какого-нибудь третьего лица, которому нет никакого дела. Потом я подумал о моем вызове в Петербург. Здесь оборвалось.

Вечером втроем: Ек<атерина> Ал<ексеевна>, М<аргарита> и я.

20 <июня>. Понедельник.

Утром писал. Только я остаюсь один, на меня находит волна чувственных образов. Чтобы отогнать, я хватаюсь за книгу. Но не могу работать. Всё это время меня <не> посетило ни одно желание. Тут они сразу вернулись. Я шел по улице, представлял себе удовлетворение и с отвращением смотрел в лицо женщинам.

Только те, у которых на лице была печать, казались доступными для меня. Потом это сразу исчезло.

Вечером опять за город на пароходе.

«Ты опять грустный». «Он точно легкой вуалью покрыт».

Почему? Я не знаю. С St. Cloud? Это был кризис. Высший подъем чувства. Теперь оно озаряет только мгновеньями.

М<аргарита> В<асильевна>: «Зачем же Вы сказали мне, Макс<имилиан> Алек<сандрович>, что нужно восторгаться этим Ангелом?»

Курб<атов>: «Я нахожу его лучше Васнецова, но хуже Берн Джон<са>».

Я: «Потому что Вы подходили к нему, чтобы судить его. А надо подходить так, точно он Вас судить будет».

— Ах, это очень хорошо. Вы очень хорошо сказали.

Пусть каждый скажет всем девизы из стихотворений.

... пространств...

Много у Господа дивных убранств.

Ек<атерина> Ал<ксссевна> – «И ночь, как яркий день».

Comprendre – se reflect de créer*.

Ел. Д.

В этом странном цветке лепестки расцветут.
И не знаешь: цветок далеко или тут.

Ночью через лес. Раньше – танцы <на> палубе.

«Вот как вы говорите про материал: чем грубее, тем глубже. Так же и жизнь в рамках и традициях. Теперь все рамки стираются. Эпоха либерализма».

– Одни выбирают дорогу. Другие углубляют старые.

– Ангел? Это очень верно. Мы все развратились.

Мне хочется схать. Довольно впечатлений.

– Не забудь, что мы вместе переводим Д'Аннунцио.

Métropolitain. Две женщины. Они мне были противны, но желательны. Они вышли вместе из вагона и перешли вместе пустынный Тюильри. Я видел их то спереди, то слышал сзади. Слушал клочки разговора. Их присутствие, как присутствие желания.

И я вспомнил отъезд из Москвы. Один на вокзале. Ожидая вагона и слёз. Я точно защищался этим.

21 июня. Вторник.

Скрипучий шелк чеканных складок
Темно-зеленого Ватто.

Бледнеют к утру небеса,
Торжественны и строги.
Бегут пустынные дороги
Через дремучие леса.
Заплаканы луга немые,
Блестят студёные пруды,
На небе две больших звезды
Дрожат как слёзы огневые.
Всё замерло. Земля молчит.

* Понимание – это сотворчество (*фр.*).

Сараи слепы и угрюмы.
Деревья хмуры, важны думы.
Душа безмолвно в мир глядит.
Спокойные открыла очи,
И дня бесчувственный покров
Не затемнил в ней странных снов
И просветленья темной ночи.
Прозренья тайного полна,
Душа застигла мир неспящим,
Больным, задумчивыми и зрящим
В сей миг двойного бытия.
Лежит он, чуткий и безгласный,
Рассеян свет, прозрачен мрак,
И чей-то тихий странный зрак
Глядит, заплаканный и ясный.
Прохладный кто-то здесь прошел
Неслышно перед утром.
И рябью с бледным перламутром
В озера тихие вошел.
Но слухом, ночью умудренным,
Я уловил в дубравах вздох:
Здесь есть другой, здесь некий Бог
Грустит, безмолвный и плененный.
Низинами ползет туман,
Луна горит больным сияньем.
Мир солнца ждет, объят молчаньем.
Скрывается в глубинах Пан.
И вот другой встает с Востока
В хитоне бледно-золотом.
И чашу с пурпурным вином
Он поднял в небо одиноко.
Земли пустые страшны очи,
Он встретил их и ослепил.
Он в мире чью-то кровь пролил
И затопил ей бездну Ночи.

[Мне ночь сказала слишком много,
Чтоб я поверил правде дня.
Не скрыта бездна для меня,
Из темных недр зову я бога.

Но если предо мной мертвец
 Под этим темным одеяньем,
 И я один с своим страданьем
 И в мире я один творец]
 (Но если нету в мире Бога?
 И мир — мертвец и ждет меня?
 Мне ночь сказала слишком много,
 Чтоб я поверил правде дня.)

М<аргарита> В<асильевна> уехала. Офорты у Ел<изаветы> Сер<геевны>. Обеды.

Завозка вещей. Я принес васильки. Вечер. На извозчике на Северн<ый> вокзал. «Вот мое любимое место в Париже» (Мост St. Michel).

Отъезд Н.В. Семеновой. Я убежал, оставив других в телеграфной конторе. Один у подножия Эйфелевой башни. Сегодня был праздник солнца. Я его не видел. Я снова сидел у маленького пруда. Холодела вода. Небо рассветело <так!>. Я видел четверугольник вагонного окна и М<аргариту> со связкой васильков. Когда поезд уже отходил, ее голова, выдвинувшаяся из-за угла. «Алеша говорил, что с тех пор, как мы здесь сидели, он не может уже смотреть на Париж, как на такой город, который нужно осматривать. Он относится к нему как к деревне».

«А как вы это сказали об Ангеле? Это было ужасно жгуче. Я никак не могла вспомнить».

— Когда Вы вчера ушли, Костя очень верно сказал, что точно душа праздника отлетела.

«Вот конверты. Постарайтесь скопировать почерк».

«Я испытываю чувства Рикэ при переезде на др<угую> квартиру: все божества, висевшие на стенах...».

Я просил<а> Каролину оказывать Вам покровительство. «Je respecte mon Maître M-r Bergere parce qu'il est terrible et puissant...»*

Это последние слова.

* «Я уважаю своего господина, мсье Бержере, потому что он грозен и могуществен...» (фр.).

22 <июня>. Среда.

Днем писал о железе. Бальмонт с фитилем (чулок). «Скажи, что я вскочил на лошадь и ускакал в Булонский лес». С Еленой около зеркала. Точно другие люди.

«Альцеста» Глюка. Танец Вакха-Андрогини. Закинувшись на коленях, смотрела ей в лицо: девушке с бубном в барсовой шкуре. Асимметричность танцев.

«Она странная. Я узнала ее теперь ближе. Раньше я видела ее всегда в одной обстановке. У нее нет *attache**. Она всегда меняет свои решения. Это то, на что ее мать жаловалась. Но я всегда защищала ее, потому что в вопросе родителей и детей я всегда становлюсь на сторону детей. У Алеши то же еще сильнее».

«К чему Вы больше чувствуете склонность — к живописи или к литературе?»

— В живописи я люблю *métier***; я могу не отрываясь целый день просиживать за рисунком. Но я там не хозяин. В области слова меня мои орудия слушаются. Но я терпеть не могу самый процесс писания: бумагу, перо; я становлюсь рассеян; постоянно отрываюсь от работы — так, как я когда-то учил уроки.

Вечером. Письмо Косоротова. «Поражение мозга. Еду на Кавказ».

23 <июня>. Четвер<г>.

Вечером на Медонской террасе. При луне. Один. Купил «Кама-Сутра». Видел Ройса.

24 <июня>.

В Grand Guignol. Бальм<онт> и повестка.

19 июля.

Бальмонты уехали дней 10 назад. Жара. Национальный праздник.

Голубкина. — «Отчего это вот я всегда об этом думала, но никто до Вас об этом мне не говорил».

* Привязанность, привязь (фр.).

** Ремесло, занятие (фр.).

– Стихи мне нравятся. Стихи хороши, положим, вы сами об этом знаете.

22 июля.

Макон. На этой станции мы сидели с Косоротовым два года назад. Я уехал неожиданно сегодня. Утром я получил деньги от Скорпиона и работал всё время в Национ<альной> библиотеке, никуда не думая трогаться. И вот сразу решил и собрался в последнюю минуту.

Бегал отдавать долги. Курбатов. Кругликова. Вчера у Голубкиной. Маска женщины. Ссора с Досекиным. «Урок вожливости мне».

Истории Кисслева и Апашки.

9 августа. Женева.

Я не могу исполнять того, о чем я много думал, особенно мечтал. Мечта есть активное действие высшего порядка. Ее нельзя низводить до простого действия. Поступки сильные совершаются, не думая. Воля чужда сознания. Поступки приходят так же неожиданно, как мечты, и никогда не совпадают. Горе тому, кто смешивает мечту и действие и хочет установить связь между ними.

Желание – это предчувствие, это наше зрение в будущее. Поэтому всякое желание – когда пожелаешь всем телом, а не только умом – исполняется. Всё завершено. Лучи достигают к нам из будущего, и это ощущение мы называем желанием. Это дает нам необходимую иллюзию свободы воли. Чудеса расположены, как вежи, по дороге человечества; тот, кто их предугадывает, их совершает.

Разговор с Вячес<лавом> Ивановым:

«У Вас удивительно красочный язык. Вы редко<стно> хорошо рассказываете. Это тонкая живопись, до мельчайшей детали».

– «Да, я признаю обезьяну. Обезьяна – а потом неожиданный подъем: утренняя заря, рай, божественность человека. Совершается единственное в истории: животное, охваченное безумием, обезьяна сошла с ума. Родается высшее – траге-

дия. Надо, чтобы это так было. И впереди – опять золотой век – заря вечерняя. Мы должны жить между двумя зорями – иначе жить нельзя».

Моя книга должна называться «Годы странствий». Отдел («Заповеди») – «Кристаллы духа».

«Не проповедуй и не учи» – это единственная <заповедь>.

Проповедь даст созревший плод – чужой. А душе надо только зерно, из которого может вырасти дерево, которое принесет этот плод.

Всякое учение – воспитание – это онанизм: дается конечный результат, который вызывает искусственно свои собственные причины.

Природа употребляет все средства, чистые и нечистые, чтобы направить мужское к женскому и столкнуть их. Мое отношение к женщинам абсолютно чисто, поэтому в душе моей живет мечта обо всех извращениях. Нет ни одной формы удовольствия, которая бы не соблазняла меня на границе между сном и действительностью. Это неизбежно.

Я с удивлением заметил, что все мои друзья – женщины. С девушками я говорю обо всем. С женщинами – о многом. С мужчинами – ни о чем. Это тоже пол, но пол, переведенный в высший порядок. Это возможно только при абсолютной чистоте отношений. И это тот же пол. Та же великая сила пола, переведенная в другую область. Та же сила, которая соблазняет мою мечту ночью. Но тут я ей овладел и взвил на высоту, недоступную зверям.

Надо уметь владеть своим полом, но не уничтожать его. Художник должен быть воздержанным, чтобы суметь перевести эту силу в искусство. Искусство – это павлиний хвост пола. В этом его абсолютная чистота, потому оно вырастает из огня.

Кто создает человека, тот этим отказывается от создания художественного произведения. Искусство или ребенок – две цели. В них огонь гаснет.

Вся наука человечества, все его знания должны стать субъективными — превратиться в воспоминание. Человек должен суметь развернуть свиток своих мозговых извилин, в которых записано всё, и прочесть всю свою историю изнутри.

Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход — в прошлое. Завесу будущего нам заказано поднимать. Кто подымет и увидит, тот умрет, т. е. лишится иллюзии свободы воли, которая есть жизнь. Иллюзия возможности действия. Майя. В будущее можно проникать только желанием. Для человечества воспоминание — всё. Это единственная дверь в бесконечность. Наш дух всегда должен идти обратным ходом по отношению к жизни.

В логической области ума я строю сколько угодно комбинаций и бросаю их, не жалея. Здесь всё возможно, всё одинаково важно и безразлично. Блеск — в разнообразии и богатстве. Этой области нельзя любить. Здесь нет искренности, а только комбинации и способность к ним. Я себя чувствую мастером в этой области.

Область воспоминаний — область тайная и интимная. Сюда нельзя вводить всякого.

Встреча воспоминаний — внезапный толчок, высшая радость. В этой области — сказанное забывается, каменеет. Каждое слово тяжелым камнем закрывает просочившийся до сознания источник.

«Никогда об этом больше никому не рассказывайте. Это для Вас самих».

Написать перечувственное, пережитое — невозможно. Можно создать только то, что живет в нас в виде намека. Тогда это будет действительность. Потенциальная возможность действительности станет активной действительностью в искусстве: действительностью ослепительной, ошеломляющей, которую всякий переживает и сколько угодно раз, — алгебраической действительностью. Пережитое — описанное — всегда

слабый пересказ, но не сама действительность. В литературе всегда нужно различать пересказ действительности и созданную действительность.

Художник, идущий к своим воспоминаниям, ищет в них не пережитой действительности, а себя самого в настоящем, вне времени.

10 августа. Женева.

Опять у Иванова. Лицо отца: старая птица, глаза от старости закрыты плевой.

— Чтобы *définir votre talent** — у Вас глаз непосредственно соединен с языком. В ваших стихотворениях как будто глаз говорит. Всё необыкновенно закончено. Вот «Я ждал страдания столько лет...».

— Я ищу в стихе равновесия. Если я употребляю в одном стихе редкое слово, то я стараюсь употребить равноценное на другом конце строфы.

— Вы буддист... Вы нам чужды. Мне враждебен *vigus* буддизма. Вот вопрос, решающий, твердо ставящий грань: «Хотите Вы воздействовать на природу?»

— Нет. Безусловно. Я только впитываю ее в себя. Я तोплюсь ознакомиться с ней в этих формах. Я радуюсь всему, что она мне посылает. Без различия, без исключения. Всё сразу завладевает моим вниманием.

— «Ну вот! А мы хотим претворить. Пересоздать природу. Мы — Брюсов, Белый, я. Брюсов приходит к магизму. Белый создал для этого новое слово, свое “теургизм” — создание божеств, это иное, но в существе то же. Обсзьяна могла перевоплотиться в человека, и человек когда-нибудь сделает этот же скачок и станет сверхчеловеком».

— А если это будет не человек? А другое существо будет избрано, чтобы стать владыкой. Может, одно из старых мистических животных, к которым человек питал всегда такое благоговейное почтение, смешанное с ужасом, — змей, паук?

— «Тогда это будет демон. Вы знаете, что апостол Павел называл ангелов тоже демонами и говорил, что человек все-таки создан совершеннее ангела. Да! В христианстве

* Дать определение вашему таланту (*фр.*).

есть даже такие прозрения. В буддизме равенство человека и животных. Христианство – это сила. Мы будем возвышать, воспитывать животных. Христианство – это религия любви, но не жалости. Жалость чужда христианству. Безжалостная любовь – истребляющая, покоряющая – это христианство. В буддизме скорее есть жалость. Это религия усталого спокойствия».

– Я считаю основой жизни пол – Схе. Это живой, осязательный нерв, связывающий нас с вечным источником жизни. Искусство – это развитие пола. Мы переводим эту силу в другую область. Или создание человека, или создание произведения искусства – философии, религии – я всё это соединяю под одним понятием искусства. Это та сила, которая, скопленная, даст нам возможность взвиться.

– «Если так, Вы подходите к нам. Вы не буддист. В буддизме нет трагедии».

– «Для меня жизнь – радость. Хотя, может, многое, что другие называют страданием, я называю радостью. Я страдание включаю в понятие радости. У меня постоянное чувство новизны – своего первого воплощения в этом мире».

– «Именно это создает в Вас ту наивность отношения к миру, про которую я Вам уже говорил. Белый в своей статье о Бальмонте называет его последним поэтом чистого искусства. Последним – этого периода. Вы, может быть, первый проблеск следующего периода.

Как Вы думаете назвать свою книгу?»

– «Годы Странствий».

– Я думал, как-нибудь более красочно. Впрочем, это хорошо. Это определяет. Это скромно. В этом есть отчасти извинение. И потом много милых воспоминаний: Гёте, Wander-jahre... Нет, это хорошо...

– «Для меня это важно, как дающее известную психологическую цельность. Исчерпывающее известный период».

– «Почему вы взяли только своим Nom de guerre* “Макс Волошин”? Это какое-то европеизирование. Максимилиан – это такое звучное имя».

* Псевдоним (фр.).

Никогда не делай того, о чем ты мечтал.

Потому что ничего нельзя повторять. Исполнение мечты — это повторение. Раз уж это произошло в жизни. Природа повторяет. Человек делает всё один раз. Я никогда не могу исполнить того, что я обдумал, если это было не простое волево побуждение, а наглядная картина моих действий, которую я себе представил.

Тогда жизнь становится произведением искусства по отношению к мечте, и воспроизведение ее слабо и бледно.

Иногда, когда я долго обдумывал известные слова, которые я должен был сказать, меня, когда приходило время исполнить задуманное, охватывало такое волнение, что голос дрожал и язык мне не повиновался, хотя ни в словах, ни в их значении не было ничего жуткого. Может, в этом нарушение тайны будущего? Тайна действия — в том, чтобы до времени ничего не представлять себе, но все нужные орудия подготовить заранее в бессознательном.

12 августа.

У Иванова. Семенов, Иванов, я. О романе и о его возможностях.

Семенов отрицает возможности развития романа. Иван<ов> настаивает.

Возможности:

Описание должно превратиться в атмосферу, лучащуюся от личности. Как египетская скульптура, которая создает воздух вокруг себя. Греки этого не умели. На плечах египетских статуй чувствуется, идут ли они днем или ночью. Они лепили не тело, а воздух, его обнимающий. Ту пустоту, которую в воздухе делало тело. То же в романе. Воздух должен чувствоваться в самой речи. Она должна быть сделана так, чтобы она не могла быть создана в другой час дня или в иной обстановке.

Описание одного события, сделанное несколькими лицами с разных точек: Марсель Швоб, Мерседит.

Семенов о Пшебышевском.

«Он как русский земский доктор: пьяница, лицо красное, рыжая борода. Он женат теперь на жене поэта Яна Кас-

провича... Нет, на Бальмонта он не похож.. У него странные выходки. Он вдруг начинает жевать что-нибудь. Например, гардину...

Это вот было однажды (об этом вся Варшава говорила) с женой одного, я не знаю, губернатора или генерала... Нет, он не ее сжевал. Они поехали в ресторан и были в отдельном кабинете. И вот он ей говорил о будущем человечестве. Убедил ее, и они оба разделись и выбросили свое платье в окно. Сожгли корабли. А утром ее нашли в истерике. А он сидел в углу и жевал ее чулок...

Я пришел к нему с книгой перевода. К нему еще никогда ни один переводчик не приходил. У него была репетиция. Какие-то гимназисты. Он ждал примадонны. "Вот это моя труппа". Потом прогнал их. Позвал жену со мной познакомиться. Но она не вышла. Верно, ей было его стыдно. Потом мы с ним четыре дня провели. Ну уж...

У немецких писателей этого типа была манера делать над собой эксперименты: и они почти все так кончили.

Я застал еще их остатки в одном кабачке в Берлине. Раз Стефан Георге демонстрировал нам одного такого. Он уже больше не пишет. Т. е. пишет, где придется: на манжетах, на окурках папирос, на воротничках. И вот ему дали такую библиотеку, и он разбирал. Это было ужасно. Но местами такие вспышки, как молнии; мы, не отрываясь, 3 часа слушали.

Я, собственно, хотел сам написать такой роман, как "Homo Sapiens". У меня всё уже было готово. Как раз случилось так, что совсем такие же истории... Знаете, когда живешь за границей... русские студентки... поляки... И тут вдруг "Homo Sapiens". Я две недели был в отчаянии. Осталось только перевести. Потом мне Пшебышевский говорил: знаете, мне это многие говорят. Так, уже случайно я общую нотку подхватил...

А теперь у немецких поэтов совсем другая жизнь. Все они люди богатые. У них прекрасные дома. Жёны-красавицы... Классическая жизнь.

Точно другая полоса. Все из другого класса».

...И она вошла в яркий день, еще пьяная от лунного света...

16 августа.

Разговор с Ивановым (13 августа).

Иван<ов>: — «А вы в чем видите Дионизизм в современной жизни?»

Я: — Конечно, это танец (и т. д., моя теория).

Ив<анов>: — «Да. Танец и музыка, как нечто неотделимое от танца. Я согласен с Вами, что нагота присуща танцу. Но я внесу маленькую поправку. Не полная нагота. Известная одежда должна присутствовать — это маска. Это то, что мы должны удержать из греческой традиции».

Я: — Да, я понимаю это. Танец — это выражение радости. Радость скрыта в теле. Она выявляется. Трагизм весь сосредоточился в лице. Его надо скрыть. Надо уничтожить индивидуальность и ее трагизм маской.

Но какую маску наденут танцующие?

Ив<анов>: — Греция нам оставила типы масок. Мне кажется, они достаточно совершенны. Если нет — то сотворите их вы — художники.

Я: — Греческие маски выражали схематически известные душевные состояния. Теперь этого не нужно. Нужно уничтожить личность и всё мелкое, связанное с ней. Тогда достаточна черная полумаска: традиционно европейская. Нужно отсутствие лица. Всякое сделанное лицо будет комичным. Это может быть та же безличность, какую дает черный фрак, только перенесенная с тела на лицо.

Иван<ов>: — Маска играла в древних оргиях особую роль. Оргии устраивались женщинами — менадами. В них могли принимать участие и мужчины, но в масках.

Древние вообще не так охотно уже разоблачались. Это было именно только в торжественные моменты жизни, как вы говорите.

В эпоху Цицерона пирушки кончались тем, что кто-нибудь раздевался и танцевал голым. Плясать голым — это был, так сказать, венец хорошей пирушки — *tombe**. И Цицерон относился к этому очень предосудительно.

* Надгробный камень (фр.).

18 августа. Женева.

Воспоминание — это было великое завоевание, сделанное земным животным в области четвертого измерения. Может, это завоевание потом распространится и на будущее. Здесь нет невозможности физической. Есть невозможность страшной боли, которую надо преодолеть. Эта боль — противоречие неизбежности и иллюзии свободы воли, т. е. желания. Нельзя желать того, что всё равно неизбежно. Можно желать только то, что кажется невозможным. Желание — это, конечно, вид предчувствия, зрение вперед, но зрение мало развитое, не координированное, лишенное перспективы.

У Вебера. Вещи Якунчиковой.

Цветы на подоконнике. Сквозь стекло — ночной Париж и в окне — отраженная вечерняя комната. Женская фигура и лампа, и сквозь них — город.

Ср<авни> Веласкес — отражение в зеркале. Отражение на прозрачном стекле — это гораздо тоньше. Но реалистичнее.

Дом в Введенском с колоннами, и важно унылое вечернее небо. Античный храм, перенесенный в русскую природу.

Выжженные на дереве: ель в окно — бодрая радость; Медон осенью — забор.

Версаль зимой.

В живописи всё — анализ. Живописный ум схож с математическим. У Якунчиков<ой> был математический ум. Сперва анализ. Потом логизм рисунка. Рисунок *должен* рассказывать. В нем должна быть наглядность силлогизма. У импрессионистов глупый рисунок. Не умный — как сама природа. В рисунке сосредоточен весь ум человеческого глаза, его понятие о причинности, о тяжести, его опыт и знание предметов.

Я раньше думал, что надо рисовать только то, что видишь. Теперь я думаю, что нужно рисовать то, что знаешь. Но раньше все-таки необходимо научиться видеть и отделять видение от знания. Самый пронзительно расчлняющий ум должен быть у живописцев.

Вчера и сегодня – дни острой физической боли. Она мне кажется такой позорной, что я никому ее не показываю и боюсь, что кто-нибудь догадается об ней. Но в эти минуты весь собираешься внутри. Как один глаз, гипнотизирующий боль. Внешне становишься равнодушным. Мне стыдно быть равнодушным. Это сопровождается каким-то виноватым чувством нарушения *моего стиля*...

20 августа. Суббота.

В слове – волевой элемент. Слово есть чистое выражение воли – эссенция воли. Оно замещает действительность, переводит ее в другую область.

Поэтому люди, когда боятся, чтобы что-нибудь не случилось, стараются ярко представить себе все возможные комбинации картины будущего, чтобы предупредить действительность.

Слово мало способно зафиксировать прошлое. Поэтому такая борьба со словом в описаниях. Описание – это почетная победа слова, но не его стихия. В этом труд Флобера, который щелкал бичом и резкими окликами заставлял слова идти непривычными руслами периодов. Слово выражает желание. Слово – это будущее, а не прошлое. Всякое желание исполняется, если оно не выражено в слове. Чтобы предотвратить его исполнение – его надо сказать.

Стихия зрения – рисунка диаметрально противоположна стихии слова.

Большой комп<анией> у Вебера. Номер «Весов», посвященный Якунчик<овой>, решен.

Перед картинами:

Звезда, как символ Ужаса. «Звезда Полюнь». Язык пламени у Дудлея. Звезда в конце коридора в «Манфреде».

Вебер: «Мы ходили часто зимними ночами вместе с Мар<ией> Васил<ьевной> в Медонском лесу Однажды она меня заразила своей нервностью и ужасом. Были вот такие же звёзды сквозь ветви. На другой день она нарисовала это по впечатлению. Лицо и фигуру она нарисовала с себя в зеркале».

Отражение в окне. Веласкезовское зеркало. Окно как символ. Цветы на окне — грань между призрачным и внутренним. Цветы как символ вечной радости внешней жизни. К ним она приходит, когда чувствует первое прикосновение смерти.

Кладбища. Кресты с крышами и огнями. Символ избы, домашнего крова, огонька в окне.

Версаль грустный и зимний.

«Она была очень позитивна. Она не любила православия, она относилась к нему брезгливо: когда мы приходили в церковь, она делала такой быстрый привычный крест и потом сейчас же, расталкивая богомолку, вела меня показывать то, что она любила».

Первые весенние дни в окрестностях Парижа.

Окно и ветви сосны. Городки.

Noble jeu de l'arc*. 1345.

«Qu'elle vole jusqu'au but!»**

Античный жест, который повторяется невольно.

Под дубами. Букет, гирлянда, венок.

Венок — это только ветвь. В нем виден стебель.

Мед. В нем воспоминание о разных цветах.

«Греки пьянели от меда. Мед — это был пророческий напиток. Вообще, опьяняющие яды действовали гораздо тоньше на душу древнего человека. Они могли быть пьяны от чеснока. Они совершали убийства под влиянием чеснока».

Вечером у Иванова.

Маски. Маски могут черпаться только из готовых родинков. У тех художников, которые создали свое лицо. Россетти, Боттичелли, Леонардо.

Разговор о комнате и о витре. Говорю я.

Андрей Белый. У него нет стиха. Но есть все другие достоинства поэтической речи.

Рай и Nirvana. Это разные слова, но мы в сущности совпадаем.

«Я боюсь только, что вы являетесь еретиком буддизма, если представляете себе нирвану так — как высшее напряжение воли».

* Благородная забава стрельбой из лука (фр.).

** «Пусть долетит до цели!» (фр.).

«Напишите исследование о Дионических танцах. Это как раз то, что теперь очень нужно и что надо сделать художнику».

Я против экспериментов над жизнью, как их делали немецкие и польские поэты. Слово может создать действительность только из желаемого, но не из пережитого. Слово — это вторая действительность, но не повторенная действительность.

Иван<ов>: «Да, я с вами в очень, очень многом согласен. Это мне очень дорого (о народном искусстве, индивидуализме, отречении от имени)».

22 августа.

Последний день в Женеве. Ночью присхал Яша. Были у Вебера и не застали.

В ожидании него я просматривал № «Мира Искусства», посвященный Якунчиковой.

У ней два периода — период мировых символов и недостаток сил. Второй — всеразличающая логика рисунка. В нем она начинает подходить к символу растения и пейзажу. Человечек ей остается чужд.

Еду с Я<шей> к Иванову.

Разговор сразу начинается о ритме и о танце, быстро и согласно, точно мы бежим по одной дороге, торопясь и пребывая друг друга.

— Конечно, танец есть источник всякого ритма и, следовательно, стиха. В Греции все стихи оттеняли ритм танца. Поэтому и многообразие ритмов в трагедии. Я вот пытался передавать их по-русски. Напр<имер,> там, где встречаются два рядом стоящие ударяемые слога. В этом топот ног.

Он приносит книгу и читает.

За обедом. Разговор о цветах каждого человека. Я называю: «Вы желтый и лиловый — лиловый с красным, который в древности называли пурпуром. Мар<ия> Мих<айловна>: коричневый битюм и оливковый».

— Ну да, вы очень удачно угадываете любимые цвета. Ну, а Тютчев.

– Тютчев – это фиолетовый, близкий к синему. Цвет просвечивающей бездны.

Знаем только мы
Непрозрачность света
И прозрачность тьмы...

Художественное творчество – это умение управлять своим бессознательным. Но так, как перед сном вперед заказывая себе момент пробуждения. Управлять бессознательным, не доводя его до сознания.

До глубокой ночи у Ландольта. Споры о «Весах». Надо дать им больше отзывчивости. Устроить съезды сотрудников.

Потом мы провожали Иванова и Ивановского.

Ивановский: пародии. «Скиф пляшет».

«Безгранный многогранник по убеждениям».

Был в состоянии Дионисова оргазма. Танцем хотел доказать свое презрение к граням и законам. Приметы: лицо обыкновенное. Весьма неуравновешен. К делу Дрейфуса, по видимому, не причастен.

Разговор об искусстве и его социальном значении. Якс: «Нет, это совсем необыкновенно. Я всё думал: в Женеве ли я? Тут решаются судьбы литературы. А потом я теперь совсем иначе к стихам Иванова буду относиться. Я его себе представлял просто ученым. А дедушка великолепен. И Ивановский – представитель русской философии. Это всё совсем необычайно. В Женеве ли я? И он так смело говорит, что пойдет к Вам учиться эстетике».

Дорога до Парижа.

Опять это слабое ощущение новизны и уютности. Своя комната, свои книги. Я это очень чувствую теперь.

28 августа. Париж.

Я истощил свое будущее видениями и словами. Живущий идет вперед с закрытыми глазами и мечтает только о прошлом.

Отдел стихов: Шаги по набережным.

Письмо от Бальмонта.

5 сентября.

Украшение стен в комнате: сделать стены прозрачными: уничтожить темницу.

Как картина в андерсеновской сказке: Оле Лукойе берет ребенка и вставляет его ногами в картину. И тот побежал.

17 сентяб<ря>.

M-me Ghil говорит про детей:

«Ne t'occupe pas de moi... Les personnes de troisième vie ne comprennent pas les enfants de première vie. Ils n'ont pas les mêmes paroles.

Les petits bouts de monde*».

Кошка. Выдуманная сестра. «Моя сестра всегда вырезает картинки до 12 часов. У моей сестры белая кошка». Ужас, когда ей сказали, что сестра придет.

18 сент<ября>.

Театр мне нужен как эссенция жизни тогда, когда замирает моя собственная. Когда в моей душе все двери закрылись, я вхожу в чужую душу. В моменты быстрой жизни я замечаю все неестественности театра.

28 сент<ября>.

Вечера у Е<лены> Д<митриевны>. Вечер молчания. Слова редки. Она достает свои рисунки. «Вот это принцесса тужит, а серый волк ей верно служит». Принцесса – некрасивая чахоточная барышня, перед которой волк служит на задних лапках.

* Не занимайся мной... Люди третьей жизни не понимают детей первой жизни. У них нет тех же самых слов. Маленькие кончики мира (фр.).

Вот вы знаете – есть такая волшебница, которая приходит на берег моря, машет рукой, и к ней приплывают все морские рыбы. И птицы прилетают. Такой стасй, что неба не видно...

Ах, нет, это не смотрите... Вы знаете, я это никому не показываю, даже Елиз<авте> Сер<гесвне>.

– ... Это... Это лесные ужасы... Ах, это ужасно, что я рисую. Это антихудожественно. Я совсем не умею рисовать с натуры.

...А вот это, знаете, тот конь, который разгоняет тьму...

А это: «Что, детинушка, не весел, что ты голову повесил».

Девочка в красной маленькой шапочке. В длинной рубашке. Высокая. Подросток, только что выросший. В больших башмаках. Рука тонкая, маленькая и очень нервная. Она дает приказание уверенно и твердо. Мальчик одинакового с ней роста слушает, склонив покорно голову. Ночь. Вдали лес. Огни строений.

Мы читали вместе «Викторию».

Из всех насилий, производимых над человеческою личностью, – убийство наименьшее насилие, а воспитание наибольшее.

29 сентября.

Платона «Пир».

«Это меня глубоко поразило, потому что если это перевести на наш язык и представить себе компанию молодых людей, ведущих такие разговоры, то получится нечто совершенно, с нашей точки зрения, невозможное. Но в тех условиях ураническая любовь кажется здоровой и мощной».

А<лександра> В<асильевна>: «Я воспитывалась с моими братьями. Как мальчишка, даже больше. Конечно, когда они поступили в гимназию и были просвещены по части всяких вопросов, то они поспешили просветить и меня. Но

странно было то, что это знание существовало, но нас не касалось. Как будто это не могло нас затрагивать. Отношения ничем не изменились. Я, например, не испытывала никакого чувства стыда пред ними. Я умывала перед ними шею. Если я была голой, меня бы их присутствие совсем не смутило. Различия полов не было.

Затем в дружбе — с женщинами, в сентиментальной страстной дружбе, в дружбе с мужчинами, в отношении, например, к отцу, больше всего к отцу, было много в основе, в самой основе — пола. Такого истинного платонизма. Но когда приходит любовь настоящая, это чувство страшно разрастается и, как ни странно, для пола остается очень маленькое место».

Мою любовь, широкую как море,
Вместить не могут жизни берега.

Целый день у Стр. с разбором книг.

Первое знакомство с Б-н. Разговор быстрый, отрывочный, между делом. Слова летучие, хватающиеся за всё и с разных сторон. Она очень нервна, отзывчива и полна русской издерганности и морализма.

Вечером у Моно с Е<леной> Д<митриевной>.

Вчера Фрике-Полэр.

2 октября.

Ожидание. Стук. Входит П<оляков>. Я делаю привычное лицо товарищеской радости. Я ее не испытываю, но жест делается по привычке. Он проходит к окну и сейчас же начинает рыться на столе. Меня это раздражает. «Брось». Хочется ударить его по руке со злобой.

Говорю приготовленную фразу:

«Если бы ты пришел весной, я бы готов был тебя задушить»

Он морщится, как от черта.

«Ну, оставь. Я сам был зол весной. Тогда была смерть одного человека. Ты писал новые стихи».

«Сперва надо покончить со старым. Если ты не отдашь деньги, то старое не будет ликвидировано...»

Он раздраженно фыркает.

Идем завтракать.

«Ты же сам мне уже через полчаса будешь читать стихи и еще будешь очень рад».

У меня подымается тоска в груди. Я даю себе слово стихов не читать и через полчаса все-таки читаю.

По привычке спрашиваю: «Ну, как твои романы?»

«О! Ты знаешь, в Швейцарии я виделся со Св. А потом, когда она уехала... О, это был настоящий роман. Она модернистка. В лучшем смысле. Жена, т. е. вдова одного профессора. Слушаешь? Она... Я спускался к ней каждую ночь вниз. Она жила в том же пансионе. У нас была настоящая современная любовь. Мы испытывали потребность не только в любви, но и в злобе. Мы хотели наслаждаться еще ненавистью. Она мне делала такие сцены... Мы измучивали друг друга. И потом снова любовь. Понимаешь – надо было осветить любовь. А?»

Я становлюсь раздражен. От этой привычной пошлости у меня болит голова, как от картин. Мы завтракаем. Пот<ом> сидим в Café Riche. И я все-таки читаю стихи, и мне все-таки приятно иметь слушателя. Я чувствую, что он заражает меня своей позорностью, и у меня болит голова.

Возвращаюсь домой и ничего не могу делать.

Заглавие «Tête Inconnue». Запотевшее зеркало озер. Героиня – Кассандра – черты Ол<ьги> Сер<гесвны>, М<аргариты> В<асильевны> и Ел<сны> – «Иродиада» Малларме.

Б<альмо>нт, конечно. П<о>л<ер> и Кр<угликова> – одна фигура.

Е<катерина> А<лексеевна> – фортельная <?>.

Слова Ек<атерины> Ал<сксеевны>: «Какая Ел<сна> странная. Я думала, что она понимает, что это болезнь. Когда он приехал и был так болен и в таком ужасн<ом> состоянии, она была совершенно спокойна, как будто ничего не происходило. С ним она обращалась удивительно».

5 октября.

Всё повторяется. Сегодня переехал в № 9, и вот немедленно явилась возможность и желание отъезда из Парижа. С Семеновым в ресторане:

«Вы знаете, что Трапезников разорвал со своим стариком. Он ведь должен был ехать в Египет. Да, я Вам не говорил. Это один старик, который ищет себе компаньона. У него был один компаньон — студент-либерал. Тот ушел от него потому, что нашел его консерватором. Я посоветовал Трапезникову. Тот отправился со своими консервативными убеждениями, а старик вдруг оказался либералом и шестидесятником. Ему надо компаньона, чтобы ходить по ресторанам и играть в карты. Он снял охоту в Египте и едет туда на всю зиму. Теперь Трапезников его оставляет. Конечно, ему нужно спутника...»

Опять то же в другом виде.

6 октября.

Тени. Рассказ Семенова.

Простор неба. Утром, проснувшись, я вижу сквозь стёкла облака, плывущие над головой. И просторно... и радостно. Вечером зажигаются длинными ожерельями огни в ателье. На противоположной стене движутся тени. В каждом окне видны принадлежности работы и гипсовые маски.

Семенов: «Я попал в первый раз в Париж мальчишкой. Это была совершенно сумасшедшая выходка. Я только что кончил гимназию. Был еще в серой куртке. Пояс с гимназической бляхой. Мохнатый. Еще больше, чем Вы. У меня было много денег, и я, никому не говоря, вдруг уехал в Париж. Приехал и отправился прямо в Grand Opéra. На меня кассирша посмотрела с презрением и сказала: “Есть только первый ряд”. Меня взяло за живое. “Давайте”. И вот я очутился в первом ряду между фраками. Буквально весь театр уставился на меня. Я не выдержал и сбежал после первого действия. Пошел по бульварам и попал в Petit Casino. Тут началась оргия. Я, положим, на это рассчитывал, но такого эффекта я даже и не ожидал. Меня, разумеется, окружили дамы. Они прямо

кувыркались от восторга. Я очутился за столиком с шампанским и с десятком дам. Я не был невинным. Но это всё мне было внове. И вот меня одна увезла. Конечно, было, как всегда случается с такими мальчишками: она мне говорила “ты”, я ей “вы”. В коляске я уже решился спросить, сколько это будет стоить. “Tu me payais à cent francs”*. Я-то не знаю языка: “cent” принял за десять. Присхали. “Ну, давай деньги”. Я достаю 10 fr. Она начинает гомерически хохотать. “Я же тебе говорила сто”. Я разозлен, сконфужен. Развязываю мешок на шее, где у меня деньги. Она надо мной издевается...

Потом, когда всё кончилось, она уходит. Я остаюсь. “Что! Ты думаешь, что я всю ночь с тобой останусь?” Мы в ее квартире – роскошной. И ушла. Я вижу, что ее платье осталось, и думаю, что она вернется. И вдруг, к ужасу, замечаю, через несколько комнат, что она выходит уже одетая. Я как бешеный схватился. Напялил гимназическую куртку на лсту и выскочил.

Она садится на извозчика. Я успел схватить за ось и просунул ноги. Она что-то ему сказала. Он погнал. Я повис на мускулах. И не могу вылезти, потому что мои ноги там застряли. По бульварам – это целая сенсация. Я успел соскочить раньше от нее и взбежать на подъезд. Она бросилась от меня, как сумасшедшая. В страшном испуге. И меня тотчас два человека прямо спустили с лестницы. Я кинулся на вокзал и в тот же вечер без оглядки удрал из Парижа прямо в Россию. Нигде не останавливаясь. Это был мой первый выезд».

Oiseaux de passage** вечером.

10 октября

История смерти Елиз<аветы> Дьяконовой. Рассказывает Семенов:

«Она какая-то дальняя родственница жены Балтр<ушайтиса>. Ее тетка жила на Ахензее. Получает от нее телеграмму. “Возвращаясь из Парижа, заеду к Вам”. Ей написали, что-

* «Заплатишь мне сто франков» (фр.).

** Перелетные птицы (фр.).

бы она не присажала, т. к. ее тетка уезжает. Она не получила письма. Приехала с поездом ночью, когда фуникулер перестал ходить. Мы с Юргисом ее встречали. Она была какая-то странная. Сейчас же, как выскочила, начала говорить: «Ах, как хорошо. Я люблю горы. Это всё озёра внизу. Ах, я так давно хотела видеть горы. Я завтра же утром отправлюсь на вершины». Ее предупредили, что завтра все уезжают и остались только для нас. Она все-таки пошла и сказала, что вернется к вечеру. Я уехал в Мюнхен и ждал их там. День нест. На третий — телеграмма от Юргиса. «Встреть моих... прими их как можно радушнес». Я ничего не понимаю. Присажают. Узнаю, что Дьяконова исчезла. Еду туда. Юргис с отъездом Мар<ии> Иван<овны> запил. Он производит розыски. Нанимает проводников. Напаивает их. Сам пьет. Я привез с собой немецкого одного писателя. Тоже для розысков. Гостиница опустела. Все приезжие уже уехали. Остались: хозяин, тиролька Тереза, которая когда-то была в хору у Алекс<андра> II. Гостиница открыта только для нас».

21 октября.

«Когда остаются маленькис кончики мира, то из них делают кошек. Потому что кошки думают так же, как и мы, только они не умеют так же говорить».

«Ils ont les mêmes pensées, que nous, mais ils n'ont pas les mêmes paroles».*

Ноябрь, 13-го.

Купл<ен> гимн<астический> ап<па>рат.

Суббота. Вечер у Бенедикта. Арабы и Динс. «Ганнстон». Сулейман. Песни об Антаре. «Смотри, я черен, как небо. А эти рубцы от ран, разве это не звезды?..» Они никогда не сравнивают — они прямо называют. «Для того, чтобы убить Антара, нашли слепого, который стрелял по слуху. Он долго

* У них такие же мысли, как и у нас, но нет таких же слов (фр.).

учился стрелять по свисту крыльев – летящих птиц. Когда ночью Антар вышел из палатки и стал мочиться, слепой по слуху выстрелил в него, и стрела пронзила его в ...».

Разговоры о пустыне. Пустыня создает поэтов, море – нет. Море, с его туманами, создает риторику – В. Гюго. Пустыня – это мысль во всей ее простоте.

Пяти<ица>. У меня была О<льга> С<ергеевна>. Разговор о поле.

«Вы не можете понять женщины. Женщины говорят между собой обо всем гораздо больше, чем мужчины. Даже довольно намека... ну, ты понимаешь... И вот, когда выходят замуж, то это не прекращается. Помните, та итальяночка, что теперь вышла замуж. Мы с ней были очень близки. И она теперь мне рассказывала... Как бы женщина ни любила мужчину, она всегда будет говорить об нем, как о третьем.

В конце концов, они всегда враждебны, даже в любви...

Нет, это даже меня трогает, что Вы мне не хотите дать той книги. Вы заботитесь, как о сестре...

Нет. Все-таки вы бываєте ужасно глупы... Тот... я вам говорила... Моя любовь – он из тех молодых дворян-помещиков, которые нравятся женщинам. Всем женщинам. Ужасно трудно с ним. Даже когда он раз меня поцеловал... Знаете: и ночь, и сад... Но он совершенно не умеет ни о чем говорить...»

У нас создаются с ней странные разговоры. Мы как будто со страшным любопытством хотим проникнуть в чуждый мир другого и разрыть самые глубокие тайники...

Сейчас дрожью пробегала мысль: почему она *мне* сказала, что я бываю иногда глуп?

<15 ноября.>

(?) 14 ноября. *Вторн<ик>*.

Письмо от Суворина (секретно): я недоволен Б. В январе придет Амф<итеатров>. Хотите быть его помощником на полгода, чтобы после остаться парижским корреспондентом?

Ответ – да.

У Слевинского. Это глубина и скромность великого мастера.

С Семеновым у рисовальщика Н. Циолковского. Молодой человек, худой, с нервным угловатым лицом. Рыжий, синие кольца у глаз.

«Хотите посмотреть мои рисунки педерастов? Оба они так интересны, эти маленькие мальчики. Они похожи на ангелов и на демонов. У них женская грация и женский характер. Они так же ревнуют друг друга и так же лживы, как женщины. Я знал одну лесбиянку, она была 2 года на содержании у одной светской дамы, и я через нее познакомился с этим миром.

...Да, я бывал у Ганнетон. Теперь там не так интересно. Раньше там была хозяйка, которую звали “рара”. Но от любопытных всё скрывают».

Выходим с Сем<еновым>. «Ну этот, верно, даже уже не педер, а что-нибудь еще современнее. Вы заметили, какой виски он нас угощал? Он о них говорит так, как мы о декадентах, или спирт, сделавшийся теософом, о столоверчении».

16 ноя<бря>.

Обед у Щукина. Доскин. Париж.

17 ноября.

В Moulin de la Galette.

...«Во мне пол проснулся очень рано. Я помню, мне было лет шесть. Я еще ничего не знала. Но я всегда себе представляла разные картины. Был у меня такой человек — мужчина, насмешливый и жестокий. У него в подвале были заперты — прикованы — голые девочки. Он приходил истязать их. По воскресеньям приводил гостей. Это было ужасно стыдно и доставляло мне страшное наслаждение...

У моего брата вот — он очень чувственный мальчик, как у нас все в семье; у него пол проснулся еще раньше. Я помню, ему было 3½ года, когда он, играя с девочками, разбил себе коленку и с него должны были снять штанишки, и он страш-

но ревел — и именно от стыда. Теперь об том, когда мы были в тех местах, он, проходя, сказал: “Знаешь, я так ясно помню один случай из моего детства...” — и не кончил.

Вы, мужчины, вы ведь не умаете даже говорить между собой. Вы всё ведь фантазируете и врете. Между женщинами... Вот тогда, в прошлом году я могла наблюдать: мою сестру, обоих А. и итальяночку.

Итальяночка, она такая сентиментальная, верная и чистая. Но она вот мне рассказывала свои первы<е> 24 часа брака. Она не вовремя засмеялась. Она любила своего мужа. Но все-таки не так, чтобы потерять совсем голову. И все-таки она слишком много об этом раньше болтала с подругами. И она рассмеялась ему в лицо и вспыхнулась уже поздно. Это легло до сих пор между ними.

Я могу рассказать только Богу и Вам...

Он ухаживал за мной. Потом я уехала. Узнала от его сестер, что он стал женихом. Когда я к ним приспала в деревню, это всё вспыхнуло. Это было такое мученье не показать. Мне стоило такого искусства навести разговор, намекнуть. Я знала, что она плохо сложена. Мы поехали на лодке. Я заставила его сказать мне, что он женится. Так — я говорила, как будто у нас очень близкие отношения... И он сказал, что я хотела и как я хотела. Страшно неохотно и с трудами. И потом я его покорила снова. Теперь он уехал на войну... Пред отъездом спросил: “Какие же у нас будут отношения?” Вы понимаете, он остался связан словом. В том обществе...”

Письмо от Брюс<ова>. Мне предлагают политические корреспонденции в «Слове» (!!! в два дня).

19 ноября.

Разговор с Тр. Любовь девушек. Русская любовь.

21 декабря. Москва.

Бальмонт на улице. «Котя заморский зверь».

— А меня зовут Адой Юшкевич. Вы мне нравитесь. Вы такой рыженький. Мы должны видаться эти 10 дней. Нет, я не родственница... меня каждый это спрашивает. Я напи-

сала только две вещи, но я гораздо талантливее его и современнее.

Чтение. Я рисую Е<катерину> А<лексеевну>, но, по мере того, как я слушаю, мне становится стыдно смотреть на нее. Каждое слово – острая боль совершающейся трагедии преодоления.

Брюсов. «Вы возмужали и лицом и взглядом. Что-то между Пеладаном и Ж. д'Юдин (?)».

Вы привезли нам взятые Пор<т-> Артура.

Да, это же делает революция. Ну, это после переговоров.

Дионис и Христос мне опротивели. Белый и Мережковские. Вокруг Белого эти добрые крабы... Вы еще не читали его III-ей симфонии?

Я люблю стихи Вяч. Иванова, потому что я не выношу больше понятных стихов.

Я написал Белому (Бальдур и Локэ), и он мне ответил. Такого тона у Белого еще не было. Он заговорил Архангелом.

Б<альмо>нт... Жаль, Вас не было на ужине в честь его отъезда. Это было общее озлобление против него. Враги, которые обнимались, и друзья, которые говорили друг другу колкости. И все были довольны, что он уезжает.

Эта его любовь к Ел<сне> сантиментальна. Трогательна<я> последняя любовь. Она его спасла. Он тут был в ужасном состоянии. Точно наша собака – ее вчера убили.

Да, Мекс<ика> может спасти его. Это между нами».

23 декабря.

Мар<гарита> В<асильевна> у <Е.Ф.> Юнге.

«Это удивительные люди. Он был женат 30 лет. Жил с женой в меблированных комн<атах>. Ни с кем не был знаком. Она жила в тех же комнатах. Когда его жена умерла, то она пошла провожать ее на кладбище. Они возвращались вместе на извозчике. «Как Вас зовут?» Назвалась. «Я подумала, не могу же я его так оставить. Будь что будет, а позову его пить чай». Он стал ходить к ней пить чай. Тогда ей в номерах перестали подавать руку. «Я ему сказала: «Мне очень Вас жаль,

но Вы ко мне больше не можете приходить пить чай”. Тогда он сказал: “Женимтесь”.

Она верит, что собаки гораздо больше, чем люди, знают о загробной жизни.

У них староста над рабочими необыкновенная личность. Я его раньше видела во сне. Я Вам говорила? Крестьянский бунт. Они так надвигались все с бледными лицами. И он впереди. Тут я его узнала. Ему под пятьдесят. Некрасивый. Нос у него такой. И в него все женщины влюблены. Старички его боятся и заискивают у него.

Все животные, которых он не любит, издыхают. Вот корова издохла. Собаке вон вчера, проходя, сказал: “У.. лишняя”, а сегодня вот околела. И, действительно, его собаки боятся. Когда он входил в дом, то собака кидалась ко мне и вся дрожала.

Изредка на него находит. Тогда ему дают нож, чтобы он кого-нибудь зарезал – теленка, корову. Зарежет – пройдет.

Когда он правит лошадьми, то их не бьет кнутом. Только двинет рукой – и тройка летит, как ошалелая. Всё молчит. Изредка острит: хватит кнутом лошадь: “Вот тебе жалованье”.

Мы ездили далеко в деревню, где две женщины умирали. Одна его любила. Это было для него устроено. Только он не знал.

Присхали – у избы крышка гроба».

«Вы видимы?»

– Только не эти дни...

Я шел непривычно медленно, и жизнь перестала струиться. Опять старое московское головокружение. Жест рукой, и сказать последнее слово.

24 декабря.

Доскин. Воейковы.

Брюсов. «Пойдемте сейчас к Андрею Белому. Мне необходимо быть. Вы понимаете, почему. Он, кажется, в раскаянии. Он снова написал С.А. письмо».

– Я с ним говорил вчера. Он сказал, что написал жестокое письмо Мережковским. Потом мы говорили о химерах, которые рождаются в моменты пробуждения от одной действительности к другой. Я сказал что-то о том состоянии, когда две действительности соприкасаются и края их смешиваются.

Бел<ый>: Вы совершенно бессознательно для себя столкнули своими словами горы в моей душе. Я начинаю раскаиваться в сделанном и сегодня же напишу Мереж<ковским> другое письмо.

– Тогда я бессознательно и противоположно исполнил приказание, данное мне. Я был только сосудом. Если Вам это может объяснить...

У Белого Сер<гей> Соловьёв. Чтение стихов и «Симфонии».

«Я нахожу, что Вы все-таки, может, совсем не поэт, а эссеист. Блестящий, может, даже размеров Оскара Уайльда. Всё, о чем Вы пишете, блестяще, интересно и слишком законченно. Вы берете за горло прямо, а не вводите постепенно, как Верлен, Верхарн».

Мы долго ходили рука об руку по Садовой.

27 <декабря>*

Отъезд Бальмонта. Е<катерина> А<лександровна> громким голосом в вагоне: «Вы знаете, что Б<альмонт> увозит с собой Елену в Мексику?» Мы долго жали руки. И в то время, как остальные стояли у дверей с Бальмонтом, мы стояли перед окном молча, отделенные непроницаемым стеклом, и в последний момент приложили руки к стеклу, говоря друг другу глазами.

Гриф, когда ушел поезд: «А Елена куда-то исчезла раньше...» Все молчали.

Валерий стал среди залы Брестского вокзала: «Что же, господа, подождемте расходиться, все-таки случилось нечто очень важное. Сию минуту кончился целый период. Бальмонт десять лет полновластно царил в литературе – иногда капризно, но царил. Наши связи рвались постепенно и по-

* В оригинале ошибочно: «января 1905 года». (Сост.)

рвались уже совсем в эти последние месяцы, но теперь он сам отрекся от царства и положил конц... Это только официальное засвидетельствование совершившегося».

Гриф: «Король умер, да здравствует король! Изберемте нового короля!»

Валерий: «Король еще не умер. Отрекшийся король остается королем до самой смерти. Мы будем жить без него. И я думаю, что мы все видели его в последний раз. Он не вернется из Мексики или вернется совсем иным...»

Скорпион: «Он поехал отыскивать новое царство. Может, он будет первым мексиканским поэтом. Изучит испанский язык, станет родоначальником».

Мы вышли с Валерием. Была метель. Разговоры в «Скорпионе», потом в Большом Московском с Поляковым.

«Вы знаете, Бальмонта женщины не считают человеком. Его выносливость их поражает. Мне это многие говорили. И потом он не изменяет. И никогда не лжет, даже когда нарушает слово. Нельзя сердиться на погоду, если пошел дождь».

29 декабря 1904.

У Белого.

«Вы учились у Павликовского?!! Тогда вы должны многое понимать. Это масонское звено.

Я видел сон, как он вошел в класс. И это был не он, а козловак. Так, по-птичьему, цыплячьей лапой взял гирию, посмотрел и заклекотал по-орлиному. И мы не знаем, что начать, чтобы его не обидеть. И тут он вызывает меня и говорит: «Я поставлю Вам багровый ужас». Потом вечером, знаете этот длинный ряд зал в Поливановской гимназии. Темнеет, а в большой зале ведут военный совет трое: Михаил Ростиславо-вич (помните, надзиратель), Кедрин и еще кто-то. И я ясно слышу, как Мих-аил Рост-иславович говорит: «Были малые орлецы и малые Орловы, наступает семья Больших Орлов». И они все выходят, точно уже кончили переговоры. И вот тут начинается. Москва вся полна ужасом. Тут единственное пристанище. Подымается по лестнице мертвый Лев Иванович и бритый. Представляете? Уже не Поливанов, а Ослованов. А Кедрин оказывается предате-

лем. В то время как там ведутся совесты, мистико-педагогические совещания, он в своей квартире разводит культуры Багрца – красненьких ядовитых цветочков, и они выползают из его квартиры. И тут вот мы отрезаны. По лестнице подымается Лев Иван<ич> настоящий и Владимир Соловьев и идут в учительскую. Там военный совет, перебирают бальники, читают журналы.

В окно видны лавки улицы – всё как всегда. А между тем из поезда выходит Михаил Никифорович Катков, а за ним бежит Федор Михайлович Достоевский. И вот тут-то являются полчища Казимиров Клементьевичей. Они наполняют всё здание. Тут нужно молиться, сосредоточиться – и вдруг этот визгливый голос.

...Или вот Сережа представлял, что на улице встречает кучку из пяти людей – и все они Павликовские. И вопрос – кому поклонить<ся>. И он снимает шляпу и говорит: “Здравствуйте, Казимиры Клементьевичи!” И они все 5 снимают шляпу и говорят “здравствуйте”.

Лев Иван<ович> – это старый Завет. Новый – это Ив<ан> Львович. Тут он Иванушка Дурачок, но и Иван Царевич. У него эта мудрость. И сын его. Параклет – это у Сережи. У меня был иной.

Я потом это быстро смял. Но это истинно. Вы знали Василия – швейцара, у него лампадка».

31 декабря 1904.

У Екат<ерины> Алекс<еевны>.

«Против Константина была такая вражда. После его лекции – он читал как никогда, на ужине ему все говорили неприятности, раздражили его.

Брюсов сказал тост, где пожелал ему утонуть при переезде, а потом тост в честь будущего – Андрея Белого. Конст<антин> ему напоминал: “Ты помнишь, мы тогда с тобой гуляли...” Но Валер<ий> отвечал сухо и официально.

Там была одна дама, которую он знал в молодости. Она подумала, что я ревную: “Я даю Вам честное слово, что между мной и Кон<стантином> Дмит<риевичем> ничего не было. У нас были самые чистые дружеские отношения”».

1905 год

2 января <1905 г.>

Если говорить другому принц, то, значит, сам старый король. Жареная саксонская посуда.

3 января 1905 г. Москва.

У Серединых. Танечка Шорникова. Фигурой — Полэр, в длинном платье с треном, оранжевый хвост, как у птички.

Она выбегает в другую комнату, беспокоится, потом возвращается с тремя письмами в руке и демонстративно кладет на стол.

«Ах, я к Вам на минутку с репетиции. За мной так ухаживают. Надоели. Пишут письма...»

— Прочтите письма.

— Нет, скучно. Впрочем, вот... «Дорогая Тат<ьяна> Георг<иевна>! Я вас так редко вижу... гм... гм... кх... Не надо этой игры...» Гм... какая я жестокая, что читаю эти письма...

Он страшный дурак. Он дрался из-за меня на дуэли, и ему прострелили руку. А своему противнику он попал в живот... Заражение крови. Меня один дурак оскорбил.

Но я не боюсь... Вот видите... шестиствольный! Мой жених? Застрелит? Ну да, он уже стрелял... Право... Терпеть не могу, когда мужчины плачут и просят о любви. Если сама любишь и заставить плакать, — это приятно... Вот мой жених... Он был женат, развелся с женой, бросил детей и теперь требует, чтобы я вышла за него замуж. Ужасно глупо. Это вот письмо от него. А это вот от одного князя. Он кавалерист. Мы росли с ним, и он теперь вдруг в меня влюбился...

Вот письмо: «Дорогая Танечка! Придешь ли ты в Петербург? Я тебе должен сказать три слова... три слова...»

Я не выношу, если мужчины остаются ко мне равнодушны. Я сейчас вот так погляжу... и еще раз... пока он не покорится.

А тогда мне — всё равно...

Это всё — детским тоном счастливой девочки, до самозабвения довольной тем, что она есть. Несколько покоряющих взглядов в мою сторону. Затем, в коридоре:

«Вы не думайте, что я такая, как я говорила. Я терпеть не могу этих мужчин, что ухаживают. Они всегда одни и те же слова говорят и то же делают. Мне совсем другое нужно и совсем иначе. Вот за мной Бальмонт ухаживал. Но он совсем мужчина. Я только мужчин люблю, а дам не люблю. Они все друг друга ненавидят».

– В этом мы с Вами расходимся – я предпочитаю дам и не люблю мужчин...

Потом она танцевала грузинский танец (далекый прищуренный взгляд), русский, пародировала балетных танцовщиц.

– Па направо – «Ах, у меня башмаки разорвались...» Руки вверх... «А прачка все еще белья не принесла...». «Антирепренер совсем денег не платит».

У ней лицо круглое и смешное, некрасивое, но страшно подвижное и плутовское. Волосы пушистые черные, точные. Индусские жесты. Руки лодочками, точно змеиные головы.

Распрекрасная девица,
Не хочется ль Вам пройтись
Там, где мельница вертится.
– Что вы? Что вы? Не пойду!
– Почему? – Потому как вы гуляете,
Деликатностей не знаете...

7 января.

У Саввы Ив<ановича> Мамонтова за Бутырк<кой> застав<ой>. Разговор о бунтах. «Крестный ход в Кремле».

9 января. СПб.

9 ча<сов> утра. Приезд. Войска идут к Невскому заводу. Разговоры с Косорот<овым>. Литейный. Убит<ые> и раненые на извозч<иках>, которых я заметил по ужасу в глазах. Три солнца. На Невск<ом> бегство. Васил<ьевский> остров.

«Чего ж бояться. Коли пушками будут стрелять, так всех убьют».

В Редакции.

«Отец Гапон ранен. Шли с крестным ходом и с портретом государя. Пели “Спаси, Господи, люди твоя”. В них дали залп у Троицк<ого> моста. Другой священник убит».

Стреляли пушками на Дворцовой площади (гувернантка). В 4 часа у Полицейского моста стреляли 6 раз через 2 минуты.

У Розанова. Доктор. «Я был у одной знакомой, где присмный покой. Эти раны новыми ружьями ужасны. Мы, старые доктора... Нет, это слишком ужасно. На моих глазах умирал мальчишка 16 лет. Ему разворотило живот. Я никогда не видал...» Он дрожал и чуть не плакал.

Били стекла в Аничковом дворце. Огромными поленьями и железными прутьями из решеток. Две тележки привезли (10 час<ов>).

В 9 час<ов> горели газетные киоски. Скакала пожарная команда.

В народе: «Раны свои показывают, как святые мученики, гордят. Как Св. Георгий, один ехал, я видел, рану на груди раскрывши...»

— Им японцев бить надо, а они здесь народ калечат. В иконы пулями стреляли.

Нафабрени<ый> господин: «Я не могу этому верить». Слухи: Москов<ский> и Измайл<овский> отказались.

Гапон заставлял клясться на кресте.

10 января.

Письмо Гапона к Вольно-экономич<ескому> общес<т-ву>.

«Ц<арь> пал <?>, потому что он изменил своему народу и своей присяге. Он свержен с престола и земного и небесного».

Ночью опять стреляли. Убили полковника. Извозчик рассказывал, что сани от крови отмывал.

Раздался рожок. «Царь, царь едет». Народ радовался, пересмеивался и верил. Тогда начали стрелять. Стреляли пачками.

Ночью — звуки голосов.

Точно весь воздух полон голосами, звучащими во чреве времени.

Начинали мальчишки, поднимали военных на свистки и на ура.

Ссаживали с извозчиков генералов и клали раненых.

Дворники говорили: «Он нарушил присягу народу. Он изменник. Он в Москве присягал».

Солдатам кричали: «С первой победой вас!» Рабочие покупали колючей проволоки, чтобы защитить собрание от атаки.

Св<едения<?>:> На Гороховой <в> 1½ стрельба, на Петербургской стороне баррикады и проволочные заграждения.

2. 30. На Невском собираются стрел<ать>. Стреляют более ожесточенно, чем вчера.

Вчера в Экон<омическом> общ<естве> Горь<кий>.

«Я только что видел отца Гапона. Он жив: убит св<ященник> Рождественский. Он мне дал письмо».

Гапона не пустили <нрзб.>. Его бы взяли, если бы... За Путилов<ской> заст<авой>, за Нарвскую заставой всё минировано, заложены фугасы. Войска не решаются идти.

«Мы шли за милостью, но вместо милости получили пули».

Петиция:

I. Гарантия отца Георгия.

II. Гарантия личности рабоч<их>.

III. Народ не в силах вести в<ойну>.

IV. Свобо<да> стачек, слова и печ<ати>.

V. Фабричн. пун.

Петербургс<кая> сторона. Баррикады и проволочн<ые> загражд<ения>. Они сегодня с утра штурм<овали>. Семеновск<ий> и нескот<орые> части лейб-казацких полков

отказали. Московск<ий> полк арестован. Он бунтовал еще <в> 81 год<у>.

Конная артиллерия забастов<ала>. Стрел<ают> из орудий у Нарвск<их> ворот.

8½ час<ов> утра.

Все раб<очис> были только цеховые раб<очис>. А вся масса 180 тысяч не были пушены в город.

Вчера в Экон<омическом> собр<ании> составлено воззвание к офицерам и солдат<ам>. Офицеры артиллерии ходят без дела. Михайлов<ское> артиллер<ийское> училище забастовало, там о<тец> Гапон говорил речь и подготовил военн<ую> молоде<жь>.

Все кадетские корпуса закрыты. Гимназии сегодня выпустили.

Вчера убито 465,	} Подсчет рабо<чих>.
ранено 973.	

Председатели говорили: выйдемте с женами и детьми, чтобы они видели, что мы идем с миром. Убито 9 грудн<ых> детей.

Вос<кресенье> вечер.

В Алекс<андринском> театре.

Студент крикнул. Остановились. Быховский сказал речь от Вольно-Экон<омического> Общества. Публика слушала не прерывая.

Спектакль прекратили.

Единодушное браво.

Редак<ция> 4 часа.

Вчера было собрание журналистов. Решили явиться в министер<ство> внутрен<них> дел и заявить, что они больше не будут руковод<ствоваться> цензур<ными> запрещениями и вступят в общение с предвод<ителями> стачек.

Мальчишки: «Догони, догони, японцы едут!»

Письмо св<ященника> Георгия Гапона к кн<язю> Св<ятополк>-Мирскому:

«Ваше Высокочрепосходительство! Рабочие и жители гор<ода> Петербурга разных сословий желают и должны видеть царя 9 янв<аря> 1905 в 2 ч<аса> дня на Дворцовой площади для того, чтобы выразить ему непосредственн<ые> нужды всего народа. Царю нечего будет бояться: я, как представитель Союза фабричных рабочих, и мои сотрудники – товарищи и рабочие, даже все так называемые революционн<ые> группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный Царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руку нашу Петицию. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга, благо нашей Родины.

Иначе может произойти конец той нравств<енной> связи, которая еще до сих пор существовала между царем и русским народом.

Ваш долг, великий нравственный долг перед Царем и всем русским народом немедленно, сегодня же донести до сведения Е<го> И<мператорского> В<еличества> как все вышесказанное, так и прилагаемую здесь Петицию.

Скажите царю, что рабочие и многие тысячи народа мирно и с верой в него, бесповоротно решили идти к Зимнему дворцу. Пусть же и он с доверием отнесется к ним на деле, а не в манифесте.

Копия с сего, как оправдательный документ нравственного характера, будет доведена до сведения всего русского народа».

Пошли по Невскому. У Зимнего дворца костры и войска. Закат на Неве.

Обед на Морской.

На Садовой атака казаков. Мы погоняем извозчика. Сзади команда: «Шашки наголо!» Бежит толпа. Звон разбитых стекол. Фонари гаснут. Улица пуста. Дальше к Невскому снова конные разъезды.

«А! Трупоеды!» Поют: «Вечная память». После залпа толпа убегает. Потом возвращается, подбирает убитых. Совершенно спокойно.

«Топчись, топчись... Всю войну топчись».

«Конные Порт-Артур обратно берут! Мы-то вас кормили...»

Артиллерия скачет карьером при свисте и хохоте толпы.

«Ах вы, православные!»

Пастырское послание к армии.

«Солдатам и офицерам, убиваю<щим> своих братьев, свой народ, шлю свое пастырское проклятие.

Солдатам, которые станут на сторону народа, шлю свое пастырское благословение.

Солдат, давших клятву изменнику царю, от клятвы разрешаю».

4 апреля. Париж.

«Желаю Вам представиться по рекомендации моего сына Валерия Брюсова»... и т. д.

Иду в отель «Порт-Магон».

«Да, вот уехал из России... Надолго... Не знаю... Страшно теперь оставаться. Бомбы бросают... Избиение младенцев происходит... И не поймешь: революция ли начинается или просто грабеж.

Вот уехал. Жену жду с дочерью».

Это первые эмигранты.

В «Closerie des Lilas». Поль Фор, Визан. Я стал рисовать молодого человека с длинным лицом. Знакомимся.

«Как Ваша фамилия – Волошин? Вы не родственник Макса Волошина? Я читал Вашу статью в “Européen”».

M-me Северин говорила Журдену: «Voilà c'est un homme»*.

5 мая. Четверг.

Пятница – завтрак с Ковалевск<им>, Немиров<ичем>, Амфитеатр<овым>, Маклаковым – предложение масонства.

* Вот это человек (фр.).

Суббота. Собрание о Римском-Корсакове. Пасха. Разговленис у Давид<сноко> и <нрзб.>.

Воскр<ссенье>. Вечер у Кругликовой. Вайолет.

Сегодня развязка с М<аргаритой> Вас<ильсвной>. Я пришел. У ней сидели товарищи ее брата.

«Вы знаете конц «Русалки»? Слушайте». И она прочла сон княгини в воспоминаниях Зуева ровным и грустным голосом, немного торжественно, оттеняя некоторые места.

Никто не знал этих отрывков, и они произвели глубокое впечатление.

«Что Вы теперь работаете?»

Она, немного изменившимся голосом:

«Пишу свой роман. Я всю жизнь сго пишу в уме, но не записываю. А Вы свой продолжаете?»

(Это она о моих письмах.) И потом продолжала спокойным голосом, не стесняясь присутствием других.

«А жаль. Я думала, будет продолжение. В общем, он очень растянут. Но лучше всего там были описания природы. Много фразерства. Герой карикатурен и смешон. Совсем не удался.

Там вот сцена, где герой раздавил девочку велосипедом рано утром на Pont Neuf и потом наслаждается красотой и тишиной природы.

Я Вам верну рукописи. Надо их опубликовать. Это ценное произведение. Язык прямо блестящий. Это не должно пропадать, это должно стать литературным достоянием, как и письмо из Парижа».

Это всё очень спокойно, но <с> чуть заметною внутр<сней> дрожью.

«Мы вот вчера ходили с Бенуа — там на Pont Neuf раздавали рекламы романа. Бенуа всё хотел получить и требовал себе. Так начинается: “Была лунная ночь”, а в конце главы: “доктор вскрыл труп утопленницы”. А потом мы видели листки этого романа в грязи около Samaritaine. Это для рекламы».

Никто не обращал внимания на тон, не замечая тайного смысла и интонации голоса.

Я отвечал в том же тоне:

«Да, там много бессознательного плагиата — слишком хорошо развитая художественная память».

— Многое необоснованно. Я не понимаю, зачем герой приходит снова?

— Вы забываете, что это роман чисто психологический, в котором много противоречий. Он написан под большим влиянием Кнута Гамсуна. А в этом случае противоречия между поступками и словами необходимы.

Потом разговор перешел на другое.

Я уходил. Она стояла в темноте на лестнице. Я сперва не узнал, что это она. Она быстро и шепотом сказала: «Макс Александрович! Простите меня, я, кажется, с ума схожу».

— Вам не в чем просить у меня прощения, Маргарита Васильевна. — Я вышел.

Через несколько минут я вернулся, чтобы говорить, но ее уже не было дома. Я пошел в мое ателье. Там был Тимковский. У меня голос дрожал, но я говорил с ним долго.

Он говорил о том, что был возмущен воскресеньем у Кр<угликовой>.

«Это онанизм...»

— Но что же из наших удовольствий не онанизм — там, где мысль продолжает и отодвигает развязку. Разве литература, журнализм не чистые формы онанизма? Вся платоническая любовь, всякий восторг, всякая мистика — это онанизм чувства или мысли. Самец, оплодотворивший своей смертью тысяч<и> поколений, купил себе возможность многократной любви — и это жизнь. Как Вы хотите отказаться от жизни?

— У меня этого в жизни не будет. Когда мне нужно удовлетворить себя — я беру женщину-проститутку. Я на это смотрю, как на такую же потребность, как высморкаться, как пойти в ватерклозет. У меня есть книжка, где я отмечаю каждый раз и также, какого числа я могу снова это сделать. И я ни разу не нарушал срока. Хотите, я Вам покажу?

— Нет, это слишком жутко. А что же потом Вы делаете с книжками? Они для печати?

— Нет, я их жгу. Но <с> книжкой я вполне откровенен. Нет того, что бы я ей не мог сказать.

— Ну, я хоть не *все* решаю заносить в свои книжки, зато не жгу их. Это честней. Разве можно сжигать то, что раз написано?

...И что же — Вы никогда женщину не целуете?

— Никогда.

— Так просто делаете то, что Вам надо, и кончено?

— Да...

— Вы будущий Робеспьер русской революции. Нет, хуже — Аракчесв.

Он смеется детской улыбкой и неприступными глазами. «Что ж — может быть».

Я собираюсь уходить. Идет дождь. Он меня удерживает.

— Итак, Вы совсем спокойны? Пол не тревожит Вас? И Вы думаете, что это спокойствие на всю жизнь? Рано или поздно пол отомстит Вам. У него много личин, и он придет с самой неожиданной стороны. Кто не живет задержанным полом, тот убивает душу.

Относительно книжечки с записями — неужели Вы сами дошли или Вам какой-нибудь доктор посоветовал?

— Нет, это я сам.

— Извините, но я должен сказать Вам вещь очень банальную, которую мне приходилось слышать много раз, но самому приходится говорить впервые, — Вы слишком молоды.

Он смеется — спокойный, но очевидно несогласный ни с одним словом. В этом «мальчике» есть что-то жуткое.

Я хотел прямо идти к Мар<гарите> Вас<ильевне>, но сообразил, что они еще обедают. Я зашел к «Магу». Во время еды я думал о том, как я скажу:

«Марг<арита> Василь<евна>, вы совершенно правы. Я думаю это потому, что Вы мне сказали именно то, чего я сам больше всего боялся. А я боялся то<го>, что я неискренен. Вдруг это только одна моя собственная выдумка? Поэтому я с таким ужасом замечал сходство моего чувства с разными героями романов и так боялся плагиата у Гамсуна. Поэтому дайте мне письма, и я Вам их верну написанным романом, исправив долготы, сократив некоторые главы и развив другие».

Но я это не сказал. Она еще сидела за столом. Ес брат увидал меня первый и радостно сказал: «Это Макс Александрович».

— Вы еще не кончили обедать? Простите. Мне надо сказать Вам несколько слов.

Мы поднялись в темную комнату, и она начала зажигать лампу. Я в то время начал говорить свои первые слова:

«Маргарита Васильевна! Я нахожу, что Вы совершенно правы, т<ак> к<ак> именно то, чего я боялся, Вы мне сказали».

Она зажгла лампу и смотрела на меня. «Я только хотел сказать Вам, что Вы совершенно правы. И вот, и больше ничего». Я смешался, сказал «до свиданья» и быстро ушел, боясь, чтобы меня не заметили внизу в столовой.

Вайолет. Это началось в воскресенье — прошлос. Я завернул газ, несмотря на многие протесты, и сел ощупью рядом с ней на ступеньку. Моя рука случайно опустилась на ее руку и я почувствовал крепкое рукопожатие.

Я пошел ее провожать.

— Можно зайти в ваше ателье?

— Да.

Было светло. Казались невозможными те же жесты и прикосновения, что были в темноте.* Посадил на диван и стал расстегивать платье. Она высвободилась из него и вышла с необыкновенной простотой. Но, когда я хотел ее обнять:

«Нет! Нет! Уходите».

Это были ее первые слова и первый решительный активный жест, который остановил меня. Она давала целовать себя, но оставалась вся холодной и недвижимой, не позволяя поцеловать себя в губы. Через час она решительно сказала: «Уходите».

Вечером я пришел в ресторан. Она обедала вместе с Кр<угликовой> и Степли. Я простился с ними и вышел раньше. Она вышла вслед за мной.

* Далее зачеркнуто: «Я целовал ее руки».

«Хотите пойти в театр?»

«Я занята. Впрочем, я могу отложить».

В театре молча. После вернулись к ней — до утра. Вторник — день звонков, Трапезникова и недоумений. Мы идем вместе обедать, потом возвращаемся, и опять вся ночь. Она долго смотрит на меня, на мое тело и вдруг говорит: «Tu est superbe!»*.

Это первая ее фраза и первое ее «ты».

Разговор еле слышным шепотом:

«Ты мне не хочешь позволить всего».

«Да. Потому что тебе это очень тяжело. Но с предосторожностями».

— Значит, ты...

«Я не девушка. Я позволила это одному человеку год назад. Но надо принять все меры. Завтра».

Наступает завтра. Вечер. Кто-то стучит. Она шепотом:

«Это Роше. Хочешь, я отворю ему?»

— Нет. Впрочем, это твоё дело.

Еще стук. Он уходит. Я целую ей руки. Она смотрит в сторону. «Вайолет! Что с тобой?» Молчание. «Вайолет».

Она вглядывается, потом говорит:

«Ну, если хочешь знать. Нет, я должна тебе сказать, потому что я не знаю, что со мной».

Ты знаешь, кто мне он?»

Молчание. Я вдруг понимаю, и это меня поражает.

«Это он?..»

«Да... И я не знаю, потому что я люблю его. — Ты понимаешь?»

«Да... Я... понимаю... Люби каждое мгновение и не старайся найти связь между двумя мгновениями».

Мы говорим долго и шепотом.

«Ты хочешь, чтобы я его бросила?»

«Это исключительно твоё дело, и я ничего не должен знать о твоём решении».

Она долго думает и потом с неожиданным жестом говорит: «Я тебя страшно, страшно уважаю».

* Ты великолепен (фр.).

Потом мы говорим много, горячо и долго об искусстве, о жизни. И я чувствую, что моя страсть к ней все падает и я должен сделать над собой усилие, чтобы поцеловать ее.

«Ты хочешь быть со мной?»

«Да, но я не хочу никаких предосторожностей и предусмотрительностей».

«Я боюсь ребенка».

«Я приму на себя всякую ответственность».

«Нет — я должна остаться совершенно свободна, потому что моя единственная цель — искусство».

9 мая.

У Ковалевского. Массонский экзамен. Я видел людей почтенных, старых, профессоров, которых расспрашивали об их жизни, верованиях, взглядах, и они мешались и краснели, как школьники. Расспрашивал толстый еврей с бакенбардами, австрийской физиономией и острыми умными глазами. Он ловко играл душой старых русских профессоров и был по профессии каучуковых дел мастером.

Тамамшев, весь круглый, конический, с животом, тяжело обвисшим между коротких слоновых ног, отвечал первым.

«Позвольте Вас спросить... Вы ведь ничего не будете иметь, если я немного разыграю следователя. Вы не обидитесь нескромными вопросами? Мы здесь между собой — между будущими братьями. К тому же это необходимо...»

— Я был директором банка в Тифлисе. У меня двое детей...

«Вы воспитывали их в религиозных верованиях?»

— Нет, я никогда с ними не говорил об этом... Я люблю историю Франции...

— Но что же именно Вы в ней любите? Расскажите-ка нам, мы немного позабыли.

— Крестовые походы.

Экзаменатор слегка морщится. Ему объясняют, что это не из клерикализма, а из патриотизма, т<ак> к<ак> крестоносцы основали Армянское Царство.

Затем очередь Лорис-Меликова, Гамбарова, Трачевского, Добрановича и Амфитеатрова. Амфитеатр<ов> конфузится, как мальчик, потому что ему трудно говорить по-французски. Я сижу в сторонке, т<ак> к<ак> меня должны принять в другую ложу.

14 мая.

Уехала Вайолет. Это было утром. Вечером накануне, когда мы были уже оба в комнате, кто-то постучал в дверь. Был свет. Еще раз робко постучали, и потом неслышные шаги ушли.

«Это, верно, был Матвеев. Потому что всякий другой, видя свет, продолжал бы стучать».

Простившись с Вайолет, я, вернувшись, нашел письмо М<аргариты> В<асильевны> на клочке бумаги, карандашом:

«...Остальные (письма) в Москве... Если это необходимо – погодите – верну. Это нужно. Когда я увидела свои все – это было неожиданно – видите, я не рассчитала своих сил. И Ваши гадкие, гадкие стихи...

В первую минуту я хотела бежать, бросить Вам в лицо эти гнусные стихи, закричать, что нужно иначе проститься, и обнять Вашу голову и целовать ее. К счастью для Вас, Вас не было дома.

“Мы друг друга не забудем” – это трогательно...»

Эти стихи я писал частью у Ковалевского на масонском экзамене, частью вчера утром. Я ими был так доволен, и теперь мне стало стыдно, стыдно.

Я сперва почти ничего не понял в письме и пошел по инерции с нужным визитом. Потом еще раз прочел его на улице. Дошел до дому куда мне было надо, повернул домой, не заходя. Я совершенно терялся. И все-таки я поехал на край города в «La Ruche» за билетом на Bal de 4 ars. Потом к себе в Passy. И я еще и еще перечитывал его. И только тут мне стала становиться понятна вся моя загадка последних месяцев. Это позорная история о молодом человеке, который представлял себе, что он влюблен и страдает от холодности, в то время как

на самом деле его любили и там было настоящее страдание. Мне кажется теперь понятным, почему у меня было это смутное чувство стыда и сознание необходимости что-то сделать всякий раз, когда я видел Мар<гариту> Вас<ильевну>.

Я думал, что это любовь. Но это было только ее отражение во мне, гипнотизм чужой любви. Поэтому мне было так трудно сказать слово и меня неизбежной силой что-то влекло сказать его.

Я начал говорить против своей воли, кем-то побуждаемый, и в то же время совершенно не сознавая, что это не я люблю, но меня любят. Она это понимала и чувствовала.

Я действовал, как слепой, безвольный и бессильный. Но где же мое «я»? Мое чувство? Ведь я любил же!

Теперь начинаю бояться, что я слишком верю всему, что мне говорят про меня. Мне сказали: ты никогда не любил — и я верю. И это становится так. Мне говорят: ты запутался в словах, ты лжешь — и я вижу только ложь в своих словах. Мне кажется теперь, что я потерял вкус правды.

28 мая.

Что-то всё тянется, что-то не может кончиться.

Я каждый раз прихожу к Мар<гарите> Вас<ильевне> с чувством обязанности. Мы вчера долго сидели. Всё не говорилось. «Вы совершенно мертвый... Зачем Вы приходите? Вы не слушаете, когда я говорю. Я не понимаю...»

Потом мы перешли в другую комнату.

«Я ни о чем не могу говорить, кроме того, что было. Кто из нас умер, а кто жив? Или мы по очереди умирали? Мне кажется, что со мной повторяется “Случай с г<осподи>ном Вальде<ма>ром”. Может быть, этой весной я была только за-гипнотизированный труп. Впрочем, я не знаю. У меня столько гипотез менялось. И каждая была так вероятна. Мне кажется, что мы оба во власти какой-то большой силы, которая закружила нас в медленном водовороте и то сталкивает нас, то разделяет снова. И я думаю... что сейчас это не конец, это только одно мгновение... потом это будет снова. И снова нас будет <то> сталкивать, то уносить друг от друга. Мне кажет-

ся, что я сейчас говорю не Вам, а кому-то другому. И сейчас я могу говорить».

– Скажите, как вы чувствовали прошлой весной? Самый острый момент для меня был тогда, перед отъездом в Париж.

– Перед Вашим отъездом в Париж я была тогда страшно одинока в Москве. Вы были единственным светлым лучом. Прошлой весной я была совершенно равнодушна. Мне было приятно и весело, что Вы здесь, но я была мертва. А теперь, когда я жива и почувствовала, что Вы ушли... Я всё время... Вы мне ужасно не нравились, и я чувствовала в то же время и боль, и привязанность, и грусть, что Вы ушли...

«Эти два года я совершенно не был самим собой. Я приехал тогда в первый раз в Москву после самого глубокого кризиса. Я тогда метался по Парижу... И вдруг решил схать на восток, надел ту маску и сразу успокоился. Теперь я возвратился впервые после двух лет к старой бездумной радости».

Молчание. Я мгновениями, как проблески, чувствовал, что нет человека на свете дороже ее. Потом опять равнодушные.

– Кажется, поздно... Нет, посидите еще... Можно...

Я бы хотела жить в очень привычной обстановке, чтобы не пугаться, когда просыпаюсь. Мне снятся страшные сны.

Мне бы хотелось, чтобы пришел гигант, взял бы меня на руки и унес. Я бы только глядела в его глаза и только в них видела бы отражение мира... Все доходило бы ко мне только через него. Я бы ему рассказывала сказки, а он бы для меня творил бы новые миры – так шутя – играя. Неужели этот гигант никогда не придет...

Я думал, что я всегда ведь тоже ждал великого учителя, но он никогда не приходил, и я видел, что я должен творить сам и что другие приходят и спрашивают меня.

Но я не сказал этого...

В прошлый вторник – 22-го – я посвящен в масоны. Завещание. Удар шпагой.

14 июня.

Я упал с велосипеда, ушиб себе руку, и это дало мне повод надолго и одному засесть дома.

Меня снова все стали исправлять и спасать. Разрушилась та атмосфера, которая мне давала веру в себя. Я сразу почувствовал себя потерянным и бессильным. Ангел Равнодушия снова коснулся крылом моего сердца. Я чувствую оздоровление уединения, и в то же время оно парализует меня.

Сегодня вечером что-то растопилось в сердце и горячая слезная грусть хлынула с лунного неба. Я шел в то время по улице. Прижался щекой к стволу платана и чувствовал ласку. Уже 10 дней я не видал М<аргариту> В<асильевну>. Я заходил к ней и не заставал. И мне хотелось не застать ее. Теперь мне хочется ее видеть. Любил ли я или нет? Когда же я лгал и где создалась ложь?

«Будьте смиренны перед мгновением».

Я каждый миг нарушал эту заповедь. Это было моей ложью. Тут я потерял вкус правды.

Я хотел ей показать этот дневник, но это было очень страшно. Я спросил ее, хочет ли она его видеть. Это единственная возможность найти правду.

«Если Вам это страшно, то не надо».

Это была бы опять никому не нужная правда.

Правда бывает хороша только тогда, когда она нужна. Но гораздо чаще бывает нужна искренняя ложь.

Я совсем не могу видеть и читать в сердце другого. Я занят собственным анализом. И в то же время я боюсь, трусливо боюсь причинить другому боль. Я знаю, что я всегда могу заставить себя захотеть противоположное из деликатности. Отсюда позорная нерешительность. Во мне самом нет магнитной стрелки, которая бы всегда и точно указывала мне мое желание. О, если бы научиться желать для себя. Этот эгоизм в тысячу раз лучше того безвольно-деликатного эгоизма, который парализует меня теперь. Мне надо научиться читать других. Перестать видеть себя и думать о своих жестах и уме, когда я подхожу к другому человеку. Это не мораль — это необходимость.

Равнодушие – это смерть, омертвление желания. Я знаю эти состояния у мамы. Значит, это наследственно.

Год тому назад я был переполнен новыми словами и новыми идеями. Они текли через край. Теперь мой мозг иссяк. Он сух и бесплоден. Я устал от Парижа. Мне надо прикоснуться к груди Земли и воскреснуть.

19 июня.

Я воскрес. Волна мистики, предчувствий и жизни.

А. Р. М.

«В Вашей руке необычное разделение линий ума и сердца. Я никогда не видала такого. Вы можете жить исключительно головой. Вы совсем не можете любить. Самое страшное несчастье для Вас будет, если Вас кто-нибудь полюбит и Вы почувствуете, что Вам нечем ответить» (это сказано было при М<аргарите> В<асильевне>).

Линия путешествий развита поразительно. Она может обозначать и другое. Вы могли бы быть гениальным медиком, если бы пошли по этой дороге. Линии успеха и таланта очень хороши. Линия успеха – особенно в конце жизни. Болезнь, очень тяжелая и опасная. Но жизнь очень длинная».

Анни Безант. Вся в белом. Лицо некрасивое. Не такое, как мы представляем себе лица пророков. Но страшно сильное, полное воли и огня.

«Мы спрашиваем себя, почему мы несчастны, но никогда не спрашиваем, почему мы счастливы.

Смерть – переход. Его можно совершить свободно, не проходя через врата смерти. Я – это знаю.

Кто подготовлен, тот найдет за гранью то, что его интересовало уже здесь. Для иных – потерянная и скорбь.

Чуда нет. Нет случая – все связано одно с другим, всё имеет смысл.

Франция раньше была носителем идеалов, но теперь она изменила себе».

Разговоры о мистических предвестиях Великой Революции.

А<нна> Р<удольфовна>: «Я Вам ужасно благодарна, что Вы мне при выходе с лекции подали руку. У Вас есть стран-

ная чуткость. Не в моих привычках просить и, насколько я знаю, не в Ваших это делать. Как Вы догадались?»

В Русской Школ: Трачевский:

«Храбрый босоножка прошел по всей Европе в своем синем капотике и с трехцветкой в руках. Когда он приходил в новый город, он сейчас же сажал маленькое деревцо и вешал на него фригийский колпак. Это называлось деревцом Свободы».

О чуде. Позитивизм не может не признать чуда. Теософия его отрицает. В этом коренная разница.

Из рассказов об речах Анни Безант:

«Она говорила: что Вы всё говорите мне, что я устала, что я стара. Этим Вы сделаете только то, что я действительно почувствую себя усталой. Зачем Вы употребляете слова такие значительные без нужды. Слова — это страшная сила.

Не удивляйтесь, если человек значительный и прекрасный совершает недостойные его поступки: дух часто опережает материю. Этим он убивает свои недостатки.

(Оскар Уайльд: лучшее средство борьбы с искушением — уступить ему.)

Факты ничего не говорят о человеке. Всё в его желании. Никогда не судите по фактам и поступкам».

«Она страшно интересуется и русскими, и всё время смотрела в нашу сторону, и потом спрашивала меня о Вас и о Чуйко. Я ей сказала, что Вы даже не члены. Она мне ответила: все равно они станут нашими».

Астрологические предсказания на этот год предвещают войну Европе. Русско-японская — не в счет.

С 1905 по 1908 г. — это самые страшные годы в европейской истории. Они ужаснее по созвездьям, чем эпоха наполеоновских войн. Решительную роль предстоит сыграть России — славянам. Им принадлежит обновление Европы. Россия должна потерпеть глубокие перемены — измениться радикально. Начнется войной между Францией и Германией.

У славянской расы есть особые силы. Она четвертая мировая раса, и из нее должна выйти шестая.

Предсказания Сведенборга о России.

Общ<ина> Св<ятого> Иоанна.
Сатанисты и Офиты около Пантсона.

В ложе: прием А. Свободомыслящих.

21 июня.

Но если у меня так разделены чувство и разум, значит, я слепорожденный. Значит, я совсем не понимаю других людей. Это прирожденное и неисправимое уродство. Почему же мне так понятна «Виктория» — больше, чем что-либо другое? Впрочем, может, тот, кто испытал это, и не оценит до такой степени, как я... Каким бы я мог быть великолепным французом. В конце концов, единственное, что соединяет меня с Россией, — это Достоевский. Может быть, потому, что я его дольше всего отражал в себе и в самый восприимчивый период моей жизни.

Я зеркало. Я отражаю в себе каждого, кто становится передо мной. И я не только отражаю его лицо — его мысли — я начинаю считать это лицо и эти мысли своими. Это очень ценят те, кото...

Тут позвонила М<аргарита> В<асильевна>.

«Вы часто бываете тем манекеном, который танцует вальс, повторяет “какое прекрасное платье” и убивает свою даму».

23 июня.

Вчера. Невыносимое томление с утра. Едучи на велосипеде, я шатался от тоски и руки дрожали. Приступ мнительности.

Потом Багатель. Я несколько раз делал попытку уйти. Но останавливался. Вдруг случилось, что я остался один с А<нной> Р<удольфовной>.

«Посмотрите мою руку и скажите мне. Не всё — мне не надо будущего. А то, что есть. Это так важно»...

И в то же время прилив успокоения.

«Вы добры. Но если Вас кто-нибудь полюбит — Вы будете жестоки... Нет, Вам нельзя жениться. Для Вас будет са-

мое ужасное, если Вас кто-нибудь полюбит и увидит, что Вы совершенно пусты. Потому что снаружи этого не видно. Вы очень артистическая натура и на вид кажетесь другим, как будто всё это Вам понятно. Вы совершенно не знаете ревности и зависти. Может случиться, что если Вы столкнетесь с женщиной страстной, которая полюбит Вас, то Вы рискуете... она может выстрелить в Вас. Вы должны опасаться огнестрельного оружия. Но это не наверно, т<ак> к<ак> на другой руке этого нет. Вы теперь переживали сомнение и смуту, Вы очень беспокожны».

Тут нас прервали. Через поляну. Танцы. Фотография. Обед в Сюрене. Как ровно год назад. Мое томление снова достигает апогея.

«Я чувствовала, что Вы в страшном волнении, и поняла, что Вам нужно сказать всё. Но это после».

Тут сразу наступит полное умиротворение и радость. Как будто я ждал этого.

С М<аргаритой>В<асильевной>.

«Я чувствую такую бесконечную важность в моей жизни появления А<нны> Р<удольфовны>. Как будто этим все разрешается».

«Вы помните сон с зеркалом? (Я видела себя другую, совсем нагой, совсем чужой, с большими сумасшедшими глазами. И эта странная женщина, которая была я, шла на зеркало и хотела заглянуть за него, но тот, кто был там, от нее защищался большим зеркалом. Так что я всюду наталкивалась на себя)».

— Какие стихи мне написать?

— Résignation* — смирение молодой души.

«Я теперь чувствую такое примирение с самим собой. Я все время чувствовал на душе непримиримый грех, который давил меня: и вот, он вдруг сегодня вечером искуплен. Я не знаю как, почему. Но кто-то снял его с моей души.

Нам надо всегда старшего и взрослого. В прошлом году — Ек<атерина> А<лексеевна>, теперь — А<нна> Р<удольфовна>».

* Смирение (фр.).

– Смотрите...

Закат. Черная линия моста и зеленый огонь каплей в желтом небе. Всё уходит по реке.

«Кто это – Е<катерина> А<лксеевна> или А<нна> Р<удольфовна>?»

24 июня (день 23).

Продолжение предсказания:

«Вам надо опасаться нападения со стороны женщины. Это может быть очень скоро, но Вы этого можете избежать. Это может случиться в этом году уже.

Тяжелая болезнь около 35 лет (1913 г.). В ней будет нервное потрясение или она будет следствием нервного потрясения – и у Вас наступит полное перерождение. Вы станете гораздо осторожнее относиться к людям.

Материальное благосостояние у Вас никогда не будет очень хорошо. Это Вас будет смущать и мучить всю жизнь. Вообще Вы никогда не будете вполне спокойны. Всегда что-нибудь, что будет Вам мешать. Вы сыграете очень видную роль в общественном движении... решительную роль... Нет, не в политическом, а скорее в духовном. Это будет после тридцати лет.

Если вот Вас не укукошит та дама.

Воля... Она у Вас есть, но она совершенно не разработана. Но она может быть разработана. Вообще у Вас всё в страшном беспорядке. Вы на себя очень мало обращаете внимания и мало о себе заботитесь.

У Вас было одно увлечение, которое осталось незаконченным. Оно будет самым сильным и романтическим в Вашей жизни. Но Вам еще предстоит два увлечения. Вы очень увлекаетесь людьми при первом знакомстве. Бросаете все свои дела, путаете свою жизнь. И потом сразу оставляете их. Т. е. Вам даже трудно видеть их. Трудно зайти к ним, оказать малейший знак внимания. Это очень оскорбительно. Они для Вас как выжатый лимон. Тем более что сначала Ваше увлечение бывает страшно обманчиво. У Вас очень чуткая и талантливая натура, и потому Вы очень искусно можете имитировать чувство.

Но я никогда ни у кого не видала такого разделения линий ума и сердца.

Да... У Вас есть такая двойственность. Вы можете вести двойную жизнь, исчезать. Про Вас Ваши друзья не всегда знают, что Вы делаете. В Вас есть такая безусловность».

После слов об Ел<изавете> Сер<геевне>:

«Ну неужели Вы этого не замечаете? Поразительный человек! Олимпиец!» Это в два голоса.

Вечером у Чуйко.

24 июня.

Только что проводил А<нну> Р<удольфовну> в Лондон и М<аргариту> В<асильевну> в Цюрих.

Сердце мое исполнено невыразимым светом и нежностью. Радостные слезы наворачиваются на глазах. Как в тот день, когда я уезжал из Москвы. Я чувствую, что совершилось какое-то искупление, что отсюда, из этой точки идет новая линия жизни.

Утром завтрак у Ледюк. Матвеев.

«Мы вчера кутили. Я привел двух полек. Е<лизавета> С<ергеевна> была мужчина...» и т. д. Я чувствую притягательную полосу яда; чтобы не видеть — зажмуриваюсь в душе.

Потом иду в № 123.

Сперва мы наверху с М<аргаритой> В<асильевной> укладывали вещи. Приходит А<нна> Р<удольфовна> и берет обе мои руки с материнской лаской.

«Этой ночью я думала об Вас, и голос — Вы знаете, как говорит голос, — мне велел Вам сказать всё».

Приходит Вебер и перебивает. М<аргарита> В<асильевна> ушла к Кр<угликовой>.

Мы едем в Cr dit Lyonnais. Извозчик нас не везет. Мы должны ехать отдельно. Я на велосипеде, иногда подъезжая и разговаривая.

В Cr dit Lyonnais: на зеленом диване.

«Мне Вам нужно всё сказать. Но нас перебивают. Это судьба. Зачем Веберу надо было ехать с нами? Зачем извозчик не хотел везти?»

Я себя чувствую эти дни в страшном подъеме и чувствую, что мои слова могут иметь теперь силу... и не только предупреждения, но могут создавать. Вы очень чутки. Вы так исполняете сейчас же то, что подумаете. Вы, верно, занимались этим. Без этого невозможно... В Ваших руках есть громадная сила, но Вы можете ее погубить совсем. Стереться. Разбросать по мелочам. Бросить совсем поэзию. Вы слишком много даёте в разговорах, больше, чем приобретаете.

У Вас нет чувственности по отношению к женщинам. Вам совершенно все равно, с кем Вы говорите. Вы забываете о женщине. Это страшно оскорбительно. Тем более что в первый момент, когда Вы подходите, у Вас есть чувственность — и это остается в памяти. Вы, может быть, мои слова через полчаса и забудете, но я знаю наверно, что, когда будет нужно, Вы их вспомните, и потому говорю Вам».

Мы едем назад к Чуйко и оттуда с вещами на вокзал. Чтобы решить, кому с кем ехать, мы дергаем на узелки. Мне с М<аргаритой> В<асильевной>. Я вижу детское лицо и грустные глаза и смотрю в них мучительно долго, и у меня навертываются слезы.

Мне хочется сказать: «Вы видите, какой я... Простите же меня. Не любите меня». Я говорю:

«Я рад, что А<нна> Р<удольфовна> всё это сказала при Вас. Знала ли она, когда говорила, про кого она говорит.

Когда я подхожу к Вам, я испытываю невыразимый трепет, как приближаясь к тайному и тонкому пламени.

Я хочу у Вас спросить... Мне вот А<нна> Р<удольфовна> сказала, что мое увлечение женщиной всегда лишено чувственности. И это правда. Когда я произношу, т. е. произнес, те слова, которые мне запрещено произносить, то я сразу почувствовал, что все сорвалось и перемещалось и исчезло. Когда Вы мне писали, что Вам чуждо и непонятно это чувство... Вы испытывали то же самое? Вы больны тем же, чем и я?»

— Не-ет... не ко всем... по отношению к Вам... Это было чувство острой дружбы, раздраженное и увеличенное тем, что Вы ушли...

«Я спросил это и боюсь, что я опять оказываюсь гофмановским манекеном. Мне кажется, что мои вопросы так же бесстыдны, как вопросы слепого зрячсму в то время, как тот потрясен каким-нибудь видением».

Проводив А<нну> Р<удольфовну>, мы едем вторым. М<аргарита> В<асильевна>, Чуйко и я. Я смотрю на ее руку – бледную, маленькую, с красными пятнышками, и мне мучительно хочется ее поцеловать. Она что-то говорит о своей руке – я беру ее, и она остается в моей. Она кладет букет роз на них, чтобы их скрыть, и мы крепко жмем <их> друг другу до вокзала. Молчаливое прощание.

Она вся трепещет странным и радостным и грустным чувством. Танцует с Ч<уйко>.

На вокзале уезжают швейцарцы. Поют иодели. В Париже это звучит дико и нелепо. Страшно раздражает.

Она смотрит с бесконечной нежностью, любовью и грустью.

«Будьте нежны к людям. Будьте внимательны. Будьте чистым зеркалом».

В чистом безветрии звездных пространств
Много у Господа светлых убранств.
Лучше всех, чище всех в Божьей тиши
Грезы неведенья детской души...

И я весь полон того же старого драгоценного чувства, которое преисполняло меня и выступало слезами тогда в вагоне и после, в St. Cloud.

Мы долго и несколько раз жмем руку молча – сперва в дверях, потом в окне, когда поезд уже тронулся.

Я долго еще вижу точку ее головы в окне.

Из слов А<нны> Р<удольфовны>:

«Я Вас раньше совсем не знала. Я думала, что Вы страшно увлекающийся, привязчивый и постоянный. Но теперь... теперь, когда я прочла Вас, Вы мне стали гораздо ближе.

Сверхчувственное познание... У Вас есть возможность его развития... Да».

«В Брюсове есть большая сила. Мы с ним не видимся. Но он относится ко мне с большой нежностью. Сила его злая, но это жизнь ее сделала такой. Мы были раз с ним вместе на спиритическом сеансе у Ланга.

Когда Брюсов посмотрел на написанные фразы, то скомкал бумагу и сказал: «Это продолжение того, что они начали вчера говорить». (Они с Лангом занимались каждый день.) Потом появилась рука и начала медленно спускаться. Он с таким гордым торжеством показал: «Вот, Вы видите».

Когда его жена начала пугаться и говорить, что она устала, то <он> таким неожиданным, злым, ироническим голосом сказал, показывая на меня: «Вот пусть она прикажет стульям подвинуться». И я совсем чужим голосом (мне казалось, точно я передразниваю его) приказала стулу – и стул пошел сам к Иоанне Мат<всевне>. Тут с ней истерика, и я велела зажечь свечу».

Этот рассказ я слышал раньше от m-те Брюсовой.

Ужас беспричинный – на площади, где происходили торговые казни.

«Вы, верно, не умеете быть одни? Да, отучились? Вы можете, и Вам нужно быть одному».

Выкопанная на кладбище девушка дивной красоты. Проклята церковью. Лет 300 назад, в дивном платье.

«Мне всё вспоминались те стихи. Я не помню теперь слов, но ночью я их видела ясно:

И лебедь прежних дней в порыве гордой муки,
Он знает, что ему не взвиться, не запеть, –
Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
Когда придет зима в сиянии белой скуки.

Это к Вам не относится. Вы должны себе создать в песне страну».

«Вы относитесь к мужчинам и женщинам совсем одинаково. Я видела, как Вы относились к Бальмонту. С такой же нежностью. Может, даже больше.

Вам надо очень опасаться женщин. Я Вам говорю это очень серьезно. Елизавета Сергеевна — кажется, ее так зовут? — относится к Вам со страшной ревностью. Вы вот ничего не замечаете. А когда она тогда пришла и увидела Вас, она совсем обомлела и переменилась в лице. То же, когда Вы заговорили о путешествии в Голландию.

Я... я напротив; Вы мне стали гораздо ближе, когда я узнала это. Я к Вам начала относиться совершенно по-матерински».

26 июня.

Одиночество, книги и мысли. Моё сердце приспособлено радостного и покорного света.

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

Я теперь знаю, что это не любовь, а что-то более чистое, более драгоценное, и никогда больше не переступлю запретной черты, не «спутаю круги».

Эту радость, эту грусть я теперь боюсь «расплескать», как я делал это много раз зимой. Больше всего я теперь боюсь тумана забвения, который снова может охватить меня. Я запираюсь дома, читаю теософские и масонские книги, пишу стихи. «Начинаю новую жизнь». Я чувствую полное обновление и радостное возрождение.

На закате я вечерней птицей ношусь по темным аллеям и замираю от чувства полета. Ветер шевелится в крыльях, и хочется взвизгнуть, как летучей мышью.

И все-таки я не могу забыть себя для другого — физически да, но не мысленно. Я всё время живу отблесками последнего дня, но только что мне пришло в голову, что я ни разу

не последовал мыслью за М<аргаритой> В<асильевной>, ни разу не подумал о том, как она присхала в Цюрих и что она делает.

Вчера я ездил далеко вдоль Сены до самого Аньера. Собачье кладбище. Старые кокотки с птичьими лицами. Надписи. (Анатол<ь> Фр<анс> – кладбище Миррины.)

Об опасности, угрожающей мне со стороны женщины, которая в меня будет стрелять, я думаю совершенно спокойно, хотя нисколько не сомневаюсь в правдивости указания. А<нна> Р<удольфовна> очень думала об Ел<изавете> Сер<геевне>. Когда я к этому отнесся совершенно спокойно, она заволновалась. Я лично, перебирая своих знакомых и свои отношения, глубоко недоумеваю.

Об ревности ко мне Ел<изаветы> С<ергеевны> меня предупреждали многие, начиная с Ек<атерины> Ал<сксеевны> и мамы, и я не могу сказать, что не верю, но когда я ее вижу, мне наши отношения кажутся такими естественными. Последние дни она выказывала обо мне необыкновенную заботливость. Вызывала меня письмом для того, чтобы предупредить меня относительно Аничкова и его видов на «Русь». Мои друзья оберегают меня от того, чтобы у меня не украли моих мыслей.

Увы! Я не боюсь этого, так как у меня их не было. Ни одной в голове за последние полгода. Источник внезапно иссяк. Так же, как много их было в прошлом году, настолько же мало теперь. Но чувствую, что невидимые ростки уже пробиваются и лето будет плодоносно.

Сегодня завтрак с Елиз<аветой> Сер<геевной>. «Мне кажется, что Шер<вашидзе> в конце статьи о Сезанне подражает твоему слогу».

– Может быть, поэтому мне эта статья и нравится.

Она – порывисто и как-то некстати:

«Верно, и мне поэтому нравится».

– Ты не сердись, что я не был на Общ^{ем} собр^{ани}? Это не по каким-либо внешним причинам, а потому, что я совершенно не в состоянии был видеть людей.

«Что, у тебя *Возрождение*?»

Я, не подумавши, ответил:

– Да... Духовное... Мне необходимо принять ванну одиночества.

«Нет! Я не про это».

Я теперь вспоминаю, как мы как-то сидели и должны были сейчас куда-то идти...

– Но что бы могло случиться, что бы нас неожиданно задержало?

Тогда Ел^{изавета} С^{ергеевна} сказала голосом немного странным, т. е. теперь я замечаю странность интонации, вспоминая его: «Что, если бы мы вдруг влюбились друг в друга?..»

– Нет, это невозможно...

Тогда она обычным голосом сказала:

«Да, при наших отношениях это немыслимая вещь. Мы друг друга слишком хорошо знаем. Для того, чтобы влюбиться, надо совершенно не знать друг друга».

Сегодня я зашел к ней еще до завтрака. Она стала жаловаться на отсутствие времени.

«Кто хочет меня есть, тот и ест. Вот тебе хорошо: у тебя чувство самосохранения развито».

Потом начались рассказы о том, что происходило эти дни – та ночь, про которую и Матвеев мне рассказывал.

«Сперва были в кафе. Досекин был совсем пьян, очень добр и мил. Матвеев привел двух полек – пани Чеславу – ту, что с черными глазами, и другую, что была в Обществе, про которую думают, что это она...

Но это та – я знаю наверно, на нее стоит только взглянуть.

Мы нарядили ее в костюм маркизы, чтобы посмотреть, как она сложена, но она очень конфузилась и быстро переоделась. Я тоже была в мужском костюме и ухаживала за ней» – и т. д., вся обычная история.

«Насекомое» меня кусало и подмывало пуститься в расспросы. Но я боялся «расплескать».

Я бы хотел ехать в Далмацию один. Когда я сегодня сказал об этом Елизавете Сергеевне (а с моей стороны это было уже нарушением общения), то она встретила это совершенно спокойно.

«Я сама об этом думала. Только я тоже хотела быть одной, и, когда ты мне предложил это, я подумала, что это, в сущности, самый верный способ остаться одной. Я, впрочем, не знаю, какой тебе интерес ехать вместе со мной».

Я думал тоже о Вайолет. Но с ее спокойствием, замкнутостью, с ее проповедью мгновения и самостоятельности это невозможно. Странное чувство: я совершенно спокойно заглядываю в лицо знакомым женщинам и спрашиваю себя: какая же из вас захочет убить меня? И мне немножко стыдно серьезности этих слов и вопросов, так же как в детстве было чувство стыда к смерти.

Какие-то покровы и иллюзии сняты с жизни. Точно кончилась прогулка и начинается путь – трудный, горячий, утомительный и заманчивый.

С Анной Рудольфовной и Маргаритой Васильевной мы вспоминали вторник «об Оскаре Уайльде» в Московском Художественном клубе.

– Это был цветок всего, апофеоз. Вечер гувернанток из Достоевского помните?

А. Р.: «Я Вас тогда в первый раз видела. Вы очень хорошо говорили».

М. В.: «Нет, Вы помните этого... Который говорил, зачем Оскар Уайльд взял в герои такого убийцу. Может быть, та девушка, которую он любил, была очень добродетельна, жила честным трудом и шила на машинке. И потом читал то бесконечное стихотворение об жирондистах».

...И книга та была лишь первая ступень. Здесь в первый раз в любви он объяснился...

А Койранский: «Я люблю черные лилии».

Он возражал Южину. Южин поднялся неожиданно и, держа одной рукой стул, на котором сидел Бальмонт, так что со стороны публики это имело такой вид, что он держит его как щенка за шиворот, говорил:

«Не снимайте лавровых венков с ледяных вершин и не кладите их туда, куда не следует».

Койранский возражал ему, и Баженов, председатель, имел жестокость поставить его перед столом так, что он был спиной к Южину. Он всё оборачивался назад, но Баженов говорил ему: «Обращайтесь, пожалуйста, к публике».

У него и рот, и нос постепенно съезжали на сторону, к уху, и вдруг он неловким движением опрокинул графин с водой.

Гомерический хохот его заставил замолчать.

— А как тогда великолепно говорил Андрей Белый. Я так помню его лицо и выражение, когда он начал:

«Апостол Павел говорит...»

Легкий смешок — и вдруг все сразу примолкли от его взгляда.

Тетя Катя тогда была больна и все-таки пришла, такая страшная — с раскрашенным лицом и горящими глазами. И потом сейчас же уехала.

А та старушка, которая сидела рядом с Грифом и зло-радствовала и которой он, в конце концов, сказал:

«Сударыня, только Ваша близость к могиле спасает Вас от оскорбления с моей стороны».

— Я был раздражен и взволнован страшно и только в последний момент попросил слова, так что говорил последним. Я долго обдумывал свои фразы и помню их четко. Я сказал:

«В то время, когда Оскару Уайльду не давал покоя образ Саломеи, он создавал десятки комбинаций и вариантов этой легенды. Один из этих драгоценных обломков, подобранный Гомецом ди Карильо, дошел до нас. Это рассказ о маленькой азиатской принцессе, которая любила молодого александрийского философа. Чтобы заслужить его любовь, она предлагала ему всё: свое царство, свои сокровища, даже голову великого иудейского пророка. Но молодой философ сказал с

улыбкой: “Зачем мне голова иудейского пророка? Если бы ты мне предложила свою собственную маленькую голову...”

И в тот же вечер в его кабинет вошел черный раб и принес на золотом блюде ее маленькую окровавленную голову. Но философ поглядел рассеянно и сказал: “Уберите это кровавое...”

Только что в эту залу Вам — толпе, которую Оскар Уайльд так любил, Бальмонт принес на золотом блюде его прекрасную, измученную, отсеченную голову.

Но Вы, как и подобает молодому философу, посмотрели рассеянно и сказали: “Уберите это”.

В этот же вечер Баль<монт> прочел свое стихотворение против Михайловского. Закончилось его припадком. Южин в буфете. С.А. Поляков и С.В. Сабашников и я его взяли домой.

27 июня.

Открыв глаза и лежа еще в постели, я вспоминаю фразы уничтоженных писем.

— ...Театральный комедиант картонным мечом действительно ранил царевну Таиах. И она уходит бледная и роняет декорации. «История этой сумасшедшей девушки окончена», как говорит мой друг Чуйко...

...Вчера в St. Cloud была маленькая собачка. Мне хотелось подозвать ее и сказать ей: «Смотри, песик, здесь недавно играли и кусались тоже две собачки. Одна толстая и мохнатая. Ей расцарапали носик, и она быстро зализала свои ранки. А у маленькой до сих пор кровь из лапки течет».

Я думаю об большом отделе стихотворений, который будет называться «Старые письма». Это будут исключительно лирические и личные стихотворения. Туда войдет весь этот дневник, прошедший сквозь горн слова.

М<аргарита> В<асильевна>: «Вы положили мертвого удава, и он приманил живого. Так всегда бывает».

Разговор о м<исте>ре Хайд и д<окто>ре Джиклс.

28 июня.

Просыпаюсь. Меня охватывает волна чувственных образов. Ищу на дне воспоминания умиления и чувства к М<аргарите> В<асильевне> – полная пустота. Сила забвения уже вступает в свои права. Теперь это будут только зарницы, до следующего пароксизма, мгновенного и молниеносного.

Я совершенно не могу себя заставить сосредоточиться на людях, с которыми говорю. Вчера так было, когда я был у Семицветника в госпитале. То же, встретившись вечером в кафе с Витгоф<ом> и Трап<сзниковым>. Я не мог удержаться, чтобы не болтать. Мне необходим обет молчания. Молчание искусственно, в путешествии, может быть началом привычек<и>.

29 июня.

Вчера письмо от М<аргариты> В<асильевны>.

«Мы мало понимаем. Мы совсем не понимаем, но разве мы забудем? Разве мы можем забыть?»

...«Вы видите, какой я... простите меня... не любите меня»... Я вижу, я благословляю, я люблю в тысячу раз больше. Если б я могла Вам что-нибудь дать, если бы своими слабыми руками я могла согреть эту мертвую птичку, прижать ее к сердцу. Но мне этого не дано и нужно ждать Зари. Нужно сохранять ее бережно, не помяв ей крылышки, до Зари... Молча ждать Зари... Да? Что отражается сейчас в моем чистом, в моем ясном зеркале? Я не могу никогда этого знать; смыли ли другие волны след на нежном песке... Прошло три дня... и как прозвучат мои слова... Кто их подымет и сохранит...»

И мне захотелось лечь ничком на землю, и я лег и целовал это письмо и розу – одну из тех, которыми Маргарита Васильевна покрыла наши руки. И в душе грустно, укоризненно звучало:

О, сколько раз в отчаянии, часами,
 Усталая от снов и чая грез былых,
 Опавших, как листья, в провалы вод твоих,
 Сквозила из Тебя я тенью одинокой...

Я запираю ставни в комнате, чтобы не потерять последнего образа, не расплескать своего чувства.

Как часто зимой я хотел освободиться, и Тр<апезников> молча понимал и говорил: «Расплещи». И мы расплескивали по темным улицам, по кафе, по трущобам...

Я расплескивал, а теперь... Хуже: «коллекционирую» каждую каплю.

Целый день я писал стихи — написал и послал. Всё, что я написал за последние два года, — всё было только обращением к М<аргарите> В<асильевне>, и часто только ее словами.

3 июля.

«А в Париже, что бы ни делала, я слышала позвякивание цепочек. Это у извозчиков, которые стояли у меня под окном, а мне всё казалось, что это цепочки звенят о водосточную трубу на дворе».

Я сейчас вспоминаю, как М<аргарита> В<асильевна> говорила: «Не знаю почему я теперь начала слышать позвякивание цепочек у извозчиков. Целый день. Раньше я не слышала».

4 июля.

Закончил «Bouddhisme ésotérique» Синнета. Мне это не было откровением. Я всё это думал раньше, что весьма возвышает мою мысль в моих глазах. Только, конечно, сложные чертежи движений и мировых кругов были для меня неизвестными. Одно только смущает меня — всё это происходит во времени, а я сам дошел до той двери, на которой написано «что времени больше не будет».

9 июля.

«Пускай м<исте>р Хайд появится».
 Он появился... Ожидание...

Томление беспредельное. Днем огненная греза об В<айоле>т, потом вечером около Сены грусть светлая и бесконечная.

Вчера я написал, мысленно обращаясь к W. H<art>:

...Расплскали мы древние чаши,
Налитые священным вином...

И они обе живут во мне, и я могу примирить, допустить M<аргариту> при W<iolet>, но при M<аргарите> В<асильевне> не допускаю Wiolet.

10 июля.

Письмо M<аргариты> В<асильевны>.

Свойство зеркала имело:
Говорить оно умело...

Два письма, и еще нет ответа на то признание об W<iole>t. А эти дни образ и память Вайолет перебивают и смешиваются с М. В. в моем одиночестве.

Опять эта странно и настойчиво повторяющаяся история опаздывающих писем. «Мысль, доверенная бумаге, важная и решающая, идет медленно. А в то <же> время слова временные и неважные скользят и меняются. И один знает, что те слова уже произнесены и непременно прозвучат в воздухе, и человеческая воля их остановить уже не может».

12 июля.

Вчера в Мас<онской> Ложе я читал свой доклад об России – священное жертвоприношение. Венерабль – Бодэм. Характерное масонское лицо. Бледное, громадный лоб, а<р>трические шишки и морщины, белая борода, черные брови и огненная шея.

Письмо M<аргариты> В<асильевны>. «Я видела м<исте>ра Хайда. Мне никогда никого не было так жаль... За что Вы так ужасно наказаны...

...А я не жалею, что видела м<истер>а Хайда. Дж-кил — он был слишком нечеловечен, мне было трудно сго понять...»

Присхал Ал<сксей> С<a>б<ашников>. «Вы ко мне?»

Он долго мнетя. Потом говорит: «С меня Маргоря в последнюю минуту персд отъездом взяла клятву, что я не остановлюсь у Вас. Вот эти два пальца я поднял и поклялся».

Что это может значить?

После приходит Чуйко: «Вот, не разберете ли Вы эту фразу из письма?»

«Я поняла, что на Boissonade больше всего мне была не-навиственна Степли. Напишите мне об ней что-нибудь несприятное, чтобы доставить мне удовольствиес».

Случайно эта фраза приходит ко мне. «Значит, она, — мелькаст у меня, — думаст на м<истри>с Степли...» И эта мысль не выходит из головы. Это уже написано после моего письма. Может, так лучше. Пишучи, я боялся только одного, чтобы подозрение вдруг не пало на Е<лизавету> С<ергсевну>. Это было бы страшно запутанно и трудно. Назвать Вайолет я не могу. Это не нужно.

Я тронут, у меня выступают слезы, когда я читаю письмо М. В. Там ни одного личного чувства, ни одного слова о себе. И потом сейчас же мысль со стороны: «Такого понимания не было раньше у людей. Это завоевание любви». И мне вспоминается признание Вайолет.

Порыв идеальной, абсолютно чистой любви неизбежно дополняется страстью плоти с другой стороны. Это заражает своим обаянием и неизбежно находит себе выход.

Только горе тому, кто расплещет
Эту чашу, не выпив до дна...

Вечером с Чуйко на Монмартре. Глаза и лица опять вошли рдяной и волнующей струей в мою душу...

14 июля.

Национальный Праздник.

18 июля.

Приехала А<нна> Р<удольфовна>. Я встречал ее на Gare St. Lazare. У меня в мастерской.

«Нет. Я не могу. Я чувствую здесь тяжелый и враждебный дух. Кому принадлежат эти вещи? Кто был здесь в последний раз? Пойдемте в Люксембург<гский>сад...

Вы закрыты... Вы хотите уйти.

Я не вижу лиц людей, но вижу с ними рядом сияние. Астральное. Раньше, когда я видела Вас в Москве, я видела около Вас красный свет. Это меня оттолкнуло от Вас. Но в Париже... Когда мы были тогда в том кафе, я обернулась и увидела яркое фиолетовое сияние.

Самое удивительное сияние я видела, только в очень, очень редкие минуты, у Бальмонта — золотистое — неопишущей красоты».

О тамплиерах. «Вы знаете, я нашла как раз в день отъезда из Саутгемптона книгу... и потом я говорила об этом. Они теперь еще существуют. Да. И их реликвии хранятся в Париже. Во многих церквях есть их знаки. В Notre Dame есть. Notre Dame раньше была их церковью. Немудрено, потому что на ее месте был раньше храм Изиды. И в тех местах, где были оставленные ими знаки, там во время Революции проносился вихрь безумия. Там всё начиналось. Вот где мэра женщины своими ножницами терзали и резали его тело».

Об обонянии. Моя теория связи обоняния с воспоминанием. Зрение человека — продолжение осязания. У животных это место занимает обоняние. В нем связь самых старых свитков мозга. Масса ассоциаций...

«Тамплиеры при посвящениях прибегали к ароматам. Это была целая система...

Вначале они старались у ученика возбудить в душе сомнения. Сомнения во всем — очистить душу».

Потом мы приходим к ней.

«Я хотела Вас предупредить. Не удивляйтесь. Не удивляйтесь ничему, что бы я ни делала эти две недели. Потом Вы

сможете спросить у меня объяснения каждого моего поступка. Но мне надо испытать Вас.

Видите: я не знаю... Но этого я не могу сделать одна. Это очень важно, и мне кажется, что Вы подходите. Но это надо проверить. Если нет... Что ж, нет и нет...»

Через некоторый промежуток разговора:

«В конце этой недели Вы меня сможете вечером проводить в предместье? Около Autcil. В тех местах, где был дом M. de S<a>de. Около 11 час<ов>. Это будет в III четверть луны. Луны-Гекаты».

Возвращаюсь домой в ожидании письма M<аргариты> В<асильевны>. Письмо – жгучий стыд. Я ложусь ничком на пол и долго так лежу, даю себе клятвы и молюсь «Неведомому Богу». Или Хайд, или Джикль. Надо победить себя.

Решение совершенствования крепнет и становится необходимостью. Я еду с раскрытой душой обратно к A<нне> P<удольфоне>.

Сидим в передней комнате. Она держит меня за руку, и я чувствую ясно ток, который у меня проходит по руке и доходит до локтя. А в месте прикосновения пальцев мгновениями – острую боль... Мы полусловами говорим об M<аргарите> В<асильевне>, не называя ее...

«Я опять чувствую в себе громадную силу и возможность сделать что-то, что теперь в моей власти...»

Она на Вас тогда была очень раздражена. Даже Чуйко говорил: что Вы его, точно собака, грызете...»

«Вы знаете, о ком Вы тогда говорили?»

– Да. Но мне этого никто не говорил.

«Что мне делать, чтобы бороться с собой?»

– Постоянно и внимательно следить за собой и за другими. Это может быть очень скучно. Но вы не обращаете внимания не только на других, но и на самого себя. Своего дара Вы совершенно не цените и относитесь к нему небрежно. У Вас нет счастья оттого, что Вы пишете, можете писать такие стихи. Бальмонт счастлив от этого. У вас же счастья не написано. И потом все думают об Вас иначе, чем Вы есть.

...Я говорила с М<аргаритой> В<асильевной>. Но тогда то раскрытие характера, которого она не понимала, оно должно было стать слишком сказочным. Это может позабыться.

19 июля. Утро.

Смутные, перебегающие мысли. Я не могу сосредоточиться на письме М. В. Мне под руку попадают гадкие книги.

Бороться со своим счастьем (благочувствием). Это счастье низшего порядка, которое неизбежно основано на несчастьи других.

(М<аргарита> В<асильевна>) «Я благодарю за каждый миг боли, я благодарю того, кто нечаянным ударом по камню выявит живой источник».

Слова Сольвейг: «Ты не сделал ничего плохого, ты только обратил мою жизнь в песню».

«Я всегда любила особенной любовью людей, в которых живет м<исте>р Хайд».

А<нна> Р<удольфовна> вчера: «С такой рукой Вы могли бы быть монахом. Ваша чувственность – это головное исключительно».

Мы были в «Мастаба». Два глаза, поразившие при входе. Три фигуры идущие. Женщина, нюхающая цветок. Гробница. Фигуры, несущие плоды и хлеб.

Мы опять говорим о М<аргарите> В<асильевне>.

«Она... Ее ужасно оскорбляло... т. е. она не могла понять, как Вы, после того, как говорили ей что-нибудь, какие-нибудь слова, которые были только для нее, потом могли повторять их другим. Это оскорбительно...»

Тут стучат и прерывают.

Я вернулся домой и был в каком-то странном экстазе. Я перечитывал последнее письмо М<аргариты> В<асильевны>. Становился на колени, прижимался лбом к полу. Я писал ей письмо и клялся, что я перерождусь, что я стану иным. Ее слова: «Ведь я для Вас была только ухом. Вы никогда не ин-

тересовались, как я переношу жизнь, как проходит день и ночь», — меня жгли и болели во мне. Я клялся, подняв руку кверху, не причинить ей ни капли страдания. Потом я ясно услышал вопрос А<нна> Р<удольфовна>, почувствовал его и радостно ответил: «Да... да!» Ответил громко, вслух. Вопрос был без слов. Но он был: «Можете ли Вы? Хотели ли Вы?»

Я так чувствовал присутствие ее, что ждал ее появления. Это было обычное ночное чувство: сделать напряжение воли — и что-то случится, какие-то грани сдвинутся со своих мест. И я встал без обычной жуткости и сделал несколько шагов навстречу. Но всё разошлось. Я много раз становился на колени в порыве восторга и стремления.

В постели я читал «Елену» Сен-Виктора. Когда я заснул, то, верно, через час или через полтора я проснулся от неожиданного и страшного потрясения. Точно вихрь вдруг остановился в груди и потряс ее. За несколько секунд во сне я предчувствовал его. Была тяжесть, точно кто-то положил руку на левое ребро и давил его. Проснулся сразу. Было еще ощущение, точно кто потряс сильно за плечи. Глядел с радостным ужасом в темноту, сознательно и ожидая. Но глаза сомкнулись, и я заснул.

20 июля.

А<нна> Р<удольфовна>. «Да, я вчера ждала Вас после 9 часов и говорила с Вами. Я взяла Вашу фотографию и говорила через нее. Я спрашивала Вас. Но ответа не слышала. Я не хотела его слышать.

Я вчера надела снова то платье, которое я носила в Париже при М<аргарите> В<асильевне>. И меня сразу до такой степени охватила эта атмосфера. Я всё время не могла не думать о М. В. и об Вас.

После, около двух часов, я заснула. И пред этим у меня было такое чувство, как тогда... Еще мгновение, и может перейти в полный экстаз... Земля из-под ног уходит.

Но Вас я тогда не звала. Но это могло быть...

Да, я должна многое спросить Вас... Но сейчас придет Ч<уйко>, и нас снова перебьют»...

«Вы совсем никогда не испытывали ревности?» Это она спросила вчера, раздумчиво соображая.

– Нет... Но мне кажется, это недостаток.

...Из книги Синнета получаешь много поучительного, но обратно... Это детское требование чудес.

Но, с другой стороны, мне стало ясно, насколько нарушения видимого закона не нужны, когда достигнута степень, когда можно его нарушить. Тогда создается такое понимание гармонии мира, связь явлений настолько близка и ясна, что их нельзя нарушать. Знание идет одновременно с властью.

Но Синнет касается только самой простейшей трехмерной бездны и не заглядывает дальше.

Мне почти ничто не было новостью. Все теософские идеи, которые я узнаю теперь, были моими уже давно. Почти с детства, точно они были врождены.

Это из разговора в Люкс<ембургском> саду.

В Гиме и Трокадеро.

Таиах:

«У нее серые близорукие глаза, которые видели видения... и губы чувственные и жестокие».

Дарма – долг.

«Магия». Зеркало. Глаза с детскими и старческими веками. Веки натянутые, обведенные резкой линией, разрезаны наискось. Губы горькие и знающие. Их поцелуй прожжет сердце холодным и острым пламенем. Глаза, которые смотрят в зеркало и получают ответный луч. Женское лицо, притягательное и горькое. Дева-полынь. А с обратной стороны ее покрывало приподнято и видна голова старика – грустное познание.

Змей у ее ног, извившийся и покорно приподнявший шею, закинув голову.

Вечером я прихожу к А<нно> Р<удольфовне>. Сумерки. Она меня берет за обе руки.

«Я знала, что Вы придете раньше других, и ждала Вас». Она долго держит руки. Потом проводит мне по лицу рукой, как бы снимая что-то с глаз. Я замер. Но сердце мое затворсно. Я не чувствую близости М. В., и сердце заперто.

«Вы слышите мой вопрос?»

– Нет... Моя душа запылалась...

Молчание. Она целует мою голову. Прижимает ее и говорит:

«Нет, сердце Ваше не пробудится... По крайней мере, в этой жизни...».

– Значит, останется один разум?..

– «Один разум».

– Не забывайте меня никогда...

Грустное и долгое молчание. Потом приходит Чуйко, потом Сомов...

А<нна> Р<удольфовна> говорит о своем дяде (Comradon). О старых книгах, библиотеках. О Луне и, наконец, о Крыме.

21 июля.

Это страшный вечер.

«Сегодня я получила письмо. Меня зовут туда в 11 час<ов>. Но одну. Непременно одну. И одновременно я получила письмо от Ш., где он требует, чтобы я никуда не выходила одна – без надежного человека. Я не пойду без Вас. Но после Вы пойдете. Вы пойдете, что бы там ни было? Это очень страшно, может, смерть... Пойдете?..»

– Да...

Она берет мои руки, всматривается в меня пальцами. Проводит по лицу.

«Я люблю Ваши глаза. Они впалые, глубокие. Рот... Нет, он очень чужой. Эти губы много говорили слов. Они могут лгать... Нет... сердце не родится в Вас. Вы ведь никогда не испытывали ревность? Нет? Если бы отсутствие ревности было бы соединено с любовью, то это была бы одна из высших степеней... Но у Вас нет любви...

М<аргарите> В<асильевне> Вы ничего не сделаете дурного. Теперь она в сказке... Вы для нее сказка. Я создала ее.

Она сейчас же идеализировала всё, что я говорила про Ваш характер. Ах, как меня тогда поразила в Багатели Ваша рука!.. Она говорила всё о божественном спокойствии... Я ее застала тогда ужасной. У ней был раздражительный, недостойный ее тон... Бабий... Даже Чуйко ее останавливал.

После она всё повторяла: четверг, пятница и суббота. Четверг, пятница и суббота...

И я знаю, что мы опять встретимся, и это будет снова сказка...

Ваша чувственность головная. Вы можете ее победить... С такой рукой можно быть монахом...

Когда Вы ехали тогда на велосипеде – она всё время хотела, чтобы Вы были рядом... Она даже Вашу кричалку находила красивой...

Как странно... Вы повторяете ее жесты. Она именно так держала мои руки всю ночь с пятницы на субботу... Я была в этом же платье».

Потом слова замолкли... Она долго проводила пальцами по лицу, целовала мои глаза и тихо шептала:

«Снимаю с Вас всякую пыль жизни».

«Вас никто не ласкал в детстве? Нет? Да, Вы испытали слишком мало ласки...»

Потом она начала становиться беспокойнее...

«Нет... останьтесь со мной до 11 час<ов>. Да? Оставайтесь... и никуда не пускайте меня. Выньте шпильки, свяжите мне руки... Вы никому не отдадите меня? Нет, никому не отдадите?»

Ее беспокойство росло бесконечно, она слабела и впадала в беспамятство.

Рядом часы отчетливо били одиннадцать, ущербная луна всходила. Я сидел над ней до глубокой ночи. Сердце мое было твердо и радостно. Я чувствовал в себе странную и радостную силу.

Когда я касался пальцами ее лба и глаз, она успокаивалась.

Моментами она снова шептала: «Ведь Вы меня никому не отдадите?»

И раз сказала: «Вы не усумнитесь во мне? Вы не разлюбите меня? Это так близко от злой и могучей силы... Вы не усумнитесь во мне?»

23. 24 июля. Полночь 23/24

Руан*. Полдень 24.

Конец июля – Шартр. Набат в душе.

2 августа. 3 авг<уста>.

Страсбург. Вечер. М<аргарита> В<асильевна> и Л<юби>мов встречают меня на вокзале. Голос дрожит. Я едва могу произносить слова.

«Пойдемте к собору».

Мы вдвоем. Идем по темным улицам. Но между нами непрерывная стена.

«Не теребите вашу бородку. Опять вы делаете те же безнадежные жесты... Помните, как мы у решетки Люксембургского сада ходили...»

Стоим над рекой. Подходит пьяный старик и говорит, смеясь, по-немецки: «Вам обоим лучше всего в воду... Теперь же».

Я не понимаю. Он говорит ту же фразу по-французски и уходит – смеясь и бормоча.

Мы возвращаемся мертвые, с отчаяньем в душе.

Я один в своей комнате. Становлюсь на колени. Но в три окна свет. Стучат экипажи. Сон меня сваливает. Беспокойный, прерывистый.

«Значит, и теперь, и теперь всё то же. Всё было изобретено в письмах».

Ночью открываю глаза и в полосе света на потолке вижу ясно портал собора.

Рано утром иду в собор – молиться. Но душа мертва и беспокойна.

В 11 ча<сов> уезжает Люб<имов>. Мы идём снова вдвоем в собор. Мне хочется сказать:

* Далее нарисован треугольник. (Сост.)

«Милая, милая М<аргарита> Вас<ильевна>» — и мне кажется, что, если я это скажу — чары распадутся... Но язык прилип. Мы долго ходим по собору. Сторож гонит нас. Наконец, мы садимся. Я беру ее руку. Она мертвая, бесчувственная.

«Но почему, почему же становится между нами эта стена?.. Ведь я не лгал в моих письмах. То было правдой, а не это».

Так мы говорим, но безнадежные слова не воскрешают нас.

«Не будем больше никогда говорить об этом». И мы идем на башню. Стоим перед часами. Смеемся нервным смехом. И что-то спадает с нас. На башне вдруг всё спадает. Мы можем говорить. Сперва шутя, потом серьезно...

Мы одни. Мы говорим о том чувстве, которому нет выхода в земных условиях, о той связи, которая легла между нами.

«Почему я Вас узнала тогда? Помните тот обед у нас, когда Н. В. Евреин<ова> приехала. Я тогда взглянула на Вас и почувствовала, что бездна разверзается... Почему это?»

Я прижимаюсь лбом к ее рукам и чувствую, как она целует мои волосы...

— Благословляете ли Вы меня на этот путь?

«Да, да...»

И наши лица близко, и губы прикасаются. Я невольно склоняюсь на колени, и она кладет мне руки на голову...

Вечером Кольмар и Вагнер.

4 авг<уста>.

Кольмар. Опять мы на башне.

Я держу ее руки, и мне хочется передать ей всё мое счастье, всё мое спокойствие. И я чувствую, как моя сила успокаивает ее. Она закрывает глаза и на несколько минут теряет сознание.

Мое сердце разрывается от порыва к ней. Я целую ее лоб, и она открывает глаза.

Каждые десять минут мимо нас проходит сторож с каким-то инструментом в руках и вертит часы. Тогда мы ото-

двигаемся, но держимся за руки. Я чувствую ее локоть, который прижимается ко мне...

5...6 августа.

Цюрих... В ее комнате, высокой, угловой, как на башне.

«Почему, когда Вы держите мою руку, мне кажется, что это так естественно... А если бы кто-нибудь другой держал...

Почему Вы такой хороший? Почему я Вас тогда таким угадала и всё время верила, что остальное – это только маски?

...Нет, любовь должна быть цельной...»

Входят. Мы быстро отдергиваем руки.

«Как это было больно. Точно разорвалось что-то... И стыдно... Вы ведь всегда будете держать мои руки... Мне так легко и спокойно...»

Мы читаем St. Victor'a.

«Яко с на-ами Бог»...

Она вспоминает слова литургии.

«Нет, оставьте Вы ваши фокусы».

7(?) авг<уста>. Воскресенье.

Утром смута и вопросы:

«Имею ли я право идти своей дорогой, когда меня любят. Ведь один шаг – и мужское чувство захватит меня и унесет. Эта физическая близость прикосновений может прорваться ежесекундно – одним резким движением.

Может быть, здесь я еще должен гореть? Может, это эгоизм – теперь для себя идти дорогой отречения?»

Мне хотелось еще написать письмо Ан<не> Руд<ольфовне> с этими сомнениями, но я удержался. Отправил только то, что было написано вчера.

В 10 час<ов> прихожу к М<аргарите> В<асильевне>. Жду, сидя на лестнице. Читаю «La Voix de Silence». Суровые требования крепят душу...

Но вот мы опять одни, и моя дорога отречений становится далской. Ненужной...

Я читаю вслух, и ее рука в моей груди. И невыразимое чувство охватывает меня. Мой голос дрожит и прерывается.

Огненная дрожь пробегает... Теперь она сильнее, и я люблю ее страстно, по-человечески...

«Мы не расстанемся никогда... Мы будем вместе...»

— Нет. Это не может быть.

И опять чувство отречения охватывает меня. Я кладу ей руку на голову... Чувствую ее волосы и всю силу, трепещущую во мне, вкладываю в одно желание:

— Будьте свободной, будьте сильной и не думайте обо мне.

«Разве Вы хотите, чтобы я Вас забыла?»

— О, нет...

И опять минуты трепета, смеха, детских ласк. Я беру ее голову обеими руками и целую ее волосы.

Безумная Девушка... Милая, бедная девочка... Какис у Вас блестящие и мокрые глаза...

Мне надо уходить. Когда я отнимаю руку, она снова удерживает ее.

— Вот еще вчера я мог уйти... А сегодня мои руки уже не могут оторваться... Вчера только кисти, а сегодня до самого плеча... Я уйду, но руки мои останутся...

После завтрака мы опять читаем. И я чувствую, что порыв страсти подступает к моим щекам, мутит мои глаза, сжимает сердце.

Мы идем гулять. Дождь проливной. Дороги мокрые. На душе становится уныло и равнодушно...

«Мне стало ужасно скучно... Вы очень небрежно одеваетесь... Помните, я предупреждала Вас о своей способности неожиданно возненавидеть человека. Я не могу бороться с ней... Я начинаю ненавидеть сперва его вещи... И вот я уже ненавижу Вашу накидку. Я точно так же ненавидела рыжую мантильку одного человека, который любил меня».

— Тогда мне надо завтра же уехать из Цюриха... С этим нельзя бороться, можно только предупреждать...

«Нет, я не думаю, чтобы это могло случиться по отношению к Вам. Вы слишком равнодушны и спокойны. Я не выношу, когда меня любят. Ведь это борьба. Если предо мной склоняются, я хочу добить... Вы ведь не знаете моего характе-

ра. Я люблю, чтобы мне противоречили, чтобы меня не любили».

Мы идем домой бодрые. Льет дождь. И я чувствую новое освобождение. Я готов был уступить, отступить от завета чистоты, но вот, хоть не своей волей, но мне показан снова этот путь...

Вечер.

М. К. смотрит руку М<аргариты> Вас<ильевны>.

«Вы будете два раза замужем. В первый раз выйдете по женской глупости. У Вас будет ребенок, необыкновенно талантливый, но больной. Второй раз Вы будете замужем за человеком старше Вас, который будет хранить Вас. Вы разведетесь с первым мужем. Преступление».

8 августа. Понедельник.

Встречаю М<аргариту> В<асильевну> на дороге.

«Я иду к Вам. Пойдемте в горы. Моя комната, которую я так любила, теперь стала мне ненавистной. Все заходят — какая-то проезжая дорога... мне опять грустно...»

Мы идем опять по вчерашней дороге. Я держу ее руку и говорю:

«Я теперь радостен. После вчерашней прогулки все мои сомнения разошлись. Вчера ночью и утром я очень сомневался... Вы мне ответили — может, бессознательно. Теперь всё ясно. Я думал вчера: имею ли я право идти по той дороге — дороге отречения. Не эгоизм ли это с моей стороны... И я вчера произвел опыт... бессознательно... Когда я читал — Вы держали меня за руку, а не я Вас... Я дал в себе проснуться мужчине...

Вы это заметили бессознательно, инстинктивно.

Теперь сомнений нет. Я держу Вашу руку... Мы никогда не можем полюбить друг друга в человечестве».

И мы идем в горы, радостные и смеющиеся.

Вспоминаем Гейне. Сидим на крутом склоне под соснами. Наши руки сплелись. Я чувствую ее волосы, ее губы...

После завтрака. Я ее снимаю. Мы снова сидим, близко касаясь головами.

«Что такое воображение? У меня это было в детстве, когда я не могла заснуть... Я представляла себя мужчиной и тогда сразу засыпала... Это мой м<исте>р Хайд. Нет... Не нужно об этом говорить».

На лодке на озере... Луна...

«Вон на Ютли — два огонька. Точно Катины глазки...».

«Нет... не держите меня за руку... увидят. Милый Макс... Макс... Нет, послушай... ты слышишь... Мне холодно...»

Идем... Я грею руки се. «Как хорошо... Что это? Школа... Как темно!..

Вот теперь мне тепло... Вы согрели меня...»

И мы стоим в темноте под ветвями, и на ее лице узоры ветвей и света.

«Вы должны быть свободны и сильны. Вы скоро уйдете... нам недолго видется. Вам нужно пройти сквозь жизнь... Вы полюбите скоро земной человеческой любовью... И я... полюблю того человека, которого Вы полюбите...»

— А если он будет плохим человеком?

— Вы сентиментальный немецкий юноша... Романтик... Вы, должно быть, очень одиноки... Что вы сейчас чувствуете?

— «Счастье... и звезды...»

— Как Вы хорошо тогда написали: звезды подступают к глазам.

«Вы мне вернули то письмо».

— Как Вы все-таки могли мне вернуть мои письма, когда я попросила. Это было так больно. Точно, когда разрываешь, и потом еще удар концом!

«Я переписывал их себе... Как же я мог их не вернуть тогда?»

— Вы их переписывали... В то время... когда Вам так не хотелось думать обо мне...

До свидания...

Днем в парке Вагнера...

«Я расскажу Вам сказочку:

Жили-были дед да баба.
 Была у них курочка ряба...
 ...Яичко упало и разбилось.

А после все посхали в Цюрих».

Золотое яичко — это то, чего никогда не бывает... Только
 и в Цюрихе осталось золотое яичко...

Как я счастлив и грустен. Я отдал свою сказку...

Любят, поскольку отдают.

Милая девочка. Милая Аморя... Амоге!* Может быть,
 это и есть благоухающее имя. Ведь его сказала маленькая де-
 вочка...

Вечером: «Какие люди скушные... Помните, как Нини-
 ка Бальмонт говорит: “Люди скушные, не хочу жить со скуш-
 ными людьми, я к ангелам хочу”».

9 авг<уста>. Вторник.

...Мы держимся за руки и идем в горы... Знойное утро.

«Погодите... Не здесь... Здесь люди... Все эти Цвингли...
 проклятые протестанты...

Вы знаете немножко китайский язык, т. е. пранупта...
 Вы знаете, как пишутся слова... Вот человек: черточка сверху,
 дуга — это небо, а снизу прямая линия — земля. Т. е. это он
 растет из земли, но достигает неба. И они так все философ-
 ски понимают. Добродетель — это знак цветка, но в небе...
 Это гораздо органичнее, чем у нас.

Это мне рассказывал отец Дэзи Шевелевой.

...Я очень дальнорка. Мне доктор сказал, что мои гла-
 за — для степи... что они не могут переносить города — все
 тесно для них... Мои предки были кочевники».

Мы сидим в тени у корней дерева, на траве. Косцы вда-
 ли. Голова на моем плече, руки близко. Тесно, тесно...

«Какая радость! Какое счастье! И за что это нам: то, что
 никогда не бывает... Золотое яичко... Но мы ведь не разобьем
 его...»

— Да, это страшная сила! Какая страшная сила! Я люб-

* Любовь (ит.).

лю тебя цельной, мужской любовью... Нельзя раз отречься... Каждую минуту я отрекаюсь, каждую минуту я побеждаю себя... Я в себе перевожу эту силу страсти в другую силу и отдаю ее тебе. И каждый раз это страшная гордость и торжество...

«Макс... Нет, я не могу говорить, Макс... и ты... потому что мне сейчас же Кругликова вспоминается. Зачем Вы позволили так захватать Ваше имя...

Нет, я не хочу, чтобы Вас убивали – это слишком глупо...»

Письмо Ан<ны> Руд<ольфовны>.

«Безысходность и глубина – это величайшие таинства земли».

«Из 100 человек, вступивших на мой путь, 99 кончают смертью и безумием».

В комнате М<аргариты> В<асильевны>.

«Сядьте сюда ближе, на диван... Ходят люди... Нет, запирать двери нельзя... Милый Макс. Вот так хорошо... Как мне хорошо... Ведь Вы сильный... Я так уверена в Вас. Я ничего не боюсь. Мне так все просто кажется и естественно...»

– Но почему же мне – мне дано сделать то, что никто, никогда не делает...

И она дремлет у меня на плече, то поет колыбельные песни, и лицо ее – лицо юноши Орфея.

Потом опять приходят люди, мешают... Приходит М<аргарита> Конст<антиновна>:

«Какой удивительный человек Наполеон III. Я только что учила о нем к экзамену. Я ужасно увлекаюсь им. Но я очень разнообразна, я и Гарибальди увлекаюсь».

Вечером, усталые, проводив Любимова, мы возвращаемся...

«Ах нет, оставьте мою руку, увидят... Вы рыцарь – таких теперь нет. Как я Вас узнала, почему я узнала, что Вы такой».

– Вы меня выдумали таким – и я стал им...

«Тогда, за тем обедом, я вдруг почувствовала так ясно, что в моей жизни будет три года... Вы тогда на три года должны были ехать в Индию... И это было так неожиданно для меня...»

Тот день, когда Вы уезжали... Мне так тогда досталось за то, что Вы меня провожали... Этого никогда не было в моей жизни... У меня с того дня сделалась невралгия, головные боли, меня лечили электричеством... Вы знаете, у нас в семье все к Вам очень плохо относятся... Мама боится почему-то Вас, боится за меня... У папы — это самое странное... но он всегда относился очень добродушно к людям... но тут у него какое-то такое озлобление. Совершенно непонятное».

10 ав<густа>. Среда. Утро.

Я жду в Алкоголичке. Читаю «Голос Молчания», и снова моя сила крепнет и радость растет.

Вижу М<аргариту> В<асильевну> на улице сквозь белую занавеску. «Какая жара... Я страшно устала... Гвозди в подошвах, комар укусил...» Она говорит измученным капризным голосом.

И вот мы в сосновом лесу. На хвоях. Огоньки голубые, звездочки, зеленые искры... Солнце черное, как паук с лиловыми лапами, всё кристальное...

«Смотри... видишь, я прямо в солнце смотрю... Видишь, у меня глаза болят. Может, я ослепну... Почему же это так? Мне чужда твоя наружность, когда я вижу твое лицо в людях... Ты не похож... Ты совсем другой, Макс... Я ужасно малодушна... Я всегда отрекаюсь от тебя... как Петр... У тебя должен бы был быть серьезный вид, и ты бы должен был быть высокого роста...

Знаешь, когда ты уезжал из Москвы в Крым, я тогда записала в своем дневнике: “Оторвалась лучшая часть моей души...” Я бы тебе показала... Жаль, его нет со мной. А после того, как мы были в первый раз у Щукина, я записала:

“Познакомилась с очень противным художником на тонких ногах и с тонким голосом”.

Но как же нам быть?»

— Это будет наш сон. Он возвращается всегда, всю жизнь. А при людях мы будем чужими. И ты не должна мучиться этим, потому что ты отрекаешься от меня.

«Откуда ты такой хороший?.. Нет, это не я сделала, ты был такой...»

— У тебя совсем другое лицо... Лесное, звериное и божественное...

У нее глаза странно расставленные, чувственные и веселые, светлые, как у Фавна... Смешные детские губы. Я вижу в ее лице — лицо женщины, лицо страсти — и смотрю на небо, молюсь и отдаю это тому, кто придет и кого она полюбит.

«Нет, скажи мне, как ты меня любишь? Я не знаю. Я бы хотела всегда быть так... чтобы это не кончилось. Сделай так, чтобы не было будущего, Макс, сделай...»

— Для этого нужно быть сильным, как смерть...

«Да, одна из обезьян не совсем сошла с ума. Она стала полоумной... Я не могу совсем сойти с ума...»

И она лежит у меня на коленях с распустившимися золотистыми волосами, бледными глазами. И прижимается ко мне и целует меня с любовью незнающего ребенка.

«Ты любишь мою талантливую бровь... Люби ее... Поцелуй ее...»

— Здесь над бровью живут сны...

И вот 11½ часов...

Нет... еще рано... надо уходить.

Нет... нет... нет.

Это не рассвет

И не жаворонка пень.

То поет соловей...

И когда мы выходим из леса и снова говорим «Вы», снова распадается очарование...

Днем в том же лесу. Солнце с другой стороны. Она, как лесной зверек, лукавая, шаловливая...

Бог весть откуда я взялась,

Сказать я не умею...

Лесною птичкой родилась

Иль феей...

Я лесной зверь и ползу к солнцу...

Мы сперва читали «Голос Молчания».

Отречение — это высшая степень желания. Тогда всё исполняется, всё дается. Добровольное и радостное отречение.

«Нет, оставь... Я жить хочу... Разве это всё не хорошо? разве я Майя?..»

Мы точно в стихотворении Гейне... Помнишь, там, где на деревенском балу встречаются никса и леший... Они танцуют вместе, принимают сперва друг друга за людей и только после узнают друг друга...

Как это мы узнали друг друга? Узнали, что мы не люди?

Нет... Скажите мне, как Вы меня любите! Ну скажите!»

— Это тайна изобретателя...

«Ты была ведь влюблена раньше?»

— Я теперь не влюблена.

«Я знаю».

— Да! я тебе говорила. Это был человек с египетским лицом. Ах! какое у него было лицо. Он всегда говорил со мной насмешливо. Я с ним всего пятнадцать раз в жизни виделась. Да, я сосчитала. Я могла его видеть в прошлом году: меня его сестра позвала. Но он не был. У него такое презрительное лицо. В Эрмитаже, в Египетском отделе, есть совсем его портрет.

Я его встретила на картинной выставке. «Я Вас видела во сне сегодня», — мы пред этим не виделись два года. Он так низко, низко иронически поклонился... «Я очень тронут такой честью», — и больше не подошел. Он очень циничный и злой человек. Он женился и на другой же день развелся с женой...

Он смотрит вот так... немного прищуренными глазами. У нас в деревне был кучер, который со спины был совершенно похож на него. Это меня ужасно волновало...

Я совершенно становлюсь сумасшедшая, когда вижу его...

Вечером: «Я тебе сказала про того человека... Я бы не сказала никому другому. Но ты совсем не такой, как все...»

Идем в горы при луне. Город мерцает, как один драгоценный камень.

«Да, ты мне совсем чужд при людях. А ког<да> мы бываем с тобою одни — я всё забываю. Я вижу в тебе только себя...

Ведь этого у меня ни с кем никогда не было. И это меня не удивляет...»

У меня был один сон — очень странный. Мне было тогда шесть лет. Мне снилось, что я вытащила утонувшую девушку из воды, а сама я была молодым человеком. На ней было черное платье. Я ясно помню ее лицо. Я принесла, т. е. принес, ее в дом ее родителей и потом сейчас же должна была уйти...

... Да, я помню — в тот день, когда ты приехал в Москву, я узнала о смерти Шевелева и вышла с заплаканными глазами. Я только что вернулась из Ярославля. От меня почему-то скрывали его смерть. Боялись...

Я узнала от прислуги... Бросилась спрашивать. Вот кого я любила... Я его видела очень немного. И мне казалось, что он любил меня. Он несколько раз поцеловал мне руку... Он рассказывал мне о китайской грамматике...

Поедьте путешествовать... Составимте маршрут... Гусиное озеро... Да... на Гусиное озеро мне непременно нужно...

— Вы знаете, что меня знают и ждут на Гусином озере? Когда я был в Петербурге у С. Ольденбурга, я встретил у него двух бурят из Гусино-Озерских дацанов, и они узнали меня и сказали, что уже слышали обо мне от Ламы.

— Сперва в Коктебель, в Грецию... Потом, разумеется, в Египет... Это так близко... В Индию...

— Только как мы поедем... Человеческие отношения так сложны...

— Люди создали их, чтобы упростить жизнь...

— Поехать с Ан<ной> Руд<ольфовной>.

— Она не вынесет Греции... Ведь она даже не могла ни разу спуститься до юга Италии... Это слишком много для нее... Она всегда повторяет: я никогда ни к чему не привыкаю...

— Поедем с Алешей, с Любимовым. Они поймут...

Голосок Мар<гариты> Кон<стантиновны> звенит в темноте, задавая бесконечные гимназические вопросы... Когда они с Ал<ексеем> Вас<ильевичем> уходят вперед — мы садимся под деревом. Одни — на несколько минут — лесными и свободными...

М<аргарита> В<асильевна> снимает шляпку. Закутывает голову чадрой. Голова становится совсем маленькая, с громадными глазами. Лицо египетское, жуткое при луне. Совсем бледное, точно нарисованное.

У меня в глазах стоит жидкое солнце, текущее сквозь малиново-черные сосны... Оно висит, как пылающая сосновая шишка... У него тонкие суставчатые крылья, как у бабочки. Между сосен тянутся солнечные дорожки... Аморя сидит с бронзовыми распущенными волосами. На ней луч. Сзади тьма сосен и небо горит ночным сапфиром. И всюду в глазах бродят желтые пятна.

...«Когда я целую землю, мне непременно заползают в рот насекомые».

11 августа.

Опять наш лес. Утро.

«Зачем эти человеческие морщины...»

— Нет! оставь... Это сомнения. Я должна сама их отгонять... Нет...

И я чувствую, что я слишком безвольно отдался своему счастью. Как только я ему отдаюсь, связь падает, встают тени... И я обнимаю ее голову и, смотря на небо, говорю:

«Солнце! Огненный паук, который держит звезды в своей паутине, — ты охраняешь эту маленькую голову, которая лежит на моей груди... Она мне дана, и я поведу ее... Я всё, всё отдаю тебе... Всю мою радость, всю мою силу... Всю мою радость — даже если не останется ее больше в моей жизни...»

— Меня смущает одна вещь, но я не могу тебе этого сказать.

«Скажи, и мы похороним ее вместе. Иногда мало похоронить — надо еще осиновый кол воткнуть в могилу».

— Мне опять пришла мысль об м<исте>ре Хайде... Я думала, что это кончено тогда... Почему это в самые лучшие минуты встало...

«М<исте>р Хайд теперь не страшен... Я не боюсь его и не стыжусь его. Это был тот демон, которым нужно было быть. Это сожжено огнем теперь...

Будда спросил святого, чем он хочет быть до достижения окончательного совершенства – два раза демоном или шесть раз Ангелом, и святой ответил: конечно, два раза демоном.

М<истер> Хайд должен был быть. Без него не было бы того торжества и радости...

Если после того можно было снова стать детьми – это окончательная победа. Да будет благословен м<исте>р Хайд...

Ты мне тогда сейчас же ответила на то письмо?»

– Да, сейчас же, не думая... Я же тебе говорила, что м<исте>р Джикл был слишком нечеловечен без м<исте>ра Хайда...

«Мне кажется, что мы – те дети Адама, которым было дозволено снова вернуться в рай, и они увидели, что дерево Жизни срослось с деревом Познания и стало одно...

...И где бы ты и когда бы ты ни была и кем бы я ни был, если я подойду к тебе и возьму тебя за руку и скажу: “Апоге” – этот лес снова встанет вокруг нас...»

– Как я люблю тебя... Макс!.. Макс... Мой Макс... Нет, не мой...

– «Нет, не люби меня... Я тебя люблю, но ты не должна любить меня...»

Она кладет мне руки на плечи и, стоя немного выше меня, смотрит мне в лицо глубокими и строгими глазами и читает пушкинского «Пророка».

И он мне грудь рассек мечом...

И в моей душе встает тот страшный жест посвящения, который рассекает грудь с правого плеча поперек.

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей.

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей!

– Как я понимаю, что это было любимым стихотворением Достоевского. Как он должен был читать его!

После обеда я купаюсь. Мы сидим у Марг<ариты> В<асильевны> в комнате.

«Я получил письмо от Ан<ны> Руд<ольфовны>. Только я не могу сказать Вам всего... Она пишет, что Вам надо пройти через земную страсть... И когда это будет, я всегда буду с Вами, всегда Вы будете чувствовать мою руку...

Странно... Я чувствую, что как только я становлюсь счастлив для себя – у Вас инстинктивно сразу начинаются колебания и сомнения... Мне нужно быть всегда счастливым для Вас. Я не должен пассивно принимать жизнь. И раньше: когда я уезжал в Азию, когда я решил весной уйти от Вас, и тогда было то же: подъем Вашего чувства. Да, всё должно быть на мне...»

Мы смотрим друг другу в лицо долго влажными глазами. Потом она медленно встает и начинает танцевать торжественно и медленно.

Мы идем обедать в Алкоголичку.

– Нет, как же мы будем? Мы же не можем быть врозь. Как же мы будем видаться? Я приеду к тебе в Париж.. Нет, в Париже мне надо будет жить опять у m-me Jeanne. Нет... лучше всего я останусь в Цюрихе – это можно сделать. И буду приезжать в Париж. И ты будешь приезжать сюда. Здесь мы будем свободнее... Только как мне с Нюшей быть?.. Ее надо вытащить из Москвы... А при ней... Она ничего не говорит, но молча не одобряет. Это гораздо хуже...

Мы идем в горы – на Ютли, где жила Ек<атерина> Ал<ексеевна>.

– Я помню тот день, когда я получила твое письмо и стихотворение... На другой день мы поехали в St. Cloud. Большой компанией... Курсистки... Чуйко... Мне было ужасно. Чуйко был страшно заботлив. Он понимал и всё хотел мне что-нибудь сказать... Тогда же он меня проводил до Гольштейн. Мы с Ал<ександрой> Вас<ильевной> вместе ругали Вас...

Я не знаю, почему все приближенные мои так не любят тебя... Это совершенно беспричинно... Даже горничная Поля... Это какой-то инстинктивный страх перед тобой... Сперва было иначе... Я помню, мама была в восторге, когда ты говорил в первый раз об Италии и об крымских пещерах... Потом она отреклась от этого...

Папа с самого начала невзлюбил тебя... Помню, как тогда, когда ты говорил о Крыме... Он сказал: «Вот говорит — точно подряд взял». Послушай, ведь это очень смешно. Ты не смеешься?.. Он бывает очень раздражен, когда возвращается домой усталый...

Я боялась, что то же будет с Чуйко, и написала ему, что, когда он придет в Москву, мы будем видеться, но чтобы он не приходил ко мне. И вышло так, что он пришел и сразу всем понравился. Мама вышла с книжкой и прямо стала читать ему... Я их оставила...

И его сразу все полюбили.

Он замечал, что между нами... Я ему сперва писала, что вот мы будем в Париже все втроем. И он всё говорил: «Кажется, Ваш Макс назад танцует...»

А потом говорил мне: «Не грызите же Вы его... Не ругайте же его. Бросьте говорить о его фельетонах и статьях... Удивительные люди... То убегают друг от друга... Смотрят в разные стороны... А то вдруг уйдут в отдельную комнату, пошепчутся полчаса об четвертом измерении и выходят с сияющими лицами...»

Мы идем всё выше в горы.

— Имей уважение к горным тропинкам. В них народная мудрость.

...Я никогда не мог вспомнить твоего лица. Я никогда, верно, не видал его настоящим.

Теперь я буду его помнить вот таким: бледным, с распущенными волосами, прозрачными глазами, на фоне сухих красных листьев и стволов деревьев.

«Как жутко... Точно область Аида перед входом в Елисейские поля... Мне было бы совсем страшно, если бы тебя не было...»

— Когда мы войдем на Ютли — мы помолимся за Эк<атерину> Алек<сеевну>.

«Вечная символика».

Мы на террасе ресторана.

С одной стороны Цюрих, как один холодный мерцающий камень. Камень, занявший четверть горизонта и сияю-

ший сквозь черные переплеты деревьев... С другой – дикие долины и холмы... Гроза идет.

Мы быстро пьем чай, спускаемся и говорим в ожидании поезда...

«То письмо, которое я написал тебе весной, в первый раз было написано еще в Москве, когда я вернулся из Крыма. Я несколько дней ходил в невыразимом томлении. Мне это казалось единственным выходом... И я прочел его... дал прочесть Ек<атерине> Алск<сеевне>. Я ведь ничего не знал о тебе тогда... Я должен был кого-нибудь спросить.

Мне было невыносимо стыдно... Когда она взяла письмо, спросила: “Но нужно ли мне читать?” И прочла, и не знала, что сказать, а я сидел в углу комнаты, как приговоренный, – сгорая от стыда.

Вдруг ворвался Бальмонт – он писал как раз об Оскаре Уайльде... Ворвался радостный, танцующий, шелкая пальцами:

“У меня всё слова, слова... Вокруг всё слова... Что у вас обоих такие опрокинутые лица? Ну, до свидания... Я сейчас дописываю...”

И тогда Ек<атерина> Ал<ексеевна> очень грустно, не глядя на меня, рассказала мне об Вашей способности возненавидеть того человека, со стороны которого Вы заметите чувство к себе. И я тут же незаметно одной рукой разорвал письмо».

– «Да, Катя мне никогда не говорила об Вас... Она раз мне так сказала об одном молодом человеке, и я возненавидела его... Она всегда обвиняла себя в этом... Ну, расскажи мне еще... Что Вы говорили с Ан<ной> Руд<ольфовной> обо мне».

– Я не знаю – судя по ее словам, мне представлялось, что ты говорила с ней об очень многом... Значит, она совсем не различает того, что она слышит, от того, что она видит без слов. Она почти не чувствует слов, а только то, что за ними...

«За что Вы меня терзали? Зачем Ан<на> Руд<ольфовна> всё при мне говорила о Вашей руке?»

12 августа.

Дождливый день. Мы утром идем в лес. Солдаты стреляют. Мокрые сосны.

«Я не могла заснуть после вчерашнего... Я всё ждала утра, чтобы идти к тебе... А после почувствовала себя такой слабой, что не могла сдвинуться...»

Остальной день в комнате... Я со страхом вижу, как в ней пробуждается страсть... И радость, и ужас, что «это» нахлынет и унесет и меня и ее, и сожжет...

Моментами я почти не владею собой... Мне стоит громадных усилий воли остановиться и сосредоточить свою силу благословением над ее головой.

Непокорное тело горит и трепещет... После мучительная и стыдная физическая боль...

«Во мне живет маленький, но очень скверный демон... Я страшно боюсь всего, что *ridicule**.

Это мучительный страх — что скажут, *on dit***... Он может осмеять и унизить самое лучшее...

И вот в тебе — я никак не могу этого соединить. Ты бываешь ужасно *ridicule*. Твои манеры и внешность буквально всех раздражают с первого раза... Тебе надо иначе одеваться...»

Она с простодушием и незнанием ребенка делает жесты и говорит слова женщины. Минуты сладости... Я не имею власти над собой... Хочется сказать: ну, пусть он сожжет нас...

«Ты любишь мою красную кофточку?.. И оторочки?.. Хочешь, я подарю тебе красную кофточку?.. Ах, я такая глупая. Я не знаю, что тебе сделать приятное...»

Вечером она лежит на диване...

«Нет, я не могу заснуть, когда ты здесь... Я не хочу терять времени... Как несправедливо, что ты должен уходить... Я бы заснула, если бы ты был ночью около меня...

Я всегда чувствую твою руку...»

Приходят Ал<ексей>Вас<ильевич> и Мар<гарита> Кон<стантиновна>.

* Смешно (*фр.*).

** Говорят (*фр.*).

Мы отодвигаемся, но я держу в руках ее чадру.

«В ней все мои осени... В ней вся Богдановщина... Она у меня с детства, с шести лет – в ней вся моя душа.

М<аргарита> К<онстантиновна>: «Это опять газ... Я вчера говорю: Ал<ексей> Вас<ильевич>, у меня в ухе звенит. А он говорит: я слышу... Вот Вы говорили, М<аргарита> В<асильевна>, про Бисмарка... Поль Адан!»

И теперь нас это не раздражает.

12 авг<уста>.

Ты совершенно не умешь обращаться с людьми. Только со мной ты удивительно тактичен. Никто со мной не был так тактичен, как ты...

Письмо Ан<ны> Руд<ольфовны>. «Не в порыве увлечения, а в сознании всего, что ожидает Вас, Вы должны идти... И сейчас... момент выбора...»

Мы идем по мокрой дороге... Мимо нашего леса... Садимся на скамейку под соснами.

Я читаю ей письмо...

«Теперь мы должны решить... Я не могу решить сам... Потому что я решаю нашу, нашу судьбу – или дорога человеческая, с человеческим счастьем – острым и палящим, которое продлится год, два, три – или вечное мученье, безысходное, любовь, не ограниченная пределами жизни...»

«Укрась мои серебряные рожки пурпурными розами и принеси меня в жертву, как барашка... Я всегда чувствовала себя жертвенной овцой... Ты ведь это сделаешь? Мне не будет больно?...»

Смотрим друг на друга безнадежными, грустными, прощальными глазами. У нее текут слезы.

Прощай и здравствуй!

13 август<а>.

Утром идем по росе... Мокрые ноги... Сушим чулки... Я целую ее ноги...

Вечером сидим у окна. Аморе нездоровится. Она лежит на кушетке. Небо касается наших волос. Закат.

«Мне снилось в Париже, что я умерла, лежу вот так, закрывши глаза, и знаю, что они никогда не откроются. И кто-то обнял мои ноги и целует их... И я знаю, что это ты... Тогда я с горечью подумала, что это только во сне бывает...»

Как мне знакомо это всё. И это небо закатное, и колокольный звон... Точно это уже было когда-то... Ты помнишь, как тебя зовут?

Я вижу сейчас спутники у звезды Большой Медведицы....»

Я говорю о том вечере, который был когда-то во время первого пребывания Б<альмон>та. Когда мне предложили petit jeu из «Идиота», – рассказать самый позорный факт своей жизни, и меня заставили рассказать о моем падении (Мирэ). С. П<оляков>, который это знал.

«Как они тебя мучили... Вот К<онстантин>, верно, случайно. Я бы убила всех, кто это слышал, если бы меня заставили рассказать... Как ты мог рассказывать? Это ведь можно рассказывать только тому, кто любит, кто это сожжет и очистит своей любовью»...

14 авг<уста>.

Целый день в лесу до вечера. Кругом выстрелы. Несколько пуль прожужало около нас. Мы спрятались за большое дерево.

Вечером опять у окна.

«На чем мы вчера остановились?..»

У меня, я Вам говорила, был сон... Я видела себя в пустыне мужчиной и в своих объятиях женщину. Мне было тогда 10 лет... На меня этот сон произвел громадное впечатление... Я еще ни о чем тогда не знала... После он стал обычной мечтой... Я вызывала его по желанию – когда была измучена, бессонница – и это моментально действовало – я засыпала сразу.

Я не знаю, что хуже – эта ли усталость нервная или это средство... Здесь всё неестественно...

Я об этом говорила на исповеди священнику. Он сказал:

“Вы, верно, очень нервны. Старайтесь не думать. И не кайтесь в этом”.

...Я помню — мне было лет 8 — девочку лет 4-х... Очень хорошенькую... Я ее не любила, но была странная притягательность для меня. Я ее привязывала к дереву, раздевала, жала ей руки так, чтобы ей было больно, чертила вокруг нее круги, шептала какие-то страшные слова, водила ее по разным темным местам. Она меня страшно боялась... И... это ужасно подло, при других я была с ней очень хороша, ласкала ее...

Раз я начала это — позже... рассказывать при маме... Она оборвала меня: “Что ты выдумывашь на себя, для того чтобы быть интересной”...»

1906 г.

20 январ<я>. Париж.

Приехал Бальмонт.

1907 г.

1 марта 1907.

Певучая и сладкая скорбь. И ясно, и больно, и я не могу определить точной причины ее. Такую же радостную грусть испытывал я только два раза в жизни — когда я уезжал из Москвы и плакал в вагоне, и в St. Cloud.

Вчера был долгий и знаменательный разговор с Ан<ной> Руд<ольфовной>.

«Я должна сказать тебе грубые слова... которые я никому не говорила. Я не могу говорить их Амору. Я не могу видеть эти испуганные, страдающие глаза. С детства испуганные при каждом окрике. Когда я пришла в больницу к Лидии Д<митриевне>, она хотела оставить В<ячеслава> И<вановича> и уйти. Тут не Город<ецкий>, не отделен<ие>, а Аморя. Она ей страшно не понравилась при первой встрече. Она напомнила ей жену Вебера. Вырождающий<ся> тип, медленные слова. Но после это прошло и сменилось восхищением. У ней была боязнь, что она из тех, которые должны жить в атмосфере страсти, которые привлекают, но сами ничего не дают и не отпускают. [нрзб.] Вс. так, когда Дж. ушел

и забыл, она позвала его. Этого ей нельзя простить. Я видела ее мужа. Это чудовище. Но это она сделала его таким. Она заставила его изнасиловать себя. Надо: или... или... Нельзя жить на середине. Или... или... Обе дороги хороши.

Ты приехал из Цюриха совсем иным, чем уехал от меня. Я тогда простилась с тобой. За эти годы ты ни разу не поднялся до прежней высоты. Ты останешься там... там...

Ко мне ты можешь прийти только тогда, когда ты навсегда выберешь дорогу. Одну из дорог. Или одну, или другую».

Она говорила властно и величественно, обращаясь ко мне на ты. Тогда я и почувствовал эту великую скорбь разлуки с самым дорогим, которая третий раз в жизни поднялась во мне. Я радовался тому, что Аморя любит Вячесл<ава>, но не будет принадлежать ему. Я знаю теперь, что она должна быть его до конца или уйти. Но она не уйдет. Или... или... Я знаю, что должен сделать, и эта мысль жжет меня. Иной дороги нет. Я думал ночью о том, что я должен сам убедить, послать, заставить ее уступить тому, что я для себя не смел, не посмел желать; Вячес<лав> не должен приходить тем путем, средним, как я. То, что я не смел требовать для себя, я должен требовать для другого. Тоска этой жертвы — я знаю ее очень давно, с отрочества. Она приходила ко мне и повторялась, как предвестие, так же, как и тоска смертной казни. Одно наступило, другое тоже наступит. Это я знаю теперь.

Утром я проснулся и огляделся. Всё пусто и ясно — мыслей не было. Я внимательно посмотрел внутрь: мысль пришла: надо отдать всё, надо, чтобы Аморя была до конца его.

Я не вижу для себя сейчас иного пути. Все дали закрыты ближним — то, что сейчас. Если эту скорбь и эту жертву я преодолю, освобожусь ли я? Я не хочу думать о будущем пути. Я хочу расти, вырасти, не сознавая, не хочу думать о себе и своем пути.

Сегодня я возвращаюсь в Петербург. И все-таки больше всего меня пугает мама. Мне не хотелось бы, чтобы она была и видела. Не надо, чтобы кто-нибудь был и видел. Она не должна видеть.

Вчера утром длинный разговор с Эртелем:

«Вы пропустили в своей лекции то, что так же важно, как пол, — голод. Вселенский голод. Материя голодна. Материя жаждет. Иуда — это голод материи, а не пол».

Он упрёк меня за то, что я читал лекцию в этом «блудилище».

Потом был у Рябушинского: «Знаете, эти портреты меня не удовлетворяют художественно. Они совсем не подходят к моей коллекции. В них нет красок. В них я совсем не вижу красок. Это только внешнее сходство». Чувствуя страшное оскорбление и гнев, я ответил, что я тут являюсь только посыльным и не считаю себя вправе высказывать свое мнение, хотя и имею вполне определенное мнение и о достоинстве картин, и об его поступке.

Он был очень взволнован, красен и сконфужен. Мы долго сидели молча. Он смотрел то на меня, то на портреты и говорил:

«Можно иногда видеть людей насквозь... так... кости, мозг...»

— Что же вы видите в моих костях?

«Знаете... человеку иногда свойственно колебаться... убеждения постепенно меняются... Я чувствую, что я колеблюсь... Простите: мне надо поговорить по телефону...»

Он оставил комнату и исчез. Милиоти и Тастевен, которые накануне очень восхищались портретами, хранили молчание.

«Отчего Никол<ай> Пав<лович> сегодня так волнуется и конфузится?» — спросил я.

«У него какие-то неприятности».

Мы долго сидели и говорили. Тастевен просил позволения перевести «Пути Эроса» по-французски. «Почему Вы не предложите их для “Золотого Руна”?»

— Мне как-то не хочется.

Я снял портреты и спрятал их в папку.

«Я беру портреты. Богаевского Вам оставляю. Хотите “Пути Эроса”?»

— Нет.

— До свиданья.

Вчера же после Рябушинского был у Ольги Михайловны. Я боялся видеть ее скорбь. Но она так прекрасна, гармонична и законченна — ее печаль. Она возвышает, а не пригнетает.

«Макс, я хотела убить себя сейчас же после его смерти. Но подумала, что мне надо здесь остаться, чтобы молиться за него, чтобы жить за него. Только я не знаю, как надо очиститься. Библию я пробовала читать, Псалтырь — там всё “Бог — мщенья, Бог — гневный”. Я не верю этому, Макс. Теперь вот “Бранда” читаю. Неужели же всё это так? Неужели же то, что вот я повесила все портреты Мишины, это идолопоклонство?»

Мне вспомнилось, как Мар<гарита> Ал<ексеевна> была у нее и она показывала ей рубашечки Глеба («я уже ему мужские рубашки шью»). «У нее глаза сожжены слезами. Солью съедены», — говорила Мар<гарита> Алекс<еевна>.

Я просил Ан<ну> Руд<ольфовну> побывать у нее, и она обещала.

Сегодня утром я ездил на городс<кую> станцию брать билеты. Сердце тоскует, точно что-то совершается в Петербурге. Я знаю, что надо делать, но мне страшно, страшно тяжело. Я представляю, как Аморя уйдет от меня и придет другой.

2 марта.

Дома. Теперь 9 часов утра. Все спят. Я хожу по пустынной серой квартире, и мне кажется, что башня совсем опустела. Амори нет — она спит в комнате Лидии. Мне обидно и больно, как ребенку, что меня не встретили, меня не ждали. Мне хотелось бы видеть только ее, говорить только с ней. Мне чуждо здесь одному, и мне хочется уйти, и в то же время всё меня привязывает и душа моя не может жить в ином месте. В душе у меня отречение и непреодолимая боль. Милая моя девочка, нежная зайка. Я сам должен толкнуть ее к окончательному шагу. «Нельзя жить в атмосфере страсти — привлекающая и ничего не давая, сама не отдавая и не отпуская от себя. Или... или...»

То, что я не смел, не чувствовал права потребовать для себя, я должен потребовать для Вячеслава. И тогда... Ведь я

никогда не мог ради себя отказаться от Амори, я ради нее, ради предутренней девственности, ради «запотевшего зеркала озер» отказывался. И если утреннее зеркало будет разбито, и если я *тогда* полюблю ее уже неотвратимо как женщину...

Вчера весь день в Москве у меня было безысходное томление. Казалось, что что-то совершается... Я бродил по большому дому и не мог ни с кем разговаривать. Вдруг приехала Ан<на> Руд<ольфовна>, и мы сидели несколько минут вдвоем. Она говорила призывные, возвышающие слова. У ней были пылающие щеки и бриллиантовые глаза.

3 марта.

Вчера я приехал. Тоска моя прошла тотчас же, как только я увидел Аморию. В мою комнату вошла Лидия и удивилась, что я приехал. Я пошел тогда в ее комнату, где спала Амория. Она уже встала и была в красном хитоне, который был мне чужд. Я не мог при Лидии ничего сказать ей, но когда мы ушли в нашу комнату, я почувствовал, что вся тоска моя снесена волной счастья. Я говорил ей, как вчера я отрекался от нее и отдавал ее. Пришла Лидия. Они говорили о том же вчера.

«Нельзя вносить насилия в эту область. У Маргариты есть своя стихия — нежность. Третий род любви».

Нежность... в этом слове для меня был исход. За чаем я рассказывал об лекции, об Москве.

Вячесл<ав> был скепичен, резок, насмешлив. Что-то горело и жгло его. «Я тебя все-таки люблю. Не уважаю, но люблю. Конечно, я бы мог много пунктов для уважения найти».

После обеда был длинный разговор с мамой об ней самой. «Я чувствую, что я так могу дойти до самоубийства». Я говорил много и долго, упрекал ее в том, что у нее нет активного отношения к людям, ставил в пример Ол<ьгу> Мих<айловну>. Она была грустна, с тем страшным каменным лицом и каменным голосом, что появился у ней в последнее время. Я лег рано в постель, у меня был жар. Она сидела около меня, и лицо ее совсем преобразилось и оживилось.

Пришла Аморя. Тогда начался длинный разговор в постели. Я чувствовал рядом с собой это милое детское лицо, эти милые ласковые руки, в которых прохладное успокоение.

«Я буду покорной, Макс. Он мой учитель. Я пойду за ним всюду и исполню все, что он потребует, Макс. Макс, я тебя никогда так не любила, как теперь. Но я отдалась ему. Совсем отдалась. Понимаешь? Тебе больно? Мне не страшно тебе делать больно. Я гвоздь. Я и его распиная, и тебя. Он, может быть, единственный человек, вполне человек. Он сразу живет на всех планах, одинаково сильно. Знаешь, когда он смотрел карточку Штейнера, он сказал: “Это специалист”. Шт<ейнер> отказался от человеческого, а он нет. Он так же велик и остается человеком. Макс, он мой путь. Ты отречешься от меня. Тебе будет больно. Но ты свой путь найдешь».

И она медленно крестила меня.

«Ведь ты меня родил такую, как я есть. Ты мне нашел меня. И я тебя после родила».

Я сказал: «Значит, ты уже больше никогда не будешь моей». Она вдруг опустила голову и заплакала. И я не мог отличить, плачет ли она или смеется. Мы долго целовали и крестили друг друга.

Потом потушили лампу и заснули. Когда скрипнула дверь и вернулся Вячеслав, Аморя накинула шубу на рубашку и ушла. Я зажег лампу и стал читать. Мне не было ни грустно, ни радостно. Я был совершенно спокоен и равнодушен и с интересом читал о динозаврах. После она пришла. «Мы ужинали. Говорили о причастии». Потом мы заснули, и, засыпая, я вспоминал, как днем сквозь сон я слышал голос, который говорил басом: «Макс, пора», «Макс, вставай» — и не мог понять, кто из обитателей башни говорит это, и, раскрыв глаза, узнал, что это кошка.

6 марта. Вторник.

Эти три дня я провел в смутном тумане лихорадки, насморка и острой боли горла. Всё притупилось, и боль притупилась. Единственное, что я помню ярко, это астральное видение Вячеслава. Это было в пятницу ночью. К нему пришла Ан<на> Руд<ольфовна> и по очереди приводила всех нас:

Амору, Лидию, меня. «Это дитя мое возлюбленное. Отдаю ее тебе», — сказала она про Амору. Я, приведенный во сне, сказал: «Люблю тебя. Прощаю. Я коснулся воды. А ты вихрь вихревой».

Сегодняшняя ночь — страшная, полная кошмаров. Я видел сон, что я ночью в театре за кулисами. Идет репетиция страшной пьесы, с убийствами и привидениями. Но что это не пьеса, а на самом деле, и в театре нет публики, и какие-то зловещие грозовые сумерки лучатся из залы. Проснувшись, я сижу и смотрю в ночь. Голова сильно болит. Ужасы снов здесь рядом. Кошка ходит по пустой комнате. Аморя спит у Лидии. Я слышу острый шепот голосов в той комнате, который жужжит у меня в самом ухе. Просыпаюсь поздно. Входит Аморя. «Я страшно устала. Не спала. От Лидии я ушла в 8 час<ов> ут<ра> и была у него. Он был страшно взволнован. Он упрекал меня в малодушии, в трусости, в том, что у меня нет настоящей любви, что я не могу любить до конца. Он даже бил меня».

Все жала боли подымаются снова во мне при этих словах. Я говорю, задыхаясь, что не могу перенести, не могу. Я мог отдать тебя, но не могу допустить насилия, упреков. «Макс, ты не должен сердиться, ты не должен страдать. Ведь ты совсем отдал меня. Мне было сладко, когда он бил меня». Она откидывает халат и показывает разорванную рубашку.

«Макс, ведь я уже его. Ты это должен знать. Если это не случилось сегодня окончательно, то только потому, что у меня является инстинктивная самозащита от боли. Но это будет. Я была уже почти его. Макс, ты должен это знать. Ты ведь отдал меня».

«Нет, я не отдал тебя...» — говорю я. Потом говорю: «Боль не должна останавливать тебя. Это малодушие. Ты должна сделаться его до конца». Потом я чувствую, что у меня текут слезы, и я целую ее ножки.

Я запер двери, чтобы никто не входил и не видел меня. Я говорил всем, что у меня страшный насморк и голова болит. То, что мне казалось таким возможным, теперь стало невыносимо, невыносимо больно. Огромная обида встанет и растет. Я тоже, как мама, «не требовал ничего для себя». За

то, что не требовал, за то расплата. Но я чувствую, что и теперь не потребую, не смогу потребовать. Во имя чего смею я требовать? Вячеслав требует во имя страсти... Я не считаю возможным во имя нее требовать. За недостаток дерзости во мне?

Мне было невыносимо в этой большой, пустынной комнате, в которой были разбросаны вещи. Каждая вещь, которую я видел, чем-нибудь относилась к прошлому. Каждое воспоминание было жгучим жалом.

Я раскрыл старый дневник тех лет. Но это было совсем невыносимо. Я подходил к постели, где лежала она, и чувствовал, как начинают капать слезы. Она брала меня за руки. Я говорил: «Нет, не целуй меня, а то ты заразишься насморком». Были уже сумерки.

«Макс... Милый Миша-Мишута... Ведь ничто не изменилось между нами. Я только теперь полюбила тебя. И я тебе делаю больно с полной уверенностью, что так надо. Я не боюсь тебе делать больно, Макс. Я еще больнее буду тебе делать. Ты должен воплотиться, Макс».

Я вышел из комнаты и пошел к Вячеславу. Он спал. Я сел на постель, и, когда посмотрел на его милое, родное лицо, боль начала утихать. Я поцеловал его руку, лежавшую на одеяле, и, взяв за плечи, долго целовал его голову.

«Макс, ты не думай про меня дурно. Ничего, что не будет свято, я не сделаю (он сказал не это слово, но я не могу вспомнить его). Маргарита для меня цель, а не средство». И он говорил мне о своей первой жене, о разрыве с ней и о том, как после разрыва, уже возвращаясь в Россию, он снова сошелся с ней — спасительное падение. Потом он говорит об антиномиях, о том, что жизнь должна струиться непрерывными струями. Но я не слышу его слов. Я вижу его и чувствую странную сладость проходящей боли, чувствую, что ему я могу отдать Аморю. Лидия с нетерпением, с настойчивыми криками многократно зовет нас обедать.

После обеда мы сидим все около постели Амори. У ней вспухла вена на руке. Она всё не может заснуть после бессонной ночи. Я смотрю на Лидию и только теперь начинаю сознавать всю ту муку, которую она должна переносить.

Я понимаю, почему она говорит, что надо быть вчетвером, и потом, что она хочет уйти... Так же как я, она мучится в одиночестве и, когда видит Аморя, забывает всё, как я, когда вижу Вячесл<ава>. «Только не надо никакого насилия, — говорит она, — чтобы ни одно семя, взошедшее в одном из нас, не было погублено». Я чувствую в эту минуту бесконечно далекими от себя те мысли, что они далеки и чужды мне...

Вечером приходят гости. Кузмин читает свою повесть «Картонный домик». Аморя спит в нашей комнате. Рядом с ней красные азалии. Я долго сижу над ней. Тихонько стучится Вячеслав. «Макс, почему ты ушел от нас?»

— Мне тяжело быть на людях. Мне тяжело видеть тебя издали. У меня рождается мнительность. Мне начинает казаться, что я лишний. Только вот так, когда я вижу твои глаза, я верю тебе, каждому слову твоему.

Потом я ухожу к себе тихонько, чтобы не разбудить Аморя, и пишу этот дневник. На моих веках сладость сна и слез, а в душе успокоение. Любить Вячесл<ава> вместе с Аморей — это единственный путь. Любить вместе, требовать... но не быть далеким и скорбным свидетелем, как мама.

7 марта. Среда.

Смутный день для меня. Все мои решения и желания переменчивы. Аморя встала утомленная и больная и ушла к Кудрявцеву, сказав, что долго не вернется. Я убрал комнату. Переставил кровати, привел все бумаги и книги в порядок. Утром разговор с Вячеславом в его комнате.

«Да, в Маргарите нет ритма, она больна. Но этот ритм она должна найти внутри себя, в своей любви. Одно из двух — или ты мне доверишься или не доверишься?»

— Я доверяю тебе во всем, кроме здоровья.

Разговор был долгий. Но я чувствую отдаленность. Он доказывал убедительно, но слова не достигали до меня. Я подошел близко и взял его за руки, чтобы физически почувствовать интимность.

«В моей любви не было слов: мой, моя. Я отдал свое «я». Я принял ее в свое «я». Ты ее любишь, так прими и меня. Поэтому, когда я с тобой, лицом к лицу, я тебя люблю, как она.

Радостно отдаю тебе се — меня. Но когда ты говоришь о ней, как о третьем, мне невыносимо».

Он переменяет строй своей речи и там, где нужно сказать «она», говорит «ты». Упоминает о «Руанской Формуле». Меня это упоминание, как ссылка на что-то общеизвестное, страшно оскорбляет. Я чувствую, что «это» в Руане уже перестало быть тайной — таинством.

«Не говори о Руане».

«А, если ты таким тоном... Хорошо, я не буду упоминать о Руане».

В конце разговора он говорил о том, что ему надо часть пройти вдвоем с Аморей. У меня рождается страстное желание уехать сейчас же в Италию. И мне это кажется радостным и манящим.

Потом разговор с Лидией.

«Я никогда не забуду той ночи, когда она пришла с Вячеславом в мою комнату. У Маргариты было такое лицо... Иоанны д'Арк... И Вячеслав был в упоении, говорил, что она обещает ему новую любовь. И мы с таким восторгом оба целовали ее ноги. Может, она изменит этому лицу, но я его не забуду. Это было одно мгновение. Но мгновение это — обет вечности. Я знаю теперь, что это возможно. Я не верила действительности, а теперь знаю, что это есть».

8 марта. Четверг.

Вчера вечером, когда я писал эти слова, Аморя была у Вячеслава в комнате. Я слушал каждый звук и думал — если они не разойдутся до утра, я буду сидеть так до утра. Щелкнула дверь Лидии:

«Вячеслав, я прихожу сказать тебе, что это бесчестно. Ты знаешь ведь, что Маргарите надо спать. Пожалуйста, не приходи ко мне. Я ложусь». Дверь захлопнулась. Молчание. Мне казалось, что прошло несколько часов, но, верно, это было несколько секунд. Аморя пришла спать. Мне надо было ей сказать очень много. Теперь я не мог говорить от радости, что вижу ее.

«Аморя, ну видишь... Я воплотился. Я теперь знаю боль. Я несколько дней тому назад знал только радость. А теперь

всё боль. Вся наша жизнь с тобой, все наше прошлое каждым мгновением своим во мне болит. Я уже чувствую, что теперь бы я не мог прийти в комнату к Вячеславу, когда ты там. Я бы сидел здесь всю ночь и мучился бы, и ждал.

Мы легли. Всё прошло. Вячеслав пришел. Опять у меня был порыв любви к нему. Мы держались с ним за руки. Я чувствовал, что отдаю ему Аморю радостно и совсем. Я целовал его голову и его руки. Но он тоже целовал мою руку. И мне на мгновение сделалось страшно больно, точно он не хотел принять моего поцелуя. Но всё это прошло, и мне было радостно и спокойно. С этим же радостным спокойствием я проснулся утром. Я делал гимнастику, обливался, чего я не делал во время болезни, и сосредоточивался. Всё было ясно. Я спокойно мог видеть, как Аморя уходила из комнаты и возвращалась. Мне надо уехать, думал я. Я уеду в Италию на месяц. Теперь там весна. Потом я вернусь. Тогда всё определится, всё будет ясно. Я тогда приму Аморю уже по-новому. Но всё это неожиданно оборвалось. Мы говорили в комнате Лидии — все четвером. Лидия горячо упрекала Вячеслава в насильственности. Он сказал между прочим: «Я испытывал душу Маргариты». Я вдруг этого не вынес и сказал: «Я не могу допустить испытаний над человеческой душой». Но оказалось, что я это не сказал, а закричал, сжавши кулаки. Тогда Вячеслав сказал: «Я имею право, потому что взял его». Я выскочил из комнаты. Потом вернулся. Но уже не мог говорить. Весь день был проведен в сильнейшем волнении. Я долго, долго говорил Аморе о том, что всё разрушилось. Когда она взошла в комнату откуда-то, я стал целовать ее руки и опустил, чтобы поцеловать ее ноги. С ней вдруг сделалась истерика. Она захохотала и упала на кресло. Я бросился за водой, но облил ее, вместо того чтобы дать ей напиток. «Уйди. Дай мне быть одной. Мне стыдно». Я отошел на другой конец комнаты и замкнул дверь на ключ. Подбежал Вячеслав. «Макс, отвори сейчас же». Я отворил. «Не подходи к ней». Он подбежал. «Что случилось?» — «Я не знаю. Мне казалось, что у меня что-то запуталось в ногах, что я падаю».

«Макс?» Я молчал. Мне не хотелось сказать ему, что я целовал ее ноги. Я ждал, чтобы он ушел. «Вы здесь совсем

потеряли голову. Макс, есть Божья правда. Я беру ключ от комнаты. А то Вы здесь замыкаетесь». Он взял ключ и вышел. Я в полном бешенстве бросился за ним. «Вячеслав, ты не смеешь». Но сразу остановился, вспомнив, что рядом в комнате Мирэ и Троицкий.

Он вернулся в комнату. «Ключ у меня в кармане, а со мной ты можешь делать, что хочешь». Ходил по комнате и говорил. Я расслышал только слова: «С психическими большими...»

Когда он ушел, также <?> со мной началась истерика. Я горько плакал, по-детски. Подымал голову на Аморя и опять плакал. Я говорил бессвязные слова:

«Он мне хочет показать свою власть. Я не могу и не хочу бороться с этим, в этой области. Он теперь будет обращаться со мной, как с душевнобольным... Он обрывает меня. Он ненавидит меня. Я не хочу быть соперником... Аморя, это дурной сон. Мне кажется, что я сейчас проснусь, что, может, после Парижа ничего не было. Аморя, девочка моя».

А Аморя говорила: «Это я виновата, я не выдержала. И всё сорвалось. Макс, как же случилось, что всё было так хорошо... Макс, ведь ничто у тебя не отнято. Я люблю тебя больше, чем раньше». Мы долго плакали вместе. Потом успокоились.

«Да, Макс, я вижу – ты прав – тебе надо уехать на время. Я не вынесу этого. Только поцелуй мне вот этот крест, что между нами всегда останется наше».

Мы оба поцеловали старинный крест. Перекрестили друг друга. Я положил ей руки на голову.

«Милая моя девочка. Благословляю тебя на любовь, на всё, что бы ни случилось. Господь с тобой!»

Она поклонилась мне в ноги.

Мы вышли в коридор. Там стояли Вячеслав и Лидия.

«Макс, ты хочешь подать мне руку?»

– Не только руку подать, но поцеловать хочу тебя.

Мы вдвоем ушли в мою комнату и долго говорили. Снова всё, всё прошло. Пришла Аморя и лежала между нами и говорила: «Дайте мне вот так отдохнуть между вас». Теперь Аморя спит в комнате Вячеслава, а Вячеслав будет ночевать у меня.

9 марта. Пятница.

Всё, что происходило эти дни, мне кажется наваждением. Всё с меня как рукой сняло. Я не сосредоточивался эти дни, и вот что-то сорвалось у меня внутри. Сейчас снова всё натянуто и всё повинуется мне.

Моя гимнастика утром произвела на Вячеслава очень сильное впечатление, о котором он пространно и комически всем повествовал. Приходила к нам утром Зайка и тактично садилась на мою постель, но ближе к нему. Я очень долго и упорно сосредоточивался и приводил свою душу в порядок. Потом писал статью об «Драме жизни». Вышел в первый раз из дому, заходил в редакцию, заходил в книжные магазины, купил Аморе белых роз. Меня сейчас же позвали к Лидии, когда я пришел. «Тсс...с...с... Вячеслав этого еще не знает...» Погодите – я решил не ехать в Италию...

«Вот как всё устраивается. Ты знаешь – Маргарита решила ехать на месяц в Висбаден». – Ах, как я счастлив. Тем более мне не имеет смысла ехать в Италию. Я купил себе книги об Ассизи и могу стихотворения писать и здесь. Как я рад, что Аморя сама решила.

«Только не говори об этом Вячеславу. Он будет рвать и метать!»

У мамы сидели Орлишка и Вал. Матв., а у Вячеслава Чулков. Мы ужинали вместе. Несколько минут мы были одни в нашей комнате с Аморей.

«Макс, моя любовь к тебе, кажется, до апогея доходит. Между нами всегда будет счастье. Наше счастье. Вот здесь», – говорила она, показывая глазами на пространство между нами, в то время как руки наши мы положили друг другу на плечи.

– Как хорошо, что ты едешь лечиться. Мы измучили тебя. Мне странно вспомнить мои вчерашние слезы.

«Как ты плакал: закрыл глаза и открыл рот, как маленькие дети. И я тебя всё спрашивала: “Макс, что ты плачешь, что ты плачешь?” А ты посмотрел на медведя с утенком и опять заревел».

Вячеславу сказали, что Аморя едет. Только что я слышал, как Лидия через коридор кричала ему: «Путь!! Путь!!

Да, ты путь! Чертов путь!!» Я заснул, но поздней ночью проснулся, т. к. опять шелкнул ключ в комнате у Лидии и снова по коридору пронеслось вихрем проклятие: «Бездельники... Жиробесы!! Полуночники. Это бесчестно! Слышишь, Вячеслав?» Потом какие-то слова о постном масле, и Вячесл<ав> быстро вошел в мою комнату и стал раздеваться. Я притворился спящим. Но начала ходить кошка, в дверь скрестись. Я ее выпустил. Потом подошла к двери мама со свечой, чтобы впустить ее. У Амори был свет. Я вошел. Она сидела усталая, с горящими глазами:

«Не спрашивай меня. Я страшно устала». Я ушел под гнетущим чувством того, что Вячеслав уговорил ее не ехать в Висбаден.

10 марта. Суббота.

С утра Аморя ушла в церковь – причащаться. Вячесл<ав> с ней. Лидия ушла в сад. Я дожидался возвращения Амори и мучился опять сомнениями в Вячесл<аве>. Сосредоточивание не дало мне полного владения собою, и вся обида, личная и жгучая, продолжает шевелиться, готовая вспыхнуть.

Пришла Аморя. «Он уговорил тебя не ехать».

– Ах! Разве я смогу уехать?

– Что же было?

– Лидия крикнула ему: «Ты знаешь новость, что Маргарита едет в Висбаден?» Он обернулся: «Маргарита, это правда?» И я вдруг очень глупо сказала: да, но ведь это только на четыре недели. Он страшно изменился в лице. Он мне говорил, что он увидел, что я действительно его не люблю, если могла в тот момент, когда только стали слагаться наши отношения, вдруг решить ехать в какую-то санаторию. Ах, как он говорил, Макс. Он говорил про себя, что жизнь от него отворачивается. Скульптор, который изваял его, не может продолжать работы. Он гениально говорил. Он сравнивал себя с Лиром, который в гордости не захотел больше повелевать и остался покинутым. Макс, он Тантал.

Я пошел на вернисаж выставки «Нового общества», где картины Богаевского. Я не ожидал видеть так много народа. Это меня изумило и оглушило. Я почувствовал, что века

прошли с тех пор, как я видел людей. Я был рассеян. Никого не узнавал, говорил невпопад. Потом немного пришел в себя. Возвращаясь, я принял несколько важных жизненных решений. Я решил, что я не должен связывать планов своей жизни с Амориными планами. Что всё лето я проведу в Коктебеле, а осенью отправлюсь в Париж. Она же поступит так, как ей заблагорассудится, — поедет со мной или останется в России. Что мне рано еще иметь дело с людьми. Что теперь мне надо еще несколько лет сосредоточенной и одинокой работы.

Это всё я сказал Аморе и стал писать письмо Ан<не> Рудольфовне.

Приходила Орлишка и увела маму к Давиденке. Затем мы были вчетвером. Один момент разговор чуть было не принял острый характер, когда коснулся Ан<ны> Рудольф<овны>, но всё прошло благополучно.

11 марта. Воскресенье.

Я долго не мог заснуть от беспокойства и тоски. Выглядывал в коридор. У Амори — тьма. Лег. Опять зажигал лампу и читал, опять тушил. Вдруг Аморя пришла. «Я не смогла спать от беспокойства и хотела тебя видеть». Ушла к Лидии. Я заснул. Через несколько часов опять пришла Аморя: «Покойной ночи... Мы только что говорили... Решено общее fuoco spirituale*». Я радуюсь, но сон сильнее. Утром, когда моюсь, Аморя кличет:

«Я хотела к тебе вчера прийти ночевать. Но Вячеславу было больно. Я не пошла».

Негодование мое подымается. Мне трудно побороть его, даже сосредоточиваясь. После длинный разговор с Вячесл<авом>:

«Если это тебя может успокоить: у меня нет слепой страсти к Маргарите. Только если будет неизбежно, она может стать моей. Даже страстного влечения недостаточно. Конечно, я могу обмануться, но ты понимаешь, в каком смысле. Скорее Маргар<ита> может меня обмануть, чем я».

После мы говорили об всех волнениях этих дней. Я говорю подробно, но уже бесстрастно о моих оскорблени-

* Духовный огонь (*ит.*)

ях. Мы выходим радостные, близкие и дружественные. Мы едем с Аморей на выставку и после к Поликс<ене>. Весенний день. Новая жизнь. Она едет в Царское Село в санаторию, а я еду с мамой в Коктебель, как можно скорее. Летом я приеду в Богдановщину.

Мне надо освободиться, самоутвердиться. Я всю свою жизнь ломал и гнул перед Аморей. Для полноты любви мне надо самому свое найти, и тогда только я могу дать ей всё.

По возвращении неприятный разговор с мамой. Я груб и раздражителен. Она очень огорчена и негодует.

После чая мы все у Амори на постели в комнате Вячеслава. Всеобщий мир и благоволение. «Я за каждый новый день боюсь», — говорит Лидия. У всех такое же чувство. Все стремятся разехаться, отдохнуть, успокоиться от этой нечеловечески напряженной атмосферы последних дней.

12 сентября 1907.

Прошло полгода. Полгода в Коктебеле...

Я снова даю себе слово продолжать записывать каждый день. Вчера вечером мы вышли с Аморей в горы, недалеко, на холмы по развалинам города. Совсем померкло. Закат был чистый и холодный, точно восход. Пустынные долины были золотисто-черны и дики. Она смотрела на меня снизу и прижималась лицом <к> колену моему и говорила:

«Если бы мне только раз увидеть его... Я все-таки не понимаю психологии людей, которые не пишут... Но, не понимая, уважаю... Мне только на один день увидеть его... Ах, Макс, он совсем изменился... Хочешь, я расскажу тебе еще раз, как я ездила туда. Меня Вера на вокзале встретила и сказала, картавая: “Я Вера. Я приехала Вас встретить”. Потом мы сходили в лунном тумане. Очень долго. Мне казалось, что это сон. И только хотелось не проснуться. Все-таки во сне встретиться с ним. И я видела совсем ясно, как перед лошадьми шли три фигуры, обнявшись, отступая, лицом к лошадям.

Потом он был на верху лестницы. И мне казалось, что у меня не хватит сил подняться. Я шла медленно, медленно. Он меня *обнял* и ввел в комнату. “Нам нужно решить, не-

обходимы мы друг другу или нет”. Лидия поцеловала меня с холодным, неприветливым лицом. Потом меня повели в мою комнату. Она была тоже пустая, деревянная. Полотенце висело на полке с красными цветами. И стояла кровать, покрытая моим одеялом. Тем, что у меня с пяти лст. Так что, понимаешь, не могло быть никакого сомнения в том, что это моя комната. И он ко мне совсем по-иному относился — потечески. Говорил: “Хочешь, выпьем сюда твою маму или Макса”. Мы говорили очень долго. Потом Лидия позвала его, и по голосу можно было понять, что она плачет. Она говорила: “Я больше не могу так жить”... Он успокаивал ее. Потом я пошла к ней. Он уже ушел спать...

Он говорил Лидии: “Если бы ты могла до конца развенчать Маргариту, то ты убила бы ее”».

Аморя всё это говорила, уткнувши голову мне в колени. Я держал ее голову и смотрел на небо. И чувствовал, что теперь всё *мое* к Вячеславу кончено. Что в этом больше моей боли не будет, только ее во мне. И я молился за нее закатному небу и поручал ее сумеркам и синеве, как когда-то в Цюрихе.

Вчера днем она рассказывала мне про Ньюшу:

«Ты знаешь, она написала зимой Бальмонту письмо и прислала его с букетом сирени. Он был страшно удивлен. Всем показывал письмо и восхищался. На следующую неделю вдруг в тот же день приходит опять букет. Ньюша была страшно удивлена. И тогда прислала еще букет: Бальмонт с ума сходил от ее писем. И потом перестал их уже показывать. Он всё требовал свиданья. Елена страшно ревновала и настаивала на этом. Он ответил на письмо, что больше не будет писать. Тогда стали приходить букеты из грустных трав и цветы слезками, без писем. Он совершенно обезумел. Когда он Ньюше показывал письма, она их критиковала, и он думал, что она ревнует его. Потом, когда Ньюша заболела, то она посвятила в это Катю. Та была страшно изумлена. И оказалось, что второй букет прислала она».

Эти дни мы ожидаем приезда Ньюши и Лайзы. Они не сдуют и не телеграфируют.

15 сентября.

Накануне – телеграмма о выезде Ньюши и Лайзы. Ночью проснулся от крика в комнате Амори. Она стонала и корчилась в постели и была почти без сознания. Я сел и стал гладить ее руки. «Почему они не пишут?.. Что-нибудь совсем изменилось... Как они меня оскорбили... Лидия меня считает развратной...»

Потом она успокоилась.

На рассвете я встал и пошел в город. Я сосредоточивался по дороге и чувствовал внутренниe крылья, которые несли меня. Во время ходьбы это выпрямляет необычайно. Серебряным утром спускался с гор. Бронзой червленел виноград. Кизил осенний – лилово-розовый, линиялый, алый, винный...

Оставалось два часа до прихода поезда, и я пошел к Алекс<андре> Мих<айловне>. Стал говорить ей о планах статей: об рифме-освободительнице, об утерянном искусстве плетения венков.

Она перебила меня, когда я говорил о неумении носить и принимать венки:

«Это не в русском характере. Это не в духе православия. Все мы, в сущности, глубоко православны. Вы опять уходите от России. Мне жаль. Одно время вы чувствовали уже ее. Вы знаете, что вам надо готовиться к тому, чтобы принять венок. Смотрите – к Вашим словам уже начинают прислушиваться. Вы знаете, что Вы уже больше не имеее права шутить. Вот то, что Мар<гарита> Вас<ильевна> не могла примириться с Вашими костюмами. Я этого уже не замечаю. Но это мешает людям подходить к Вам. К Вам станут приходиться; так не обманывайте их. Смотрите – Вас всегда выделяли: женщины говорили, что вы не мужчина, – это значит, что Вы выше других. Я не говорю о том, что Вы талантливы, что у Вас больше эрудиции, чем у Вяч. Иван<ова> и других. У Розанова, напр<имер>, с его прозрениями. Но в Вас есть ясность и чистота. Вы, может быть, осуществление того, о чем они мечтают. Бессознательное осуществление. Понимаете, что Вы должны быть чисты. Для народа должны быть идеалы,

конкретные, к которым можно обратиться. Вы должны быть готовы».

Снова эти слова. На меня кладут великое обязательство. Все мне налагают большую общественную роль, которой я не знаю и о которой не думаю. Но она вне моих целей и воле-ний. Принять ее смиренно и снести честно, если она придет. Расту к ней, как растение к солнцу. Но я искал в себе и не нашел сознательного воления к ней. Если она придет, то придет как судьба, не как дело. Быть свободным, радостным и готовым. Я в себе чувствую теперь вместе с полнотой жизни готовность, радостную готовность к смерти каждую минуту.

Ад. Гер<цык> писала на днях Аморе:

«Вчера вечером пришло Ваше письмо о молчании, о венках и телеграмме, осторожной и оглядливой (Вячеславовой)... Какая у Макс. Алек. свободная, безоглядная душа по сравнению с Лид<ией> и Вячес<лавом>! Даже приписка его нам, такая торопящая и обгоняющая жизнь (что “наши отношения кончились”), так умилительно верна для него. Пусть напишет скорее прежде всего статью об утраченном жертвенном искусстве плетения венков».

Я теперь думаю об этой статье – вижу ее.

Встретил Ньюшу и Лайзу. У Ньюши остановившийся, детски мучительный взгляд и сдвинутые напряженно брови, когда она молчит. Но потом она оживает тихой веселостью. «Я уеду из Коктебеля совсем здоровою или совсем не уеду».

Четыре часа с Лайзой мы мечемся по рынкам, базарам, бакалейным торговлям до изнеможения. Потом, в сумерках уже, приезжаем в Коктебель. Дом оживает в первый раз и светится всеми окнами. Я выхожу в сад и с радостью гляжу на него, освещенного и полного домашней жизнью, украшенного венками, принявшего, наконец, в себя жизнь.

18 сент<ября>.

Когда мы шли в Феодосию по плоскогорьям, Вайолет сказала мне: «Ты знаешь, моя сестра пишет мне, что она так

же представляет тебя в Англии, как большую горную сосну в маленьком городском цветнике».

Мне хотелось бы жить между людей, в которых можно читать прошлое страны. Здесь только будущее. Сама земля одиноче и красноречивее поэтому.

20 сент<ября>. Четверг.

Приехала Ан<на> Рудольф<овна>. Вечером долгий разговор о Москве и литературных ненавистях: Брюсове, Эллисе, Белом.

Сила, давшая такой могучий упор таланту Брюсова, — его честолюбие. Его мучит желание быть признанным первым из русских поэтов. В этом его роман любви и зависти к Бальмонту. Теперь он считает Бальмонта победленным, но чувствует еще более опасного противника в Вячеславе. Он не выступает сам борцом. Он хранит дружбу. Но в его руках его приверженцы — теперь Белый и Эллис, которых он растревляет, поджигает и спускает с цепи. Потом он говорит: «Я даю в своем журнале полную свободу высказывать свои мнения молодым безумцам».

Эллис — Кобылинский, бывший на моей памяти поклонником Каткова, потом Маркса, потом Озерова, Бодлера и теперь Брюсова, которого он считает русским воплощением Бодлера, был несколько раз у Анны Рудольф<овны>. Он искренен и страстен до конца. У него талантливый темперамент, но сам он в поэзии бездарен. Он бескорыстное и поэтому страшное — слепое, честное — орудие в руках Брюсова.

Мне хотелось бы написать о Брюсове макиавеллическую книгу: «Поэт». Апофеоз воли и честолюбия. Это характер и фигура, вылитые из бронзы итальянского Ренессанса.

Я ему удивляюсь и не возмущаюсь. Я люблю гибким совершенством и уверенностью его тигриных ударов и выпадов.

После многих лет я встретился с Эллисом в мае у Брюсова. Эллис читал свои переводы Бодлера, Брюсов давал ему указания. Переводы были очень плохи и бесцветны. Переводчик понимал и любил Бодлера, но совсем не чувствовал и не понимал ни русского языка, ни бодлеровского стиха.

Брюсов хвалил переводы, давал частные указания и искусно спрашивал моего мнения, предоставляя мне высказывать осуждение, порицания. Я это и делал, вполне понимая его игру, и он ее почти не скрывал от меня.

Эллис нравится Ан<не> Руд<ольфовне> искренностью и неудержимостью. Он заговорил при Брюсове: почему Вячес<лав> Иван<ов> так восторгается Городецким? Брюс<ов> ответил ему: «Знаете, Лев Львович, нельзя быть таким наивным. Кто же не знает, в каких отношениях Вяч. Ив<анов> и Городецкий?»

Эллис не вполне поверил и спросил приехавшего Нувеля. Тот засмеялся ему в лицо: «Вы совсем наивное дитя, не смотря на Ваш голый череп. Наша жизнь – моя, Кузмина, Дягил<ева>, Вячесл<ава> Ив<анова>, Городецкого – достаточно известна всем в Петербурге».

Ан<на> Руд<ольфовна> рассказывает, что теперь ставится всем ультиматум: Москва или Петербург? Был разговор, чтобы поставить такой ультиматум и мне. Это до сих пор не сделано. Белый рассказывает, что Блок приезжал в Москву, каялся, мирился и отрекался от Вячеслава. Что под этими словами скрывается – трудно восстановить, но буквально я их не принимаю.

Белый страдает, что слова «бездна» и «тайна», произнесенные впервые им и омытые его слезами, теперь украдены у него.

«Чулков обокрал Мережковского, он его без штанов пустил» (то-то Мережковские тогда в Париже вопили: мы наги!). В литературе – отравленная атмосфера воспаленных самолюбий. В ней погибнут многие таланты и многие страстные сердца. Белый будет одной из первых жертв.

Я был свидетелем многих отдельных эпизодов того систематического отравления, которым губил его Брюсов, раздражая, дразня и толкая на бестактные выходки. Как некогда с Бальмонтом, так потом с Белым Брюсов как бы считал нужным поддерживать меня au courant* событий – и однажды я получил от него открытку: «Верно, вам небезынтересно будет знать, что я принужден был послать Андрею Белому вызов на дуэль, от которой он уклонился».

* В курсе (фр.).

21 сент<ября>. Пятница.

Утром мы поехали было в Судак с Вайолет. Но она упала и расшиблась. Не хотели возвращаться. Но пришлось. Я катил ее на велосипеде. Она смеялась и рассказывала о своих катастрофах с вывихами, ушибами и поломами, которых было много.

«Мы раз втроем, я, моя сестра и брат, втроем выдернули у себя шесть зубов в одну ночь. Сперва я. Я была всегда коноводом. У меня шатался молочный зуб. Потом брат и сестра. Потом я нашла еще зуб у себя и тоже выдернула. А сестра выдернула цельный зуб, не молочный. Наша мать была в отчаянии, когда узнала». Она мужественно переносит боль и смеется детским проказливым смехом.

После обеда разговор с Амор<ей> и Ан<ной> Руд<ольфовной> о Марг<арите> Алек<сеевне>, которая очень оскорблена моими письмами, особенно тем, что я ставлю в примср ей маму.

Ан<на> Руд<ольфовна> диктует мне лекции Штейнера. Мы работаем усердно до самого ужина. «Человек мечтой готовит себе свое будущее тело».

— Вот та мысль, из которой я исходил, пишучи Мар<гарите> Алек<сеевне>. Разлад между детьми и родителями в том, что дети второй раз рождаются в мечте. Этого ни одна мать не может <ни> понять, ни принять. Это рождение — окончательное отделение. Нет ничего легче, как словом подкосить, разрушить мечту многих лет. Это не признак слабости. Слово убивает равнодушием, а не страстью. Поэтому дети неизбежно скрывают мечту свою от родителей: великих разрушителей всякой мечты, которая в детях враждебна им.

За ужином разговор о Танееве. Он был адвокатом, но перестал выступать, когда какая-то газета осмелилась похвалить его и сравнить его с Плевако. Он написал в «Рус<ские> Вед<омости>» два блестящих фельетона, которые очень понравились. Этого было достаточно, чтобы он бросил литературу навсегда.

Ему принадлежат такие изречения:

«Что ж, мы с христианским терпением терпели в течение трех столетий зрелище мужицких страданий, пускай же

они теперь имеют христианское терпение глядеть на наши несчастья».

«Человеку вообще свойственно любить дурное обращение*, а женщине — в особенности».

«В социальном отношении в жизни человечества различаются три периода. Первый, когда люди все-таки еще очень любили друг друга. Это время антропософии. Второй период рабства. Похуже. Но хозяева все-таки еще заботились о своих рабах. Хуже всего наше время — свободного труда, когда совсем перестали заботиться».

Когда к нему приехал Любимов:

«А, вы друг Ан<ны> Рудольф<овны>? Значит, тоже сверхъестественными вещами занимаетесь...»

— Нет, я естественник...

— Ну, что ж — вот Боречка Бугасев тоже естественник.

Андр<ей> Белый читал при нем свою поэму (что в «Весах»).

— Ах, Боречка, так и знал, что живого закопали...

Он женился на шотландке. Встретил ее в первый раз на улице и сказал: «Я женюсь на этой девushке». Через несколько дней, встретив ее в одном доме, за обедом, он громко спросил ее: «Вы завтра к обедне пойдете? Пожалуйста, не ходите в такую-то церковь, а то вы очень удивитесь. Там будет завтра оглашение нашей свадьбы». Она побледнела, но ничего не сказала. «Она меня, верно, очень не любила, я тогда был еще безобразнее, чем теперь. Но вот мы сорок лет женаты, и согласия на брак я, в сущности, до сих пор не получил».

Он диктовал Анне Руд<ольфовне> свои мемуары о Салтыкове. Когда тот в один из своих припадков раздражительности стал кричать на него, то он ушел и больше никогда не был у него, несмотря на то что Салтыков продолжал бывать у него и извинялся: «Нет, я вижу, вы меня стали за одного из моих старых приятелей считать».

У Танеева собраны обширные материалы о Пугачеве, которого он очень любит. Он утверждает, что Пугачев был в немецком университете и имеет его немецкие письма.

* В оригинале ошибочно — «отвращение».

У него одна из лучших библиотек в России. О ней мне весной рассказывал Эртель.

Он никогда в своей жизни не пускал в свой дом ни одного военного, которых он не называет иначе, как убийцами.

Я видел во сне квартиру, где я буду жить. Это было в каком-то большом городе, похожем на Париж. Но был ли это Париж, я не знаю. Я помню адрес: 52 Rue Ganganelli (сперва я прочел Rue Galiani, но меня поправил чей-то голос — Ganganelli). Это может быть в Риме.

23 <сентября>. Воскресенье.

Не понимаю своей беспричинной раздражительности. Пришло сегодня письмо от Герцыков со вложением письма Лидии. Вяч<еславу> предлагают заведование «Золотым Руном». Они едут в Москву. Журнал о мифотворчестве колеблется.

Письмо пришло, когда мы были у Манасеин<ых>. Аморя была потрясена тем, что опять она узнаёт всё из вторых рук. Мы вышли в виноградник. Она говорила: «И это называется жить одной жизнью».

Мы на закате ходили втроем с Богаевским на Пирамиду. После Ньюша пела много, долго и трогательно.

Ночью мы вышли с Ан<ной> Руд<ольфовной> говорить на берег:

«Нельзя всё принимать. Надо sì, sì! или по, по!»* Если Аморя уйдет к Иванову, это будет смерть для Вас<илия> Мих<айловича>. Если она примет это на себя, она этого не вынесет. Я понимаю любовь Мар<гариты> Алек<сеевны>. Она права в своей любви, что нельзя принять всё. Если я отдала ее ему, она говорит, то не затем, чтобы он передавал ее другому. Для Амори, если она поедет в Петербург, это будет гибелью. Ей угрожает нервная болезнь, сумасшедший дом.

Вячеслав не любит ее. Он к ней относится равнодушно. Лидия ее ненавидит, как ненавидела тогда, в самом начале, в Петербурге. Лидия вступает теперь в тот страшный период,

* Да, да! Нет, нет! (исп.)

когда женщина перестает быть женщиной, когда сходят с ума, совершают преступления. Как же отпускать ее в Петербург теперь, к ним, где ее не любят, где Лидия ее ненавидит. Ведь меня, когда мы идём, вы удерживаете, иногда грубо хватаете за локти, чтобы я не упала или не наткнулась на камень».

— Я не считаю возможным никакого насилия. Но теперь пред Аморей стоит вопрос. У ней ужас, что ее пошлют вместе с Нюшей в Италию. Она защищается, как затравленный зверек со слепым животным ужасом, хотя об этом не было еще и речи. Если она преодолест себя и добровольно поедет, предложит поехать с Нюшей, то тогда преобразится и ее любовь к Вячеславу. Но об этом никто не может просить, она сама должна захотеть.

Мы возвращаемся в комнату. Меня охватывает несобьяснимое раздражение против Амори, которое находит себе случайный выход в потерянном халате.

Ан<на> Руд<ольфовна> ложится в постель. Я сижу рядом с ней. Аморя в соседней комнате пишет ответ Герцыкам.

Ан<на> Руд<ольфовна> говорит еще долго об том же, почти заклиная не ехать с Аморей в Петербург, удержать ее от этого шага, как от гибели. Потом она говорит: «Теперь пойдите к Аморе и будьте с ней ласковы».

И вот я выхожу в столовую и с недоумением чувствую, что вместо ласки снова неприязнь приподнимается во мне. Она дает мне письмо. Мне оно кажется искусственным и деланным. Она разрывает его. Я чувствую, что она вся поглощена мыслью об Вячес<лаве>, и не могу сдержать своей враждебности, точно всё то, против чего боролся я весной, всё еще живо во мне. Она спрашивает, надменно и оскорбительно (так мне кажется): «Да ты ревнуешь меня, что ли, еще до сих пор?»

Потом: «Нет, так не нужно прощаться». Мы пытаемся говорить, но у меня ничего не выходит, и я ухожу с горестным недоумением, так всё это не вяжется с тем, что я только что говорил Анне Рудольф<овне> о себе и своем отношении к Аморе. Или это просто раздражение от усталости, сна и холода?

24 сент<ября>. Понед<ельник>.

«Ваше астральное тело еще в беспорядке», — сказала А<нна> Р<удольфовна>, когда утром я зашел проститься и она была еще в постели.

И опять та же дорога по горам — моя дорога этого лета, теперь вся стеклянная, золотистая осенью.

«Нам нужно так много говорить... Мы были поражены ответом в стихах. Вер<а> Степан<овна> сперва задумала стихи. Но Ада сказала — это невозможно — он пишет по две недели стихи... Тогда задумала привезти коктебельские камушки. Но дошло только первое».

Вер<а> Степ<ановна> Гриневич очень некрасива. У нее нервное лицо, всё узлистое, с короткими, чуть волнистыми волосами, тускло рыжими. Круглая обстриженная голова, которая может быть головой сумасшедшей. Мы читаем вслух лекции Штейнера. Она поминутно перебивает меня вопросами, требующими истины настойчиво и тотчас. Потом замолкает и слушает.

Когда чтение кончено, она спрашивает: «Почему считаете Вы это истиной? В чем Ваши доказательства?»

— Мне не надо доказательств. — Я говорю о неизбежной реальности слов, об абсолютной достоверности рожденной мысли и т. д. Потом о спорах.

Я:

— Я не буду спорить и не спорю. Мне легче согласиться, чем спорить. В спорах две опасности: с одной стороны, рискуешь начать высказывать из противоречия то, что сам не думаешь, а с другой — это всегда столкновение двух отрицаний и примирение их может доставить наслаждение только третьему лицу, присутствующему при споре, но не спорящим.

— Вы не относитесь серьезно...

— Несерьезно то, что не может улыбаться.

Она постепенно начинает улыбаться и говорит уже менее строго: «Я никогда не встречала менее научный ум».

Я чувствую, что она прощает мне многое и относится с симпатией.

25 сент<ября>.

Мы ходим по винограднику и срываем грозди розового, синего, желтого винограда.

— Простите, что мы заставили Вас вчера отвечать на такие недостойные материалистические вопросы. Но это так надо для Вер<ы> Степ<ановны>. Она сегодня упрекала нас, почему мы не предупредили ее, как следует к этому относиться...

...Вы не боитесь воздействия на вас? Мне кажется, что во сне Вы беззащитны.

Это опять прозрение. Я вспоминаю слова Штейнера во сне, что следует держать соединенными руки.

Мы читали Барреса и Швоба для L'Amie Latine*. Там будет мой перевод Клоделя. Это решено.

Затем я уезжаю и в золотом осеннем вечере приезжаю в Коктебель. В душе тишина. У нас в доме тоже тишина от Анны Руд<ольфовны> и Нюши. Как вечерний ореол. Вечер я провожу с Вайолет. Я чувствую, что могу всё примирить.

26 сент<ября>. Среда.

Ан<на> Руд<ольфовна>: «Не надо ехать Аморе в Петербург. У Вячесл<ава> нет силы. У него была. Он мог прямо войти, минуя всю земную ступень. Но он устремился в земную страсть, так же сильно и прекрасно, как он еще <?> делает. И он глубоко ушел. Теперь ему надо пройти другой физической дорогой. И он совсем одинок. Возле него нет людей, ему близких. Он не умеет обращаться с людьми. Он губит, ломает людей. Нельзя говорить так — пусть ломаются, если сами плохи. Никто не имеет права ломать и разрушать, делать *опыты* над людьми. Он сломал Городецкого. Он сеет разрушение вокруг себя. Разве можно проповедовать курсисткам, давать наставления в их романах. Когда Аморя рассказывала ему про Алешу, что он не может полюбить никакой женщины потому, что так ценит и любит своих сестер, она почувствовала, что он и Лидия понимают это совсем иначе. Ведь это ужас. Какой же это учитель жизни? Где же его сила, когда он не

* Латинская душа (фр.).

может заставить себя ответить на письмо или выслать посылку. И Анд<рей> Белый прав. Нельзя так относиться к людям. Он не понимает людей. А Бел<ый> пришел в ужас, когда он увидел Кузмина, с гвоздикой за ухом. “Есть два прекрасных пола”, — сказал ему Вячеслав. У него нет учеников. Ему некому говорить. В этом ужас. У него, может быть, два близких человека — Лидия и Аморя. И они враги смертельные».

После обеда Ан<на> Руд<ольфовна> диктует мне лекции. Аморя рисует Ньюшу на террасе. Потом мы идем в горы к Пирамиде. Теперь всё будущее темно. Возможный переезд Ивановых в Москву окончательно перепутал всё. Герцыки не могут остаться в Москве. Они после долгих усилий связали себя с Петербургом окончательно. Так<им> образом, Вячеслав останется там совершенно один среди враждебных сетей, раскинутых Брюсовым. Аморя ни за что не будет в Москве. Соседство с Поварской всё усложняет до ужаса. Лидия, конечно, всячески будет настаивать на Москве. Я... я не думаю о месте. Если судьба привяжет к России, я буду в глубине своей комнаты добросовестным историографом людей и разговоров, а на площадях газет — *толкователем снов*, виденных поэтами. Быть толкователем снов и добросовестно записывать свои сны, виденные на лицах современников, — вот моя миссия в России.

Если же я буду за границей, я буду жить стариной, чистыми идеями и буду поэтом. Я готов принять и толпу и усидение. Что выпадет — в этом судьба.

Вечером приходит Аморя: «Скажи, что Вы говорили обо мне с Ан<ной> Руд<ольфовной>?»

— После.

— Нет, теперь.

«Что тебе не надо ехать в Петербург. Что ты не вынесешь разрыва с семьей. Знаешь ли ты, что Ньюсе так плохо. Что здесь вопрос о жизни и смерти? Ан<на> Руд<ольфовна> говорит, что она не уедет, пока не будет ясно, что она спасена. И знаешь — я думаю, что теперь перед тобой выбор. Это большая жертва, которую никто не имеет права требовать от тебя, и только ты сама добровольно можешь совершить ее: ехать с Ньюсей».

– Пусть с ней едет Ан<на> Руд<ольфовна> в Италию.

– А ты представляешь себе, скольким жертвует Ан<на> Руд<ольфовна>, если она поедет с ней, и сколько людей она лишает?

После долгого молчания Аморя говорит:

«Нет, все-таки я или поеду к Вячеславу, или останусь совсем одна, чтобы он знал, что у него есть одна верная душа. Или с ним, или совсем одна».

Я отхожу, чувствуя, что здесь обрываются все возможности, и сажусь писать за стол. Немного погодя Аморя подходит и прощается. «Ты меня закошмарил. У меня всё снова поднялось. Все долги...»

– Я не этого хотел...

27 сент<ября>.

За обедом разговор о Богаевском.

Он долго и трудно боролся против реализма. Этюды ему не удавались. Однажды Куинджи был у него, всё рассмотрел и разбранил. Он решил умереть. Отворил все окна и двери. Была зима. Прозяб, но не получил даже насморка. Он соскребе с холстов всё, что там было, и стал в первый раз писать по памяти – Пустыню.

Он однажды бросил Академию и искусство, чтобы идти в университет. Но когда приехал на лето в Крым, снова принялся за этюды.

В мастерской Куинджи не работали – пили чай, играли на мандолине. Он приходил и вдохновлял. Говорит: «Этта... то!» Летом он увозил своих учеников с собой в Кикенеиз, где жил на дереве, в специальном гнезде. Вставал на рассвете и сидел на камне далеко в море, как большая белая птица.

Этюдод там тоже не делали. Он учил смотреть и вдохновляться. Смотря на картины, говорил: «Это не прочувствовано. По этюдам сделано».

Аморя вспоминала, как она училась писать, когда господствовали принципы импрессионизма. Ее влекли дали, излучины дорог и обозы по дорогам. Учитель ей говорил: «Прищурьтесь. Разве вы видите это? Надо искать только об-

щее». И она потом плакала, думая, что *теперь* уже это больше недоступно искусству, и втайне обожала четкость префаэлитов.

29 сент<ября>.

Вчера приехала Евг<сения> Каз<имировна> Г<ерцы>к с В. С. Г<риневы>ч. Сегодня уехали.

Ев<гения>: Лидия пишет торжествующие письма.

Я: Вяч<еслав> не учитель. Учитель испытывает для ученика. Он испытывает для себя и ломает людей. Из тетраграммы он понял первую часть – молчание относит<ельно> людей. Это дало ему власть над нами всеми. Но он не отрекся от власти и не приобрел воли.

Утром – 6 час<ов> до восход<а> с Вл<адимиром> К<азимировичем> в горы. На террасе за кофе. Буйн<ое> состояние. Удрал. У меня в комн<ате> – лекции. Три пути. «Я не достоин». Состояние глубок<ого> недовер<ия> к себе. Затем идем по берегу. Они едут.

Приезд Бертренов. У Нат<альи> Иван<овны>. Бабушка. Вечером у калитки лечение мамы. Разговор с Ан<ной> Руд<ольфовной>.

«Путь ученичества – не мне. Принять жизнь. В Лике – истина. Готовность смерти. Всё принять».

Музыка из горы.

– Нельзя *всё* принять. Избирать путь и идти в жизнь. В жизни нужен выбор, тот крест, с которым идти в мир.

16 окт<ября>.

Приезд Герцык.

17<октября>.

Смерть Лидии.

20<октября>.

Телеграмма Вячеслава: «Обручился с Лидией ее смертью».

23 ноября.

Первые три дня в Москве. Я ехал, ничего не думая. Т. с. не думая ни о смерти Лидии, ни о Вячеславе. Утром на Поварской разговор с Ан<ной> Руд<ольфовной>.

– Над Вячес<лавом> страшная опасность. Над ним стоит смерть. Он может умереть теперь же. У него припадки отчаяния и гнева... недоверия. Ему нельзя видаться с Маргаритой. Теперь он хочет видеть ее из долга. Но земная страсть слишком сильна в нем. Он может преступить. И тогда он убьет себя. Он обедает сегодня у Герцык. Поезжайте туда. Вам надо там встретиться с ним.

Я поехал к Герцык. Прислушивался к звонкам. Вдруг всё всколыхнулось, когда услышал его голос, взволнованный, в передней: «Как, Макс здесь?»

Мы быстро подошли друг к другу и обнялись. Целовались долго. Он припал мне головой к плечу. Долго не говорили. Была только радость. И вдруг я понял, что смерть Лидии – радость. Он был глубоко потрясен моим приездом.

За обедом был Шестов. Был мучительный разговор о Волинском. Уехали мы вместе. Дома я оставил его с Ан<ной> Руд<ольфовной>.

На другой день был у Вячес<лава> при мне Андрей Белый.

Ан<дрей> Бел<ый>. Я чувствовал бездну внутри себя. Пропась. Гибель. Мне казалось, что в Петербурге не осталось больше друзей. Близкие лица вдруг освещались inferнальным светом. И являлись в искажении. Тогда я начал кричать. Надо было поставить большой вопросительный знак всему. Я думал – ну пусть, я буду кричать. Я делаю провокацию. Выскажитесь же. Снимите маску. Ты не знаешь, Вячеслав, как в то же время я иногда думал о тебе. Я видел тебя во сне весной распятым... с таким лицом...

Вяч<еслав>. Ты был не прав пред многими. Передо мной меньше всех. Больше всех пред Чулковым. В криках твоих я слышал страдание и призывы лично ко мне. Но так нельзя было делать. Между нами есть связь. Мы идем шеренгой. Мы можем быть различны. Но, что бы мы ни делали, мы идем

месте. Ты уже ушел к Валерию, который вне нас. У тебя была борьба с ним. И ты побежден. Ты принял его клеймо. Тяжело было видеть его знак на тебе, знать, что ты пишешь согласно полученному в «Весак» *mot d'ordre**.

Свидание кончилось полным примирением. Я поехал к Герцык, где обедал с мамой и Вайолет. Евгения со страдающим лицом и водными глазами. Мы говорили с Аделью в глубине одной из комнат-раковин.

«Мы увидались с ним в день приезда на товарной станции, где стоял вагон с телом. В сумерках. Дождь шел. Он ждал нас и тотчас стал рассказывать о ее смерти. Он в последние минуты лег с ней на постель, поднял ее. Она прижимала его, легла на него и на нем умерла. Когда с него сняли ее тело, то думали, что он лежит без чувств. Но он встал сам, спокойный и радостный.

Ее последние слова были: «Возвещаю вам великую радость: Христос родился». На похоронах было много народу и цветов. На венке Вячеслава было написано: «Мы две руки единого креста». В церкви с одной стороны стояли литераторы. Городецкий рыдал, как ребенок. А с другой — Зиновьевы — аристократы, кавалергарды.

Мне кажется, что вы теперь надолго расстались с Марг<аритой> Вас<ильевной>. Что теперь Вам нельзя видеть ее, пока она не увидится с Вячеславом. Пусть <?> в Петербурге она остановит<ся> у нас. Вячес<лав> вас должен соединить теперь».

На следующий день, в четверг, я был утром у Андр<ея> Белого.

Он. Я много имел против вас, М. А. Мне казалось, что вы разоблачаете то, о чем нельзя говорить. И что вы радуетесь тому, что происходит. Понимаете, тут такая подстановка: голубое небо... А может быть голубое сукно, бирюзовый гвардеец. И вот на сукне надпись: голубое небо. Аршин стоит полтора рубля. А то вы этому радуетесь и говорите — «как интересно».

Я. Вы хотели заклать привидения. Но из ваших заклятий рождались новые химеры. У каждого из нас была своя

* Приказу (фр.).

жизнь. Вокруг же кишели призраки. И многое родилось из ваших слов. И я могу сказать вам, что у меня было тоже чувство профанации. Но от него я уходил в иную сторону, путем масонства. Посмотрите, как в Париже все в маске. Французское легкомыслие – это одна из форм эзотеризма. Надо замкнуться в эту форму, салонную, любезную.

25 ноября 1907.

Я лежу на диване в маленьком кабинете Вас<илия> Мих<айловича> с ногой, положенной на лед. Приходит Эллис, и мы говорим семь часов подряд. Говорит он – пламенный, страдающий, искренний, как в студенческие годы.

«Помню, в детстве проходил по Девичьему Полю, и ехала карета. Это для перевозки раненых? Нет, там политические. И я спрашиваю маму: “Почему же ты мне не сказала?” И вот вижу такой сон. Я живу в Золотом Городе, где все счастливы. Но изредка один, другой исчезают. Куда, никто не знает, и о них не спрашивают и не говорят. И вот я иду гулять. И вижу себя в сумерках в поле. И нет города. Это не город, а только силуэты туч. И я вижу вокруг себя равнину, покрытую на сотни верст человеческими костями и падалью. Вижу скрюченные трупы на кольях. И вдруг в них узнаю тех, что исчезли из города. И вижу, что для всех здесь приготовлены кольца... и для меня тоже. И вдруг просыпаюсь во сне в своей комнате. Светлый день, я опять в Золотом Городе. И я рассказываю милой, любящей маме свой сон и спрашиваю: “Правда это?” А она качает головой, строго смотрит и говорит:

“Вот мы какие сны стали видеть”. И чувствую, что это правда, что она скрывает, но знает – и просыпаюсь.

И вот наяву для меня была этим сном казнь Софьи Перовской. Почувствовал я, что была здесь Вечная Женственность. И что вечную женственность... ошейник на шею и повесили. И вот, я устремился. Из-за Софьи Перовской стал изучать Маркса, потом финансовое право... Озеров. И вдруг: как так? Причем тут подоходный налог? Какое это имеет отношение к Софье Перовской? Я тогда в символизме врага видел. В поэзии видел врага. И только ты тогда был для меня

напоминанием. Помнишь, как ты читал переводы из Гейне? “Палач стоит у дверей”. Еще тогда Гейне был. И потом вдруг поворот — я увидел, что символизм для меня и есть то, чего я искал. А его я врагом считал...

...Ан<на> Руд<ольфовна> — вот в ней есть то... Софьи Перовской. Она может... Я вижу, как она на костер бы всходила, торопилась бы, улыбалась конфузливо своими слепыми голубыми глазами... и шпильки она бы растеряла... нагнулась бы подбирать их пред костром. И взошла бы...

Я поразительные сны вижу. Амфилады снов. Их много. Я больше восьмидесяти помню.

Вижу себя перед манежем. Ночь. Фонари горят. Народу нет — последний извозчик уехал. И я знаю, что там сейчас режут студентов. Вот знакомых студентов. Там у одного рыжая борода. Другой в очках. И думаю: *никогда* не забуду! И вдруг — всё такая же ночь, и я стою и знаю, что забыл. И ветер гудит, и снежинки кричат: “Забыл! забыл!”. И я вижу себя прикованным к тачке. Голова обрита. Кандалы. Каторжником. Нас тридцать человек. И мы идем один за другим по узкой долине, такой, как в синемаатографах. И я последний. И вдруг мысль: бежать. Я сворачиваю в соседнюю долину, и сразу становятся сумерки. И вдруг я вижу человек двадцать студентов — убитых. У них отрезаны руки, ноги, головы и лежат с ними рядом. И я думаю: “Как бедным трупам холодно! как им холодно”. И тогда вдруг начинается. Посмотри, вот так: плечами... ногами... И вот так ползут на спине ко мне. Вот так, как для смеха ползут, чтоб ногой ударить. Ко мне подползли, чтобы погреться. И я оборачиваюсь... и вдруг вижу: посмотри — вот так, на обрубленных коленях, мертвый, прямо ко мне. Хочу бежать, оттолкнуть. А вместо этого вдруг обнимаю и целую его. А он мне впивается сюда, в шею, и начинает сосать... кровь. И говорит: я еще приду. Я просыпаюсь. И вижу, окно в комнате открыто, и вся она полна туманом. И восемь ночей подряд он еще приходил ко мне. В разных видах. На мосту раз. Но не мог догнать, потому что ноги по колени обрублены.

А потом страшный сон — Сон Белой Лошади. Мне снится, что я еду на конке, и одна из лошадей белая — желто-гряз-

ная, как снег. И она идет не так, как другие лошади, а манерно. Вот так подымая ноги. И мне противно и смешно. И мы выезжаем на Театральную площадь, и она вдруг поворачивает шею и смотрит одним глазом на коней Аполлона. И я вижу, какая мерзость! Она им подражает. Выступает, как они. Выгнула шею, как лошадь бога Солнца. Но разбита на все ноги, и всё это так позорно. И вдруг ее кнутом р-раз-з!! И кровавая полоса по желтой шерсти. Она падает. Все выскакивают из конки. Подбегают к ней. Бьют ее. Ругают ее. И я подбегаю и вижу, что она умирает и поднимает шю, и смотрит <на> коней Аполлона.

И вот вижу продолжение сна. Что я стою над фиордом в Норвегии. И вдруг такая симфония белого цвета. Тысячи оттенков и всё бело. И я на вершине горы, острой, как конус. И вокруг нее дорога. И помню мысль: ведь если бросишься вниз на лыжах, то будешь падать, а будет казаться, что бежишь по равнине — так всё бело. И вдруг слышу топот. Тысячи копыт бьют. Мощно, мерно, как музыка. Смотрю вниз и вижу: лошади солнца мчатся по дороге, вокруг горы вверх. И впереди их моя белая лошадь. Но теперь совсем белая. Шея и хвост в одну линию. Серебряные копыта. И на спине ее, вот так, поджав колени, откинувшись назад, — юноша — с огромными длинными крыльями. И кони мчатся ко мне, и по их спинам все тени от облаков бегут. И, достигнув вершины, первая лошадь одним прыжком взвизгивает в небо и исчезает там, как птица. А другие — вслед за ней, и вдруг срываются одна за другой в пропасть. Одна за другой. И я слышу шум и вижу, как снег кровавится, и клочки мяса на скалах. И просыпаюсь...

Представляю себе, что вот Мефистофель спускался на землю и рассказывает:

“Встретил одного человека. На мосту стоял. Хорошо одет. Короткое пальто. Цилиндр. Ботинки. И лицо светом звезд озарилось. Разговорились. Сперва не понял: говорит мне — “ты слишком мало страдал”. А потом, впрочем, ничего. Поняли друг друга. Разговорились. Пошли в кафе и выпили. Очень умный человек (Бодлер). А потом еще одного видел. Старик уже, с бакенбардами. На севере живет. Мы с ним

потолковали о морали. Очень талантливым пастором мог бы быть. Такие люди нам полезны (Ибсен). И еще с одним старичком провел несколько вечеров. Он хоть весь абсентом наполнен, но интересный старичок. Так его ветром подхватит — он через крыши домов летит (Верлен).

А про Ницше: “Неприятный человек. Тут я уже ничего не понял. Совсем оконфузил меня. И еще прибавил: если хотите усвоить мое учение, то милости просим ко мне на лекции, на первый курс...”

...Знаешь, мне так представляется лекция Ницше. Он читает в аудитории — и влетает в окно шарообразная молния и медленно начинает приближаться. Вот если он скажет последнюю тайну, то она его тут и хлопнет. А он так улыбается. Посматривает на нее и продолжает говорить, постепенно приближаясь к последней тайне, но не говорит ее. Нет, покорно благодарю, я не так глуп. И тут звонок. Он кончает лекцию. Иронически смотрит на молнию. Быстро надевает перчатки и уходит. Студенты ничего не замечают».

26 ноября. Понедельник.

Вячеслав уехал в субботу. Все эти дни я виделся с ним ежедневно. Был при его разговоре с Белым. Завтракали вместе у Брюсова. Но только в те немногие минуты, когда мы оставались вдвоем, была между нами полная гармония и радость.

Он рассказал мне о смерти Лидии:

«Это было в три часа дня. Не ночью, когда она умерла. А в три часа. Я спросил у доктора: “Нет больше надежды?” Он ответил: “Это агония”. Я тогда отошел и стал молиться Христу:

“Да будет воля твоя”. Пред этим она сказала в бреду: “Возвещаю Вам великую радость: Христос родился”. И я почувствовал великую радость. И вдруг наступило улучшение, и снова пришла надежда. Температура понизилась. Мы послали еще телеграмму новому доктору в город. И снова началось ухудшение. Если бы не было тех минут, его нельзя было бы вынести. И я лег с ней на постель и обнял ее. И так пошли долгие часы. Не знаю, сколько. И Вера была тут. Тут я про-

стился с ней. Взял ее волосы. Дал ей в руки свои. Снял с ее пальца кольцо — вот это, с виноградными листьями, дионисическое, и надел его на свою руку. Она не могла говорить. Горло было сдавлено, распухло. Сказала только слово: благо-словляю. Смотрела на меня. Но глаза не видели. Верно, был паралич. Ослепла. Сказала: “Это хорошо”.

Потом надо было уйти. Приехали еще доктора. Стали делать последние попытки. Я попросил Над<ежду> Григ<орьевну> Чулкову дать мне знак в дверях, когда наступят последние минуты, и ждал в соседней комнате. И когда мне она дала знак, я пошел не к ней, а к Христу. В соседней комнате лежало Евангелие, которое она читала, и мне раскрылись те же слова, что она сказала: “Возвещаю Вам великую радость...”

Тогда я пошел к ней и лег с ней. И вот тут я и слышал: острый холод и боль по всему позвоночному хребту, с каждым ударом ее сердца. И с каждым ударом знал, что оно может остановиться, и ждал.

Так я с ней обручился. И потом я надел себе на лоб тот венчик, что ей прислали: принял схиму...»

В последний день его в Москве, когда я пришел к нему уже с вывернутой ногой, мы остались на несколько минут вдвоём:

— Веришь ли ты Маргарите?

«Верю ли ей или тому, что ее? Тому, что за ней идет? Я сказал ей тогда же, что несет смерть. Для меня она была вестница смерти. Нет, нет!.. Я совсем не думаю, что она была причиной смерти Лидии. Не она была Ангелом Смерти. Но в ее глазах я прочитал в первый раз весть о смерти. Ты хочешь знать, верю ли я ее любви?»

Я не знаю, что идет за ней. Верю ее чувству. Но не знаю, что просачивается помимо ее воли. Откуда эта связь с Ан<ной> Руд<ольфовной>? Почему избыток в одной и ущерб в Маргарите? Что значит это?

И вот то, что ты говорил о церкви в Париже, когда Ан<на> Руд<ольфовна> видела и забыла».

– Что передать от тебя Маргарите? Есть ли у тебя сейчас слова к ней?

«Скажи, что я люблю ее, что я верен ей, как в ту ночь обета, когда она потрясла Лидию и открыла нам новую жизнь. Здесь не долг. Я от всего сердца говорю».

Когда я передал Ан<не> Руд<ольфовне> разговор об Аморе, она пришла в страшное волнение и сказала:

– Как он жесток... Не говорите с ним об этом... забудьте это. Это безумие. Он у меня спрашивал. Он думает, что Маргарита мертва, и я оживляю ее. Это ужасно.

Еще был знаменательный разговор, когда мы ехали на извозчике к Брюсову.

«Ты был не прав, когда сказал Ан<дрию> Белому, что ты не мистик. Тактически это было хорошо. Но он должен знать истину, должен знать, что ты с нами. Между вами произошло то же, как если бы Моммзен говорил <с> Вилламовицем и сказал бы ему: “Ich bin kein Philologe”*. Нет! Хотя Вилламовиц изуч<ае>т Эврипида, <а> Моммзен римскую гражданственность – они оба филологи. И Моммзен не имеет права отказываться. И ты мистик. Но ваши специальности различны. У тебя были мистические переживания. Сошлюсь хотя бы на Руан. А Мережковский совсем не мистик. Ты гораздо более мистик, чем он. Но у тебя есть схоластика. Ты говоришь о теории, о том, чего ты не пережил. А оккультизм и мистика – это только латинское и греческое имя одного и того же.

И Андрей Белый был прав в своих нападениях. То, на что он нападал, была реальность. И поэтому я сказал ему, что из всех более всего он прав передо мною. В этом году были страшные возможности. Лидия могла два раза умереть зимою. У каждого из нас была своя трагедия. Сперва были затянута в нее Городецкий и его жена. Потом ты и Маргарита. Понимаешь, что могло быть. Смерть грозила и Городецкому. И Лидия не умерла, а ушла. Но был вихрь – реальный, который мог нас погубить всех. И Анд<рей> Бел<ый> не создавал свои химеры. Они существовали».

* Я не филолог (нем.).

Из литературных впечатлений.

Молоденькая поэтесса Любовь Столица, с московским розовым лицом и в голландском бархатном капоре. Рябушинский говорит про нее, что она «бальзаковского возраста», желая этим определить ее крайнюю юность. Она говорит мне:

— Теперь я изучаю только *старых* поэтов. Вот Валерия Брюсова. Но что же, он мне кажется современником Пушкина. На них обоих голубая дымка.

За завтраком у Брюсова. Для характеристики взглядов новейшего поколения декадентов Брюсов раскрывает альманах «На белом камне» и читает выдержки: «Эстетика “Знания” — Танов и Скитальцев. Они способны дать *в руки* Венере Милосской винчестер и браунинг». «Валерий Брюсов, когда-то не лишенный дарования, превратился в академика». «Паровозы Блока пахнут Пушкиным».

— Чья вина?

— Ваша, Макс. Это пошло от Вашего стиля, отчасти от Андрея Белого.

Вся атмосфера теперь переменилась и очистилась. Нет того грозowego напряжения и озлобленности, что была в мас. Белый примирился с Вячеславом, Эллис со мной. И у всех на устах имя Анны Рудольфовны.

Валерий замкнут. Спокоен. Но ждет момента, чтобы нанести новый удар.

Когда, после утверждения всех условий с Рябушинским, Вячеслав, узнав об редакционном анонсе без его ведома, пришел к Рябушинскому заявить о неконституционности его поведения, Рябушинский так был изумлен, что в тот же вечер собрался у него консилиум врачей, которые ему посоветовали отправиться в кругосветное плавание. Он сказал Вячеславу, что в этом случае он на шесть месяцев прекратит функционирование «Золотого Руна».

— Я ведь трачу на него тысячи. Я хочу получать удовольствие за свои деньги. Я шутя бываю в редакции. Это меня развлекает.

Вячеслав ответил ему, что в таком случае он упустит единственный случай иметь его редактором. Иначе же он оснует свой собственный журнал. За час до отъезда в Петербург Вячеслав снова был в «Золотом Руне», и дело разошлось окончательно.

27 ноября.

Вчера опять до трех часов ночи разговор с Маргаритой и главным образом об Аморе. В Маргарите Амору громадные силы. Когда воля ее обращена на самое себя и сжата внутри, тогда почти невыносимо быть с ней рядом. Так было в первые дни моего приезда в Москву. Это теперь разошлось. Мы говорили очень хорошо. У нее было достаточно справедливости, терпения и кротости, чтобы выслушать то, что я говорил ей об ее отношениях к Амору, об той власти, которую она имеет над нею, и об той рабьей покорности, о том бессилии бороться с нею, которое охватывает Амору при столкновениях их воли, и о том, что Амору надо бороться за свою самостоятельность, бороться против ее власти над нею.

Вчера прочел я ей мою статью «Откровения детских игр», и она стала говорить о детстве Амори, о том, как в ранние годы жизни проявлялась в ней глубокая самостоятельность и уверенность в физических движениях.

«Я помню в детстве, когда сестра Саша, для того, чтобы переплести “Revue Bleu”, срывала синие обложки. И Маргария, которой было тогда шесть месяцев, совершенно уверенным движением руки брала бумажку за угол и отрывала ее. Николенька этого не может теперь еще сделать. И Аморя, когда я ей это рассказала, сказала: “Ну, верно, я тогда за всю свою жизнь сделала все уверенные жесты”. Теперь она не могла бы этого сделать».

Мы говорили о том, что именно теперь только образовалось у Амори отношение к жизни как к игре, что теперь она живет в детских грезах. Уже глубокою ночью Маргарита

Ал<ксеевна> говорит мне долго, убедительно и страстно о той силе, что связывает ее с Аморею:

«Я чувствую всё, что происходит с ней. Но я должна знать, чтобы помочь. Я должна знать, чтобы силу порабащающую обратить в силу творческую. Мне было бы гораздо легче, если бы Вы мне сказали в самом начале о ее отношениях с Ивановыми. Вы знаете — когда она мне сказала тогда у доктора. Тогда все слова, все поступки, всё получило настолько ложное освещение, и картина составила настолько другая. И потом Вы многое, многое разъяснили мне, и после этих бесед нашла я силу и возможность быть с ней летом».

— Но что бы я мог тогда сказать Вам? В то время и для меня было время жестокой борьбы с собой. Я или высказал бы Вам свой восторг, что всё случилось т<ак>, к<ак> было, или глубокую ненависть к Вячеславу. И то, и другое было бы неверно. Я страдаю той <же> болезнью, как и Аморя. Мне так же трудно, как и ей, отличить свою мечту от действительности. В жизни мы с ней вполне равны и одинаково слепы. Я не могу быть ничьим руководителем, потому что ишу, как она. Я могу сказать Вам только, что Ваши слова я не забуду, я их буду помнить всегда, — но как я буду поступать в каждом отдельном случае — не знаю. Оставляю себе полную свободу. Не могу ничего обещать. Но буду помнить.

<1908>

11 апреля.

Страстная пятница. Ряд гостей. Сперва Чулков. Потом Гржебин с предложением лекций, потом Девочка.

Идя на Башню, заказываю лилию, которую Аморя просила послать Вячеславу. Застаю всех к концу обеда.

«Какие новости?» — тревожно упирая, спрашивает Вячеслав. (Это об Аморе...) «Никаких». Общий разговор — о новых предприятиях: сборниках антиномий и т. д. Чтение моего фельетона «Похвала моралистам». Приезжает Евгения. Разговор с Ан<ной> Руд<ольфовой>.

Потом у Вячеслава. «Макс, хочешь пробыть десять минут со мной наедине? Ты понял, почему я спросил тебя? Мы с Ан<ной> Руд<ольфовной> почти одновременно имели виденье. Я видел Марг<ариту> в вагоне. Я думал, что ты, может, получил телеграмму о ее выезде. Я просил Ан<ну> Руд<ольфовну> написать ей от моего имени — я написал, и она переписала мои точные слова о том, что я хочу видеть ее, но не могу звать... Ты уедешь в Париж. Прикоснешься к старым камням. Ты должен стать чистым лириком, написать большой цикл лирических стихотворений. Перевоплотить всё, что ты пережил за эти годы, — всю “сказку”. Потом тебе еще остается вся готика. Импрессионизм в “Париже” я не люблю. Ты должен теперь подойти изнутри. Не писать картинку, как заезжий русский живописец. А Париж через тебя начнет говорить.

Мне рисуется твое будущее: ты вернешься к оккультизму, вернешься блудным сыном, растратившим богатства, и будешь работать на винограднике. У тебя не хватало одного. Ты не был пронзен религиозной верой».

После говорит о Люцифере, нашедшем свое примирение в христианстве, в христианском поцелуе. Но размах уходит глубже. Возникает необходимость богоборчества. «Семь главы сотрет главу змея». Конечно, это и о законе жертвы. Но здесь есть фаллический символ.

18 апреля.

Утром стучит Вайолет. «Ты счастлива?» — «С ним после было еще два раза то же... Я не знаю, что делать».

— Но когда ты уедешь...

— Я не знаю... Как ты добр...

У Герцык. Адель: «Вы какой? Впрочем, всё равно. Теперь мы не встретимся. Мы встретимся позже. Гораздо позже. Это лето... Теперь только подъем вверх. Разговор только о важном. Ни о чем мелком. Надо вынести всех <в> это лето».

Вайолет приходит. Я у Жени.

«Я сказала всё. Адель знала об нас».

Возвращаюсь снова к обеду.

«Какая она честная. Это удовлетворило бы ее, если бы не Вы. Но понимаете, как легко уйти от Вас. Как Вы облегчате. И Маргарита бы не ушла, если б Вы были иной, иначе бы отнеслись».

Вы знаете, какой он? Теперь все о нем.

Ан<на> Руд<ольфовна>. Я только теперь поняла ее. Какая она женщина... В тот день, когда я уезжала — после того, как мы простились, мне было посвящение. Только те могут сделать такую жестокость — открыть тайну и отпустить ее переживать. Вячес<лав> увел меня в свою комнату. Там было натоплено, пахло ладаном. Так, что голова кружилась. И Вячес<лав> сказал: “Ан<на> Руд<ольфовна>, говорите”. Она сидела как каменная у стены. Он слышал, что в жизни моей была смерть, и хотел, чтобы Ан<на> Р<удольфовна> раскрыла мне тайну смерти. “Нет, Вяч<слав>, говорите Вы”. И он начал говорить. Потом она. Он стал на колени, как ученик. И она начала говорить отрывочные слова — но не то, что было сказано, а тот тон, каким говорила она. Она говорила шепотом, я не слыхала. Тогда он стал записывать ее слова для меня. Потом она смотрела мне в душу — достойна ли я. И он спрашивал испытующими, пронзающими вопросами. Четыре часа. Еще полчаса, и мне стало бы дурно. Женя свела меня. По той лестнице, что ведет с неба на землю. Я не могла идти».

Лиля Дмитриева. Некрасивое лицо и сияющие, ясные, неустанно спрашивающие глаза. В комнате несколько человек, но мы говорим, уже понимая, при других и непонятно им.

«Да... галлюцинации. Звуки и видения. Он был сперва черный, потом коричневый... потом белый, и в последний раз я видела сияние вокруг. Да... это радость. Звуки — звон... стеклянный... И голоса... Я целые дни молчу. Потом ночью спрашиваю, и они отвечают... Нет, я в первый раз говорю... Нам надо говорить».

Вторник двадцать второго... Я помню все числа и дни.

26 апр<еля>.

Она была во вторник, я говорил много – о смерти, об Иуде... Она слушала. Отвечала честно и немногосложно на каждый вопрос. Но была непроницаема в своей честной откровенности.

«Да, я изучаю греческий язык и изучу санскритский». Когда пришло время уходить: «Позвольте мне остаться еще пять минут. Я не люблю уходить раньше срока. Теперь я буду думать о том, что Вы сказали». Через день я получил от нее записку: «Я весь день сегодня думала много и мучительно. О том, что вы говорили вчера. О возможности истины на этом пути. Читала ваши книги. Теперь знаю, что пойду по этому пути. Твердо знаю. Хотя еще много мыслей, в которых нет порядка. Жму вашу руку».

Мне эти слова были глубокой радостью. Это не я, но я благодарен, что это через меня. Об Аморе такая же радость.

Всё остальное – наблюдения жизни и опыты подходить и сливаться с разными людьми. Но ощущение этих дней – как бы после кутежа и разврата. Кузмин – единственный безусловно нравственный человек в Петербурге. Вот лица и люди:

Сер<гей> Сер<геевич> Поздняков. Студент. Похож на покойного Мишу Свободина. «Мне 18 лет. Это мое единственное достоинство. Я русский дворянин. Мне нечего делать. Я стану тюремным начальником. Вы занимаетесь оккульти<змом>? Нет, я сам этого не читал, но мой брат очень много занимается».

– «Правда, он прелестен?» – спрашивает Кузмин, когда мы едем на извозчике и он сидит у него на коленях. Он пьянеет, вступает в спор по нелепым предметам. Говорит, как Миша С<вободин>. Фразы на разных языках и пост, как он.

Чулков рассказывает: «Представь себе такую компанию: Сологуб, Блок, Чеботаревская, Вилькина, я и проститутка – новая подруга Блока. Вилькину соблазнили ею. Сперва она опасалась. Она сторонилась. Не решалась дотронуться до ее стакана – боялась заразиться. Потом начала целовать ее, влюбилась в нее. Это всё в отдельном кабинете в “Кви-

сисане”. Потом отправились в меблир<ованныс> комнаты... Ужасно. Сперва все в одной. Там стояла большая кровать. Вилькина упала на нее и кричала: “Я лежала, я лежала на этой кровати. Засвидетельствуйте все, что я лежала”. И мы все свидетельствовали.

Затем нас разделили по отдельным комнатам. Сологуб потребовал, чтобы получить долг Чебот<аревской>. Он должен был ее высечь. Мы с Вилькиной бежали в ужасе от это<го> разврата. Но всё так и осталось неизвестным».

Вчера обед журналистов у Попова; я в первый раз присутствовал в жизни при таком сквернословии и словесном разврате. Затем уехал с Коломийцевым слушать его перевод «Тристана и Изольды». Третьего дня вечер у Одиноких. Сегодня у Вячеслава.

4 мая.

Лиля Дмитриева. Тот же взгляд, упорный и немигающий. «Я его видела. Совсем близко. Видела его лицо. Оно было светлое...

...Сестра умерла в три дня от заражения крови. Ее муж застрелился. При мне. Я знала, что он застрелится. Я только ждала. И когда последнее дыхание, даже был страх: неужели не застрелится? Но он застрелился. Их хоронили вместе. Было радостно, как свадьба... У мамы началось с этого. Это ее потрясло, у нее явилась мания преследования. Самое тяжелое, что она начинает меня бояться».

День обетов самому себе. Драма Блока. Утро на Неве. Вчера получил письмо от Ньюши. 11-го еду в Париж.

8 июня н<ового> ст<иля>. Париж

Вечер у Гиля. Он рассказывает о Вилье де Лиль Адане.

«Малларме спрашивал его, что бы Вы сделали, если бы были действительно избраны греческим королем?» – «Торжественный въезд... фанфары... цветы... Затем, окруженный толпой, я вхожу во дворец и выхожу к народу на балкон совсем нагим. Я бы показался им так и скрылся в своем дворце. Больше бы они не видели меня никогда...»

Он рассказывал подробно свое свидание с Наполеоном III. Но так никто не смог узнать, было ли оно в действительности или нет.

Он был очень большого роста. Прекрасно сложен. Громадный лоб. И галлюцинирующее пламя в глазах.

У него был сын. Его ум всегда создавал легенды. Он рассказывал, что, когда он был в лечебнице для душевнобольных и играл в присмной роль выздоровевшего больного, там была безумная удивительной красоты. «У нее бывали мгновения прояснения. И раз ночью – она была прекрасна, мы согрешили...»

Однажды он приходит к Малларме и начинает рассказывать о своем сыне: «Теперь я знаю, что ему суждена великая судьба. Мы сехали в экипаже. На нас наседает тяжелая упряжка. Я вижу себя и его уже пронзенными, разможженными. Но ребенок протягивает руки. И повозка недвижима. Я посмотрел на его ладонь – на ней пентаграмма».

Потом его сына зачислили во флот. Он умер лет двадцати. Бедный юноша, бездарный.

Его хотели женить много раз на богатых американках или англичанках, искавших титула. Однажды, это было в один из крайних моментов безденежья, он согласился. Антрепренер сшил ему прекрасное платье. Они отправились в Лондон. Он гостил в замке у родителей невесты. Но однажды они вдвоем пошли гулять с невестой в парк. Через полчаса невеста прибежала в ужасе. «Я ни за что не пойду за него замуж». Что между ними было, неизвестно. Быть может, он стал ей развивать курс идеалистической философии, и она сочла его за безумного. Антрепренер был в бешенстве. Он оказался достаточно предусмотрительным и захватил с собою в Лондон его старое платье. И он отобрал его туалеты. И в старых лохмотьях отправил обратно в Париж.

Его женили Малларме и Гюисманс на бывшей публичной женщине. Это были какие-то соображения дружеского характера. Это было последнее оскорбление. Он сломал перо, подписывая свое имя под брачным контрактом, и швырнул бумаги.

Бальмонт: «Да, есть моменты, когда любишь свое лицо и любишь смотреть на него в зеркало. Это во время работы, когда чувствуешь себя одухотворенным. Но это опасный признак. За ним следует падение».

— Я чувствую, что не вынесу этого напряжения работы. Моя работа как-то лишена цели. Мне хотелось бы какого-то отдыха <от> ручной работы.

12 июня.

Вечером с Бальмонтом у Гольштейн. Гиль снова рассказывает про Верлена:

«...Я пришел — маленький отель, вертеп... кабак... Гарсон с засученными рукавами... Поль Верлен? А!.. Господин Поль! Господин Поль! это к Вам. Он жил тут же в ре де шоссе*. В грязной куртке, расстегнутых панталонах. “Да... Я получил Вашу книгу... Ну что ж, садись, старина” (он всем говорил “ты”). “У тебя там теории о стихе. Ну, свои я тебе расскажу после. Выпьем-ка теперь вина. Только ты платишь. Здесь... Хозяин добрый малый”. Мы вышли в соседнюю комнату. “Ну, дай-ка нам полбутылки хорошего вина — господин плотит”. Лакей нам нацедил из бутылки лиловой жидкости... “Ты пьешь абсент?.. Да, это гадость... Но вот перно... Самые светские люди пьют перно”».

Потом Гиль рассказывает об отношении Верлена с издателем Ванье. Ванье выдавал ему деньги по пяти франков. Последнее время он уже не ходил сам за ними, а присылал женщину с бульвара. Как Верлен ездил читать лекцию в Голландию и покупать сюртук в «Belle Jardinière**». «Голландия — это страна плоская» — это единственно, что мы могли у него добиться.

Как он вышел из дому за лекарством для жены и уехал в Англию вместе с Рембо. Сын Верлена служил контролером на метро на станции Вильерс. Это почти идиот. Он иногда трбует деньги у издателей. Всегда 30 франков «за отца».

Вилье де Лиль Адан ненавидел Мандэса. Мандэс был еврей. Как-то у Малларме по какому-то случаю зашел разго-

* Rez-de-chaussée — первый этаж (фр.).

** Прекрасная садовница (фр.).

вор. «Но Вы, Мандэс, – вы еврей?» «На самом деле – нет. Я был крещен. Это было так. Я был ребенком в Испании. Моя нянька водила меня гулять. Однажды один священник залюбовался на меня. Я был очень красив. Нянька ему говорит: “Да, это очень красивый ребенок, но в нем одно уродство – он жид”. “Ну, это легко поправить”, – сказал священник. И тут же, зачерпнув рукой воды в первой луже, окропил мне голову и произнес подходящие молитвы. Так я принял таинство Св<ятого> Крещения. И я христианин».

Вилье всё это слушал, захватив вот так свою бороду. И потом спросил: «Ты говоришь, зачерпнул из лужи? Да, правда, это в тебе осталось».

Однажды он приходит к Малларме. «Знаете, Малларме, я недавно прочел поразительную историю, как в Испании казнили: двух врагов сковывали вместе, и оба они умирали от голода и сгнивали вместе. И я почувствовал, какое бы для меня было сладострастие быть так скованным вместе с Мандэсом и видеть его гниение».

17 июн<я>.

Бальмонт: «Старость не чувствую совсем. Разве в известном успокоении. Душа моя уже не бывает захвачена в вихрь *каждой* женской юбки. Раньше я не мог пройти мимо женщины. Мне казалось необходимым создать какие-нибудь отношения, что<бы> что-нибудь между нами было: намек, поцелуй, прикосновение, трепет...»

21 ноября.

Алекс<андра> Вас<ильевна> рассказывает историю женитьбы Вальдора. Дочь полковника (погранич<ной> стражи, б<ыть> м<ожет> жандарма). Некрасивая старая дева. «Это роман-фельетон, который не был написан, но пережит». Вальдор жил на даче под Москвой на какой-то станции. Там была красавица – жена доктора, в которую все были влюблены. Муж ее третировал. Надо было ее спасти. Вальдор должен был бсжать с ней. Для этого он должен был жениться на ее

сестре, и в последнюю минуту они должны были обменяться бумагами; та остаться, а докторша уехать с ним в Париж. Та приняла католичество за два дня до свадьбы, и они нашли католического священника, который согласился их венчать — его, не крещенного ни в какую религию.

В Аббае была получена телеграмма: «Приготовьте удобную комнату для элегантной дамы, я женился». Общесмятенно. Мебели никакой нет. Мебель была лишь у М-ме Вильдрак, да Глезу отец меблировал ателье. Смогли найти только таз для умыванья и складную кровать «en cage»*. Вальдор приехал. Все товарищи его ждали. Он за руку ввел ее в комнату, крикнул: «Voilà ma femme! Regardez! Choette!»**, — громко расхохотался и ушел. За ней начали ухаживать. Она ни слова не понимала по-французски. «Тут кушаньев никаких нет. Один картофель едят, и то без масла. Как мужики живут».

Вальдор приехал к Александре Васильевне просить ее отправить ее в Россию.

Ее приезд в Аббае. Жалобы на нее: она не хочет работать и не хочет платить за себя. Не хочет прилично одеваться. Распахивает дверь в своей комнате, когда раздевается.

«Всё врут. Нельзя же мне... в комнате и присесть негде. Выйдешь на лестницу на приступочку, ботинку застегнуть») Берет бумагу в типографии.

Это слово ее будто пугает. Она представляет себя среди социалистов. «А я думала, что Вы из наших миллионщиц московских».

Письма от отца: «Коли он твой муж, так и кормить тебя обязан».

На нее все в перерыв жалуются за столом. Она же повторяет: «Всё врут. Жулики». Аркос приходил спрашивать: «Qu'est ce que ce "joulik"?»***

«У них икра была каждый день за обедом (Вальдор)».

* В футляре (фр.).

** «Вот моя жена! Смотрите! Симпатичная!» (фр.).

*** «Что это — "жулик"?» (фр.).

5 декабря. Среда.

С приездом Адели Г<серцык> снова возврат к старому. Башня... Вячеслав... Судак. То, о чем я с ужасом думал летом, всё было. Судак представляется мне городом, охваченным пламенем и революцией. А. Г<серцык> бледна и измучена, как человек, бывший в горне катастрофы, и спасшийся.

— «У меня нет дома. Мне больше нельзя вернуться в Россию. Я оторвана от всего. Ж<еня>, верно, тоже покинет дом...»

Вячесл<ав>, как огонь, входит в дом и сжигает его. На него можно глядеть только в телескоп, как на звезду, охваченную катастрофой, но горе тем, которые приближаются к нему В среду у меня был целый вечер разговор с Алекс<андрой> Вас<ильевной>. Это был напряженный, бурный и бодрый натиск ясной и земной жизни. Она много раз называла меня дураком. И это было хорошо. В ее словах встал другой лик Вяч<еслава>, искаженный, но живой. Но я к этому Вяч<еславу> не испытывал ничего. Он был слишком далек. Но Вяч<еслав>, котор<ый> говорил С. в Петербурге, сейчас же после моего отъезда из Башни: «Какой он муж... это всё уже давно кончено», — он уязвил меня глубоко, как предательство. Что он презирал меня всё время, я это знаю. Но оскорбляет меня это отсутствие такта.

1909 год

2 января 1909 г. Paris.

Сейчас ночью на моем столе нашел письмо мамы о смерти бабушки: ясное, спокойное, грустное. И это же чувство у меня. Можно ли жалеть о мертвых? Чувство острой жалости охватило меня, когда сегодня Аделаида Г<серцык> прочла мне в письме Жен<и>: «У меня такое чувство, точно надо мной идет отпевание».

Теперь, когда всё личное к Вяч<еславу> у меня исчезло (нет, не исчезло — погашено), теперь я знаю, насколько я ему и всему, что от него, враг. Не ему только: враг всем пророкам, насилующим душу истинами. Наш путь лежит через веще-

ство и через формы его. Те, кто зовут к духу, зовут назад, а не вперед.

На туманной дождливой улице, в грязь и оттепель возвращались мы от Г<ольштейн> с Адел<аидой>, и она говорила мне:

«*Это* совершилось два дня назад. Но почему так безрадостно? Без экстаза? Женщина в этот миг испытывает свою глубокую древность: она мать, и бабушка, и прародительница. А мужчина в это время испытывает всю мгновенность слабости, смерти и бессилия. И она держит его, как ребенка, в своих руках».

19 января.

Холодные, солнечные дни в квартире Гольштейнов.

Я молюсь по утрам, чтобы мне было дано:

Быть внимательным к людям.

Острота видения.

Понимание алфавита событий.

Находить для каждого впечатления имя и отмечать его знаком.

Утром выхожу в Булонский лес, широко раскрываю глаза, так что линии расплываются, и пью краски. Когда, закрыв глаза, я смотрю на солнце, то плывут горячие и гибкие золото-алые круги. И я вспоминаю тихие утра осени 1907 г. в Коктебеле, песчаный берег и стихшее море.

Вечером на днях был у Бабаян. В них всех нечто древнее и звериное. У них лица ассирийских чудовищ. Они ходят тяжело и мягко, походкой пантер Бугатти.

3 февраля.

Вечером в последний день января* приехал в Берлин.

«Я по привычке начинаю радоваться за Вас, — говорила Эк<атерина> Ал<ксеевна>, — а потом вспоминаю...»

С волнением смотрел я на снежные вечерние огни Берлина, но думал: сегодня остановлюсь в гостинице и пойду к Аморе только завтра. Зачем торопиться... Но уже ищучи гос-

* В оригинале ошибочно: «февраля».

тиницу, когда извозчик возил меня по Motzstr<asse> около ее дома, я уже знал, что побегу сейчас же, едва дав себе время умыться и почиститься.

«Fr. Woloschin?»* Горничная меня осмотрела и потребовала визитн<ую> карточку. Я был смущен и долго ее искал в бумажнике.

В двери темной гостиной вошла Аморя, бледная, холодноватая, далекая. Точно из-за могилы. Точно давно забытая. Знакомая и неведомая.

«Я тебя не ждала... Почему ты не писал? Сегодня только отослала тебе письма. Какой ты странный: карточку с горничной прислал».

16 марта 1909.

Головин: «Я был в Поливановской гимназии. Но из 6 класса Лев попросил меня уйти. Это было так: во время класса я рисовал на книжке иллюстрации к “Портрету” Гоголя. И вдруг мой сосед выхватил у меня книгу и швырнул на стол Льву Ивановичу. Я от страха прямо под стол спрятался. Он посмотрел, спрашивает: “Это кто рисовал?” — Головин. “Где же он?” Я вылезая ни жив ни мертв. Что же делать. Выгонят. Лев спрашивает: “Я не понимаю, собственно, что тебе у нас делать? На что тебе науки? Тебе надо, не теряя времени, поступать в специальное заведение. Зайди ко мне после урока».

После урока дает мне конверт: «Передай матери. А эту книгу можешь мне подарить на память?» Письмо произвело страшное впечатление. Собрали сейчас же родственныи совет. Но всё же не решили прямо отдать в живописную мастерскую. Отдали на архитектурное отделение... Лишь после смерти матери я, не считаясь с родственниками, сам перешел на живопись. Помню, сам перепугался и целую ночь не мог заснуть — думал: ведь совсем не умею рисовать ни мужиков, ни изб...

Это мы говорили, ходя по его мастерской, на чердаке Мариинского театра. Под нашими ногами белые поля холстов, которые он пишет. Электрические лампочки с широки-

* «Госпожа Волошина?» (нем.).

ми абажурами спускаются низко, как люстры в Айя-София. У Головина седые усы с остатками русых волос. Волосы по-английски с прямым пробором, но в беспорядке падающие на лоб. У него вид польского магната. И манеры польские — преувеличенно вкрадчивые, но глубоко сдержанные. Мы говорим о проекте балета «Одиссей».

18 марта.

Тонкий профиль, маленьким бледным треугольником выдвигающийся из спущенных волос. Змеистый рот <с> немного подымающимися углами и также чуть скошенная стремительная линия и в очерке носа и лба, и <в> постановке глаза.

— Лиля, кто это?

— Макс, это Майя. Я вас должна познакомить.

Я сижу рядом с ней на лекции Вячеслава и с любопытством взглядываю порой на ее профиль. Я знаю ее судьбу. Ее муж сидит в Шлиссельбурге. «Посев» издал его перевод «Les Paradis Artificiels», чтобы спасти от смертной казни.

Это день моей тоски. Но когда я сажусь рядом, то вдруг серое и тяжелое проходит. Я чувствую трепет и слезы и начинаю от прилива жалости молиться за Майю.

Но она не грустная, она смеется. Она только еще меньше, чем Лиля и Лида.

Я иду провожать ее. Весь путь от «Вены» на Выборгскую сторону, где она живет у теософов, мы проходим пешком.

«Вот здесь тот дом, в котором я жила с мужем. Теперь его продали — он принадлежал его матери. Но занавеска одна в окне осталась та же. Вот здесь был кабинет, здесь зала, здесь библиотека... А там, за домом, сад. Мы катались с Володей на велосипедах и рвали ветки смородины».

Эти слова она говорит спокойно, но звучат они неизъяснимо жалко. Я никогда их не забуду. Я читаю много стихов и знаю, что они нужны.

Сегодня у Лили.

— Лиля, почему Майя говорит так же, как ты?

— И Лида говорила так же. Мы все трое так говорим.

- От кого это?
- Верно, от меня, потому что они видятся редко.
- Она еще меньше Вас.
- Нет, я самая младшая.

С ней очень трудно быть. Мне нужно страшно напрягаться, чтобы быть ей нужной. Потом я устаю. Тогда она говорит мне, что я божественна.

– Но что она делает? У ней есть интересы?

– Я знаю только, что она сидит на окне и не учит латинского языка. Ее ничего не интересует. Но в ней есть жизненность. Иначе она бы убила себя. Ей этот шаг ничего бы не стоил. Но иногда она говорит легко и просто. А потом вдруг замыкается. Тогда не знаешь.

14 июня.

Коктебель.*

Лиля:

– Однажды брат мне сказал: «Ты знаешь, что случилось? Только ты не говори никому об этом: Дьявол победил Бога. Этого еще никто не знает».

И он взял с меня слово, что я никому этого не скажу до трех дней. Я спросила, что же нам делать. Он сказал, что, может быть, теперь было бы более всего выгодно, чтобы мы перешли на сторону Дьявола. Но я не согласилась. Через три дня он мне сообщил, что Богу удалось как-то удрать. Я тогда почувствовала маленькое презрение к Богу и перестала молиться.

Когда я была совсем маленькой, он учил меня свистать. Нянька сказала раз Тоне: не свисти, потому, когда девушки свистят, Богородица с престола прыгает. Тогда брат стал просить Тоню, чтобы она свистела. Тоня отказывалась. Он решил, что нужна добрая воля. А т. к. я была очень маленькой, то у меня «добрая воля» нашлась. Он говорил: «Ну и пусть попрыгает». Я долго училась, мне всё не удавалось, и я спрашивала: «Ну что, уже спрыгнула?»

* *Далее зачеркнуто:* «Дни глубокого напряжения жизни. Первые дни, после приезда Толстых, а неделю спустя Лили с Гумилевым, было радостно и беззаботно. Мы с Лилей, встретясь, целовались».

Когда мне было два года, меня одевали как мальчика и голову мне стригли коротко до 10 лет. Брат меня заставлял просить милостыню, подходить к прохожим и говорить: «Подайте дворянину». Полученные монеты я отдавала ему, а он кидал их в воду, потому что «стыдно было брать».

Он мне рассказывал разные истории из Эдгара По. Колодец и маятник... Только гораздо более полно и выдумывая новос. Но после каждой истории я должна была позволить бросить себя: у нас был сеновал — в отверстие в крыше — внизу лежало сено, но это было очень высоко — два этажа — и страшно. И я все-таки просила его рассказывать.

Сестра тоже рассказывала мне истории, а потом за это разбивала одну из моих маленьких фарфоровых кукол. Чтоб ничего не было даром.

Сестра тоже требовала иногда, чтобы приносили в жертву огню самое любимое. И мы тогда сжигали все свои игрушки. Когда нечего было жечь, мы бросили в печь щенка. Но он завизжал, пришли взрослые и вытащили его. У мамы раз взяли браслет и бросили в воду. Потом сами пришли рассказывать и плакали. Нас никогда не наказывали. Я очень раздражала сестру и брата надменностью. Я садилась, болтала ногами и говорила: «А я всё равно самая умная и образованная».

У брата бывали нервные припадки вроде падучей: с судорогами, с пеной у рта. Раз мы жили с ним совсем вдвоем в пустой квартире. Когда он знал, что у него начнется припадок, он ложился на кушетку (она еще до сих пор у нас), а меня заставлял смотреть на себя — это воспитывает характер. Я ему должна была давать капли. Но в первый же раз я была так смущена, что вылила ему весь пузырек в глаза. И уже больше не было капель. Тогда он стал мне давать нюхать эфир и сам нюхал. Это было очень хорошо. У меня быстро начинала кружиться голова, и я ложилась где-нибудь на пол. Было страшно ясное сознание. Через две недели, когда взрослые вернулись, он уже ходил по дому и резал какие-то невидимые нити. Его на несколько месяцев отвезли в больницу.

Раз он решил делать чудеса. Но решил, что сам он не может, т. к. «слишком испорчен жизнью». Он заставил меня

тогда поклясться (мне было пять лет), что я не совершила в жизни никакого преступления, и мы пошли делать чудеса. Он налил в ковшик воды и сказал: «Скажи, чтобы она стала вином». Я сказала. «Попробуй». Я попробовала. «Да, совсем вино». Но я никогда раньше вина не пила. И он попробовал и нашел, что это вино. Но Тоня сказала: «Ведь вино краснос». Тогда он вылил мне ковшик на голову. И был уверен, что я скрыла какое-то преступление.

Он, когда мне было десять лет, взял с меня расписку, что я шестнадцати лет выйду замуж, у меня будет 24 человека детей, и я всех их буду отдавать ему, а он их будет мучить и убивать. Тоня спрашивала: «А если ее никто не возьмет замуж?»

Он ответил: «Я тогда найду такого человека, который совершил преступление, и заставлю его жениться на ней под страхом выдать его».

Когда ему было десять лет, он убежал в Америку. Он добежал до Новгорода. Пропадал неделю. Он украл деньги у папы и оставил ему записку: «Я беру у тебя деньги и верну их через два года. Если ты честный человек, то ты никому не скажешь, что я еду в Америку». Папа никому и не сказал. Узналось после. Он в Новгороде сперва поступил учиться сапожному ремеслу. Но он пришел в полицию и спросил: «Можно здесь у вас купить фальшивый паспорт?» Потом, когда его нашли, он самостоятельно вернулся в Петербург. И никто его ни о чем не расспрашивал и не упрекал.

Однажды, недели две, он был христианином. Они с одним товарищем по гимназии решили резать всех жидов и ставить им крест на щеках, как знак. Они связали одного товарища-сврея и финским ножом вырезали ему крест на щеке. Но не успели убить. Их поймали на этом...

Когда ему было 18 лет, я вошла раз в его комнату и увидела, что он плачет. Это было очень страшно. Потому что он никогда не плакал, а только кусал себе губы до крови. Он сказал: «Ты знаешь, я чувствую, что я глупею». С тех пор он больше ни о чем не говорил со мной и страшно замкнулся.

У меня долго сохранялись воспоминания о предшествующей жизни: я постоянно о них рассказывала в детстве, когда не хватало фантазии. Мне, конечно, никто не верил. Раз,

приехав в Саратовской губер<нии> в одно имение, я узнала и парк, и место, о котором рассказывала. Воспоминания прекратились с большою болезнью. У меня был дифтерит. Мы были одни с братом на даче. И я уже была больна. Но он запрещал мне лечиться, говоря, что «болезнь надо преодолеть». У меня был очень сильный дифтерит. Потом я ослепла на год.*

Когда мне было три года, я отказалась от причастия. Я была очень горда. Я терпела, когда меня называли Лиля, но обижалась, когда называли Елизаветой просто. Когда священник сказал: «имя Елизавета», я подкинула рукой ложечку и сказала: «Ивановна, Дмитриева». Меня унесли.

Мне было тринадцать лет, когда в мою жизнь вошел тот человек. Он был похож на Вячеслава. Его змеиная улыбка. Сперва, когда я была у Вяч<еслава>, я не знала об этом, но потом, когда он улыбнулся вдруг, угадала. У него был такой же большой лоб, длинные волосы. Только темнее Вячеслава. Бледно-голубые глаза, которые становились совсем белыми, когда он гневался. Он был насмешлив и едок. Мама очень любила его. И тогда начался кошмар моей жизни. Я ему очень многим обязана. Он много говорил со мной. Он хотел, чтобы всё во мне пробудилось сразу. Когда же этого не случилось, он говорил, что я такая же, как все. Он хотел, чтобы я была страшно образована. Он, я потом поняла это, занимался оккультизмом, он дал мне первые основы теософии, но он не был теософом. И он был влюблен в меня, он требовал от меня любви; я в то время еще не понимала совсем ничего. Я иногда соглашалась и говорила, что буду его любить, и тогда он начинал насмехаться надо мной. Его жена знала и ревновала меня. Она делала мне ужасные сцены. Все забывали, что мне тринадцать лет... Да... Макс, это было... Он взял меня... Это было в день именин Лиды, рано утром... У меня настало каменное спокойствие. Я вышла через минуту; где были люди и Лидя. И никто ничего не заметил, даже Лидя не заметила. Это знает только она и, я думаю, мама знает... Мама любила его. И она была на его стороне... У нее будто было озлобление

* *Далее невычеркнутое начало предложения: «В это время я увидела в первый раз того человека — когда...».*

на меня, что я не полюбила его. Все были против меня, и я не знала, что делать. У меня было сознание, что у меня не было детства, и невозможность любви. Я всё старалась полюбить его и не могла. Мне казалось, что только его я могу полюбить теперь. Когда мне было шестнадцать лет, меня полюбил Леонид (который был в Персии). И он любил Лсониду (как Вячес<лав> Городецк<ого>).

На днях, после Дашиного гадания, когда она говорила о том, что в Кокт<ебель> приедут Лил<ины> родственники или близкие, которые будут иметь влияние на ее и мою судьбу, в тот же час Лиля получила письмо.

— Это не мне написано. Но прочти его. Это маме. Она почему-то написала ему, что я выхожу замуж за В<сволода> Н<иколаевича>.

Письмо это было ласково. В нем были слова: «Передайте моей милой девочке, моему солнышку, мою радость за нее... Б<ыть> м<ожет>, успокоится ее измученная людьми и мною душа. Жаль только, что она больна».

— Лиля, а что значат эти слова: то, что невозможно было между нами...

— Ведь она любила его, Макс. И она потому так странно относилась ко мне; у нее был бессознательный упрек ко мне за то, что я не могла дать ему любви.

14 июля.

— Тоня умерла от заражения крови. У нее был мертвый ребенок. Она не знала, что умирает. Когда на теле начали появляться черные пятна, она думала, что это синяки. Она была еще жива, когда начало разлагаться лицо. Но она была уже без сознания. На лице появились раны. Губы разлагались. Все зубы почернели, и только один вставной оставался белым. Я давала ей пить шампанское с ложки. И сама пила. Ее муж сперва — за три дня, когда узнали, что нет спасения, кричал, что он не хочет. Потом вдруг успокоился и повеселел. Я поняла, что он убьет себя. Потом всё время, когда шла агония, он был весел и спокоен. Мама его страшно не любила. Она была несправедлива, она кричала на него. Говорила, что

это он убил ее. Он так радостно кивал головой и соглашался: «да, убил». Она видела, как он написал записку и положил в карман. Я видела по тому, как он садился, что у него револьвер в кармане. От него прятали опий. Но мы смотрели друг на друга и улыбались. Потом у нас осталась бутылка шампанского. Мы пили вдвоем в соседней комнате и смеялись. Было очень весело. Брат его, он был младше и страшно любил его, спросил: «Как вы думаете, он ничего не сделает с собой? Нужно ли воспрепятствовать?» Я сказала: не надо, и он согласился.

Тоня умерла в час ночи, а в одиннадцать он сказал мне: «Вы видели?» Я ничего не видела. «Черная тень легла на ее лицо. Она умрет ровно через два часа». Я посмотрела тогда на часы, чтобы знать. Потом всё в комнате начало трещать, как паркет летом. Он сказал: «Так всегда, когда покойники». Я переспросила еще, и он опять сказал: «Покойники». Потом он лежал поперек комнаты, загородив дверь. Он упал на лицо, и его волосы откинулись вперед и совсем намокли в крови. Надо было переступить через него, чтобы выйти. Потом мы остались вдвоем с тетей Машутой. Искали разных вещей, не могли найти ключей в их доме. Было очень весело. Через полчаса пришел пристав составлять протокол. Строго спросил, было ли у него разрешение на ношение оружия. Нам стало очень смешно. Он писал всё в протокол: и розовый дом, и второй этаж, — и очень подозрительно смотрел на нас. Их не хотели хоронить вместе. Это было трудно устроить. Мама и теперь не может примириться с тем, что они вместе похоронены. Тоне прислали много венков. Мы с Лидой делили их поровну. Но ему кто-то прислал громадный венок из белой сирени с белыми лентами: «Отошедшему». Так и не узнали, кто.

22 июля 1909.

Это было вчера. Лиля пришла смутная и тревожная. Ее рот нервно подергивался. Хотела взять воды. Кружка была пуста. Мы сидели на кровати, и она говорила смутные слова о девочке... о Петербурге... Я ушел за водой. Она выпила глоток. «Мне хочется крикнуть»...

— Нет, Лиля, нельзя! — Я увел ее в ее комнату. Она не отвечала на мои вопросы, у нее морщился лоб, и она делала рукою знаки, что не может говорить. «У тебя болит?»

Она показывала рукою на горло. Так было долго, а может, и очень кратко. Я принес снова воды и дал ей выпить. И тогда она вдруг будто проснулась: «Который час?»

— Половина четвертого.

— Половина четвертого и вторник?

— Да, Лиля. («Это час и день, в который умер мой отец», — сказала она позже.)

— Лиля, что с тобою было?

— Не знаю, я ведь спала...

— Нет, ты не спала. — Она мучительно и долго старалась что-то вспомнить.

— Макс, я что-то забыла, не знаю что. Что-то мучительно. Скажи, ты не будешь смеяться? Нет, если я спрошу. Можно? Я всё забыла. Скажи, Аморя твоя жена?.. Да... И она любила... Да, Вячеслава... Нет, был еще другой человек, ты говорил... Другой... Нет, я все забыла... Макс, я ведь была твоей... Да, но я не помню... Я ведь уже не девушка... Ты у меня взял... Тебе я всё отдала, только тебе. Ты ведь меня никому не отдашь? Но я совсем не помню ничего, Макс. Я не помню, что я была твоей. Но я еще буду твоей. Ведь никто раньше тебя... Я не помню...

Я понимаю, что с нею случилось то, что было с А<нной> Р<удольфовной> после церкви St. Жермен л'Оксерруа. Я называю ей некоторые имена (В. Н.), и она не понимает и не знает их: «Макс, напomini, о чем мы говорили до тех пор, как я заснула».

— Лиля, ты не спала. У тебя глаза были раскрыты. Только ты не могла говорить и отвечала мне жестами. Мы говорили раньше о девочке... (она не понимает).

— Почему о девочке... О Марго? Она смешная...

В это время стучит в комнату Алихан и зовет пить чай. Мы идем туда. Лиля идет, хромя и шатаясь. Сперва она очень бледна, но потом овладевает собой и разговаривает со всеми, как будто ничего не было.

После она идет купаться в большую волну и опять возвращается. Я сижу с ней и думаю о том, что это неожиданное забвение — чье-то благоденствие. Точно кто-то волей вынул из нее память о прошлом. Кто? Мне приходит на мысль К.

— Макс, теперь я ничего не помню. Но ведь ты всё знаешь, ты помнишь. Я тебе всё рассказала. Тебе меня отдали. Я вся твоя. Ты помнишь за меня.

Она садится на пол и целует мои ноги. «Макс, ты лучше всех, на тебя надо молиться. Ты мой бог. Я тебе молюсь, Макс». Меня охватывает большая грусть.

— Лиля, не надо. Этого нельзя.

— Нет, надо, Макс...

Сегодня же перед обедом:

«Макс, были опять события, много и важные... Нет, не несколько минут, целых полчаса. Я видела опять Того Человека... Я умывалась... Он появился между мною и окном... там... Я чувствовала холод от него. Точные слова не помню... Они точно звучали во мне... Когда я увидела его, я всё вспомнила. И Он сказал мне, что он не должен был больше приходить ко мне, но пришел... предупредить... Что если я останусь твоей, то в конце будет безумие для меня... И для тебя, Макс. Страшно сладкое безумие. Он сказал, что девочка может быть у нас, но и она будет безумна... Что ее не надо... Макс... и что надо выбрать... Или безумие... сладкое, или путь сознания, тяжелый, больной... И я, Макс, выбрала за себя и за тебя... Я не могла иначе... Я должна была выбрать. Я выбрала не быть твоей... И “девочки” не надо... Что ж, Макс, она будет безумная?.. И я всё вспомнила: и как я была твоей, и Г<умилева>, и К. Я ведь была совсем твоей, Макс. Ведь эти дни ты мог сделать со мной всё, что хочешь. У тебя была безграничная власть. Тебе меня совсем отдали. Это уже было начало безумия. Я могла только молиться тебе и целовать ноги. Теперь я снова сама. И мы будем вместе, Макс. Ты не покинешь меня. Но, Он сказал тоже, что если ты еще раз возьмешь меня, еще хоть раз, то ты уйдешь от меня совсем. И... Макс... если тебе будет надо... хоть на минуту, я буду снова твоей. Но я в себе чувствую силу: я сама удержусь, и ты помоги мне. Теперь

всё правда. Я теперь всё вспомнила. Я могу теперь думать о Вс<еволоде> Н<иколаевиче> Я его люблю теперь. Я, Макс, может, уйду к нему, но я не буду ничьей больше. Это тебе, Макс. Я ведь эти дни не могла думать о нем; я вспоминала почти с ненавистью и писала по нескольку строчек.

...Лицо моего Человека... Он блондин. У него длинная борода, темнее волос. Нос горбатый. Большие темные глаза с такими кругами».

7 августа.

В Феодосии у Алек<сандры> Мих<айловны>, потом у Богаевского — Ребиков. Он входит в то время, когда я читаю свою статью, перебивает чтение и сразу начинаст говорить:

«Очень рад, давно хотел познакомиться... Я проведу Орфизм в музыке. Так, чтобы и камни слушали. О да, Орфизм есть у всех... на два такта... Но ведь нас учат четыре года тому, чтобы превратить два такта в длинную симфонию. Потому что ведь два такта ни один издатели не примет. А если их разжидить вакханалией, то получится симфония... Да... ведь мы все гении. И колбасники, которые слушают, — они тоже гении. Все гении...

Один немецкий композитор меня спрашивает: “Откуда у Вас такая сила?” А я говорю: а вы мне скажите, как вы живете?

— Я, — говорит, — вот уже двадцать лет женат, у меня пять человек детей. Встаю, утром пью кофе, ем шницель, иду урок давать, обедаю, пиво пью, потом иду в концерт.

— Вот, — говорю я ему, — у вас в музыке всё это и есть. Вы всё и говорите о том, что вы женаты и что у вас пять человек детей, все бутерброды и шницели, и пиво — всё это у Вас и есть, и публика это понимает, но т<ак> к<ак> и она всё это знает, то ей и неинтересно... неинтересно...

— А что же делать?

— Делать? А вот постарайтесь так, чтобы у Вас жена с кем-нибудь сбежала. И чтобы дети у вас перемерли. И чтобы Вас с места прогнали. Тогда, мож<ет> быть, через год Вам и придет в голову талантливая мысль...

– Ну, говорит, это слишком радикальное средство».

Всё это Ребиков говорит сперва с воодушевлением, потом срывается в брызжащий усталый тон, но не умолкает ни на минуту. У него фигура и лицо немного опустившегося франта. Длинный череп. Лысый. Длинная прядь волос зачесана с затылка на лоб, так что острием разделяет его по середине. Габсбургская челюсть и тонкий вырождающийся подбородок. Тонкие усы острями кверху. Пенсне. Белый полосатый костюм.

– Художник не должен только жиреть. Надо быть несчастным. Хорошо влюбляться, но только без успеха.

Если бы я был красивой женщиной, я бы в себя влюблял всех гениальных художников, а потом предлагал бы им револьвер: вот, пожалуйста, стреляйся, милый друг, только в ногу. Впрочем, куда хочешь, только не в голову и не так, чтобы умереть.

Всегда надо в себя смотреть – что там, не заржавело ли что из чувств. А, я, кажется, давно не ревновал. Ну так надо поревновать. А то начнешь писать. Надо ноты такого-то чувства. Ан сго-то и нет.

...Получил раз письмо: «Очень хочу видеть автора «Елки». Буду на бульваре на такой-то скамейке». Шел к знакомым, зашел нарочно. Вижу, сидит гимназисточка, некрасивая, очень волнуется, ждет автора «Елки». Я подхожу к ней, снимаю шляпу: «Сударыня, позвольте к Вам присесть». Она как вспыхнет вся: «Как вы смеете?» Ну, я извинился, сел на скамейке напротив, развернул «Новое Время». Смотрю на нее. А она в каждого прохожего впивается глазами, всё ищет автора «Елки». Ну, так и не дождалась. Расплакалась и ушла. И я пошел своей дорогой.

...Французы прекрасная раса... прекрасная... очень талантливая... их ничем не удивишь... Всё нового требуют. Хорошие критики. «А, летал десять минут? хорошо, но что ж так мало – полетай 40 м<инут>». И будет сорок минут летать, и часами будет летать. Я в прошлом году ездил в Париж знакомиться с музыкой их. Я и концерт там давал. Хорошо. Писали обо мне. В музыкальном магазине одном был. Показы-

вают музыку. «А, говорю, только у нас в России уже дальше ушли». «Дальше? Да у вас после Мусоргского...» Я и сыграл. «Что это? Кто это?» А я говорю – это я пишу вот. Ну, мне дали сейчас карточку, вот, поезжайте в «Revue Musicale» к Lalois. «Да, это, говорит, удивительно – я устрою вечер у себя. Послушаем. Всю прессу приглашу». Ну, играю. И вот меня в плагиате уличили. Да, почти что. То есть даже совсем уличили. «А это, говорит. Позвольте, повторите-ка... Да... да... Это ведь у Дебюсси – песня Мелизанды...»

– А... правда... Никогда не слыхал... «Не слыхали? Можно еще раз повторить?» Сличили... «Да, всё так, совсем. Да, правда, так бывает, совпадения. Очень неприятно». И сами радуются – приятно: русского композитора уличили в воровстве. А я говорю: «Позвольте, а нельзя узнать, когда “Пеллеас и Мелизанда” написаны?»

– Вот, говорят, в 1902 г. – «А, очень приятно. А мое – вот видите, уже издано в 1900 г., написано и того раньше».

– Да. Никакого нет сомнения. Очень странно.

Я, впрочем, давно знал, что музыка моя известна в Париже. А один подходит ко мне, говорит: «Мне Ваши вещи очень знакомы. У нас в пансионе есть один русский. Он всегда их играет. Говорит: “Только Гайдн и вот один умерший”. Он всегда говорит об одном умершем. Мы его спрашивали: отчего же он умер? Говорит: нищета, чахотка, пьянство. Очень жаль, очень жаль. Вот так все талантливые люди в России».

Я говорю, а Вы меня с ним познакомьте. Познакомили на концерте. «А я думал, мой друг, что Вы умерли». Нет, не умер...

– А помните?

– Очень хорошо помню.

– Заходите, пожалуйста, ко мне.

– Нет, благодарю...

...И программу мы с Лалуа составили для концерта такую, что можно прямо с ума сойти. Я так, без антракта, сорок минут... за занавеской. Я всегда за занавеской и в темноте. На афишах напечатано: публику просят в антрактах не шуметь. Т. е. и не аплодировать, и не свистать. А на вызовы я не выхожу. Что им показывать-то? Я ведь – ремингтонов-

ская машинка. Записываю только то, что приходит. Что ж, им ремингтоновскую машинку-то показывать. Лучше нотную бумагу повесить, пусть ей кланяются...

Он совсем устает, говорит нехотя и лениво: «Талантливая русская литература. Очень талантливый народ. Вот утром <у> меня был поэт Волошин. Очень талантливый поэт». Потом, уходя, мне: «Да... да... Вы очень талантливы. Талантливы, как Бальмонт... впрочем, может, талантливес Бальмонта... да, талантливес... Покойной ночи... покойной ночи...»

Странная дача сго: на склоне за карантинном, где пустыня Св<ятого> Ильи. Феодосия заслонсна башнями и развалинами. В доме комнаты пыльные, низкие, полутемные, проникнутые запахами винных ягод, наливок, варений, плесени, старой мебели, гниющего дерева. Полы скрипят. Пружины у диванов продавлены. Материи стертые. Грязные и ободранные обои с большими цветами. В комнатах темно. Их много, и расположение их неуловимо. У него в кармане ключи — и, проходя, он то запирает, то открывает двери.

В тот же день мы были с Лилей у «доктора арабских наук» Гассан-Байрам-Али.

«Слушайте, что Вам говорит арабийский наука каба-листика. Слушай внимательно: слушай... У каждого человека есть свой звезда... темный звезда или светлой звезда. Здесь про тебя написано в арабийский наука, что у тебя нет ни большой счастья, ни несчастья. Средне. Но все Ваши несчастья прошел до 30 лет, все самый тяжелый.

И Вы женат, только одно имя, что женат... У тебя такой судьба, что она не судьба. Ничего дурного тебе от нее нет, но ничего и хорошего нет. У нее один день так, а другой совсем не так, и Вам лучше меньше об ней думать. Чем меньше думаешь, тем лучше.

И еще говорит про Вас арабийский наука, что Вы вот не очень молод, но вокруг Вас очень много женщин, и все Вас любят, и что другой бы мог что угодно с ними сделать, но только Вы с ними всегда очень вежливы. А только капитал у Вас никогда большой не будет. Вы такой человек. Другой бы мог большис деньги иметь, а Вы нет. Так всегда не будет хватать.

И много есть у Вас, кто не любит и клеветают на Вас. Но от высокопоставленных лиц Вам уважение большое. У Вас такой работа умственный. Сейчас у Вас начинается дело такое: и все вокруг Вас говорят и Вы всем работу даёте. Но это дело ещё не Ваше дело. Ваше дело будет в 34 года. Теперь Вам изменение жизни предстоит в течение двух месяцев (август, сентябрь) и потом через 6 месяцев».

Он говорил ещё о путешествии далеко за воду с юношей: черным; и о том, что я буду в Персии.

1911 год

Зима 1911.

У Голубкиной:

На двери надпись: «Не мешайте, пока светло для работы». Стою в недоумении. Но она открывает, услышав шорох за дверью.

— Здравствуйте... ничего... входите уж... Помню Вас... Вы мне в Париже сказали, что мы по разным коридорам идем. Я об этих коридорах все шесть лет думала. Что же это Вы думаете, что действительно нельзя из одного коридора в другой заглянуть... Впрочем, здесь не те коридоры, я про Москву... Здесь я всё в этих коридорах хожу... Двери всё из них кругом, да заперты железными болтами... Да неужели ж ни к кому не достучишься? Да Вы прежде посмотрите, пока свет есть. Пойдите-ка в ту мастерскую, там лучше...

...Это вот хорошо, что Вы сказали: «Бесы веруют и трепещут». Нравится мне это... Почему бы это? Разве они бесы?..

...Нет, он не обезьяна... обезьяньего нет в нём... Я им сюда думаю сверху картину...

...Нет... этот не такой... Этот всё потерял и вдруг свободен остался. Этот деревянный, мертвый. Вот он здесь гипсовый — недоумение у него.

Она сама как микельанджеловская Сивилла, с мрачной, пригнетенной головой. В рваном вязаном платке.

3 ноября 1911.

Paris.

Стук ночью разбудил меня. Я отворил в одной рубашке. Это был Бальмонт. За его спиной немая женская фигура – Елена.

– Сюда нельзя. Одну минуту. Я сейчас оденусь. Он шел, говоря несвязные и страстные слова:

– Макс, я пришел к тебе. Макс, я люблю тебя. Но ты не хотел позвать ее. Макс, позови ее, пойди к ней навстречу. Макс...

Я в это время торопливо одевался за занавеской. Он сидел румяный, возбужденный. Казался страшно здоровым. В нем – фантастическая сила. Она рядом с ним маленькая, иссохшая. Почти старая. Худая до желтизны. С маленькой выдавшейся вперед челюстью. За пять лет она стала такой. Она была похожа на жену мастерового, которая, измученная ребенком, ходит за мужем по кабакам. Но он не замечал ее перемены и с пафосом бросал восторженные слова:

– Елсна! Это Елена!

Потом он подошел ко мне близко. Его лицо с усиками и острой бородкой жантильома времен Луи XIII, с длинными волосами, розовое, было неприятно.

– Макс... Где?.. Пикать! Пикать!!

Я повел его. Он стоял, держа меня за руку. Я зажег спичку. Слышно было журчанье падающей струи. Он продолжал восклицать: «Я – Бальмонт! Я – поэт! Она – Елена!»

Было смешно и жалко.

Она сделала жест, что хочет писать. Я не понял. Б<альмонт> сразу пришел в бешенство.

– Дай ей лист... Она хочет писать...

Она, наклонившись, писала: «Постарайтесь его увести на Rue de la Tour...»

Он уже не обращал внимания и отсутствовал.

– Уходите... – сказал я ей, – я останусь с ним.

Она была измучена. Она кинула дома ребенка одного. Они провели уже много часов в кабаке (было 4 ч. утра). Она

была в легкой кофточке и вся дрожала и кашляла надрывчатым чахоточным кашлем. Она постаралась улизнуть незаметно.

— Куда ты?

— Мне надо посмотреть Мирочку... Я сейчас приду. — Он тотчас же забыл и почти не заметил, как она ушла.

Он присхал только что из Бретани, вызванный телеграммой Елены, у которой умер отец. На следующий день они должны были быть в суде. Несколько месяцев назад он, проходя ночью мимо городского, сказал: «Vive Liubeuf!». Его подхватили под руки. Он сказал Елене: «Закройте Ваш сак»... Слово «Ваш» сразу привело городских в исступление.

Мне надо было найти в суде адвоката Лафон и ту палату, в которой разбиралось его дело. Но там было 8 адвокатов по имени Лафон и 12 камер. «Грефье», к которому я обратился, говорил:

— Так Вы говорите, что Ваш друг судится за оскорбление полиции... Это очень трудно сказать, в какой камере будет разбираться его дело. Вы уверены, что не за воровство? Знаете, это очень жаль. Потому что, если бы за воровство, я бы Вам сейчас же указал. Очень, очень жалею, что он не вор... но ничего не поделаешь — дело передано уже в отдельные камеры. Справьтесь там.

Когда я зашел на Rue Campagne I, чтобы предупредить Ел<ену> о том, что дело отсрочено, — их комната была заперта. Мирочка в одной рубашке, слишком короткой, делала кокетливые жесты руками и ногами и спрашивала: «Ты меня любишь?»

Когда мы разговаривали с Еленой в узкой кухне, приотворил дверь Бальмонт. Теперь он был изможден, пятнист и страшен. Он не узнавал меня. То начинал смеяться, то приходил в бешенство. Он был в таком же костюме, как Мирочка, и так же наивно бесстыден, как она. Чтобы избавиться от

жестов и слов, которые могли длиться бесконечно, я быстро выбежал в дверь и ушел. Он сделал попытку гнаться за мной по лестнице.

6 ноября.

Вчера я был у Бальмонта. Он пришел в себя.

— Я ничего не помню, что было. Помню только почему-то тебя в ярком ореоле.

— Это когда ты увидел меня в кухне против окна.

16/XI.

Редон сказал мне, говоря про кубистов: «C'est une plaisanterie scholastique»*.

От снов дремучих бытия,
Меня повсюду обступивших.

В мире вождедений безобразных
Кошунство юной красоты.

И ныне стало так далеко
Еще недавнее «вчера».

1912 год

1912. 19 января.

Бальмонт лежит навзничь на диване, закинув руки за голову. Я сажусь рядом и кладу руку на его колено. Оно острое. Нога кажется сломанной.

— Макс, ты хотел сказать мне о... дуэли. Я не хочу быть нескромным. Но я не хотел бы, чтобы осталась хоть черта между нами...

Я рассказываю: рассказываю то, что можно, и умалчиваю о том, чего нельзя. Но ему важен не мой рассказ. Он волнуется собственными воспоминаниями.

...Можно ли смыть обиду...

* Это схоластическая шутка (фр.).

— Валерий сделал то же, что ты Гумилеву... Я почувствовал, что пол-лица омертвело... Я провел тридцать шесть часов в бреду. Я не мог его вызвать. У меня была клятва, данная еще юношей, перевести Шелли. Его жена ждала ребенка. Я пришел к нему и спросил: «Зачем ты это сделал?» Он стал на колени и целовал мои руки. Мы тогда с ним стали на «ты». Нельзя было иначе. О, как это всё было. Я присхал только что с Балтийского моря. Я только что кончил «Только любовь». Это были самые ясные дни подъема. Я помню день в Петербурге с Вячеславом, с которым мы неожиданно стали тогда говорить «ты». Он водил меня по крыше. Но я шепнул Кате: уедем сегодня же в Москву. Я утром ехал с Грифом. Мы остановили автомобилиста, который раздавил мужика и хотел бежать с мужиком в колесе. Мы его схватили и предали полиции. Встретили Валерия. Он сказал, мотнувши головой: «Знаете ли, что автомобилям принадлежит будущее». Потом мы поехали на скачки. Играли. Я выигрывал. Но когда я играл вместе с Валерием, то проигрывал. Это меня раздражало. Я проиграл все, что выиграл. Мы поехали в ресторан: Гриф, Юргис, Валерий, Сережа Поляков. Мне хотелось заставить их чувствовать себя. Но им этого не хотелось. Они стали играть в домино. «Оставьте игру, давайте разговаривать, а то я выкину за окно». Я взял в горсть костяшки и бросил за окно. Сер<гей> Пол<яков> сейчас же сказал лакею: «Пойдите, там упало домино». Но он, конечно, ничего не нашел. Я что-то начал говорить Валерию: «Я не хочу, чтобы играли... Я из-за Вас проигрывал на скачках... это шулерство...» Он ударил меня... Я спросил почти спокойно: «Что это значит?»

«Это значит, что Вы всем нам надоели...» — и с перекошенным лицом пошел из зала...

Меня в тот вечер ждала Нин<а> Ив<ановна>. Я не поехал к ней. Я поехал в публичный дом. Поднялся в отдельную комнату, разделся и лег с девушкой, как брат с сестрой: и когда она делала жесты любви, то я отстранял ее рукой. Так я пролежал всю ночь и думал свои мысли. Потом ходил по улицам. Но не мог и пошел к Валер<ию>. Они кончали обедать. Он встал сумрачный, и мы прошли в его комнату.

И когда он на коленях целовал мои руки и плакал скупыми слезами, мне лицо его казалось обезьяньим...

19^{22/11} 12.

Москва.

Богасвский о смерти Куинджи: «Он умирал, как Прометей. У него было сознание всего. Он говорил “об людишках, которые налипли”. Иногда кричал: “Да знаете ли, кто умирает? Ведь Куинджи умирает... Поди раствори балкон, крикни им, что Куинджи умирает”».

Разговор этот происходит у Кандаурова, на чердаке Малого театра, в трехэтажной, из трех комнат, квартире, за обедом. Присутствуют Грабарь, Латри, Богасвский. Лицо Грабаря вполне определилось в своей некрасивости за эти годы. У него череп бердслеевских зародышей: с большой выпуклостью на лбу. Нос утиный, с переносицей, сильно приподнятой нажимом пенсне. Губы маленького рта подвижны и кривятся вверх. Подбородок конически острый. Затылок отсутствует. Шея сильная и широкая.

Накануне у П. Иванова я видел Арцыбашева. Он был в сапогах бутылками, бархатной рубашке, подпоясанной широким кожаным поясом. У него был вид чистый и немного противный: слишком домашний, как у человека, вернувшегося из бани. Он больше молчит. Голос его похож на голос Ф. Сологуба. Слова негромкие, мягкие, лысенькие; тон голоса сладко презрительный. С ним была маленькая женщина в черном, стройная и юная, которая, очевидно, владеет им. Голос у нее был хрустально-мещанский, четкий и резкий. Она говорила не крикливо, но ни одного ее слова нельзя было прослышать среди общего разговора. С Арц<ыбашевым> она обращалась оскорбительно навязчиво, как с глухонемым идиотом, «бабьим своим счастьем похваляясь». Когда за ужином его обнесли соусом, она, указывая пальцем на его тарелку, сказала с негодованием павлиньим голоском на весь стол: «А сюда Вы забыли дать».

2 декаб<ря> 1912.

Последние дни в Коктебеле. Восемь месяцев живописи. Вчера дорисован последний лист картона. Послезавтра мы едем в Москву.

1913 год

3 января 1913

Сегодня началась работа с Суриковым. Номер в «Княжьем дворе», жарко натопленный. Он сам среднего роста. Густые волосы с русой проседью подстрижены в скобку. Жесткие, короткие и слабо вьющиеся в бороде и усах. Вид моложавый. Ему нельзя дать 65 лет (он родился в 1848). В наружности что-то простое, народное. Но не крестьянское. Закалка более крепкая, и скован он круче, чем Григорий Петров, например, несмотря на волчьи брови того и легкие глаза этого.

«Я родом из казацкой семьи. Предки мои пришли в Сибирь вместе с Ермаком. Потом в XVII веке отселились и основали Красноярск. Я в Красноярске родился. У меня прекрасное детство было. Простор. Енисей течет на 5000 верст, а против нас в версту ширины. Тут и купанье. И под плотами нырял. А за городом холмы — посмотришь на восток и краю неведомой земле нет. Книгу у нас в семье любили. А рисовать я с самого детства начал. Еще помню, совсем маленьким был, на стульях сафьяновых рисовал, пачкал. И из дядей моих один рисовал. Мать моя не рисовала. Но раз нужно было казачью шапку старую нарисовать. Так она неуверенно карандашом нарисовала — я сейчас же увидел ее.

Главное, я красоту любил. Во всем красоту. В лица вглядывался, как глаза расставлены, как они составляют черты лица. Изображение из Казанского собора? работы Шебуева было у нас, так я целыми часами смотрел на него. Не мог от протянутых рук оторваться. Всё смотрел вот, как тут рука — ладонь сбоку лепится. Комнаты у нас в доме были большие и низкие. Мне маленькому фигуры казались громадными. Я поэтому всегда старался или горизонт низко очень поместить или чтобы фону было мало, чтобы фигура больше казалась».

Я прошу его показать мне руку. Рука у него маленькая, тонкая, не худая, с очень красивыми пальцами, сужающимися к концам, но не острыми. Линии четкие, глубокие, цельные. Линия головы четкая и короткая. Меркуриальная глубока и удвосна и на продолжении головной образует звез-

ду, одним из лучей которой является уклонение Аполлона в сторону Луны.

Я говорю: «У Вас громадный запас наблюдательности. Даже то, что вы видели мельком, остается четко в глазах. Разум у Вас четкий, ясный. Он не заходит в области более глубокие и предоставляет полный простор бессознательному. Если бы не громадное развитие наблюдательности, вы бы могли быть мечтателем в искусстве, но идея, только что появившись у Вас, тотчас же облекается в формы».

Он меня перебивает: «Да, вы вполне правы. Вот у меня было так: в Сибири я ночевал в холодной избушке, дождь шел. И явилась вдруг мысль: кто же это так же сидел в избушке?.. Меншиков... Сразу всё пришло. Так всю композицию целиком увидел. Только еще не знал, как я княжну посажу. И вот свеча представилась, и белая рубаха. Отсюда вся “Казнь стрельцов” пошла. Увидел ворону с раскрытыми крыльями на снегу. Долго не мог этого пятна забыть. Отсюда “Боярыня Морозова” вышла».

Кроме того, рука Сурикова выражает редкую непосредственность. Холм Венеры только у самой линии жизни прегражден несколькими отрывочными линиями, указывающими лишь на внешнее случайное замыкание перед людьми. Линия сердца главным руслом недалеко огибает Сатурна, но боковой и очень четкой линией узорно проходит через весь холм Юпитера и направляется к самому центру пальца, знаменуя сердце благосклонное и благородное. В заключение он говорит мне:

«Я сам знаю. Мне всегда хотелось знать о художниках то, что Вы хотите обо мне сделать. И не находил таких книг. А я Вам о себе всё расскажу по порядку. Ведь я сам писать не умею. Думал, так моя жизнь и пропадет вместе со мною. А тут все-таки кое-что и останется».

5 янв<аря>.

Второе свидание с Суриковым. Он, видимо, приготовился к нему. Достает книги и рукописи. Мы начинаем говорить о роде его. Он достает статью о Красноярском бунте против

восводы Дурново, читает вслух отрывки, при каждом казаком имени восклицая: «Это ведь родственники всё мои»; «С Многогрешными я учился»; «Это мы-то воровские люди». Предки его были с Дона. Суриковы еще сохранились в Верхне-Ягирской и Кундрюченской станицах. Основали Красноярск в 1622 г. «После, как они Ермака потопили — пошли вверх по реке, основали Енисейск, потом красноярские Остроги — так места укрепленные часто казаками назывались». Но скоро он отвлекается от исторических справок и начинает говорить о себе: «У нас народ другой, чем в России: вольный, смелый. В семье у нас все казаки. До <18>25 г. простыми казаками были, а потом офицеры пошли. А раньше всё сотники, десяткис Суриковы. Дед мой Александр Степанович был полковым атаманом. Подполье у нас было полно старыми казацкими костюмами, еще старой екатерининской формы. Кивера с помпонами. Не красные еще мундиры, а синие. Помню, еще мальчиком, как только войска идут, сейчас к окну — сидишь там. А внизу все мои сродственники идут, командирами. И отец, и дядя Марк Васильевич. И в окно грозят мне рукой. И край-то какой у нас. Сибирь западная плоская. А за Енисеем у нас уже горы начинаются. К югу тайга. А к северу холмы. Глинистые, розово-красные. И Красноярск — отсюда имя. Про нас говорят: “Красно-яры сердцем яры”. На Енисее остров Татышев и Атаманский. Этот по деду назвали. Горы у нас целиком из драгоценных камней — порфира, яшмы. Енисей быстрый, холодный, чистый. Бросишь в воду полено — его уже бог весть куда унесло. Мальчиками мы что только, купаясь, не делали. Я под плоты нырял. Нырнешь — и тебя водой внизу несет. Помню, раз я вынырнул раньше. Под балками меня волочило. Балки скользки: несло быстро, и небо мелькало в щели синее. Вынесло, однако. А на Каче плотины были, так мы оттуда, аршин 6–7 высоты, по водопаду вниз ныряли. Нырнешь, и вместе с пеной до дна несет, бело всё в глазах: и надо на дне в кулак песка захватить, чтобы показать. Песок чистый, желтый. А потом с водой на поверхность вынесет. Лет 8-ми меня отец на охоту с собой брал. Лесами мы ходили.

А вот первое, что у меня в памяти осталось, это наши поездки зимой в Торгошинскую станицу. Мать моя из Торгошинских была. А Торгошины по ту сторону Енисея перед тайгой жили. Старики жили неделимые. Семья была богатая. Они торговые казаки были, торговлей занимались. Чаи возили от Томска до Иркутска. Старый дом помню. Мощный двор был. Там в Сибири тесаными бревнами дворы мостят. Там весь воздух казался старинным. И песни пели старинные. Старые иконы и костюмы. И сестры мои двоюродные, девушки совсем такие, как в былинах поется. Двенадцать их девушек было в семье. Рукоделием они занимались, гарусом вышивали, на пялицах вышивали. Пели песни тонкими певучими голосами. Дочери дяди Степана Таня, Фаля, Маша...

Вот помню — едем через Енисей зимой. Сани высокие. Мать не позволяла выглядывать. А все-таки через край посмотришь: глыбы ледяные столбами стоймя кругом стоят, точно дольмены. Енисей на себе лед сильно ломает, друг на друга их громоздит. Пока по льду едешь, то сани так с бугра на бугор и кидает. А станут ровно идти, значит на берег выехали. Вот на том берегу я в первый раз видел, как “Городок” брали. Мы от Торгошинских ехали. Толпа была. Городок снежный. И конь черный прямо мимо меня проскочил, помню. Это, верно, он-то у меня в картине и остался. А потом много “городков снежных” видел. По обе стороны народ стоит. А посреди снежная стена. А лошадей от нее отпугивают криками, бьют. И вот, чей первый конь сквозь снег прорвется. А потом приходят люди, что городок делали, денег просить. Ведь художники. Так они и пушки ледяные, и зубцы — всё сделают.

Помню, как старики Феодор Егорович, Матвей Егорович гулять начнут и на двор в халатах шелковых выйдут и поют: “Не белы снеги”. Дядя Степан Феодорович с длинной черной бородой. Это он у меня-то был в “Стрельцах” — тот, что, опустив голову, сидит, “как агнец, жребию покорный”.

Там старина была. У нас другое дело. Дом новый. Старый суриковский дом, вот о котором в истории Краснояр-

ского бунта говорится, я в развалинах помню. Там уже не жил никто. Потом он во время пожара сгорел. А наш новый был — в 30-х годах постронный.

Дяди Марк Васильевич и Иван непокорные были. Когда после смерти дедушки другого атаманом назначили, им частенько приходилось на гауптвахте сидеть. Они оба молодыми умерли. От чахотки. На парадах простудились. Времена были николаевские. При сорокаградусных морозах в одних мундирчиках. А богатыри были. Помню похороны Марка Васильевича, лошадей его за гробом вели. Мы, дети, ему, когда он в гробу лежал, усы закрутили, чтоб у него геройский вид был. Они образованные были. Много книг выписывали. Журналы “Современник” и “Новоселье” получали. Я Мильтона “Потерянный Рай” читал в детстве. Пушкина и Лермонтова. Лермонтова очень любил. Дядя Иван Васильевич на Кавказ одного из декабристов переведенных сопровождал. Вот у меня есть еще шашка, что тот ему подарил. Так он оттуда в восторге от Лермонтова вернулся. Я из их ссыльных сам, когда мне 13 лет было, Петрашевского-Буташевича видел. Мать всегда в старом соборе ездила причащаться. Так она там декабристов Бобрищова-Пушкина и Давыдова видела. Они всегда впереди всех в церкви стояли, шинели с одного плеча спущены. И никогда не крестились. А во время ектеньи о Николае I демонстративно уходили из церкви.

Жизнь в Сибири была жестокая. Совсем XVII век. Казнили. Плетями наказывали. Я мальчиком еще бегал смотреть. Разбои всегда. На ночь как в крепость запирались. Вот моей матери приданое украли. Я помню — еще совсем маленьким был. Спать мы легли. Я у отца всегда «на руке» спал. Брат, сестра. А старшая сестра Елисавета от первого брака в ногах спала. Утром мать просыпается: “Что это, — говорит, — по ногам дует?” Смотрим, а дверь разломана. Так грабители через нашу комнату прошли. Ведь если бы кто из нас проснулся, так они всех бы нас убили. Но никто не проснулся, только сестра Елисавета помнит, что точно с кем-то ночью на ногу наступил. И всё с собой унесли. Потом еще платки по дороге на заборе находили. Да матери венчальное платье на Енисее пузырями всплыло — его потом к берегу прибило. А всё ос-

тальное так и погибло. Вот у меня тут, я вам покажу, немного осталось».

Он достает узелок и вытаскивает несколько кусков шелковых и парчевых тканей. «Вот этот платок бабушка моя на голове всегда носила». Треугольный – половина квадратного разрезанного от угла до угла, платок из парчевой материи, красновато-лиловый с желтизной, и золотым тканьем, платок хранит жесткие, привычные складки, которыми он ложился вокруг лица. «Это, значит, для двух сестер купили, но пополам разрезали». Тут же он достает портрет (фотографию) своей матери в гробу. Она лежит с лицом старой крестьянки в крестьянском платке на голове. Лицо кажется спокойным и монументальным. В нем и кованость, и чеканка. Морщины глубокие и прямые. В^{асилий} Ив^{анович} типом походит на нее. Затем он рассказывает о других случаях опасности от разбойников: как рабочий ломился к ним пьяный в кухню и зарезать хотел, как они успели запереться и через окно позвать из казачьего приказа казаков. Как, едучи с матерью (ему было 17 лет), из тайги вышел человек в красной рубаше и поворотил лошадей в тайгу, молча. «Потом мама слышит, он кучеру говорит: “Что ж, до вечера управимся с ними?” Тут мать раскрыла руки и начала молить: возьмите всё, что есть у нас, только не убивайте. А в это время навстречу священник едет. Тот человек в красной рубашке соскочил с козел и в лес ушел. А священник нас поворотил назад, и вместе с ним мы на ту станцию, откуда уехали, вернулись. Я только тогда проснулся. Всё время спал».

Разговор переходит к первым живописным опытам: «Очень я красоту композиции любил. И в картинах старых мастеров больше всего композицию чувствовал. А потом начал ее и в природе всюду видеть. Я гравюры всегда срисовывал. И тонко-тонко. “Благовещенье” Боровиковского и “Ангела Молитвы” Неффа. Рисунки Рафаэля и Тициана. У меня много этих рисунков было. А теперь только три осталось. Все в Академии пропали. Я их вам покажу. А вспоминаю, дивные рисунки были. Так тонко сделанные. Когда меня в Академию хотел губернатор Замятнин определить, – я их все собрал, их туда отправили. А ответ пришел:

если хочет схать на свой счет — пусть едет, а мы его <на> казенный счет не берем. А потом, когда я приехал уже в Петербург, меня спрашивает профессор Шренцер: “А где же ваши рисунки?” Перелистал. “Это? — говорит. — Да за такие рисунки вам даже мимо Академии надо запретить ходить”. И потом у него все эти рисунки так и пропали».

8 янв<аря>.

Суриков продолжает свой рассказ: «Мне лет 6 было, когда отца перевели в Бузимскую станицу в 1854 г. Вот там у меня впечатления природы начались. Помню, и рисовал уже тогда. Петра Великого с черной гравюры рисовал. А краски от себя. Мундир синькой, а отвороты брусничкой. Оттуда меня в Красноярск в наш старый дом привозили.

Дядя Марк Васильевич, он уже болен тогда был, вслух мне “Юрия Милославского” читал. Это первое литературное произведение, что в памяти осталось. Я так вот, прижавшись к нему под руку, слушал. Помню, всё мне представлялось, как это Омляш в окошко заглядывал. Марк Васильев<ич> в декабре умер. 11 декабря. Так и помню, как он читал. Невысокая комната с сальной свечкой. А грамоте я уже после его смерти 8<-ми> лет учиться начал. В Бузиме мне было вольно жить. Верхом я ездил. Пара у нас лошадок была: Соловей и рыжий конь. Раз я через голову лошади полетел. Охотился уже с *кремневым* ружьем. В школу в приходское училище меня с 8 лет отдали. Интересное тут со мной событие случилось. Вот я Вам расскажу. Пошел я в училище. А мать мне рубль пятаками дала. А в училище мне идти не захотелось. А тут дорога разветвляется по Каче. Я и пошел по дороге в Бузим. Вышел в поля. Пастухи вдали. Я верст шесть прошел. Потом лег на землю, стал слушать, как в “Юрии Милославском”, нет ли за мной погони. Вдруг вижу вдали пыль. Глядь, наши лошади. Мать едет. Я от них, с дороги свернул, прямо в поле. Остановили лошадь. Мать кричит: “Стой! Стой! Ведь это наш Вася!” А на мне такая маленькая шапочка была, монашеская. “Ты куда?” И отвезли меня назад в училище.

А на охоте я в первый же раз птичку застрелил. Сидела она, я прицелился, она и упала. И я очень возгордился. И раз

от отца отстал. Подождал, пока он за деревьями мелькает, и один остался в лесу. Иду. Вышел на опушку: а дом наш бузимский на яру, как фонарь, стоит. И отец с матерью смотрят, меня ищут. Я не успел спрятаться, он увидел меня. Отец меня драть хотел. Тянет к себе. А мать к себе. Так и отстояла меня. Мать моя удивительная была. Вот вы ее портрет видели. Она никогда меня не била. На своей свадьбе только губы в шампанском помочила. И я в нее, никогда не пил вина. И не хотелось.

Отец мой в 1859 году в Бузиме умер. Мы тогда в Красноярск вернулись. Меня в уездное училище отдали. Я четыре класса прошел, курс кончил. Вот там учитель был рисования Гребнев. Он из Академии был. У нас иконы писал на заказ. О Брюллове мне рассказывал, об Айвазовском, как тот воду пишет — что совсем как живая. Я потом его кавказские виды видел, уже когда художником был: ведь это благоухание, как формы облаков знал. Так вот Гребнев меня учил рисовать. Чуть не плакал надо мною. Приносил гравюры, чтобы я с оригинала срисовывал. А потом брал меня с собою и акварельными красками заставлял сверху холма город рисовать. Плен-Эр. Мне 11 лет было.

А лучше мне всего в Бузиме было. Это к северу от Красноярска 60 верст. Место степное. Село. Из Красноярска целый день лошадьми ехали. Окошки там слюдяные. Песни, что в городе не услышишь. Масляные гулянья. Христославцы. Всё это я мальчиком 6 лет видел. В детстве я всё лошадок рисовал, как все мальчишки. Только ноги всё у меня не выходили. А у нас был работник Семен, простой мужик. Он меня научил ноги рисовать. Начал их по суставам рисовать: вижу, гнутся у его коней ноги, а у меня никак не выходило. Это у него анатомия, значит».

Тут Вас<илий> Ив<анович> вытаскивает ряд своих детских и юношеских рисунков. Это акварельные копии с гравюр («Благовещение» Боровиковск<ого>, «Ангел Молитвы» Неффа). «Ведь вы посмотрите, какая тонкость. Вид. Это удивительно сделано. Я помню, рисовал. Не выходило всё. Я плакать начинал. А сестра Катя утешала: “Ничего, выйдет!” И я еще раз начинал, и выходило. И ведь краски здесь мои.

Я это с черных гравюр рисовал. А потом в Петербурге смотрел — ведь похоже, угадал. Ведь вот как эти складки тонко здесь. И ручка. Очень эта ручка мне нравилась. Так тонко лепится...

А вот я Вам еще расскажу. Там в Сибири у нас такие проходимцы бывают. Появится неизвестно откуда, потом уедет... Вот один такой на лошади проезжал. Прекрасная была лошадь у него, Васька. А я сидел рисовал. Предлагает: “Хочешь покататься — садись”. Я и на его лошади катался. А раз он приходит, говорит: “Можешь икону написать?” У него, верно, заказ был. А он сам-то рисовать не умеет. Принесит большую доску разграфленную. Достали мы краски немного, краски четыре. Красную, синюю. Растерли их. И стал я писать. Богородичные праздники (?). Как написал, понесли ее в церковь святить. У меня сильно зубы болели. Но я все-таки побежал ее смотреть. Несут ее на руках. Она такая большая. А народ крестится. Ведь икона... освященная... И под икону ныряют, как под чудотворную. А когда святили ее, священник отец Василий (?) спросил: “Это кто же писал?” — Я, — говорю. “Ну, впредь икон не пиши”. А потом, когда в Сибирь приезжал, ее смотрел. Брат говорит: “Ведь икона твоя всё у того купца. Поедем посмотреть”. Оседлали коней, поехали. Посмотрел я на икону: так и горит. Краски такие полные, цельные: большими синими, красными пятнами. Очень хорошо. Ес у него Красноярский музей хотел купить. Ведь не продал. Говорит: “Вот я ее поновлю. Еще лучше будет”. Меня такая тоска взяла...

После окончания уездного училища поступил я в четвертый класс гимназии, тогда в Красноярске открылась. Но курса не кончил. Перейдя в 7 класс, я в Петербург уехал. Один золотопромышленник, Петр Иванович Кузнецов, взял меня в Петербург. А я ведь еще до него план составлял идти пешком в Петербург. У нас ведь средств не было. Мы с матерью план составляли. Пойду я с обозами. Она мне 30 р. давала. Так и решили. Раз я пошел в собор. А я ничего не знал, что Кузнецов обо мне знает. Он ко мне в церкви подходит и говорит: “Я твои рисунки знаю, я тебя в Петербург беру”. Я прибежал к матери. Говорит: “Ступай, я тебе не запрещаю”. Я через 3 дня

и ускал. 11 декабря 1868 года. Морозная ночь была. Звездная. Улицу так помню. И мама темной фигурой у ворот стоит. Кузнецов рыбу в Петербург посылал. В подарок министрам. Я с обозом и поехал. 4 месяца мы сжали. Больших рыб везли. Я на верху воза на большом осетре сидел. В тулупчике мне было холодно. Коченел весь. Вечером придешь, пока отогрешься. Водки немного мне дадут. Тут уже спим — иначе не лезя. Потом в пути я себе доху купил.

Барабинские степи пошли. Едут там с одного извозничьего двора до другого. Когда запрягают, то ворота на запор. Готово? Ворота настезь. Лошади так <i> вылетят. В снежном клубе так и мчатся. И вот еще было у нас приключение. Может, не стоило бы рассказывать? Да нет, расскажу. Подъезжали мы уже к станции. Большое село сибирское у реки внизу. Огоньки уж горят. Спуск был крутой. Я говорю: “Надо лошадей держать”. Мы с товарищем подхватили пристяжных, а кучер коренника. Да какой тут. Влетели в село. Коренника он, что ли, неловко повернул. Только мы на всем скаку вольт сделали прямо в обратную сторону, и все так и посыпались. Так я... Там окошки пузырьные — из бычачьего пузыря делают. Так я прямо головой в такое окошко угодил. Как был в дохе — так прямо внутрь избы влетел. Старушка там стояла, молилась, она как закрестится. А ведь не попади я головой в окно, наверно бы насмерть убился. И рыба вся рассыпалась. Толпа собралась. Подбирать помогали. Собрали всё. Там народ честный.

19 февраля 1869 г. мы приехали в Петербург. На Владимирском остановились на углу Невского. Гостиница “Родина”. До самого Нижнего мы на лошадях сжали 4½ тысячи верст. Там я доху продал. Оттуда уже жел<сзная> дор<ога> была. В Москве я только один день провел. Соборы видел».

12 янв<аря>.

Наша беседа с В<асилием> И<вановичем> начинается разговором о казнях.

«Мощные люди были, сильные духом. Размах во всем был широкий. Декабристы интеллигенцию в Сибири очень подняли. Потом в 30-х годах приискатели появились. А нра-

вы жестокие были. Казни и телесные наказания на площадях публично происходили. Бывало, идем мы детьми из училища. Кричат: “Везут! Везут!” Мы все на площадь бежим за колесницей. Палачей дети любили. Они там прохаживаются в красных рубахах, широких портах. Геройство было, размах в ударе. Вот я Лермонтова понимаю. Помните, как у него о палаче: “Палач весело похаживает...”. И преступники так относились. Сделал, значит расплачиваться нужно. Молча терпели. И к палачам было другое отношение. Красота во всем была. И ужаса никакого не было. Скорее восторг. Нервы всё выдерживали. Ведь это теперь дряблые люди.

Мальчиком я в Красноярске покучивал с товарищами. И водку тогда пил. Раз 16 стаканов выпил. И ничего. Весело стало. Помню, как домой вернулся, мать меня со свечами встретила. Только это Вы не пишете про меня, что я водку пил... Двух товарищей моих в то время убили. Был товарищ у меня – Митя Бурдин. Едет он на дрожках. Как раз против нашего дома лошадь у него распряглась. Я говорю: “Митя, зайди чаю напитокся”. Говорит, некогда. Это 6 октября было. А 7-го, земля мерзлая была, народ бежит, кричат: “Бурдина убили!”. Я побежал с другими. Вижу, лежит он на земле голый. Красивое, мускулистое у него тело было. И рана на голове. Помню, подумал тогда: вот если Дмитрия Царевича буду писать, его так напишу. Его казак Шаповалов убил. У женщин они были. Тот его заревновал. Помню, как на допрос его привели. Сидел он так, опустив голову. Мать его спрашивает: “Что ж это ты наделал?” “Видно, – говорит, – черт попутал”. У нас совсем по-иному к арестованным относились. Помню, раз женщину-мужеубийцу к следователю привели. Она у нас в доме сидела. Матери ночью понадобилось в подвал пойти. Она всегда всё сама делала. Не держала прислуги. Говорит ей: “Я вот одна. Пойдем, подсоби мне”. Так вместе с нею и пошла. Ничего.

А другой у меня был товарищ: Петя Чернов. Мы с ним франты были. Шелковые шаровары носили, поддёвки. Шапочки ямщицкие. Оба кудрявые. Заходит он в первый день Пасхи. Лед еще не тронулся. Говорит: “Пойдем на Енисей в прорубь рыбу ловить”. “Что ты? в первый-то день празд-

ника?” И не пошел. А потом слышу, Петю Чернова убили. Поссорились они. Его бутылкой по голове и убили, и под лед спустили. Я потом его в анатомическом театре видел. Распух весь. И волоса совсем слезли: голый череп.

Широкая жизнь была. Рассказы разные ходили. Священника раз вывезли за город. Раздели. Говорили, что это демоны его за святую жизнь мучили. Разбойник под городом в лесу жил, вроде как Соловья Разбойника. И в девушках была красота особенная: древняя, русская. Крепкие, сильные. Волосы чудные. Всё здоровьем дышало. Дед был в Туруханск сотником. Там ясак собирал, присылал нам. Дом наш строился соболями и рыбой. Тетка ездила к нему. Рассказывала про северное сияние. Солнце, как медный шар. Когда уезжала, он ей полный подол соболей наклал. Когда я остяков рисовал: совсем северо-американские индейцы. И повадка такая, и костюм. Татарские могильники со столбами. Они там курганами называются».

«Семья у нас была небогатая. “Суриковская заимка” была — покосы. К музыке у меня любовь от отца. Он был певчим у губернатора Енисейской губернии. Тот его всюду с собой возил. Помню, он в детстве “кантики” пел. Он в 1859 (родился 1804) умер. В Бузиме. Мама потом на могилу его ездила плакать. Меня с сестрой Катей брала. Причитала на могиле по-древнему. Мы ее всё уговаривали, удерживали. Когда мы в Бузиме жили, то я домой только на побывку приезжал. А жил первый год у атаманских Александре Степановича, он-то уже помер тогда. А потом у крестной Ольги Матвеевны Дурандиной. У атамана в дому были картины масляные в старинных рамах. Одна была: рыцарь умирающий, дама ему платком рану затыкает. А потом два портрета: генерал-губернатор в Лавинского и Степанова. У Дурандиной тоже была большая масляная картина, сажженная. Фигуры до колен: старик Ной благословляет Иафета и Сима, тоже стариков, а Хам черный в стороне стоит. А на другой Давид с головой Олоферна. Картины эти Хозяинова были, ведь он живописец был.

Александр Степан<ович>, атаман, умер в 1853 г. Я его маленьким только помню. Он раз сказал: “Сшейте-ка Вас шинель. Я его с собою на парад буду брать”. Он на таких дрожках с высокими колесами ездил...»

(Нестеров рассказы<вал>: «Что, Вам Вас<илий> Ив<анович>, верно, про своего деда атамана рассказывал. У того лошадь старая была, на которой он всегда на охоту ездил. И так уж приноровился, положит ей между ушей винтовку и стреляет. А охотник был хороший. Никогда промаху не давал. Но как начал стареть, давно уж на охоту не ездил. Но вздумал раз оседлать коня. И он стар, и лошадь стара. Приложился. А лошадь-то и поведи ухом. Дал промах. В первый раз в жизни. Он так обозлился, что тут же лошади в ухо зубами вцепился»).

«Приехал я в Академию в феврале. Я Вам рассказывал, как инспектор Шренцер посмотрел мои рисунки и сказал: “Да Вас мимо Академии пускать не следует”. А в апреле экзамен. Помню, мы с Зайцевым – он архитектором после был – гипс рисовали. Академик Бруни не велел меня в Академию принимать. Помню, вышел я. Хороший весенний день был. На душе было радостно. Рисунок свой разорвал и по Неве пустил. Поступил тогда в Школу поощрения худ<ожеств> к Дьяконову и три месяца гипсы рисовал. И научился во всевозможных ракурсах, нарочно самые трудные выбирал. За эти 3 месяца я 3 года курс прошел и осенью в головной класс экзамен выдержал. Там еще композиции не подавались. А я слышал, какие в натурном задаются, и подавал. Я пять лет пробыл в Академии. И научные классы прошел. Горностаев по истории искусств читал. Мы очень любили его слушать. Прекрасный рисовальщик был: нарисует фигуру – одной линией – Аполлона или Фавна – мы целую неделю с доски не стирали. Гетнер читал анатомию, Эвальд – русскую словесность. Клодт (?) начертательную геометрию. Я в Академии больше всего композицией занимался. Меня там композитором звали. Я всё естественность и красоту композиций изучал. Я дома себе сам задачи задавал и разрешал. Я образцов никаких не признавал. Всё сам. А в живописи только колоритную сторону изучал. Павел Петрович Чистяков очень

развивал меня. Я это еще и в Сибири любил. А здесь он мне указал путь истинного колориста.

Я ведь со страшной жадностью к знаниям приехал. В Академии классов не пропускал. А на улицах всегда группировку людей наблюдал. Приду домой и сейчас зарисую, как они комбинируются в натуре. Ведь этого никогда не выдумасшь. Случайность приучился ценить. Страшно я любил ракурсы. Всегда старался дать всё в ракурсах. Они очень большую красоту композиции придают. Даже смеялись надо мною. Но рисунок у меня был нестрогий, подчинялся всегда колоритным задачам. Кроме меня только у одного ученика Лучшева, единственного, колоритные задачи были. Он сын кузнеца был. Мало развитой человек он был и многого себе усвоить не мог. И умер рано.

А профессора... Нефф и по-русски-то плохо говорил. Шамшин всё говорил: “Поковыряйте-ка в носу, покопайте-ка в ухе”. Первая моя композиция в Академии была – “Как убили Дмитрия Самозванца”. Но больше всего мне классические композиции дали. За “Пир Валтасара”, – как к нему пророк Даниил приходит, – я первую премию получил. Она в “Иллюстрации” воспроизведена была. Она в Академии хранится. Слава Богу, еще не украли. Я в 1869 г., значит, поступил в Академию, осенью. Так Петербурга не покидал. Летом на даче на Черной Речке жил у товарища. В 73<-м> я получил 4 серебр<яных> медали, в 74<-м> научные курсы кончил. Конкурировал я на Мал<ую> Золотую медаль “Милосердный Самаритянин” и получил. Потом ее Кузнецову в благодарность подарил. Она теперь в Красноярском музее висит.

А первая картина моя была: памятник Петра I при лунном освещении. Я долго ходил на Сенатскую площадь, наблюдал. Там фонари тогда в глубине горели, и на лошади блики. Ее Кузнецов тогда же купил. Она тоже в Музее Красноярском. Пока в Петербурге был, мне Кузнецов стипендию выдавал до самого конца. И премии еще брал всегда на курсах – то сто, то 50 р. Так что в деньгах я не нуждался и ни от брата, ни от матери ничего не получал. Петербург мне плох для здоровья был. Грудная у меня болезнь начиналась. Но в 73 г. я на лето в Сибирь поехал: Кузнецов в свое имение

меня в Минусинскую степь на промыслы позвал. Всё лето я там пробыл и совсем поправился.

В 75 г. я написал Апостола Павла пред судом Ирода Антипы на большую золотую медаль. Медаль мне присудили, а денег не дали. Там деньги разграбили. Это Вл. Вс. Кос. Он всюду, где было можно, денег требовал. А потом казначея Исева судили и в Сибирь сослали. А для того, чтобы меня за границу послать, как полагалось, денег не хватило. И слава Богу! Ведь у меня какая мысль была: Клеопатру Египетскую написать. Ведь что бы со мной было! Но я классике очень благодарен. Мне она очень полезна была и в техническом смысле, и в колорите, и в композиции. Так мне вместо заграницы предложили работу в Храме Спасителя в Москве. Раск<ра>шивать. Я там первых четыре Вселенских Собора написал. Я как в Москву присхал — прямо спасен был. Старые дрожжи, как Толстой говорил, поднялись. Работать для Храма Спасителя было трудно. Я хотел туда живых лиц ввести. Греков искал, но мне сказали: если так будете писать — нам не нужно. Ну я уже писал так, как требовали. Мне нужно было денег, чтобы стать свободным и начать свос.

Я в Петербурге еще задумал “Стрельцов” писать. Всё это с сибирскими воспоминаниями связалось. Как в Москву приехал, так всё передо мной встало. Очень соборы меня поразили. Особенно Василий Блаженный. Всё мне он кровавым казался. Тут я и этюд с него делал. И телеги всё рисовал. Очень я любил все деревянные принадлежности рисовать: дуги, оглобли, колеса, как что с чем связано. Для телег, в которых стрельцов привезли. Петр ведь тут между ними ходил. Один-то из стрельцов ему у плахи сказал: “Отодвинься-ка, Царь, тут мое место”. Я всё народ себе представлял, как он шумит: “подобно шуму вод многих”».

Затем разговор переходит на детство Петра I, на убийство Нарышкиных, как мо<ло>дой Нарышкин прятал<ся> под периной, когда его искали. Суриков, говоря об этом, волнуется, видимо, представляя себе душевное состояние того: «Вот я помню. Только нет... Вы этого не записывайте: мы еще в Красноярске пошли б.... раздевать. И вот кто-то крикнул: “Парни идут!” Мы спасались от них. Ночь была лунная, мо-

розная. Мы долго бежали от них по улице. Я за ворота кинулся, спрятался. И вот слышал, как они мимо меня бегут, и не знал, заметят или нет».

Потом говорим о 1905 г.

«Я в жизни раз Иоанна Грозного видел. В 1897 г. раз на Zubовском бульваре ввечеру сидел. Человек, вижу, идет с палкой, отхаркивается. В шубе. Сгорбленный. И на меня поглядел. Глаза вовсе не свирепые, только пронизательные и умные. Вот, подумал, Иоанн Грозный. Если бы писал его, непременно таким бы написал. Но не хотелось тогда писать — Репин уже написал».

Разговор переходит на Репина, на изображение крови, на смертную казнь.

«Я два раза смертную казнь видел. Раз трех мужиков за поджог казнили. Один высокий парень был вроде Шаляпина, другой старик. Женщины лезут, плачут. Родственницы их. Я близко стоял. Их на телегах в белых рубахах привезли. Дали залп. На рубахах красные пятна появились. Два упали. А парень стоит. Потом и он упал. А потом вдруг, вижу, подымается. Еще дали залп. И опять подымается. Это такой ужас, я Вам скажу... Потом один офицер подошел, приставил револьвер, убил его. Вот у Толстого, помните описание, как поджигателей в Москве расстреливали. Там у одного, когда в яму свалили, плечо шевелилось. Я его спрашивал: “Вы это видели, Лев Николаевич?” Говорит — по рассказам. Только я думаю — видел. Не такой человек был. Это он скрывал. Наверное видел.

Еще раз я видел, как поляка казнили — Флерковского. Он во время переклички ножом офицера пырнул. Военное время было. Его приговорили. Мы, мальчишки, за телегой бежали. Его далеко за город везли. Он бледный вышел. Всё кричал: “Делайте то же, что я сделал”. Рубашку поправил. Ему умирать, а он рубашку поправляет. У меня прямо земля под ногами пошла, как залп дали.

Помню, одна женщина своего мужа убила — извозчика. Ее драли. Она думала, ее в юбках будут драть. На себя много надела. Так с нее палачи, как юбки сорвали, они по воздуху, как голуби, летели. Весь народ хохотал. А она, как кошка,

кричала. А то еще одного за тросженство клеймили, а он всё кричал: “Да за что же?”. Помню, еще одного драли. Он точно мученик стоял. Не крикнул ни разу. А мы все — мальчишки — на заборе сидели. Сперва тело красное стало. А потом синсе. Одна венозная кровь текла. Спирт им нюхать дают.

На палачей мы, как на геросв, смотрели. По именам их знали: какой Мишка, Сашка. Рубахи у них красные. Они так перед толпой похаживали. Расправляли плечи. Мы на них с удивлением смотрели. Это необыкновенные люди какисто.*

Эшафот недалеско от училища был. Там на кобыле наказывали плетьми. Вот теперь скажут— воспитание. А ведь это укрепляло. И принималось то, что хорошо. Меня всегда красота в этом, сила поражала. Черный эшафот, красные рубахи — красота! И сила какая бывала у людей. Сто плетей выдерживали, не крикнув. Помню, татарина наказывали. Он храбрился очень. А после второй плети начал кричать. Народ смеялся очень.

Кулачные бои помню. На Енисее зимой устраивались. И мы мальчишками дрались. Уездное и Духовное училища были в городе, так между ними антогонизм был постоянный. Мы всегда Фермопильское ущелье себе представляли: спартанцев и персов. Я Леонидом Спартанским всегда был».

17 января.

Беседа начинается с Сибири. В<асилий> И<ванович> с восторгом вспоминает: «Иглы в воздухе от мороза. Дохнуть нельзя»... Вспоминает: кладбище над Енисеем. «Красивое место. Атаманская могила, там купец ему красивую могилу сделал».

Потом разговор переходит снова на казни и на изображение крови.

«Ведь когда я “Стрельцов” писал, я ночи спать не мог. Всё кровь во сне видел и казни. Боялся ночей. Запах крови всё мне чувствовался. У меня в картине крови не изображено, и казнь не начиналась. А я ведь это всё в себе переживал».

* *Далее зачеркнуто:* «(Когда я стрельцов писал, я целые ночи не спал. Боялся ночей. Всё мне это снилось. Кровь видел. Запах крови чувствовал)».

Разговор переходит на Репина и на катастрофу с его картиной. За несколько дней до ее порчи мы мелко говорили с Василием Ивановичем об ней. За 2 дня я забежал к нему, чтобы показать раньше мою статью «О смысле катастрофы, постигшей картину Репина».

От него повез в редакцию. Он всё говорил: «Ах, если бы только напечатали. Это очень нужно сказать». Накануне она появилась в «Утре России».

«Вот у Репина сгусток крови черный, липкий. Разве это так бывает? Ведь это он только для страха. Она широкой струей течет, алой, светлой. Это через час она так застыть может. Я бы композицию не так написал. Я бы их отодвинул влево, чтобы размах был. А с другой стороны, чтобы стул был опрокинут.

Помню, как “Стрельцов” я уже кончил почти. Присажаст Илья Ефимович посмотреть и говорит: “Что же у вас ни одного казненного нет? Вы бы вот здесь на виселице бы на правом плане повесили бы хоть”. Как он уехал, мне и захотелось попробовать. Я знал, что нельзя, а хотелось знать, что получилось бы. Я пририсовал мелом фигуру стрельца повешенного. А тут нянька в комнату вошла, как увидела, так без чувств и грохнулась. Да разве так можно? Еще в этот день П.М. Третьяков заехал. “Что, — говорит, — вы картину всю испортить хотите?” Да чтобы я так свою душу продал?»

Разговор переходит на манеру работы. Я спрашиваю о палитре: Василий Иванович употребляет охры, кобальт, ультрамарин, сиену натуральную и жженую, оксид руж, кадмий темный и оранжевый, краплаки, изумрудную зелень, индийскую желтую.

Зелень изумрудную только для драпировки — не в тело. Тело только охрами, краплавом и кобальтом. Черные составляет из ультрамарина, краплака и индийской желтой. Иногда персиковую черную: умбра редко. Белила кремнистые.

«Всё с натуры писал: и сани, и дрова. Мы на Долгоруковской жили, тогда ее еще Новой Слободой звали, у Подвисков. Там всегда в переулках глубокие сугробы были и ухабы. Я за розвальнями ходил, смотрел, как они след оставляют.

Для “Боярыни Морозовой”. А Юродивого там так я прямо на снегу писал. На толкучке его нашел – огурцами торговал. Вижу – он. Такой вот череп у таких людей бывает. Говорю: “Идем”. Уговорил его. Идет за мной – всё через столбики перескакивает. Я оглядываюсь, а он качает головой: “Ничего, мол, не обману”. В начале зимы было. Снег талый. Я его так на снегу и писал. Водки ему дал. И ноги водкой натер. Алкоголики они ведь все. Так он в одной холщевой рубахе босиком у меня сидел. Ноги у него даже посинели.* Я ему 3 рубля дал. Это для него большие деньги были. А он первым делом лихача нанял за рупь семьдесят пять копеек. Вот какие люди были. Икона у меня была нарисована, так он всё на нее крестился и говорил: “Теперь я всей толкучке расскажу, какие иконы бывают”. Так на снегу его и писал. На снегу писать – всё иное. Вон пишут на снегу силуэтами. А на снегу всё пропитано светом. Всё в рефлексах лиловых и розовых. Вон как одежда боярыни Морозовой верхняя, черная. И рубахи в толпе. Нарочно по [снегу] на розвальнях проедешь, чтобы снег развалило, а потом начнешь колею писать. И чувствуешь тут бедность крас<ок>.

Трудно очень было лицо для “Боярыни Морозовой” найти. Ведь я столько его времени искал. В селе Преображенском на старообрядческом кладбище – ведь вот где ее нашел. Богомолка одна. Всё лицо мелко было. Всё в толпе терялось. А она всё победила. Такое лицо, что воистину победило. Там в Преображенском все меня знали. Даже старушки мне себя рисовать позволяли и девушки-начетчицы. Нравилось им, что я казак и не курю. А священника у меня в толпе в “Боярыне Морозовой” помните? Это целый тип у меня создан. Это когда меня из Бузима учиться посылали, раз я с дьячком ехал – Варсонофием. Мне 8 лет было. У него тут косички подвязаны. Въезжаем мы в село Погорелое. Он говорит: “Ты, Вася, поддержи лошадь, я найду в Капернаум”. Купил себе зеленый штоф, и там уже клюкнул. “Ну, – говорит, – Вася, ты прав”. Я дорогу знал. А он сел на грядку, ноги свесил. Отопьет из штофа и на свет посмотрит. Точно вот у Пушки-

* Далее зачеркнуто: «Ведь на снегу писать – всё иное».

на – Варфоломей в “Сцене в корчме”. Ведь он знал русский народ. И песню еще Варсонофий пел. Я и слова все еще до сих пор помню:

Монах снова испугался (так и начиналось),
В свою келью отправлялся,
Ризу надевал.
Бальшу книгу в руки брал.
Очки поправлял.
Бросил книгу и очки,
Разорвал ризу в клочки,
Сам пошел плясать.
Наплясался-да до воли,
Захотел он доброй воли,
Вышел на крыльцо.
Стукнул, брякнул во кольцо –
Ворон конь бежит.
На коня монах сажился,
Под монахом конь бодрился
В зеленых лугах.
Во зеленых во лужочках
Ходят девушки кружочком.
Девиц не нашел.
К честной девушке зашел.
Тут я лягу спать.
На полу монах ложился,
На перинке очутился:
Видит, что беда.
Что она да ни имела...
Съел корову да быка
Да ребенка тредьяка.

А дальше не помню. Всё у него путалось. Так всю дорогу пел. Да всё в штоф смотрел. Не закусывал, всё пил. Только утром его привез в Красноярск. Всю ночь ехали. Дорога опасная – горные спуски. А утром в городе люди смотрят – смеются».

В<асилий> И<ванович> снова возвращается к детским воспоминаниям:

«Я верхом рано стал ездить — с 7 лет. Помню еще, мне кушак подарили и шубу. Отъехал я. А конь всё назад заворачивает. Я его изо всех сил тяну. А была наледь. Конь поскользнулся и вместе со мною упал. Я прямо в воду. Мокрая вся шубка-то новая. Стыдно было домой возвращаться. Я к казакам пошел: меня обсушили. А то раз я на лошади через забор скакал. Конь копытом забор и задень. Я через голову и прямо на ноги стал и к нему лицом. Вот он удивился, думаю... А то еще — тоже семи лет было, с мальчишками со скирды катались, да на свинью попали. Она гналась за нами. Одно-го мальчишкухватила, а я успел через поскотину перелезть. Бык тоже гнался за мной. Я от него опять же за поскотину спасся, да с яра да прямо в реку — в Тубу. Собака на меня цепная бросилась. С цепи вдруг сорвалась. Но сама ли удивилась: остановилась и хвостом вдруг завиляла... Да и после случалось со мною: вот в Испании я раз заблудился. В Эскуриал поехали. Петр Петрович и говорит: пойдёмте порисовать акварели. Я от него отошел. Рисовал. А потом, думаю: вот только один холм перейти... Шел, шел. Поздно ночью только на железную дорогу вышел».

Про Тинторетто: «Кисть-то у него просто свистит. Черно-малиновые эти мантии...»

«Помню, когда “Боярыня Морозова” была выставлена, я на выставке был. Мне говорят: Стасов Вас ищет. И бросился это он меня обнимать при всей публике. Прямо скандал... “Что Вы, говорит, со мной сделали?”. Плачет ведь — со слезами на глазах. А я ему говорю: “Да, что Вы меня-то... (уж не знаю, что делать — неловко) вот ведь здесь «Грешница» Поленова”. А Поленов-то ведь тут стоит с женой за перегородкой. Он славы тогда искал. А он громко говорит: “Что Поленов? Говно написал...”. Я ему: “Что Вы — ведь слышит...”. А Поленов, и как не стыдно ему, — письма мне ведь писал: всё направить хотел; вот вы “Декабристов” напишите. Только я думаю про себя: “Нет, ничего этого я писать не буду”...»

...Это ведь так судят: когда у меня “Стенька” был выставлен, публика справлялась: где же княжна? А я говорю — вон круги-то по воде (а круги-то от вёсел) — только что бросил.

Ведь публика так смотрит: “Раз Иоанн Грозный – то сына убивает; раз Стенька, то с княжной персидской”.

А Иоанна Грозного я раз видел. Ночью в Москве, на Зубовском бульваре встретил. Идет в лисьей шубе, в шапке меховой. На меня так воззрился боком. Глаза с жилками, бородка с сединой. Пил, верно, много. Совсем Иоанн. Я вот его таким вижу».

Разговор как-то переходит на Льва Толстого.

«Софья Андреевна заставляла Льва в обруч скакать, прорывать бумагу. Не любил я у них бывать – из-за нее. Прихожу я раз, Лев Николаевич сидит: у него на руках шерсть, а она мотает. И довольна: вот что у меня, мол, Лев Толстой делает. Противно».

Я перевожу разговор снова на «Утро стрелецкой казни».

«По окончании работ в Храме Спасителя я за “Стрельцов” принялся. Я их задумал, еще когда в Петербург счал. Тогда еще красоту Москвы увидел. Памятники, площади – вот они мне дали ту обстановку, в которую я мог поместить свои сибирские впечатления. Я на памятники, как на живых людей смотрел, расспрашивал их: вы видели, вы слышали, вы свидетели. Только ни слова мне не говорят. Я вот в пример скажу: верю в Бориса Годунова и в Самозванца только потому, что надписи про них на Иване Великом. А вот у Пушкина – не верю: очень это красиво, точно сказка. А памятники всё сами видели: и царей в одеждах, и царевен. Живые свидетели. Стены я допрашиваю, а не книги. В Лувре вот быки ассирийские стоят. Я на них смотрел и не быки меня поражали, а то, что у них копыта стертые – значит, люди здесь ходили. Вот что меня поражает. Я в Риме, в соборе Петра в Петров день был. На колени стал над его гробницей и думал: вот здесь он лежит. Исторические кости. Весь мир о нем думает, а он здесь – тронуть можно».

Когда я “Стрельцов” писал, я ужаснейшие сны видел; каждую ночь казни видел. Кровью пахнет. Проснешься и обрадуешься. Посмотришь на картину: “Слава Богу, никакого ужаса в ней нет”. Всё боялся, не пробужду ли в зрителе неприятного чувства. Я сам-то свят был, а вот другие...

Когда я их задумал, у меня все сразу лица так и возникли. И цветовая раскраска вместе с композицией. Я ведь живу от самого холста. От него всё возникает. Помните, там стрелец с черной бородой — это Степан Феодорович Торгошин — брат моей матери. А бабы — это, знаете ли, — это у меня и в родне были такие старушки. Сарафанницы были, хоть и казачки.

А рыжий стрелец — это могильщик на кладбище был. Я ему говорю: “Поедем ко мне — попозируй”. Он уж занес было ногу в сани. А товарищи начали смеяться. Он говорит: не хочу. И по характеру совсем такой, как стрелец. Глаза глубоко сидящие меня поразили. Злой, непокорный тип. Кузьмой звали. Случайность. На ловца и зверь бежит. Насилу его уговорил. Он как позировал — всё меня спрашивал: “Что, мне голову, что ли, рубить будут?” А меня чувство деликатности останавливало говорить тем, с кого я писал, что казнь пишу. Всё была у меня мысль, чтобы зрителя не потревожило. Что-бы спокойствие во всем было.

Петр у меня с портрета заграничного путешествия. А костюм я у Корба взял.

“Стрельцы” у меня в 78 году начаты были, а закончены в 81 г. А в 81 году поехал я жить в деревню — в Перерву. Жил в избушке — нищенской. И жена с детьми. Тесно. Выйти нельзя — дождь. Здесь мне всё и думалось: кто же это так вот в низкой избе сидел? И поехал я раз в Москву за холстами, иду по Красной площади. И вдруг* — Меншиков. Сразу всю картину увидел. Весь узел композиции. Радость была необычайная. Я о покупках забыл. Сейчас кинулся назад в Перерву. Потом ездил в имение Меншикова в Клинском уезде. Нашел бюст его. Мне маску сняли. Я с нее писал. А потом нашел еще учителя старика — Невенгловского — он мне позировал. Писатель Михеев потом целый роман из этого сделал. Раз по Пречистенскому бульвару идет, вижу, Меншиков. Учителем был математики в Первой гимназии, в отставке. В первый раз и не пустил меня. Во второй раз пустил. Позволил. На антресолях у него писал. В халате, перстень на руке, небритый — совсем Меншиков. Думаю, еще обидится — говорю: “Суворова с Вас рисовать буду”. А Меншикову я с жены по-

* Далее зачеркнуто: «вспомнил».

койной писал. А другую дочь с барышни одной. Сына писал в Москве с одного молодого человека – Шмаровина-сына. Картину в 83 году выставил.

А “Боярыню Морозову” я задумал еще раньше Меншикова – сейчас после “Стрельцов”. Но потом, чтобы отдохнуть, Меншикова начал. Но первый эскиз “Морозовой” еще в 81 году сделал, а писать ее начал в 84 году, а выставил в 87 г. Я ее на третьем холсте написал. Первый был мал. Этот я из Парижа выписал. Я три года для нее материал собирал. Ведь Морозова у меня вся на снегу написана. Всё плэн-эр. Я с 78 года уже пленеристом стал: “Стрельцов” тоже на воздухе писал. А в типе боярыни Морозовой – тут тетка одна моя – Авдотья Васильевна, что была за дядей Степан<ом> Феодоровичем – тем, что с черной бородой (стрелец). Она мне по типу Настасью Филипповну из Достоевского напоминала. Она стала к старой вере склоняться. Мать моя, помню, возмущалась: всё у нее странники да богомолки. В Третьяковке это, как я ее написал.

Только я на картине сперва толпу написал, а ее после. И как ни напишу ее лицо – толпа бьет. И была у меня знакомая старушка Степанида Варфоломеевна из старообрядок. Они в Медвежьем переулке жили. У них молитвенный дом был. Я с них всех этюды писал. Потом их на Преображенское кладбище выселили. И вот приехала к ним начетчица с Урала Анастасия Михайловна. Я с нее написал этюд в садике в два часа. Как вставил ее в картину, так она всех победила.

“Персты рук твоих тонкостны, а очи твои молниеносны... Кидаешься ты на врагов, как лев...” Это протопоп Аввакум сказал про Морозову, и больше ничего про нее нет.

Александр III подошел к картине: “А, это юродивый”, – говорит. Всё по лицам разобрал. А у меня горло от волнения ссохлось, не мог говорить. А другие-то, как лягавые псы, кругом.

Я на него смотрю как на представителя народа. Никогда не забуду, как во время коронации мы стояли с Боголюбовым. Я ждал, что он с другого конца выйдет. А он вдруг мимо меня – громадный – я ему по плечо был: в мантии и выше всех головой. Идет и ногами так сзади мантию отки-

дывает. Так и остались в глазах сзади плечи. Видно сразу, что представитель всего народа. Грандиозное что-то в нем было. Я государыни и не заметил с ним рядом. А памятник этот у Храма Спасителя никуда не годится. Опекушин не понял его. Я ведь помню. И лоб у него был другой, и корона иначе сидела. А у него приземистая какая-то, и сапоги солдатские. Ничего этого не было.

Да, о картинке-то... Когда общая идея-то у меня уж содалась, я материалы всё собирал. Я всё по улицам за санями ходил — за розвальнями, на раскатах особенно. Я на Долгоруковской жил у Подвисков, в доме Збук. (Тогда она еще Новой Слободой звалась). Там у Подвисков в переулке всегда сугробы были, и розвальней много. Переулки там смотрел, и крыши где высокие. Церковь-то в глубине это Николы, что на Долгоруковской.

А девушку в толпе — это я со Сперанской писал, она тогда в монашки готовилась. А поп там — это с дьячка, что в Сибири-то еще, я Вам рассказывал, по воспоминанию. А те, что кланяются, — все со старообрядочек с Преображенского написаны.

Я картину начал в 1885 году писать, в Мытищах жил — последняя избушка с краю. И тут я штрихи ловил. Помните посох-то, что у странника в руках? Это странница одна проходила мимо с этим посохом. Я схватил акварель да за ней. А она уж отошла. Кричу ей: “Бабушка! Бабушка! Дай посох!” Она думала, что разбойник я.

А дуги-то, телеги для “Стрельцов” — это я по рынкам писал. Пишешь и думаешь, что это самое важное во всей картине. На колесах-то грязь. Раньше-то Москва немощная была — грязь была черная. Кое-где прилипнет, а рядом серебром блестит чистое железо. И вот среди всех драм, что я писал, я эти детали любил. Всюду красоту любил. Никогда не было желания потрясти. Когда я телегу видел, я каждому колесу готов был в ноги поклониться. В дровнях-то какая красота, в копылках, в вязах, в саноотводах. А в изгибах полозьев какая красота, как они колышатся, и блестят, как кованые. Я, бывало, мальчиком еще, переверну санки и рассматриваю,

как эти полозья блещут, какие извивы у них. Ведь русские дровни воспеть нужно.

...И женские лица русские очень любил, не попорченные ничем, нетронутые. Среди учащихся в провинции попадаются еще такие лица. А мужские лица по несколько раз переписывал. Размах, удаль мне нравились. Каждого лица хотел смысл постичь. Мальчиком еще, помню, в лица всё вглядывался — думал: почему это так красиво? Знаете, что значит симпатичное лицо? Это там, где черты сгармонированы. Пусть нос курносый и скулы, а всё сгармонировано. Это вот и есть то, что греки дали — сущность красоты. А эти элементы, вот греческую красоту, можно и в остяке найти...

...Женился я в 1878 году. Мать жены была Свистунова — декабриста дочь. А отец — француз. “Морозову” выставил в 87 г. А в 1888 жена умерла, 7 апреля. Я после смерти жены “Исцеление слепорожденного” написал. Лично для себя написал. А потом в том же году уехал я в Сибирь. Встряхнуться. И тогда от драм к большой жизнерадостности перешел. У меня всегда такие скачки к жизнерадостности были.

Написал тогда бытовую картину: “Городок берут”. Необычайную силу духа я тогда из Сибири привез. А в 91 г. начал я “Покорение Сибири” писать. По всей Сибири ездил, материалы собирал. По Оби этюды делал. К 95 г. кончил и выставил, а в том же году начал “Суворова” писать. И случайно попал к столетию в 99 году. В 98 году ездил в Швейцарию писать этюды.

С 1900 начал для “Стеньки Разина” собирать материалы, а выставил в 1907. В самую революцию попало. В Сибирь и на Дон для него ездил. С 1908 “Посещение царевны”. Выставил <в> 1913.

Суворов у меня с одного казачьего офицера написан. Он и теперь жив еще. Ему под 90 лет. Но главное в картине — движение — это храбрость, беззаветное движение — покорные слову полководца идут. Толстой очень против был.

А когда “Ермака” увидел — говорит: это потому, что вы — верили, оно и производит впечатление. А я ведь летописи не читал... Она сама мне так представилась: две стихии встречаются. А когда я Кунгурскую летопись потом начал

читать – вижу, совсем, как у меня. Совсем похоже. В исторической картине ведь и не нужно, чтобы было совсем так, а чтобы возможность была, чтобы похоже было. Суть-то исторической картины – угадыванье. Если только сам дух времени соблюден, в деталях можно какие угодно ошибки делать. А когда всё точка в точку – противно даже».

...«Кони степные с большими головами – тарпаны».

«Если б я Ад писал, то сам бы в огне сидел и в огне бы позировать заставлял».

«...Старик в “Стрельцах” – ссыльный лет 70-ти. Шел, мешок нес, раскачивался от слабости и народу кланялся.

...“Утро Стрелецких Казней” – хорошо их кто-то назвал. Торжественность последних минут мне хотелось передать, а совсем не казнь...

...Ведь в Красноярске до железной дороги никто и не знал, что там за горами. Мать моя родилась в Торгошине – Торгошино было под горой. А что за горой – никто не знал. Было там еще за 20 верст Свищево. В Свищеве у меня родственники были. А за Свищевым 500 верст лесу до самой китайской границы. И медведей полно. И никто не знал, что там. До 50-х годов девятнадцатого столетия всё было полно – реки рыбой, леса – дичью, земля золотом.

И в золотопромышленниках размах был – эпическая была жизнь.

...Я в детстве только классическим искусством жил. Ассирийские памятники. Снимки их были у отца. Еще в Бузуме помню – мне 6 лет было. Страшную их оригинальность я чувствовал.

...У матери была художественность в определениях: посмотрит на человека и одним словом определит.

...Помню, отец говорил: “Вот Исаакиевский Собор открыли... вот картину Иванова привезли...” А ведь это в Бузуме было...

В Сибири раз видел на улице Буташевича-Петрашевского. Полный, в цилиндре шел, бородка с проседью, и глаза выпуклые – огненные. Прямо очень держался. Я спросил: кто это? Политический, говорят. Его Мономаном звали. Он

присяжным поверенным в Красноярске был. Шапова тоже встречал, когда он приезжал материалы собирать.

...Иванов — прямое продолжение школы прерафаэлитов — усовершенствованно. Никто не мог так нарисовать, как он. Как он каждый мускул мог проследить со всеми разветвлениями в глубину».

Показывая этюд девушки с сильным скуластым лицом:

«Вот царевна Софья, какая должна была быть, а не такая, как у Репина. Стрельцы разве могли за такой рыхлой бабой пойти? Их вот такая красота могла волновать, взмах бровей, быть может.

...Пугачева я знал. У одного казацкого офицера такое лицо...».

1915 год

Париж. 1915 г. 5 марта. Вечером.

Бальмонт лежит. Я сижу рядом, опершись рукой через его ноги:

«Да, это было в марте 1890 г. — двадцать пять лет назад. Раньше — Лариса отняла меня у моей невесты. У меня была неврастения. Я был исключен из университета. Посхал в Шую к родным. Вечером мы сидели — она положила голову на плечо... Утром, лишь зашли в мою комнату: “Я сейчас еду в Иваново-Вознесенск. Хочешь со мною?” Я поехал. Она играла со мной. Обещала поцеловать. Потом поцеловала. Через 2 месяца мы были женаты. Она ревновала. После первой ночи я понял, что ошибся. Она так ревновала. Даже от матери хотела удалить меня. Наш первый ребенок умер. Мать ей сказала: “Это ваша собственная вина”. Это было несправедливо. Ребенок умер от менингита. Лариса бросила салфетку в потолок и сказала: “Нога моя больше не будет в этом проклятом доме”. Отец подошел к ней. Он был тогда накануне самоубийства. Он, честнейший человек, был тогда обвинен в растрате — он был председатель земской управы. Пропало 20 тысяч. Потом оказалось, что бумаги завалились за шкаф... Дурак секретарь. Но это позже узналось... Я ему сказал — я еду

с Ларисой. Мы поселились в номерах “Лувр и Мадрид” против дома генерал-губернатора. У меня неврастения была еще хуже. Психиатр Корсаков мне прописал водолечение. Но мне лучше не стало. Когда Лариса заходила в магазин, а я ее ждал на улице, я вдруг ловил себя на мысли, что, если бы она сейчас умерла, я бы мог жить. Нам мой товарищ, студент, принес “Крейцерову Сонату”. Она тогда только что вышла. Еще сказал: “Только не поссорьтесь”. Я читал ее вслух. И в том месте, где говорится: “Всякий мужчина в юности обнимал кухарок и горничных”, — она вдруг посмотрела на меня. Я не мог и опустил глаза. Тогда она ударила меня по лицу. После я не мог ее больше любить. В нашей комнате, где две кровати стояли рядом, я чувствовал себя стариком. Мне всё мерещился длинный коридор, сужающийся, и нет выхода. Мы накануне стояли у окна в коридоре номеров. Она, как будто отвечая на мою мысль, сказала: “Здесь убиться нельзя, только изуродуешься”. На другой день я в это окно бросился. Страшно было через подоконник перелезть. Я бросился бежать по коридору от самой двери. Потом, когда голова в воздухе начала вниз переворачиваться, я увидел в противоположном окне мужика, который мыл стекла. Мелькнула мысль; а вдруг я упаду на кого-нибудь... Я потерял сознание. Когда я очнулся, вдруг понял, что это было неверно. Тогда я закричал. И моему крику из окна ответил такой же крик, ей уже сказали. У меня был рассечен весь лоб, разорван глаз. Кисть левой руки окровавлена, сломан мизинец, правая рука, нога переломаны. Доктора зашили мне лоб и глаз. Сказали, что нога зарастет, но рукою я никогда не буду владеть. И всё оказалось неверно. Рукою я владею. А нога не зарастала 6 недель, и еще 6, и еще. Там был восьмидесятилетний старик — у него скорее зарос перелом, а в моем молодом организме не было совсем сил. Лариса приходила ко мне и упрекала меня. Было лето. Она томила в Москве. Ей хотелось уехать. А у меня было отчаяние. Мне мать присылала куропаток и зайцев. Я нарочно глотал большие острые кости, чтобы умереть. Но не знаю, что со мной сделалось. Только в августе я стал ходить с костыликом... Я до этого издал свою первую книгу, которую потом уничтожил. Всё издание стояло у меня в

комнате. Она была издана на мой счет. У нас денег не было. Лариса меня упрескала сю. Мне казалось, что в комнате лежит труп убитого мною человека. Потом мы жили на Долгоруковской, в доме Зайченко – в той квартире, где ты жил ребенком. На следующую весну у меня был прилив сил. Мы поехали на дачу. У меня оказалось 100 рублей, и я купил много книг. Я в это лето изучил 4 языка: французский, немецкий, итальянский и норвежский. Мне стало невыносимо там. Я уехал в Москву. Жил в меблированных комнатах на Знаменке против Румянцевской библиотеки. Денег опять не было. Я три месяца питался часм. Да на обед спрашивал себе супу, а <1 сл. нрзб.> оставлял на вечер. Я прочел тогда всё Ибсена и Мопассана – в оригинале. Два писателя, которые на меня имели самое освобождающее влияние. Б<ыть> м<ожет,> Мопассан даже больше. Я понял, что можно желать и любить без раскаяния. Помню, ко мне пришли вечером четыре курсистки. Одна из них была переводчица Маслова. Они ушли, а она вернулась – забыла муфту. И вдруг у меня мелькнула мысль, знаешь, вот здесь (он показал за ухом). Я пошел ее проводить. Мы пошли к ней ужинать. Я купил ½ бут<ылки> коньяку. В эту ночь мы обнимались. Когда я в 7 час<ов> утра возвращался домой по Тверскому бульвару, я хохотал. Дьявольским хохотом, громко. Дворник, что подметал, подошел, положил руку: “Что с Вами, барин?” С меня вдруг всё соскочило сразу. Вся прежняя, многих лет, застенчивость, когда я был другом девушек и не смел к ним прикоснуться. И меня тогда не любили. Ведь нельзя полюбить совсем чистого в себе человека. Тут я всё сразу сбросил с себя, сразу почувствовал, что теперь могу подойти к любой женщине и что ни одна теперь не сможет мне противиться. Я подходил, зная, что уйду. И все-таки у каждой оставлял свою свободу. Ах, как трудно было уйти от Ларисы. Я раз сказал ей: “Я тебя больше не люблю, нам надо расстаться”. Она так согнулась в кресле и повторяла: “Чайка! Чайка!!” Лариса – значит чайка. Т. е. что и она такая же бесприютная. Это было так невыносимо, что я подошел и сказал: “Я это сказал, чтобы испытать тебя. Это шутка”. Она сделала вид, что поверила. Потом, когда я встретил Катю, – это стало совсем невыносимо».

Этому разговору на диване предшествовала такая сцена. Когда мы вошли в комнату и заперли дверь, Баль<монт> вдруг подошел ко мне, положил мне руки на плечо и сказал решительно: «Макс, это так больно, так унижительно (вино). Это было вчера. Я даю тебе клятву, что больше никогда не коснусь вина, ни одной капли. Вот теперь. Клянусь тебе. Это я на тебя с завистью смотрел. Ты так легко и свободно отказываешься от него, без всякого аскетизма. Мне всегда казалось, что неловко отказываться».

Потом мы долго говорили о любви, о ревности, о рабстве, о Е<лене>.

1916 год

1916. Январь. Париж.

Ривера. Огромный, тяжелый. Надбровные дуги крыльями. Короткие, жесткие, черные волосы по всему черепу, вместительному, но местами смятому и вдавленному пучками. Борода по щекам вокруг лица. Лицо портретов Стендаля, тяжелое и значительное. Добрый людоед, свирепый и нежный; щедрость, ум, широта в каждом жесте. Он говорит про себя: «Все мои предки и родственники были военными. И я должен был быть военным. Я изобретал с детства машины. Потом играл в солдаты. У меня было 15 тысяч вырезанных из бумаги и пушки бронзовые. И всех моих товарищей я заставил сделать то же. Я чертил диспозиции и планы кампаний. У меня была такая вот кипа. Однажды отец увидел. Рассердился. “Где ты это срисовал?” — “Я не срисовал, а сам сделал”. Тогда он поцеловал меня и сказал: “Очень хорошо”. И на другой день повез меня к военному министру. Там собрался целый совет стариков. Я перепугался. Они рассматривали мои планы. Потом министр открыл дверь в библиотеку и сказал: “Ты можешь сюда приходить работать, как дома”. Он был другом отца: они каждый день играли в шахматы. Но это и погубило мою военную карьеру: я испугался стольких книг, а войну совсем не так себе представлял. Но я увидел в библиотеке модель фрегата. Это меня пленило, и захотелось

быть моряком, потому что <я> думал, что там не надо будет учить столько книг. Для меня устроили отмену закона об возрасте, чтобы поступить в военное училище. Я работал только над математикой, физикой, химией. Но я тогда уже понял, что то, что пленяло меня, — это рисунок, чертеж. Когда перед экзаменом отец спросил: “Доволен ли ты?”, я сказал: “Нет”. Он удивился и сказал: “Что же, ты хочешь быть моряком?” Я ответил: “Нет, я хочу быть художником”. Он помолчал и потом сказал: “Если хочешь, будь”. И отпустил меня в Европу. Он не этого, конечно, ждал от меня. Но никогда не показывал своего огорчения. Мой дед умер 89 лет, за год до приезда в Мексику императора Максимилиана, а отцу в то время было только 13 лет, и он пошел добровольцем на войну против французов. Дед женился, когда ему было за 70 лет. А бабушка вышла за него замуж 15 лет. Это случилось так. Город был новый, и туда ежегодно съезжались на ярмарку. Один местный богач женился и, чтобы дать пышность свадьбе, назначил ее на время ярмарки. Невеста ехала в карете цугом со свитой, а жених за нею верхом. Дед с товарищами смотрели, и при нем говорили, что это возмутительно, что такой старик женится на молодой. Он сам воспламенился, собрал товарищей, перерезал путь свадебному поезду. Была перестрелка, и он отбил невесту и тут же поехал с нею венчаться. У него было 6 сыновей. Это мне сама бабушка рассказывала и говорила: запомни. А в молодости он сражался в Испании вместе с Риго. Но отказался подписать трактат, т<ак> к<ак> хотел республики, а не констит<уционной> монархии.

Когда я был в Астурии, я встречал массу своих родственников: у него там было много детей от крестьянок».

1930 год

Марта 14.

Маруся: «Все акварельки пишешь? Кому это нужно? Ведь это значит ничего не делать. Это г... (крепкое слово). В такое время, когда люди борются за жизнь... Целые дни убивать на это... Сидишь, водишь кисточкой... Гуляй, пиши.

Распредели день. Всташь в таком-то часу, до такого-то пишешь. Плохо ли? хорошо? Это неважно. Сперва будет бездарно, потом втянешься. А на акварели оставишь 2 часа в день и ни минуты больше. А то иногда к Рожд^{еству} и к Пасхе пошлешь кому-нибудь. Стыдно. Я тебе на <?> жизнь сделаю, а себе... И обед, и переписку готовлю».

19²⁶/_v 30.

Коктебель. Две смерти подряд. С.С. Заяицкий и Н.И. Манассина. Вчера хоронили Н^{аталию} И^{вановну}. Катя нервна и разговорчива. В комнате душно. Пахнет больным (судном и т. д.). Много народу. Болгарки старые, дачники.

Катя говорит, нервничая: «Я всё ловлю себя на том, что надо это маме рассказать. Пришли болгарки. Принесли в бумажке ладану. Оставили здесь копейки за свечи. Маме бы очень понравилось. Вспоминают маму, как она лечила». У Н^{аталии} И^{вановны} была любовь к игре в добрую помещицу, любимую народом. Катя с удовольствием продолжает эту игру. «Посмотрите, какое у мамы хорошее лицо. Она страшно помолодела». Она лежит, действительно одетая той молодостью и благосклонностью, которые ей были свойственны в жизни. Смерть молодит и успокаивает лица. Она не была такой последний месяц. Она была тяжела, малоподвижна, с сонным лицом. Легко раздражалась. Впадала в детство. В раздражении начинала раздеваться при всех от злости. При ней 2 года назад состоялась Лидия Василь^{евна} и жаловалась, что она нарочно старается говорить всем неприятные вещи. Она страшно торопилась приехать в Коктебель и умерла через 3 дня по приезде. Точно для этого и ехала. Ее похоронили рядом с М^{ихаилом} Петр^{овичем}. «Макс, у меня такое чувство, что я снаряжаю маму в долгую дорогу и отправляю ее к папе, как невесту»,— говорила Катя.

Так уходит стар^{ый} Коктебель. На отпевании М^{те} Святская стояла в мужск^{ой} фетровой шляпе и моментами en profil perdu* очень напоминала внешний облик Поликс^{ены} Сергеев^{ны}. Та боялась умереть в Коктебеле и умерла в Москве после операции. Весть об этом привез

* В профиль, вполоборота (фр.).

Брюсов. Помню его фигуру в рубашке у открытого окна в день приезда, когда он мне сообщил об этом.

О смерти С. С. З<аяицкого> Маруся рассказывала: «Мы с Катей очень хорошо шли пешком в Феодосию через Курубаш и собирали цветы для С<ергея> С<ергеевича> и представляли себе, как мы принесем их ему и скажем: “Скит вас приветствует”. Мы не сразу пошли к нему, а долго шли городом, заходили за покупками. Катя стриглась. Парикмахер ее долго стриг и очень странно себя вел. Вращал глазами и говорил театральным шепотом. Так что у меня был страх, не повторится ли резанье женщин, как в этой ужасной истории, что в газетах о парикмахере, что зарезал 8 чел<овек> подряд, пока девятый его не застрелил самого. У него был припадок преступления. Так мы дошли до Липочки. И Феодора на вопрос: как же С<ергей> С<ергеевич> себя чувствует? — ответила: “Да со вчерашнего дня уже в часовню поставили”. Мы решили дожидаться приезда Елис<аветы> Иван<овны> — жены. От нее была телеграмма, что она приезжает завтра. Мы ходили несколько раз на кладбище и взяли вместе с Катей все расходы на себя. Ночевали у Липочки. Он простудился на Айвазовских торжествах. Очень страдал. Но он был ведь безумно терпелив и выдержан. У него скопилось много гноя из фистулы. Она заливала его внутрь. У него было самоотравление — его тошнило, он про себя повторял: “Противно... противно...” Всё время просил себя переворачивать. Очевидно, томило. Но когда пришел д<окто>р (Серафимов) и спросил: “Ну, как вы себя чувствуете?” — С<ергей> С<ергеевич> подтянулся и бодро ответил: “Ничего — очень хорошо”. Так что сначала обманул д<октор>а, который, только осмотрев его, увидел, что это уже начало агонии. Он был в полном сознании и совсем не думал, что умирает. Приехала Ел<исавета> Иванов<на>, похудевшая (как девочка) — поплакала. Окаменела. Мы вскрыли гроб. Очень боялись, в каком виде тело. Но, к счастью, оказалось всё благополучно. Лицо похудевшее. Строгое. С нами всё время был и помогал Виктор».

Мы вспоминали первый приезд С<ергея> С<ергеевича> с детьми в Коктебель в 1927 году. Он приехал с детьми Сережей и Мишей на автомобиле. В этот день в газетах была весть

об убийстве Войкова. С. Н. тотчас, узнав, собрался в Москву и уехал с этим же автомобилем. Это было начало его ареста и ссылки. С<ергей> С<ергеевич> всё лето пролежал на террасе своего домика. Принимал участие в коктейбельских спектаклях, именинах. Написал текст рассказа для кукольного действия. Несколько раз пел франц<узские> романсы. Помню страшную гордость в интонации Серджи: «Идите слушать, папа поет». В нем было громадное терпение, выдержанность, тонкость.

19²⁸/v 30.

Вчера пришли Богаевские. Вечером был вечер рассказов Маруси («Шехеразада»). Начался он с Пасхальной беседы Маруси-девочки с Горьким. Это было в 1900-х годах. У Ольги Ник<олаевны> Поповой: «О.Н. Попова была издательница. У нее был книжный магазин и бывали писатели. Была дача под Петербургом на ст<анции> Графский Павильон. Я у нее гостила на Пасху. Приезжали “художественники”. Худ<ожественный> Театр только что входил в славу. Ставил “На дне” и “Дядю Ваню”. У О<льги> Н<иколаевны> были все художественники и Горький, Чехов. Чехов был грустный, больной, и все о нем заботились. Горький тоже в ту эпоху чувствовал себя очень нехорошо. Мы были на “На дне”, и со мной была истерика во время последнего акта, когда обваривают кипятком. Разговор шел о том, что меня нельзя брать в театр, потому что это слишком расстраивает мне нервы. А через несколько дней была премьера “Дяди Вани”. Я начала говорить, чтобы меня взяли, и сказала: “Ну, как же. Теперь такая радость: весна и Христос Воскрес. Ради Христа, меня возьмите!” Тут надо мной начали смеяться: “Что же, ты веришь, что Христос действительно воскрес? Так, вышел из могилы и ушел?” Это говорил Горький. И потом, обращаясь ко мне, прибавил: “Ведь это всё сказки. Это сочинили. Прочти Ренана”. Это меня страшно поразило и ошеломило. Весь мир для меня перевернулся. Значит, всё это ложь? И батюшка неправду говорит?.. Они все смеялись над моей наивностью. Только Антон Павлович сказал: “Что Вы делаете? Оставьте

ребенка в покое». И муж Ол<ьги> Ник<олаевны> тоже заступился за меня. Я весь день ходила как потерянная. Как такие умные, такие хорошие – и такое говорят? С этим я не могла помириться». Потом разговор переходит на Ярошенко и на Степановское.

«Степановское было дачное имение Калужской губернии. Там была масса цветов. На цветники тратили по 12–15 тысяч в год. Ел<исавета> Плат<оновна> привозила садовников из Италии, Франции... Там было много детей. Я была воспитанница Ярошенко. Собственно, богата была Елис<авета> Плат<оновна>. Она была из рода Куратовых. Они были не дворяне, а бояре. Всё было англазировано. За каждым ребенком стоял за столом ливрейный лакей. Против дома был цветник. И всё обнесено высокой стеной. По звонку спускались все в гостиную. И там ждали. Потом дворецкий докладывал Елис<авете> Плат<оновне>, что “кушать подано”, и все переходили в столовую. Столовая была большая, двухсветная. А вся молодежь была – будущие террористы. Боря Савинков... Он, входя в столовую, подавал демонстративно всем лакеям руки. Это очень шокировало Е. П. Ярошенко. Мы, дети, его обожали и слушались во всем. Он был тогда вегетарианец. И говорил нам: “Как Вы будете есть этих Павок, Машек, с которыми Вы играете?” И мы его так боялись, что за обедом умудрялись не есть мяса, а заворачивать в салфетки и уносить, несмотря на наблюдение гувернанток и лакеев.* В Семеновском** были удивительные комнаты. Столовая очень светлая, желто-золотистая. Большие окна, и сверху еще ряд светлых окон. Окна выходили на широкий луг. Подъезд к дому занят японским газоном. Висели большие картины в золоченых рамках. Нескольких картин Ярошенко (“Извержение Везувия” и еще пять). Одна картина – старинная: “Авраам приносит в жертву Исаака”. Потом шла гостиная. Там были тяжелые портьеры. Она почти всегда была темная. Потом малая светлая гостиная. Потом почти пустая комната, где были стены выкрашены масляной краской. Там висел рисунок: танцующие женщины Помпейские. И еще другая такая

* Далее зачеркнуто: «Маруся Бенева тоже была».

** Описка, надо «Степановском». (Ред.)

же — библиотека. Подоконники были мраморные, разных цветов — розовые, зеленые. А над этим комнатами — навер-ху — была комната Елис<аветы> Платон<овны>. Кушетка, на которой она жила. Спальня была совсем пустая. Потом химический кабинет Вас<илия> Алек<андровича> из двух комнат: одна очень большая, заставленная химической посудой, и другая, совсем маленькая. А потом к крылам здания шли комнаты детей и моя комната. Еще для гостей был флигель. Сад спускался террасами к реке. Там на воде стоял домик “Арсенал”, где хранились лодки, водные лыжи, гоночные лодки и т. д. Вдоль реки шла липовая аллея, а потом ее пересекала кленовая, светлая, лучистая. А дальше начинался фруктовый сад. В нижней части были гроты, подземелья, пещеры. Там было жутко. Я и не везде там была.

Маруся Беневская. Ее отец был Иркут<ский> генерал-губернатор. Она была очаровательна. Высокая, красивая. Ее страшно баловали. У нее была собственная карета. Внутри белая — атласная. Она ушла в террор под влиянием Бориса. Когда она разряжала бомбу, она разорвалась. У нее оторвало левую руку и правую грудь. У нее хватило мужества уничтожить все документы, свернуть кровавые лохмотья. После ее и нашли по ним. Она долго бродила по окраинам Москвы. Утром пришла в больницу. Ее приняли, перевязали, но через 2 дня д<окто>р ей сказал: “Вас сегодня арестуют”. Ее мать, узнавши, тут же застрелилась. А когда приехал отец ее опознавать, она от него отреклась, сказала: “Я не знаю этого человека”. Ее сослали на каторгу, освободила ее только революция. На каторге она вышла замуж за матроса-потемкинца. Теперь она живет в деревне под Одессой, как крестьянка».

7/IX 30.

Вчера вечером чтение Гумилева. Читают Рожд<ественский> и Миних. Дом наполовину опустел. Пошли воспоминания. Рассказывает Маруся об Андрее Белом. Начинается о мемуарах. О неверности Б<ориса> Н<иколаевича> и его взрывчатости:

«Он взрывался всегда неожиданно. Был за минуту превеличенно любезен. Затем его взбрасывало, как напру-

жине, и он оказывался стоящим ногами на спинке стула и, совершая чудо эквилибристики, оттуда низвергался вниз на противника, с широкими жестами, с замиранием голоса и взвизгами. Он ходил в очень короткой распашонке яркого цвета и крошечных трусиках. В купальной простыне, мохнатой и кобальтовой, через плечо. Во время сильных пассажей простыня широко и победно завивалась по всем коктебельским ветрам. Всегда этот жест был издали виден на берегу, где формировался в часы солнечных ванн “мужикей”. Однажды к нам – женщинам – подошла дама – крупная, дородная, с двумя дочками лет 14–15. Она громко ворчала: “Что за безобразия! Нигде нет свободного места. Всюду мужчины”. Я ей сказала: “Да ложитесь с нами рядом”. Она ответила: “Здесь, рядом с голыми телами? Пахнет полом... Гадость”. И пошла по берегу дальше, где лежали мужчины. А Б<орис> Н<иколаевич> почему-то в этот день не был на обычном месте, а лег в стороне за гинкеем в одиночестве. Со своими каска<да>ми седых волос на висках и бритым лицом, в пунцовой распашонке и кобальтовой простыне, его можно было принять за пожилую даму в седых буклях. И вдруг мы видим, он вскакивает: простыня летит, распашонка взвивается. Он начинает церемонно раскланиваться: “Сударыня, честь, место, честь и место... Стыдно, сударыня. Дочерей бы постыдились: взрослые девушки. В двух шагах раздеваетесь: всю свою панораму распахнули. Стыдно, сударыня, стыдно”. После этого он подбежал к нам: “Это мне нравится. Раздевается в двух шагах от меня, всю свою панораму показала”. Подошла и дама в негодовании: “Это су<мас>шедший какой-то... Я думала, это дама... кричит”. Я ей: “Да это совсем не сумасшедший – это Андрей Белый. Он уединился и нервничает”. “Ну, я не знаю, Белый или Черный. Но таких нельзя отпускать одних, без служителя. У меня взрослые дочери”. А Бор<ис> Ник<олаевич> еще долго не мог успокоиться: “И предо мной всю свою панораму раскрыла”. В этот день к Максусу из Симферополя пришла компания молодежи. Там были поэты, почти все студенты, исключенные из университета. Но живые. Культурные, увлекающиеся. С ними было две хороших поэтессы – Юлия Каракаш и Надя

Рыкова. Сестры Изергины. Зина Яроцкая. У всех было разочарование в России и мечта о загранице. Начались споры. Они впресбой утверждали, что в России нечего делать. Им возражали и Брюсов, и Макс. Очень хорошо и разумно. Они внимательно слушали. Брюсов говорил: “Представьте себе юного царя, очень консервативного по направлению и образу мыслей, которому отец, умирая, во время разгрома государства, завещает освобождение крестьян. И тот, вступив на престол, вопреки собственным желаниям и вкусам, должен под давлением событий стать реформатором своего государства и освободителем крестьян. И затем вся его жизнь проходит в борьбе с либеральными идеями, осуществителем которых он являлся вопреки самому себе. Это ли не историческая трагедия?” И вот с этой молодежью Белый совсем не смог разговаривать: он сразу начал на них кричать: “Вы ничего не понимаете. Вы желторотые. Разве с вами можно разговаривать? Вам учиться надо!” Словом, они разобиделись на Белого вконец. А он сейчас же удрал в свою комнату и начал собираться, чтобы уезжать. Полетели рукописи, костюмы. “Бор<ис> Ник<олаевич>, куда вы? Ведь нет ни лошадей в город и посзд сегодня не отходит...” Помню, была ужасная история: на вышке должно было быть чтение стихов. Д<олжен> был читать Макс. И перед вечером вдруг приезжает Шенгели. Макс его зовет на вышку и говорит: “Господа, только что к нам приехал Георгий Аркадьевич Шенгели, и потому наша программа меняется: он нам прочтет свои последние стихи”. Бор<ис> Ник<олаевич> чувствует острую антипатию к Шенгели. Но мы это не знали. Он собирается бежать с вышки под разными предлогами. Но Макс его останавливает: “Боря, куда ты? Сейчас Георг<ий> Арк<адьевич> будет нам читать новые стихи... Свеча? внизу? Да зачем же тебе самому идти. Катя, Маруся! Сходите потушите свечу в комнате Бор<иса> Ник<олаевича>”.

Шенгели прочел несколько стихов. Затем его начинают просить прочесть стихи памяти Гумилева. Просит М.М. Шкапская. Г<еоргий> А<ркадьевич> стесняется, говорит: “Это ведь ненапечатанное — может многим не понравиться”. Я: “Тем более... Здесь цензуры нет”. Ш<енгели>

читает хорошее стихотворение, где говорится о том, что приговор поэту писали “накокаиненные бляди”. ...Но что же им до того, когда им светит “вершковый лоб Максима”... “А позвольте спросить, что это: «вершковый лоб Максима?»” – спрашивает Б<орис> Н<иколаевич> срывающимся голосом. “Лоб Алексея Максимовича Пешкова”, – хладнокровно и раздельно отвечает Ш<енгели>. “Как, так говорят о Русском Писателе – в твоём доме, Макс! Нет, этого я не могу допустить”... – “Да, но вы живёте в обществе, где не только говорят, но где расстреливают поэтов”, – отвечает Ш<енгели> на этот вызов.

Тук, тук, тук... Он (Б<орис> Н<иколаевич>) бегом сбегает с вышки по лестнице. Я (гов<орит> Маруся) бегу за ним, застаю его в его комнате на палубе. Горит свет, и он сбрасывает книги, тетради и рукописи в чемодан, раскрытый на полу».

1931 год

19⁶/_{VI}31.

Маруся с утра читает в постели «О. Генри на дне», увлечена и потрясена. «Какая ужасная вещь – государство! Не буду вставать, пока не кончу. Описание казни этого мальчика... Эта книга сильнее Достоевского. Ведь в ней мой брат Степа. Он бы мог войти в эту книгу. Я помню, как я приходила к нему в тюрьму. Мне было лет 7... не больше восьми... Я была такая маленькая, что не могла заглянуть за решетку. Меня офицер приподнял. “Ну что, видишь его?” Я его сейчас же узнала. Степа начал говорить: “Уходи домой, Мари. Ступай к маме”. Он был как беспризорник. Убегал из дому. Раздавал все вещи. После папы много хороших вещей оставалось. Шубы – платья... одежда. Он все раздавал на улице. Мама его останавливала. – Зачем же вещам пропадать, когда есть те, кому они нужны?»

Ему мама сшила хорошую рубашку. Он ее подарил. “Зачем же ты ее, Степа, даришь? Ведь это память от меня?” “Но у меня же есть другая...” Но это моя, а не твоя! У него сильно было развито чувство справедливости. Он похож на папу.

У мамы была жалость к людям. А папа был справедлив. Выходил из себя, гневался. Степа был такой же. Он стал беспризорником. Не хотел быть дома. Это была вина дяди Корнилия. Для них мама была отступница – они были раскольники. У дяди К<орнилия> была большая строгость в семье, Степа этого не переносил. Он его даже убить собирался. Мама лежала всегда в больницах. А Степа был в бегах и по тюрьмам. Его хотели в Исправительный Дом отдать. Вот тогда я его и навестила в тюрьме. А мама лежала больная. Я помню, как Степа приходил в Степановское сказать о смерти мамы. Меня вызвали за ворота. Я ему сказала: “Пойдем лучше в дом”. “Чтобы я к ним пошел. Ты можешь... ты девочка”. Я так и помню. Перекресток. Дождь идет, и двое детей на перекрестке прощаются. Я его больше никогда не видела. А несколько лет спустя мне Ел<изавета> Плат<оновна> (нет, помимо нее) показала газету, где был написано о казни Степы. По всем приметам выходило, что он. Я писала в ту местность какому-то незнакомому офицеру. Но ответа не получила.

Степа ехал в Степановское по смерти мамы беспризорником <по> ж<елезной> д<ороге>. Вошел в первый класс. Его вывели оттуда. Потом ехал в каком-то чулане и под вагонами. Он всё раздавал и никогда не пил...»

КОММЕНТАРИИ

Настоящий том открывает собою биографический комплекс литературного наследия Волошина. В первую книгу тома включены: 1) путевой «Журнал путешествия» по Европе (1899), который вели его участники – Волошин, Л.В. Кандауров и В.И. Ишсев; 2) дневник Волошина (1901–1903); 3) цикл его дневниковых записей (1904–1909, 1911–1913, 1915, 1916, 1930, 1931) под заглавием «История моей души».

Для настоящего издания все тексты заново сверены с источниками; обнаруженные в предыдущих публикациях искажения устранены.

За справки приношу благодарность М.-О. Альбер (Париж), Н.А. Богомолу (М.), Е.Н. Будаговой (СПб.), М.Л. Гаспарову (М.), Е.И. Лубянской (СПб.), М. Никё (Кан, Франция), С.И. Субботину (М.), Р.П. Хрулевой (СПб.).

Условные сокращения

Воспоминания – Сб. «Воспоминания о Максимилиане Волошине» / Сост. В.П. Купченко и З.Д. Давыдов. М.: Сов. писатель, 1990.

Гапон – *Гапон Г.* История моей жизни / Ред., вступ. ст. и примеч. А.А. Шилова. Изд. 2-е, доп. Л.: Прибой, 1926.

ДМВ – Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).

Зеленая Змея – *Волошина М.* (Сабашникова М.В.) Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993.

Из лит. наследия-1 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. 1». СПб.: Наука, 1991.

Из лит. наследия-2 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. 2». СПб.: Алетейя, 1999.

Из лит. наследия-3 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. 3». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

История моей души – *Волошин М.* История моей души / Сост. В.П. Купченко. М.: Аграф, 1999.

Киселев – *Киселев М.* Мария Васильевна Якунчикова: 1870–1902. М.: Искусство, 1979.

О Максе, о Коктебеле, о себе – *Волошина М.С.* О Максе, о Коктебеле, о себе / Сост. В. Купченко. Феодосия; Москва: Изд. дом «Коктебель», 2003.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

РЛ – журнал «Русская литература» (Л. – СПб.).

РНБ – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редкой книги (Санкт-Петербург).

Сестры Герцык – Сестры Герцык. Письма / Сост. Т.Н. Жуковской. СПб.: ИНАПРЕСС; М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2002.

Труды и дни – *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ
(26 мая 1900 г. – ? <24 июля (6 августа) 1900 г.),
или Сколько стран можно увидеть на полтора рубля

Путевой дневник, который поочередно вели участники путешествия по Европе в мае – июле 1900, – Волошин, В.И. Ишеев, Л.В. Кандауров (а также А.В. Смирнов, которым сделана только одна запись от 30 мая (12 июня) 1900 г.), хранится в ИРЛИ (ф. 562, оп. 1, ед. хр. 438). Он представляет собой две тетради в черном ледериновом переплете (55+89 л.); значительная часть записей выполнена карандашом. Подавляющее большинство помет-подписей под ними (чаще всего – это криптонимы: М.В.; В.И.; Л.К.; А.С.), скорее всего, сделано Л.В. Кандауровым позднее, при посещении им Коктебеля (1937). В настоящем томе «Журнал...» воспроизводится целиком с сохранением указанных помет. При этом записи, не принадлежащие Волошину, печатаются более мелким шрифтом.

Записи самого Волошина в «Журнале...» во время путешествия по Италии (наряду с записями тех же дней из его собственной записной книжки), публиковались отдельно (Итальянские заметки М.А. Волошина / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Из лит. наследия-1. С. 216–298). Первая полная публикация «Журнала...» – в кн.: *Волошин М.* Автобиографическая проза. Дневники / Сост., статья, примеч. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М.: Книга, 1991. С. 7–88. (Из литературного наследия).

О летнем путешествии в Италию Волошин мечтал еще с зимы 1900, когда, находясь в Берлине, штудировал «Итальянское путешествие» И.-В. Гёте. 9 янв. (н. ст.) 1900 он сообщает А.М. Петровой: «...я накупил себе путеводителей по Италии и усердно изучаю их. Теоретически я уж исходил всю Италию вдоль и поперек...» (Из лит. наследия-1. С. 94). 7 апр. 1900 он пишет ей же (уже из Москвы): «...изучаю карты Италии и итальянскую живопись. <...> На всё лето удираю в Италию <...> вернуться думаю через Грецию и Константинополь» (Там же. С. 102). В это же время уточнялся маршрут и была составлена примерная смета путешествия. 26 апр. 1900 Волошин делится с матерью: «...в конце мая <...> выеду прямо на Вену, Мюнхен. <...> Я рассчитываю, что всё это можно сделать на 150 р.,

считая на переезды 80 р. (я высчитал по путеводителям), а остальные деньги распределив на 3 месяца, остается по 2 франка в день на остановки и питание, останавливаясь на постоял<ых> дворах и в ночлежных домах и питаясь преимущественно хлебом, молоком и др<угой> примитивной пищей, этого хватить может свободно» (Из лит. наследия-3. С. 204). 8 мая следует сообщение о предполагаемых спутниках: кроме соучеников Волошина по юридическому факультету Московского университета Ф.К. Арнольда и В.И. Ишеева, в путешествие собирается Л.В. Кандауров, о котором Волошин пишет матери: «Кандауров — это друг Арнольда, очень симпатичный, естественник <...> очень интересуется живописью и ездил в Палестину, Египет и Сирию вместе с худож<ником> Поленовым» (Там же. С. 207). Вскоре Е.О. Кириенко-Волошина получает от сына письмо (от 20 мая 1900) с извещением, что «Арнольд в конце концов отказался от путешествия — у него какие-то сложные семейные обстоятельства» (Там же. С. 209). А 26 мая (в последней открытке из Москвы) Волошин пишет, что к ним «присоединился откуда-то какой-то статистик Смирнов...» (Там же. С. 210).

Готовясь к поездке, ее участники выработали совокупность общих для себя правил поведения в пути, изложив ее в шуточной форме под заголовком «Путешествие 1900 г.» (второй заголовок — «Основная конституция (позабытая в России)» — был, очевидно, вписан уже по возвращении из путешествия). Ниже текст документа дается по подлиннику, написанному рукой Л.В. Кандаурова; он хранится в отдельной обложке с собственной пагинацией (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 438, л. 1—4 об.):

«Путешествующий князь Лазиппо (инкогнито). При нем состоят при особе: Тэдди Теодардо. Должностные лица: Гид: Макс де Коктебель, хранитель печати и главный казначей — Leon Compt d'Aout Roffy.

Узаконения

1). В пути и остановках право всегда большинство, в случае равенства голосов права слабейшая сторона.

Прим<ечание> 1. Макс обязуется продавать свой голос за 50 сант<имов> на кажд<ые> 5 килом<етров> пути.

2). Разделение по вопросу о еде нежелательно.

2 примеч<ание>. Если таковое произой<дет,> ставится на счет каждого.

3). В вопросе о ночлеге см. ст<атью> 1. Кроме того, один голос может решить в пользу ночевки под кровлей, если он найдет ночлег всей компании на сумму 2 франка (два).

4). Пересмотр узаконений совершается по требов<анию> хотя бы одного голоса, а изменение и прибавление узаконений — по боль-

шинству. При равенности голосов узаконения остаются неизменными. Вопрос о пересмотре может быть поставлен только утром (до 6 часов) и «на высотах мысли».

5). О часе вставания решается каждый раз вечером на осн<ова-нии> ст. 1.

6). Штраф 50 сант<имов> за безосновательное бужение товарищей.

7). Всякий героический поступок вознаграждается 2 фр<анками> по решению кликом.

8). Вносится на общие расходы путешествия по 150 р<уб.>

9). Посещен<ие> галерей и пр<очих> учреждений записывать на счет каждого.

10). В чрезвычайных случаях избирается диктатор кликом.

11). Каждый ежедневно по алфави<тной> очереди обязан вписать в журнал до 12 ч. ночи, при остановке не позже 10 ч. веч<ера>. При более поздней останов<ке> дается 2 льгот<ных> часа. Штраф 50 сант<имов>. Кроме того, каждый может вписывать, что угодно.

12). В случае разногласия в вопросе о маршруте, каждый может отделиться на срок не более 10 дней, получая при этом 2 фр<анка> в день и прогоны по устан<овленной> норме.

13). За неисполнение статей, не оговоренных особо, штраф в 4 франка.

14). При выделении из общества кажд<ому> выдается принадлежащая ему часть капитала.

15). Все недоразумения разрешаются большинством голосов.

16). Присоединение допускается только на равных правах по большинству голосов.

17). Кассиром избирается Leon d'Aouts Roffy.

18). Гидом — Макс д<е> Кок<тебель>.

Compte d'Aoust Roffy

Max de Kok-tebel

Prince Lasippo

Тэдди Теодардо».

Князь Лазиппо — В.И. Ишеев. *Макс де Коктебель* — Волошин. *Тэдди Теодардо* — Ф.К. Арнольд, чья поездка не состоялась. *Leon Compte d'Aout Roffy*, *Leon d'Aouts Roffy*, *Compte d'Aoust Roffy* — шуточные переделки Л.В. Кандауровым своей фамилии на французский манер (с ошибками в правописании и грамматике); впрочем, в журнальной записи от 27 мая Волошин именует своего спутника без грамматической ошибки* — «Comte d'Aouroff», т. е. «Граф д'Ауров».

* Сам Л.В. Кандауров везде писал «Compte», что означает «счет».

Узаконения. — Согласно письму Волошина к матери от 8 мая 1900, он и его предполагаемые спутники Л. Кандауров, В. Ишеев и Ф. Арнольд должны были собраться 10 мая для обсуждения «окончательного маршрута» путешествия (Из лит. наследия-3. С. 208). Во время этой встречи, по-видимому, и были составлены «узаконения».

27 мая.

Алексей Васильевич обнаружил ∞ стремление удовлетворять низменные наклонности своей натуры... — Речь идет о А.В. Смирнове, который присоединился к группе путешественников в последние дни. Отношения с ним у трех остальных участников поездки сразу же сложились; Волошин особенно был настроен против «статистика» (как он стал именовать этого своего спутника).

Макса все спутники чрезвычайно уважали за предполагаемые глубокие познания всех стран Западной Европы и всевозможных обстоятельств и перипетий путешествования. — Это мнение основывалось на том, что в 1899 Волошин (вместе с матерью) исколесил Западную Европу по железнодорожному абонементу; он же был инициатором путешествия и его идеологом.

28 мая.

Царство Польское — официальное наименование Польши в составе Российской Империи.

...о болезни Папы... — Папой Римским был в то время Лев XIII.

...приезд персидского шаха... — Персидский шах Музаффер-Эддин в 1900 предпринял путешествие по царствующим дворам Европы.

...его сила прямо пропорциональна длине его волос. — Аллюзия на библейского героя Самсона, чья богатырская сила заключалась в его длинных волосах (Книга Судей Израилевых. XVI, 17 и сл.).

Саксонский сад — один из красивейших парков Европы, с площадью и дворцом в стиле барокко, созданными в начале XVIII в.

29 мая (11 июня).

...heller, геллер — австрийская мелкая монета, $\frac{1}{100}$ кроны.

30 мая (12 июня).

Чичероне (ит. cicergone) — проводник, экскурсовод.

Собор Св. Стефана — собор в центре Вены, вначале романского (1137–1147, западный фасад), затем готического стиля (1148–1454), со скульптурой различных периодов. Днем раньше в своей записной

книжке Волошин описал свое впечатление от посещения храма. Эта запись затем послужила основой для одного из фрагментов первого очерка поэта из цикла «Листки из записной книжки» в ташкентской газете «Русский Туркестан» (Из лит. наследия-1. С. 235–236).

Эстергази-keller – т. е. погребок Эстергази.

Schönbrunn (Шёнбрунн) – парк в юго-западной части Вены, созданный в 1705–1706, с дворцом в стиле барокко.

...видели ∪ самого императора... – Т. е. Франца-Иосифа I.

Сецессионист – участник выставок Сецессиона, т. е. немецких и австрийских художественных группировок конца XIX – начала XX в., объединявших художников различных творческих направлений противопоставлением себя официальному академическому искусству.

...проклятый ∪ офицер русской армии не оставлял нас... – «Т<ак> н<азываемый> офицер русской армии оказался шпионом русской политической полиции, как это оказалось впоследствии, этой специальностью его объяснялась его навязчивость. Л. Кандауров. 1937 г. Коктебель» (позднейшее примечание; дается по копии – архив В.П. Купченко. – *Ред.*).

31 мая (13 июня).

В этот же день Волошин сделал запись в собственную записную книжку (Из лит. наследия-1. С. 237), а Л. Кандауров написал домашним: «Я иногда изнемогаю от бессилия поспевать за Максом и первый требую остановки и еды. Макс страшно бесхарактерный, ему приходится уступать, хотя и тяжело из опасения за будущее» (Грани. 1998. № 186. С. 217).

...на гору ∪ увенчанную остроконечную церковью... – Речь идет о паломнической церкви Вознесения в барочном стиле.

1 (14) июня.

Бедекер – серия популярных туристических путеводителей по странам мира, выпускавшихся немецкой фирмой, основанной В.К. Бедкером; в библиотеке Волошина сохранилось несколько «бедкеров» по странам Европы.

...фигура Баварии с огромной кружкой пива... – Бронзовая женская фигура высотой 19 м с квадригой львов, символизирующая Баварию, была воздвигнута в Мюнхене (1844–1855) на Терезиенвизе по проекту архитектора Ф. фон Гертнера.

...в Новых Афинах... – Т. е. в Мюнхене, изобилующем постройками в античном стиле.

15 <(2)> июня.

International Sezession – выставка, устроенная в Новой Пинакотеке, художественном музее Мюнхена, экспонирующем живопись и скульптуру конца XVIII – начала XX в.

...чудные вещи *Segantini*... – Картина Д. Сегантини «Пашня в Энгадине» произвела на Волошина сильное впечатление; позднее он напишет об этом в очерке «Листки из записной книжки» (Русский Туркестан. Ташкент, 1901. 9 февр. № 18).

Мадонна Бёклина нам очень не понравилась. – В письме домой Л. Кандауров отмечал: «Видели чудные вещи Сегантини, интересные картины Фейербаха и Швинда, не всё у Бёклина оправдывало ожидания – лицо его “Мадонны” больше подходит для вакханки. Мы много смеялись по этому поводу. <...> Князь оказался простым юношей, Макс также очень прост и не играет роли. Смирнова мы страшно преследуем. Он своей тупостью изводит нас» (Грани. 1998. № 186. С. 218).

Глиптотека – музей греческой и римской скульптуры, основанный Людвигом I Баварским в 1805–1816.

Schack Galerie (Шак-галерея; современный адрес: Принцрегентенштрассе, 9) – частное собрание произведений современных художников, основанное графом А.-Ф. фон Шаком из Шверина.

Последняя обладает многими картинами Бёклина: здесь 2 виллы у моря, морская идиллия ☺ смерть на коне скачет в осенний день... – Имеются в виду пейзажи «Вилла у моря» (два варианта) и «Морская идиллия», а также картина «Верховая прогулка Смерти (Осень и Смерть)».

...и еще несколько. – Среди них картины «Скалистое ущелье», «Путь в Эммаус».

...картина *Steinley «Loreley»*. – Эта картина навеяна легендой о Лорелее – прекрасной деве-сирене Рейна, заманивающей своим пением корабельщиков и рыбаков к рифам у скалы Лурлей близ Обервезеля. В немецкой литературе Лорелея появилась впервые как героиня песни, созданной К. Брентано и вставленной в его роман «Годви». Затем этот сюжет разрабатывался рядом поэтов вплоть до Г. Гейне.

Frauen Kirche, Фрауэнкирхе – трехнефная зальная церковь, построена в 1271, перестроена в 1466–1492 (архитектор Й. Гангхофер); луковичные купола над башнями – 1529.

...в *Обер-Аммергау*... – Это селение было всемирно известно представлением (в память чумы 1634 года, раз в 10 лет) мистерии Страстей Христовых, роли в которой исполняли местные жители.

3 (16) июня.

...до Оберау, откуда мы свободно прошли бы пять километров пешком до Обер-Аммергау... — Обераммергау находится от Оберау на расстоянии 6 км.

...картина Габриэля Макса «Галлюцинатка Катерина Эмерих»... — Описанная здесь картина Г.-К. фон Макса изображает реальное лицо — девушку К. Эмерих: на ее руках и голове под влиянием экстатического переживания крестных мук Христа появились подобия нанесенных ему ран. Впечатление от картины Волошин описал также в «Листках из записной книжки» (Русский Туркестан. 1901. 9 февр. № 18).

...«Игра волн» Бёклина ~ передняя наяда ~ подверглась жестокой критике, равно как и «Война» Штука. — «Игра волн» изображает наяд и тритонов в волнах прибоя; на названной картине Ф. Штука изображен апокалиптический всадник, попирающий груды мертвых тел. О произведении Бёклина и Штука Волошин отозвался также в «Листках из записной книжки» (Русский Туркестан. Ташкент, 1901. 16 февр. № 20).

...пытались импонировать нашими корреспондентскими билетами... — по-видимому, удостоверениями корреспондентов журнала «Русская Мысль», куда Волошин был вхож через М.В. Лаврова.

5 (18) июня.

Мы были на мистериях. — Впечатления от увиденного Волошин впоследствии изложил в очерке «В Обер-Аммергау: (Из странствий)» (Русский Туркестан. Ташкент, 1900. 1 окт. № 1).

6 (19) июня.

...вокзал, находящийся между Гармишем и Партенкирхе... — точнее, Партенкирхеном. Этот вокзал был в то время конечной станцией железной дороги, идущей от Мюнхена.

Кнейпы (от нем.: die Кнейре) — пивные, трактиры, кабаки.

7 (20) июня.

...князь умилен хозяйкой, он сделал ей даже подарок... — «Князь подарил хозяйке Unterhosen*, которые он так смущенно покупал в Мюнхене. Они оказались ему не по росту. Л. Кандауров. 1937 г. Коктебель» (позднейшее примечание; дается по копии — архив В.П. Купченко. — Ред.).

* Подштанники (нем.)

8 (21) июня.

Via Mala — ущелье в долине Западного Рейна; после его посещения во время путешествия по Европе (1899) Волошин написал стихотворение «*Via Mala*» (наст. изд., т. 1, с. 17).

9 (22) июня.

...«*тучка золотая*» ∞ *после ночи, проведенной на груди «утеса великана»*... — Обыгрываются первые строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Утес».

...«*утопая в сияньи радостного дня*». — Неточная цитата из стихотворения Ф.А. Туманского «Птичка (Вчера я растворил темницу...)».

Пришлось идти до Рофена... — По характеристике Волошина в «Листках из записной книжки», Рофен — это «крошечная испуганная деревушка, затерянная высоко-высоко в горах под самыми снегами» (Русский Туркестан. Ташкент, 1901. 18 марта. № 34).

11 (24) июня.

Городок Prad принял нас ∞ *в свои шумные стены*. — В записной книжке Волошина зафиксированы впечатления о Праде: «Во дворе гостиницы стоят десятки повозок и десятки лошадей, в комнатах и в пивной разнородная, разноязычная толпа проезжающих» (Из лит. наследия-1. С. 249–250).

12 (25) июня.

...*переход через Стельвио*... — В «Листках из записной книжки» Волошин писал о шоссейной дороге на этом горном перевале: «Она <...> была построена Австрией специально для военных целей еще во времена австрийского владычества над Ломбардией» (Русский Туркестан. Ташкент, 1901. 18 марта. № 34).

14 (27) июня. 19 день.

Вторая часть этого заголовка («19 день») взята в рамку и сопровождается примечанием Л. Кандаурова о смысле этого знака (отмечающего отсутствие Волошина среди путешественников по болезни). Такая же рамка сопровождает обозначения 20-го–23-го дней путешествия (с 15 (28) июня по 18 июня (1 июля)).

18 июня (1 июля).

Озеро Комо. — Согласно тогдашнему путеводителю, озеро Комо, «пожалуй, самое красивое из всех итальянских озер. Вечно-голубое, с прелестными берегами, увитыми виноградниками, с бесконечными садами, оно всё расцветчено кокетливыми постройками всех стилей. Комо — летнее местопребывание миланской аристократии

и финансистов. Среди их роскошных палаццо — масса вилл иностранцев всевозможных национальностей. Горы, окружающие озеро, очень высоки, покрыты каштановыми и ореховыми лесами, замечательно красивыми среди мягкой зелени оливковых и лавровых рощ» (Западная Европа: Спутник туриста / Под ред. С.Н. Филиппова. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон; Гросман и Кнебель (И.Н. Кнебель), [1907]. Изд. 4-е. С. 122).

19 июня (2 июля).

Вилла Карлотта, построенная в 1747 (названа по имени ее владелицы (с 1843) — прусской принцессы Карлотты), рекомендовалась путешественниками для осмотра.

В вилле находятся несколько произведений Кановы: Амур и Психея ∪ девочка с голубями и др. — На самом деле там выставлен не оригинал названного произведения А. Кановы, а его копия работы А. Тадоллини. Не исключено, что и другие нижепоименованные В. Ишеевым скульптуры, автором которых назван Канова, также являются не оригиналами, а копиями работ этого скульптора.

20 <июня> (3 июля).

25 день. Милан. — Этой записью начинается вторая тетрадь «Дневника путешествия...».

...в ∪ дилижансе, напоминавшем мне путешествия Гейне и Андерсена, ехал... — Путешествие в дилижансе было описано Г. Гейне в «Путевых картинах» (ч. 3: «Италия. Путешествие от Мюнхена до Генуи», гл. 27; 1829) и в путевом очерке Х.-К. Андерсена «Базар поэта (1840 г.): Железная дорога»: «Путешествие утрачивает всякую поэзию именно, когда сидишь закованным в узкий дилижанс или почтовую карету, трясясь до оступения, глотая пыль и умирая от жары в самое лучшее время года, или от холода и бездорожицы зимою» (Андерсен Г.-К. Собр. соч. В 4 т. / Пер. А. и П. Ганзен. СПб.: Типолит. С.М. Николаева, 1894. Т. 3. С. 368).

Италия! Италия! О ты ∪ Зато сильна... — Цитируется анонимный перевод 83-го сонета В. да Филикайя, впервые опубликованный в журнале «Современник» (1859. № 4. Отд. 1. С. 372). Этот перевод был, в частности, дан во «Всеобщей истории литературы» И. Шерра (СПб.: О.И. Бакст, 1879), сохранившейся в библиотеке Волошина (ДМВ).

...краски итальянского заката, какими приветствовала когда-то Венеция мой первый въезд в Италию. — Имеется в виду европейское путешествие Волошина (сент. 1899). Примерно через месяц после вояжа (9 нояб. 1899) он писал И.Х. Озерову: «Первое впечатление так ошеломило, что нервы как-то совсем притупились <...>»,

Венеция с ее дворцами и картинами <...> стала вдруг скучна» (РНБ, ф. 541, ед. хр. 229, л. 2–2 об.).

...в Милане ~ я почти всё время проводил частью в соборе, частью на кладбище. — Миланский собор, самый знаменитый готический собор в Италии, строился в 1386–1856 (освящен в 1577); имеет 98 башенок и 2000 статуй, помещенных на всех выступах стен, крыш и порталов. Кладбище Cimitero monumentale, открытое в 1866, представляет своего рода музей миланской скульптуры.

...мы отправились ~ к грустной медной девочке... — О надгробии девочки Маргариты на миланском кладбище Волошин сделал 30 июня запись в своей записной книжке (текст см.: Из лит. наследия-1. С. 251). Фотография этого памятника сохранилась в ДМБ.

...воскрешение дочери Иаира... — евангельский сюжет воскрешения Христом дочери начальника синагоги в Капернауме (Матф. IX, 18–26; Марк. V, 21–43; Лука. VIII, 40–56).

...мы пошли к крематорию. — Крематорий (Tempio Crematorio) был построен в 1876 в северо-западной части миланского кладбища.

Santa Maria delle Grazie — церковь одноименного доминиканского монастыря, построенная в 1466–1497 (архитекторы Г. Солари и Д. Браманте).

Cenacolo Vinciano — фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» на одной из стен трапезной монастыря. Ср. строки из стихотворения Волошина «В серо-сиреновом вечере...» (1905): «В сердце сияние «Вечери» // Леонардо да Винчи» (наст. изд., т. 1, с. 26).

Птица-баба — пеликан.

21 июня (4 июля).

Брера (Пинакотекка Брера) — картинная галерея, основанная в 1809 во дворце Palazzo di Brera (XVI–XVIII в.), богатое собрание европейской живописи и скульптуры (24 зала).

Амброзиана — библиотека с картинной галереей, основанная в 1618.

...интересны его <Луини> *Мадонны*. — Речь идет о «Мадонне со Св. Антонием и Варварою», «Мадонне со святыми и жертвователями», «Мадонне del roseto».

...*Mantegna и его Богоматерь, окруженная поющими ангелами...* — Имеется в виду «Мадонна с херувимами» А. Мантеньи.

Sassoferrato (Сассоферрато) — прозвище Д. Сальви, данное ему по месту рождения. В Пинакотекке Брера хранится его «Мадонна со спящим Младенцем» и др.

Хорошо «Изгнание Агари» Guercino. — Эта картина Гверчино в каталогах именуется: «Авраам изгоняет Агарь и Измаила».

Эффектны картины Россассино. — Точнее: Россассини (Прокаччини). В галерее Брера находятся произведения двух братьев Прокаччини — Джузеппе Чезаре («Мистический брак Св. Екатерины») и Камилло («Поклонение пастухов»). К какому из них (либо к обоим?) относятся впечатления Л.В. Кандаурова, неясно.

And. d. Milano <?> очень хорошо сохранился... — В Пинакотеке Брера экспонируется картина Джованни да Милано «Распятие Св. Амвросия»; не исключено, впрочем, что речь идет о какой-то из работ другого художника — А. Милани.

Рафаэля «Обручение» очень красиво... — Имеется в виду картина Рафаэля «Обручение Марии», завершившая умбрийский период творчества художника.

...Леонардо да Винчи, его «Изабелла». — Речь идет об Изабелле д'Эсте, живописный портрет которой (в профиль) работы Леонардо сейчас называют «Дама в сетке для волос с жемчугами».

Картины Афинской школы Рафаэля. — Имеются в виду эскизы к фреске Рафаэля «Афинская школа», выполненной им для Ватиканского дворца в Риме (Станца делла Сеньятура).

...идти в музей Poldi Pezzoli смотреть Боттичелли... — В музее Польди Пеццоли (собрании ломбардской, тосканской и венецианской живописи XV–XVIII вв.) хранится, в частности, картина Боттичелли «Оплакивание Христа».

Вечером снова ходили в сад... — В письме домой в этот день Л. Кандауров писал: «Вечером мы были в общественном саду. Мимозы спали, магнолии пахли лимоном. Макс сел под деревья и начал читать стихи» (Грани. 1998. № 186. С. 220).

22 июня (5 июля).

...двор монастыря Чертозы... — Чертоза — общее название картезианских монастырей в Италии; здесь речь идет о Павийской чертозе близ Милана (в 7 км от Павии), основанной в начале XV в.

23 <июня> (6 июля).

Генуя. — Свои первые впечатления от Генуи Волошин изложил также в письме к матери, датированном по новому стилю, т. е. 6 июля (Из лит. наследия-1. С. 257).

У ч и т < е л ь > ~ «Чайка». — Воспроизведен по памяти диалог Медведенко и доктора Дорна из четвертого действия пьесы А.П.Чехова «Чайка».

Кампо Санто — большое кладбище близ Генуи, основанное у деревни Staglieno (в 1844), с многочисленными богатыми надгробиями, обычно не слишком художественными.

...против неизбежного Виктора-Эммануила верхом на коне стоит высокий и легкий памятник Маццини... — Конная статуя Виктора-Эммануила II была воздвигнута в Генуе в 1886 на Piazza Corvetto; мраморная статуя Д. Мадзини (налево от нее) — в 1882.

...площадь имени Манини... — Имеется в виду Д. Манин.

24 ию<ня> (7 ию<ля>).

...палаццо Дориа. — Дворец Дориа Турси, или Муничипале, построен в 1564 (архитектор Р. Лураго).

25 <июня> (8 июля).

...собор, Кампо Санто, падающая башня и баптистерия... — Знаменитый пизанский собор был построен в 1063–1118 в тосканско-романском стиле (архитектор Д. Бускетто), освящен в 1118. Крытое кладбище Кампо Санто заложено в 1278 по проекту Дж. Пизано, полностью завершено в 1463. Башня собора была начата в 1173 архитектором Б. Пизано, окончена в 1350. Баптистерий (т. е. помещение для крещения) начат в 1153 Диотисальви.

Сидя в соборе ∞ я писал в своей записной книжке <следует цитата>... — Полное воспроизведение этой записи см. в кн.: Из лит. наследия-1. С. 258. О соборе в Пизе Волошин также писал 2 (15) июля матери (Там же. С. 261).

...великолепными картинами Андреа дель Сарто и Содомы, мозаиками Чимабуэ и скульптурой Джiovанни да Болонья... — Андреа дель Сарто создал для пизанского собора большую алтарную композицию. Содома расписал собор фресками «Оплакивание Христа» и «Жертвоприношение Авраама». Достоверно известно, что Чимабуэ принадлежит лишь одна из мозаик собора — «Св. Иоанн». Джiovанни да Болонья выполнил для главного алтаря собора в Пизе бронзовое распятие и фигуру бронзового ангела.

...Галилей выводил свои законы маятника... — Г. Галилей обосновал изохронность качаний маятника в 1581, будучи студентом Пизанского университета.

...мы пошли в Кампо Санто ∞ барельефы Никколо Пизано на кафедре крестильницы... — Восточная стена Кампо Санто расписана в XIV в. последователями Джотто ди Бондоне. На северной стене — 24 фрески на сюжеты Ветхого Завета (1469–1485) работы Б. Гоццолли. Кафедру пизанского баптистерия (1260) выполнил из мрамора Н. Пизано.

...на падающую башню ∞ из слововой кости... — Пизанская «падающая башня» имеет 55,86 м высоты; с нее открывается вид на город и окрестности.

...мысли были полны ~ волнами на этот берег. — Подразумевается П.-Б. Шелли, утонувший во время внезапной бури 8 июля 1822 в заливе Специя, вместе с двумя моряками. Спустя десять дней их тела были обнаружены на морском берегу и преданы сожжению в присутствии Д.-Н.-Г. Байрона; прах Шелли был погребен в Риме.

Усну я вечным сном ~ баюкая меня. — Строки из стихотворения П.-Б. Шелли «Стансы, написанные близ Неаполя, в часы уныния» в переводе К.Д. Бальмонта.

...очертания купола Брунеллески. — Имеется в виду восьмигранный купол флорентийского собора Санта Мария дель Фьоре, сооруженный в 1420—1436 по проекту Ф. Брунеллески.

...пьяцца ди Синьориа с своим palazzo Vecchio ~ Loggia d'e>i Lanzi... — Ансамбль Piazza di Signoria, главной площади Флоренции: Палаццо делла Синьориа (палаццо Веккьо), построенное в основном в 1298—1314, по планам Арнольфо ди Камбио, расширено и достроено в XV—XVIII вв.; Лоджия Деи Ланци (или делла Синьориа, ок. 1376—1380, архитекторы Бенчи ди Чоне и С. Таленти). Скульптуры на площади: геральдический лев «Мардзокко» (копия статуи Донателло), «Юдифь и Олоферн» Донателло, «Давид» (копия статуи Микеланджело), «Геркулес и Какус» (Б. Бандинелли), копия статуи Козимо I Медичи (Джамболонья).

...фасада Уффици... — Палаццо Уффици (1560—1585, архитекторы Дж. Вазари и Б. Буонталенти) имеет одно из лучших в мире собраний живописи итальянской школы.

...силуэт ~ колокольни. — Имеется в виду башня палаццо Веккьо. Об этом вечере Л.В. Кандауров писал из Флоренции: «На улицах большое оживление. Нас все осматривали с любопытством. Иностранцы с мешками бегут по городу. Самый большой и толстый в синей рубашке впереди» (Грани. 1998. № 186. С. 221).

26 июня (9 июля).

...картина Леонардо да Винчи «Голова Медузы». — Эта картина лишь приписывалась Леонардо, без уверенности в его авторстве.

...младенец на картине А. del Sarto очень хорош. — Речь идет о картине Андреа дель Сарто «Мадонна с гарпиями».

...Мадонна Рафаэля ~ Мадонна Корреджио. — Имеются в виду «Мадонна со щеглом» Рафаэля и «Мадонна, поклоняющаяся младенцу» Корреджио.

Очень красивы по освещению «Святое семейство» Рембрандта, «Святое семейство» Тициана. — Одна из картин Рембрандта на указанный сюжет находится в мюнхенской Старой пинакотеке, другая — в Государственном Эрмитаже (СПб.). В галерее Уффици вы-

ставлена картина Тициана «Богоматерь с младенцем, Св. Иоанном Крестителем и Св. Антонием», ошибочно принятая Ишеевым за «Святое семейство».

...лицо у Сусанны на картине Гвидо Рени. — Она называется «Задыхающаяся Сусанна».

...Жирардини Нотти («Поклонение пастухов»). — Речь идет о работе художника Г. делла Нотте.

...собор, очень простой внутри, с ∞ колокольной работы знаменитого > Джотто. — Строительство собора Санта Мария дель Фьоре было начато в 1296; кампания начата в 1334 по проекту Джотто.

...фасад церкви Св. Лаврентия... — Церковь Сан Лоренцо, одна из древнейших в Италии, была основана в 390; пострадав от пожара, была в 1425 перестроена в стиле древнехристианской базилики.

...St. Maria Novella... — Санта Мария Новелла (ок. 1278 — ок. 1350), церковь с «Троицей» Мазаччо в интерьере, с фресками Д. Гирландайо и Филиппино Липпи.

...«Снятие со креста» Джоттино. — Речь идет о картине «Оплакивание Христа» («Pietà») Джоттино; ныне некоторые искусствоведы называют ее автором Мазо ди Банко.

Венера Медицейская мне не понравилась ∞ Милосская — бесконечно выше... — Первая из статуй является римской копией I в. до н. э. с греческого оригинала; найдена в 1680 на вилле императора Адриана в Тибуре (Тиволи) близ Рима; позднее приобретена семейством Медичи. Венера Милосская — знаменитая античная статуя II в. до н. э., найденная в 1820 на острове Милос и приписывавшаяся Скопасу; экспонируется в Лувре.

Группа Ниобы ∞ не произвела ∞ впечатления. — Речь идет о скульптурной группе Ниобы (Ниобеи) и ее детей, римской копии греческого оригинала (возможно, Скопаса). Царица Фив, Ниоба гордилась своим многочисленным потомством и, согласно мифу, была наказана Аполлоном и Артемидой: они уничтожили всех ее сыновей и дочерей.

27 июня (10 июля).

Мы прошли мимо бронзового кабана ∞ сказка Андерсена о мальчике, уснушем на спине у него. — Сказка Андерсена «Бронзовый кабан» начинается словами: «Во Флоренции неподалеку от пьядца дель Грандука есть переулок под названием, если не запомню, Порта Росса. Там перед овощным ларьком стоит бронзовый кабан отличной работы. Из пасти струится свежая, чистая вода. А сам он от старости позеленел дочерна, только морда блестит, как полирован-

ная» (*Андерсен Х.-К.* Сказки. Истории. М.: Худож. литература, 1973. С. 136). Бронзовый кабан — копия с античной скульптуры, выполненной в мраморе и стоящей у входа в галерею Уффици.

...по Старому мосту... — Т. е. по мосту Ponte Vecchio, перестроенному в 1345; позднее (в 1905) Волошин переведет сонет Ж.-М. де Эредиа, посвященный этому сооружению.

...здание Сеньории со своей стройной башней Вазари, которую Макс впопыхах окрестил именем известной башни Джотто... — Д. Вазари в 1564—1569 руководил перестройкой палаццо Веккьо (с высокой кампанилой). Джотто был автором проекта колокольни собора Санта Мария дель Фьоре (см. с. 378)).

...к ней <колокольне Джотто> подходят слова *Фрикена*, которого положить ее в футляр... — А. фон Фрикен в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (том 10, 1893) писал, что эта колокольня, «несмотря на свою высоту (84 м), столь изящна, размеры ее столь гармоничны, декоративные элементы ее так хорошо вяжутся между собою, что она кажется зрителю скорее ювелирным изделием, чем зданием».

...палаццо Pitti. — Дворец Питти строился для Л. Питти с 1440 по проекту Ф. Брунеллески; в XVI—XVIII вв. были сделаны пристройки. В XVII в. во дворце была основана галерея Палатина (коллекция старой живописи), а в 1860 — Галерея современного искусства.

Из картин здесь, кроме прославленного Рафаэля, Андреа дель Сарто, я обратил внимание на Мадонну Боттичелли в круглой раме, прижавшей к щеке младенца, затем портрет *Susterman'a*... — В галерее Питти выставлены рафаэлевские «Дама с покрывалом» и «Мадонна дель Грандука», его же портреты Аньоло Дони и Маддалены Дони; «Благовещение» и «Диспут о Троице» Андреа дель Сарто. Тондо «Мадонна с младенцем», приписанное Л. Кандауровым С. Боттичелли, на самом деле выполнено Фра Филиппо Липпи. Ю. Сустермансу принадлежит портрет Г. Галилея.

...и de Vries. — Возможно, имеется в виду А. Деврис, голландский портретист XVII в.

Хороша «Юдифь» Аллори. — На этой картине (полное название — «Юдифь с головой Олоферна») художник, по преданию, изобразил в образе героини свою гордую любовницу, а для головы Олоферна использовал собственное лицо.

...Мадонна Мурильо... — Речь идет о картине художника «Мадонна с младенцем».

Очень хороша «Сусанна» Гвидо Рени. — Полное название картины: «Сусанна и старцы».

Больше всего здесь картин Андреа дель Сарто ~ Рубенса здесь очень хорошая портретная группа каких-то ученых. — Речь идет о вариантах «Вознесения Богоматери» Андреа дель Сарто и о картине П.-П. Рубенса «Четыре философа» («Юст Липсий и его студенты»). На ней изображен Ю. Липсий, который сидит за столом под бюстом Сенеки; по обе стороны от него два лучших ученика — Я. ван ден Ваувер и Ф. Рубенс, а сзади стоит сам художник.

...Santa Croce. — Церковь Санта Кроче начата в конце XIII в. по проекту Арнольфо ди Камбио (?), фасад — 1853—1863; в интерьере — гробница Микеланджело работы Д. Вазари. Краткую запись об этом дне во Флоренции Волошин сделал и в записной книжке (Из лит. наследия-1. С. 263).

28 июня (11 июля).

...картина Филиппино Липпи «Видение Богоматери Св. Бернарду». — Эта картина (ее называют еще «Видение Св. Бернарда») находится в монастырской церкви Бадия, построенной Арнольфо ди Камбио между 1284 и 1310.

...национальный музей, раньше называвшийся музеем Баргелло... — Этот музей основан в 1859 в готическом palazzo del Podestà (Bargello) (1254—1346) с коллекцией флорентийской скульптуры и декоративно-прикладного искусства.

...«Победитель» Микеланджело и его умирающий Адонис. — Имеются в виду статуя скульптора «Победа» (ныне в палаццо Веккьо) и приписывавшаяся Микеланджело статуя «Умирающий Адонис», более вероятным автором которой является В. де Росси.

...полно представлен Донателло ~ его раскрашенный портретный бюст. — Речь идет о раскрашенном бюсте «Никколо да Уцца-но». В музее экспонируются также работы Донателло: мраморный «Давид», «Св. Марк», «Св. Георгий», бронзовый «Давид», мраморная статуя Иоанна Крестителя-мальчика, бронзовая статуэтка «Аттис Аморино» («Амур-Атис»).

...отправились в Санто-Лоренцо в капеллу Медичи ~ стоят две Микеланджеловские гробницы Медичи. — Капелла Медичи (Новая сакристия) при старейшем флорентийском соборе Сан Лоренцо (IV в., перестроен в XV в.) была построена Микеланджело в 1520—1534 как усыпальница дома Медичи. Гробницу Л. Медичи, герцога Урбинского, украшают скульптуры Микеланджело «Вечер» и «Утро», гробницу Д. Медичи, герцога Немурского, — «Ночь» и «День».

...музей Св. Марка ~ от комнаты Савонаролы. — Музей Сан Марко основан в 1869 в здании доминиканского монастыря Св. Марка, известен фресками Анжелико (Беато Анжелико). Во вто-

ром этаже здания — комната Д. Савонаролы, бывшего настоятелем монастыря.

...*Санта Мариа дель Кармине* ∼ фрески Мазаччио ∼ «Чудесный лов рыбы» ∼ отличается ∼ цельностью, чего нельзя сказать про нижнюю фреску, законченную Филиппино Липпи. — Фрески Мазаччо в капелле Бранкаччи церкви Санта Мариа дель Кармине (XIII в.) изображают эпизоды из жизни Св. Петра. «Чудесный лов рыбы» обычно именуется «Чудо со статиром»; нижняя фреска — «Воскрешение апостолом Петром сына императора» — не закончена Мазаччо и завершена после его смерти Ф. Липпи.

...*Санта Мариа Новелла* ∼ расписанной джиоттистами. — Испанская капелла (Capella degli Spagnuoli; после 1350) доминиканской церкви Санта Мариа Новелла (XIII–XIV вв.), фасад работы Л.-Б. Альберти) расписана фресками художников школы Джотто (Таддео Гадди, Мазо ди Банко, Андреа да Фиренце).

...*современная картина Кастанья, изображающая любовь Фра Филиппо Липпи к молодой монашенке...* — Имеется в виду полотно Г. Кастаньолы «Фра Филиппо Липпи и монашенка из Бути». На нем изображен эпизод из жизни названного живописца (и монаха монастыря Кармине): в 1456 он похитил из монастыря Санта Маргерита в Прато монахиню Лукрецию Бути, с которой в 1461 с разрешения папы Пия II вступил в законный брак; их сын — художник Филиппино Липпи. (См.: *Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих.* М.: Искусство, 1963. Т. 2. С. 323, 328).

29 <июня> (12 июля).

...*были в галерее Веах Arts.* — Имеется в виду галерея Академии изящных искусств (Accademia delle Belle Arti; основана в 1784); на площади Сан Марко с произведениями Боттичелли, Чимабуэ, Джотто, Липпи, Микеланджело и др.

...*картина: «Поклонение волхвов» Алатори.* — Автором этого произведения является К. Аллори.

...*в галерею Буонарротти* ∼ особенно интересного ничего нет. — В музее Каза Буонарроти (на виа Гиббелина) собраны работы Микеланджело, его чертежи, рукописи и т. д.

30 июня (13 июля).

В 7ч. утра мы были в Риме ∼ на вокзале, мимо цирка (?) Диоклетиана... — Имеются в виду вокзал Термини и не цирк, а термы Диоклетиана — остатки грандиозных общественных бань, построенных в 298–306 при императоре Диоклетиане.

...площадь перед *Trinità dei Monti* ~ купол *Св. Петра* ~ по ~ *Испанской лестнице*... — *Sancta Trinità dei Monti* (1495, фасад — 1585) — церковь, начатая Джакомо делла Порта при папе Иннокентии VIII на холме Пинчио. От нее вниз спускается Испанская лестница (сооружена в 1721—1724, архитекторы А. Спекки и Ф. Де Санктис) к Испанской площади с фонтаном «Баркачча» (1630) работы П. Бернини. Собор *Св. Петра* на территории Ватикана — крупнейший католический собор мира (15160 кв. м, высота 132,5 м), построен в 1506—1614; архитекторы Д. Браманте, Микеланджело, Джакомо делла Порта, Виньола, К. Мадерна и др.

Corso — длинная прямая улица, идущая от Пьяцца дель Пополо на севере до Пьяцца Венеция на юге, застроенная дворцами; с лучшими магазинами и кафе. На ней устраивались карнавальные шествия и скачки (*corsa*).

...*Макс получил много писем, и одно из них звало его в Норвегию.* — Речь идет о письме А.М. Пешковского (подробнее см. запись от 1 (14) июля, а также в кн.: Из лит. наследия-1. С. 270); оно не сохранилось.

...*Via Monte Brianzo, недалеко от замка Св. Ангела.* — Эта небольшая улица идет почти параллельно набережной Тибра, к юго-востоку от замка *Св. Ангела*. Последний был построен императором Адрианом как его будущий мавзолей; помимо Адриана, там похоронены и следующие за ним императоры вплоть до Каракаллы. Позднее замок стал резиденцией пап, был украшен фресками и живописью; там же находилась папская тюрьма.

...*мы прошли на Piazza del Popolo и поднялись на M<onte> Pincio.* — Имеется в виду площадь у ворот дель Пополо, с древнеегипетским обелиском в точке схода лучей трех магистралей: виа дель Корсо, виа ди Рипетта и виа дель Бабуино, с фасадами Виньола (1561) и Д.-Л. Бернини (1655) и двумя одинаковыми церквями. Расположена среди садов Пинчио (по семье Пинчи, которой местность принадлежала в IV в.) и открывает один из лучших видов на Рим. (Променад устроен в 1828 по проекту Д. Валадьера).

...*парк Villa Borghese.* — Вилла Боргезе — дворец княжеского рода Боргезе, начатый в 1590 М. Лонги Старшим, в 1615 строительство продолжил Ф. Понцио; внутри — богатое собрание скульптуры и живописи, сложившееся в первой половине XVII в.; сады Джустиниани вокруг имеют в окружности 5,5 км.

Форум. — Имеется в виду Форум Романум, общественный центр древнего Рима, расположенный в долине между холмами Палатин и Квиринал и включающий курию и ряд храмов.

...мимо храма Весты мы перешли Тибр по Trastevere... — Храм Весты (I в. до н. э.) находится на Бычьем рынке у Тибра. Трастевере — переправа через Тибр и (в то время) городской район на правом берегу реки, в основном населенный бедной.

Собор Петра ∼ *нельзя увидеть* ∼ *в соединении с колоннадой*. — Перед собором Св. Петра расположена площадь, обрамленная колоннадой (1657—1663) архитектора Д.-Л. Бернини.

Работ Микель Анджело не нашли... — В соборе Св. Петра находится скульптурная группа Микеланджело «Pietà».

1 (14) июля.

В камень черный ∼ *Реуся я душой!* — По-видимому, экспромт Волошина.

Ватиканский музей скульптуры — иначе музей Пио-Клементино, основанный в 1770-х Климентом XIV и расширенный Пием VI, с коллекцией античной скульптуры.

...*перебегать от Аполлона Бельведерского* ∼ *к группе Нила*... — Аполлон Бельведерский — римская копия (мрамор) с греческого оригинала статуи, найденная в 1495. Мраморная группа «Лаокоон» изображает сцену гибели троянского жреца Лаокоона и его двух сыновей, задушенных гигантскими змеями. Эрот и Венера Книдская — римские копии (мрамор) с греческих скульптур работы Праксителя. Мраморная группа Нила (реставрированная Кановой) изображает могучего старца, окруженного шестнадцатью детьми — символами шестнадцати изгибов реки Нил во время половодья.

...*прошли на виллу Медичи*... — Эта вилла построена А. Липпи в 1574—1580; в 1666 перешла во владение Франции, которая организовала в ней Национальную академию изящных искусств (1801).

...*пришли на виллу Боргезе* ∼ *достигли до Casino*... — Здание Казино Боргезе (садовый павильон, где располагается коллекция скульптуры и живописи) было построено по заказу С. Боргезе (1613—1615).

Венера Кановы ∼ *страшно холодна*. — Моделью для этой статуи послужила Полина Бонапарт.

...*хороши распятия Ван Дика и Леда да Винчи*. — Подразумевается «Распятый Иисус Христос» А. Ван Дейка и копия (выполненная, по всей вероятности, Содомой) с несохранившейся картины Леонардо да Винчи «Леда».

...*они* ∼ *пошли покупать «Воскресенье»*... — Имеется в виду заграничное издание романа Л.Н. Толстого «Воскресение», свободное от цензурных изъятий и искажений. В течение 1899—1900 издательство В.Г. Черткова «Свободное слово» выпустило пять изданий «Вос-

кресения»: первое вышло в Англии (1899) в тринадцати отдельных выпусках. Прочитав роман Л. Толстого зимой 1899–1900 в Берлине, Волошин написал о своем впечатлении Я.А. Глотову 14 янв. 1900.

...я \curvearrowright застал \curvearrowright Леонида, читающего письмо \curvearrowright от т-те Поленовой, в котором она посылала его в Риме к т-те Хельбих. — Речь идет о Н.В. Поленовой, жене живописца. В письме к матери (10 (23) июля 1900) Волошин отметил: «У Леонида была к ней [Гельбиг] рекомендация от Поленова» (Из лит. наследия-3. С. 221).

...на виллу Ланте \curvearrowright на Яникульском холме. — Вилла была построена Джулио Романо (1523); свое название она получила по ее поздним владельцам — семейству Ланте. Вид на вечерний Рим с Яникульского холма (холма Джаниколо) описан в финале повести Н.В. Гоголя «Рим».

...мимо церкви Св. Онуфрия... — Имеются в виду церковь и монастырь Св. Онуфрия (ок. 1430) на холме Джаниколо; в церкви находится гробница Торквато Тассо.

Она говорила \curvearrowright о сыне... — Т. е. о Д.В. Гельбиге.

О Трастевере (у Волошина неточно: Транстевере) см. выше (с. 383).

...муж разошелся с институтом... — В.К. Гельбиг был старшим секретарем Прусского Археологического института в Риме.

...эта вилла \curvearrowright старинное здание. У Вазари ее описание есть. — В «Жизнеописании Джулио Романо» Д. Вазари сообщает: «Джулио, весьма подружившийся с мессером Бальдассаре Туррини из Пеши, построил для него по своему проекту и модели на Яникульском холме, там, где расположены виноградники, с которых открывается прекраснейший вид, дворец с таким изяществом и с такими удобствами для любого времяпровождения, какое только возможно в таком месте пожелать, так что большего и сказать нельзя. А помимо всего, помещения были украшены не только лепниной, но и росписями, и сам он написал несколько историй о Нуме Помпилии, погребенном на этом месте. В бане этого дворца Джулио написал, с помощью своих учеников, несколько историй о Венере и Амуре, об Аполлоне и Гиацинте, и все они гравированы и вышли из печати» (Вазари Д. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Искусство, 1970. Т. 4. С. 70).

...студия моей дочери. — Т. е. Н.В. Гельбиг.

Квиринал — один из семи холмов, на которых расположен Рим. Соракта — гора вблизи Рима, воспетая Горацием (Оды. I, 9).

...площадь Санто-Пьетро in Montorio... — На этой площади находится церковь San Pietro in Montorio (1480-е; архитектор Б. Понтелли), воздвигнутая, согласно средневековой легенде, на месте распятия св. Петра.

2 (15) июля.

Museum Nazionale — национальный римский музей (музей Терм), основан в 1889, представляет собрание древнегреческой, эллинистической и древнеримской скульптуры и живописи.

Музей Кирхера... — Речь идет о музее в Collegio Romano, основанном А. Кирхером, где собраны предметы естественной истории, древности, математические и физические инструменты.

...мы отправились на Форум. ∞ На Форуме очень приятно бродить... — Волошин также сделал краткую запись о посещении Форума в своей записной книжке (Из лит. наследия-1. С. 273), упоминая его и в письме к матери того же дня (Из лит. наследия-3. С. 219).

Перед этим старались тщетно разыскать Тарпейскую скалу... — Имеется в виду западный склон Капитолийского холма, с которого в древности сбрасывали приговоренных к смерти преступников. Название возводят к имени весталки Тарпеи, впустившей в Капитолийскую крепость сабинян.

...базилика Константина ∞ триумфальной арки Тита ∞ Колизей. — Базилика Константина (или Максенция — Константина), сооруженная ок. 307—312, названа в честь римских императоров того времени, а арка Тита (81) — в честь Тита Флавия Веспасиана. Колизей, или амфитеатр Флавиев, — гигантский цирк, построенный в 75-80 для битв гладиаторов и других зрелищ, рассчитанный почти на пятьдесят тысяч зрителей; длина сооружения 190 м, ширина 156 м.

...сказку Кеннет Греем: Уклончивый дракон. — Эта сказка вошла в книгу К. Греема «Дни грез» (СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1900) в переводе А. Баулер.

На Форуме. — О прижизненных публикациях этого стихотворения см. наст. изд., т. 1, с. 439.

Ростра — трибуна на Форуме, украшенная носами кораблей, захваченных у неприятеля.

...Царственный холм Палатин! — Холм считается колыбелью Рима: это место древнегреческого поселения колонистов из Паллантиона в Аркадии, а также место, где, по преданию, были вскормлены волчицей Ромул и Рем, основатели города.

3 (16) июля.

Сикстинская капелла — домовая часовня пап в Ватикане, построенная по заказу папы Сикста IV в 1475—1481 (проект Б. Понтелли, архитектор-строитель Д. де Дольчи). Стены в нижней части расписаны С. Боттичелли, Д. Гирландайо, Л. Синьорелли и другими художниками; стена над алтарем занята грандиозной фреской Микеланджело «Страшный суд», на потолке им же изображены сотво-

рение мира и человека, грехопадение и другие картины из Ветхого Завета (1508–1512).

Стансы Рафаэля, или Станцы – четыре зала в Ватиканском дворце, расписанные под руководством Рафаэля Санти.

...*успел рассмотреть только «Диспут» и начал «Афинскую школу»*... – «Диспут» и «Афинская школа философов» – фрески в зале Станца делла Сеньятура; самому Рафаэлю принадлежит только композиция, исполнение было поручено его лучшим ученикам.

Аппиева дорога (Via Appia) – римская военная дорога, проложенная в 312 до н. э. Аппием Клавдием Цекусом; ведет из Рима мимо Альбанских высот на юго-восток, в древнюю Капую.

...*предложение ехать в Ташкент*. – Предложение участвовать в экспедиции по проектированию южной части Ташкентско-Оренбургской железной дороги Волошин получил от В.О. Вяземского.

Alessandro di Ukraintzeff... – В справочниках «Состав Императорского Русского Географического общества» (СПб.) за 1900–1904 А. Украинцев не значится; нет его фамилии и в других справочниках.

4 (17) июля.

...*памятник Гарибальди*... – Конная статуя Д. Гарибальди работы скульптора Э. Галлори установлена в Риме в 1895 на холме Джаниколо.

На Капитолии ∞ статуя Марка Аврелия. – Эта статуя работы Микеланджело из бронзы была установлена на площади Капитолия в 1538.

Я сам был ∞ в Ренне во время процесса... – Речь идет о деле французского офицера А. Дрейфуса (1898), еврея по национальности, ложно обвиненного в шпионаже в пользу Германии. С гневным осуждением приговора военного суда выступил Э. Золя (письмо президенту республики «Я обвиняю»). Дело Дрейфуса стало самым значительным событием в политической жизни Франции рубежа XIX–XX вв., расколов всё население страны на «дрейфусаров» и «антидрейфусаров». В городе Ренн с 7 авг. по 9 сент. 1899 шел вторичный разбор дела военным судом, подтвердившим обвинения против Дрейфуса. Полковник М.-Ж. Пикар в 1896 выступил с разоблачением судебных махинаций в деле Дрейфуса и стал главным свидетелем в его пользу. На защитника Дрейфуса на процессе, друга Золя Ф. Лабори во время процесса в Ренне было совершено покушение (он отделался легкой раной).

Ротшильд 40 000 франков прислал. — Имеется в виду А. Ротшильд, в то время глава известного банкирского дома, общее состояние которого оценивалось тогда в несколько миллиардов франков. Расхожие сплетни антидрейфусаров приписывали сторонникам Дрейфуса создание тайного «синдиката», финансируемого банкирами-евреями.

...т-те Дрейфус ∼ только для детей... — Дети супругов Дрейфус — Пьер и Жан. Первый родился в 1891, второй — в 1893.

Анатоль Франс? ∼ Это честный человек. — А. Франс в борьбе вокруг дела Дрейфуса выступил активным сторонником Э. Золя. Благодаря Э.-Ф. Лубе стал возможен пересмотр дела Дрейфуса (с его помилованием в 1899 и оправданием в 1906).

Palazzo Doria — Дворец Дориа (XVII в.) с картинной галереей Дориа-Памфили.

...к воротам Св. Павла ∼ холм Тестаччио ∼ Пирамида Цестия, под которой покоится прах Шелли. — Речь идет о южных воротах Рима; напротив них — надгробный памятник времен Августа, пирамида Гая Цестия. Рядом с пирамидой Цестия — протестантское кладбище, на котором похоронен П.-Б. Шелли.

...мы прошли гробницу Цецилии Метеллы... — Памятник эпохи Августа в виде башни; в Средние века была превращена в крепость.

...«Призраки» Тургенева ∼ из-за развалины...». — Неточная цитата из «фантазии» И.С. Тургенева «Призраки», имеющая в виду тень Гая Юлия Цезаря (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 28 т. Соч. В 15 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 9. С. 91).

...князь высказал непреодолимое желание спросить себе ∼ напиток ∼ называющегося «È vietato disputare» (запрещается спорить). — «Хотя мы и посмеялись над своим товарищем, но и сами неверно поняли объявление. Оно значит “запрещается плевать”. Л. Кандауров. 1937. Коктебель» (позднейшее примечание; дается по копии — архив В.П. Купченко. — *Ред.*).

5 (18) июля.

Пантеон — храм, посвященный всем богам, сооружен ок. 125. Представляет собой ротонду, перекрытую огромным куполом (диаметр свыше 43 м) с отверстием в центре (диаметр ок. 9 м).

...церковь S. Maria Sopra Minerva. — Эта церковь на берегу Тибра основана в VIII в. на месте античного храма богини Минервы (Афины), в 1280 перестроена в готическом стиле.

...отправились в виллу Фарнезина. — Эта вилла была построена для семьи Фарнезе (в 1509—1511) Б. Перуцци, с фресками Рафаэля и Джулио Романо в интерьерах.

6 (19) июля.

Посещение Тиволи. — Этот город известен с IV в. до н. э.: он служил местом летнего пребывания древнеримской аристократии. Запись о Тиволи есть и в записной книжке Волошина (Из лит. наследия-1. С. 278—279). Позднее, в Средней Азии, Волошин начал стихотворение, посвященное виллам Тиволи: «Фонтаны, аллеи... запущенный сад...» (см. наст. изд., т. 2, с. 518—519, под заголовком «Отрывок о Тиволи»).

...купив билеты на *Villa Gregoriana*, благополучно спустились в парк. — Эта вилла была создана папой Григорием XVI в начале XIX в. Парк расположен по обоим берегам реки Анио.

Вилла д'Эсте в Тиволи построена П. Лигорио в 1550—1572 для кардинала И. д'Эсте; известна своим живописным положением и парком.

Вилла Адриана строилась в 125—135 для императора Адриана; к XX в. сохранилась в развалинах. Она (и ее «тени») описаны Волошиным ниже (с. 81—82), а также в письме к А.М. Петровой от 7 (20) июля 1900 (Из лит. наследия-1. С. 112).

«Мне уж снился ∞ полный аромата...». — Строки взяты в кавычки, но, по-видимому, принадлежат самому Волошину; приведены и в вышеупомянутом письме к А.М. Петровой (Из лит. наследия-1. С. 111).

7 (20) июля.

...мы пошли в академию *San-Luca*. — Речь идет о галерее Академии Св. Луки (1577), в которой собраны итальянская и фламандская живопись XVI—XVII вв.

...картина Сальватора Розы ∞ «Грезы старого кота о мартовских днях его юности». — Имеется в виду этюд С. Розы «Кошачьи головы», на котором изображены в разных ракурсах пять кошек.

...мы поднялись на Капитолий в скульптурный музей. — Капитолийский музей на площади Капитолия включает собрание древнегреческой, эллинской и древнеримской скульптуры.

...в зале «Умирающего галла» ∞ не отмеченных звездочкой в их путеводителе. — В одном из залов второго этажа Капитолийского музея (*Stanza dei Gladiatore*) центральное место занимает эллинистическая скульптура мастера из Пергама «Умирающий галл»; вокруг расположены скульптуры: «Голова Дионисия» (именуемая Волошиным

«головой Александра Великого»), «Отдыхающий сатир» (римская копия работы Праксителя), портрет Фаустины Старшей – супруги Антонина Пия и др. Звездочками в путеводителях отмечались наиболее рекомендуемые для осмотра памятники.

...*дворец консерваторов* (Palazzo dei Conservatori, ок. 1450) расположен на площади Капитолия, перестроен в 1565–1568 по проекту Микеланджело. Включает музей живописи и скульптуры.

...*большая галерея бюстов итальянских великих людей...* – Среди бюстов – мраморный бюст императора Коммода, бронзовый бюст консула Луция Юния Брута и др.

8 (21) июля.

...*Венера Книдская, голова Зевса, бойцы Кановы, Лаокоон, дивный Меркурий...* – Перечислены находящиеся в Бельведерском дворце Ватикана (музей Пию-Климентино) скульптуры: Венера Книдская, «Зевс Отриколийский» (римская копия с греческого оригинала IV в. до н. э.), «Битва Дамоксена с Креугасом» А. Кановы, Меркурий – «Гермес из Бельведера», римская копия с греческого оригинала.

...*Ночь Микель Анджело, к которой относятся слова Сорбье: «Спи, спи!»* – По-видимому, имеется в виду французский писатель С. Сорбье, отклик которого на микеланджеловскую «Ночь» не выявлен. Известна эпиграмма об этой скульптуре, написанная Д. Строцци: «Ты Ночь здесь видишь в сладостном покое. / Из камня Ангелом изваяна она, / И если спит, то жизнь полна: / Лишь разбуди, – заговорит с тобою!» (пер. В.С. Соловьева; 1883).

Шведская королева – имеется в виду принцесса Виктория Баденская, жена тогдашнего наследника шведского престола Густава Адольфа.

...*“Толстая дама из-за границы” в “Плодах просвещения” – это я.* – Среди действующих лиц «Плодов просвещения» Л.Н. Толстого значится «толстая барыня Мария Васильевна Толбухина, очень важная, богатая и добродушная дама, знакомая со всеми знаменитыми людьми, прежними и теперешними». О беседе с Н.Д. Гельбиг писатель сделал запись в дневнике 2 июля 1890 (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1952. Т. 51. С. 203). Впервые она побывала в Ясной Поляне в 1887.

Раз я играла с молодым скрипачом, живущим у него, Крейцеру сонату. Толстому она очень понравилась. После этого он и написал свою “Крейцеру сонату”. – Сюжет толстовской «Крейцеровой сонаты» связан со скрипичной сонатой Л. ван Бетховена, посвященной музыканту Р. Крейцеру.

9 (22) июля.

Sancta Maria Maggiore (Санта Мария Маджоре) — базилика третьей четверти IV в., перестроена в 432–440 и в XIII в., с мозаиками и мозаичным полом.

...музей современного искусства. ∞ картина Т. Cesare... — Национальная галерея современного искусства находилась во Дворце художественных выставок. Giacomo (точнее, В. Джакомелли) представлен там тремя картинами (1862); Polizzi и Т. Cesare — возможно, Д. Пеллицца да Вольпедо и его учитель Чезаре Таллоне.

...потащил меня в Латеранский собор ∞ на виллу Волконских... — Речь идет о кафедральном соборе Рима San Giovanni in Laterano, он построен в 311–314, перестроен в 1560 при Пие V; мозаики, росписи, барельефы разных мастеров. Вилла Волконских (Villa Volkonsky) — сохранившееся до сих пор в топонимике Рима название виллы, принадлежавшей (до 1862) русской княгине З.А. Волконской. В 1880-е здание было приобретено в собственность итальянским правительством; в настоящее время в нем размещается британское посольство в Италии.

...к термам Каракаллы... — Имеются в виду наиболее сохранившиеся из публичных бань римских императоров, построены в 206–212 при императоре Каракалле.

...зашел в S. Pietro in Vincoli осмотреть Моисея М<икель> Анджели. — В церкви Св. Петра в оковах (построена в 442, перестроена в 1475) находится надгробие папы Юлия II со статуей пророка Моисея работы Микеланджело.

10 (23) июля.

...прошли в Ватиканскую Пинакотеку ∞ потолклись ∞ пред «Преображением» Рафаэля и пошли к станцам... — Находящаяся в картинной галерее Ватикана алтарная композиция Рафаэля «Преображение» после смерти художника была закончена его учениками Джулио Романо и Ф. Пенни. О станцах см. запись от 3 (16) июля.

...дворца Септимия Севера... — Субструкции дворца Септимия Севера (Септемзодия) расположены в юго-восточной части холма Палатин.

...над дворцом Калигулы... — Имеется в виду фундамент дворца императора Калигулы.

...колонны М<арка> Аврелия и Траяна. — Триумфальная колонна Марка Аврелия (176–193, высота 29,6 м) на Пьяцца Колонна и колонна Траяна, сооруженная в ознаменование победы над даками (114; высота 27 м), — главное украшение на форуме Траяна (107–113; архитектор Аполлодор Дамасский).

11 (24) июля.

...апартаменты Борджиа... — Находятся в соборе Св. Петра в Ватикане.

...идти вместе в галерею *Barberini*. — Т. е. в галерею во дворце Барберини (строился в 1625–1663; архитекторы К. Мадерна и Д. Борромини).

...«*Беатриче Ченчи*» Г. Рени... — Есть вероятность, что этот портрет написан не самим Г. Рени, а Е. Сирани, художницей его круга.

12 (25) июля.

...катакомбы Св. *Каллиста*. — Катакомбы открыты археологами в 1849; это крупнейший из погребальных комплексов, использовавшийся для захоронений (в т. ч. — пап) с III в.

...изваяние Св. *Цецилии из мрамора*. — Эта святая жила в первой половине III в.; неоднократно изображалась великими мастерами Возрождения. Считалась покровительницей духовной музыки.

Фонтан Треви (1732–1762; архитектор и скульптор Н. Сальви); по поверью, глоток воды из этого фонтана, был залогом возвращения в Рим.

13 (26) июля.

Сомма (*Monte Somma*) — остатки наружного, самого древнего конуса Везувия, сохранившиеся только на северном и восточном его склонах.

Via Toledo — главная улица Неаполя.

Музей — Национальный музей, основанный в XVIII в., с археологическими памятниками из Помпей, Геркуланума и других городов Южной Италии (в том числе Геркулес Фарнезский и Венера Капуанская).

...фигура женщины ∞ (*Вероятно, Медеи*). — Речь идет о фреске из Геркуланума, изображающей Медею перед убийством своих детей. Оригинал картины приписывается Тимомаху (I в. до н. э.). См.: Помпейские росписи. Л.; М., 1937, табл. VII.

Утомленная пляской ∞ ударяет в тимпан. — Неточно цитируемые первые две строфы стихотворения Л.А. Мея «Плясунья»; в оригинале: «Окрыленная пляской без роздыху, / Закаленная в серном огне», последняя строка: «И в руке замирает тимпан».

...прошел по Кьяйе... — *Strada di Chiaia*, улица в центре Неаполя.

...остров *Низиды* со своим замком на воде, похожим на *Castell Nuovo*. — На скале, соединенной с островом Низиды моллом, находится замок, используемый как тюрьма. *Castel Nuovo* — неаполитанский замок (1279–1282, перестроен в XV в.).

...Стансы ∞ «Сияет даль улыбкой ясной...». — Первая строка стихотворения П.-Б. Шелли «Стансы, написанные близ Неаполя в часы уныния» (пер. К.Д. Бальмонта).

...Санта Лючия... — Strada Santa Lucia, приморский бульвар в центре Неаполя.

14 (27) июля.

...поехали в Пуццуоли. — Среди древностей Поццуоли: амфитеатр Флавиев, несколько храмов, развалины древнего порта. В окрестностях находятся Флегрейские поля, со многими серными кратерами (сульфатарами).

Авернское озеро ∞ здесь малярия. — Это озеро находится среди холмов, некогда покрытых лесами (вырублены при Августе). По преданию, вредные испарения этого озера убивали пролетающих птиц. Здесь была роща Гекаты и грот кумской Сивиллы; здесь же Гомер якобы сошел в подземный мир.

Серapis — эллинистическое божество, культ которого как бога Александрии был введен Птолемеем I, основателем династии Птолемеев в Египте.

Сальфатара (правильно: Solfatara) — кратер полупотухшего вулкана (высотой 98 м) вблизи Поццуоли.

Сан-Эльмо — самое высокое место в Неаполе (249 м) с замком Сан Эльмо (XIV в., перестроен в XVI в.), считавшимся в свое время неприступной крепостью.

15 (28) июля.

Помпея. — Правильно: Помпеи. Раскопки этого города, похороненного под пеплом при извержении Везувия в 79, начались в 1748 и постепенно открыли к 1900 около двух третей города, давая яркое представление об античной жизни.

...отправились на Везувий. — О подъеме на Везувий Волошин писал 15 (28) июля матери (Из лит. наследия-3. С. 225), а 19 июля (1 августа) — Я.А. Глотову (Из лит. наследия-1. С. 294).

16 (29) июля.

...пошли в Равелло. — Этот город был основан норманнами в XI в. и пережил свой расцвет в XIII в. Сохранил примечательные архитектурные памятники в норманнско-мавританском стиле.

Байдарская дорога — дорога из Севастополя в Ялту вдоль морского берега через перевал Байдарские ворота.

Пестум (Посейдония) — развалины древнего города вблизи Салерно, основанного греками ок. 600 до н. э.

...праздник Св. Пантелеоне... — Для жителей Равелло этот праздник имел особое значение, так как имя San Pantaleone носит главный собор Равелло (XI—XIII вв.).

В церкви сохранились трон и кафедра... — Амвон собора Сан Панталеоне выполнен Никола ди Бартоломео да Фоггья и оплачен Никола Руфоло (1272).

...лучшее в Равелло, это те бесконечно прекрасные виды на море и горы... — Впечатления этого дня Волошин описал также в письмах: Я.А. Глотову от 19 июля (1 авг.) 1900 и А.М. Пешковскому от 11 (24) янв. 1901.

...Карло Пизакане — расстрелянного бурбонским правительством. — К. Пизакане, будучи начальником штаба армии римской республики в 1849, организовал революционную экспедицию на юг Италии, чтобы поднять там восстание, во время которой и погиб близ Салерно.

17 (30) июля.

...мчались в Бриндизи. — В Бриндизи сохранился дом, где, по преданию, умер Вергилий.

...убит — итальянский король. — Король Италии Умберто I был убит анархистом Г. Бреши 29 июля 1900. Это была месть за жестокое подавление правительственными войсками, по приказу короля, массовых демонстраций в Милане в 1898.

19 июля (1 августа).

...берега Эпира. — Предполагается, что Эпир — древнейшее местопребывание греческих племен, откуда они затем расселились по Балканскому полуострову.

...записок Ксенофонта... — В «Анабасисе», историческом труде Ксенофонта, описан поход Кира Младшего и отступление греческого наемного отряда после разгрома персидского полководца.

...немецкая гидра... — Это оговорка Волошина: в мифе о Геракле фигурирует лернейская гидра (чудовищная змея со ста головами); немецким был лев (также побежденный Гераклом).

...когда я прочел Байрона и Гейне... — Имеются в виду произведения Д.-Н.-Г. Байрона: поэма «Паломничество Чайльд Гарольда», стихотворение «Песнь к сулиотам» и др. Г. Гейне посвятил Греции очерк «Боги в изгнании» и пантомиму «Богиня Диана».

...тень Гейне, обитающая на Корфу, в воздвигнутом в честь него храме... — Мраморный памятник Г. Гейне был выполнен Л. Хассельрисом и установлен Елизаветой Австрийской в парке принадлежавшей ей виллы Ахиллеон на Корфу.

20 июля (2 авг<уста>).

...Акрокоринф ~ Коринфа и храма. Раскопки ~ обещают со временем еще много интересного. — Акрокоринф — цитадель древнего Коринфа (575 м над уровнем моря), господствовавшая над всеми южными путями из центральной Греции. Храм Аполлона — выдающийся памятник архаической архитектуры (ок. 550 до н. э.). Археологические раскопки в Коринфе начаты в 1896 американской школой изучения классических древностей в Афинах.

...прошли мимо сохранившихся очень хорошо средневековых стен... — От средневековья в Коринфе сохранились развалины крепости Юстиниана (VI в.).

Коринфск<ий> перешеек (канала не видно) отделял его <Коринфский залив> от Эгейского залива... — Речь идет о Коринфском канале (открыт в 1891), которых пересекает самое узкое место Истмийского перешейка и впадает в Эгинский залив.

21 июля (3 августа).

Акрополь — историческое ядро Афин, скала высотой 156 м с остатками античных построек.

Парфенон — главный храм древних Афин, был создан в честь Афины Парфенос в 447–438 до н. э., архитекторы Иктин и Калликрат.

Эрехтейон (421–406 до н. э.) — храм Афины и Эрехтея.

...музей, находящийся на Акрополе. — Этот музей, открытый в 1878, содержит памятники искусства, найденные в районе Акрополя.

22 июля (4 авг<уста>).

Достаточно было одной венецианской бомбы, чтобы разбить Парфенон... — Парфенон был полуразрушен бомбой во время осады Акрополя венецианцами в 1687.

...в Национальн<ый> музей, полный ~ терракот Танагры. — Национальный археологический музей в Афинах (основан в 1874) является одним из лучших в мире собраний античного искусства. Танагра — город в греческой провинции Беотия; прославился благодаря изготовлявшимся там терракотовым статуэткам, большое количество которых было найдено при раскопках в конце XIX в.

...молодой армянин... — Э. Терсиан.

24 июля (6 августа).

Пантелеймоновское подворье — странноприимный дом от русского монастыря Св. Пантелеймона на Афоне.

Галата — квартал Константинополя на восточном берегу Золотого Рога, средоточие финансовых и торговых учреждений, а также гостиниц. В конце XIX в. — 28 тысяч жителей.

...нас отвели в русское консульство и оттуда в подворье. — На этом заканчивается «Журнал путешествия».

Дальнейшие события были зафиксированы Л.В. Кандауровым в его записной книжке: «7 августа — 25 июля. Новые знакомые, посещение <Святой> Софии, Галатской башни, базары, кофейни. 8 августа — 26 июля. Музей, фотограф Терсиан, Скутари, Всеночная. 9 августа — 27 июля. Выехали в Севастополь на пароходе «Олег». 28 июля 1900 года. Севастополь. Купанье. Прощальный обед. Расставание с Максом» (Грани. 1998. № 186. С. 223). Отделившись от спутников, Волошин направился в имение Вяземских «Еленкой» под Севастополем.

Более полугода спустя путешественники, очевидно, вновь вернулись к своему «Журналу», так как в нем появились следующие записи:

— «Петровско-Разум<овское>. 11 марта 1901 г.

Собравшись по указанию судеб и тяготеющего рока, все три участника путешествия постановили дневник сей передать в полную собственность Леониду, избранному по жребию, с установлением на дневник сей *jura in re aliena** двух остальных. Третьим судьей в предстоящих об объеме прав сих пререканиях избран Федор.

Ишеев. Л. Кандауров. Макс. Федор» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 438, вторая страница обложки первой тетради «Журнала»);

— «Петровско-Разумовское

11-го марта 1901 года

В случае моей смерти, равно физической как и гражданской, право собственности, принадлежащее мне, на сей дневник передаю в общую собственность Князя и Макса. Леонид.

Засвидетельствовали Федор

<Следует неразборчивая подпись В. Ишеева латиницей>.

Читал Макс» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 438, л. 100 об.; вторая тетрадь).

Затем рукой Л. Кандаурова написано: «Макс читал, но не понял, ибо не может вместить премудрости юрисдиктики». Вслед за этим — запись В. Ишеева («А я это слово понимаю. *Vice-comes Pluma* <так!>») и ремарка Л. Кандаурова «Бред, ибо я сам неверно написал: не юрисдиктика, а юрисписание».

* Права в чужой вещи (*лат.*) — юридический термин; название совокупности различных юридических отношений вещного характера, противопоставляемых собственности. (*Ред.*)

ДНЕВНИК 1901—1903

Печатается по оригиналу (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4).
Впервые — История моей души. С. 25—52.

<1901>

21 апреля 1901 г.

«Вот когда Пешковский уедет». — А.М. Пешковский приехал в Париж из Берлина около 4 апр. (по н. ст.). Вместе с Волошиным они путешествовали по Бретани, потом вернулись в Париж, сняли номер в отеле и Волошин водил друга по городу. Около 17 апр. тот уехал обратно в Берлин.

Я ∞ пробежал ∞ к себе домой... — Волошин жил в номере гостиницы «Hôtel de Londres et de France» по адресу: Rue des Fossés St. Jacques, 20.

...я был в Салоне ∞ обедал с Кругликовой ∞ пошел ∞ в академию. — По-видимому, речь идет о Salon de Société Nationale des Beaux Arts в Большом дворце Елисейских полей у моста Александра III (выставке, ежегодно проводившейся весной) и об академии Коларосси — художественной школе на Монпарнасе, где за небольшую плату любой желающий мог рисовать обнаженную натуру. О знакомстве Волошина с Е.С. Кругликовой см.: Воспоминания. С. 88. Ее ателье в доме 17 на улице Буассонад было местом собраний художников, литераторов и артистов, как русских, так и иностранцев.

Я зашел к Бинштоку. — Волошин надеялся с помощью В.Л. Бинштока найти журналистскую работу.

...пошел по Сен-Жермену. — Этот бульвар пересекает Латинский квартал от моста Конкорд до моста Сюлли.

...у памятника памяти Дантона. — Памятник Ж.-Ж. Дантону работы О. Пари установлен в 1891 на пересечении бульвара Сен-Жермен с улицей Одеон.

Жизнь — бесконечное познание ∞ грезы детства. — Строки (с датой «26 мая <н. ст.>. Вечер. Paris» и вариантами), впоследствии побывавшие финалом первоначальной редакции стихотворения «Пустыня» (его окончательный текст и комментарий к нему см. наст. изд., т. 1, с. 11—12, 437). Четверостишие публикуется как отдельное произведение (наст. изд., т. 2, с. 385, 633, 698).

Два столетние каштана ∞ Опаленные грозой. — набросок (с вариантами) нескольких строк, ставших позднее частью стихотворения «На заре. Свежо и рано...». См. с. 124—125, а также наст. изд., т. 2, с. 387—388.

Слава великим гробам ∞ В огненном горне познания. — Еще одна редакция стихотворения, ныне публикуемого под названием «К Герцену» и с датой: «12 мая 1902. Париж» (наст. изд., т. 2, с. 386; источ-

ник этого текста — автограф в альбоме Н.Л. Ауэр: РГАЛИ, ф. 701, оп. 1, ед. хр. 17, л. 23 об.).

Совесть и огонь ∼ (Гл. Успенск<ий>). — Выписка из неустановленного произведения Г.И. Успенского.

«*Семь раз в день ∼ не кайся*» — неточная цитата из диалогов В.С. Соловьева «Три разговора...» (Разговор второй); высказывание странника Варсонофия: «В день 539 раз грехи, да, главное, не кайся» (Соловьев В.С. Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 672).

<1902>

18 июня.

Мáсон. — На железнодорожной станции Макон Волошин и А.И. Косоротов оказались на пути к острову Корсика.

3 июля.

Старые камни ∼ *Точно остатки византийской иконописи.* — Ср. со стихотворением Волошина «Дубы нерослые подьмлют облак крон...» (наст. изд., т. 2, с. 399).

Горы из бледного золота и фиалок. — Ср. в стихотворении «Портрет» (1903): «Там, где фиалки и бледное золото // Скованы в зори ударами молота...» (наст. изд., т. 1, с. 45).

5 июля.

...зашел к одному незнакомому человеку... — Имеется в виду В.Л. Биншток.

«*Iron-Iron*» — по-видимому, рекламная газета или журнал. *Iron* — ирон, пахучее вещество, содержащееся в корнях ириса.

15 июля.

...я развернул Ницше. ∼ «*Человек с объективным умом ∼ не пользуется никогда у них успехом.*» — Это выписка из книги Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла» (отд. 6, фрагмент 207; ср. в пер. Н. Полилова: *Ницше Ф.* Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 328–329). Волошин открыл для себя это произведение Ницше в конце 1900, находясь в Средней Азии.

25 июля.

Неаполь. — Волошин и А.И. Косоротов прибыли в Неаполь около 22 июля 1902.

Это <стихотворение> я написал ∼ отголосок разговора с А.В. Гольштейн>... — С А.В. Гольштейн, которая держала в Париже литературный салон, Волошин познакомился в апр. 1901 по рекомендации В.Д. Поленова. Стихотворение «На заре. Свежо и рано...» было послано ей поэтом в тот же день, когда он занес его в

свой дневник (датированное письмо со стихотворным текстом — в Бахметевском архиве Колумбийского университета; Нью-Йорк; см.: Звезда. 1998. № 4. С. 144).

9 августа.

...после возвращения из Испании. — Т. е. после 22 (9) июня 1901, когда Волошин вернулся в Париж после путешествия на Майорку и по Испании.

Бюлье — публичный танцевальный зал в Латинском квартале, на авеню Обсерватори.

Paris. 9 сентября.

...прогулки в Монморанси с Косоротовым... — А.И. Косоротов в 1902 находился в Париже в качестве корреспондента петербургской газеты «Новое Время».

Ауэр — семейство скрипача и педагога Л.С. Ауэра: его жена Надежда Евгеньевна и четыре дочери — Зоя, Наталья, Надежда, Мария. Знакомство Волошина с семьей Ауэр состоялось 7 (20) янв. 1902.

Я скупил масляные краски. — Волошин увлекся рисованием еще в гимназические годы, делая зарисовки лиц и пейзажей в записных книжках и рисуя виньетки в письмах. В 1901 в Париже он начал рисовать углем и карандашом с натуры (в ателье Е.С. Кругликовой и в академии Коларосси), а также делал зарисовки в кафе, на улицах и на публичных балах, беря за образец «молниеносные наброски Форена, Стейнлена» (Воспоминания. С. 40–41).

Эдмонд Гонкур в дневнике... — В русских переводах извлечений из дневников братьев Гонкур (1898 и 1964), доступных составителю наст. тома, пересказанных Волошиным слов Э. Гонкура не обнаружено.

...мне вспомнилось, как я пришел к ним по письму Мар<ии> Бернардовны и Брандес... — М.Б. Кислаковская пригласовала с семьей Ауэр. О знакомстве и о нескольких вечерах с Г. Брандесом «у одних знакомых» (т. е. у Ауэр) Волошин писал А.М. Пешковскому 3 (16) февр. 1902.

...как приятно перебирать старые письма... — Позднее Волошин напишет стихотворение «Старые письма» («Я люблю усталый шест...»; 1904).

...я получил письмо. Она писала... — Затем идет вклеенный оригинал письма. Следующие письма М.Л. Ауэр к Волошину также вклеены в дневниковую тетрадь. Все они печатаются здесь более мелким шрифтом.

...безглазая глядящая тургеневская старуха... — Вольный пересказ части стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Старуха» (*Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 12 т. М.; Л.: Наука, 1982. Т. 10. С. 128–129*).

Улица Гёте — на правом берегу Сены, между Сенной и площадью Звезды (place de l'Étoile).

«*И тебе не грустно, и тебе не больно?*» — Контаминация строк из первой и второй строф стихотворения А.А. Фета «В дымке-невидимке...».

Старое прожито, вынуто, выпито... — Неточная цитата из стихотворения Волошина «В вагоне» (1901; ср.: наст. изд., т. 1, с. 14). После нее М.Л. Ауэр нарисовала муху.

...*слова Шелли* ∼ *Я его не хочу повторять.* — Неточно цитируются начальные строки стихотворения П.-Б. Шелли «Слишком часто заветное слово людьми осквернялось...» (*Шелли П.-Б. Полн. собр. соч. в пер. К.Д. Бальмонта. В 3 т. СПб.: Знание, 1903. Т. 1. С. 131*).

...*я написал стихи: «Спустилась ночь... Погасли краски...* — Текст см.: наст. изд., т. 1, с. 44.

...*меня сравнил с Ольгой, а сестру с Татьяной...* — Т. е. с сестрами Лариными из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

Всё как прежде ∼ *Соловьи концерт играют.* — Приведена (по памяти) вторая строфа стихотворения В.С. Соловьева «Там, под липой, у решетки...». Ср.: *Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. С. 75.* (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

15 октября 1902.

Я зашел с Поляковым к Бальмонту ∼ *Отворяет т-ле Христофсен.* — Знакомство Волошина с С.Л. Поляковым и К.Д. Бальмонтом произошло, по-видимому, в мастерской Е.С. Кругликовой; 7 (20) сент. 1902 Волошин устроил в своем ателье поэтический вечер с участием их обоих. С.Д. Кристенсен (ее фамилию Волошин записал здесь, скорее всего, на слух) К.Д. Бальмонт познакомился в 1900 в Петербурге. Она стала его возлюбленной. Позднее Бальмонт встречался с ней в 1902 в Париже и в 1906 в Норвегии.

9 Rue Campagne Première. — Ателье в доме 9 по улице Кампань-Премьер снимал Н.В. Досекин; Волошин поселился там около 19 окт. (1 нояб.) 1902 (затем жил там зимой 1904–1905 в периоды отъезда Досекина).

...*Платон сравнивает* ∼ *понятие о мире.* — Имеется в виду начало седьмой книги диалога Платона «Государство».

1903 г.

Май.

...подвести итоги перед отъездом в Японию... — Отъезд на Дальний Восток — в Китай, Индию и Японию — планировался Волошиным на пять лет для самообразования, но так и не состоялся.

...ездил в Шарантон к Скаковским по поручению Качереца... — Этот юго-восточный пригород Парижа Волошин посещал по просьбе знакомого А.В. Гольштейн и Е.С. Кругликовой — Г.С. Качереца, автора книги «Чехов» (М., 1902). Из Скаковских в адресной книжке Волошина значится лишь М.В. Скаковская, которая жила в Париже в 1902—1904. В 1929 она гостила у поэта в Коктебеле.

...рисовал в Венсенском лесу. — Имеется в виду лесопарк к северу от Шарантона, с замком XIV в., бывшая резиденция французского короля; место воскресных прогулок парижан.

Запах цветов дошел до крика. — Образ использован в стихотворении Волошина «Рождение стиха» (1904; см. наст. изд., т. 1, с. 32).

Сен Морис — бульвар в Шарантоне.

Дома я застал Якимченку... — А.Г. Якимченко некоторое время жил в ателье Волошина.

...мимо Grand Palais в к Муромцевым. — Т. е. мимо Большого дворца (был построен в 1900 на Елисейских полях по проекту Л.-А. Луве специально для выставок разного рода) к М.С. и О.С. Муромцевым, дочерям профессора Московского университета. Волошин был влюблен в О.С. Муромцеву летом 1902, тогда же посвятив ей стихотворение «Небо запуталось звездными крыльями...» (см. наст. изд., т. 1, с. 37).

...пойдем на фюары. — Т. е. на ярмарки (от фр. foire).

...нужно было к Косоротову в мой день. — Волошин некоторое время выполнял для А.И. Косоротова секретарскую работу, делая обзоры текущей французской периодики.

...Odéon — Place Clichy в Notre-Dame de Lorette в rue St. Georges. — Маршрут Одеон — Клиши ведет с юга Парижа на север, с Монпарнаса на Монмартр. Церковь Нотр Дам де Лоретт находится к северу от Больших бульваров, между ними и улицей Клиши. Построена в стиле античного храма. Улица Сен Жорж идет с юга на север, западнее церкви.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ДУШИ

Дневник под названием «История моей души» велся Волошиным в двух тетрадах с кожаными переплетами (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1. ед. хр. 441 и 442; 102 и 84 л.). На л. 1 об. первой тетради наклеена небольшая его фотография в белой рубашке (автопортрет в зеркале) с подписью под ней: «7 июля 1905 г. Париж. Ла-Мюетт». По-видимому, одновременно (на том же л. 1 об.) было вписано и название дневника, сначала безымянного. Здесь же записан ряд адресов (в Женеве, Цюрихе, Лондоне) и (в столбик) список тем статей «Для “Руси”»: Сизеранн. Жид. Метер<линк>. Р. де Гурмон. Биографии. Ж. Занд». На л. 2 об. второй тетради наклеена еще одна фотография автора дневника (отличная от описанной выше).

Кроме того, в первую из тетрадей спустя 25 лет Волошин вписал текст другого жанра (автобиографическую канву 1897–1930). Сюда же вклеены его письма к М.В. Сабашниковой (1904–1905). Эти документы будут помещены в других томах наст. издания в соответствии с принятым в нем жанрово-хронологическим принципом расположения материала.

Предшествующие публикации дневника: 1) *Волошин М.* Автобиографическая проза. Дневники / Сост., статья, примеч. З.Д. Давыдова, В.П. Купченко. М.: Книга, 1991. С. 187–316 (в извлечениях); 2) История моей души. С. 55–236 (с пропуском записей бесед Волошина с В.И. Суриковым).

Полностью «История моей души» публикуется впервые.

<1904>

29 мая.

Прогулка в Фонтенбло. 27 л<ет>. – Фонтенбло – старейшая загородная резиденция французских королей, с роскошным дворцом (начат в 1527, строительство и переделки продолжались до начала XIX в.). Строго говоря, день рождения Волошина приходится на 28 мая нового стиля, ибо ему нужно прибавлять к дню своего рождения (16 мая ст. ст.) при переходе к новому стилю не 13 (как здесь сделано), а 12 дней, поскольку он родился в XIX в.

Клятва ехать в Индию была дана К.Д. Бальмонту, который 4 авг. 1904 сообщал Волошину, что «целый день» читает «книги, касающиеся так или иначе Индии», а 20 окт. гневно упрекал за отказ от «обещания» совместной поездки (*Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 44–45).

Он приехал... — Речь идет о К.Д. Бальмонте, спутнике Волошина по прогулке в Фонтенбло.

«Прочти Кама Сутра». — Этому совету К.Д. Бальмонта Волошин последовал: в его библиотеке сохранилось французское издание книги: «Le Cama Soutga» (Paris, [б. г.]), древнеиндийского эротического сочинения, содержащего 1250 наставлений по «искусству любви».

30 <мая>.

«13 мая» — стихотворение К.Д. Бальмонта, 15 (28) мая 1904 отправленное им из Парижа В.Я. Брюсову:

Тринадцатого мая
Я сделал, что хотел,
И замер, обнимая
Еще одно из тел.

.....

Тринадцатого мая
Она, что так бледна,
Отшельница немая
Навек изменена!

Полный текст см.: Лит. наследство. М.: Наука, 1991. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. С. 156. Речь в стихотворении идет о Е.К. Цветковской.

Мемуары Жорж Занд и А. Дюма. — Имеются в виду: «История моей жизни» Ж. Санд и «Мои мемуары» А. Дюма-отца, которые составили 22 тома.

3 ию<н>я.

М. В. — Сабашникова, художница-москвичка из богатой купеческой семьи чаеоторговцев из Кяхты. Волошин познакомился с ней в Москве (февр. 1903).

4 июня.

...движение Рёскина и Морриса... — Т. е. движение прерафаэлитов, ставивших своей целью возрождение искренности, наивной религиозности средневекового и раннеренессансного искусства («до Рафаэля»). Братство прерафаэлитов было основано в Англии (1848) группой художников, в т. ч. У. Моррисом, и поддержано Дж. Рёскином.

5 июня<я>.

Аксинит — минерал, алюмоборосиликат кальция, железа, марганца.

Jardin des plantes. — Ботанический сад в Париже, основанный в 1626 (открыт для публики в 1650); помимо коллекций растительности, включает зоопарк, отделы палеонтологии и минералогии.

...у Юнге. — Имеется в виду Е. Ф. Юнге, приехавшая в Париж в конце апр. 1904.

...те три стиха. — Речь идет о стихотворениях Волошина «Я ждал страдания столько лет...», «Пройдемте по миру, как дети...» и «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...» (их тексты — наст. изд., т. 1, с. 42, 46, 47); по сути, признание в любви к М. В. Сабашниковой.

6 июня.

St. Germain <I'>Auxerrois. Перед Магдалиной. — Сен Жермен л'Оксерруа — приходская церковь французских королей (XIII—XV вв.), перестроена в XVIII—XIX вв. Свои впечатления о церкви записала и М. В. Сабашникова: «Цветные окна сияют в полумгле. На одном Иоанн Креститель оперся и слушает детей. Мы опять долго смотрели на лилового трагического ангела и на радостный экстаз Магдалины. Потом на то окно, кот<орое> похоже на крылья ночной бабочки. Потом мы вдвоем идем по витой каменной лестнице в маленькую комнату XV в. с цветными окошечками» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 23 об.).

Завтрак у Дюваля. — Т. е. в одном из недорогих ресторанчиков («бульонных»), названных по имени их основателя, мясоторговца Дюваля.

В Японском отделе. — Имеется в виду отдел Луврского музея.

Мышка бежала ~ разбилась. — Фрагмент русской народной сказки «Курочка ряба», записанный в виде стихотворной строфы.

Лицалка — прозвище В. Я. Курбатова.

Бальмонт уезжает. — Поэт отправлялся в путешествие по Испании.

Елена — Е. К. Цветковская; ей посвящено стихотворение К. Д. Бальмонта «Елена», включенное в его книгу «Только любовь» (М.: Гриф, 1903).

7 июня. — В оригинале — описка («6 июня»).

Музей Гимэ (Guimet) — музей восточных культур на площади Иена, основанный в Лионе в 1879; переведен в Париж в 1884. Назван в честь своего основателя Э. Гиме.

Королева Таиах ∼ *этот рисунок*. — В музее Гиме экспонировалась копия скульптуры этой египетской царицы; оригинал находится в Гизехском музее в Каире. Рисунок головы Таиах, сделанный Волошиным, сохранился среди его писем к М.В. Сабашниковой.

8 июня. — В оригинале — описка («7 июня»).

10 июня.

В музее Трокадеро. — Дворец Трокадеро (на площади того же названия) был построен для Всемирной выставки 1878 на месте давно упраздненного монастыря; название свое получил от форта Трокадеро в Кадиксе, взятого французами в 1823. Во дворце находились два музея: этнографический и средневековой скульптуры.

...сделать номер для «Весов»... — Перед отъездом в Париж Волошин получил от редактора «Весов» В.Я. Брюсова полномочия парижского корреспондента журнала по отделу искусства.

11 июня.

Ватто ∼ *Шарден*. *Фрагонар*. — Названы французские художники, картины которых выставлены в Лувре.

Рэдоновский дьявол — литография О. Редона из серии «Искушение Св. Антония». С работами Редона Волошин и М.В. Сабашникова познакомились через А.В. Гольштейн, большую почитательницу художника, с которым та дружила.

Родэн. *В. Гюго*. — Скорее всего, имеется в виду скульптурный портрет В. Гюго работы О. Родена.

В American Art. — Т. е. в магазине художественных принадлежностей на Монпарнасе (бульвар Монпарнас, 125). Еще один магазин этой фирмы находился на набережной Вольтера, 15.

Вечером в Булонском лесу. — Т. е. в парке Bois de Boulogne. Площадь парка 873 гектара, расположен на западной окраине Парижа, устроен на территории леса, подаренного городу Наполеоном III в 1852.

Лет 7–8 я ∼ *плакал от отсутствия ласки*. — Волошин имеет в виду отношение к нему матери: об этом он писал М.В. Сабашниковой 11 сент. 1905, а самой Е.О. Кириенко-Волошиной — в недатированном письме из Парижа (около 5 (18) сент. 1908; см.: Из лит. наследия-3. С. 361–362). См. также далее запись от 21 июля 1905.

13 июня.

Этот день я унесу в груди как большой драгоценный камень. — В тот же день М.В. Сабашникова записывает в своем дневнике: «И я

смотрю на это молодое, на это чистое и одаренное существо и знаю, что с ним, и мне страшно, что опять в моих бессильных и неумелых руках сокровище, и я не знаю, как бережно, не измаяв, отложить его. Какая я иногда старая, как я давно живу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 24 об.).

Кафе против Пигмалиона ∼ *St. Cloud*. — Речь идет, по-видимому, о кафе на границе с Люксембургским садом, где размещалось большое количество парковых скульптур. Сен Клу — пригород Парижа на юго-западе, с большим (483 гектара) парком на берегу Сены; с каскадами и фонтанами; любимое место отдыха Наполеона I.

Она <смерть> подойдет ∼ *и спросит: «Ты готова?»* — Эти слова М.В. Сабашниковой будут позднее почти без изменения включены Волошиным в стихотворение «Второе письмо» (наст. изд., т. 1, с. 67).

«Притча о талантах» (талант — денежная единица) изложена в Евангелии от Матфея (гл. XXV).

У меня есть подруга... — Видимо, Дззи, т. е. М.М. Шевелева, одно время жившая с Сабашниковой-девочкой в одной комнате. Ей посвящена повесть М.В. Сабашниковой «Дззи» (Тропинка. 1907. № 22. С. 860—867; № 23. С. 900—913; № 24. С. 962—981).

Вы мне должны написать ∼ *«Рождение Венеры»* ∼ *родилась красота* ∼ *раскрывается глаз* ∼ *кто-то смотрит в зеркало* ∼ *За окном город*. — Этот сюжет позднее будет воплощен Волошиным в стихотворении «Зеркало» (наст. изд., т. 1, с. 62). У самой М.В. Сабашниковой еще в 1903 возник замысел картины «Рождение Венеры» (перекликающийся с одноименной картиной С. Боттичелли). Она упоминала об этом в письмах (а потом и в мемуарах). Замысел остался неосуществленным.

«На вершинах познания одиноко и холодно» — афоризм из статьи Волошина «Одилон Редон» (Весы. 1904. № 4), возможно, принадлежащий ее герою.

«Я произвожу впечатление ∼ я существую». — Парафраза известного афоризма Р. Декарта: «Я мыслю — следовательно, я существую».

«Пройдемте по миру, как дети». — Первая строка стихотворения Волошина без названия (наст. изд., т. 1, с. 46, 449), занесенного М.В. Сабашниковой в дневник 27 нояб. 1903.

...день отъезда из Москвы. — Волошин имеет в виду свой отъезд из Москвы в Париж (в тот же день 27 нояб. 1903): ему не удалось тогда попрощаться с М.В. Сабашниковой, и, сев в вагон, он «ревел всю ночь» (из его письма А.М. Пешковскому начала янв. 1904: Труды и дни. С. 113). Об этом дне он вспоминал также в письмах к М.В. Сабашниковой от 18 сент. 1904 и 11 нояб. 1905.

Башня стояла на огненном пьедестале ∩ высоко в воздухе. — Имеется в виду Эйфелева башня (высота 300 м; построена в 1889 к Всемирной выставке в Париже по проекту А.-Г. Эйфеля), в тот вечер празднично освещенная.

...прочтите Коро. — Видимо, именно об этом же тексте К. Коро говорится и в более позднем письме М.В. Сабашниковой Волошину (24 авг. 1905), где адресату были посланы «отрывки из письма Коро» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1058, л. 44–45 об.). Источник текста К. Коро, которым пользовалась М.В. Сабашникова, не выявлен.

Третья тема. Женщина вползла на верх горы ∩ сейчас умрет. — Стихотворение на этот сюжет («Она ползла по ребрам гор...») было начато Волошиным в сент. 1904, но не завершено (подробнее — наст. изд., т. 2, с. 538, 720–721).

14 июня.

J'aime l'horreur d'être vierge... — Слова Иродиады из второй сцены драматической поэмы С. Малларме «Иродиада» (Mallarmé S. Vers et prose = Малларме С. Сочинения в стихах и прозе. М.: Радуга, 1995. С. 82).

Наша мать со смерти нашего отца надела траур. — Речь идет о родителях Е.А. Бальмонт (Н.М. Андреевой и А.В. Андрееве).

Отейль, Отёй (Auteuil) — район Парижа к юго-западу от Эйфелевой башни, на правом берегу Сены.

Около Эйф<елевой> башни ∩ на террасе Трокадеро. — В этот день М.В. Сабашникова записала в дневнике: «Мост в Auteuil весь в бесконечных сводах <...>; прогулка вдоль Сены, пруд под Эйфелевой башней, балкон Трокадеро и у ног созвездия фонарей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 24). Согласно этой записи, в прогулке участвовали также Е.А. Бальмонт, В.Я. Курбатов и Е.К. Цветковская.

16 июня.

Père Lachaise — кладбище в восточной части Парижа, бывшее поместье священника-иезуита Ф. де Лашеза (Père François de La Chaise), на котором похоронены крупнейшие деятели культуры и науки Франции.

Стена коммунаров (Mur des Fédérés) — ограда кладбища в его северо-восточном углу, где 28 мая 1871 были расстреляны версальцами более 1600 человек — последних защитников Парижской коммуны.

«Посмотрите, какие розы нам посылает Гименей». Садовник Лариных. — В кавычках — переиначенная цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина (гл. IV, 14): слова Онегина Татьяне («Судите ж вы, какие розы // Нам заготовил Гименей»). Бог брака у греков и римлян, у Пушкина «заготавливающий розы», в соответствии с этим контекстом

иронически охарактеризован затем Волошиным (или Сабашниковой) как усадебный садовник.

Собачка Диониса. — По-видимому, это аллюзия на античный миф, рассказывающий о появлении на небе созвездия Большого Пса. У почитателя Диониса Икария, который с помощью бога стал первым виноделом Греции, и его дочери Эригоны была собака Мера (Майра). Не пережив трагической смерти своих хозяев, она бросилась в реку и погибла. После гибели Меры Дионис взял ее на небо, превратив в созвездие Большого Пса, главная звезда которого — Сириус — и получила название от древнегреческого «пес, собака».

Венсенский лес (Bois de Vincennes) — парк на юго-востоке Парижа, с замком XIV в. (башня-донжон высотой 52 м), с озерами и каскадами.

На рассвете в Halle. ∞ *Корзины с ягодами. Цветы.* — Волошин и М.В. Сабашникова побывали на Центральном рынке Парижа (Les Halles Centrales), крытое здание которого построено архитекторами В. Балтаром и Ф.-Э. Калле в 1857–1868. Это посещение (на рассвете 17 июля 1904) было запечатлено М.В. Сабашниковой в ее дневнике («У домов утренние лица, широкие улицы пустынные. Сена жемчужная» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 25 об.), а Волошиным — чуть позднее, в стихотворении «Письмо» (9 глава: «Я помню тоже утро в Hall'e...» — см. наст. изд., т. 1, с. 52). До наших дней рынок не сохранился.

17 июня.

Люксембургский сад — сад (25 гектаров) в Латинском квартале, между бульваром Сен Мишель и улицей Вожирар, с одноименным дворцом в стиле итальянского Возрождения, построенным по приказу королевы Марии Медичи, барочным фонтаном Медичи и множеством скульптур.

18 июня.

Она следом за Вами ходит? (Е. С.) — Речь идет о Е.С. Кругликовой. М.В. Сабашникова записала в эти же дни: «Кругликова его ревнует мучительно. Я это вижу, это видят все. И я теперь понимаю эту смесь внимания и злобы ко мне. А он и не замечает» (частично: Труды и дни. С. 120).

Вечером в обществе. ∞ *Билет на вход.* — Здесь имеется в виду Русский артистический кружок «Монпарнас», инициаторами создания которого (в 1903) были Е.С. Кругликова и Волошин (принявший на себя обязанности секретаря). См.: *Купченко В.* Хроника русского «Монпарнаса» // Русская мысль. Париж, 1999. 9 сент. № 4283.

19 <июня>.

Пойдите в Американский <магазин>. — Т. е. в «American Art» (см. коммент. к записи от 11 июня 1904).

Наваха — индейский нож.

Бурская война — война 1899—1902 между Великобританией и двумя республиками Южной Африки (Оранжевым свободным государством и Трансваалем), населенными бурами (колонистами, выходцами из Нидерландов).

Севр. У Мечниковых. — Супруги И.И. и О.Н. Мечниковы жили в Севре. О.Н. Мечникова была активным членом кружка «Монпарнас».

Добрянович... — возможно, К.В. Аркадакский.и Ге... — Н.Н. Ге (младший) был членом кружка «Монпарнас».

Иловайская — видимо, О.Д. Иловайская. *Наташа* — Наташа Ростова, героиня романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

М-г Бержере — герой цикла романов А.Франса «Современная история» и некоторых его рассказов, ученый-латинист.

20 <июня>.

Вечером опять за город на пароходе. ∪ Ночью через лес. Раньше — танцы на палубе. — Об этом М.В. Сабашникова записала в дневнике: «Вечером на пароходе едем в Suregne. Это последний пароход, пустой, и мы танцуем на площадке на корме. Обедаем. К.Д. <Бальмонт>, Кругликова, Чичагова Елена, Катя, М. и я. И Курбатов. Возвращаемся через Bois de Voulogne пешком» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 27 об.).

«*Зачем нужно восторгаться этим Ангелом?* ∪ *нахожу его лучше Васнецова, но хуже Берн-Джонса.*» — Речь идет об изображении ангела со свитком в витраже церкви Сен Жермен л'Оксерруа (см. о ней с. 403) в сравнении с изображением ангелов В.М. Васнецовым в его росписях Владимирского собора в Киеве и с ангелом на картине Э.-К. Бёрн-Джонса «Благовещение».

...пространств... Много у Господа дивных убранств. — Имеются в виду строки («В тихом безветрии / Светлых пространств / Много у Господа / Всяких убранств») из Хора ангелов в первоначальной редакции поэмы К.К. Случевского «Элоа», опубликованной в его третьей книге стихотворений («Поэмы. Хроники», СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883). См.: *Случевский К.К.* Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. С. 402. (Библиотека поэта. Большая серия).

Ел. Д. ∪ или тут. — Источник приведенного Е.Д. Чичаговой двустушия не установлен.

Мне хочется ехать. Довольно впечатлений. — Эти слова сказаны М.В. Сабашниковой; в своем дневнике она записала: «В понедельник решаю ехать на другой день. Что тянуть. Хорошенького понемножку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 27 об.).

Не забудь ∼ Д'Аннуцио. — Фраза, скорее всего, принадлежит К.Д. Бальмонту.

...я вспомнил отъезд из Москвы. — См. коммент. к записи от 13 июня (с. 405).

21 июня.

Скрипучий шелк ∼ Ватто. — Эти две строки вошли в стихотворение Волошина «Письмо» (главка 10; см. наст. изд., т. 1, с. 52).

Бледнеют к утру ∼ правде дня. — Стихотворение М.В. Сабашниковой. В письме к Волошину от 8 янв. 1904 она привела несколько строк из него (наряду с другим стихотворением — «Такое чувство, точно в этот час...»), заметив: «К сожалению, не могу писать стихов...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1058, л. 5 об.—6). В ответном письме Волошин опровергает это утверждение, восторженно отзывается о стихотворении и упоминает «те два стихотворных отрывка» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106, л. 11—11 об.). Кроме того, среди набросков и черновых рукописей стихов М.В. Сабашниковой есть автограф неоконченного стихотворения «Лесные духи пробудились...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 3, л. 30—30 об.), строки из которого были использованы в комментируемом стихотворении.

Рике (Рикэ) — пес господина Бержере; фигурирует в романе «Аметистовый перстень» А. Франса и в его рассказе «Рике».

Я просил<а> Каролину оказывать Вам покровительство. — Каролиной звали кухарку семьи А.В. Гольштейн; однако о ней ли идет здесь речь, неясно.

22 <июня>.

...писал об железе. — Имеется в виду статья «Железо в архитектуре», вошедшая затем как раздел в статью «Вопросы современной эстетики» (Русь. 1904. 15 (28) июня).

«Альцеста» — опера К.-В. Глюка на сюжет трагедии Еврипида. В тот день она шла на сцене парижской Комической Оперы (l'Opéra-Comique) в постановке А. Карре. В сохранившейся программе спектакля исполнитель (исполнительница?) танца Вакха не значится (сообщено М. Никё).

«Она странная ∼ У Алеши то же еще сильнее». — Это мнение о М.В. и А.В. Сабашниковых, автор которого Волошиным не обозначен, высказано Е.А. Бальмонт; см. запись от 6 июня (с. 145), где зафиксирована (с прямым указанием автора — Е.А. Бальмонт) аналогичная характеристика М.В. Сабашниковой.

24 <июня>.

В Grand Guignol. — Речь идет о театре Гран-Гиньоль, существующем с 1896; от натуралистически-комедийного репертуара театр вскоре перешел к пьесам ужасов и кошмаров. Вечером 24 июня там шли четыре маленьких пьесы: «Навязчивая идея», «Папа», «Маргаритка», «Ужас Севастополя».

19 июля.

Бальмонты уехали дней десять назад. — К.Д. и Е.А. Бальмонты уехали из Парижа в Женеву 4 июля.

Национальный праздник — день освобождения Бастилии, празднуемый 14 июля.

Голубкина ∞ вы сами об этом знаете. — А.С. Голубкина в 1903–1904 работала за границей, в т. ч. в Лондоне и в Париже. 22 июля Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Я завоевал симпатии Голубкиной. Еще при Екатерине Алексеевне мы с ней раз вечером много говорили. Потом долго не виделись — и вот на днях снова проговорили два вечера» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106, л. 30–30 об.)

22 июля.

Макон ∞ сидели с Косоротовым два года назад. — 18 июня 1902 Волошин и А.И. Косоротов ждали в Маконе пересадки на поезд в сторону средиземноморского побережья Франции (см. с. 114, 397). На этот раз Волошин ехал в Женеву для встречи с Я.А. Готовым и А.М. Пешковским.

...получил деньги от Скорпиона... — Т. е. от С.А. Полякова. Речь идет о гонораре из журнала «Весы», выпускавшегося издательством «Скорпион», финансируемым С.А. Поляковым.

Национальная библиотека основана при Карле V Мудром, в 1373 в ней было 910 томов. С 1537, по приказу Франциска I, библиотека стала получать обязательный экземпляр любого вышедшего во Франции печатного издания; к началу XX в. насчитывала 3 млн. томов; 2,5 миллиона эстампов, 100 тыс. рукописных книг, географические карты, медали и т. д., являясь богатейшей библиотекой мира.

Истории Киселева и Апашки. — А.А. Киселев в 1901 путешествовал с Володиным, Е.С. Кругликовой и Е.Н. Давиденко в Андорру и на Майорку. Апашка (от *фр.* *apache* — хулиган, вор) — неустановленное лицо.

9 августа.

Горе тому ∞ связь между ними. — Эти мысли легли затем в основу статьи Волошина «Магия творчества» (Весы. 1904. № 11).

Разговор с Вячеславом Ивановым. — В.И. Иванов в 1904 жил в Женеве с семьей на вилле «Ява»; Волошин явился к нему, по-видимому, с рекомендацией А.В. Гольштейн. 4 авг. (22 июля) 1904 В.И. Иванов напишет В.Я. Брюсову о своем первом впечатлении от нового знакомого: «Макс Волошин много рассказывал и много читал стихов; вокруг него широко развевывался, играя на солнце, павлиний хвост» (Лит. наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 452).

Обезьяна ∩ божественность человека ∩ обезьяна сошла с ума. — Этот парадокс об обезьяне, которая, сойдя с ума, стала человеком, Волошин позднее не раз приписывал Ф. Ницше; см. статьи: «Мысли о театре» (Аполлон. 1910. № 5); «О смысле танца» (Утро России. 1911. 29 февр.); «Театр и сновидение» (Маски. 1912–1913. № 5).

«Не проповедай и не учи»... — Еще 1 (14) дек. 1902 Волошин писал А.М. Петровой: «...в буддизме всякая пропаганда идеи считается преступлением как насилие над личностью» (Из лит. наследия-1. С. 158).

10 августа.

Лицо отца... — Речь, по-видимому, идет о Д.В. Зиновьеве, отце Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (отец В.И. Иванова умер в 1871).

«Я ждал страдания столько лет...» — стихотворение Волошина (см. наст. изд., т. 1, с. 42).

Брюсов приходит к магизму. — В.Я. Брюсов проявлял глубокий интерес к оккультизму и магии.

...апостол Павел называл ангелов тоже демонами ∩ человек ∩ совершеннее ангела. — Известно четырнадцать посланий апостола Павла. Высказываний, приводимых В.И. Ивановым, в них нет (лишь во Втором послании к коринфянам Павел упоминает, что «сам сатана принимает вид ангела света» — XI, 14).

Белый в своей статье о Бальмонте... — Речь идет о статье А. Белого «К.Д. Бальмонт» (Весы. 1904. № 3).

«Как Вы думаете назвать свою книгу?» — «Годы странствий». — Такой заголовок Волошин дал лишь одному из разделов своей первой книги «Стихотворения: 1900–1910», хотя впоследствии объединил свои стихи того времени именно под этим названием (подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 436–437).

...Götte, Wanderjahre... — Имеется в виду роман И.-В. Гёте «Wilhelm Meisters Wanderjahre» («Годы странствий Вильгельма Мейстера»).

12 августа.

Семенов. — О М.Н. Семенове и его роли в делах издательства «Скорпион» и журнала «Весы» см. комментарий Н.В. Котреле-

ва к переписке В.Я. Брюсова с С.А. Поляковым (Лит. наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 27–28, 65–66 и др.). См. также: *Богомолов Н.А.* К истории «Весов»: Переписка В.Я. Брюсова с М.Н. Семеновым // «Свет мой канет в бездну. Я вам оставлю луч...»: Сб. публ., ст. и материалов, посв. памяти Владимира Васильевича Мусатова. Великий Новгород, 2005. С. 7–38.

...египетская скульптура ∼ создает воздух вокруг себя. — Мысли о египетской скульптуре Волошин позднее изложил в статье «Эдуард Виттиг» (Аполлон. 1913. № 5).

Описание одного события ∼ несколькими лицами ∼ Швоб, Мерedit. — С разных точек зрения (детей, Папы, монаха, мусульманина и т. д.) события описываются в книге М. Швоба «Крестовый поход детей». Дж. Мередит использовал тот же прием в романе «Эгоист».

“Ното Sapiens”. ∼ *Осталось только перевести.* — В переводе М.Н. Семенова роман С. Пшибышевского «Ното Sapiens» вышел в издательстве «Скорпион» (1903).

16 августа.

Разговор с Ивановым ∼ Дионизиизм... — В.И. Иванов читал в 1903 в парижской Высшей школе общественных наук курс лекций по истории дионисийских культов; он был опубликован (Новый Путь. 1904. № 1–3, 5, 8–9) под заглавием «Эллинская религия страдающего бога»; окончание — под заглавием «Религия Диониса» (Вопросы Жизни. 1905. № 6–7).

...танец (∼ моя теория). — Свои мысли о танце Волошин изложил в статьях «Айседора Дункан» (Русь. 1904. 7 мая), «О смысле танца» (Утро России. 1911. 29 марта) и др.

18 августа.

...в области четвертого измерения. — Речь идет о понятии оккультизма: измерении внутрь (помимо общепринятых высоты, ширины и глубины); «промежутки между атомами, кот<орые> не соприкасаются и двигаются сами в себе, вибрируют», как пояснила М.В. Сабашникова в письме Волошину от 28 окт. 1905 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1062, л. 16). Волошин же формулировал: «Время — четвертое измерение пространства». Проблема освещена в книге П.Д. Успенского «Четвертое измерение» (СПб., 1910).

У Вебера. Вещи Якунчиковой. — На квартире мужа М.В. Якунчиковой Волошин увидел произведения художницы; вскоре им будет написана и опубликована статья «Творчество М. Якунчиковой: (Род. 19 января 1870 — † 14 декабря 1902 г.)» (Весы. 1905. № 1. С. 30–38).

Цветы ~ Женская фигура ~ сквозь пих город. — Речь идет о картине «Отражение интимного мира» («Reflet intime»); воспроизведение см.: Киселев. С. 71.

...Веласкез — отражение в зеркале. — Имеется в виду картина Веласкеса «Менины», где использован прием изображения зеркала и отражения в нем.

Дом во Введенском с колоннами... — Это произведение значится в перечне работ художницы как «Введенское: Колоннада и парк из окна» (Киселев. С. 164).

Выжженные на дереве ~ ель в окно ~ забор. — Речь идет о панно «Окно» и «Сырой январь» (воспроизведение — Киселев. С. 90 и 117, соответственно).

Версаль зимой. — Именно так (ср.: Киселев. С. 170) и называется произведение художницы, о котором есть несколько строк в статье Волошина: «Версаль был родным Якунчиковой зимой, когда угрюмое небо висит над серыми массами парка и над белыми балюстрадами, лестницами и площадками, засыпанными снегом» (Весы. 1905. № 1. С. 35).

20 августа.

Номер «Весов», посвященный Якунчиковой, решен. — Решение было принято приехавшим в Женеву в тот день С.А. Поляковым. В этом номере журнала (1905, № 1) и появится упомянутая статья Волошина.

Перед картинами: Звезда как символ Ужаса. — Имеется в виду цветной офорт художницы «L'Effroi», в русской традиции называемый «Страх», хотя более адекватным было бы именовать это произведение по Волошину, т. е. «Ужас» (см. воспроизведение — Киселев. С. 64).

«Звезда Полюнь». — Образ из Апокалипсиса, символ конца света (Откровение Св. Иоанна Богослова. VIII, 10–11). Этими словами Волошин озаглавит сборник своих стихотворений, печатавшийся в 1907 г. издательством «Оры» (в свет не вышел; подробнее см. наст. изд., т. 1, с. 458).

Язык пламени у Дудлея. — В статье о Якунчиковой Волошин напишет: «...язык пламени в темной галерее на рисунке Дудлея...» (Весы. 1905. № 1. С. 33). О каком произведении художника идет речь, установить не удалось.

Звезда в конце коридора в «Манфреде». — См. ремарку перед явлением духов Манфреду в первой сцене первого акта указанного произведения Д.-Н.-Г. Байрона: «В темном конце галереи показывается звезда и останавливается» (*Байрон, лорд. Манфред: Драматич. поэма...* / Пер. кн. Д.Н. Цертелева. М.: Т-во типолитографии и тор-

говли *Владимир Чичерин*, 1898. С. 5. — Отд. оттиск из журн. «Русский Вестник»).

Отражение в окне ∩ Цветы на окне... — Возвращение Волошина к характеристике картины Якунчиковой «Отражение интимного мира» («Reflet intime»).

Кладбища ∩ Символ избы... — Имеются в виду работы художницы «Сельское кладбище», «Кладбище во Введенском», «Кладбище зимой» (воспроизведение см.: Киселев. С. 56, 159, 109, соответственно).

Версаль, грустный и зимний. — Волошин возвращается к произведению «Версаль зимой» (см. с 413).

Первые весенние дни в окрестностях Парижа. — По-видимому, речь идет об одном из трех вариантов офорта «Весенний пейзаж» (сведения о них см.: Киселев. С. 166).

Окно и ветви сосны. — О каком произведении пишет Волошин, не вполне ясно. Если он оговорился, написав «ветви сосны» вместо «ветви ели», то здесь вновь имеется в виду панно «Окно».

Городки. — К теме игрушечного городка художница обращалась неоднократно и в разной технике. Известны выполненные ею три акварели «Городок», одноименное панно и резная деревянная игрушка того же названия (воспроизведение одной из акварелей, панно и игрушки см.: Киселев. С. 173, 132 и 133, соответственно).

«Греки пьянели ∩ под влиянием чеснока». — Возможно, цитата; ее источник не установлен.

Разговор ∩ о витро. — Т. е. о витражах.

... (о ∩ отречении от имени). — Волошин несколько лет ратовал за безымянность (анонимность) искусства (по примеру народного). Собираясь издавать свою первую книгу стихов, он подчеркивал (в письме к М.В. Сабашниковой без даты; по контексту — 9 авг. 1904): «Имени на книге не будет. Только в конце книги, внизу на предпоследней странице, надпись, как на плите готического собора: “Эта книга сложена тем-то, издана тем-то, окончена печатанием тогда-то”. И больше ничего» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107, л. 2).

22 августа.

Яша, Якс — Я.А. Готов. На его квартире в Женеве Волошин жил в 1904.

...просматривал № «Мира Искусства», посвященный Якунчиковой. — Речь идет о третьем номере журнала за 1904 год.

Мар<ия> Мих<айловна> — М.М. Замятина.

Знаем только мы ∩ прозрачность тьмы. — Строки, впоследствии (с вариантом «Робко верим мы / В...») ставшие окончанием стихотворения Волошина «Мир закутан плотно...» (наст. изд., т. 1, с. 63; с датой: «Лето 1905»).

...у Ландольта. — В кафе, владельцем которого был Ф. Ландольт.

«Скиф пляшет» — стихотворение В.И. Иванова из его книги «Кормчие звезды».

28 августа.

Письмо от Бальмонта. — Отправлено из России 8 авг. 1904, с вопросом: «Когда предпримем нашу Одиссею <в Индию>?» (Давыдов З.Д., Купченко В.П. Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 44).

5 сентября.

Оле-Лукойе — персонаж одноименного сказочного цикла Х.-К. Андерсена, добрый гном-сказочник.

17 сентяб<ря>.

M-te Ghil — А.А. Гиль.

28 сент<ября>.

...принцесса тужит ∼ волк ∼ служит. — Парафраза строк из вступления к сказке А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

«Что, детинушка ∼ голову повесил». — Цитируются (по памяти) строки из второй части сказки П.П. Ершова «Конек-Горбунок».

...читали ∼ «Викторию». — Этот роман К. Гамсуна был получен Володиным от М.В.Сабашниковой из Москвы около 13 (26) сент. 1904 (Труды и дни. С. 125).

29 сентября.

Платона «Пир». «Это меня поразило ∼ ураническая любовь кажется здоровой и мощной». — Вышеназванное понятие любви, по словам К.М. Азадовского и А.В. Лаврова, «восходит к греческим представлениям о двух Афродитах — Афродите Урании (Небесной) и Афродите Пандемос (Всенародной, Низкой). В “Пире” Платона (181 cd) Афродита Небесная характеризуется как покровительница любви мужчины к юноше, в прекрасном теле которого воплощена высшая красота (см.: Платон. Соч. В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 107)» (Лит. наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 372).

Я <А.В. Гольштейн > воспитывалась со своими братьями. — Из братьев А.В. Гольштейн выявлены сведения лишь о А.В. Баулере.

Отец — В.Я. Баулер.

Мою любовь ∼ жизни берега. — Строки стихотворения А.К. Толстого «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...».

Стр. — по-видимому, П.Б. Струве; 9 (22) сент. 1904 он писал из Парижа своей жене Н.А. Струве о намерении привлечь «к нам на помощь» Волошина (РГАСПИ, ф. 302, оп. 1, ед. хр. 38, л. 466).

Вечером у Моно. — Э. Моно, внук А.И. Герцена, жил в Версале.

2 октября.

Café Riche — кафе на Итальянском бульваре, дом 16.

Заглавие «Tête Incognue». ∞ *Героиня* ∞ *«Иродиада» Малларме.*

Б<альмо>нт, конечно. — Вероятно, здесь идет речь о неосуществленном замысле Волошина с перечислением возможных прототипов героев предполагаемого произведения: Кассандра (греч. миф.) — дочь троянского царя Приама и Гекубы, пророчица; О.С. Муромцева, М.В. Сабашникова, Е.К. Цветковская; героиня драматической поэмы С. Малларме «Иродиада» — внучка иудейского царя Ирода Великого; К.Д. Бальмонт. Заголовок «Tête Incognue» (голова неизвестной, фр.) уже был использован Волошиным для стихотворения (см. наст. изд., т. 2, с. 392), написанного в янв. 1904 после того, как он увидел одноименный бюст работы Ф. Лаураны (выставлен в Лувре). Слепок с этого бюста позднее был приобретен поэтом. В недатированном письме к М.В. Сабашниковой (по контексту — 9 авг. 1904) он сообщал о намерении издать книгу своих стихов под названием «Годы странствий», где «на первой странице была бы “Tête Incognue”, а на последней — голова Родоновского Дьявола» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107, л. 2). Эта идея не была осуществлена.

Пл. и Кр. — одна фигура. — Э. Фрике-Полер и Е.С. Кругликова отличались худобой и угловатостью черт.

5 октября.

...переехал в № 9... — Т. е. в дом 9 по улице Кампань-Премьер.

6 октября.

Семен<ов>: Я попал в первый раз в Париж... — Рассказ самого М.Н. Семенова об этом эпизоде содержится в его мемуарах «На бездорожье: Воспоминания молодости» (см.: Русская Мысль. Париж, 1950. № 206—253). См. также их итальянскую версию: Semenov M.N. Vasso e Sirene: Memorie... Roma: De Carlo, 1950. P. 61—68. (Сообщено Н.В. Котрелевым.)

10 октября.

История смерти Елиз<аветы> Дьяконовой. — Е.А. Дьяконова покончила с собой в горах Тироля.

...жены Балтр<ушайтиса>. — М.И. Балтрушайтис.

13 ноября.

Суббота. — В нояб. 1904 суббота приходилась на 12-е число.

Вечер у Бенедитта. — Скорее всего, имеется в виду Ж. Бенедит.

«Ганнетон». — Видимо, какой-то притон (кафе) для гомосексуалистов.

Пятница. — Т. е. 11 ноября.

<15 ноября>.

(?) *14 ноября. Вторник.* — Сомнения Волошина в числе оправданы — в 1904 этот ноябрьский вторник приходился на 15-е.

Письмо от Суворина ∼ *я недоволен Б<агницким>* ∼ *остаться париж<ским> корреспондентом.* — Изложение письма А.А. Суворина к Волошину от 29 окт. 1904; соответствующий его фрагмент опубликован: Лит. наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 352. Речь идет о сотрудничестве Волошина в газете «Русь».

У Слевинского ∼ *скромность великого мастера.* — Вскоре (Весы. 1904. № 12) появится статья Волошина «Письмо из Парижа: (Осенний салон. Слевинский. Морис Дени)» с высокой оценкой творчества художника.

16 ноя<бря>.

Обед у Шукина. — Волошин познакомился с С.И. Шукиным весной 1901 через А.Г. Коренева.

17 ноября.

Moulin de la Galette — артистическое кафе на Монмартре.

«*Во мне пол ∼ В том обществе...*» — По-видимому, запись рассказа О.С. Муромцевой.

Письмо от Брюсова ∼ *корреспон<денции> в «Слове»...* — О предложении редакции газеты «Слово» Волошину быть парижским корреспондентом газеты («включая в обязанности и отчеты о политической жизни») В.Я. Брюсов написал 31 окт. (13 нояб.) 1904 (Лит. наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98: Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 351).

19 ноября.

Тр. — возможно, О.Н. Третьякова, подруга Е.С. Кругликовой.

21 декабря.

Москва. — Выехав в Россию около 7 (20) дек. 1904 сначала в Петербург (по приглашению А.И. Косоротова), Волошин приехал в Москву утром 21 дек.

...*меня зовут Адой Юшкевич* ∼ *я не родственница* <С.С. Юшкевича>... — А.А. Юшкевич была однофамилицей драматурга.

...*Вы привезли ∼ взятие Пор<т>->Артура.* — Оборона крепости Порт-Артур на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны

(начавшаяся 27 янв. 1904) завершилась капитуляцией русских войск 20 дек. 1904.

Вокруг Белого \curvearrowright *крабы* \curvearrowright *не читали его III-ей симфонии?* — Книга А. Белого «Возврат: Третья симфония» незадолго перед этим (середина нояб. 1904) вышла из печати в издательстве «Гриф» (Москва). Образ краба фигурирует в первой части этого произведения.

Я написал Белому (Бальдур и Локэ)... — Стихотворение «Бальдур Локи» было послано Брюсовым А. Белому в начале дек. 1904 и отражало напряженные отношения, сложившиеся в ту пору между поэтами. Брюсов выступил в нем от лица Локи, демонического героя скандинавских мифов, именуя А. Белого Бальдером (светлый юный бог, сын Одина). Белый ответил стихотворением «Старинному врагу». (См.: Лит. наследство. М.: Наука. 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 336–337).

Да, Мекс<ика> может спасти его <Бальмонта>. — Волошину уже было известно о предстоящем отъезде К.Д. Бальмонта из России из письма М.В. Сабашниковой (5 дек. 1904): «Бальмонт едет в Мексику, но это тайна!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1058, л. 55 об.)

24 декабря.

Воейковы. — По-видимому, Е.П. и В.В. Воейковы.

Он <А. Белый>, кажется, в раскаянии. Он снова написал С.А. письмо. — Речь идет о письмах А. Белого С.А. Полякову — от 21 дек. 1904 и следующем за ним. В первом Белый указывал, что Брюсов «держал себя» по отношению к нему «более чем возмутительно», а во втором действительно раскаивался: «Всё, что я писал Вам, — неправда, неправда, неправда. Я исступленный, нервный, измученный человек, мне самому больно, а я другим делаю больно. За что, за что я так отнесся к Бальмонту и Брюсову? Ведь я их люблю» (цит. по: *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое лит. обозрение, 1995. С. 177).

27 <декабря>.

Запись Волошина дает нам дату отъезда Бальмонта из Москвы, но в дневнике она неверно проставлена так: «27 января 1905 года», что повлекло ошибки в датировке этого события у современных исследователей (см.: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2001. С. 184). Между тем записи Волошина сделаны в тетради последовательно, и следующая, от 29 дек. 1904 (год проставлен!), сначала также имела месяцем «янв.», затем зачеркнутый. Далее идут 31 дек., 2 янв. и т. д. Ср.: «27 декабря К.Д. Бальмонт выехал из Москвы в Мексику» (Весы. 1905. № 1. С. 81, раздел «Мелочи»).

Отъезд Бальмонта. — К.Д. Бальмонт уезжал из России в Мексику через Гамбург и Париж (где к нему присоединилась Е.К. Цветковская).

Гриф — прозвище С.А. Соколова (С. Кречетова).

Валерий ∼ *подождемте расходиться* ∼ *кончился целый период* ∼ *Бальмонт десять лет полновластно царил в литературе* ∼ *он сам отрекся от царства...* — О том же вскоре В.Я. Брюсов напишет П.П. Перцову: «Десять лет он <Бальмонт> царил полновластно в нашей поэзии. Но теперь жезл выпал из его рук. Мы далеко ушли вперед, он остался на одном месте. Может быть, он великан среди нас (как поэт, по непосредственному дару), но он в прошлом» (цит. по комментарию М.И. Дикман в кн.: *Брюсов В.Я.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 743).

Скорпион. — Здесь имеется в виду С.А. Поляков; см. также с. 410 наст. тома.

Большой Московский — трактир на Воскресенской площади.

29 декабря 1904.

Козловак — так в «Северной симфонии» А. Белого именуется колдовской танец; здесь же подразумевается фавн — получеловек-полукозел.

...малые Орловы... — У А. Белого эта фамилия, возможно, ассоциировалась здесь с фамилией персонажа его третьей симфонии «Возврат» — психиатра Орлова.

Параklet (утешитель, греч.) — в Евангелии св. Иоанна именовании Св. Духа.

31 декабря 1904.

Против Константина ∼ *после его лекции...* — Имеется в виду лекция К.Д. Бальмонта «Поэзия стихий», прочитанная в аудитории Исторического музея 18 дек. 1904 (Русские Ведомости. 1904. 18 дек. № 351; Вesy. 1905. № 1. С. 81).

1905

3 января.

У Серединых. — По-видимому, в семье А.В. Середина; его московский адрес в 1903 — 1-й Зачатьевский пер., дом Алексеевых (адрес записан у Волошина).

7 января.

У ∼ *Мамонтова за Бутырской заст<авой>.* — С.И. Мамонтов жил там в доме, купленном на имя его дочери.

9 января.

Свои записи о событиях этого дня Волошин позднее использовал в статье «La semaine sanglante à Saint-Petersbourg: Récit d'un témoin» («Кровавая неделя в Санкт-Петербурге: Записки очевидца»), напечатанной на французском языке (L'Еигорсеп. 1905. 11 févr. № 167).

Три солнца. — Речь идет об оптическом явлении «ложных солнц», возникающем вследствие преломления и отражения света в ледяных кристалликах в атмосфере: яркие радужные пятна слева и справа от Солнца. Помимо Волошина, это редкое явление в день Кровавого воскресенья отметила также Л.Я. Гуревич (*Гуревич Л.* 9-е января по данным «анкетной комиссии». СПб.: О.Н. Попова, 1906. С. 32).

В редакции. «Отец Гапон ранен... — По-видимому, имеется в виду редакция газеты «Русь» (наб. Мойки, 32). Г.А. Гапон, стоявший во главе «Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга», подготовившего шествие к Николаю II, возглавлял его 9 янв. 1905. Слух о его ранении (или гибели) был ложным (ср.: Гапон. С. 105).

У Розанова. — В.В. Розанов жил тогда по адресу: Б. Казачий пер., д. 4.

...раны новыми ружьями... — т. е. трехлинейными винтовками образца 1891 года, которыми тогда перевооружалась Российская армия.

Били стекла в Аничковом дворце. — В этом здании, где прошло детство будущего императора Николая II, была тогда резиденция его матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

10 января.

Письмо Гапона к Вольно-экономическому обществу. «Царь пал ~ и небесного». ~ *Вчера в Экон<омическом> общ<естве> Горь<кий>. ~ он мне дал письмо.* — Это письмо Г.А. Гапона было зачитано М. Горьким во второй половине дня 9 янв. 1905 на митинге интеллигенции, проходившем в помещении Вольного экономического общества — Забалканский просп., 3 (Летопись жизни и творчества М. Горького. М.: Изд. АН СССР, 1958. Т. 1. С. 504; см. также: Гапон. С. 105). Слов, цитируемых Волошиным, в тексте письма (см.: Гапон. С. 104–105, 175) не было. Источник цитаты не выявлен.

Петиция: I ~ V... — Речь идет о документе, который рабочие собирались подать царю Николаю II (подробнее см.: *Шилов А.А.* К документальной истории истории петиции 9 января // Крас. летопись. 1925. № 2 (13). С. 19–36).

Фабричн. пун.<?> — Из петиции: «Необходимы <...> 1) Отмена института фабричных инспекторов; 2) Учреждение при заводах и

фабриках постоянных комиссий выборных от рабочих <...>. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии» (там же).

Вчера убито 465 ∪ *Подсчет рабо<чих>*. — По позднейшим данным, указываемым в советских исторических источниках, было убито и ранено около 4600 человек.

Вос<кресенье> вечер. — Т. е. вечер 9 янв. 1905.

В Алекс<андринском> театре. Студент крикнул. ∪ Спектакль прекратили. — В очерке З.Н. Гиппиус «Дмитрий Мережковский» упоминается не только сам этот эпизод, но его предыстория:

«Все были возмущены. Да и действительно: расстреливать безоружную толпу <...> мы решились, мы трое, я, Д.С. <Мережковский>, Д.В. <Философов>, да и Андрей Белый с нами, и еще какой-то малоизвестный, но очень энергичный студент (если не было их два) — отправиться прекращать спектакль в театре, в виде протеста, уже настоящей “демонстрации”). Сказано — сделано. Мы едем, конечно, в Александровский <так!> (императорский) театр. Расселись все в разных местах партера. Шла какая-то пьеса Островского <...>. “Протест” начали наши студенты, мы его поддержали, а за нами и большинство публики. Она стала выходить, и занавес спустили». (Цит. по: *Гиппиус З.Н. Живые лица: Воспоминания*. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 242–243).

Письмо ∪ Гапона к кн<язю> Свя<ятополк>-Мирскому. — Ниже целиком (но с разночтениями сравнительно с оригиналом документа; ср.: Гапон. С. 166) дается текст письма на имя министра внутренних дел Российской Империи П.Д. Святополк-Мирского, составленного Г.А. Гапоном утром 8 янв. 1905 и переданного одним из его сподвижников в возглавляемое князем министерство.

Пастырское послание к армии. — Далее (в близком к подлинному тексту документа пересказе; ср.: Гапон. С. 106) приводится подписанное священником воззвание к солдатам, распространенное в тот день в виде прокламации. Действительным автором этого воззвания был П.М. Рутенберг (см.: Гапон. С. 177).

4 апреля.

Париж. — Прибыв туда (вместе с матерью) около 20 янв. (2 февр.) 1905, Волошин поселился на улице Кампань-Премьер, д. 9. Одновременно в Париж приехала (вместе с А.Н. Ивановой) М.В. Сабашникова.

«Желая ∪ моего сына Валерия Брюсова»... — Очевидно, начало письма Я.К. Брюсова к Волошину.

...отель «*Порт-Магон*». — Гостиница «Port-Mahon» находилась в то время по адресу: rue de Port-Mahon, 9.

Жену жду с дочерью. — Т. е. М.А. Брюсову и одну из своих дочерей — Н.Я. Брюсову, Л.Я. Брюсову либо Е.Я. Брюсову.

«*La Closerie des Lilas*» — кафе на бульваре Монпарнас у Люксембургского сада, излюбленное место художников и литераторов.

Я стал рисовать молодого человека ∩ Я читал вашу статью в «Euoréen». — 5 (18) апр. 1905 Волошин писал матери: «Моя статья в “Euoréen” <т. е. в еженедельнике “L’Euoréen”> наделала шуму в Париже», — а нового знакомого назвал «французским критиком» (Из лит. наследия-3. С. 345).

Северин — псевдоним Н.И. Мердер.

5 мая.

Четверг. Первый четверг в мае 1905 г. приходился (по н. ст.) на 4-е число.

Пятница — завтрак ∩ предложение масонства. — Завтрак Волошина с М.М. Ковалевским, В.И. Немировичем-Данченко, А.В. Амфитеатовым и В.А. Маклаковым состоялся, видимо, в пятницу 28 апр. 1905. О принятии Волошина в масонскую ложу см. ниже (с. 201 и 203).

Собрание о Римском-Корсакове состоялось 29 апр. 1905 в кружке «Монпарнас» и имело целью выражения сочувствия Н.А. Римскому-Корсакову, уволенному из консерватории. *Пасха* в 1905 приходилась на 17 (30) апр.

Разговление у Давыд<енко>... — у Е.Н. Давиденко и Е.С. Кругликовой: 2 мая Б.Н. Матвеев писал матери из Парижа: «Компания Кругликовой Пасхальную ночь справляла сначала по-христиански, в церкви, а потом по-язычески, до утра» (РГАЛИ, ф. 801, оп. 1, ед. хр. 9). В этот же день Пасхи произошло знакомство Волошина с Э.-В. Харт.

...сидели товарищи ее <М.В. Сабашниковой> брата. — Речь идет о гимназических приятелях А.В. Сабашникова — А.Л. Любимове и, видимо, Пашине.

...конец «Русалки» ∩ сон княгини в воспоминаниях Зуева... — Эти мемуары о чтении А.С. Пушкиным окончания драмы «Русалка» были напечатаны в «Русском Архиве» (1897, № 3); тогда же вышли отдельной книгой. Текст «Русалки», якобы записанный мемуаристом (Д.П. Зуевым), оказался поддельным (см.: Подделка «Русалки» Пушкина: Сб. статей и заметок / Сост. А.С. Суворин. СПб.: А.С. Суворин, 1900). Упомянутый «сон», о котором пишет Волошин, должен был звучать для него обвинением в измене: весной 1905, живя по соседству с М.В. Сабашниковой, он всячески избегал встреч с нею.

...литературным достоянием, как и письмо из Парижа. — Имеется в виду стихотворение Волошина «Письмо», адресованное М.В. Сабашниковой. Ее возмутило, что поэт читает его посторонним. «Я его ненавижу за его ложь», — записала она в дневнике 18 апр. (1 мая) 1905 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 59 об.).

Samaritain, Самаритен — универсальный магазин у Луврской набережной.

...с *Степели*... — Имеется в виду подруга Е.С. Кругликовой (ее имя не установлено).

Люби каждое мгновение... — слова из стихотворения М. Шваба, открывающего его «Книгу Монеллы»; приведены Волошиным в статье «Золотой век: Картины Богаевского и танцы детей Айседоры» (Русь. 1908. 24 февр.); одна из его любимых мыслей.

9 мая.

...меня должны принять в другую ложу. — Волошин был принят 22 мая 1905 в отделение Великой Ложи Франции «Труд и истинные верные друзья» (Серков А.И. Русское масонство: 1731–2000. М.: РОССПЭН, 2001. С. 1219).

14 мая.

...гадкие, гадкие стихи... — Имеется в виду стихотворение Волошина «Таиах» (первоначальное название «Эпилог»), где, в частности, есть строки: «Я устал от лунной сказки, // Я устал не видеть дня, // Мне нужны земные ласки // Пламя алого огня» (наст. изд., т. 1, с. 58).

«*La Ruche*» (улей, фр.) — колония художников и скульпторов на левом берегу Сены, в конце улицы Данциг на Монпарнасе.

...*Bal de 4 ars*... (искаж. <Le> *Bal des Quat'Z'Arts*, бал четырех искусств, фр.) — ежегодный бал-маскарад, устраивавшийся парижскими художниками. Волошин описал такой бал в статьях «Весенний праздник тела и пляски: (Bal des Quat'z-arts)» (Русь. 1904. 22 апр. № 129) и «Письмо из Парижа: (Выставка примитивов. Национальный салон. Исадора Дёнкан. Bal des Quat'z-arts)» (Весы. 1904. № 5).

Потом к себе в Passy. — В этом районе Парижа (rue Octave Feuillet, 24) Волошин поселился в конце марта 1905 (Труды и дни. С. 133).

Письмо М. В. с еще и еще перечитывал его. — По-видимому, речь идет о письме М.В. Сабашниковой, которое было переписано Волошиным в тетрадь с «Историей моей души». В нем, в частности, говорилось: «Это я, а не Вы прокляты. <...> Есть черта, которую я не могу перейти. Вы на словах, я на деле. <...> Неужели я должна терять Вас. <...> Достаточно мне было Вас видеть, чтобы не быть грустной.

Видеть Вас каждый день... Но другое... Нет, нет! Я не могу. Я не могу быть с Вами и быть без Вас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 441, л. 96).

28 мая.

«Случай с <господи>ном Вальде<ма>ром». — Имеется в виду рассказ Э.-А. По «Two facts in the case of m. Valdemar» (заголовки по-русски — «Говорящий мертвец», «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром») с эпизодом, когда труп героя, сохранявшийся под действием гипноза, мгновенно распался после того, как чары были сняты.

Самый острый момент ∼ *перед отъездом в Париж...* — Имеется в виду отъезд Волошина из Москвы в нояб. 1903 (см. об этом с. 405).

14 июня.

«Будьте смиренны перед мгновением». — Трактровка мгновения «как магического кристалла, сквозь который мы можем увидеть весь мир в его целом», восходит к М. Швобу. В статье «Париж и война: Русский балет» Волошин позднее формулировал: «Будь правдив во мгновении, потому что правда, которая длится, становится ложью» (Биржевые Ведомости. 1916. 25 февр. № 15405. Веч. вып.). В письме к М.В. Сабашниковой от 17 апр. 1907 находим такое признание: «Мой грех я знаю — это грех перед мгновением. Раньше его не было, раньше я никогда не думал о завтрашнем дне, а теперь начал» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 113, л. 2).

...я боюсь ∼ причинить другому боль. — Позднее Волошин декларировал в стихотворении «Отроком строгим бродил я...» (1911): «А если я причинял боль, // То потому только, // Что жалостлив был в те мгновенья, // Когда надо быть жестоким» (наст. изд., т. 1, с. 154).

19 июня.

Я воскрес. ∼ *А. Р. М.* — А.Р. Миншлова. Волошин познакомился с ней в нояб. 1903 в Москве.

Анни Безант. ∼ «Мы спрашиваем себя ∼ изменила себе». — Конспект лекции А. Безант «Проблемы судьбы» в зале Географического общества 18 июня 1904, где Волошин и М.В. Сабашникова побывали по приглашению А.Р. Миншловой.

В Русской школе: Трачевский. — Докладу А.С. Трачевского о Великой французской революции, состоявшемуся в Русской высшей школе общественных наук (была основана в Париже осенью 1901 прежде всего для русских политэмигрантов), Волошин противопоставил выступление А. Безант в статье «Письмо из Парижа: <Анни Безант и “Русская школа”>» (Русь. 1905. 12 авг. № 186).

«Оск<ар> Уайльд ∼ уступить ему. — Афоризм, вложенный О. Уайльдом в уста персонажа романа «Портрет Дориана Грея» лорда Генри Уоттона (глава 2).

У славянской расы ∼ должна выйти шестая. — Согласно теософскому учению, человек в своем развитии прошел через несколько рас (и подрас), из которых третья — Лемурийская, четвертая — Атлантическая, пятая — Арийская.

Предсказания Сведенборга о России. — Какие именно пророчества Э. Сведенборга имеются здесь в виду, не выявлено.

Сатанисты и Офиты... — Сатанисты — последователи религиозного учения манихеев, проповедовавшие изначальность и непроборимость Зла в мире и на этом основании поклоняющиеся Сатане. Офиты — гностическая секта (I—II вв.), члены которой чтили библейского Змея как верховное существо. Кого именно подразумевает здесь Волошин под сатанистами и офитами, неясно.

...около Пантеона. — Т. е. у храма на холме Св. Женевьевы (86 м) на левом берегу Сены против Люксембургского сада. Пантеон построен в 1755—1789 на месте захоронения св. Женевьевы, покровительницы Парижа; по решению Учредительного собрания избран местом погребения великих людей Франции.

21 июня.

...мне ∼ понятна «Виктория»... — Т. е. роман К. Гамсуна; см. также запись от 28 сент. 1904.

...соединяет меня с Россией ∼ Достоевский. — По свидетельству Волошина, он начал читать произведения Ф. М. Достоевского «лет с семи» («Книга о русских поэтах последнего десятилетия». М.; СПб., [1909]. С. 365). (См.: Купченко В. Ф. Достоевский и М. Волошин // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука. 1988. Вып. 8. С. 203—217).

23 июня.

Багатель — дворец, построенный графом д'Артуа в Булонском лесу в 1777 на пари с Марией-Антуанеттой за два месяца. В начале XX в. использовался для художественных выставок.

Фотография. Обед в Сюрене. Как ∼ год назад. — Весной 1905 Волошин приобрел фотокамеру «Кодак» и весь год увлеченно фотографировал (в музее ИРЛИ хранится свыше 700 его негативов). Обед компанией состоялся в Сюрене 20 июня 1904 (см. с. 155, 408 наст. тома).

Какие стихи мне написать? — *Résignation*... — Стихотворение под таким названием Волошин напишет несколько дней спустя (см. запись от 26 июня, а также наст. изд., т. I, с. 455).

...неужели Вы этого не замечаете? — Отношение Е.С. Кругликовой к Волошину давало окружающим повод говорить о ее влюбленности в него (см. также запись от 26 июня).

24 июня.

...завтрак у Ледюк. — Т. е. в ресторане «Le Duc» (современный адрес: Париж, бульвар Распай, 243).

Иду в № 123. — В этом доме по бульвару Монпарнас, в пансионе m-me Jeanne, жила М.В. Сабашникова.

Crédit Lyonnais (Лионский кредит) — банк, имевший отделения в городах не только Франции, но и России.

...я \sphericalangle оказываюсь гофмановским манекеном. — Аллюзия на образ человека-автомата, не раз возникавший в произведениях Э.-Т.-А. Гофмана (в частности, в его повести «Песочный человек»).

Иодели, йодли, йодлер — жанр народных песен у альпийских горцев.

В чистом безветрии \sphericalangle детской души. — Неточная цитата из поэмы К.К. Случевского «Элоа» (см. с. 408); третья и четвертая строки в оригинале: «Ярче их, лучше их // В Божьей тиши // Грезы неведенья // Чистой души!»

...на спиритическом сеансе у Ланга \sphericalangle занимались каждый день. — О занятиях В.Я. Брюсова и его приятеля А.А. Ланга спиритизмом подробнее см.: Богомолов Н.А. Русская литература XX века и оккультизм. М.: Новое лит. обозрение, 1999. С. 281–284.

И лебедь \sphericalangle белой скуки. — Вторая строфа стихотворения С. Малларме «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...» в переводе Волошина, озаглавившего его «Лебедь» (лето 1904).

26 июня.

И в первый раз \sphericalangle согретую тобой. — Финальная строфа стихотворения Волошина «В зеленых сумерках дрожа и вырастая...» (июнь 1905), первоначально носившем название «Résignation» (см. запись от 23 июня 1905, а также наст. изд., т. 1, с. 455).

...как она приехала в Цюрих и что она делает. — Отъезд М.В. Сабашниковой в Цюрих был вызван настоянием родителей, предложивших ей присматривать за младшим братом, который обучался там.

Собачье кладбище (точнее, кладбище домашних животных) находится на одном из островов Сены. Описано Волошиным в статье «В Париже: <О кладбище животных>» (Русь. 1905. 10 сент. № 215).

Надписи. (Анатол<ь> Фр<анс> — кладбище Миррины). — Скорее всего, помета в скобках имеет отношение к увиденному на кладбище. Фамилия А. Франса, возможно, связана с упоминанием на каком-то из надгробий клички Рике, которая была и у пса, ставшего персонажем ряда произведений писателя (см. с. 409). Имя Миррины

могло возникнуть здесь по ассоциации с «лекифом Миррины» — названием одного из залов Национального археологического музея в Афинах (путешествуя по Европе, Волошин побывал в этом музее 22 июля (4 авг.) 1900; о его общем впечатлении от этого посещения см. с. 106). Свое название музейный зал получил по наиболее важному его экспонату — античному сосуду погребального обихода (лекифу), украшенному рельефом с изображением молодой женщины Миррины, которую Гермес уводит в царство Аида.

...относительно Аничкова и его видов на «Русь». — Предполагалось, что Е.В. Аничков будет писать в «Русь» корреспонденции из Парижа.

...Шер<вашидзе> ∪ статьи о Сезанне... — Статья А.К. Шервашидзе «Сезанн» была опубликована в журнале «Искусство» (1905. № 4. С. 59–63).

...я не был на Общ<ем> собр<ании>? — Речь идет о собрании кружка «Монпарнас».

Я бы хотел ехать в Далмацию один. — О своем намерении отправиться «на велосипеде через Ломбардию в Далмацию» (по совету А.В. Амфитеатрова) Волошин писал А.М. Петровой еще 27 мая (9 июня) 1905 (Из лит. наследия-1. С. 171). Это путешествие не состоялось.

...вторник «об Оскаре Уайльде»... — Это мероприятие, докладчиком на котором был К.Д. Бальмонт, состоялось в Московском литературно-художественном кружке 18 нояб. 1903.

Вечер гувернанток из Достоевского... — Сцена из романа писателя «Бесы» (часть 3, главы I и 2).

Который говорил, зачем ∪ Уайльд взял в герои ∪ убийцу. — Имеется в виду С.В. Яблоновский, чей протест был вызван «Балладой Редингской тюрьмы» О. Уайльда, переведенной К.Д. Бальмонтом.

...читал ∪ бесконечное стихотворение об жирондистах. — Возможно, речь идет о стихотворении Н.М. Минского «Казнь жирондиста» (см. текст произведения и примечания к нему С.В. Сапожкова в кн.: Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2005. С. 108–110, 333–335). Однако приводимых затем Волошиным стихотворных строк («И книга та была...» и т. д.) в тексте Минского нет. Их источник не установлен.

Тетя Катя — Е.А. Бальмонт.

...подобранны<й> Гоцеом ди Карильо ∪ рассказ о ∪ принцессе... — В книге Э. де Гомеса Карильо «Esquises. Siluetes de escritores. Oscar Wilde, etc.» (1892) этот сюжет излагается со слов О. Уайльда.

...Бальмонт прочел свое стихотворение против Михайловского. — О каком произведении поэта идет речь, неясно.

27 июня.

...вспоминаю фразы уничтоженных писем. — Письма М.В. Сабашниковой, цитаты из которых Волошин приводит ниже по памяти, были также зафиксированы и в ее собственном дневнике (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22, л. 63, 65).

...думаю об ∞ отделе стихотворений ∞ «Старые письма». — Стихотворение «Старые письма» было написано Волошиным летом 1904 (см. наст. изд., т. 1, с. 57); раздел же под таким названием (как в его первом сборнике «Стихотворения: 1900—1910», так и в последующих) осуществлен не был.

Разговор о м<исте>ре Хайд и д<окто>ре Джикле. — Аллюзия на содержание повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», посвященной теме двойничества человеческой души. Волошин имеет в виду свою любовную раздвоенность: чувство к М.В. Сабашниковой и тайную связь с В. Харт (см.: *Лавров А.* Стивенсон по-русски: Доктор Джекил и мистер Хайд на рубеже двух столетий // *Toronto Slavic Annual.* 2003. № 1. Р. 176—185).

28 июня.

...был у Семицветника в госпитале. — О ком идет речь, не установлено. Прозвище, вероятно, восходит к заглавию книги К.Д. Бальмонта «Только любовь: Семицветник».

29 июня.

О, сколько раз ∞ тенью одинокой. — Строки фрагмента монолога Иродиады из одноименной драматической поэмы С. Малларме в переводе Волошина («...О, зеркало, — холодная вода...»).

Целый день я писал стихи ∞ и послал. — Имеется в виду стихотворение Волошина «Мы заблудились в этом свете...» (см. наст. изд., т. 1, с. 61), открывающее его письмо к М.В. Сабашниковой от 16 (29) июня 1905 (Труды и дни. С. 138).

4 июля.

Закончил «Bouddhisme ésotérique» Синнета. — Эту книгу А.П. Синнета Волошин читал во французском переводе (Paris, 1901).

...«что ремени больше не будет». — Слова из «Откровения св. Иоанна» (X, 6). На эту тему Волошин написал цикл стихотворений «Когда время останавливается» (1903).

9 июля.

«Пускай м<исте>р Хайд появится». Он появился. — Волошин имеет в виду свое покаянное письмо к М.В. Сабашниковой о связи с В. Харт (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107, л. 43).

...*Расплескали мы ∩ вином.* — Строки из стихотворения Волошина «Если сердце горит и трепещет...» (8 июля 1905).

10 июля.

Свойство зеркальце имело ∩ умело. — Цитата из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина.

12 июля.

Велерабль — президент масонской ложи.

Бодэм — возможно, П. Боден.

...*на Boissonade...* — Т. е. в ателье Е.С. Кругликовой на улице Буассонад, 17.

Только горе тому ∩ до дна. — Строки из стихотворения Волошина (вариант) «Если сердце горит и трепещет...».

18 июля.

Приехала А<нна> Р<удольфовна>. — А.Р. Минцлова вернулась в Париж из Лондона, где присутствовала на Теософском конгрессе.

Gare St. Lazare — вокзал Сен Лазар, сооруженный в 1843 между улицами Рима и Амстердама.

Тамплиеры (или храмовники) — члены средневекового духовно-рыцарского католического ордена, возникшего в Иерусалиме (XII в.); уничтожен Филиппом IV Красивым в начале XIV в.

...*на ее <церкви (соборе) Notre Dame > месте был храм Изиды.* — Культ богини плодородия, воды и ветра Исиды был распространен за пределы Египта в эпоху эллинизма; в Галлию его принесли римляне. Однако французские историки обычно считали, что храм в честь Исиды находился на месте аббатства Сен Жермен де Пре (см.: Bauval Robert G. The Isis of Paris. 2002. — <http://www.robertbauval.com/articles/isisofparis.html>).

Около Autiel. — Об Autiel (до 1860 бывшем деревней под Парижем) см. с 406.

...*«Неведомому Богу»...* — Новозаветное выражение (см. Деяния св. Апостолов. XVII, 23).

Геката (греч. миф.) — трехликая богиня мрака, ночных видений и колдовства, с пылающим факелом в руке и змеями в волосах, бродящая ночами среди могил.

19 июля.

«Я благодарю ∩ живой источник». — Из письма М.В. Сабашниковой к Волошину из Цюриха от 17 июля 1905 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1059, л. 11 об.).

Слова Сольвейг: «Ты ∞ в песню». — Цитата из пятого действия драматической поэмы Г. Ибсена «Пер Гюнт».

Мастаба — зал в Лувре, посвященный древнеегипетскому искусству.

Три фигуры идущие. — В недатированном письме к М.В. Сабашниковой Волошин описал их: «Это два мужчины и одна женщина. Они идут быстро, но спокойно. Их глаза смотрят так далеко, как в этой жизни не смотрят глаза людей. Они идут в загробной жизни по неизмеримой покатою равнине и видят где-то свет...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106, л. 15).

Гробница. — «Это гробница — внутренность гробницы, покрытая барельефами», — писал Волошин М.В. Сабашниковой 19 июля 1905 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 108, л. 7 об.).

...я читал «Елену Сен-Виктора». — Т. е. эссе П. де Сен-Виктора из его книги «Hommes et Dieux», посвященное спартанской царице, по греческой мифологии — прекраснейшей из женщин. Позднее Волошин перевел эту книгу, дав ей название «Боги и люди» (М.: М. и С. Сабашниковы, 1914).

20 июля.

Дарма, дхарма (санскр.) — одно из распространенных понятий индийской философии и религии, нравственный долг (путь) человека. Скульптуру «Дхарма» в музее Гиме Волошин позднее описал так: «Она изображена в виде странника, стоящего на облаке, с одним башмаком в руке, в черной страннической одежде, раздуваемой ветром времен, с пристальными, в упор, прямо в глаза глядящими глазами из черно-белого оникса, инкрустированного в черном дереве» (Волошин М. Верхарн: Судьба. Творчество. Переводы. М.: Творчество, 1919. С. 7).

«Магия». — В письме к М.В. Сабашниковой, написанном в ночь на 21 июля 1905, Волошин уточняет, что эта скульптура из музея Трокадеро — слепок фрагмента гробницы герцога Бретонского Франсуа II из Нантского собора работы М. Коломба.

А. Р. говорит о своем дяде (Compardon). — Известны два родных дяди А.Р. Минцловой, жившие в России: Ж.-П. Минцлов и Е.Р. Минцлов. Помета в скобках, возможно, означает, что один из этих ее родственников был чем-то похож на Кампардона — персонажа серии романов Э. Золя «Ругон-Маккары».

О старых книгах, библиотеках. — Собрание семейной библиотеки, начатое Р.И. Минцловым, дедом А.Р. Минцловой, продолжил ее отец Рудольф Рудольфович, а затем ее брат Сергей Рудольфович. Последний издал «Опись книгохранилища С.Р. Минцлова» (СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1905).

21 июля.

...получила письмо от Ш. — Видимо, имеется в виду Р. Штейнер.

Вас никто не ласкал ∩ мало ласки... — А.Р. Минцлова была права (см. запись Волошина от 11 июня 1904). Позднее (11 сент. 1905) Волошин напишет М.В. Сабашниковой: «В самом раннем детстве я помню, как мама была ласкова со мной. Потом, с годами ученья <...>, встала стена вечного недовольства мной, вечных упреков в лени, в нежелании учиться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 109, л. 19).

23. 24 июля.

Руан. — Поездка с А.Р. Минцловой на два дня в этот город и осмотр его готического собора Нотр-Дам (1210–XVI в.) произвели сильнейшее впечатление на Волошина, став позднее основной стихотворного цикла «Руанский собор» (1907), посвященного А.Р. Минцловой.

Конец июля — Шартр. — В этом городе также есть готический собор Нотр-Дам (1194–1225) с витражами XII–XIII вв.

2 августа. 3 авг<уста>.

Страсбург ∩ «Пойдемте к собору». — М.В. Сабашникова приехала сюда для встречи с Волошиным из Цюриха. Собор XI–XVI вв. в Страсбурге (с недостроенной южной башней) — шедевр поздней готики.

Вечером Кольмар и Вагнер. — Имеется в виду, надо полагать, исполнение музыки Р. Вагнера в одном из общественных мест Кольмара.

5 ... 6 августа.

«Яко с на-ами Бог»... Она вспоминает слова литургии. — Точнее, слова из песнопения во время молебна в день Рождества Христова: «С нами Бог, разумеите, языцы, и покаряйтеся: яко с нами Бог».

7 (?) авг<уста>.

Воскресенье. — В 1905 это число приходилось на понедельник.

«La Voix de Silence» (в рус. пер. «Голос безмолвия») — книга-путеводитель по высшим ступеням мистического пути, — определил позднее Волошин в статье «О теософии». — Она составлена Е.П. Блаватской из указаний и правил, изустно передаваемых индусскими учителями своим ученикам» (Наука и религия. 1990. № 2. Публ. В.П. Купченко). См.: Голос безмолвия. — Семь врат. — Два Пути. Из сокровенных индусских писаний. Обнародована Еленой Петровной Блаватской / Пер. с англ. Е. П. [Калуга: Лотос, 1912].

М. К. — видимо, М.К. Гринвальд.

8 августа.

Понедельник. — В 1905 это число приходилось на вторник.

«*Вон на Ютли — два огонька. Точно Катины глазки...*» — В конце 1905 (письмо б. д.) Волошин написал Е.А. Бальмонт из Парижа: «Каждую минуту в Цюрихе и после я вспоминал Вас, думал о Вас. Каждый день смотрел на Ютли <гору над Цюрихом>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 6, л. 3). Сама Екатерина Алексеевна в комментарии к этому письму отметила: «Макс думал обо мне в Цюрихе, потому что там мы с Бальмонтом, много лет тому назад, тайно от всех решили соединить наши жизни, о чем я в свое время рассказала одному Максусу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 6, л. 5).

...*Аморя* ∪ *благоухающее имя.* — Аллюзия на название сказки Ф. Сологуба «Благоуханное имя»: см. его «Книгу сказок» (М.: Гриф, 1905). Ее герои — царица Маргарита и принц Максимилиан.

9 августа.

Вторник. — В 1905 это число приходилось на среду.

Пранунта — возможно, имеется в виду путунхуа: общественный китайский язык.

...*отец Дэзи Шевелевой.* — М.М. Шевелев.

Мои предки были кочевник<и>. — В роду Сабашниковых, золотопромышленников и купцов из Кяхты, была бурятская кровь.

Письмо Ан<ны> Руд<ольфовны>. — Речь идет о письме А.Р. Минцловой Волошину из Парижа от 7 авг. 1905 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 843, л. 5–7 об.).

Мне ∪ досталось ∪ Вы меня провожали. — Имеется в виду вечер 25 нояб. 1903, когда Волошин проводил М.В. Сабашникову домой после посещения С.И. Щукина, в половине третьего ночи. Выговор родителей: «Ты вешаешься на шею, ты бегаешь с ним по ночам, ты развратна», — она записала в дневник (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 21, л. 69 об.).

Мама — М.А. Сабашникова. *Папа* — В.М. Сабашников.

10 августа.

Среда. — В 1905 это число приходилось на четверг.

Я жду в Алкоголичке. — Судя по фразе из записи от 11 авг. 1905 («Мы идем обедать в Алкоголичку»), так здесь именуется одно из цюрихских кафе.

...*отрекаюсь от тебя... как Петр...* — Параллель с отречением апостола Петра от Христа (Марк, XIV, 66–72).

...*я записала: «Познакомилась с очень противным художником...* — Точно таких слов в дневнике М.В. Сабашниковой не выявлено. Здесь, возможно, контаминированы два места дневника. Первое —

из записи от 12 февр. 1903: «Вчера вечером мы с Катей, Бальмонтом и одним художником из Парижа Валушиным <так! — В.К.> пошли к Шукиным осматривать их коллекции картин» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 20, л. 112). Второе — из записи от 24 февр.: «Его <Волошина> огромная голова с огромной копной волос и длинной бородой, [курносый] нос и толстые щеки, толстый живот и очень маленькие руки и ноги, всё это вместе с фатоватым голосом его и бархатными невыразимыми <штанами> противны мне. Но его серые ясные глаза и какие-то редкие интонации сдвинутой радости мне нравятся» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 20, л. 120).

...одна из обезьян не совсем сошла с ума. — Ср. с изложением беседы Волошина и В.И. Иванова (запись от 9 авг. 1904) и с комментарием к ней (с. 160, 411).

Бог весть откуда ~ Иль феей... — Фрагмент монолога Раутенделейн из первого действия драмы Г. Гауптмана «Потонувший колокол» в переводе Е.В. Дегена (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 430, л. 2, копия рукой Волошина). Здесь процитировано по памяти.

Мы ~ читали «Голос молчания» <«La Voix de Silence»>. Отречение — это высшая степень желания. ~ «Нет ~ Я жить хочу... ~ разве я Майя?» — Здесь имеется в виду Майя (Майя) как понятие ведической философии, положения которой излагаются в «La Voix de Silence» (см. также комментарий к стихотворению Волошина «Гностический гимн Деве Марии» — наст. изд., т. 1, с. 463).

...в стихотворении Гейне ~ встречаются никса и леший. — Речь идет о стихотворении поэта «Встреча» (из книги «Новые стихотворения»). Никсы (или ундины) — духи вод (аналогия русским русалкам).

...человек с египетским лицом. — Д.И. Иловайский, друг П.П. Кончаловского.

Гусиное озеро (Кулун-нор) в Забайкалье — центр бурятского ламаизма. Собираясь ехать туда в 1903 (по пути в Китай), Волошин взял у знакомых рекомендации к бурятским религиозным деятелям. См. статью В. Купченко «В Забайкалье — через Париж» (Байкал. 1989. № 2. С. 143—144).

...я встретил ~ двух бурят ~ они ~ слышали обо мне от Ламы. — Имеется в виду А. Доржиев, с которым Волошин встречался в Париже в 1902.

11 августа.

...читает пушкинского «Пророка». — Далее приведены заключительные строки этого стихотворения.

...опрокинутые лица... — Образ восходит к словам одного из героев Ф.М. Достоевского (роман «Идиот», ч. 1, гл. IX): «Что это у вас такое опрокинутое лицо?» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. С. 87).

12 августа.

Богдановицина — имение Сабашниковых у станции Издешково (Смоленской губернии) по Московско-Брестской железной дороге, между Вязьмой и Смоленском.

13 август<а>.

...мне предложили *petit jeu* из «Идиота» ∞ позорный факт своей жизни. — В этом романе Ф.М. Достоевского (ч. 1, гл. XIII) один из его персонажей (Фердыщенко) предлагает такой вариант игры *petit jeu*: каждый рассказывает присутствующим о самом дурном своем поступке (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. С. 120 и сл.).

...заставили рассказать о моем падении (*Мирэ*)... — С этой дамой (наст. имя А.М. Моисеева) у Волошина была мимолетная связь весной 1902 (когда он был влюблен в М.Л. Ауэр).

1906 г.**20 январ<я>.**

Париж. Приехал Бальмонт. — Поэт приехал тогда из Москвы в Париж с женой, дочерью и Е.К. Цветковской; Волошин помогал им найти квартиру.

1907 г.**1 марта 1907.**

С этого дня дневниковые записи сделаны в новой тетради, в Москве, куда Волошин приехал из Петербурга, где он поселился с М.В. Сабашниковой (их свадьба состоялась 12 апр. 1906 в Москве) в окт. 1906. Постоянное общение с В.И. Ивановым, в квартиру которого они вскоре переселились, привело к влюбленности в него Сабашниковой, что всё больше тяготило Волошина.

...я <А.Р. Минцлова> пришла в больницу к Лидии Д<митриевне>... — В дек. 1906 — янв. 1907 Л.Д. Зиновьева-Аннибал находилась на стационарном лечении с воспалением легких и обострением варикозного расширения вен (см.: Зеленая Змея. С. 155—156).

Тут не Городецкий ∞ а *Аморя*. Она ей ∞ не понравилась при первой встрече. ∞ Но после это ∞ сменилось восхищением. — В июне—сент. 1908 С.М. Городецкий жил в квартире В.И. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал как участник экспериментального любовного сообщества из трех человек. М.В. Сабашникова впоследствии вспоминала об Ивановых: «У них была странная идея: когда двое так слились воедино, как они, оба могут любить третьего. <...> Такая любовь есть начало новой человеческой общины, даже церкви, в которой Эрос воплощается в плоть и кровь» (Зеленая Змея.

С. 161). После распада «тройственного союза» с С.М. Городецким (см. об этом также записи от 20 и 26 сент. 1907 и комментарии к ним) Ивановы предпринимают попытку создания аналогичного сообщества с участием М.В. Сабашниковой (см., например, запись от 7 марта 1907). В письме к В.К. Шварсалон от 24 марта 1907 Л.Д. Зиновьева-Аннибал пояснит складывающуюся ситуацию так: «Относительно Волошиных ты не совсем верно понимаешь. Вот наши отношения: с матерью Макса (помнишь, в шароварах) нам было тяжело, потому что это недоверчивый, уединенный человек с пустой душой и меланхолическим темпераментом. Мы больше жить вместе не станем. Макса мы и полюбили и, поняв до конца, высоко уважаем за его *совсем большую* и *совсем чистую* душу, несмотря на то, что на *поверхности* жизни он часто суетлив и почти мелочен. Он *очень* крупный человек. С Маргаритой мы соединились на жизнь. Она непонятно и невероятно близка нам обоим во всей своей глубине, и оба мы из влюбленности к ней перешли теперь в глубокую и непоколебимую любовь» (РГБ, ф. 109, карт. 24, ед. хр. 25, л. 17 об. — 18 об.; сообщено Н.А. Богомоловым).

Жена Вебера — М.В. Якунчикова.

Дж. — возможно, Н.Ф. Джунковский, который был влюблен в М.В. Сабашникову в 1899.

...возвращаюсь в Петер<бург> ∼ пугает мама ∼ не должна видеть. — Е.О. Кириенко-Волошина приехала в Петербург из Крыма 9 нояб. 1906.

«Вы пропустили в своей лекции ∼ голод ∼ Иуда — голод матери, а не пол». — Волошин ездил в Москву для чтения лекции «Пути Эроса» в Литературно-художественном кружке 27 февр. 1907; лекция имела успех скандала. Трактовка образа Иуды Искариота глубоко волновала Волошина. В Иуде, вслед за манихейями, он видел наиболее посвященного из апостолов Христа, а его «предательство» трактовал как «подвиг высшего смирения». См.: *Волошин М.* Евангелие от Иуды / Публ. В. Купченко // Наука и религия. 1992. № 2. С. 16–19.

...был у Рябушинского. «Знаете, эти портреты ∼ не подходят к моей коллекции...» — Речь идет о портретах М.А. Кузмина и А.М. Ремизова работы М.В. Сабашниковой, заказанных ей Н.П. Рябушинским и привезенных тому для демонстрации Волошиным. Из позднейшей автохарактеристики этих работ: «Я рисовала углем Ремизова — кутающегося в свой платок, с его висячими чертиками на заднем плане — в манере натуралистического гротеска; Кузмин стилизован под фаумский портрет. Оба рисунка в натуральную величину удались...» (Зеленая Змея. С. 157).

Богаевского вам оставляю. — Имеется в виду статья Волошина «К.Ф. Богаевский», вскоре опубликованная в «Золотом Руне» (1907. № 10).

...был у *Ольги Михайловны* ∼ *хотела убить себя* ∼ *после его смерти*. — Изложение разговора с О.М. Струковой, чей сын М.П. Свободин, товарищ Волошина по Московскому университету, покончил с собой 14 нояб. 1906 из-за несчастной любви.

...«*Бранда*» читаю ∼ *Неужели* ∼ *это идолопоклонство?*» — Речь идет об одноименной драматической поэме Г. Ибсена. Ее главный герой, пастор Бранд, запрещал своей жене хранить вещи их умершего маленького сына, считая это идолопоклонством (действие 4).

6 марта.

Это дитя мое возлюбленное. — Аллюзия на евангельское выражение «Сей есть сын мой возлюбленный» (Матфей. III, 17).

...<В.И. Иванов> *говорил* ∼ *о своей первой жене*... — Т. е. о Д.М. Дмитриевской.

Антиномия — противоречие между двумя положениями, каждое из которых логически доказуемо. Волошин еще в 1902 считал антиномии движущим началом развития человеческой личности (*Волошин М.* Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого / Публ. О.А. Бригадной. — РЛ. 1996. № 3. С. 135). В письме к М.В. Сабашниковой от 1 апр. <1907> Волошин отмечал: «Антиномия вообще ведь есть логическая истерика сознания, и потому принимай основные противоречия моих писем как высшую истину» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112, л. 37).

Кузмин читает ∼ «*Картонный домик*». — К этому времени повесть была еще не закончена. См. в дневнике М.А. Кузмина за этот день: «Читал свою повесть, кажется, не очень понравившуюся» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. СПб.,: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 329). Работа над ней была завершена 9 марта (см.: Там же. С. 330); опубликована: «Белые ночи: Петербургский альм.», СПб.: Вольная Типография, 1907 (вышел в июне 1907).

9 марта.

...*писал статью об «Драме жизни»*. — Имеется в виду пьеса К. Гамсуна, поставленная К.С. Станиславским в Московском Художественном театре (1907). Статья Волошина о ней неизвестна.

Орлишка — А.И. Орлова, знакомая Е.О. Кириенко-Волошиной; была много лет влюблена в Волошина.

«*Путь!! Путь!! Да, ты путь! Чертов путь!!*» — Эти слова восходят к положению из «La Voix de Silence» («Чтоб по пути идти, ты должен, о ученик, сам стать Путем самим»), которое в английском переводе Е.П. Блаватской сопровождается таким ее примечанием: «Этот Путь упоминается во всех мистических творениях. Кришна

говорит в Dhyanesvari: “Когда сей Путь осознан... движешься ли ты к рассвету востока или к покоем запада, о лукодержатель, странствие по этому Пути происходит без движения. На этом Пути, куда бы ты ни шел, этим местом становишься ты сам”. “Ты есть Путь”, — говорит Адепту Gugu <т. е. учителем>, и то же самое говорится ученику после посвящения. “Я есмь Путь...” — говорит другой Учитель» (Голос безмолвия и другие избранные отрывки из «Книги золотых правил» / Пер. и примеч. «Е. П. Б.» / Рус. пер. Таллинн: Книжный склад Г. Вальтера, 1923. С. 24, 93). Ср.: «Иисус сказал ему <Фоме>: Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоанн. XIV, 6).

10 марта.

Он <В.И. Иванов> сравнивал себя с Лиром... — т. е. с главным героем трагедии У. Шекспира «Король Лир».

...он Тантал. — В данном контексте это, вероятно, не столько непосредственная параллель с героем греческой мифологии, сколько аллюзия на содержание трагедии В.И. Иванова «Тантал».

Я пошел на вернисаж выставки «Нового общества <художников>»... — Это объединение петербургских (преимущественно) художников существовало с 1903 по 1917. О состоявшейся в те дни четвертой выставке картин «Нового общества художников» написал К. Сюннерберг (Золотое Руно. 1907. № 3. С. 72–73).

11 марта.

«Fiuoco spirituale» (духовный огонь, *ит.*) — выражение из книги «Цветочки Франциска Ассизского». М.В. Сабашникова писала: «Рассказ о том, как святой Франциск и святая Клара встретились в церкви Св. Ангела за трапезой, за которой “меньше ели, а больше беседовали о святых вещах”, как от этой беседы над всей той местностью разлился такой свет, что крестьяне Перуджии приняли его за зарево лесного пожара, и прибежали тушить, и увидели, что это духовный огонь, — этот рассказ произвел на меня глубокое впечатление. Он отвечал моему интимнейшему идеалу любви» (Зеленая Змея. С. 158).

12 сентября.

Полгода в Коктебеле... — Волошин приехал в Коктебель 24 апр. 1907 после фактического расхождения с М.В. Сабашниковой. Однако их отношения оставались дружественными, и 14 авг. та приехала в гости к Волошиным.

...мы вышли с Аморей ~ по развалинам города. — Развалины средневекового города с остатками нескольких храмов сохранились на плато Тепсень, в предгорьях Карадага.

...не понимаю психологии людей, которые не пишут... — В те дни М.В. Сабашникова находилась в ожидании ответа на свои письма от В.И. Иванова, которому написала (10 сент. 1907) так: «Хочу объяснить Твое молчание тем, что Тебе хорошо. <...> Ты измучил меня. <...> Писем от вас не было ни одного за весь месяц. М<ожет> б<ыть>, пропали?» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 9, л. 31 и 31об.; сообщено Н.А. Богомоловым).

...как я ездила туда. — М.В. Сабашникова по пути в Крым в начале авг. 1907 заезжала к В.И. Иванову и его жене в Загорье (Могилевской губ.) и пробыла там два дня.

15 сентября.

...я ∞ пошел в город. — Т. е. в Феодосию, за 20 верст от Коктебеля по шоссе. Впрочем, Волошин ходил туда напрямиком, через холмы Джан-Гутаран и Тепе-Оба, что сокращало дорогу вдвое.

...я пошел к Алекс<андре> Мих<айловне>. — А.М. Петрова жила на Дурантевской улице, недалеко от порта и железнодорожного вокзала Феодосии.

Стал говорить ∞ об ∞ искусстве плетения венков. — Статья на эту тему так и не была написана. К приезду М.В. Сабашниковой поэт украсил венками и цветами свой дом.

Ад. Гер<цык> писала на днях Аморе... — А.К. Герцык и ее сестра Е.К. Герцык имели в Судаче дом. Волошин познакомился с сестрами в дек. 1906 (у В.И. Иванова), а сдружился летом 1907. Письмо А.К. Герцык к М.В. Сабашниковой — от 14 сент. 1907 (Сестры Герцык. С. 175–176).

«Я уеду из Коктебеля ∞ или совсем не уеду». — Слова А.Н. Ивановой, у которой в тот год обострился процесс в легких.

18 сент<ября>.

...Вайолет сказала мне: «Ты знаешь, моя сестра пишет...» — В. Харт приехала в Коктебель еще 7 июля 1907. Ее сестра — Ж.-М. Харт.

20 сент<ября>.

...разговор о Москве и литературных ненавистях: Брюсове, Эллисе, Белом. — К 1907 году обострилось противостояние петербургских поэтов-символистов с московскими, породив, в частности, острую дискуссию по поводу брошюры Г.И. Чулкова «О мистическом анархизме» (СПб.: Факелы, 1906) с предисловием В.И. Иванова. Позднее (в письме к З.Н. Гиппиус от 26 сент. 1908) В.Я. Брюсов даст такую характеристику тому времени: «...обиды всех на всех и интриги всех против всех, вечная истерика Андрея Белого и вечный савонаролизм Эллина, ядовитая придурковатость Городецкого и бычачье себе на

уме Макса Волошина — всё это, и многое другое, образует такую систему зубчатых колес, после которой от души остаются лишь кровавые ключья» (Лит. наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 701—702).

Эллис ~ бывший на моей памяти поклонником Каткова ~ потом Озерова, Бодлера ~ искренен и страстен до конца. — Эллис был соучеником Волошина по юридическому факультету Московского университета. Материалы о нем (с упоминанием Волошина) см. в кн.: Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 287—407). Н. Валентинов, знавший Эллиса, позднее вспомнит о нем: «Он окончил Московский университет, специализируясь, сколь это ни странно для будущего символиста, на изучении экономических доктрин. Профессор И.Х. Озеров, очень ценя экономические познания Эллиса <...>, хотел оставить Эллиса при университете, но в один прекрасный день тот ему заявил, что всю экономическую премудрость, полученную им в университете, он считает «хламом» и ценит ее меньше, чем самое маленькое стихотворение Бодлера» (Валентинов Н. Два года с символистами / Предисл. и примеч. Г. Струве. М.: XXI век — Согласие, 2000. С. 242—243).

Мне хотелось бы написать о Брюсове макиавеллическую книгу... — Т. е. книгу по типу трактата итальянского писателя Н. Макиавелли «Государь», где допускалось использование правителем любых средств для достижения «великой цели». Намерение не было реализовано; о В.Я. Брюсове Волошин опубликовал две статьи (в цикле «Лики Творчества»): «Валерий Брюсов. «Пути и перепутья». Том I Собрания стихов» (Русь. 1907. 29 дек.) и «Город в поэзии Валерия Брюсова» (Русь. 1908. 22 янв.).

Эллис читал свои переводы Бодлера ~ не понимал ~ бодлеровского стиха. — Эти переводы составили книгу «Цветы зла» (М.: Заратустра, 1908). Подробнее см.: Богомолов Н.А. Из истории русского бодлерианства: Три заметки // Вестник истории, литературы и искусства. 2005. Кн. I.

Эллис правится Ан<не> Руд<ольфовне> искренностью и неудержимостью. — Позднее (в 1910) А.Р. Миншлова выскажется об Эллисе уже критически: «Эллис <изнемогает> под горячечными видениями зверей, чудовищ, демонов и т. д. — Он <...> умоляет о помощи — — не зная, что все они, эти чудовищные образы и лики, бросающиеся на него — это отражения его собственной ненависти, озлобления, обращенного к другим людям» (из ее письма к В.И. Иванову; цит. по: Богомолов Н.А. Русская литература XX века и оккультизм. М.: Новое лит. обозрение, 1999. С. 200).

...в каких отношениях Вяч. Ив<анов> и Городецкий? — Последний был объектом эротических экспериментов первого. См. об этом,

напр., дневниковую запись В.И. Иванова от 16 авг. 1906 (*Иванов В.* Собр. соч. [В 4 т.] Брюссель=Bruxelles: Foyer Oriental Chétien, 1974. Т. II. С. 753), его письмо к С. Городецкому от 11 дек. 1906 (публ. и примеч. В.П. Енишерлова) и статью публикатора этого письма «Вячеслав Иванов и Сергей Городецкий» (Наше наследие. 2001. № 56. С. 146–148).

Тот <В.Ф. Нувель> засмеялся ∼ Наша жизнь ∼ достаточно известна... — Под этими словами разумелись гомосексуальные (или бисексуальные) наклонности названных лиц.

...ставится ∼ ультиматум: Москва или Петербург? — Об этом противополжении (летом и осенью 1907) см.: *Богомолов Н.А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 1995. С. 193–200, 281–282.

Белый рассказывает, что Блок приезжал в Москву ∼ отрекался от Вячеслава. — Подробнее см.: *Белый Андрей.* О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997. С. 282–287; *Белый Андрей.* Между двух революций / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Худож. литература, 1990. С. 291–294.

...Мережковские ∼ в Париже вопили: мы паги! — Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус, встретившись с Р. Штейнером в Париже (на квартире Волошиных) в мае 1906, вступили с ним в полемику (см.: *Зеленая Змея.* С. 139; *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже // *Лица: Биограф. альм.* М.; СПб.: Феникс, 1992. [Вып.] I. С. 344–345).

...я получил от него <Брюсова> открытку: « ∼ принужден был послать Андрею Белому вызов на дуэль ∼ уклонился». — Это письмо Брюсова ныне неизвестно. Упомянутый «дуэльный» инцидент произошел 19–22 февр. 1905 в Москве. Переписку между Брюсовым и А. Белым по этому поводу см.: *Лит. наследство.* М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 381–383.

21 сент<ября>.

...пишучи Мар<гарите> Ал<ексеевне>. — Это письмо Волошина к М.А. Сабашниковой неизвестно.

За ужином разговор о Танееве. — А.Р. Минцлова, приятельствовавшая с В.И. Танеевым, заезжала к нему в Херсон по дороге в Крым.

...Белый читал ∼ поэму ∼ что в «Весах»... — Речь идет о «Панихиде» (Весы. 1907. № 6. С. 5–14).

Он диктовал ∼ мемуары о Салтыкове. — Согласно комментарию к первой публикации воспоминаний В.И. Танеева «Русский писатель М.Е. Салтыков (Езоп)», она была выполнена по черновому автографу (сб. «М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1957. С. 553–580, 810).

23 <сентября>.

Журнал о мифотворчестве колеблется. — О подробностях этого проекта М.В. Сабашникова писала Волошину (не ранее 5 апр. 1907): «...некая Гриневич, подруга Герцыков, хочет издавать журнал для распространения идей В<ячеслава>. Он будет во главе. Герцык редактором, вероятно. Это еще тайна. Рассчитывают очень на Тебя. “Мифотворчество”, “слово”, “архаизм” и фольклор, причащение древней мудрости и наше варварство. “Гуманизм” — вот его принцип. Новый гуманизм. Я поняла, что в этой задаче — задача всей эпохи — связать древнее темное сознание с новым грядущим ясно-видением. Связать России <так!> с древними культура<ми>, перешагнуть мешанскую культуру запада. <...> Не в журнале дело, а в В<ячеславе> <...> Этот журнал будет его воплощением» (цит. по: *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова: Статьи о рус. литературе, преимущественно о поэзии. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 339). Замысел так и не был реализован.

...были у Манасеин<ых>. — М.П. и Н.И. Манасеины имели в Коктебеле двухэтажную дачу.

Пирамида — одна из скал на Карадаге, изобилующем причудливыми скальными образованиями.

24 сент<ября>.

Астральное тело. — По теософским представлениям, человек, помимо физического, смертного, тела имеет еще несколько тел, в том числе астральное, проявляющееся в сфере эмоций и страстей.

25 сент<ября>.

Мой перевод Клоделя. — Имеется в виду оккультная драма «Отдых седьмого дня»; ее перевод был выполнен Володиным в 1907. Опубликовано В. Е. Багно (Из лит. наследия-2. С. 224–282).

26 сент<ября>.

Он <В.И. Иванов> мог прямо войти, минуя всю земную ступень. — А.Р. Миншлова имеет в виду путь мистического ученичества, на который она пыталась направить Иванова, стремясь сделать его «посвященным». Подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое лит. обозрение, 1999. С. 53–62; *Обатнин Г.* Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919) / Кафедра славистики Университета Хельсинки. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 37–44.

Он сломал Городецкого. — Из письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к В.К. Шварсалон (21 янв. 1907): «...наш долгий роман с Городецким, стойвший столько надежд и столько погрений <так!>, окончил-

ся печально. Он не вынес башни и уехал снова в свою мешанскую, мелочную, злую семью в Лесной» (РГБ, ф. 109, карт. 24, ед. хр. 25, л. 7—7 об.; сообщено Н.А. Богомоловым). См. также записи от 1 марта и 20 сент. 1907 и комментарии к ним.

«*Есть два прекрасных пола*», — сказал ∪ Вячеслав. — Ср. с дневниковой записью В.И. Иванова (13 июня 1906): «<Кузмин> в своем роде — пионер грядущего века, когда с ростом гомосексуальности не будет более безобразить и расшатывать человечество современная эстетика и этика полов, понимаемых как “мушины для женщин” и “женщины для мушин”, с пошлыми *appas*¹ женщин и эстетическим нигилизмом мужской брутальности, — эта эстетика дикарей и биологическая этика, ослепляющие каждого из “нормальных” людей на целую половину человечества и отсекающие целую половину его индивидуальности в пользу продолжения рода. Гомосексуальность неразрывно связана с гуманизмом; но как одностороннее начало, исключая гетеросексуальность, — оно же противоречит гуманизму, обращаясь по отношению к нему в *petitio principii*²» (*Иванов В.* Собр. соч. [В 4 т.]. Брюссель=Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. II. С. 750).

Соседство с Поварской... — На Поварской улице жили родители М.В. Сабашниковой.

27 сент<ября>.

...разговор о *Богаевском* ∪ *Куинджи*... — К.Ф. Богаевский (а также Н.К. Рерих, А.А. Рылов, Н.П. Химона) были учениками А.И. Куинджи.

...он <А.И. Куинджи> увозил своих учеников с собой в *Кикенеиз*... — Речь идет от крымской деревне, близ которой находилось имение А.И. Куинджи.

Аморя ∪ *училась писать*... — Учителями М.В. Сабашниковой были А.Е. Архипов и его ученик П.Н. Миронович (в Москве в 1896—1897), затем в Петербурге она занималась в мастерской И.Е. Репина (1899) и Е.Н. Званцевой (1900), где ее учителем был В.А. Серов.

29 сент<ября>.

Из тетраграммы он <В.И. Иванов> *понял лишь первую часть*... — Скорее всего, здесь имеется в виду тетраграмма как оккультное (каббалистическое) понятие. См.: *Леви Э.* Учение и ритуал высшей магии / Пер. А. Александрова. СПб., 1910. Т. 1 : Учение (гл. 4: Тетраграмма).

¹ Чары, прелести (*фр.*).

² Предвосхищение основания (*лат.*); логическая ошибка, заключающаяся в скрытом допущении недоказанной предпосылки для доказательства. (*Ред.*)

Бабушка — Н.Г. Глазер.

17 <октября>.

Смерть Лидии. — В этот день Л.Д. Зиновьева-Аннибал умерла от скарлатины.

23 ноября.

...в Москве. Я ехал, ничего не думая. ~ на Поварской ~ с Ан<ной> Руд<ольфовной>. — Из Феодосии, где остались М.В. Сабашникова и А.Н. Иванова, Волошин приехал 17 нояб. 1907 в Москву вместе с матерью, В. Харт и Е. Гофман. А.Р. Миншлова приехала туда немного раньше, возможно, в середине октября.

Я поехал к Герцык, где обедал с мамой и Вайолет. — Об этом событии см. также: Сёстры Герцык. С. 97.

...говорили с Аделью в ~ одной из комнат-раковин. — Это определение А.Герцык употребит через некоторое время в письме к мачехе (от 4 дек. 1907. — Сестры Герцык. С. 72).

Мы увидались ~ где стоял вагон с телом. — Имеется в виду тело Л.Д. Зиновьевой-Аннибал; сестры ездили из Москвы в Петербург на ее похороны.

«Христос родился» — слова Евангелия (Лука. II, 10—11).

«Мы две руки единого креста» — заключительная строка сонета В. Иванова «Любовь», впервые опубликованного в его книге «Кормчие звезды», а затем ставшего магистралом «Венка сонетов», созданного в память о Л.Д. Зиновьевой-Аннибал.

25 ноября.

Я лежу ~ в ~ кабинете Вас<илия> Мих<айловича> ~ на лед. — В доме В.М. Сабашникова на Поварской Волошин отлеживался, сильно подвернув накануне ногу.

«Палач стоит у дверей» — строка из стихотворения Г. Гейне «Рыцарь Олаф» в переводе Волошина (Русский Туркестан. Ташкент, 1900. 12 нояб.)

...Мефистофель ~ рассказывает... — Здесь наверняка подразумевается герой гётевского «Фауста».

26 ноября.

...Городецкий и его жена. — В то время С.М. Городецкий находился во внебрачной связи с дамой по имени Ольга; она родила ему двух дочерей.

Молоденькая поэтесса Любовь Столица ~ Рябушинский говорит ~ она «бальзаковского возраста»... — Данное здесь определение противоположно общепринятому — женщинами «бальзаковского возраста» обычно именуются те, кому уже за тридцать.

...я изучаю только с т а р ы х поэтов. Вот Валерия Брюсова. — Л. Столица «изучала» Брюсова не только как поэта: у них тогда был роман.

...альманах «На белом камне» ∼ «Паровозы Блока пахнут Пушкиным». — Речь идет об альманахе «Белый камень», выпущенном в Москве (1907). Среди его материалов — рецензия Н.Н. Русова на сборники товарищества писателей-реалистов «Знание» с выпадами против символистов. Последние единогласно сочли «Белый камень» «хулиганским» (см., например: [Брюсов В.] Всем сестрам по серьгам // Весы. 1908. № 1. С. 93–96; подпись: В. Бакулин).

...после утверждения всех условий с Рябушинским, Вячесл<ав>, узнав о редакцион<ном> анонсе без его ведома, пришел ∼ заявить о неконституционности его поведения... — Имеется в виду соглашение с Н.П. Рябушинским о том, что с № 1 (за 1908) В.И. Иванов становится редактором журнала «Золотое Руно». Иванов сформулировал (23 нояб. 1907) семь условий, на которых он принимает на себя эту обязанность. Второе из них гласило: «Редакция не делает никаких заявлений (разумея под последними и журнальные или газетные объявления) без моего согласия на выработанную ею форму и на содержание этих заявлений или объявлений» (ИРЛИ, ф. 94, ед. хр. 70; сообщено Н.А. Богомоловым). Нарушение этого условия Рябушинским повлекло за собой демарш Иванова, а затем и расторжение уже было достигнутого соглашения между ними.

27 ноября.

...прочел ∼ «Откровения детских игр»... — Речь идет о статье Волошина (Золотое Руно. 1907. № 11–12).

Сестра Саша — А.А. Андреева.

<1908>

11 апреля.

Запись сделана в Петербурге, куда Волошин приехал из Москвы 6 дек. 1907, после свидания с М.В. Сабашниковой (вернувшись в Москву из Крыма около 1 дек., она 11 дек. 1907 выехала с А.Н. Ивановой за границу).

«Девочка» (также «Веселая девочка») — прозвище М.К. Гринвальд.

Чтение моего фельетона «Похвала моралистам». — Он был напечатан в газете «Русь» (9 апр. 1908).

Люцифер («утренняя звезда», лат.) — одно из христианских обозначений Сатаны: ангела, восставшего против Бога и низринут-

того с небес. В.И. Иванов противопоставлял Люциферу, как «духу возмущения» и обожествленной личной воле, другое сатанинское начало — Аримана, духа разложения.

«*Семя главы сотрет главу змея*» — видимо, выражение В.И. Иванова. Речь идет об Иисусе Христе, который попрал, отменил перво-родный грех, совершенный по наущению змея.

18 апреля.

Утром стучит Вайолет. «Ты счастлива?» — Речь идет о замужестве В. Харт. Ее муж В.Я. Полуниин, узнавший о бывшей связи своей жены с Волошиным от нее самой, и в последующие годы продолжал испытывать жестокую ревность к поэту. Так, в начале 1914 г. Полуниин потребовал от Волошина «прекратить <...> корреспонденцию» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 987, л. 1).

Я только теперь поняла ее <А.Р. Миншлову>. ~ *Женя свела меня. По той лестнице, что ведет с неба на землю.* — Этот рассказ, вероятнее всего, принадлежащий А.К. Герцык, заканчивается аллюзией на библейскую Лествицу Иакова (см.: Книга Исхода. XXVIII, 10–17).

Лиля Дмитриева. ~ Вторник двадцать второго. — Эта недатированная запись, предшествующая записи от 26 апр. 1908, была, очевидно, сделана в один из трех дней — 23, 24 или 25 апр. 1908.

26 апр<еля>.

Ты говорил ~ об Иуде... — Волошин был увлечен манихейской идеей о том, что предательство Иуды было необходимо для подвига самопожертвования Христа (см. также коммент. к записи от 1 марта 1907).

Читала ваши книги ~ пойду по этому пути. — Имеются в виду книги, полученные от Волошина для чтения (скорее всего, по теософии).

...мой брат... — В.С. Позняков.

«Квисисана» — петербургский ресторан (Невский пр., 46).

...ухел с Коломийцевым слушать его перевод «Тристана и Изольды». — Речь идет об экзиритмическом переводе либретто оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда», выполненном В.П. Коломийцевым.

...вечер у Одиноких. — Имеется в виду «Содружество одиноких», инициаторы которого, курсистка М. Либерсон и слесарь А.С. Андреев, провозгласили борьбу с одиночеством. См. об этой встрече: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 152–153.

4 мая.

Сестра умерла ∞ *У мамы явилась мания преследования.* — Речь идет о А.И. Дмитриевой и Е.К. Дмитриевой.

Драма Блока. — «Песня судьбы»; Волошин присутствовал на авторском чтении пьесы на квартире Г. Чулкова 4 мая 1908.

...письмо от Ньюши. — В этом письме А.Н. Иванова предложила Волошину взаймы деньги для его отъезда за границу (Труды и дни. С. 203).

8 июня.

Париж. — Приехав в Париж 30 мая 1908, Волошин сначала остановился у К.Д. и Е.А. Бальмонтов на rue de la Tour, 60 (в Пасси), лишь в начале июля переехав в собственное ателье (rue Bouvard, 35).

Он <Р. Гиль> рассказывает о Вилье де Лиль-Адана ∞ *швырнул бумаги.* — Эпизоды этого рассказа (в частности, о претензиях Вилье на греческий престол) нашли отражение в статье Волошина «Апофеоз мечты: (Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни)», посвященной жизни и творчеству писателя (см. наст. изд., т. 3, с. 7–40).

Пентаграмма (также — звезда (печать) Соломона) — пятиугольная звезда, магический знак древних магических учений, один из важных масонских символов.

12 июня.

Вечером ∞ *у Гольштейн.* — А.В. Гольштейн с мужем жили на rue de la Tour, 75.

21 ноября.

Алекс. Вас. <Гольштейн> рассказывает историю женитьбы Вальдора. — Эта история (ее изложение со слов Волошина см. также: *Эренбург И.* Собр. соч. В 9 т. М.: Худож. литература, 1966. Т. 8: Люди, годы, жизнь. Кн. 1, 2, 3. С. 108) началась в России, куда Вальдор (А. Мерсеро) приехал по рекомендации А.В. Гольштейн. Н.П. Рябушинский привлек его к работе в журнале «Золотое Руно», где тот переводил русские тексты на французский язык. (Со второй половины 1906 г. параллельные французские тексты были в журнале отменены).

Abbaye (Аббатство) — объединение французских писателей, возникшее осенью 1906 в заброшенном монастыре местечка Кретеи под Парижем. При общегитии была устроена типография; жили коммуной.

5 декабря.

Вячеслав... Судак ~ А. Герцык ~ человек, бывший в горне катастрофы... — Тем не менее пребывание В.И. Иванова в Судак (летом 1908), о котором здесь идет речь, в воспоминаниях Е.К. Герцык будет описано уже в спокойных тонах: «...нынче взгляд его обращен только вовнутрь. Ходит и ходит Вяч. Иванов по тесной своей комнате, по балкону <...> выхаживает свое, новое мирозерцание» (*Герцык Е.* Воспоминания / Сост., вступ. статья и коммент. Т.Н. Жуковской. М.: Моск. рабочий, 1996. С. 125).

1909

2 января.

...письмо мамы о смерти бабушки. — Н.Г. Глазер умерла в Коктебеле 13 дек. 1908. Е.О. Кириенко-Волошина сразу же написала об этом сыну (Труды и дни. С. 214). Похороны состоялись на следующий день.

«Эт о совершилось два дня назад. ~ в своих руках». — Свадьба А.К. Герцык с Д.Е. Жуковским состоялась еще 23 (10) дек. 1908, и Волошин был на ней шафером (Сестры Герцык. С. 80). Здесь речь идет о физическом сближении новобрачных.

19 января.

...был у Бабаян. — Речь идет о сестрах А. и М. Бабаян, которые были членами кружка «Монпарнас».

3 февраля.

...в последний день января приехал в Берлин. — Это произошло 31 (18) янв. 1909 (в дневнике Волошина ошибочно написано: «в последний день февраля»). Он прибыл туда для свидания с М.В. Сабашниковой и поселился в том же пансионе (на Мотштрассе, 72), где жила она.

16 марта.

Запись сделана в Петербурге, куда Волошин приехал из Берлина около 27 янв. (ст. ст.) 1909, остановившись (Глазовская ул., 15) у А.Н. и С.И. Толстых, с которыми подружился в 1908 в Париже.

Головин ~ мы говорили, ходя по его мастерской... — Художник имел просторную мастерскую под крышей Мариинского театра.

Айя-София — византийский храм Св. Софии в Константинополе (532–537), в XVI в. превращенный турками в мечеть.

Мы говорим о проекте балета «Одиссей». — Из контекста явствует, что речь шла о некоем замысле, в реализации которого предполагалось участие Волошина. Реализован этот проект не был.

18 марта.

Майя — М.М. Звягина, *Володя* — ее муж (поначалу фиктивный) В.О. Лихтенштадт. Он был арестован в 1905, а в 1907 приговорен к смертной казни, отсроченной благодаря хлопотам его матери.

«*Les Paradis Artificiels*» («Искусственные раи», 1860) — трактат Ш. Бодлера о наркотиках. В русском переводе В. Лихтенштадта книга вышла под названием «Искания рая» ([СПб.: Сириус], 1908).

«*Вена*» — ресторан на Малой Морской (д. 13), популярный среди литераторов Петербурга.

Волборгская сторона — рабочий район в северо-восточной части Петербурга (на правом берегу Невы и Большой Невки).

14 июня.

Коктебель. — Волошин приехал в Коктебель из Петербурга через Москву в середине апр. 1909.

...*после приезда Толстых...* — А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая приехали в Коктебель к Волошину 21 мая.

...*а неделю спустя Лили с Гумилевым...* — Н.С. Гумилев ухаживал за Е.И. Дмитриевой и приехал в Коктебель вместе с ней 30 мая 1909.

Брат — В.И. Дмитриев.

...*истории из Эдгара По. Колодец и маятник...* — Именно так называется один из рассказов Э.-А. По.

Сестра — А.И. Дмитриева. *Папа, отец* — И.В. Дмитриев. *Мама* — Е.К. Дмитриева.

22 июля.

Алихан (также *Алехан*) — домашнее имя А.Н. Толстого.

7 августа.

Габсбургская челюсть — т. е. характерная для представителей династии Габсбургов, правивших в Австрии (с 1282), Испании (в 1516—1700), Чехии и Венгрии (с 1526).

«...*хочу видеть автора "Елки"*». — Эта одноактная опера В.И. Ребикова пользовалась тогда популярностью в России.

...*поезжайте ~ к Lalois. ~ устройте вечер у себя.* — Об интересе Л. Лалуа к русской культуре, в т. ч. о его взаимоотношениях с Волошиным см.: *Заборов П.Р.* Луи Лалуа и русская культура // Историко-культурные связи русской и зарубежной культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 1992. С. 87—96.

«*Пеллеас и Мелизанда*» — опера К. Дебюсси на сюжет одноименной драмы М. Метерлинка.

Странная дача его... — В.И. Ребиков имел дачу на окраине Фео-досии.

Карантин в Феодосии был устроен в стенах средневековой генуэзской крепости. На мысе Св. Ильи находились развалины монастыря и часовня Св. Ильи.

...мы были ☹ у «доктора арабских наук» *Гиссин-Байрам-Али*. — Еще 30 июля 1909 в «Феодосийском листке» появилось объявление «известного физиономиста» (без имени), бравшегося предсказать «природные дарования и судьбу каждого посредством арабских и других гадательных наук» (в доме Альянаки по Итальянской ул.): объявление было повторено 2 авг. 1909.

...*Аравийский наука каббалистика*... — Каббалистика (от др.-евр. «каббала», предание) — мистическое учение в иудаизме. К Аравии отношения не имеет; впрочем, и по другим признакам «доктор арабских наук» был явным шарлатаном.

1911

Зима 1911.

У Голубкиной. — Запись (возможно, ретроспективная) сделана в Москве. В янв. 1911 Волошин писал для С.К. Маковского заготовки аннотаций о произведениях современных скульпторов. Статья Волошина «А.С. Голубкина» появилась в журнале «Аполлон» (1911, № 6).

3 ноября.

Paris. — Волошин приехал в Париж около 9 (22) сент. 1911 в качестве корреспондента «Московской Газеты» и поселился в ателье Е.С. Кругликовой (жившей тогда в России) на rue Boissonade, 17.

Жантильом (gentilhomme, фр.) — дворянин.

...*Елены* ☹ *умер отец*... — Речь идет о Е.К. и К.Е. Цветковских.

«*Vive Libeuf!*» — каламбурное сочетание французского «Да здравствует» и русского «любовь», произнесенного К. Бальмонтом, судя по записи Волошина, на французский манер — с имитацией слова «*voeuf*» (бык), клички полицейских.

«*Закройте Ваш сак*»... *Слово «Ваш»* ☹ *в исступление*. — Второй каламбур К. Бальмонта. Русское «ваш» созвучно с французским *vache* (корова), еще одной презрительной клички полицейских. За оскорбление чинов полиции этим словом предусматривался штраф до 200 франков или тюремное заключение от шести дней до одного месяца.

Грефье (greffier) — секретарь суда.

16 ноября.

...*про кубистов*... — Статья Волошина «Кубисты: (Письмо из Парижа)» была напечатана в «Московской Газете» (29 сент. 1911). В отличие от большинства тогдашних критиков, он воспринял творчество кубистов без возмущения и гнева, как закономерные и небезытересные поиски.

От слов дремучих бытия ~ Еще недавнее «вчера». — Заготовки стихов Волошина; первые две строки — вариант финала стихотворения «Безумья и огня венец...» (1911), посвященного А.Р. Минцловой (см. наст. изд., т. 1, с. 184).

1912

19 января.

...ты хотел сказать мне о дуэли. — Речь идет о дуэли Волошина с Н.С. Гумилевым, состоявшейся 22 нояб. 1909 (об этом эпизоде см., напр.: Воспоминания. С. 194, 652–655).

Валерий сделал то же, что ты Гумилеву... — Т. е. дал пощечину. Описываемое далее столкновение К. Бальмонта с В. Брюсовым произошло 13 сент. 1903. На следующий день (14 сент. 1903) В.Я. Брюсов записал в дневнике:

«Вчера вечером я дал пощечину Бальмонту. Он только что приехал (из Меррекуля). Мы встретились на улице. Он был с Соколовым. Потом зашли в “Скорпион”. Все поехали на скачки. Оттуда в “Alpengose” — обедать. Там подошел и Юргис. Были мы, я, Б<альмонт>, С. А., Семенов. Еще на скачках Б<альмонт> уже вел себя, как часто: надменно, грубо-капризно. В “Alpengose”, в отд<ельном> кабинете читали стихи. Мне его стихи не понравились (“К воздуху”). Я ему сказал. Он очень обиделся. Говорил оскорбительные слова. Например: “Мне интересны ваши мнения, если они совпадают с моими, только тогда”. Потом ушел. Говорил, что ему необходимо уехать. Мы стали играть в кости. Но Б<альмонт> вернулся, стал приставать ко всем, выкинул кости в окно. Нак<онец>, я ему сказал, что он нам надоел. Он пришел в ярость, говорил много бранного. Я ему сказал: “Вы Бальмонт, вам всё прощается”. Тогда он крикнул мне: “Вы наглец”. Я ударил его по щеке. Б<альмонт> вскочил, хотел броситься на меня, нас удержали. Некот<орое> время было замешательство. Потом Б<альмонт> подошел ко мне, говорил: “Вам это надо было, при них! ну ударьте еще, повторите”. Я ему сказал: “Я вас любил больше всех людей на свете”. И ушел.

Что я сделал, было неизбежно. Я был рукою Немезиды. Я или другой, малый или великий — кто-либо должен был сделать это. Б<альмонт> забыл, что есть другие люди; надо было ему напомнить. Прекрасно, когда человек всё вбирает в себя, заполняет всё собою; губительно, когда он всё исключает, кроме себя. Прекрасна Бальмонтская испуленность; его нахальность нестерпима. Я не мог ни от кого терпеть таких слов, ни от Бальмонта, ни от Господа Бога, — разве только от газетного фельетониста: но его слова не существуют, а каждое слово Бальмонта должно иметь вес. Мы все слишком долго покорствовали. Надо было показать, что есть управа и на Бальмонта.

Кто мог судить Бальмонта как равный? Только я. И я должен был ударить того, кого люблю больше всех» (РГБ, ф. 386, карт. 1, ед. хр. 16, л. 34 об.—35; сообщено Н.А. Богомоловым).

Я только что кончил «Только любовь». ☺ *помню день в Петербурге с Вячеславом...* — Имеется в виду сборник стихов К.Д. Бальмонта, вскоре (нояб. 1903) вышедший в свет. Встреча же Бальмонта с В.И. Ивановым, о которой здесь говорится, произошла двумя годами позже (15—16 сент. 1905).

Нина Ивановна — скорее всего, Н.И. Петровская, жена С.А. Соколова (Кречетова), прообраз Ренаты из романа В. Брюсова «Огненный ангел». У Бальмонта с нею была (в 1903) непродолжительная связь.

22 февраля.

Москва. — Приехав в Москву из Парижа 8 февр. 1912, Волошин остановился у сестер В.Я. и Е.Я. Эфрон (Сивцев Вражек, д. 19, кв. 11).

...череп бердслеевских зародышей... — аллюзия на образы рисунков О. Бердслея (Бёрдсли).

...маленькая женщина... — видимо, Е.И. Княжевич.

1913

Волошин получил предложение написать книгу о В.И. Сурикове от И.Э. Грабаря для серии о современных русских художниках, задуманной издательством И.Н. Кнебеля. В 1916 Волошин опубликовал «материалы к биографии» под названием «Суриков» в журнале «Аполлон» (№ 3. С. 40—63); в 1977 они были перепечатаны С.Н. Гольдштейн (с ее комментариями) в кн. «Василий Иванович Суриков: Письма. Воспоминания о художнике» (Л.: Искусство, 1977. С. 169—190). Монография «Суриков» была напечатана в киевском журнале «Радуга» (1966. № 3. С. 52—94), но со значительными купюрами; полностью ее текст был опубликован Вс. Н. Петровым отдельной книгой лишь через девятнадцать лет (Л.: Художник РСФСР, 1985). Впервые публикуемые здесь исходные записи рассказов В.И. Сурикова были в процессе работы над монографией перекомпонованы и расширены Волошиным, но кое-что в окончательные печатные варианты не вошло.

3 января.

...работа с Суриковым. Номер в «Княжьем дворе»... — Т. е. в меблированных комнатах на ул. Волхонка (д. 14), где останавливались многие деятели искусства.

Предки мои ∼ *основали Красноярск*. — Город был основан как военное укрепление (1628), на обоих берегах р. Енисей.

Мать моя... — П.Ф. Сурикова. Происходила из старинного казачьего рода. Была неграмотна, но отличалась большим художественным вкусом; вышивала.

Изображение из Казанского собора ? работы Шебуева было у нас... — Знак вопроса посреди фразы поставлен Волошиным вместо забытых им тогда слов. Позднее в журнальной публикации это место будет выглядеть так: «У нас в доме изображение иконы Казанского собора, работы Шебуева, висело». В.К. Шебуев написал для этого петербургского храма иконы «Взятие на небо Богоматери» и «Коронавание Богоматери».

Рука у него ∼ *меркуриальная глубока...* — Эти наблюдения — результат занятий Волошина хиромантией (руководства по которой сохранились в его библиотеке) и многолетнего изучения этой науки о гадании по линиям ладони. Меркуриальная линия (или линия здоровья) начинается от запястья, около конца линии жизни, и направляется вверх, к холму Меркурия (возле мизинца).

...уклонение Аполлона в сторону Луны. — Т. е. уклонение линии Аполлона (или линии солнца), идущей сверху, от безымянного пальца, к левой стороне ладони у запястья (холм Луны). Подробнее см.: *Гайдук Дм.* Энциклопедия предсказаний. М.: Локид-Миф, 2000. С. 415–446).

...кто же это так же сидел ∼ *Меншиков* ∼ *всю композицию увидел* ∼ *как я княжну посажу*. — Речь идет о А.Д. Меншикове, посланном Петром II в Сибирь, и о картине Сурикова «Меншиков в Березове»; княжна — М.А. Меншикова.

Холм Венеры ∼ *Линия сердца* ∼ *огибает* <холм> *Сатурна* ∼ *проходит через весь холм Юпитера...* — Здесь используются термины хиромантии. Холм Венеры — возвышение на ладони в основании большого пальца; указывает на развитие чувственных начал у человека. Холм Сатурна находится у основания среднего пальца, от него идет линия судьбы. Холм Юпитера расположен у основания указательного пальца и определяет возвышенные или низменные качества человека.

5 янв<аря>.

...достает статью о Красноярском бунте против воеводы Дурново... — Имеется в виду статья Н.Н. Оглоблина «Красноярский бунт 1695–1698 годов» (Журнал Министерства Народного Просвещения. 1901. № 5. С. 25–69); в 1902 вышла отдельной брошюрой. Стольник

С.И. Дурново после нескольких месяцев осады был изгнан из города и лишь чудом спасся.

Многогрешные — потомки Д.И. Многогрешного, обвиненного в 1672 в измене и сосланного в Сибирь.

...Ермака потопили... — Ермак Тимофеевич погиб во время схватки с отрядом сибирского хана Кучума; спасаясь от преследования, он утонул 6 авг. 1585 в притоке Иртыша реке Вагай.

Дед мой Александр Степанович... — А.С. Суриков, прослуживший сотником, полковым атаманом и войсковым старшиной Енисейского казачьего конного полка более 30 лет, был не дедом, а двоюродным братом деда (и полного тезки) живописца — В.И. Сурикова.

...войска идут ∪ И отец, и дядя Марк Васильевич. — По-видимому, оговорка Сурикова: его отец, Иван Васильевич Суриков, не служил в казачьих войсках. По окончании Красноярского уездного училища (1829) он поступил писцом в канцелярию общего губернского управления; впоследствии был служащим земского суда и казенной палаты. В 1854 г. получил место в акцизном управлении в селе Сухой Бузим (62 версты от Красноярска), куда и переехал вместе с семьей. Здесь же, возможно, в памяти живописца ожили рассказы об умершем еще до его рождения его родном дяде — Иване Васильевиче Сурикове младшем, который действительно служил в Енисейском казачьем полку. Там же служил и М.В. Суриков, дядя живописца; он был пятидесятником, а затем хорунжим.

...в Торгошинскую станицу. — Правильно: Торгашинская станица.

Дочери дяди Степана Таня, Фаля, Маша... — С.Ф. Торгошин и его дочери Т.С., Е.С. и М.С. Торгошины.

Городок снежный ∪ у меня в картине и остался. — Имеется в виду картина Сурикова «Взятие снежного городка».

...Феодор Егорович и Матвей Егорович ∪ Степан Феодорович... — Ф.Е., М.Е. и С.Ф. Торгошины.

«Не белы снеги...». — Текст песни см., напр., в сб. «Великорусские народные песни» (сост. А.И. Соболевский; СПб.: Гос. тип., 1900. Т. 6. С. 10).

...«как агнец, жребию покорный». — Строка из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (песнь вторая) с заменой последнего слова (в оригинале — «послушный»).

Старый суриковский дом ∪ помню. ∪ Потом он ∪ сгорел. — Дом казаков Суриковых, упоминаемый Н.Н. Оглоблиным в статье «Красноярский бунт 1695—1698 годов», сгорел в 1773 г. В.И. Суриков мог помнить другой старый дом (по Качинской ул.), построенный в конце XVIII в.

Дяди Марк Васильевич и Иван ∞ образованные были. — М.В. и И.В. Суриковы окончили Красноярское уездное училище.

...Петрашевского-Буташевича видел. — М.В. Петрашевский был осужден в каторжные работы на Забайкальских заводах (1849). С 1856 — в Иркутске, затем (1861—1864) жил в Красноярске, занимаясь адвокатурой.

Мать ∞ декабристов Бобрищева-Пушкина и Давыдова видела. — Речь идет об одном из братьев — Н.С. или П.С. Бобрищев-Пушкине: и тот, и другой отбывали ссылку в Красноярске (первый с 1831 по 1839, второй с 1832 по 1839). В.Л. Давыдов был приговорен к двадцати годам каторжных работ, затем (с 1839) также жил в Красноярске, где и скончался.

Брат, сестра. ∞ старшая сестра Елисавета... — А.И. Суриков, Ек.И. и Ел.И. Суриковы. Родной брат живописца законченного образования не имел, занимал незначительные канцелярские должности, в отставке с 1911; единственный человек, с кем В.И. Суриков всю жизнь вел переписку.

...достает портрет ∞ своей матери в гробу. — Фотография П.Ф. Суриковой в гробу, снятая красноярским фотографом Ф.Д. Лухтанской, хранится ныне в отделе рукописей Гос. Третьяковской галереи.

Я гравюры ∞ срисовывал. ∞ «Ангела молитвы» Неффа. — Икону «Благовещение» В.Л. Боровиковский написал для иконостаса Казанского собора в Санкт-Петербурге. Копию гравюры с названной картины Т.А. Неффа Суриков выполнил в 1866.

...профессор Шрейнцер... — К.-А.М. Шрейнцер, в то время (1859—1873) инспектор классов Российской академии художеств.

8 янв<аря>.

Мать моя ∞ вы ее портрет видели. — Сохранилось два портрета П.Ф. Суриковой: исполненный в 1887 (в 1913 принесен в дар Третьяковской галерее) и исполненный в 1894.

Меня в уездное училище отдали. ∞ там учитель был рисования Гребнев. — Н.В. Гребнев получил от Академии художеств (в 1855) звание неклассного художника портретной живописи. Преподавал в Красноярском уездном училище (1859—1863); поддержал стремление Сурикова поступить в Академию художеств.

Один золотопромышленник ∞ взял меня в Петербург. — П.И. Кузнецов часто бывал в Петербурге, ездил за границу, интересовался искусством. Он не только обеспечил поездку Сурикова в Петербург, но и поддерживал его материально все время его учебы в Академии художеств.

12 января.

«Палач весело похаживает...» — цитата из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова. Суриков выполнил иллюстрацию к этому эпизоду «Песни...» (ее воспроизведение см. в кн.: *Лермонтов М.Ю.* Соч. / Худож. изд. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1891. Т. 1. (вклейка между с. 16 и 17).

...кричат: «Бурдина убили!» — Сообщение об убийстве «чиновника Бурдина» было опубликовано в газ. «Голос» (1865, 2 янв.) в разделе «Внутренние новости. Корреспонденция из Красноярска».

...Дмитрия-царевича... — Имеется в виду сын царя Ивана IV, погибший при невыясненных обстоятельствах (был зарезан).

Петю Чернова убили под лед спустили. — Это случилось 16 апр. 1867.

Деда был в Туруханске сотником. — В.И. Суриков был командиром второй сотни Енисейского городского казачьего полка в Туруханске; умер от горячки.

...жил первый год у атаманских Ал. Степ., он-то уж помер... — Суриков имеет в виду дом своего двоюродного деда А.С. Сурикова (похороненного на красноярском Троицком кладбище близ Енисейского тракта).

...потом у крестной Ольги Матвеевны Дурандиной. — В.И. Суриков, будучи учеником уездного училища (1856—1859), жил в доме О.М. Дурандиной на Больше-Качинской улице.

...он <Хозяинов> живописец был. — И.М. Хозяинов, дальний родственник В.И. Сурикова, работал как иконописец, расписывал иконостас Благовещенской церкви в Красноярске.

...с Зайцевым, — он архитектором после был... — Д.Д. Зайцев с 1869 учился в Академии художеств на архитектурном отделении, в 1877 получил звание классного художника 2-й степени, в 1902 — звание академика архитектуры.

Академик Бруни не велел меня в Академию принимать. — Вступительный экзамен в Академию художеств (апр. 1869) В.И. Суриков не выдержал, так как не имел навыков в рисовании с гипсов. Профессор исторической живописи Ф.А. Бруни был тогда ректором Академии (1855—1871).

Поступил в Школу поощрения художеств к Дьяконову... — С.-Петербургская рисовальная школа, основанная в 1839, с 1857 существовала на средства Общества поощрения художеств. М.В. Дьяконов был преподавателем этой школы (1865—1881).

...осенью в головной класс экзамен выдержал. — Сдав вступительные экзамены, Суриков был зачислен в Академию художеств вольнослушателем (28 авг. 1869).

Горностаев по истории искусств читал. — И.И. Горностаев преподавал этот предмет в Академии художеств (с 1860). Его лекции отличались обилием нового по тем временам материала и были изданы с иллюстрациями автора (4 выпуска; 1860—1864).

Гефтер читал анатомию, Эвальд — русскую словесность, Клодт (?) начертательную геометрию. — Возможно, имеются в виду выпускник Медико-хирургической академии (1865) Ф.-Г. Гефтлер и литератор А.В. Эвальд. Знак вопроса при фамилии Клодт поставлен самим Волошиным, очевидно, усомнившимся в произнесенной Суриковым фамилии. Однако, скорее всего, речь действительно идет о В.К. фон Клодте, родном брате знаменитого скульптора, преподававшем математику, по-видимому, не только по месту своей основной службы (Михайловское артиллерийское училище), но и в Академии художеств.

Павел Петрович Чистяков ~ мне указал путь истинного колориста. — Суриков учился у П.П. Чистякова (1873—1875).

За эскиз «Пир Валтасара» ~ время получил ~ в «Иллюстрации» воспроизведена была. — За этот эскиз В.И. Суриков получил (4 марта 1874) денежную премию в 100 р.; ныне в Русском музее. Рисунок Сурикова с него был гравирован К. Крыжановским и воспроизведен в журнале «Всемирная иллюстрация» (1875. № 339. С. 8—9).

...на Черной Речке жил у товарища. — Имя последнего не установлено. В Гос. Третьяковской галерее хранится сепия В.И. Сурикова «Под дождем в дилижансе на Черную Речку».

В 73 я получил 4 серебряных медали, в 74 научные курсы кончил. — Точнее, Суриковым были получены (3 марта и 26 мая 1873) две большие серебряные медали, а также три денежных премии. Аттестат об окончании курса наук был выдан ему 4 нояб. 1874.

Конкурировал я на малую золотую медаль ~ и получил. — Программа на малую золотую медаль — на библейский сюжет «Милосердный самаритянин» — была задана студентам Академии художеств 9 марта 1874; Суриков получил медаль 4 нояб. Картина экспонировалась на Академической выставке того же года.

...первая картина моя была ~ Кузнецов тогда же купил. — Картина «Вид памятника Петру I на Исаакиевской площади» написана Суриковым в 1870; ею он дебютировал на Академической выставке, открывшейся 29 сент. 1870. П.И. Кузнецов приобрел ее за 100 р.

В 75 г. я написал Апостола Павла ~ Медаль мне присудили, а денег не дали. — Темой картины на большую золотую медаль был библейский сюжет: «Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста».

Вопреки сказанному, Суриков медали не получил и потому был лишен права поездки за границу за счет Академии.

...*деньги разграбили. Это Вл. Вс. Кос. ∼ Потом казначея Исеева судили...* — В журнальной публикации волошинского «Сурикова» виновником растраты назван всё же не Вл. Вс. Кос. (это лицо не установлено), а именно П.Ф. Исеев.

...*мысль была: Клеопатру Египетскую написать.* — Сохранился эскиз неосуществленной картины «Клеопатра», исполненный карандашом, белилами и акварелью.

...*в Храме Спасителя ∼ четыре Вселенских Собора написал.* — К росписи строившегося тогда храма Христа Спасителя в Москве были привлечены в разное время И.Н. Крамской, Г.И. Семирадский и другие известные художники. В.И. Сурикову было поручено написать на хорах четыре больших фрески (402x363) на темы первых четырех Вселенских Соборов, причем работа над эскизами шла под контролем специальной комиссии. (Сохранилась одна из этих фресок — «Четвертый Вселенский Собор».)

Один-то из стрельцов ∼ Царь, тут мое место. — Эпизод, запечатленный в книге «Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Московскому Петру Первому в 1698 году, веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом» (пер. с лат. Б. Женева и М. Семевского; М.: О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1867 [на обл. 1868]), где описана казнь стрельцов, состоявшаяся в февр. 1699.

...*«подобно шуму вод многих»...* — Парафраза слов из Библии: «Глас его — как шум вод многих» (Книга пророка Иезекииля. XLIII, 2).

...*у Толстого ∼ описание, как поджигателей ∼ расстреливали ∼ плечо шевелилось.* — Эпизод из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (т. 4, ч. 1, гл. XI).

...*видел, как поляка казнили — Флерковского.* — Публичная казнь каторжника «из политических преступников» Ф. Флерковского состоялась 6 июля 1866 «за городом, при стечении многочисленной публики» (Енисейские Губернские Ведомости. 1866. 9 июля).

...*Фермопильское ущелье ∼ Я Леонидом Спартакским всегда был.* — Спартакский царь Леонид в период греко-персидских войн возглавил объединенное войско греческих полисов против персидского царя Ксеркса; погиб в сражении у Фермопил, прикрывая с отрядом из трехсот воинов отступление остальной части греческого войска, став затем символом патриотизма и воинской доблести.

17 января.

...кладбище над Енисеем. ∪ Атаманская могила... — Имеется в виду могила А.С. Сурикова.

Разговор переходит на Репина и на катастрофу с его картиной. — Как раз в дни встреч Волошина с В.И. Суриковым А. Балашов изрезал ножом картину И.Е. Репина «Иоанн Грозный и сын его Иван...», выставленную в Третьяковской галерее.

...я забегал ∪ показать ∪ мою статью «О смысле катастрофы, пост<игшей> кар<тину> Р<епина>». ∪ Накануне она появилась в «Утре России». — Эта запись сделана не ранее 20 янв. 1913, ибо первая публикация статьи Волошина состоялась в указанной газете 19 янв. 1913. Ее текст — наст. изд., т. 3, с. 309–313.

...«Стрельцов» я уже кончил почти. ∪ пририсовал мелом фигуру стрельца повешенного ∪ чтобы я так душу свою продал? — Тем не менее рентгеноскопия картины «Утро стрелецкой казни» (произведена в 1970) выявила две фигуры повешенных стрельцов, первоначально написанных маслом левее фигуры Петра, на фоне кремлевской стены (Гольдштейн С. «Утро стрелецкой казни» // Художник. 1973. № 2. С. 15–19).

Мы на Долгоруковской жили... — На Долгоруковской улице (ныне Новослободская) Суриковы поселились в 1884 по приезду из-за границы и жили там до 1887.

...раз я с дьячком ехал — Варсонофием... — Речь идет о В.С. Закоурцеве, черты которого Суриков запечатлел в этюде «Голова священника» к картине «Боярыня Морозова».

...Варфоломей в «Сцене в корчме». — Имеется в виду сцена «Корчма на Литовской границе» из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов», одним из героев которой был монах-расстрига Варлаам (а не Варфоломей).

Петр Петрович... — Речь идет о П.П. Кончаловском.

...когда «Боярыня Морозова» была выставлена ∪ Стасов вас ищет ∪ здесь «Грешница» Поленова. — Картина Сурикова экспонировалась на XV Передвижной выставке (1887) одновременно с картиной В.Д. Поленова «Христос и грешница». В.В. Стасов уделил «Боярыне Морозовой» много внимания в своей статье «Выставка передвижников» (Новости и Биржевая Газета. 1887. 1 марта).

...надписи ∪ на Иване Великом. — Имеется в виду надпись медными литерами под куполом золоченой главы колокольни Ивана Великого в Московском Кремле, в которой указано: «Сей храм совершен и позлащен во второе лето господства...», т. е. во второй год царствования Бориса Годунова.

...быки *ассирийские*... — изваяния человекоподобных крылатых быков, найденные в середине XIX в. при раскопках Ниневии и хранящиеся в Лувре.

Я в Риме, в соборе Петра ∼ *был*. — Будучи в Риме (февр. 1884), Суриков исполнил акварель «Собор Св. Петра в Риме».

...*нашел* ∼ *Невенгловского* — *он мне позировал*. ∼ *в халате* ∼ *совсем Меншикова*. — О.И. Невенгловский, отставной учитель математики 1-й Московской гимназии, жил близ церкви Николы в Хамовниках (однако современники называют и других лиц, будто бы служивших прототипом Меншикова).

...*Михеев* ∼ *целый роман сделал*. — В.М. Михеев использовал сюжет, услышанный им от Сурикова, для своего рассказа «Миних» (Артист. 1891. № 17. Ноябрь.)

...*Меншикову я с жены покойной писал*. — Т. е. с Е.А. Суриковой.

Сына <Меншикова> *писал с* ∼ *Шмаровина-сына*. — Ошибка памяти художника: Н.Е. Шмаровин был не сыном, а братом В.Е. Шмаровина.

«Персты рук твоих ∼ *как лев*». — Слова протопopa Аввакума о Ф.П. Морозовой из письма к ней, опубликованного в приложении к статье Н.С. Тихонравова «Боярыня Морозова: Эпизод из истории русского раскола» (Русский Вестник. 1865. № 9).

...*во время коронации мы стояли с Боголюбовым*. — Суриков и А.П. Боголюбов присутствовали на коронации Александра III в 1883; в посвященном этому событию издании («Альбом видов коронации в Москве 15-го мая 1883 года», СПб., 1883) воспроизведена акварель В.И. Сурикова «Торжественный обход вокруг храма Спасителя».

...*он* <Александр III> ∼ *громadный* — *я ему по плечо был*... — При росте 193 см Александр III отличался могучим телосложением и силой.

...*государыня*... — Императрица Мария Федоровна.

А памятник <Александру III> ∼ *не годится*. *Опекуиши не понял его*. — Этот монумент был установлен возле храма Христа Спасителя и открыт 30 мая 1912 (снесен при советской власти).

Женился я... — В.И. Суриков женился 25 янв. 1878 на Е.А. Шаре.

Мать жены... — М.А. Свистунова, родственница осужденного на 20 лет декабриста П.Н. Свистунова, автора «Записок».

...«*Исцеление слепорожденного*» *написал*. — Над картиной «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом» Суриков работал че-

тыре года (1888–1892); выставлена она была на XXI Передвижной выставке, открывшейся в Петербурге 15 февр. 1893, а в Москве – 29 марта 1893.

...в 1888 ~ уехал я в Сибирь. – Суриков уехал с детьми в Красноярск в начале лета 1889 г., предполагая остаться там навсегда.

...в 91 г. начал я «Покорение Сибири» ~ к 95 г. кончил и выставил. – Работа была выставлена на XXIII Передвижной выставке в Петербурге, открывшейся 17 февр. 1895.

...в том же году начал «Суворова» ~ попал к столетию в 99 году. – Картина «Переход Суворова через Альпы» была выставлена на XXVII Передвижной выставке, открывшейся в Петербурге 7 марта 1899, – в год 100-летия со времени Швейцарского похода А.В. Суворова (1799).

С 1900 начал для «Стеньки Разина» ~ выставил в 1907. ~ В Сибирь и на Дон для него ездил. – Первоначальный эскиз к картине «Степан Разин» был выполнен в 1887 (акв., белила; хранится в Гос. Третьяковской галерее; см.: Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Л.: Искусство, 1977. С. 373). Вернувшись к этой теме (в 1900), Суриков кардинально переработал композицию и выставил картину на XXXV Передвижной выставке, открывшейся в Москве 30 дек. 1906. Этюды для картины Суриков писал на Волге (1901 и 1904); в Красноярске был в 1902. Однако и после выставки художник продолжал работать над картиной, закончив ее лишь в 1910.

С 1908 «Посещение царевны». Выставил <в> 1913. – Картина «Посещение царевны женского монастыря» закончена в 1912 и тогда же была выставлена на X выставке Союза русских художников.

Суворов у меня с одного казачьего офицера написан. – Есть предположение, что Суриков писал Суворова со своего знакомого по Красноярску Ф.Ф. Спиридонова.

Кунгурская летопись – одна из сибирских летописей, начатая в г. Кунгур во второй половине XVII в.; содержит сведения о походе Ермака в Сибирь. Под названием «Ремезовская летопись. Летопись Сибирская краткая Кунгурская» была опубликована в кн.: Сибирские летописи. СПб.: Издание Имп. Археографической Комиссии в тип. И.Н. Скороходова, 1907. С. 312–366. Ранее воспроизводилась фотолитографическим способом в издании Археографической Комиссии (1880), которое к началу XX в. уже стало библиографической редкостью.

...Исаакиевский собор открыли ~ картину Иванова привезли... — Первое событие (освящение и открытие храма) состоялось в Петербурге 30 мая 1858. Картина А.А. Иванова «Явление Христа народу» была привезена в Россию из Рима, где художник ее писал, также в 1858.

Шапова ~ встречал, когда тот приезжал материалы собирать. — В 1864 А.П. Шапов был сослан в Иркутск, в Красноярск приезжал для работы в Томском архиве, где собирал материалы для Туруханской экспедиции, предпринятой в 1866.

Показывая эту девушку ~ «Вот царевна Софья ~ а не такая, как у Репина. — В.И. Суриков имеет в виду картину И.Е. Репина «Царевна Софья Алексеевна через год после заключения...».

Пугачева я знал. У одного казацкого офицера такое лицо. — Считается, что этого человека Суриков запечатлел в «Мужском портрете» (Тверская областная картинная галерея). Сохранился также графический эскиз «Пугачев в клетке».

1915

5 марта.

Париж. — Запись сделана на rue de la Tour, 60, в Пасси, на квартире К.Д. Бальмонта, у которого Волошин остановился по приезде в Париж из Дорнаха (6 янв. 1915).

Мать — В.Н. Бальмонт. Отец — Д.К. Бальмонт.

«Лувр и Мадрид» — меблированные комнаты в Москве (Тверская, 31).

Мы накануне стояли у окна ~ На др<угой> день я в это окно бросился. — Бальмонт совершил покушение на самоубийство 13 марта 1890.

Я до этого издал свою первую книгу... — Речь идет о «Сборнике стихотворений» (Ярославль, 1890), изданном Бальмонтом за свой счет.

...мы жили на Долгоруковской ~ где ты жил ребенком. — В доме Зайченко на Долгоруковской улице в Москве Волошин с матерью жили в 1882.

...потом, когда я встретил Катю... — Бальмонт познакомился с Е.А. Андреевой, ставшей его второй женой, в 1893 на 50-летию князя А.И. Урусова (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. С. 304).

1916

Январь.

Ривера. ∞ Добрый людоед... — Д. Ривера долго жил и работал в Париже. Определение «добрый людоед» (которое повторяет и И.Г. Эренбург в своих мемуарах) — отнюдь не метафора: в позднейшей автобиографии (1966) художник признавался, что в 1904, беря уроки анатомии в Медицинской школе в Мехико-сити, он в течение двух месяцев, в порядке эксперимента («чтобы расширить знание человеческой анатомии»), был каннибалом. «Я открыл, что мне нравится вкус женских ног и грудей... Я также смаковал ребра женщин, поджаренные в сухарях... Но больше всего я пристрастился к женским мозгам в винегрете» (Rivera D. My art, my life. New York, 1991. P. 20).

...отец ∞ повел меня к военному министру. — Отец художника, Д.Б. Ривера, тринадцати лет был определен в армию, семь лет воевал против французов, дослужившись до майора (по другим сведениям — до подполковника). Затем был учителем, инспектором сельских школ Гуанохуато. Военным министром страны в правительстве Б. Хуареса был дон Педро Инохоса.

Для меня ∞ поступить в военное училище. — О пребывании в этом учебном заведении в воспоминаниях Д. Риверы сведений нет. Он сообщает только, что в одиннадцать лет (в 1879) поступил в художественную школу в городе Сан-Карлос.

...отец ∞ отпустил меня в Европу. — После занятий в Академии художеств в Мехико-сити (1896—1902) Ривера в 1907 уехал в Мадрид (а в 1909 — в Париж).

...до приезда в Мексику императора Максимилиана. — В период англо-франко-испанской интервенции в Мексику Максимилиан Габсбург был возведен на мексиканский престол (1864). Расстрелян восставшими мексиканцами.

Мой дед умер 89 лет ∞ У него было 6 сыновей. — По воспоминаниям Д. Риверы, его дед дон Анастасио де Ривера, уроженец Испании, женился в 60 лет (а его невесте Инесс Акоста было 15). Поддавшись на уговоры матери выйти замуж за 60-летнего богача, она по пути к церкви залилась слезами, что и стало причиной заступничества дона Анастасио, который затем предложил девушке самой выбрать жениха, обещая обеспечить ее материально при любом выборе. Всего у них было девять детей, и Анастасио был отравлен из ревности молодой женщиной, когда ему было 72 года (а не 89, как записал Волошин).

1930

Марта 14.

Возобновление записей в тетради «История моей души» (по 7 сент. 1930).

Маруся ∼ *Кому это нужно?* — Недовольство М.С. Волошиной было вызвано тем, что после инсульта поэт практически не работал над стихами, предпочитая писать небольшие акварели для подарков гостям.

26 мая.

Лидия Васильевна — видимо, Щепотьева.

О смерти С.С. З<аяицкого>. — Литератор скончался в Феодосии 21 мая 1930.

Мы с Катей... — Здесь Катя — Е.О. Сорокина, тогда гостившая у Волошиных.

...мы дошли до Липочки. И Феодора ∼ *ответила...* — О.Н. Сербина с 1925 руководила общественной кухней, организованной при доме Волошиных; Ф.М. Литвиненко была там поварихой.

Айвазовские торжества. — 50-летие галереи И.К. Айвазовского отмечалось 2 мая 1930. Тогда же был открыт памятник художнику работы И.Я. Гинцбурга.

...весть об убийстве Войкова. — Дипломат П.Л. Войков был убит в Варшаве 6 июня 1927.

С. Н. ∼ *собрался в Москву* ∼ *Это было начало его ареста и ссылки.* — Скорее всего, речь идет о С.Н. Дурылине, который вскоре был сослан в Томск.

28 мая.

...вечер рассказов Маруси. ∼ *с пасхальной беседы* ∼ *с Горьким.* — См. позднейшее изложение этого эпизода в воспоминаниях М.С. Волошиной «Вступление в жизнь» (О Максе, о Коктебеле, о себе. С. 55–58).

...дача под Петербургом ∼ *Худ<ожественный> Театр* ∼ *ставил «На дне» и «Дядю Ваню»* ∼ *были все художественники и Горький, Чехов.* — Гастроли Московского Художественного театра в Петербурге состоялись весной 1903. Пьеса «На дне» М. Горького была показана первый раз 7 апр., «Дядя Ваня» А.П. Чехова — 8 апр. Через пять дней (13 апр.) прошли обе пьесы (первая утром, вторая вечером). Однако и М. Горький, и А.П. Чехов в это время находились в Ялте. В апр. 1904 гастроли МХТ в Петербурге повторились, и на этот раз Горь-

кий, отдыхая в Сестрорецке, часто бывал в столице. Но в репертуаре театра не было уже ни «На дне», ни «Дяди Вани».

...ты веришь, что Христос действительно воскрес? ∞ Прочти Ренана. — Ж.-Э. Ренан в своей книге «Жизнь Иисуса» рассматривал Иисуса Христа как историческую личность.

...муж Ол<ьги> Ник<олаевны Поповой>... — А.Н. Попов.

...разговор переходит на Ярошенко и на Степановское. — Речь идет о Е.П. и В.А. Ярошенко и об их имении в 50 км от Калуги (ныне Павлищев Бор), где после революции был устроен туберкулезный санаторий. О Е.П. и В.А. Ярошенко см.: *Любченко О.Н.* Повесть о старомодной любви. М.: Панорама, 1992. О Степановском М.С. Волошина писала также и в упомянутых воспоминаниях (О Максе, о Коктебеле, о себе. С. 67–71).

...из рода Куратовых. — Такой фамилии в российских родословных книгах нет. Однако она встречается в летописных источниках XVI в.: астраханским посланцем (1540) был князь Я. Куратов.

Маруся Бенеvская ∞ отец был иркут<ский> генерал-губернатор. — Отец М.А. Бенеvской, А.С. Бенеvский, был (1886–1892) военным губернатором и командующим войсками Амурской области (одновременно наказным атаманом Амурского казачьего войска).

На каторге она вышла за матроса-потемкинца ∞ живет ∞ как крестьянка. — Первым (гражданским) мужем М.А. Бенеvской был Б.Н. Моисеенко. Вторично она вышла замуж за И.К. Степанка и жила с ним и их двумя детьми на хуторе в Голте под Одессой, где Степанок работал кузнецом.

7 сентября.

...о мемуарах. — Возможно, имеются в виду мемуары А. Белого, о работе над которыми он сообщал Волошину в письме от 25 июня 1930 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 71). В Доме поэта его ждали с июля, и 9 сент. Борис Николаевич приехал с женой из Судака (жил у Волошина по 11 сент. 1930).

Гинекеем в Коктебеле шутливо называли часть пляжа, облюбованную женщинами, а также большую комнату в доме матери Волошина, служившую общежитием одиноких женщин.

Представьте себе юного царя ∞ которому отец, умирая ∞ завещает освобождение крестьян. — Имеются в виду Николай I и Александр II, в 1861 отменивший крепостную зависимость.

...с этой молодежью Белый совсем не смог разговаривать ∞ начал кричать... — Эта полемическая беседа произошла летом 1924.

Волошин описал ее также в одной из заготовок к воспоминаниям о Брюсове (Лит. наследство. М.: Наука, 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 396). Ср. с воспоминаниями одной из участниц полемики – Н.Я. Рыковой (Воспоминания. С. 515–516).

Помню, была ужасная история... — Описываемый ниже эпизод с чтением стихов Г.А. Шенгели в присутствии А. Белого имел место тем же летом 1924.

...прочсть стихи памяти Гумилева ~ “вершковый лоб Максима”... — Текст этого стихотворения Г.А. Шенгели ныне неизвестен.

Я ~ застаю его ~ на палубе. — Речь идет об открытой веранде вдоль второго этажа пристройки к основному помещению дома Волошина с северной стороны. Она получила это название в 1926 году. А. Белый жил в крайней ее комнате в сторону Карадага. Нижней палубой иногда называли террасу первого этажа с южной стороны, где обычно проходили общие трапезы и чаепития.

1931

6 июня.

«О. Генри на дне» — книга Эль Дженнингса (М.; Л.: Гос. изд-во, 1927, 2-е изд.).

Папа — С.Я. Заболоцкий. Мама — П.А. Заболоцкая.

Степа был в бегах и по тюрьмам. ~ я его и навестила в тюрьме. — Согласно «Ведомости справок о судимости, издаваемой Министерством юстиции» за 1910 год (СПб.: Сенатская тип., 1910. Кн. 2), С.С. Заболоцкий (он же Заболотский, Заблоцкий), 26-ти лет, арестовывался в 1900, 1901, 1903, 1907, 1908, 1909 (видимо, за бродяжничество, на короткие сроки). В письме к сестре (23 нояб. 1903) он просил навестить его «в Казанской или Спасской части» (ДМВ, НВ8085). В письмах 1903–1905 мать М.С. Заболоцкой жаловалась дочери «на Степу»: не работает, уехал в шубе деда, просит у нее денег, а 24 окт. 1904 написала: «...вел себя плохо, пил» (ДМВ, НВ8049; О Максе, о Коктебеле, о себе. С. 79).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. С. Голубкина	449
Айседора Дункан	412
Апофеоз мечты: (Трагедия Вилье де Лиль-Адана «Аксель» и трагедия его собственной жизни)	446
«Безумья и огня венец...»	319, 450
В вагоне («Снова дорога. И с силой магической...»)	133, 399
«В зеленых сумерках дрожа и вырастая...»	214, 425
«В камень черный...»	383
В Обер-Аммергау: (Из странствий)	371
В Париже: <О кладбище животных>	426
«В серо-сиреневом вечере...»	374
Весенний праздник тела и пляски: (Bal des Quat'z-arts)	423
Вопросы современной эстетики Железо в архитектуре, <i>раздел</i>	409
Второе письмо («И были дни, как муть опала...»)	405
«Гностический гимн Деве Марии»	433
Евангелие от Иуды	435
«Если сердце горит и трепещет...»	223, 429
Железо в архитектуре см. Вопросы современной эстетики	
«Жизнь — бесконечное познание...»	113, 396
Зеркало («Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю...»)	405
Золотой век: Картины Богаевского и танцы детей Айседоры	423
К Герцену («Слава великим гробам!...»)	114, 396
К. Ф. Богаевский	435
Когда время останавливается, <i>цикл стихотворений</i>	428
Кубисты: (Письмо из Парижа)	449
Лебедь, из С. Малларме	213, 426
Лики творчества: Валерий Брюсов. «Пути и перепутья». Том 1 Собрания стихов	439

Лики творчества: Город в поэзии Валерия Брюсова.....	439
Листки из записной книжки	369, 371
Магия творчества.....	410
«Мир закутан плотно...»	414
«Мне уж снился он когда-то...»	80
«Мы заблудились в этом свете...»	428
Мысли о театре	411
На Дунае («Свежий ветер. Утро. Рано...»)	14
«На заре. Свежо и рано...»	113, 124, 396, 397
На Форуме («Арка, разбитый карниз...»)	70
«Небо запуталось звездными крыльями...»	400
Ночь в Колизее («Спит великан Колизей...»)	71
«...О, зеркало, — холодная вода...», из С. Малларме	221
О смысле танца	411, 412
О теософии.....	431
О художественной ценности пострадавшей картины Репина.....	339
Одилон Редон	405
«Она ползла по ребрам гор...»	406
Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого	436
Откровения детских игр	290, 444
«Отроком строгим бродил я...»	424
Отрывок о Тиволи («Фонтаны, аллеи... запущенный сад...»)	388
Париж и война: Русский балет	424
Письмо («Я соблюдаю обещанье...»)	156, 409, 423
Письмо из Парижа: <Анни Безант и «Русская школа»>	424
Письмо из Парижа: (Выставка примитивов. Национальный салон. Исадора Дёнкан. <i>Bal des Quat'z-arts</i>)	423
Письмо из Парижа: (Осенний салон. Слевинский. Морис Дени)	417
Портрет («Я вся — тона жемчужной акварели...»)	397
Похвала моралистам	444
«Пройдемте по миру, как дети...»	403, 405
Пустыня («И я был сослан в глубь степей...»)	113, 396
Пути Эроса, лекция	253, 435
Рождение стиха («В душе моей мрак грозовой и пахучий...»)	400
Руанский собор, цикл стихотворений	431
Рыцарь Олаф, из Г. Гейне	443

«Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...»	403
«Спустилась ночь... Погасли краски...»	134, 399
Старые письма («Я люблю усталый шелест...»)	398, 428
Судьба Верхарна	430
Суриков	451
Таиах («Тихо, грустно и безгневно...»)	201, 423
Творчество М. Якунчиковой	412, 413
Театр и сновидение	411
Эдуард Виттиг	412
Эпилог см. Таиах	
«Я ждал страданья столько лет...»	403
La semaine sanglante à Saint-Pétersbourg: Récit d'un témoin, статья	420
Résignation см. «В зеленых сумерках дрожа и вырастая...»	
Tête Inconnue («Во мне утренняя тишь девушки...»)	176, 416
Via Mala («Там с вершин отвесных...»)	372

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

А. В. см. Смирнов А.В.

А. Р. М. см. Миншлова А.Р.

А. С. см. Смирнов А.В.

Аввакум Петрович (1620 или 1621—1682), глава старообрядчества, протопоп, писатель 459

Август (63—14 н. э.), римский император (с 27 до н. э.) 387, 392
«Авраам приносит в жертву Исаака», картина неизвестного художника 357

Авдотья Васильевна см. Торгошина Е.В.

Аврелий Марк (121—180), римский император (с 161) 74, 88, 386, 390

Адан Поль (1862—1920), французский писатель-романист и критик 249

Адель см. Герцык А.К.

Адриан Публий Элий (76—138), римский император (с 117) 80, 82, 378, 382, 388

Азадовский К.М. 415

Айвазовский Иван Константинович (1817—1900), художник-маринист; имел в Феодосии большой дом на берегу моря, с картинной галереей, открытой для публики (1880) 329, 355, 463

Алатори см. Аллори К.

Айседора см. Дункан А.

Александр II (1818—1881), российский император (с 1855) 75, 179, 360, 464

Александр III (1845—1894), российский император (с 1881) 75, 345, 346, 396, 459

Александр Македонский (356—323 до н.э.), царь Македонии с 336, полководец 83, 389

Александра Васильевна см. Гольштейн А.В.

Александра Михайловна см. Петрова А.М.

Александров А., переводчик 442

Алексеевы, московские домовладельцы 419

Алексей Васильевич см. Сабашников А.В.

* В указателе не раскрываются и не аннотируются имена современных исследователей, а также имена книгоиздателей, являющиеся составными частями библиографических справок. Названия периодических изданий, значащихся лишь в комментариях, и заголовки трудов современных исследователей в указатель не включены.

Алексис см. Смирнов А. В.

Алехан (Алихан) см. Толстой А. Н.

Алеша см. Сабашников А. В.

Аллори Кристофано (1577—1621), итальянский живописец 59, 62, 379, 381

«Поклонение волхвов», картина 62, 381

«Юдифь с головой Олоферна», картина (1615) 59, 379

Альбер М.-О. 363

Альберти Леон Баттиста (1404—1472), итальянский архитектор и теоретик искусства 381

Альянаки, феодосийский домовладелец 449

Аморя см. Сабашникова М. В.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1938), журналист, прозаик, драматург 180, 194, 201, 422, 427

Анастасия Михайловна, начетчица-старообрядка 345

Англада-и-Камараза Эрменхильдо (1872—1939), испанский художник; работал в Париже 143

Андерс Виктор Платонович (наст. фамилия Васильев; 1885—1940-е), анархист-террорист, политкаторжанин, художник 355

Андерсен Ханс Кристиан (1805—1875), датский писатель-сказочник 43, 58, 173, 373, 378, 379, 415

«Базар поэта (1840 г.): Железная дорога», очерк (рус. пер. 1894) 43, 373

«Бронзовый кабан», сказка (1842; рус. пер. 1844) 58, 378, 379

«Оле-Лукойе», цикл сказок (1842) 173, 415

Андреа да Фиренце (собств. Андреа Бонайути), флорентийский живописец XIV века, ученик Джотто 381

Андреа дель Сарто (наст. имя Андреа дель Аньоло; 1486—1531), итальянский живописец флорентийской школы 52, 56, 59, 88, 376, 377, 379, 380

«Благовещение» (1512—1514), картина 379

«Вознесение Богоматери (1529; заказанное Бартоломео Панчатики)», картина 59, 380

«Вознесение Богоматери (заказанное Маргаритой Пассерини)», картина 59, 380

«Диспут о Троице», картина (1517) 379

«Мадонна с гарпиями», картина (1517) 56, 377

«Святое семейство», картина (1520) 88

Андреев А. С., слесарь 445

Андреев Алексей Васильевич (? —1876), потомственный почетный гражданин, муж Н. М. Андреевой 152 («отец»), 406

Андреева Александра Алексеевна (1853—1926), писательница, переводчица 290, 444

Андреева Наталья Михайловна (урожд. Королёва; 1832–1910), богатая купчиха 152 («мать»), 406

Андреева-Бальмонт Е.А. см. Бальмонт Е.А.

Анжелико (наст. имя Фра Джованни да Фьезоле; прозвище Беато Анжелико; в миру Гвидо ди Пьеро; ок. 1400–1455), итальянский живописец; монах-доминиканец 380

Фрески монастыря Сан Марко во Флоренции (1438–1445) 380

Аничков Евгений Васильевич (1866–1937), литературовед и критик 215, 427

Анна Рудольфовна см. Минцлова А.Р.

Антар, Антара ибн Шаддад (ум. ок. 615), арабский поэт 179, 180

Антиной (?–130), греческий юноша, любимец императора Адриана 82

Антонин Пий (86–161), римский император (с 138) 389

Антонюк Корнилий (Корней) Антонович, дядя М.С. Заболоцкой по материнской линии, токарь по дереву 361

Апашка (кличка?), неустановленное лицо 160, 410

Аполлодор Дамасский (вторая половина I в. — после 125), римский архитектор 390

«Аполлон Бельведерский», скульптура (IV в. до н. э.) 65

Аппий Клавдий Цекус (IV в. до н. э.), римский консул и цензор 386

Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769–1834), государственный и военный деятель; организатор военных поселений 197

Аркадакский Константин Васильевич (псевд. К. Добреневич (Добранович, Добряннович); 1849–1930), журналист 154, 201, 408

Аркос (Арко) Жан Рене (1881–1959), французский писатель и журналист 299

Арнольд Федор Карлович (1877–1954), сын статского советника из Пскова, выпускник 3-й Московской гимназии, студент юридического факультета Московского университета; позднее — присяжный поверенный, автор воспоминаний о студенческих годах 366, 367, 395

Арнольфо ди Камбио (ок. 1245 — до 1310), итальянский скульптор и архитектор 377, 389

Артуа Филипп д', граф (1757–1836), младший брат Людовика XVI; впоследствии французский король Карл X 425

Архипов Абрам Ефимович (1862–1930), живописец 442

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), прозаик, публицист 321

Ауэр Зоя Львовна (Зуша, ок. 1872–1918, в замужестве Унковская), дочь Л.С. Ауэра 398

Ауэр Леопольд Семенович (1845–1930), скрипач и педагог 129, 398

Ауэр Мария Львовна (1883—1959; в замужестве Унковская), дочь Л.С. Ауэра, позднее вокальный педагог 127—138, 398, 399, 434

Ауэр Надежда Евгеньевна (урожд. Пеликан; 1855—1932), жена Л.С. Ауэра 129, 138, 398

Ауэр Надежда Львовна (1876—1976; в замужестве Сибор), дочь Л.С. Ауэра, пианистка 129, 398

Ауэр Наталья Львовна (Гиля, 1874—1933, в замужестве Миклашевская), певица 128, 129, 131, 132, 134—135, 397, 398

Ауэр, семья 398

Б. см. Багницкий Д.Р.

Бабаян Арминия (в замужестве Карбонель; 1877—1974), французская художница 301, 447

Бабаян Маргарита Аветовна (1874—1968), певица 301, 447

Бабушка см. Глазер Н.Г.

Багницкий Дарий Ромуальдович (ок. 1853—1910), журналист, парижский корреспондент газеты «Русь» 180, 417

Багно В.Е. 441

Баженов Николай Николаевич (1857—1923), психиатр, директор Литературно-художественного кружка 218

Байрон Джордж Ноэл Гордон ((1788—1824), английский поэт, прозаик, драматург 102, 377, 393, 413

«Манфред», поэма (1816—1818) 169, 413

«Паломничество Чайльд Гарольда», поэма (нач. 1809, изд. 1812—1818) 393

«Песнь к сулиотам», стихотворение (1823) 393

Бакст О.И. 373

Балашов Абрам Абрамович (1884—?), сын московского старообрядца, иконописец 458

Балгар Виктор (Baltard; 1805—1874), французский архитектор 407

Балтрушайтис Мария Ивановна (урожд. Оловянишникова; 1878—1948), дочь купца, жена Ю.К. Балтрушайтиса 178, 179, 416

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944), литовский и русский поэт, сотрудник «Весов» 179, 320, 416, 450

Бальмонт Вера Николаевна (урожд. Лебедева, 1843—1909), мать К.Д. Бальмонта 349 («мать»), 455

Бальмонт Дмитрий Константинович (?—1907), помещик, мировой посредник, мировой судья; отец К.Д. Бальмонта 349 («отец»), 461

Бальмонт Екатерина Алексеевна (урожд. Андреева; 1867—1950), переводчица, тетка М.В. Сабашниковой; вторая жена К.Д. Бальмонта 144, 145, 148, 151, 155, 156, 159, 176, 183, 185, 187, 208, 209, 215, 218, 245—247, 267, 301, 320, 406, 408—410, 427, 432—434, 446, 445, 461

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, переводчик, эссеист 136, 137, 144, 145, 153, 154, 159, 164, 166, 173, 175, 176, 182, 183, 185, 187, 189, 214, 219, 224, 247, 250, 251, 267, 270, 297, 298, 315, 317–319, 349–353, 377, 392, 399–402, 408–411, 416–419, 427, 428, 432–434, 446, 450, 451, 461

«Елена», стихотворение (1904) 403

«К воздуху», стихотворение (1903) 450

«Поэзия стихий», лекция (1904) 187, 419

«Сборник стихотворений», кн. (1890) 350, 461

«Только любовь: Семицветник», кн. (1903) 403, 428, 451

«13 мая», стихотворение (1904) 143, 144, 402

Бальмонт Мирра Константиновна (1907–1970), дочь К.Д. Бальмонта и Е.К. Цветковской 318, 434

Бальмонт Нина Константиновна (1901–1989), дочь Е.А. и К.Д. Бальмонтов 237

Бамбергер Фридрих (1814–1873), немецкий живописец-пейзажист и график 19

Бандинелли Баччо (1488–1560), итальянский скульптор 377

«Геркулес и Какус», скульптура (1534) 377

Баррес Морис (1862–1923), французский писатель, член Французской Академии (с 1906) 277

Баулер А. см. Гольштейн А.В.

Баулер Аркадий Васильевич (1852– ок. 1920), брат А.В. Гольштейн, впоследствии генерал-майор 415

Баулер Василий Яковлевич (1822–1884), сын выходца из Швейцарии, профессор математики военного училища в Петербурге 175 («отец»), 415

Башкирцева Мария Константиновна (1860–1884), художница, с 1872 жила во Франции; автор «Дневника» (опубл. 1887) 86

Бедекер Вильгельм Карл (1801–1859), издатель туристических путеводителей по разным странам, основатель фирмы, до сих пор носящей его имя 17, 88, 369

Безант Анни (урожд. Вуд; 1847–1933), писательница-теософка, с 1893 глава Теософского общества (резиденция – индийский город Мадрас) 205, 206, 424

«Проблемы судьбы», лекция (1904) 424

Бёкли Арнольд (1827–1901), швейцарский живописец 42, 370

«Верховая прогулка Смерти (Осень и Смерть)» («Der Ritt des Todes (Herbst und Tod)», картина (1871) 370

«Вилла у моря», картина (1864) 370

«Вилла у моря», картина (1865) 370

«Игра волн», картина (1883) 22, 51, 371

«Мадонна», картина 18, 370

- «Морская идиллия» («Meeresidylle»), картина (1872) 370
 «Путь в Эммаус», картина (1870) 370
 «Скалистое ущелье» («Die Fels-Schlucht»), картина 370
- Белый Андрей** (собств. Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934), поэт, прозаик, критик, эссеист 163, 164, 170, 183–187, 218, 270, 271, 273, 278, 281, 282, 286, 288, 289, 358, 359, 361, 411, 419, 421, 438, 440, 464, 465
- «Возврат: Третья симфония», кн. (1904) 183, 185, 418, 419
 «К. Д. Бальмонт», статья (1904) 164, 411
 «Панихида», поэма (1907) 273, 440
 «Северная симфония», кн. (1904) 419
 «Старинному врагу», стихотворение (1904) 418
- Беневская Мария Аркадьевна** (1882–1942), эсерка-террористка, политкаторжанка, корреспондент и адресат Л. Н. Толстого 358, 464
- Беневский Аркадий Семенович** (1840– ок. 1907), генерал-майор, затем генерал от инфантерии (с 1901) 464
- Бенедит Жорж** (1857–1926), археолог, хранитель древностей Египта в Лувре 179, 417
- Бенуа Александр Николаевич** (1870–1960), живописец, график, сценограф, искусствовед, музейный деятель 195
- Бенчи ди Чоне** (XIV в.), итальянский архитектор 377
- Бёрдсли** (Бердслей) Обри Винсент (1872–1898), английский рисовальщик 451
- Бёрн-Джонс Эдуард Коли** (1833–1898), английский живописец и рисовальщик, член Братства прерафаэлитов 155, 408
 «Благовещение», картина (1879) 408
- Бернини Джованни Лоренцо** (Джанлоренцо; 1598–1680), итальянский скульптор и архитектор 66, 383
 «Аполлон и Дафна», скульптурная группа (1624) 66
- Бернини Пьетро** (1562–1629), итальянский архитектор 382
 Фонтан «Баркачча» («Лодочка»; 1629) 382
- Бертрен Александра Захаровна** (урожд. княжна Херхеулидзе), дочь феодосийского градоначальника, жена Л.-А. Бертрена 280
- Бертрен Луи Алексис** (псевд. Луи де Судак; 1851–1918), французский консул в Феодосии, краевед и писатель 280
- Бертрены** см. Бертрена А.З. и Бертрена Л.-А.
- Бетховен Людвиг ван** (1770–1827), немецкий композитор и органист 389
 Соната для скрипки и фп. № 9 (A-dur, Крейцера, ор. 47, 1802–1803) 389
- Биншток Владимир Львович** (1868–1933), адвокат, журналист и драматург, переводчик Л. Н. Толстого на французский язык 112, 398, 397
- Бисмарк Отто**, князь (1815–1898), немецкий государственный деятель и дипломат 249

- Блаватская** (Блавацкая) Елена Петровна (урожд. Ган, 1831—1891), теософка, религиозная писательница 233, 239, 240, 431, 437
- Блок** Александр Александрович (1880—1921) 289, 294, 295, 440, 444, 446
- «Песня Судьбы», драматич. поэма (1908) 295, 446
- Б-н**, неустановленное лицо 175
- Бобрнщев-Пушкин** Николай Сергеевич (1800—1871), декабрист 326, 454
- Бобрнщев-Пушкин** Павел Сергеевич (1802—1865), корнет, декабрист 326, 454
- Богаевская** Жозефина Густавовна (урожд. Дуранте; 1877—1969), жена К.Ф. Богаевского (с 1906) 356
- Богаевские** см. Богаевская Ж.Г. и Богаевский К.Ф.
- Богаевский** Константин Федорович (1872—1943), художник-пейзажист 253, 274, 279, 312, 321, 356, 423, 435, 442
- Боголюбов** Алексей Петрович (1824—1896), пейзажист, маринист 345, 459
- Богомолов** Н.А. 363, 412, 426, 435, 438—442, 444, 451
- Богораз** Владимир Германович (псевд. Тан; 1865—1936), писатель и этнограф 289
- Боден** Петр (1863—1917), французский политический деятель, адвокат 222, 429
- Бодлер** (Бодлэр) Шарль (1821—1867), французский поэт 270, 285, 439, 448
- «Цветы зла», кн. (1857) 439
- «Les Paradis Artificiels» («Искусственные раи», трактат (1860, рус. пер. 1908) 303, 448
- Бодэм** см. Боден П.
- Бонапарт** Полина (1780—1825), принцесса Боргезе, вторая сестра Наполеона I 383
- Боргезе**, итальянский княжеский род 64, 66, 382
- Боргезе** Сципионе (1576—1633), итальянский кардинал 382
- Борджиа**, знатный род испанского происхождения, игравший заметную роль в жизни Италии (XV—начало XVI в.) 91, 391
- Борис**, Боря см. Савинков Б.В.
- Борис Годунов** (ок. 1552—1605), русский царь (1598—1605) 343, 458
- Боровиковский** (собств. Боровик) Владимир Лукич (1757—1825), украинский и русский живописец 327, 329, 454
- «Благовещение», икона (между 1804 и 1811) 327, 329, 454
- Борромини** Франческо (1599—1667), итальянский архитектор 391
- Боттичелли** Сандро (наст. имя Алессандро ди Мариано Филиппи, 1445—1510), итальянский живописец 46, 56, 59, 170, 375, 379, 381, 385, 405

- «Оплакивание Христа», картина (после 1490) 375
«Рождение Венеры», картина (ок. 1483) 56, 405
- Браманте** Донато (собств. Паскуччо д'Антонио Донато; 1444–1514), итальянский архитектор 374, 382
- Брандес** Георг (1842–1927), датский критик и историк литературы 130, 398
- Брентано** Клеменс (1778–1842), немецкий поэт и прозаик 370
«Годви», роман (1801–1802) 370
- Бреши** Газтано (ум. 1901), анархист, убийца короля Италии Умберто I 393
- Бригадна** О.А. 436
- Брунеллески** Филиппо (1377–1446), флорентийский архитектор и скульптор 54, 377, 378
- Бруни** Федор Антонович (1799–1875), живописец 334, 455
- Брут** Луций Юний, патриций, по преданию, установивший в Риме республику в 510–509 до н. э. 389
- Брюллов** Карл Павлович (1799–1852), живописец и рисовальщик 329
- Брюллова** Лидия Павловна (в замужестве Владимирова; 1886–1954), литератор, внучатая племянница К.П. Брюллова 303, 307, 309
- Брюсов** Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, критик, переводчик; редактор журнала «Весы» 163, 182, 183–187, 194, 213, 270, 271, 278, 282, 286, 288, 289, 320, 355, 360, 402, 404, 411, 412, 415, 417–419, 421, 422, 426, 438–440, 444, 450, 451
«Бальдеру Локи», стихотворение (1904) 183, 418
«Огненный ангел», роман (1906) 451
- Брюсов** Яков Кузьмич (1848–1907), отец поэта, владелец пробочной фабрики 421
- Брюсова** Евгения Яковлевна (в замужестве Калюжная), сестра В.Я. Брюсова 422
- Брюсова** Иоанна Матвеевна (урожд. Рунт; 1876–1965), жена В.Я. Брюсова 213
- Брюсова** Лидия Яковлевна (в замужестве Киссина; 1888–1964), сестра В.Я. Брюсова 422
- Брюсова** Матрена Александровна (урожд. Бакулина; 1846–1920), мать В.Я. Брюсова 213, 422
- Брюсова** Надежда Яковлевна (1881–1951), сестра В.Я. Брюсова 194 («жена»), 422
- Бугатти** Рембрандт (1884–1916), итальянский скульптор-анималист 301
- Будагова** Е.Н. 363
- Буланни** Д.М. 363, 439
- Буонталенти** Бернардо (1536–1608), итальянский архитектор 377

Бурдин Дмитрий, товарищ В.И. Сурикова в юности 332, 455
Бускетто ди Джованни Джудичи (X в.), итальянский архитектор 376
Быховский Наум Яковлевич (1874— после 1929), публицист-народник, член партии эсеров 192

В. И. см. Ишеев В.И.

В. Н. см. Васильев В.Н.

Ваврженецкий Мариан (1863—1943), польский прозаик, критик, археолог, живописец, архитектор 10

Вагнер Рихард (1813—1883), немецкий композитор, дирижер и музыкальный писатель 232, 236, 431, 445

«Тристан и Изольда», либретто оперы (1865) 295, 445

Вазари Джорджо (1511—1574), итальянский живописец, архитектор и писатель 58, 68, 377, 379—381, 384

«Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», кн. (1550; рус. пер. 1956—1971) 68, 381, 384

Вайолет см. Харт Э.-В.

Вал. Матв., неустановленное лицо 263

Валадьер Джузеппе (1762—1839), итальянский архитектор и археолог 382

Валентинов Н. (собств. Николай Владиславович Вольский; 1879—1964), публицист, историк, философ 439

Валерий см. Брюсов В.Я.

Вальдор см. Мерсеро А.

Вальтер Г. 437

Ван Дейк (Ван Дик) **Антонис** (1599—1641), фламандский живописец 66, 383

«Распятый Иисус Христос», картина 66, 383

Ванье Леон (1847—1896), французский издатель 297

Варсонофий см. Закоурцев В.С

Варсонофий, странник 397

Василий, швейцар гимназии Л.И. Поливанова 187

Василий (?), о., красноярский священник 330

Василий Михайлович см. Сабашников В.М.

Васильев Всеволод Николаевич (1883—1944), инженер-гидролог, философ, жених Е.И. Дмитриевой (с мая 1911 — муж) 380, 310, 312

Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926), живописец 45, 46, 155, 408

«Аленушка», картина (1881) 45, 46

Росписи Владимирского собора в Киеве (1885—1896) 408

Ватто Антуан (1684—1721), французский живописец 147, 404, 409

- Ваувер** Иоганн ван ден (1576—1635 или 1636), нидерландский ученый и дипломат, друг П.-П. Рубенса 380
- Вебер** Лев Николаевич (1869—1956), врач-невропатолог, сын А.В. Гольштейн от первого брака 168, 169, 171, 210, 251, 412, 435
- Веласкез** (Веласкез, Веласкец; Родригес де Сильва Веласкес; 1599—1660), испанский живописец 83, 168, 170, 413
«Менины», картина (1656) 413
- Вера** см. Шварсалон В.К.
- Вера Степановна** см. Гриневич В.С.
- Вергилий** Марон Публий (70—19 до н.э.), римский поэт 393
- Верлен** Поль (1844—1896), французский поэт 185, 286, 297
- Верхарн** Эмиль (1855—1916), бельгийский поэт-символист 185, 430
- «Весы», литературно-художественный журнал (М., 1904—1909) 146, 169, 273, 404, 405, 410—413, 417—419, 423, 440, 444
- Визан** Танкред де (1878—1945), французский поэт-символист и критик 194
- Виктор** см. Андерс В.П.
- Виктор Эммануил II** (1820—1878), король Сардинского королевства (Пьемонт; 1849—1861) и первый король объединенной Италии (1861—1878) 49, 376
- Виктор Эммануил III** (1869—1947), сын Умберто I, последний король Италии (1900—1946) 101
- Виктория** Баденская, принцесса (1862—1930), жена наследника шведского престола Густава-Адольфа, с 1907 королева Швеции 85 («королева»), 174, 389
- Вилламовиц**, Вилламовиц-Меллендорф Ульрих фон (1848—1931), немецкий филолог-классик 288
- Вильдрак** Шарль (собств. Мессаже; 1882—1971), французский поэт и драматург 299
- Вилье де Лиль-Адан** Филипп Огюст Матиас, граф (1838—1889), французский прозаик и драматург 295, 296, 446
«Аксель», драма (1885—1886; опубл. 1890) 446
- Вилькина** Людмила Николаевна (собств. Изабелла Николаевна Вилькен; 1873—1920, в замужестве Виленкина), поэтесса, литературный критик; жена Н.М. Минского 294, 295
- Виньола** (собств. Джакомо да Бароцци; 1507—1573), итальянский архитектор и теоретик архитектуры 382
- Витгоф** Давид О. (1867—1933), художник, уроженец Одессы 220
- Виттиг** Эдвард (1879—1941), польский скульптор, работал в Париже 412
- Вл. Вас. Кос.**, неустановленное лицо 336, 457
- Вл. К.** см. Герцык В. К.
- Владимиров**, неустановленное лицо 76

Воейков Владимир Васильевич (1873–1948), архитектор, муж дочери П. П. Теша 184, 418

Воейкова Евгения Павловна (урожд. Теш; 1873–1962), дочь П. П. Теша 184, 418

Воейковы см. Воейков В. В. и Воейкова Е. П.

Войков Петр Лазаревич (собств. Пинхус Лазаревич Вайнер; 1888–1927), советский дипломат 356, 463

Волконская Зинаида Александровна, княгиня (1792–1862), писательница, хозяйка салонов в Москве и Риме 86, 87, 390

Володя см. Лихтенштадт В. О.

Волошина Мария Степановна (урожд. Заболоцкая; 1887–1976), фельдшерица и акушерка, вторая жена Волошина 353, 355, 356, 360–362, 364, 463–465

Волынский Аким Львович (собств. Хаим Лейбович Флексер; 1863–1926), литературный критик и искусствовед 281

«Всемирная иллюстрация», журнал (СПб., 1869–1898) 335, 456

Вяземские, семья 395

Вяземский Валериан Орестович (1867–1924), приятель детских лет Волошина, с 1894 инженер путей сообщения 386

Вячеслав см. Иванов В. И.

Габрилович Осип Соломонович (1878–1936), пианист и композитор; с 1914 жил в США 131, 135

Габсбурги, европейская династия 313, 448

Гадди Таддео (1300–1366), итальянский художник, последователь Джотто 381

Гай Цестий Эпуло (ум. 12 до н. э.), римский претор, член *Septemviri eripiones* (Сентябрьский эпулон (*лат.*) – коллегия жрецов, в обязанности которой входила организация пиршеств) 77, 387

Гайдн Йозеф (1732–1809), австрийский композитор 314

Гайдук Д. 452

Галилей Галилео (1564–1642), итальянский астроном и механик 52, 59, 376, 379

Галлори Эмилио (1846–1924), итальянский скульптор 386

Гамбаров Юрий Степанович (1850–1926), юрист, профессор Московского университета 201

Гамсун Кнут (наст. фамилия Педерсен; 1859–1952), норвежский прозаик 196, 197, 415, 436

«Виктория», роман (1898) 174, 207, 415

«Драма жизни», пьеса (1896) 436

Гангхофер Йорг (собств. Йорг фон Хальсбах), немецкий архитектор (вторая половина XV в.) 370

Ганзен Анна Васильевна (урожд. Васильева; 1869–1942), переводчица 373

- Ганзен** Петр Готфридович (1846—1930), датско-русский литератор, переводчик 373
- Гапон** Георгий Аполлонович (1870—1906), священник, политический деятель 190, 191, 193, 363, 420, 421
«История моей жизни», кн. (1924) 363
- Гарелина** Лариса Михайловна (1865—1942), дочь шуйского фабриканта, первая жена К.Д. Бальмонта, во втором браке Энгельгардт 349—351
- Гарибальди** Джузеппе (1807—1882), народный герой Италии, один из вождей революционного крыла Рисорджименто и освободительных войн против Австрии 50, 84, 238, 386
- Гаспаров** М.Л. 363
- Гассан-Байрам-Али**, предсказатель 315, 449
- Гауптман** Герхарт (1862—1946), немецкий драматург, поэт, прозаик 433
«Потонувший колокол», стихотворная драма (1896) 240, 433
- Гваринет** Игнатий Христофор, глава австрийского посольства к Петру I (1698) 457
- Гверчино** (собств. Джованни Франческо Барбьери, 1591—1666), итальянский живописец, офортист и рисовальщик 46, 374
«Изгнание Агари» («Авраам изгоняет Агарь и Измаила»; 1657—1658), картина 46, 374
- Гвискар** Роберт (ок. 1015—1085), один из предводителей норманнских завоевателей, вставший во главе норманнского Сицилийского королевства 99
- Ге** Николай Николаевич (1857—1940), сын художника Н.Н. Ге, педагог 154, 408
- Гейне** Генрих (1797—1856), немецкий поэт, публицист, критик 43, 102, 103, 235, 241, 284, 370, 373, 393, 433, 443
«Боги в изгнании», очерк (1853) 393
«Богиня Диана», пантомима (1846) 393
«Встреча», стихотворение (1837) 241, 433
«Новые стихотворения», сб. (1837, 1844) 433
«Рыцарь Олаф», стихотворение (1839) 284, 443
- Гельбиг** Вольфганг Карл (1839—1915), немецко-итальянский археолог 68 («муж»), 85—86 («профессор»), 89 («профессор»), 384
- Гельбиг** Дмитрий Вольфгангович (1873—1954), выпускник Римского университета, позднее генерал итальянской армии 67 («сын»), 384
- Гельбиг** Елизавета Вольфганговна, художница 68 («дочь»), 85 («дочь»), 384
- Гельбиг** Надежда Дмитриевна (урожд. кн. Шаховская; 1847—1922), пианистка, ученица Ф. Листа, жена В.К. Гельбига 66—69, 86, 89, 384, 389
- Георге** Стефан (1868—1933), немецкий поэт-символист 166

- Гертнер Фридрих фон** (1792–1847), немецкий архитектор 369
- Герцен Александр Иванович** (1812–1870), прозаик, критик, общественный деятель 396, 416
- Герцык Аделаида Казимировна** (Лубны-Герцык; 1874–1925; в замужестве Жуковская), поэтесса, переводчица, литературный критик 269, 274, 276, 281, 292, 300, 301, 438, 441, 443, 445, 447
- Герцык Владимир Казимирович** (1885–1976), сводный брат сестер Герцык, геодезист и лесовод 280
- Герцык Евгения Казимировна** (Лубны-Герцык; 1878–1944), сестра А.К. Герцык, переводчица, критик; антропософка 280, 282, 291, 292, 300, 438, 445, 447
- Герцык, сестры** 274, 278, 364, 438, 441, 443, 447
- Гёте Иоганн Вольфганг** (1749–1832) 164, 365, 411, 443
 «Итальянское путешествие», мемуары (1816–1829) 365
 «Фауст», трагедия (1808–1831) 443
 «Wilhelm Meisters Wanderjahre» («Годы странствий Вильгельма Мейстера»), роман (1821, 1829) 164, 411
- Гетнер см.** Гефтлер Ф.Г.
- Гефтлер Фердинанд Г.** (ок. 1840–1889), медик 334, 456
- Гиль Анна Алиса** (Ghil; урожд. Бланшон; 1868–1936), жена (с 1888) Р. Гиля 173, 415
- Гиль Рене** (наст. фамилия Гильбер, 1862–1925), французский поэт-символист, литературный критик, глава группы «инструменталистов» 295, 297, 446
- Гиме (Гимэ) Эмиль** (1836–1918), французский археолог, музыкант и коллекционер 146, 228, 403, 404, 430
- Гинцбург Илья Яковлевич** (1859–1939), скульптор 463
- Гиппиус Зинаида Николаевна** (1869–1945), поэтесса, прозаик, критик, жена Д.С. Мережковского 185, 271, 421, 438, 440
 «Дмитрий Мережковский», очерк (1943) 421
- Гирландайо Доменико** (наст. имя ди Томмазо Бигорди; 1449–1494), итальянский живописец флорентийской школы Раннего Возрождения 378, 385
- Глазер Надежда Григорьевна** (урожд. Зоммер; 1823–1908), вдова инженер-полковника, статская советница, мать Е.О. Кириенко-Волошиной 280, 300, 443, 447
- Глеб, неустановленное лицо** 254
- Глез Альбер** (1881–1953), французский художник-кубист, участник «Аббатства» 299
- Глотов Яков Александрович** (1877–1938), двоюродный брат Волошина, переводчик и журналист; участник революционного движения, эсер 171, 172, 384, 392, 393, 410, 414
- Глюк Кристоф Виллибальд** (1714–1787), немецкий композитор 159, 409
 «Альцеста», опера (1767) 159, 409

- Гоголь Николай Васильевич** (1809–1852) 302, 384
«Рим», повесть (1842) 384
- Головин Александр Яковлевич** (1863–1930), живописец и сценограф, член объединения «Мир искусства» 302, 303, 447
«Голос молчания» см. «La Voix de Silence»
- Голубкина Анна Семеновна** (1864–1927), скульптор 159, 160, 316, 410, 449
- Гольдштейн С.Н.** 451, 458
- Гольштейн Александра Васильевна** (урожд. Баулер, в первом браке Вебер; 1850–1937), участница народнического движения, политэмигрантка; писательница, литературный и художественный критик, переводчица 124, 174, 245, 297–301, 385, 397, 400, 404, 409, 411, 415, 446
- Гольштейн Владимир Августович** (ок. 1849–1917), врач, участник революционного движения в России 301
- Гольштейны** см. Гольштейн А.В. и Гольштейн В.А.
- Гомер**, древнегреческий эпический поэт 102, 392
- Гомес (Гомец) Карильо Энрике де** (1873–1927), писатель, уроженец Гватемалы; с 1891 – в Европе 218, 427
«Esquises. Siluetes de escritores. Oscar Wilde, etc.», кн. (1892) 427
- Гонкур, братья** 398
«Дневники» (1851–1896) 126, 398
- Гонкур Жюль де** (1830–1870), французский писатель 398
- Гонкур Эдмон де** (1822–1896), французский писатель 128, 398
- Гораций** (Квинт Гораций Флакк; 65–8 до н. э.), римский поэт 384
- Горностаев Иван Иванович** (1821–1874), архитектор, рисовальщик, акварелист, историк искусства, педагог 334, 456
- Городецкий Сергей Митрофанович** (1884–1967), поэт, критик, прозаик 251, 271, 277, 282, 304, 434, 435, 438–443
- Горчаков Александр Михайлович**, князь (1798–1883), дипломат, министр иностранных дел и государственный канцлер, один из руководителей внешней политики России в царствование Александра II 75
- Горький М.** (собств. Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) 191, 356, 361, 420, 463
«На дне», пьеса (1902) 356, 463, 464
- Гофман Елизавета Николаевна** (урожд. Иванова; ок. 1873–1941), сестра А.Н. Ивановой, двоюродная сестра М.В. Сабашниковой 267–269, 443
- Гофман Эрнст Теодор Амадей** (1776–1822), немецкий прозаик, литературный и художественный критик, композитор, театральный художник 212, 426
«Песочный человек», повесть (1815) 426

Гоццолли Беноццо (собств. Беноццо ди Лезе ди Сандро Алесслио; 1420—1497), итальянский живописец Раннего Возрождения 52, 78, 376

«Благовещение», картина 78

Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960), живописец, историк искусства, реставратор 321, 451

Гребнев Николай Васильевич (1831—?), живописец-портретист 329, 454

Греем (Грехем) Кеннет (1859—1932), английский детский писатель 70, 385

«Дни грез», кн. (рус. пер. 1900) 385

«Уклончивый дракон», сказка (рус. пер. 1900) 70, 385

Гржебин Зиновий Исаевич (собств. Зелик Шиев; 1869—1929), художник и издатель 291

Григорий XVI (в миру Бартоломео Альберто Капеллари; 1765—1846), Папа Римский (с 1831) 388

Гринвальд Маргарита Константиновна (ок. 1884—1969), позднее лингвистка, переводчица 235, 238, 242, 248, 291, 374, 431, 444

Гриневич Вера Степановна (урожд. Романовская, ? — после 1939), дочь коменданта Судакской крепости, библиограф; в 1923 эмигрировала 276, 277, 280, 286, 441

Гриф см. Соколов С.А.

Гросман, книгоиздатель 373

Гумилев Николай Степанович (1886—1921), поэт, критик 304, 311, 320, 358, 448, 450, 465

Гуревич Любовь Яковлевна (1866—1940), литературный и театральный критик, издатель 420

«9-е января по данным “анкетной комиссии”», кн. (1906) 420

Гурмон Реми де (1858—1915), французский поэт, литературный критик, эссеист 401

Густав Адольф (1858—1950), в 1900 наследник шведского престола, с 1907 король Густав V Адольф Шведский 389

Гюго Виктор Мари (1802—1885), французский прозаик, поэт, драматург 53, 147, 180, 404

Гюисманс Жорис Карл (1848—1907), французский прозаик и художественный критик 296

Давиденко Елизавета Николаевна (1867— после 1918), художница, подруга Е.С. Кругликовой 111, 195, 265, 410, 422

Давыдов Василий Львович (1792—1855), полковник, декабрист 326, 454

Давыдов З.Д. 363, 365, 401, 415

- Д'Аннуцио Габриеле (1863–1938), итальянский поэт, прозаик, драматург 86, 156, 409
- Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт 59
- Дантон Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции 112, 118, 396
- Даша, неустановленное лицо 308
- Дебюсси Клод (1862–1918), французский композитор 314, 448
«Пеллеас и Мелизанда», опера (1893–1902) 314, 448
- Девочка см. Гринвальд М.К.
- Деврис Абрагам (Abraham De Vries; ок. 1590 – ок. 1655), голландский живописец 59, 379
- Деген Евгений Викторович (1866–1904), заведующий отделом театра в газ. «Курьер», переводчик 433
- Декарт Рене (1596–1650), французский философ, математик, физик и физиолог 405
- Деманж Шарль Габриэль Эдуард (1841–1925), французский адвокат, участник разбирательства по делу А. Дрейфуса 76
- Дени Морис (1870–1943), французский живописец 417
- Дёнкан И. см. Дункан А.
- Де Санктис Франческо (1693–1740), итальянский архитектор 382
- Джакомелли Винченцо (1841–1890), итальянский живописец 86, 390
- Джакомо делла Порта (ок. 1537–1602), итальянский архитектор 382
- Джамболонья (собств. Джованни да Болонья; 1529–1608), итальянский скульптор 52, 376
«Козимо I Медичи», скульптура (1593, по др. данным 1594) 52, 376
- Дженнингс Альфонсо (Alfonso J. «Al» Jennings; 1863–1961), американский адвокат и политический деятель, позднее деятель киноиндустрии; друг юности О. Генри 465
«О. Генри на дне» («Through the shadows with O. Henry»), кн. (1922; рус. пер. 1925) 361, 465
- Дживанни да Болонья см. Джамболонья
- Джиоттино см. Джоттино
- Джиотто см. Джотто ди Бондоне
- Джованни да Милано (собств. Джованни ди Якопо ди Гвидо да Каверсайо; ок. 1320 – после 1369), итальянский живописец и скульптор 46, 375
«Распятие Св. Амвросия», картина 375
- Джоттино (наст. имя Джотто ди Стефано; ок. 1324–1369), итальянский живописец флорентийской школы 57, 378
«Оплакивание Христа» («Pietà»), картина 57, 378

- «Снятие со креста» см. «Оплакивание Христа»
- Джотто ди Бондоне** (1266 или 1267—1337), итальянский живописец и архитектор 57—59, 376, 378, 379, 381
- Джулио Романо** (Джулио Пиппи или Джулио ди Пьетро де Джануцци; 1492 или 1499—1546), итальянский архитектор и живописец 68, 384, 387, 390
- Джунковский Николай Федорович** (?—1915), управляющий Курской казенной палатой 251, 435
- Диаконев Михаил Васильевич** (1807—1886), живописец и рисовальщик, педагог 334, 455
- Дикман М.И.** 419
- Дине Альфонс-Этьен** (1861—1929), французский художник-ориенталист 179
- Диоклетиан Гай Аврелий Валерий** (245—313), римский император в 293—305 63, 381
- Дионисий I** (ок. 432—367 до н. э), тиран Сиракуз (405—367 до н. э.) 183
- Диотисальви** (XII в.), итальянский архитектор 376
- Дмитриев Валериан Иванович** (1880— начало 1930-х), брат Е.И. Дмитриевой, военный моряк, участник обороны Порт-Артура; умер в эмиграции 305, 306, 448
- Дмитриев Иван Васильевич** (ок. 1857—1901), учитель чистописания, надворный советник; отец Е.И. Дмитриевой 448
- Дмитриева Антонина Ивановна** (1883—1908), сестра Е.И. Дмитриевой 295, 304—306, 308, 309, 446, 448
- Дмитриева Елизавета Ивановна** (1887—1928), поэтесса; в 1908 закончила женский Педагогический институт (по специальности русские язык и история, французские язык и литература) 292, 295, 303—312, 315, 445, 446, 448
- Дмитриева Елизавета Кузьминична** (1859—1942), мать Е.И. Дмитриевой, повивальная бабка 295, 446, 448
- Дмитриевская Дарья Михайловна** (1864—1933), первая жена В.И. Иванова (1886—1895) 436
- Дмитрий Иванович** (1582—1591), царевич, сын Ивана Грозного 332, 455
- Дмитрий Самозванец, Лжедмитрий I** (?—1606), русский царь (с 1605) 343
- Добролюбов Александр Михайлович** (1876—1945?), поэт, религиозный деятель 427
- Добрянович** см. Аркадакский К.В.
- Дольчи Джованни де**, итальянский архитектор (XV в.) 385
- Донателло** (собств. Донато ди Николо ди Бетто Барди; ок. 1386—1466), итальянский скульптор 61, 377, 380

- «Аттис Аморино» («Амур-Атис»), бронзовая статуэтка (ок. 1440) 380
«Давид», скульптура (бронза; ок. 1430–1432) 380
«Давид», скульптура (мрамор) 380
«Мардзокко», эмблематическая скульптура льва (1418–1420) 377
«Никколо да Ущано», раскрашенный бюст из обожженной глины 61, 380
«Св. Георгий», скульптура (1416) 380
«Св. Марк», скульптура (1412) 380
«Юдифь и Олоферн», скульптура (1456–1457) 377
- Доржиев** Агван (ок. 1854–1938), бурятский хамбо-лама, реформатор ламаизма, богослов 242, 433
- Досекин** Николай Васильевич (1863–1935), художник-пейзажист, член Московского товарищества художников 160, 181, 184, 216, 399
- Достоевский** Федор Михайлович (1821–1881) 187, 207, 217, 244, 345, 361, 425, 427, 433, 434
«Бесы», роман (1871–1872) 427
«Идиот», роман (1868) 250, 433, 434
- Дрейфус** Альфред (1859–1935), капитан французского Генерального штаба 76, 172, 386, 387
- Дрейфус** Люси Эжени (урожд. Адемар; 1869–1945), жена А. Дрейфуса с 1890 387
- Дуделе** (Дудлей; Doudelet) Шарль (1861–1938), бельгийский живописец и график 169, 413
- Дуже** Элеонора (1858–1924), итальянская драматическая актриса 86
- Дункан** Айседора (Изадора; 1877–1927), американская танцовщица 423
- Дурандина** Ольга Матвеевна (урожд. Торгошина; 1816–1861), двоюродная тетка В.И. Сурикова с материнской стороны 333, 455
- Дурново** Семен Иванович, воевода Красноярска (конец XVII в.) 324, 452, 453
- Дурьлин** Сергей Николаевич (1877–1954), публицист, прозаик, искусствовед, театровед, филолог; с 1917 – священник 356, 463
«Дхарма» («Дарма»), древнеиндийская скульптура неизвестного автора 228, 430
- Дьяконова** Елизавета Александровна (1874–1902), выпускница Высших женских курсов в Петербурге (1899), автор «Дневника русской женщины» (изд. в 1905) 178, 179, 416, 455
- Дымшиц-Толстая** Софья Исааковна (1889–1963), художница, первая жена А.Н. Толстого 304, 447, 448
- Дюваль**, парижский мясоторговец 145, 403

Дюма Александр, отец (1802—1870), французский романист, мемуарист 143, 402

«Мои мемуары» (1852—1854) 143, 402

Дягилев Сергей Павлович (1872—1929), театральный и художественный деятель 271

Е. А. см. Бальмонт Е.А.

Е. П. см. Писарева Е.Ф.

Е. С. см. Кругликова Е.С.

Ел. Д. см. Чичагова Е.Д.

Евгения см. Герцык Е.К.

Евреинова Антонина (Нина) Васильевна (урожд. Сабашникова; 1861—1945), тетка М.В. Сабашниковой, издательница (1885—1890) 232

Еврипид (ок. 480—407 или 406 до н. э.), древнегреческий поэт-драматург 288, 409

Екатерина Алексеевна, тетя Катя см. Бальмонт Е.А.

Елена см. Цветковская Е.К.

Елена Дмитриевна см. Чичагова Е.Д.

Елизавета, императрица Австрийская (1837—1898) 393

Елизавета Платоновна см. Ярошенко Е.П.

Елизавета Сергеевна см. Кругликова Е.С.

Елисавета Ивановна см. Заяицкая Е.И.

Енишерлов В.П. 440

Ермак Тимофеевич (ум. 1585), казачий атаман, покоритель Сибири 322, 324, 347, 453, 460

Ершов Петр Павлович (1815—1869), поэт 415

«Конек-Горбунок», сказка (1834) 174, 415

Жаина д'Арк, Орлеанская дева (ок. 1412—1431), народная героиня Франции 260

Жемчужникова Мария Николаевна (1899—1987), последовательница антропософского учения, переводчица, мемуаристка 363

Женев Б., переводчик 457

Женя см. Герцык Е.К.

Жид Андре Поль Гийом (1869—1951), французский поэт, прозаик, драматург, журналист 401

Жуковская Т.Н. 364, 447

Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1866—1943), биолог, философ и издатель 447

Журден Франсис (1876—1958), французский художник 194

- Заболоцкая М.С.** см. Волошина М.С.
Заболоцкая Прасковья Антоновна (урожд. Антонюк; 1868–1905), мать М.С. Волошиной, прачка 362, 465
Заболоцкий (Заблоцкий) Степан Степанович (1883–1919), брат М.С. Волошиной 361, 362, 465
Заболоцкий Стефан Якубович (1861–1895), отец М.С. Волошиной, слесарь 362, 465
Заборов П.Р. 448
Зайцев Дмитрий Дмитриевич (1849–после 1916), архитектор, художник 334, 455
Зайченко, московский домовладелец 351, 461
Закоурцев Варсонофий Семенович, дьячок Троицкой церкви (с. Сухой Бузим) 340, 341, 458
Замятнин Павел Николаевич (1805–1879), генерал-майор, енисейский губернатор (1862–1869) 327
Замятнина Мария Михайловна (1862–1919), друг и домоправительница семьи В.И. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал 171, 414
Занд Ж. см. Санд Ж.
Заяицкая Елизавета Ивановна (урожд. Поливанова; 1895–1967), жена С.С. Заяицкого 355
Заяицкий Михаил Сергеевич (1920–1945), сын С.С. Заяицкого, погиб на Великой Отечественной войне 355
Заяицкий Сергей Сергеевич (1893–1930), прозаик, драматург, переводчик 354–356, 463
Заяицкий Сергей Сергеевич (мл.; 1918–1986), сын С.С. Заяицкого, моряк торгового флота 355
Збук Василий Ксенофонович, московский домовладелец 346
Званцева Елизавета Николаевна (1864–1921 или 1922), художница 442
Звягина Мария (Майя) Михайловна (1886–1942), гимназическая подруга Е.И. Дмитриевой 162, 303, 448
Зиновьев Дмитрий Васильевич (1822–1904), отец Л.Д. Зиновьевой-Аннибал 411
Зиновьева Л. см. Зиновьева-Аннибал Л.Д.
Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (урожд. Зиновьева, в первом браке Шварсалон; 1866–1907), прозаик, вторая жена В.И. Иванова 251, 254, 256–264, 266, 267, 269, 274, 275, 278, 280, 281, 286–288, 291, 411, 434, 435, 438, 441, 443
Зиновьевы, родственники Л.Д. Зиновьевой-Аннибал 282
«Золотое Руно», журнал (М., 1906–1909) 274, 436, 437, 444, 446
Золя Эмиль (1840–1902), французский прозаик, драматург, литературный и художественный критик, публицист 76, 386, 387, 430

- «Ругон-Маккары», серия романов (1871–1893) 430
 «Я обвиняю», статья (1898) 386
- Зуев Дмитрий Павлович** (ок. 1822–1898), мемуарист 195, 422
- Ибсен Генрик** (1828–1906), норвежский драматург и поэт 286, 351, 430, 436
 «Бранд», драматическая поэма (1866) 254, 436
 «Пер Гюнт», драматическая поэма (1867) 226, 430
- Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный** (1530–1584), русский царь (с 1547) 337, 343, 455, 458
- Иван Львович** см. Поливанов И.Л.
- Иванов Александр Андреевич** (1806–1858), живописец 348, 349, 461
 «Явление Христа народу», картина (1837–1857) 348, 461
- Иванов Вячеслав Иванович** (1866–1949), поэт, драматург, филолог и переводчик 160, 163, 165, 167, 170–172, 183, 251, 252, 254–256, 258–266, 268–271, 274, 275, 277–279, 281, 282, 286, 289–293, 300, 303, 307, 308, 310, 320, 411, 412, 415, 434–445, 447, 451
 «Венок сонетов» (1909) 443
 «Кормчие звезды», кн. (1902) 415, 443
 «Любовь», стихотворение (опубл. 1902) 443
 «Религия Диониса», статья (1905) 412
 «Скиф пляшет», стихотворение (опубл. 1902) 415
 «Тантал», трагедия (1904) 437
 «Эллинская религия страдающего бога», курс лекций (1904) 412
- Иванов Петр Константинович** (1876–1956), журналист; позднее в эмиграции – религиозный писатель 321
- Иванова Анна Николаевна** (1877–1939), двоюродная сестра М.В. Сабашниковой 153, 245, 267–269, 274, 276–279, 295, 421, 438, 443, 444, 446
- Ивановский Владимир Николаевич** (1867–1931), философ, историк психологии 172
 «Извержение Везувия», картина неизвестного художника 62
- Изергина Антонина Николаевна** (1906–1969), в 1924 учащаяся, позднее искусствовед 360
- Изергина Мария Николаевна** (1904–1998), в 1924 студентка, впоследствии пианистка 360
- Изергины** см. Изергина А.Н. и Изергина М.Н.
- Икгин** (2-я половина 5 в. до н. э.), древнегреческий архитектор 394
 «Иллюстрация» см. «Всемирная иллюстрация»

Иловайская Ольга Дмитриевна (в замужестве Кезельман; во втором браке Матвеева; 1883—1958), дочь историка Д. И. Иловайского 154, 408

Иловайский Давид Иванович (1878—1935), студент; позднее палеонтолог, профессор московской Горной академии 241, 433

Иннокентий VIII (в миру Джамбаттиста Чибо; 1432—1492), Папа Римский (с 1484) 382

Инохоса Педро, дон (Hinojosa, 1820—1903), мексиканский генерал, военный министр 352, 462

Иоанна д'Арк см. Жанна д'Арк

Иоанна Матвеевна см. Брюсова И. М.

Исеев Петр Федорович (1831—1889), конференц-секретарь Императорской Академии художеств 336, 457

Ишеев Василий Петрович, князь (1878—1920), сын статского советника, окончил 3-ю Московскую гимназию с золотой медалью; студент юридического факультета Московского университета 8—12, 17, 19—25, 28—31, 33, 36—44, 46—48, 50, 51, 56—60, 62, 63, 66, 68—74, 77, 79, 80, 83, 84, 86—90, 93—97, 99—101, 104, 105, 107, 108, 363, 365—367, 370, 373, 378, 387, 395

К., неустановленное лицо 311

Казати, семья в Милане 45

Калнгула Гай Цезарь (12—41), римский император из династии Юлиев—Клавдиев (с 37) 88, 390

Калле Феликс Эмманюэль (Callet; 1791—1854), французский архитектор 407

Калликрат (середина 5 в. до н. э.), древнегреческий архитектор 394

Каллист I (ум. 222), бывший раб, был дьяконом катакомбной церкви; Папа Римский (с 217) 91, 391

«Кама Сутра», древнеиндийский трактат; составлен в 1-й половине 1-го тысячелетия н. э. 143, 159, 402

Кандауров Константин Васильевич (1865—1930), брат Л. В. Кандаурова, осветитель Малого театра, сценограф 321

Кандауров Леонид Васильевич (1877—1962), воспитанник семьи В. Д. Поленова, студент естественного факультета Московского университета: позднее — физик и агроном, педагог 7, 9, 9—13, 17—21, 23—25, 28—36, 38—48, 50, 51, 54, 56, 59—61, 63, 64, 66, 67, 69, 70, 73, 74, 76—80, 84, 85, 87—91, 93—95, 97—101, 103—105, 107, 108, 308, 363, 365—367, 369, 371, 372, 375, 377, 387, 395

Канова Антонио (1757—1822), итальянский скульптор 42, 65, 66, 84, 373, 383, 389

«Амур и Психея», скульптурная группа (копия) 42, 373

«Битва Дамоксена с Креугасом», скульптура (1800) 84, 389

- «Венера» см. «Венера-победительница»
 «Венера-победительница», скульптура (1805–1807) 66
 «Кающаяся Магдалина», скульптура (копия) 42
 «Магдалина с черепом» см. «Кающаяся Магдалина»
 «Персей», скульптура (1801) 65
- Каракалла** (Септимий Бассиан Марк Аврелий Антонин Каракалла; 188–217), римский император из династии Северов (с 211) 87, 88, 382, 390
- Каракаш** Юлия Георгиевна (1901–1963, в замужестве Мурхаева), симферопольская студентка, поэтесса 359
- Карандеев** Валериан Александрович (1873–?), сын прапорщика, в 1899 закончил 5-ю московскую гимназию и поступил на естественный факультет Московского университета 107, 108
- Карл V Мудрый** (1337–1380), французский король 58, 410
- Карлотта**, прусская принцесса (XIX в.) 42, 373
- Каролина Яковлевна** (1865–?), кухарка Гольштейнов, итальянка 158, 409
- Карре** Альберт (1852–1938), директор и режиссер парижской Комической Оперы (L'Opéra-Comique; 1898–1913 и 1918–1925) 409
- Каспрович** Ян (1860–1926), польский поэт 165–166
- Кастаньола** Габриеле (1828–1883), итальянский исторический живописец 62, 381
 «Фра Филиппо Липпи и монашенка из Бути», картина (1871) 62, 381
- Кастанья** см. Кастаньола Г.
- Катков** Михаил Никифорович (1818–1887), публицист консервативного направления, издатель 187, 270
- Катя** см. Манасеина Е.М.
- Катя** см. Сорокина Е.О.
- Катя**, сестра см. Сурикова Ек. И.
- Катя**, тетя Катя см. Бальмонт Е.А.
- Качерец** Григорий Саввич, литератор 137, 138, 400
 «Чехов», кн. (1902) 400
- Кедрин** Евгений Никандрович (1834–1906), преподаватель гимназии Л.И. Поливанова 186
- Кибиров** Т.Ю. 441
- Кир Младший** (ум. 401 до н. э.), персидский принц из династии Ахеменидов 393
- Кирсенко-Волошина** Елена Оттобальдовна (урожд. Глазер; 1850–1923), мать поэта; дочь инженер-полковника О.А. Глазера 128, 263, 265, 272, 280, 282, 350, 365, 366, 368, 392, 404, 421, 435, 436, 443, 447, 464
- Кирхер** Афанасий (1602–1680), немецкий ученый-иезуит 385

Киселев Александр Алексеевич (1855— не ранее 1918), живописец, монументалист 160, 410

Киселев М.Ф. 364, 413, 414

Кислаковская Мария Бернардовна, петербурженка, жена коллежского секретаря 130, 398

Клара, св. (1194—1254), сподвижница Франциска Ассизского 147

Клеопатра (69—30 до н. э.), царица Египта (с 51 до н. э.) 336, 457

Климент XIV (в миру Джованни Винченцо Антонио Ганганелли, в монашестве Лоренцо; 1705—1774), Папа Римский (1769—1774) 383

Клинггер Макс (1857—1920), немецкий живописец, график и скульптор 9

Клодель Поль (1868—1955), французский поэт, прозаик, драматург и востоковед 277, 441

«Отдых седьмого дня», драма (1896, опубл. 1901) 441

Клодт (Клодт фон Юргенсбург) **Владимир Карлович**, барон (1803—1887), генерал от артиллерии, профессор математики 334, 456

Кнебель Иосиф (Осип) Николаевич (1854—1926), издатель 373, 451

Княжевич Елена Ивановна, актриса, жена М.П. Арцыбашева 451

Князь см. Ишеев В.И.

Кобылинский Л.Л. см. Эллис

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), историк, правовед, социолог; профессор Московского и Петербургского университетов; основатель Высшей русской высшей школы общественных наук в Париже 194, 200, 422

Козимо I Медичи (1519—1574), герцог Флоренции, великий герцог Тосканский (с 1569) 377

Койранский Александр Арнольдович (Ааронович) (1884—1968), журналист, поэт, художественный критик 217, 218

Коломб Мишель (ок. 1430—1512), французский скульптор 430

Гробница Франсуа II, скульптурная композиция (1502—1507) 430

Коломийцев (Коломийцов) Виктор Павлович (1868—1936), музыкальный критик и переводчик, служил в Министерстве финансов 295, 445

Коммод, Луций Эллий Аврелий (Марк Коммод Антонин; 161—192), римский император с 180 389

Константин, Коиcтантин Дмитриевич см. Бальмонт К.Д.

Константин I Великий (ок. 285—337), римский император (с 306) 70, 385

Константин Константинович, великий князь (1858—1915), поэт (печатался под псевдонимом К. Р.), президент Российской академии наук 75

- Кончаловский** Петр Петрович (1876–1956), живописец, в 1910-е член группы «Бубновый Валет» 342, 433, 458
- Корб** Иоганн Георг (1672–1741), секретарь посольства, отправленного императором Леопольдом I в Москву к Петру I (1698) 344, 457
- Коренев** Анатолий Григорьевич (1868–1942), художник, музейный работник, зять С.И. Щукина 417
- Корнилий** см. Антонюк К.
- Коро** Камиль (1796–1875), французский живописец-пейзажист 150, 406
- Корреджо** (Корреджио; собств. Антонио Аллегри, ок. 1489–1534), итальянский живописец 56, 377
«Мадонна, поклоняющаяся младенцу» (или «Поклонение младенцу»; конец 1520-х), картина 56, 377
- Корсаков** Сергей Сергеевич (1854–1900), психиатр, профессор Московского университета 350
- Косоротов** Александр Иванович (1868–1912), журналист, драматург 127, 138, 139, 159, 160, 189, 397, 398, 400, 410, 417
- Котрелев** Н.В. 411, 416
- Крамской** Иван Николаевич (1837–1887), живописец 457
- Крейцер** Родольф (1766–1831), французский скрипач и композитор 389
- Кристенсен** Дагни (1876–1962), норвежская поэтесса, сотрудница журнала «Весы» 136, 399
- Кругликова** Елизавета Сергеевна (1865–1941), художница, с 1895 подолгу жившая в Париже 111, 143, 151, 153, 158, 160, 174, 176, 195, 196, 198, 210, 214–216, 223, 238, 396, 397, 399, 400, 407, 408, 410, 416, 417, 422, 426, 429, 449
- Крыжановский** К., гравер 456
- Ксенофонт** (ок. 430–ок. 355 до н. э.), древнегреческий писатель «Анабасис», историч. труд 393
- Ксеркс I** (?– 465 до н. э.), царь государства Ахеменидов (Персия) с 486 до н. э. 457
- Кудрявцев** Константин Дмитриевич, врач-окультист, сотрудник журнала «Вестник теософии» 259
- Кузмин** Михаил Алексеевич (1872–1936), поэт, прозаик, драматург, литературный и театральный критик, переводчик, музыкант 271, 278, 294, 435, 436, 440, 442
«Картонный домик», повесть (опубл. 1908) 436
- Кузнецов** Петр Иванович (1818–1878), городской голова Красноярска (1853–1865), золотопромышленник 330, 331, 335, 454, 456
- Кузьма**, могильщик 344
- Куинджи** Архип Иванович (1842–1910), живописец-пейзажист, уроженец Крыма; руководитель мастерской пейзажной живописи в Петербурге 18, 279, 321, 442

- Куприяновский П. В.** 418
Купченко В. П. 363–365, 369, 371, 387, 401, 407, 415, 425, 431, 433, 435
Куратов Янмухамед, князь, астраханский посол (1540) 464
Куратовы, род 357, 464
Курбатов Владимир Яковлевич (1878–1957), искусствовед 145, 155, 403, 406, 408
«Курочка Ряба», рус. народная сказка 145, 403
Кучум (?– ок. 1598), хан Сибирского ханства (с 1563) 453
Кушнерев И. Н. 455
- Л. В., Л. В. К., Л. К.** см. Кандауров Л. В.
Лабори Фернан (1860–1917), французский адвокат, участник суда над А. Дрейфусом 76, 386
Лавинский Александр Степанович (1776–1844), генерал-губернатор Восточной Сибири (1822–1833) 333
Лавров А. В. 365, 415, 418, 428, 440
Лавров Михаил Вуколович (1874–1929), студент филологического, затем юридического факультетов Московского университета 371
Лайза см. Гофман Е. Н.
Лалуа Луи (1874–1943), французский музыкальный критик, музыковед, журналист и синолог 314, 448
Ланг Александр Александрович (1872–1917), поэт 213, 426
Ландольт Фриц, владелец кафе в Женеве (1900-е) 172, 415
Ланте, римское семейство 66, 68, 384
«Лаокоон», скульптурная группа, созданная греческими ваятелями Агесандром, Афинодором и Полидором (между III и I в. до н. э.)
Лариса см. Гарелина Л. М.
Ла Сизеран Робер де (1857–1924), французский художественный критик 401
Латри Михаил Пелопидович (1875–1941), внук И. К. Айвазовского, живописец 321
Лаурана Франческо (ок. 1430–1502), итальянский скульптор 416
«Tête Inconnue», бюст 416
Лафон Эрнест, парижский адвокат 318
Лашез Франсуа де, о. (Père François de La Chaise; 1624–1709), иезуит, духовник Людовика XIV 406
Лев см. Поливанов Л. И.
Лев XIII (в миру Джоакино Печи; 1810–1903), Папа Римский (с 1878) 9, 73, 368
Левенсон А. А. 373
Леви Элифас (собств. Альфонс Луи Констан; 1810–1875), крупнейший французский оккультист XIX в. 442

- «Учение и ритуал высшей магии, т. 1», кн. (1856; рус. пер. 1910) 442, 443
- Лейбниц** Готфрид Вильгельм (1646–1716), немецкий философ, математик, физик, языковед 122
- Лейстиков** Вальтер (1865–1908), немецкий живописец и график, один из основателей берлинского Сецессиона 18
- Леонардо да Винчи** (1452–1519) 46, 66, 170, 374, 375, 377, 383
 «Голова Медузы», приписываемая картина 56, 377
 «Дама в сетке для волос с жемчугами», картина (1490) 46, 375
 «Изабелла» см. «Дама в сетке для волос с жемчугами»
 «Леда», картина (ок. 1510) 66, 383
 Сепасоло, «Тайная вечеря» (1495–1497), фреска 45, 374
- Леонид** см. Кандауров Л.В.
- Леонид** (508/507–480 до н. э.), царь Спарты, полководец 338, 457
- Леонид**, неустановленное лицо 308
- Леонтьев** И.В. 430
- Леопольд I** Габсбург (1640–1705), император «Священной Римской империи немецкой нации» (с 1658) 457
- Лермонтов** Михаил Юрьевич (1814–1841) 326, 332, 372, 455
 «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837) 332, 455
 «Утес», стихотворение (1841) 30, 372
- Лесгафт** Петр Францевич (1837–1909), врач, анатом и педагог (преподавал в т. ч. в Академии художеств) 84
- Либерсон** М., курсистка 295, 445
- Лигорио** Пирро (ок. 1513–1583), итальянский архитектор 388
- Лида** см. Брюллова Л.П.
- Лидия**, **Лидия Дмитриевна** см. Зиновьева-Аннибал Л.Д.
- Лиля** см. Дмитриева Е.И.
- Лимбах** И. 436
- Липочка** см. Сербинова О.Н.
- Липпи** Аннибале, итальянский архитектор (XVI в.) 378, 383
- Липпи** Филиппино (ок. 1457–1504), итальянский живописец 60–62, 62, 78, 378, 380, 381
 «Видение Св. Бернарда», картина (ок. 1486) 60, 380
 «Воскрешение апостолом Петром сына императора», фреска (начата Мазаччо в 1428; закончена Ф. Липпи ок. 1481–1483) 61, 381
- Липпи** Фра Филиппо (ок. 1406–1469), итальянский живописец 62, 379
 «Мадонна с младенцем», тондо (ок. 1452) 59, 379
- Липсий** Юст (1547–1606), фламандский философ-неосток 380

- Литвиенко Феодора Митрофановна (1888– ?), феоdosийка 355, 463
- Лихтенштадт Владимир Оттонович (1882–1919), литератор, эсер-максималист 303, 448
- Лонги Мартино Старший (ум. 1591), итальянский архитектор 382
- Лорис-Меликов Иван Захарович, граф (1862– не ранее 1907), врач-гигиенист 201
- Лубе (Лубэ) Эмиль Франсуа (1838–1929), республиканец, президент Франции (1899–1906) 76, 387
- Лубяникова Е. И. 363
- Луве Луи Альбер (1822–1898), французский архитектор 400
- Луи XIII см. Людовик XIII
- Луини Бернардо (между 1475 и 1480–1532), итальянский живописец 46, 374
- «Мадонна со Св. Антонием и Варварою», картина (1521), 46, 374
- «Мадонна со святыми и жертвователями», картина 46, 374
- «Мадонна del roseto», картина 46, 374
- «Положение во гроб Св. Екатерины», картина (1530) 46
- Лукрешия Бути, итальянская монахиня (XV в.) 381
- Лураго Рокко (1501–1590), итальянский архитектор 376
- Лухтанская Ф. Д., владелица фотоателье в Красноярске (конец XIX в.) 448
- Лучшев Сергей Яковлевич (1850– ?), рисовальщик 335
- Любимов Анатолий Львович (1882– конец 1930-х), студент-естественник, приятель А. В. Сабашникова, позднее экономист 231, 238, 242, 273, 422
- Любченко О. Н. 464
- Людвиг I Баварский (1786–1868), король Баварии (1825–1848) 370
- Людовик XIII (1601–1643), французский король (с 1610) 317
- М. В. см. Сабашникова М. В.
- М. К., М. Конст. см. Гринвальд М. К.
- Мадерна Карло (1556–1629), итальянский архитектор 382, 390
- Мадзини (Маццини) Джузеппе (1805–1872), деятель итальянского национально-освободительного движения, национальный герой Италии 49, 50, 376
- Мазаччо (Мазаччио; собств. Томмазо ди Джованни ди Симоне Кассаи; 1401–1428), итальянский живописец 61, 88, 378, 381
- «Чудесный лов рыбы» см. «Чудо со статиром»
- «Чудо со статиром», фреска (1427–1428) 61, 381

- «Воскрешение апостолом Петром сына императора», фреска (1428; не закончена) 381
 «Троица», фреска (1425 или ок. 1427) 378
- Мазо ди Банко**, итальянский живописец XIV в., ученик Джотто 378, 381
- «Оплакивание Христа» (Pietà), картина 378
- Майя см.** Звягина М.М.
- Макиавелли** Никколо (1469–1527), итальянский политический деятель, писатель 59, 439
 «Государь», трактат (изд. 1532) 439
- Маклаков** Василий Алексеевич (1870–1957), адвокат, публицист, один из лидеров кадетской партии; депутат Государственной Думы 194, 422
- Маковский** Сергей Константинович (1877–1962), поэт, художественный критик, редактор журнала «Аполлон» 449
- Макс** Габриель Корнелиус фон (1840–1915), немецкий художник-жанрист 21, 371
 «Галлюцинатка Катерина Эмерих», картина 21, 371
- Максенций** Марк Аврелий Валерий (ок. 280–312), римский император (306–312) 385
- Максимилиан** Габсбург (1832–1867), австрийский эрцгерцог 353, 462
- Малларме** (Маллармэ) Стефан (1842–1898), французский поэт, эссеист, литературный критик 176, 296, 298, 406, 416, 426, 428
 «Иродиада», драматическая поэма (1867–1869) 176, 406, 416, 428
 «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...», стихотворение (1885) 426
- Мама см.** Кириенко-Волошина Е. О.
- Мамонтов** Савва Иванович (1841–1918), промышленник, строитель Ярославской железной дороги, театральный деятель, меценат 189, 419
- Манасени** Михаил Петрович (1860–1917), доктор медицины 274, 354, 441
- Манасейна** Екатерина Михайловна (1895–1955), дочь М.П. и Н.И. Манасениных, драматическая актриса 354
- Маиасейна** Наталья Ивановна (1869–1930), детская писательница 274, 280, 354, 441
- Мандэс см.** Мендес К.
- Манин** (Манини) Даниэле (1804–1857), деятель итальянского национально-освободительного движения; в 1848–1849 возглавлял республиканское правительство Венеции 50, 376

- Мантенья** Андреа (1431–1506) живописец и гравер, главный представитель падуанской школы Раннего Возрождения 46, 374
«Мадонна с херувимами» (ок. 1485), картина 46, 374
- Марго** см. Гринвальд М.К.
- Маргоря, Маргарита** см. Сабашникова М.В.
- Мария Антуанетта** (1755–1793), французская королева (1770–1793) 425
- Мария Бернардовна** см. Кислаковская М.Б.
- Мария Ивановна** см. Балтрушайтис М. И.
- Мария Михайловна** см. Замятина М.М.
- Мария Федоровна** (урожд. Мария-София-Фредерика-Дагмар, принцесса Датская, 1847–1928), вдовствующая императрица, вдова Александра III 75, 346, 420, 459
- Маркс** Карл (1818–1883), мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма 270, 283
- Марин** Жан Мануэль (1854–1910), французский писатель 131
- Маруся** см. Волошина М.С.
- Маслов** Александр Викторович (1903 – ?), поэт 358
- Маслова** Ольга Николаевна, переводчица и прозаик (1890-е) 351
- Матвеев** Борис Николаевич (1873–1919), художник, член кружка «Монпарнас» 201, 210, 216, 422
- Мащини** см. Мадзини Д.
- Машута**, неустановленное лицо 309
- Медичи**, флорентийский род (XV в.) 59, 61, 65, 68, 378, 380, 383
- Медичи** Джакомо (1817–1882), военный и политический деятель итальянского Рисорджименто, командир гарибальдийской дивизии, участник освобождения Сицилии и неаполитанских провинций 50
- Медичи** Джулиано, герцог Немурский (1453–1478), брат Л. Медичи 380
- Медичи** Лоренцо (прозвище Великолепный; 1449–1492), итальянский поэт, правитель Флоренции с 1469 380
- Медичи** Мария (1573–1642), французская королева, вторая жена Генриха IV 407
- Мей** Лев Александрович (1822–1862), поэт, переводчик 92, 391
«Плясунья», стихотворение (1859) 92, 391
- Мельци д'Эрил Франческо**, граф де Лоди (1753–1816), итальянский политик, вице-президент Итальянской Республики (1802–1805) 42
- Мендес** (Мандэс) Катюль (1841–1909), французский прозаик, драматург и литературный критик 297, 298
- Меншиков** Александр Данилович (1673–1729), сподвижник Петра I, военный и государственный деятель 323, 344, 345, 452, 459
- Меншикова** Мария Александровна, дочь А.Д. Меншикова 323, 344, 452, 459

Мердер Надежда Ивановна (урожд. Свечина, 1839–1906), прозаик, драматург 194, 422

Мередит Джордж (1828–1909), английский поэт, романист и критик 165, 412

«Эгоист», роман (1879, рус. пер. 1894) 412

Мережковские см. Мережковский Д.С. и Гиппиус З.Н.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866–1941), поэт, прозаик, религиозный философ 183, 185, 271, 288, 421, 440

Мерсеро Александр (псевд. Вальдор (точнее Эсмер-Вальдор); 1884–1945), французский поэт и прозаик 298, 299, 446

Метерлинка Морис (1862–1949), бельгийский поэт, драматург, эссеист 401, 448

Мечников Илья Ильич (1845–1916), биолог 154, 408

Мечникова Ольга Николаевна (урожд. Белокопытова; 1858–1944), художница, жена И.И. Мечникова 154, 408

Микеланджело (Микель Анджело, Микельанджело) Буонарроти (1475–1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт 57, 59, 61, 64, 72, 83, 84, 87, 377, 380–383, 385, 386, 389, 390

«Вечер», скульптурное надгробие (1524–1531) 61, 380

«Давид», скульптура (1501–1504) 59, 377

«День», скульптурное надгробие (1526–1533) 61, 380

«Марк Аврелий», скульптура (1538) 74, 386

«Моисей», часть скульптурного надгробия папы Юлия II (1513–1516) 87, 390

«Ночь», скульптурное надгробие (1526–1533) 61, 84, 380, 389

«Победа», скульптура (1532–1534) 61, 380

«Победитель» см. «Победа»

«Страшный суд», фреска (1535–1541) 72

«Умиряющий Адонис», приписываемая скульптура 61, 380

«Утро», скульптурное надгробие (1524–1531) 61, 380

«Pietà» («Оплакивание Христа после снятия с креста»), скульптурная группа (ок. 1497–1499) 72, 383

Милани Аврелиано (1675–1749), итальянский живописец 46, 375

Милиоти Василий Дмитриевич (1875–1943), живописец, график, художественный критик; заведующий художественным отделом журнала «Золотое Руно» 253

Мильтон Джон (1608–1674), английский поэт, политический деятель, мыслитель 326

«Потерянный рай», поэма (1667) 326

Миних Бурхард Христоф (Христофор Антонович), граф (1683–1767), генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I 459

Миних см. Маслов А.В.

- Минский** Николай Максимович (собств. Виленкин; 1853–1937), поэт, публицист, переводчик, философ 427
 «Казнь жирондиста», стихотворение (1882) 217, 427
- Минцлов** Евгений Рудольфович (1835–?), дядя А.Р. Миншловой, житель Ташкента 229, 430
- Минцлов** Жан-Пьер (1850–?), дядя А.Р. Миншловой, управляющий акцизными сборами в Воронежской губернии 229, 430
- Минцлов** Рудольф Иванович (1811–1853), дед А.Р. Миншловой, библиограф и книговед 430
- Минцлов** Рудольф Рудольфович (1845–1904), отец А.Р. Миншловой, юрист и писатель 430
- Минцлов** Сергей Рудольфович (1870–1933), брат А.Р. Миншловой, писатель, библиограф и археолог 430
- Миншлова** Анна Рудольфовна (1865–1910?), переводчица; теософка и оккультистка 205, 207–212, 215, 217, 224, 226–233, 238, 242, 247, 249, 251, 254–256, 265, 270, 271–281, 284, 287–289, 291–293, 310, 424, 429–432, 434, 439–441, 443, 445, 450
 «Мир Искусства», журнал (СПб., 1898/99–1904) 171, 414
- Миранда** см. Mirande H.
- Миронович** Петр Никанорович (1871–?), живописец и график 454
- Мирочка** см. М.К. Бальмонт
- Мирз** см. Моисеева А.М.
- Михаил Петрович** см. Манасеин М.П.
- Михаил Ростиславович** см. Чулков М.Р.
- Михайловский** Николай Константинович (1842–1904), социолог, публицист и критик народнического направления 219, 427
- Михеев** Василий Михайлович (1859–1908), беллетрист 344, 459
 «Миних», рассказ (1891) 344, 459
- Мишка**, палач 338
- Многогрешные**, потомки Д.И. Многогрешного 324, 453
- Многогрешный** Демьян Игнатьевич, гетман Левобережной Украины (XVII в.) 453
- Моисеева** Александра Михайловна (1874–1913), писательница 250, 262, 434
- Моисеенко** Борис Николаевич (?–1918), эсер-террорист 464
- Молчанова** Н.А. 418
- Моммзен** Теодор (1817–1903), немецкий историк, специалист по древнему Риму и римскому праву 86, 288
- Моно** Эдуард (Monod-Herzen; 1873–1962), внук А.И. Герцена, сын его дочери и Г. Моно 175, 416
- Мопассан** Ги де (1850–1893), французский прозаик 351
- Морозова** Феодосия Прокопьевна, боярыня (1632–1675), сподвижница протопопа Аввакума 323, 340, 342, 345, 347, 458, 459
- Моррис** Уильям (1834–1896), английский художник, поэт, теоретик искусства, общественный деятель 143, 402

Музаффер-Эддин (1853–1907), персидский шах (с 1896) 9, 368
Мурильо Бартоломе Эстебан (1618–1682), испанский живописец 59, 379

«Мадонна с младенцем» (1650–1670-е) 59, 379

Муромцева Мария Сергеевна (Маня; ? –1930, в первом браке Витевская, во втором Брюан) 138, 144, 400

Муромцева Ольга Сергеевна (в первом браке Шарвина; с 1912 замужем за Н.С. Родионовым), сестра М.С. Муромцевой 138, 139, 144, 151, 176, 180, 400, 416, 417

Мусатов В.В. 412

Мусоргский Модест Петрович (1839–1881), композитор 314

Муха см. Ауэр М.Л.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) 405

Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808–1873), французский император (1852–1870), племянник Наполеона I 238, 296, 404

Нарышкин Иван Кириллович (1658–1682), боярин 336

Нарышкины, боярский род (с XVI в.) 336

Наталья Ивановна см. Манасеина Н.И.

Наталья Львовна см. Ауэр Н.Л.

Наталья Филипповна см. Святская Н.Ф.

Невенгловский Октавиан Иванович, педагог, преподаватель математики 344, 459

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/1878) 436

Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936), прозаик, журналист, путешественник 194, 422

Нерон Клавдий Цезарь (37–68), римский император (с 54) из династии Юлиев 71

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), живописец 334

Нефф Тимофей Андреевич, фон (Timoleon Karl, von; 1805–1876), живописец и портретист 327, 329, 335, 454

«Ангел молитвы», картина 327, 329, 454

Никё М. 363, 409

Никколо ди Бартоломео да Фоггья (XIII в.), итальянский архитектор 393

Никола Руфоло, меценат (XIII в.) 393

Николаев С.М. 373

Николай I (1796–1855), российский император (с 1825) 326, 360, 464

Николай II (1868–1918), российский император (с 1894) 190, 193, 420

Николенька, неустановленное лицо 290

Нина Ивановна см. Петровская Н.И.

Ниника см. Бальмонт Н.К.

Нише Фридрих (1844–1900), немецкий философ 121, 123, 286, 397, 411

«По ту сторону добра и зла», кн. (1886) 397

«Новое Время», ежедневная газета (СПб., 1868–1917) 313, 398

«Новоселье», лит. альманах (СПб., 1833) 326

Нотте Герардо делла (наст. имя Геррит ван Хонтхорст; 1590–1656), голландский живописец и рисовальщик 56, 378

«Поклонение пастухов», картина (1622) 56, 378

Нотте Жирардини см. Нотте Г. делла

Нувель Вальтер Федорович (1871–1949), чиновник особых поручений по императорским театрам канцелярии Министерства двора, организатор музыкальных вечеров; один из членов-учредителей общества и журнала «Мир Искусства» 271, 440

Нума Помпилий (715–673 до н. э.), второй царь Древнего Рима 384

Нюша см. Иванова А.Н.

Обатнин Г.В. 441

О.Генри (собств. Уильям Сидни Портер; 1862–1910), американский прозаик 361, 465

Оглоблин Николай Николаевич (1852 – ?), историк-археолог, специалист по истории Сибири 452, 453

«Красноярский бунт 1695–1698 годов», статья (1901)

323, 325–326, 452, 453

Озеров Иван Христофорович (1869–1942), экономист, профессор Московского университета по кафедре финансового права 270, 283, 373

Ольга Сергеевна см. Муромцева О.С.

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, академик; позднее директор Института востоковедения СССР (1930–1934) 242

Опекушин Александр Михайлович (1838–1923), скульптор 346, 459

«Александр III», памятник (1912) 346, 459

Орлишка см. Орлова А.И.

Орлова Александра Иосифовна (урожд. Бедункевич, во втором браке Лукьянчикова; 1876– ?), учительница 263, 265, 436

Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург 421

Павликовский Казимир Клементьевич, преподаватель латинского языка в гимназии Л.И. Поливанова (с 1882), классный наставник в 1-й Московской гимназии 186, 187

Палестрина Джованни Пьерлуиджи да (ок. 1525–1594), итальянский композитор, глава римской полифонической школы 85

Пантелеев Л.Ф. 385

- Пари Огюст** (1850–1915), французский скульптор 396
«Дантон», памятник (1891) 112, 118, 396
- Пашин, товарищ А.В. Сабашникова по гимназии** 422
- Пеладан Жозефен** (псевд. Сар-Пеладан; 1859–1918), французский критик и писатель-символист 183
- Пеллицца да Вольпедо Джузеппе** (Pellizza da Volpedo Giuseppe; 1868–1907), итальянский художник 86, 390
- Пенни Джованни Франческо** (1488–1528), итальянский живописец 390
- Перовская Софья Львовна** (1853–1881), революционерка, член организации «Народная воля», участница покушения на Александра II 283, 284
- Перуцци Бальтазар** (1481–1536), итальянский архитектор 388
- Перцов Петр Петрович** (1868–1947), издатель, литературовед, мемуарист 419
- Петр I Великий** (1672–1725), русский царь (с 1682), император (с 1721) 328, 335, 336, 344, 457
- Петр II** (1715–1730), российский император (с 1727) 452
- Петр Петрович** см. Кончаловский П.П.
- Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич** (1821–1866), экономист и юрист, в конце 1840-х гг. руководитель петербургского кружка по изучению и пропаганде идей западноевропейских социалистов 326, 348, 454
- Петров Вс.Н.** 454
- Петров Григорий Спиридонович** (1868–1925), священник, публицист, член Государственной Думы 322
- Петрова Александра Михайловна** (1871–1921), преподавательница Александровского женского училища в Феодосии, многолетний друг Волошина 268, 312, 365, 388, 411, 427, 438
- Петровская Нина Ивановна** (1879–1928), писательница, литературный критик 320, 451
- Пешковский Александр Матвеевич** (1878–1933), феодосийский гимназист, друг Волошина; позднее лингвист 65, 382, 393, 396, 398, 405, 410
- Пизакане Карло** (1818–1857), итальянский революционер, утопический социалист 100, 101, 393
- Пизано Боннано** (XII в.), итальянский архитектор 376
- Пизано Джованни** (ок. 1250 – после 1314), итальянский архитектор и скульптор 376
- Пизано Никколо** (ок. 1220 – между 1278 и 1284), итальянский скульптор Проторенессанса 53, 376
- Пий II** (в миру Энеа Сильвио Пикколомини; 1405–1464), Папа Римский (с 1458) 381

- Пий V** (в миру Антонио Микеле Гизлиери; 1504—1572), Папа Римский (с 1566) 390
- Пий VI** (в миру Джананджело Браски; 1717—1799), Папа Римский (с 1775) 383
- Пикар Мари Жорж** (1854—1914), полковник, начальник информационного бюро французского Генштаба 76, 386
- Пинчи**, семья в Риме (IV в.) 382
- Писарева Елена Федоровна** (урожд. Рагозина; 1853 — после 1937), философ-теософ, переводчица 431
- Питти Лука Бонакорсо** (середина XV в.), флорентийский купец 379
- Пищалка** см. Курбатов В.Я.
- Платон** (428 или 427—348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ 137, 174, 399, 415
 «Государство», диалог 399
 «Пир», диалог 174, 415
- Плевако Федор Никифорович** (1842—1908), русский адвокат, прославленный оратор 272
- По Эдгар Аллан** (1809—1849), американский прозаик, поэт, эссеист 305, 424, 448
 «Колодец и маятник», рассказ (1842) 305, 448
 «The facts on the case of m. Valdemar», рассказ (1845) 202, 424
- Позняков Виктор Сергеевич**, чиновник Главного тюремного управления, коллежский советник 294, 445
- Позняков (Поздняков) Сергей Сергеевич** (1889?—1945?), студент, литератор-дилетант 294
- Поленов Василий Дмитриевич** (1844—1927), живописец 342, 366, 397, 458
 «Христос и грешница», картина (1886—1887) 342, 458
- Поленова Наталья Васильевна** (урожд. Якупникова, 1858—1931), жена В.Д. Поленова 66, 384
- Поливанов Иван Львович**, сын Л.И. Поливанова 187
- Поливанов Лев Иванович** (1838—1899), педагог, методист-словесник, литературовед, основатель и директор частной мужской гимназии 186, 187, 302
- Поликсена**, Поликсена Сергеевна см. Соловьева П.С.
- Полилов Н.Н.**, переводчик Ф. Ницше 397
- Полунин Владимир Яковлевич** (1880—1957), лесовод и художник-любитель 445
- Полэр** см. Фрике-Полер Э.
- Поля**, горничная 245
- Поляков С.Л.** см. Поляков-Литовцев С.Л.
- Поляков Сергей Александрович** (1874—1942), математик, переводчик, издатель журнала «Весы» и владелец издательства «Скорпион» 136, 160, 175, 176, 184, 186, 219, 250, 320, 399, 410, 412, 419, 450

- Поляков-Литовцев** Соломон Львович (1875–1945), публицист и писатель 136, 399
- Понтелли** Баккио (ок. 1450–1492), итальянский архитектор 384, 385
- Понцио** Фламинио (1559 или 1560–1613), итальянский архитектор и скульптор 382
- Попов** Александр Николаевич, муж О.Н. Поповой, издатель 357, 464
- Попов** Михаил Васильевич, книгоиздатель и книгопродавец 295
- Попова** Ольга Николаевна (1848–1907), книгоиздательница, писательница, переводчица 356, 357, 420, 464
- Пракситель** (IV в. до н.э.), древнегреческий скульптор 65, 83, 383, 389
- «Венера (Афродита) Книдская», скульптура 65, 84, 383
- «Эрот», скульптура 65, 383
- «Отдыхающий сатир» («Фавн»), скульптура 83, 389
- Прокаччини**, итальянские живописцы XVI–XVII вв. 46
- Прокаччини** Джулио Чезаре (1574–1625), итальянский живописец и скульптор 375
- «Мистический брак Св. Екатерины», картина 375
- Прокаччини** Камилло (ок. 1560–1629), итальянский живописец 375
- «Поклонение пастухов», картина 375
- Птолемей I** Сотер (ум. 283 до н. э.), правитель Египта (305–285 до н. э.) 392
- Путачев** Емельян Иванович (1740 или 1742–1775), предводитель Крестьянской войны (1773–1775) 273, 349, 461
- Пушкин** Александр Сергеевич (1799–1837) 289, 326, 340, 341, 343, 399, 406, 415, 422, 429, 433, 441, 453, 458
- «Борис Годунов», трагедия (1824–1825) 341, 458
- «Евгений Онегин», роман в стихах (1823–1831) 135, 144, 153, 399, 406
- «Полтава», поэма (1828) 325, 453
- «Пророк», стихотворение (1826) 244, 433
- «Русалка», пьеса (1829–1832, незаконч.) 195, 422
- «Руслан и Людмила», поэма (1817–1820) 173, 415
- «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833) 429
- Пшибышевский** (Пшебышевский) Станислав (1868–1927), польский прозаик и драматург 165, 166, 412
- «Ното Sapiens», роман (1895–1898; рус. пер. 1903) 166, 412
- Рази** Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671), донской казак, предводитель Крестьянской войны (1670–1671) 342, 343, 460

- Рафаэль Санти** (1483–1520) 46, 56, 59, 72, 87, 327, 375, 377, 379, 386, 388, 390, 402
«Афинская школа философов», фреска (1509–1511) 72, 386
«Афинская школа философов», эскизы к фреске (1509–1511) 46, 375
«Дама с покрывалом», картина (1516) 379
«Диспут» («Спор о таинстве евхаристии»), фреска (1509–1511) 72, 386
«Мадонна дель Грандука», картина (1505) 379
«Мадонна со шеглом», картина 56, 377
«Обручение Марии», картина (1504) 46, 375
«Преображение», алтарная композиция (1519–1520) 87, 390
«Портрет Аньоло Дони» (ок. 1506) 379
«Портрет Магдалены Дони» (ок. 1506) 379
- Ребиков Владимир Иванович** (1866–1920), композитор 312–315, 448
«Ёлка», опера (1900) 313, 448
- Редон** (Рэдон) Одилон (1840–1916), французский художник 319, 404
- Рейман**, знакомый Л.В. Кандаурова 63
- Рембо** Артюр (1854–1891), французский поэт 297
- Рембрандт Харменс Ван Рейн** (1606–1669), голландский живописец 56, 377
«Святое семейство», картина (1640) 56, 377
- Ремизов Алексей Михайлович** (1877–1957), прозаик, драматург, художник 435
- Ренан Жозеф Эрнест** (1823–1892), французский историк, философ, востоковед 356, 464
«Жизнь Иисуса», кн. (1863) 464
- Рени Гвидо** (1575–1642), итальянский живописец 56, 59, 83, 88, 378, 379, 391
«Портрет Беатриче Ченчи», картина 88, 391
«Св. Себастьян», картина 83
«Сусанна и старцы», картина (ок. 1620) 56, 59, 378, 379
- Репин Илья Ефимович** (1844–1930), живописец и рисовальщик 337, 339, 349, 442, 458, 461
«Иоанн Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года», картина (1884) 339, 458
«Царевна Софья Алексеевна через год после заключения ее в Новодевичьем монастыре, во время казни стрельцов и пытки всей ее прислуги в 1698 году», картина (1879) 349, 461

- «Убиение Иоанном Грозным сына» см. «Иоанн Грозный и сын его Иван...»
- Рерих Николай Константинович** (1874–1947), живописец, график, философ 442
- Рёскин Джон** (1819–1900), английский искусствовед, писатель, историк 143, 402
- Рибейра** см. Рибера Х. де
- Рибера Хусепе де** (Спаньолетто, 1591–1652), испанский художник 83
- «Жертвоприношение Ифигении», картина 83
- Ривера дон Анастасио де**, дед Д. Риверы 353, 462
- Ривера Диего** (1886–1957), мексиканский живописец и монументалист 352, 353, 462
- «My art, my life», кн. (англ. пер. 1991) 462
- Ривера Диего Барриентос** (1849–?), отец Д. Риверы 352, 353, 462
- Риго-и-Нуьес** (1785–1823), деятель испанской революции (1820–1823) 353
- Римский-Корсаков Николай Андреевич** (1844–1908), композитор, педагог и дирижер 195, 422
- Роббиа Лука ди Симоне ди Марко**, делла (1399 или 1400–1482), флорентийский скульптор, изобретатель майоликовой скульптуры 61
- Робеспьер Максимильтен** (1758–1794), деятель Французской революции, один из вождей якобинцев, организатор массового террора 197
- Роден (Родэн) Огюст** (1840–1917), французский скульптор 147, 404, 416
- «Виктор Гюго», скульптурный портрет (1897) 147, 404
- Рождественский** (ум. 1905), священник 191
- Рождественский Всеволод Александрович** (1895–1977), поэт, переводчик, мемуарист 358
- Роза Сальватор** (1615–1673), итальянский живописец, гравер и поэт 83, 388
- «Кошачьи головы», этюд 83, 388
- Розанов Василий Васильевич** (1856–1919), публицист, философ 190, 268, 419
- Ройс**, неустановленное лицо 159
- Россетти Данте Габриель** (наст. имя Габриел Чарлз, 1828–1882), английский живописец и поэт, основатель Братства прерафаэлитов (1848) 170
- Росси Винченцо де** (1525–1587), итальянский скульптор 380
- «Умирающий Адонис», приписываемая скульптура 380

Ротшильд Альфонс, барон фон (1878–1942), глава банкирского дома во Франции 76, 387

Роше, неустановленное лицо 199

Рубенс Питер Паул (Пауль; 1577–1640), фламандский живописец 59, 380

«Четыре философа» («Юст Липсий и его студенты»), картина (1611–1612) 59, 380

Рубенс Филипп (1574–1611), юрист и философ, брат П.-П. Рубенса 380

«Русские Ведомости», газета (М., 1863–1918) 73, 419

«Русь», газета (СПб., 1903–1908) 215, 412, 417, 427, 439, 444

Русов Николай Николаевич (1884–?), литературный критик, беллетрист 444

Рутенберг Петр (Пинхас) Моисеевич (1879, по др. данным 1878–1942), социалист-революционер, боевик, впоследствии деятель сионистского движения 421

Рыкова Надежда Януарьевна (1901–1996), симферопольская студентка, поэтесса; позднее – филолог-романист и переводчица 359–360, 465

Рылов Аркадий Александрович (1870–1939), живописец-пейзажист 442

Рэдон О. см. Редон О.

Рябушинский Николай Павлович (1876–1951), капиталист-меценат, издатель журнала «Золотое Руно», коллекционер произведений искусства, художник-любитель 253, 254, 289, 435, 443, 444, 446

С., неустановленное лицо 300

С. А. см. Поляков С.А.

С. Н. см. Дурьлин С. Н.

Сабашников Алексей Васильевич (1883–1954), брат М.В.Сабашниковой, студент, затем специалист по сельскому хозяйству 158, 159, 223, 242, 248, 249, 277, 409, 422

Сабашников Василий Михайлович (1848–1923), частотровец, выборный московского купеческого сословия, отец М.В. Сабашниковой 246, 274, 283, 432, 434, 442, 443

Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943), книгоиздатель, дядя М.В. Сабашниковой 429, 430

Сабашников Сергей Васильевич (1873–1909), книгоиздатель, дядя М.В. Сабашниковой 219, 430

Сабашникова Маргарита Алексеевна (урожд. Андреева; 1860–1933), мать М.В. Сабашниковой, участница ряда благотворительных обществ 254, 272, 274, 290, 291, 432, 434, 440

Сабашникова Маргарита Васильевна (1882–1973), художница, меуаристка, первая жена Волошина 143–145, 151, 154, 155, 158, 169, 176, 183, 184, 195, 196, 198, 201–205, 207, 208, 210–212, 215, 217,

220–223, 225, 227, 229–252, 254–269, 272, 274, 275, 277–279, 281, 282, 287, 288, 290–294, 301, 302, 310, 363, 401–412, 414–416, 418, 421–424, 426, 428–438, 441–444, 447

«А. М. Ремизов», портрет (1907) 253, 435

«Бледнеют к утру небеса...», стихотворение (1903?) 156, 409

«Дэзи», повесть (1907) 405

«Зеленая Змея», воспоминания (1954) 363, 434, 435, 437, 440

«Лесные духи пробудились...», стихотворение (неоконч., 1903?) 409

«М. А. Кузмин», портрет (1907) 253, 435

Сабашниковы, род 432, 434

Савинков Борис Викторович (псевд. В. Ропшин; 1879–1925), политический деятель, прозаик, публицист 357, 358

Савонарола Джироламо (1452–1498), флорентийский проповедник и религиозно-политический деятель 380, 381

Сад Донасьен Альфонс Франсуа де, граф (1740–1814), французский писатель 225

Салтыков-Щедрин (Салтыков) Михаил Евграфович (1826–1889), прозаик и публицист 273, 440

Сальви Джованни Баттиста (1605–1685), итальянский живописец 374

«Мадонна со спящим Младенцем» (?), картина 374

«Мадонна Immaculata» (?), картина 374

Сальви Никколо (1697–1751), итальянский скульптор и архитектор 391

Санд Жорж (собств. Аврора Дюпен, по мужу Дюдеван; 1804–1876), французский прозаик, публицистка, мемуаристка 143, 401, 402

«История моей жизни», мемуары (1854–1855) 143, 402

«Лукреция Флориани», роман (публ. 1846) 143

«Спиридион», роман (1839) 143

Сапожков С. В. 427

Сарто см. Андреа дель Сарто

Сассоферрато см. Сальви Д.-Б.

Саффи Аурелио (1819–1890), итальянский революционер, близкий друг Д. Мадзини; в 1849 один из триумвиров Римской республики 50

Саша, подруга М. Л. Ауэр 129

Сашка, палач 338

Св., неустановленное лицо 176

Сведенборг Эммануэль (1688–1772), шведский ученый, мистик-теософ 206, 425

Свистунов Петр Николаевич (1803–1889), декабрист 347, 459

- Свистунова** Мария Александровна (? – 1893), теща В.И. Сурикова 347, 459
- Свободин** Михаил Павлович (1880–1906), поэт-сатирик 254, 258, 294, 436
- Святополк-Мирский** Петр Данилович, князь (1857–1914), генерал-адъютант; с 26 авг. 1904 по 18 янв. 1905 – министр внутренних дел Правительства Российской Империи 193, 421
- Святская** Наталья Филипповна, жительница Коктебеля 354
- Себастьяно дель Пьомбо** (наст. имя Лучиани; ок. 1485–1547); итальянский живописец 59
- «Мученичество Св. Агаты», картина (1520) 59
- Северин Н.** см. Мердер Н.И.
- «Северный курьер», газета (СПб., 1899–1900) 12
- Сегантини** Джованни (1858–1899), итальянский живописец 18, 21, 370
- «Пашня в Энгадине», картина (1890) 21, 370
- Сезанн** Поль (1839–1906), французский живописец 215
- Семевский** Михаил Иванович (1837–1892), историк, литератор, общественный деятель 457
- Семен**, житель с. Бузим 329
- Семенов** Михаил Николаевич (1872–1952), переводчик, мемуарист 165, 177, 178, 181, 411, 412, 416, 450
- Семенова** Наталья Владимировна (урожд. Гольштейн, 1880–1953), дочь А.В. и В.А. Гольштейнов 158
- Семирадский** Генрих Ипполитович (1843–1902), живописец 457
- Сен-Виктор** Поль де (1825–1881), французский эссеист и критик 227, 233, 430
- «Боги и люди», кн. (рус. пер. 1914) 430
- «Елена», эссе (1867) 227, 430
- Сенека** Луций Анней (ок. 4 до н. э.–65 н. э.), римский политический деятель, писатель, философ-стоик 380
- Сенкевич** Генрик (1846–1916), польский прозаик 9
- Септимий Север** Луций (146–211), римский император (с 193) 390
- Серафимов** Вячеслав Федорович (1873–?), феодосиец, лекарь (с 1898) 356
- Сербеллиони**, владелец виллы в г. Белладжио (Италия, XVIII в.) 42
- Сербинова** Олимпиада Никитична (урожд. Ермакова, 1879–1955), вдова мирового судьи 355, 463
- Сережа** и **Миша** см. Заяицкий С.С. (мл.) и Заяицкий М.С.
- Серков** А.И. 423
- Серов** Валентин Александрович (1865–1911), живописец и рисовальщик 442
- Сизеранн** см. Ла Сизеран Р. де

Сикст IV (в миру Франческо делла Ровере; 1414–1484), Папа Римский (с 1471) 385

Синнет Альберт Пери (1840–1921), английский оккультист 221, 228, 428

«Bouddhisme ésotérique» см. «Esoteric Buddhism»

«Esoteric Buddhism», кн. (1883; фр. пер. 1901) 221, 428

Синьорелли Лука (между 1445 и 1450–1523), итальянский живописец 385

Сирани Элизабетта (1638–1665), итальянский живописец, ученица Г. Рени 391

Скаковская Мария Вацлавовна, москвичка 400

Скаковские, семья 137, 138

Скаitaleц (собств. Степан Гаврилович Петров; 1869–1941), прозаик 289

Скопас, древнегреческий скульптор и архитектор (IV в. до н. э.) 378

Скорородов И.Н. 460

Скорпион см. Поляков С.А.

«Скорпион», издательство (М., 1900–1916) 186, 410–412, 450

Слевинский (Сливинский) Владислав (1854–1918), польский живописец 181, 417

«Слово», ежедневная газета (СПб., 1904–1909) 182, 417

Случевский Константин Константинович (1837–1904), поэт, прозаик, драматург, очеркист 408, 426

«Элоа», поэма (1883) 155, 212, 408, 426

Смирнов Алексей Васильевич (1873–?), выпускник Тамбовской гимназии; в 1900, видимо, закончил юридический факультет Московского университета (зимой 1897/1898 перешел на седьмой семестр факультета) 7–14, 16, 17, 19, 23, 26–28, 30–32, 39–42, 47, 53, 55, 58, 60, 65–67, 72, 73, 78, 248, 249, 365, 366, 368, 370

Соболев А.Л. 440

Соболевский Алексей Иванович (1856/1857–1929), филолог, лингвист, фольклорист 453

«Современник», журнал (СПб., 1836–1866) 326

Содома (Джованни Антонио Бацци, 1477–1549), итальянский живописец 52, 376

«Жертвоприношение Авраама», фреска (1542) 376

«Оплакивание Христа», фреска (1540) 376

Соколов Сергей Алексеевич (псевд. Сергей Кречетов; 1878–1936), поэт-символист, владелец московского издательства «Гриф» 185, 186, 218, 320, 419, 450, 451

Солари Гвинифорте (1429–1481), итальянский архитектор 374

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), религиозный философ, поэт, публицист 187, 389, 397, 399

- «Там, под липой, у решетки...», стихотворение (1886) 135, 399
- «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями», диалоги (1900) 397
- Соловьев** Сергей Михайлович (1885–1942), поэт, критик и переводчик 185, 187, 356
- Соловьева** Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867–1924), поэтесса и художница 266, 354
- Сологуб Ф.** (собств. Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927), поэт, прозаик, переводчик, драматург 294, 295, 321, 432
- «Благоуханное имя», сказка (1905) 432
- Сомов** Константин Андреевич (1869–1939), живописец и график 229
- Сорбье** Самюэль (1615–1670), французский писатель 84, 389
- Сорокина** Екатерина Оттовна (урожд. Шмидт; 1889–1977), переводчица 351, 360, 463
- Софья Алексеевна** (1657–1704), царица, правительница России (1682–1689) 349, 461
- Софья Андреевна** см. Толстая С.А.
- Спекки** Алессандро (1668–1729), итальянский архитектор 382
- Сперанская**, неустановленное лицо 346
- Спиридонов** Федор Федорович (1828– после 1913), отставной казачий сотник 460
- Средин** Александр Валентинович (1872–1934), живописец и график 419
- Средины** (Середины), семья 188, 419
- Станиславский** Константин Сергеевич (наст. фамилия Алексеев; 1863–1938), театральный режиссер, актер 436
- Стасов** Владимир Васильевич (1824–1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства 342, 458
- «Выставка передвижников», статья (1887) 458
- Стейнлен** Теофиль Александр (1859–1923), французский художник 19, 398
- Стендаль** (собств. Анри Мари Бейль; 1783–1842), французский писатель 352
- Стенька** см. Разин С.Т.
- Степа** см. Заболоцкий С.С.
- Степанида Варфоломеевна**, старообрядка 345
- Степанов** Александр Петрович (1781–1837), писатель, историк, енисейский гражданский губернатор (1823–1831) 333
- Степанок** Иван Кондратьевич, матрос-потемкинец, политкаторжанин 358, 464
- Степли** (1872– ?), подруга Е.С. Кругликовой, художница-американка 198, 223, 423

- Стивенсон Роберт Льюис** (1850–1894), английский прозаик 428
 «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», повесть (1886) 222, 223, 225, 226, 243, 244, 428
- Столица Любовь Никитична** (урожд. Ершова, 1884–1934), поэтесса, драматург 289, 443, 444
- Строцци Джованни Баттиста** (по другим сведениям – ди Карло; середина XVI в.), флорентийский поэт 389
- Струве Г.П.** 439
- Струве Нина Александровна** (урожд. Герд; 1868–1943), жена П.Б. Струве 416
- Струве Петр Бернгардович** (1870–1944), философ и политэконом 175, 416
- Струкова Ольга Михайловна** (?–1908), москвичка, владелица меблированных комнат, мать М.П. Свободина 254, 255, 436
- Субботин С.И.** 363
- Суворин Алексей Алексеевич** (1862–1937), сын А.С. Суворина, издатель 180, 417
- Суворин Алексей Сергеевич** (1834–1912), издатель, публицист, драматург 408, 422
 «Подделка “Русалки” Пушкина», сб. (1900) 422
- Суворов Александр Васильевич** (1729 или 1730–1800), граф Рымникский (1789), князь Итальянский (1799), генералиссимус (1799), полководец 344, 347, 460
- Сумбатов Александр Иванович**, князь (наст. фамилия Сумбаташвили; по сцене Южин; 1857–1927), актер и драматург 218, 219
- Суриков Александр Иванович** (1856–1930), брат живописца 326, 453
- Суриков Александр Степанович** (1794–1854), полковой атаман Енисейского казачьего полка, двоюродный брат В.И. Сурикова, деда живописца 324, 333, 334, 453–455, 458
- Суриков Василий Иванович** (1848–1916), живописец 322–348, 401, 451–461
- «Апостол Павел объясняет догматы веры в присутствии царя Агриппы, сестры его Береники и проконсула Феста», картина (1875) 336, 456
- «Боярыня Морозова», картина (1883–1887) 323, 340, 342, 345, 347, 458
- «Взятие снежного городка», картина (1891) 325, 347, 453
- «Вид памятника Петру I на Исаакиевской площади», картина (1870) 335, 456
- «Голова священника», этюд (1883?) 458
- «Городок берет» см. «Взятие снежного городка»

- «Ермак» см. «Покорение Сибири Ермаком»
 «Исцеление слепорожденного Иисусом Христом», картина (1888—1892) 347, 459
 «Казнь стрельцов» см. «Утро стрелецкой казни»
 «Как убили Дмитрия Самозванца» см. «Убиение Дмитрия Самозванца»
 «Клеопатра», эскиз картины (1874) 336, 457
 «Меншиков в Березове», картина (1881—1883) 323, 344, 345, 452
 «Милосердный самаритянин», картина (1874) 335, 456
 «Мужской портрет» (1909) 461
 «Переход Суворова через Альпы», картина (1895—1899) 347, 460
 «Пир Валтасара», эскиз (1874) 335, 456
 «Под дождем в дилижансе на Черную Речку», сепия (1871) 456
 «Покорение Сибири Ермаком», картина (1891—1895) 347, 460
 «Посещение царевны женского монастыря», картина (1908—1912) 347, 460
 «Посещение царевны» см. «Посещение царевны женского монастыря»
 «Пугачев в клетке», эскиз (1911) 461
 «Собор Св. Петра в Риме», акварель (1884) 461
 «Стенька», «Стенька Разин» см. «Степан Разин»
 «Степан Разин», картина (1900—1910) 342, 347, 460
 «Стрельцы» см. «Утро стрелецкой казни»
 «Суворов» см. «Переход Суворова через Альпы»
 «Торжественный обход вокруг храма Спасителя», акварель (1883) 459
 «Убиение Дмитрия Самозванца» (1873?) 335
 «Утро стрелецкой казни», картина (1881) 323, 325, 336, 338, 339, 343—346, 348, 458
 «Четвертый Вселенский Собор», фреска (1875) 457
- Суриков** Василий Иванович (1786—1836), сотник и атаман казачьей команды, дед живописца 333, 453, 455
Суриков Иван Васильевич (1804—1859), канцелярский служащий, отец В.И. Сурикова 324, 326, 329, 333, 348, 453
Суриков Иван Васильевич младший (1807—1845), дядя В.И. Сурикова 326, 453, 454
Суриков Марк Васильевич (1829—1856), дядя В.И. Сурикова 324, 326, 328, 453, 454

- Сурикова** Екатерина Ивановна (1846–1868; в замужестве Виноградова), сестра В.И. Сурикова 326, 329, 333, 454
Сурикова Елизавета Августовна (урожд. Шаре; 1858–1888), жена В.И. Сурикова 344, 347, 459
Сурикова Елизавета Ивановна (1837–1884; в замужестве Доможилова), сводная сестра В.И. Сурикова 326, 444
Сурикова Прасковья Федоровна (урожд. Торгошина; 1818–1895), мать В.И. Сурикова 322, 325–333, 348, 452, 454
Суриковы, казачьий род 324, 333, 453
Сустерманс Юстус (1597–1681), фламандский живописец 59, 379
 «Портрет Галилео Галилея» (1636) 59, 379
Сюзанн, парижская проститутка 118–120, 126, 127
Сюннерберг Константин Александрович (псевд. К. Эрберг; 1871–1942), художественный критик, поэт 437
- Тадolini** Адамо (1788–1868), итальянский скульптор 373
Таиах (Тайа, Тия – Taia), египетская царица, жена Аменхотепа III, мать Эхнатона 146, 219, 228, 404
Таленти Симоне ди Франческо (XIV в.), итальянский архитектор 377
Таллоне Чезаре (также Cesare Neel; 1853–1919), итальянский художник и педагог 86, 390
 «Крестьяне идут с крестин», картина 86
Тамашев Михаил Иванович (1853–1908), управляющий Тифлисским коммерческим банком, историк, этнолог, профессор Русской школы в Париже 200
Тан см. Богораз В.Г.
Танеев Владимир Иванович (1840–1921), юрист, философ-социолог 272–274, 440
 «Русский писатель М.Е. Салтыков (Езоп)», воспоминания (1907?) 273, 440
Тассо Торквато (1544–1595), итальянский поэт 85, 384
 «Освобожденный Иерусалим», поэма (1571–1575; опубл. 1581) 85
Тастевен Генрих Эдмундович (1880–1915), критик, журналист, педагог; секретарь редакции журнала «Золотое Руно» 253
Тацит (ок. 58 – ок. 117), римский историк 57
Тереза, жительница Тироля 179
Терсиан Эснар (1882–1955), писатель и фотограф 107, 394, 395
Теш Павел Павлович фон (1842–1908), московский врач, гражданский муж Е.О. Кириенко-Волошиной 86
Тия см. Ауэр Нат. Л.

- Тимковский**, неустановленное лицо 196
- Тимомах** из Византии (I в. до н. э.), греческий скульптор 391
- Тинторетто** Якопо (1518–1594), итальянский живописец 342
- Тит** Флавий Веспасиан (39–81), римский император (с 79) 70, 385
- Тихомиров** Николай Саввич (1832–1893), филолог, историк 459
 «Боярыня Морозова: Эпизод из истории русского раскола», статья (1865) 459
- Тициан** (Тициано Вечеллио, ок. 1476/77 или 1489/90–1576), итальянский живописец 56, 327, 377, 378
 «Богоматерь с младенцем, Св. Иоанном Крестителем и Св. Антонием», картина (1530) 56, 377, 378
 «Святое семейство» см. «Богоматерь с младенцем, Св. Иоанном Крестителем и Св. Антонием»
 «Флора», картина (ок. 1515) 56
- Толстая** Софья Андреевна, графиня (урожд. Берс; 1844–1919), жена Л.Н. Толстого 343
- Толстой** Алексей Константинович, граф (1817–1875), поэт, драматург, прозаик 415, 436
 «Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре...», стихотворение (1858) 175, 415
- Толстой** Алексей Николаевич, граф (1882/1883–1945), поэт, прозаик и драматург 304, 310, 447, 448
- Толстой** Лев Николаевич, граф (1828–1910) 85, 86, 336, 337, 343, 347, 383, 384, 389, 408, 457
 «Война и мир», роман (1869) 154, 408, 457
 «Воскресение», роман (опубл. 1899) 66, 383, 384
 «Крейцерова соната», повесть (1887–1889; опубл. 1891) 86, 350, 389
 «Плоды просвещения», комедия (1891) 85, 389
- Толстые** см. Дымшиц-Толстая С.И. и Толстой А.Н.
- Тоня** см. Дмитриева А.И.
- Торвальдсен** Бертель (1768 или 1770–1844), датский скульптор 42
- Торгошин** Матвей Егорович, брат Ф.Е. Торгошина 325, 453
- Торгошин** Степан Федорович (1810–?), брат матери В.И. Сурикова 325, 344, 453
- Торгошин** Федор Егорович (ок. 1780–1845), дед В.И. Сурикова по материнской линии 325, 453
- Торгошина** Евдокия Васильевна, жена С.Ф. Торгошина 325, 339
- Торгошина** Евфалия Степановна, двоюродная сестра В.И. Сурикова по материнской линии 325, 453
- Торгошина** Мария Степановна, двоюродная сестра В.И. Сурикова по материнской линии 325, 453

- Торгошина** Татьяна Степановна (1849–1884), двоюродная сестра В.И. Сурикова по материнской линии 325, 453
- Торгошины**, казачий род 325
- Тр.**, неустановленное лицо 182, 417
- Трапезников** Трифон Георгиевич (1882–1926), искусствовед, антрополог 177, 199, 220, 221
- Трачевский** Александр Семенович (1838–1906), историк, профессор Новороссийского и Санкт-Петербургского университетов 201, 206, 424
- Траян** Марк Ульпий (53–117), римский император (с 98) 88, 390
- Третьяков** Павел Михайлович (1832–1898), купец, коллекционер, основатель Третьяковской галереи 339
- Третьякова** Ольга Николаевна, художница 417
- Троцкий** Сергей Витальевич (1880–1942), поэт-любитель 262
- Туманский** Федор Антонович (1799, по др. данным 1801–1853), поэт 372
- «Птичка (“Вчера я растворил темницу...”», стихотворение (1827) 30, 372
- Тургенев** Иван Сергеевич (1818–1883), прозаик, поэт, драматург, мемуарист 77, 387, 399
- «Призраки», «фантазия» (1863–1864) 77, 387
- «Старуха», стихотворение в прозе (1878) 133, 399
- Туррини** Балдассаре, житель Рима (XVI в.) 384
- Тютчев** Федор Иванович (1803–1873), поэт 172
- Уайльд** Оскар Фингал О’Флаэрти Уилс (1854–1900), английский поэт, прозаик, драматург и эссеист 185, 206, 217–219, 247, 425, 427
- «Баллада Редингской тюрьмы» (1898) 427
- «Портрет Дориана Грея», роман (1890) 206, 425
- Удин (Юдин)** Жан д’ (Jean d’Udine; наст. имя Альбер д’Козане, 1870–1938), французский критик, поэт и музыкант 181
- Украинцев** Александр, римский знакомый Волошина 72–76, 386
- Умберто I** (Гумберт I; 1844–1900), король Италии (с 1878) 393
- Урусов** Александр Иванович, князь (1843–1900), адвокат, публицист 461
- Успенский** Глеб Иванович (1843–1902), прозаик, очеркист 114, 397
- Успенский** Петр Демьянович (1878–1947), философ-окультист 412
- «Четвертое измерение», кн. (1910) 412
- «Утро России», газета (М., 1907, 1909–1918) 339, 411, 412, 458
- Фарнезе**, итальянский род 388
- Фаустина** Старшая (Анния Галерия Фаустина; ум. ок. 140), жена императора Антонина Пия 83, 389

- Федор** см. Арнольд Ф.К.
Фейербах Ансельм (1829–1880), немецкий живописец 370
Феодора см. Литвиненко Ф.М.
Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, переводчик 399
«В дымке-невидимке...», стихотворение (1873) 133, 399
Фидий (нач. 5 в. до н.э. — ок. 432 до н.э.) древнегреческий скульптор, живописец и архитектор 69
Филикайя Винченцо да (1642–1707), итальянский поэт 373
Сонет 83 («Италия! Италия! О ты...») 44, 373
Филипп IV Красивый (1268–1314), французский король с 1285, из династии Капетингов 429
Филиппов Сергей Никитич (1863–1910), театральные рецензент, беллетрист 372, 373
«Западная Европа: Спутник туриста», кн. (1900; 4-е изд. 1907) 373
Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940), публицист, литературный критик 421
Флави, династия римских императоров (69–96) 385
Флерковский Федор (? – 1866), политический ссыльный 337, 457
Флобер Гюстав (1821–1880), французский прозаик и драматург 169
Фор Поль (1872–1960), французский поэт и театральные деятель 194
Форен Жан Луи (1852–1931), французский живописец, литограф, гравер и карикатурист 398
Форнарина, возлюбленная Рафаэля, модель для многих его работ 68
Фрагонар Жан Оноре (1732–1806), французский живописец 147, 404
Франс Анатолий (собств. Анатолий Франсуа Тибо; 1844–1924), французский прозаик, поэт, литературный критик, публицист, мемуарист 76, 130, 215, 387, 408, 409, 426
«Аметистовый перстень», роман (1899) 409
«Рике», рассказ (1900) 158, 409
«Современная история», цикл романов (1897–1901) 155, 158, 408
Франсуа II (1435–1488), герцог Бретонский 430
Франц-Иосиф I (1830–1916), император Австрии и король Венгрии (с 1848) из Габсбургско-Лотарингского дома 369
Франциск I (1494–1547), французский король (1515–1547) 410
Франциск Ассизский, св. (1182–1226), христианский подвижник, основатель монашеского ордена францисканцев 147
Фрике-Полер Эмилия (наст. имя Зузе; 1879–1939), французская актриса 175, 176, 188, 416
Фрикен А. фон, искусствовед (конец XIX в.) 58, 379

- Харт Жане Маргарет** (1877—1926; в замужестве Баррет), сестра Э.-В. Харт 438
- Харт Элизабет Вайолет** (1878—1950), ирландская художница 198—201, 217, 222, 223, 269, 272, 277, 282, 292, 422, 428, 438, 443, 445
- Хассельрис Луи** (1844—1912), датский скульптор 393
«Генрих Гейне», памятник (1879) 393
- Хельбих** см. Гельбиг Н.Д.
- Химона Николай Петрович** (1865—1920), живописец и педагог 442
- Хозяинов Иван Михайлович** (1815—1856), иконописец 333, 455
- Христофсен** см. Кристенсен Д.
- Хрулева Р.П.** 363
- Хуарес Бенито Пабло** (1806—1872), национальный герой Мексики, президент страны (1861—1872) 462
- Цветаева Марина Ивановна** (1892—1941), поэт, переводчик, эссеист 364
- Цветковская Елена Константиновна** (1880—1943), третья жена К.Д. Бальмонта 145, 152, 154, 159, 176, 183, 187, 317, 318, 352, 354, 355, 402, 403, 406, 415, 419, 434, 446, 449
- Цветковский Константин Егорович** (1844—1911), генерал (с 1898), отец Е.К. Цветковской 449
- Цвингли Ульрих** (1484—1531), швейцарский церковный реформатор, создатель одного из направлений протестантизма 237
- Цезарь Гай Юлий** (102 или 100—44 до н. э.), римский диктатор, полководец 387
- Цертелев Дмитрий Николаевич**, князь (1852—1911), поэт, философ, публицист, переводчик 413
- Цестий** см. Гай Цестий Эпуло
- Цецилия** (убита в 230), великомученица, католическая святая 91, 391
- Цецилия Метелла**, дочь великого понтифика Луция Цецилия Метелла Далматика, жена Луция Корнелия Суллы (138—78 до н.э.) 77, 387
- Циолковский Н.** (Ciolkowski N. S.; ? — после 1930), жанровый живописец и график французской школы 181
- Цицерон Марк Туллий** (106—43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель 71, 167
- Чеботаревская Анастасия Николаевна** (1876—1921), писательница, жена Ф. Сологуба 294, 295
- Чезаре Т.** см. Таллоне Ч.
- Ченчи Беатриче** (1577—1599), красавица из знатного рода, казненная за убийство тиранившего ее отца 88, 391

- Чернов Петр Николаевич** (1845–1867), журналист в Енисейском приказе общественного призрения, товарищ юности В.И. Сурикова 332, 333, 455
- Чертков Владимир Григорьевич** (1854–1936), общественный деятель, издатель 383
- Чеслава**, неустановленное лицо 216
- Чехов Антон Павлович** (1860–1904) 49, 356, 375, 463
«Дядя Ваня», пьеса (1889) 356, 463, 464
«Чайка», пьеса (1896) 49, 375
- Чимабуэ** (собств. Ченни ди Пеппо; ок. 1240–ок. 1302), итальянский живописец флорентийской школы 52, 376, 381
«Св. Иоанн», мозаика 376
- Чистяков Павел Петрович** (1832–1919), живописец и педагог 334, 456
- Чичагова Елена Дмитриевна** (1874–1971; в замужестве Россинская), художница, автор воспоминаний о Е.С. Кругликовой 156, 173, 175, 408
- Чичерин В.** 414
- Чуйко Михаил Самойлович** (ок. 1875 – ок. 1947), художник 206, 210–212, 219, 223, 228–230, 246
- Чулков Георгий Иванович** (1879–1939), поэт, прозаик, драматург, критик, мемуарист 263, 281, 291, 294, 438, 446
«О мистическом анархизме», кн. (1906) 438
- Чулков Михаил Ростиславович** (1830–1905), помощник классного наставника в гимназии Л.И. Поливанова 186
- Чулкова Надежда Григорьевна** (урожд. Петрова, в первом браке Степанова; 1874–1961), переводчица, жена Г.И. Чулкова 287
- Шак из Шверина** (aus Schwerin) Адольф Фридрих фон, граф (1815–1894), писатель и коллекционер 370
- Шалаян Федор Иванович** (1873–1938), певец (бас) 337
- Шамшин Петр Михайлович** (1811–1895), живописец, профессор исторической живописи Российской академии художеств (с 1853) 335
- Шаповалов**, казак 332
- Шарден Жан Симон** (1699–1779), французский живописец 147, 404
- Шварсалон Вера Константиновна** (1890–1920), дочь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака (с 1912 жена В.И. Иванова) 266, 435, 441
- Швинд Мориц фон** (1804–1871), австрийский живописец и график 370
- Швоб Марсель** (1867–1905), французский прозаик-символист и критик 165, 277, 412, 423, 424

- «Книга Монеллы», сб. (1896) 423
 «Крестовый поход детей», кн. (1896) 412
- Шебуев** Василий Кузьмич (1777–1855), живописец, профессор исторической живописи Российской академии художеств (ректор с 1832) 322, 452
 «Взятие на небо Богоматери», икона (1807) 452
 «Коронование Богоматери», икона (1807) 452
- Шевелев** Михаил Григорьевич (1830–1903), отец М.М. Шевелевой, чиновник в Сибири 237, 242, 432
- Шевелева** Маргарита Михайловна (1884–1938; в замужестве Янковская), подруга детства М.В. Сабашниковой 237, 405, 432
- Шекспир** Уильям (1564–1616), английский драматург, поэт 51, 437
 «Король Лир», трагедия (1605) 437
 «Отелло», трагедия (1604) 51
- Шелли** Перси Биш (1792–1822), английский поэт и публицист 53, 77, 134, 320, 377, 387, 392, 399
 «Слишком часто заветное слово людьми осквернялось...», стихотворение (1821) 399
 «Стансы, написанные близ Неаполя, в часы уныния», стихотворение (1818) 53, 377, 392
- Шенгели** Георгий Аркадьевич (1894–1956), поэт, переводчик, теоретик стиха 360, 361, 465
- Шервашидзе** Александр Константинович, князь (Шервашидзе-Чачба; 1867–1968), живописец, сценограф, художественный критик; член кружка «Монпарнас» 215, 427
 «Сезанн», статья (1905) 215, 427
- Шерр** Иоганн (1817–1886), немецкий историк литературы, публицист и общественный деятель 373
 «Всеобщая история литературы», кн. (рус. пер. 1879–1880) 373
- Шестов** Лев Исаакович (собств. Шварцман; 1866–1938), философ 281
- Шилов** Алексей Алексеевич (1881–1942), историк, архивист 363, 420
- Шкапская** Мария Михайловна (урожд. Андреевская; 1891–1952), поэтесса и журналистка 360
- Шмаровин** Владимир Егорович (1850–1924), организатор Московского художественного кружка «Среда» 459
- Шмаровин** Николай Егорович, брат В.Е. Шмаровина 345, 459
- Шорникова** Татьяна Георгиевна, москвичка, знакомая К. Бальмонта 188, 189
- Шрейцер** (Шренцер) Карл-Август Матвеевич (1819–1887), акварелист 328, 334, 454

Штейнер Рудольф (1861–1925), немецкий философ-мистик, основоположник (в 1913) антропософии 256, 272, 276, 277, 431, 440
Штейнле Эдвард Якоб фон (1810–1886), немецкий живописец 19, 370

«Loreley» («Лорелея»), картина (1864) 19, 370

Штук Франц (1863–1928), немецкий живописец, график, скульптор и архитектор 22, 371

«Война», картина (1894) 22, 371

Шапов Афанасий Прокопьевич (1830–1876), историк, публицист, общественный деятель 349, 461

Щепотьева Лидия Васильевна, жительница Коктебеля (1929–1930) 354, 463

Шукин Сергей Иванович (1854–1936), предприниматель, собиратель французской модернистской живописи и меценат 181, 239, 417, 432

Шукины, семья 433

Эвальд Аркадий Васильевич (1834–1898), журналист, прозаик 334, 456

Эйфель Александр Гюстав (1832–1923), французский инженер 406

Эллис (собств. Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), поэт, переводчик и критик 270, 271, 283, 289, 438, 439

Эль Дженнингс см. Дженнингс А.

Эммерих (Эмерих) Анна Катарина (1774–1824), католическая монахиня 21, 371

Эредиа Жозе Мария де (1842–1905), французский поэт 379

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967), поэт, прозаик, переводчик, критик, мемуарист 462

«Люди, годы, жизнь», воспоминания (1961) 462

Эртель Михаил Александрович (1880-е – начало 1920-х), историк, теософ 252, 274

Эсте Гонзага Изабелла д', герцогиня Мантуанская (1474–1539) 46, 375

Эсте Ипполито д' (1509–1572), кардинал 375, 388

Эстергази, род венгерских магнатов 13, 369

Эфрон Вера Яковлевна (1888–1945), актриса, педагог 451

Эфрон Елизавета Яковлевна (1885–1976), актриса, педагог, режиссер 451

Южин см. Сумбатов А.И.

Юлий II (в миру Джулиано делла Ровере; 1443–1513), Папа Римский (с 1503) 390

Юнге Екатерина Федоровна (урожд. Толстая, 1843–1913), художница, мемуаристка 144, 146, 183, 184, 403

Юргис см. Балтрушайтис Ю.К.

«Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», роман М.Н. Загоскина (1829) 328

Юстиниан (482 или 483–565), византийский император 394

Юшкевич Ада (Аделаида) Адамовна (Корвин; ? –1919), танцовщица-босоножка 182, 416

Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927), драматург 417

Яблоновский Сергей Викторович (наст. фамилия Потресов; 1870–1953), журналист, художественный критик 427

Якимченко Александр Георгиевич (1878–1929), художник-график 138, 400

Якс см. Глотов Я.А.

Якунчикова Мария Васильевна (1870–1902), художница 168, 169, 171, 412–414, 435

«Введенское: Колоннада и парк из окна» (1894) 168, 413

«Версаль зимой» (1898) 168, 412, 414

«Весенний пейзаж», офорт (1893–1895) 414

«Городок», акварели (1899) 414

«Городок», панно, выжигание по дереву (1899) 412

«Городок», игрушка из дерева, раскрашенная маслом (1899) 414

«Кладбище во Введенском» (1897) 414

«Кладбище зимой», акварель, гуашь (1898) 414

«Окно», панно, выжигание по дереву (1896) 414

«Отражение интимного мира» («Reflet intime»), картина (1894) 413, 414

«Сельское кладбище», офорт (начало 1890-х) 414

«Страх» («L'Effroi»), офорт (1893–1895) 413

«Сырой январь», панно, выжигание по дереву (1896) 413

Яроцкая Зинаида Александровна (1904–1978; в замужестве Сульман), дочь московского профессора-медика 360

Ярошенко Василий Александрович (1848– после 1915), младший брат Н.А. Ярошенко, инженер-химик 358, 464

Ярошенко Елизавета Платоновна (урожд. Степанова, в первом браке Шлиттеран; 1850–1929), помещица, жена В.А. Ярошенко 357, 358, 362, 464

Ярошенко Николай Александрович (1846–1898), живописец 357
«Извержение Везувия», картина 357

Яша см. Глотов Я.А.

- Alexis** *см.* Смирнов А.В.
And. d. Milano *см.* Джованни да Милано *или* Милани А.
Bamberger *см.* Бамбергер Ф.
Bauval R.G. 429
Borghese *см.* Боргезе
Cesare T. *см.* Таллоне Ч.
Comte d'Aouroff *см.* Кандауров Л.В.
Giacomo *см.* Джакомелли В.
Guercino *см.* Гверчино
De Vries *см.* Деврис А.
«Européen» *см.* «L'Européen»
Hart *см.* Харт Э.-В.
Helbich *см.* Гельбиг Н.Д.
Jeanne, m-me, содержательница пансиона в Париже 245
«La Fronde», газета (Париж, 1897–1903) 76
«La Revue Bleu», еженедельник (Париж, с 1863) 290
«La Revue musicale», журнал (Париж, 1901–1912) 314
«La Tribuna», газета (Рим, с 1883) 73
«La Voix de Silence», сб. (в рус. пер. – «Голос безмолвия», 1906)
233, 239, 240, 431, 436, 437
Lalois *см.* Лалуа Л.
«L'Européen», еженедельник (Париж, с 1901) 194, 420, 422
Mantegna *см.* Мантенья А.
M.-Guth, хозяйка гостиницы 12
Mirande Henri (Henry; 1877–1940-е?), французский живописец и график 138
Pollizzi *см.* Пеллицца да Вольпедо Д.
Proccaccino *см.* Прокаччини
«Revue Bleu», *см.* «La Revue Bleu»
«Revue Musicale» *см.* «La Revue musicale»
Sad de M. *см.* Сад Д.-А.-Ф. де
Sarto A. del *см.* Андреа дель Карто
Sassoferato *см.* Сальви Д.
Segantini *см.* Сегантини Д.
St. Victor *см.* Сен-Виктор П. де
Steinley *см.* Штейнле Э.-Я. фон
Susterman *см.* Сустерманс Ю.
«Tribuna» *см.* «La Tribuna»
Tuminello, римский фотограф 72
Vries de *см.* Деврис А.
W., W. H., Wiolet *см.* Харт Э.-В.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббен** 299
- Аверское озеро** (Lago d'Averno), озеро близ Поццуоли глубиной до 56 м 94, 392
- Австрия** 36, 372, 448
- Адда**, река на севере Италии, левый приток р. По; длина 313 км 35, 37
- Адриатическое море** 102
- Альбаио**, город в Римской провинции Италии; 400 м над уровнем моря; 6,5 тыс. жителей (конец XIX в.) 77
- Альбанские горы**, горный массив в 20 км к юго-западу от Рима, высотой до 954 м 68, 77, 88, 386
- Альпы** 39, 43, 73
- Андорра** 410
- Антверпен** 296
- Аньер**, Аньер-сюр-Сен (Asnières; Asnières-sur-Seine), город во Франции, в департаменте От-де-Сен, северо-западный пригород Парижа, на левом берегу р. Сены 215
- Аньо** (Анио), Анио или Аниене, или Тевероне (в древности Anio, Anien), река в Италии, левый приток Тибра длиной в 110 км 79, 388
- Апеннины** 47, 48
- Арголида**, область Пелопоннеса, принадлежавшая в древности греческому городу Аргосу 105
- Аркадия**, область в центральной части Пелопоннеса, к западу от Арголиды 105, 385
- Арно** (Арно), река в Италии; длина 248 км 54, 57, 58, 60
- Астрахань** 464
- Афины**, столица Греции; 85 тыс. жителей (конец XIX в.) 91, 104–106, 394, 427
- Ахе** (Аше; Ötztaler Ache), река в долине Ötztal (Тироль) 30, 178
- Аяччо**, главный город и порт о. Корсика (департамент Франции) 114, 116, 121
- Бавария**, федеральная земля Германии 18, 27
- Байдарские ворота**, перевал в Крыму 99, 392
- Балтийское море** 320

Белладжио, городок на мысе того же названия, при отделении о. Лео от о. Комо; находится на высоте 216 м 42

Берлин 166, 301, 384, 396, 447

Бернинский перевал (Bernina pass; высота 2334 м над уровнем моря); соединяет швейцарский кантон Оберэнгадин с итальянской Ломбардией 39

Бормио, итальянский город в Альпах на севере Ломбардии (на высоте 1222 м) 35, 37

Боска де Треказе см. Боскотреказе

Боскотреказе (Boscotrecase), селение в Италии у подножия вулкана Везувий 98

Бретань 138, 318, 396

Бриндизи, приморский город (с крепостью) в итальянской провинции Отранто 101, 393

Бузим (Сухой Бузим), село в Красноярском крае 328, 329, 333, 340, 348, 453

Вагай 453

Варшава 7—10, 166, 463

Везувий, вулкан в Италии (высота 1277 м) 89, 91—93, 96—98, 392

Великобритания 270, 297, 402, 408

Вена 8, 11—13, 67, 365, 368, 369

Венгрия 448

Венеция 44, 72, 107, 374

Висбаден 263, 264

Вьетри (Виэтри), город на берегу Салернского залива, в 55 км от Неаполя 98, 99

Вязьма, город (ныне Смоленской обл.) 432

Галлия 429

Гамбург 419

Гармиш и Партенкирхен (у Волошина неточно), селения, находящиеся в 100 км к югу от Мюнхена, на высоте около 700 м; с 1936 единый населенный пункт Garmisch-Partenkirchen 25—27, 371

Генуя, город в Италии; около 150 тыс. жителей (1900) 47—51, 58, 82, 90, 154, 373, 375, 376

Германия 206, 386

Голландия 214, 297, 408

Голта, селение под Одессой 464

Горгона, остров в Лигурийском море, между Ливорно и Корсикой 53

Греция 86, 89, 90, 97, 101, 102, 104—106, 167, 171, 242, 365, 393, 394, 407

Гусиное озеро (Кулун-нор), озеро в Забайкалье 242, 433

- Далмация** 217, 427
Дарданеллы, пролив (в древности Геллеспонт), отделяющий Европу от Азии, между Мраморным и Эгейским морями; длина 58 км, ширина от 1,3 до 7 км 107
Дорнах 461
Дунай 12—15
Дюссельдорф, город в Германии 127, 131, 132
- Египет** 177, 242, 366, 429
Енисей 324, 325, 332, 338, 452, 458
Енисейск, город в Сибири (основан в 1619) 324
- Женева** 135, 160, 163, 168, 171, 172, 401, 410, 413, 414
- Загорье**, село в Могилевской губ. 438
Зальцбург, город в Австрии 16, 17, 51
- Иваново** 418
Иваново-Вознесенск 349
Иерусалим 429
Издешково, населенный пункт и ж.-д. станция в Смоленской губ. 434
- Индия** 143, 238, 242, 400, 401, 415
Ини, правый приток Дуная, 517 км длиной 40
Иркутск 325, 358, 454, 461
Иртыш 453
Искья (Иския; Ischia), остров вблизи Неаполя (в начале XX в. около 30 тыс. жителей) 93
- Испания** 73, 125, 298, 342, 353, 398, 403, 448, 462
Италия 12, 36, 40, 43, 44, 50, 90, 92, 96, 101, 104, 147, 242, 245, 261, 263, 275, 279, 357, 365, 373, 374, 390, 391, 397, 410
- Кадденаббия** (Caddenabbia), селение у о. Комо 42
Каир 404
Калуга 134, 431, 461
Кампания (Кампанья), провинция в Италии 79—81
Кан, город на северо-западе Франции 363
Капри 89, 92, 96
Капуя, историческая область Италии 386
Карадаг 441, 465
Кача 328

Киев 408

Кикенеиз, татарская деревня (западная часть Южного берега Крыма) 442

Китай 75, 76, 400, 433

Клин 344

Коктебель — деревня вдоль дороги из Феодосии на Судак, в версте от моря; в начале XIX в. была населена болгарами, переселившимися в Крым из Турции; в 1805 в Коктебеле было 14 дворов со 103 жителями; в 1896 — 16 домохозяев, 125 жителей 137, 242, 265, 266, 269, 277, 301, 304, 308, 321, 354, 355, 363, 387, 398, 400, 435, 437, 441, 447, 448, 464

Колико, городок на северо-восточном берегу о. Комо (в 40 км от Сондрио) 38, 41, 44

Кольшево, село в Калужской губ. 134, 135

Кольмар, город в восточных отрогах Вогезов, транспортный узел Эльзаса 232, 431

Комо, город у южной оконечности одноименного озера, центр итальянской провинции Комо 42, 43, 372

Комо, озеро в Ломбардских Предалпах, 49 км длиной, 197 м над уровнем моря 38, 41, 42, 372

Константинополь 65, 107, 365, 395, 447

Коринф, город на Истмийском перешейке по пути из Северной Греции в Пелопоннес, в 6 км от развалин древнегреческого Коринфа, основанного ок. X в. до н. э. 104, 107, 394

Коринфский залив 105

Корсика 154, 397

Корфу (Керкира), остров в Ионическом море 89, 102, 103, 393

Красноярск 322—324, 329, 332, 336, 341, 348, 349, 446—449, 454, 455

Крейцнах, город в Германии, в рейнской провинции Пруссии, в долине р. Наэ 132

Крым 99, 229, 239, 245, 246, 279, 435, 440, 442, 444

Кунгур, город в Сибири 460

Кьявенна (Киавенна), городок в Северной Италии на склоне Ретийских Альп, на берегу р. Мера, впадающей в о. Комо 40, 41

Кяхта 432

Ла Специя, город в области Лигурия (Италия) 51, 54, 55, 58

Линц, главный город Верхней Австрии, на левом берегу Дуная; около 50 тыс. жителей (1900) 13—16

Лион 403

- Ломбардия** 43, 47, 372, 426
Лондон 210, 296, 401, 410, 429
Лукка, город в Центральной Италии, административный центр одноименной провинции 53
Лунденбург (Люнденбург), в то время австрийский город; ныне—Бреслав в Чехии 12
- Мадрид** 462
Майори (Maïogi), итальянский городок в 19 км к западу от Салерно 99
Майорка, остров Балеарского архипелага в Средиземном море 143, 398, 410
Макон, железнодорожная станция между Парижем и Лионом 114, 160, 410
Марино, город в Римской провинции Италии, 360 м над уровнем моря; около 32 тыс. жителей 77
Марна, река во Франции 137
Мексика 183, 185, 353, 418, 419, 462
Меран, долина в южном Тироле 32, 34
Мерреколь, поселок на берегу Финского залива (в 1903 — Эстляндская губ.) 450
Мехико-сити, город в Мексике 462
Милан 19, 41—48, 50, 52, 101, 373—375, 393
Минори (Minori), селение в 1 км от Майори на берегу Салернского залива (Италия) 99
Монц 101
Москва 19, 67, 73, 74, 129, 132, 156, 182, 185, 188, 201, 203, 224, 239, 242, 251, 255, 270, 271, 278, 281, 287, 298, 316, 320, 321, 336, 343, 346, 350, 354, 356, 360, 363—365, 405, 409, 417, 418, 424, 434—435, 438—439, 443, 444, 448, 449, 451, 458—461
Мурнау (Murnau-am-Staffelsee), железнодорожная станция в 75 км к югу от Мюнхена 19, 20, 23
Мытищи 346
Мюнхен 16—19, 21, 22, 179, 365, 370, 371, 373
- Неаполь** 12, 91, 93—98, 124, 125, 391, 392, 397,
Низида, островок, расположенный близ мыса Позиллипо 391
Нил 82, 383
Новгород 306, 412
Норвегия 63, 65, 285, 382, 399
Нордкап (Норд-Кап), мыс на о. Магере в Норвегии, самая северная оконечность Европы 65

Обераммергау (Обер-Аммергау, Oberammergau), селение в Верхней Баварии 19, 20, 23, 24, 371

Оберау (Oberau), железнодорожная станция в 68 км к югу от Мюнхена 21, 26, 371

Одесса 358, 464

Орвието, горный массив в итальянской провинции Перуджия (ныне в области Умбрия) на плато (300 м над уровнем моря) 147

Ортлер, альпийская вершина (высотой 3905 м) 35

Павия, город в Италии 375

Палестина 80, 366

Париж 49, 111, 112, 117, 127, 128, 129, 132, 135, 148, 168, 172, 173, 177, 178, 181, 195, 203, 212, 221, 224, 245, 246, 250, 251, 262, 265, 271, 274, 283, 292, 295, 296, 299, 313, 314, 316, 317, 345, 349, 352, 363, 378, 396–401, 403–407, 410, 413, 415, 419–425, 428, 429, 432–434, 440, 449, 451, 461, 462

Парнас, горный массив к северу от Коринфского залива (высотой до 2457 м) 105

Патрас, греческий город на берегу Патрасского залива; в конце XIX в. до 26 тыс. жителей 104

Пелопоннес 105

Пергам 388

Перерва 344

Персия 308, 316

Пёстлингсберг (Пестлинсберг, Pöstlingsberg), гора (537 м) в черте г. Линц (Верхняя Австрия) 15

Петербург см. Санкт-Петербург

Пиза, город в Италии на реке Арно; в 1900 г. около 27 тыс. жителей 50–52, 55, 376

Пирей, порт в 12 км от Афин 106

Пиренеи 73

Позиллипо 93

Польша 368

Помпел, город в 22 км от Неаполя, у южной подошвы Везувия 96–98, 391, 392

Порт-Артур 183, 417

Поццуоли (Пуццуоли; Pozzuoli), городок на Поццуольском заливе в 10 км от Неаполя (в 1900 г. 12 тыс. жителей) 94, 95, 392

Прад, городок в Тироле (907 м над уровнем моря) 34, 35, 372

Прато 381

Равелло, итальянский город (374 м над уровнем моря) в 24 км от Салерно; в 1900 около 1100 жителей 98–100, 392

- Ренн, город во Франции 76, 386
 Ривьера 50
 Рим 7, 12, 50, 62–69, 72, 74, 77, 78, 80, 82–84, 86–88, 91, 93, 106, 274, 343, 375, 377, 378, 381, 382, 384–387, 390, 391, 453
 Рокка ди Папа, город в Римской провинции Италии, 730 м над уровнем моря, 9,7 тыс. жителей 77
 Рофен (Rofen), деревня в Тироле (2011 м над уровнем моря) 31, 32, 372
 Руан, город во Франции (низовья р. Сена) 231, 260, 431
- Сабинские холмы (в 31 км от Рима) 80
 Савоя 124
 Саламин, остров в Эгейском море у побережья Аттики (Греция) 105
 Салерно, город на берегу Салернского залива (Италия); в 1900 около 27 тыс. жителей 98–100, 393
 Сан Карлос, город в Мексике 462
 Санкт-Петербург 73, 74, 155, 188, 193, 242, 252, 254, 271, 274, 275, 277, 278, 281, 282, 290, 294, 300, 306, 309, 320, 328, 330, 331, 335, 336, 356, 363, 364, 398, 417, 434, 435, 442–445, 447, 448, 454, 461, 463
 Саратов 307
 Свищево, село в Енисейской губ. 348
 Севастополь 392, 395
 Северное море 65
 Севр, город на берегу Сены, к юго-западу от Парижа 154, 408
 Сена 137, 152, 215, 399, 405, 406, 423, 425, 426
 Сен Морис, климатический курорт в швейцарском кантоне Граубюнден, на территории национального парка Энгадин 40, 138
 Сестрорецк 457
 Сиена, город в Италии 147
 Симферополь 359
 Сирия 366
 Смоленск 432
 Сондрно 43, 44
 Соракта, гора в 40 км от Рима с высшей точкой 686 м 68
 Специя см. Ла Специя
 Средиземное море 103
 Страсбург (Страсбур), город на востоке Франции, историческая столица Эльзаса 431
 Стельвно, горный перевал (2758 м над уровнем моря) в 22 км от Бормио 35, 372

- Степановское 357, 362, 464
Судак 272, 300, 438, 447, 464
Сюрень, местность к юго-западу от Парижа на Сене, по пути в Сен Клу 208, 425
- Таллинн 437
Таиагра, город в греческой провинции Беотия 106, 394
Ташкент 72, 369, 369–372, 386, 443
Тибр, река в Италии 64, 68, 382, 383, 387
Тиволи (Тибур), город в 31 км к северо-востоку от Рима, по обоим берегам р. Ань 7–9, 80, 82, 90, 388
Тирвальд, селение в Альпах 27
Тироль 26, 27
Томск 325, 463
Торгошино (Торгашино), село в Енисейской губ. 348, 453
Торре Аннунциата (Torre Annunziata), городок на берегу Неаполитанского залива вблизи Помпей 98
Трафой (Trafoi), селение в Тироле (1547 м над уровнем моря) 35
Туба, правый приток Енисея 342
Туруханск 333, 455
- Фент (Фенд, Vent), альпийская деревушка, расположенная на высоте 1893 м 31, 32
Феодосия 269, 312, 355, 438, 443, 463
Фермопилы 457
Фивы 378
Флоренция 51, 53, 54, 57–60, 62, 63, 91, 147, 377, 378, 380
Фонтенбло, город во Франции, в 59 км к югу от Парижа 143, 401, 402
Франценсхёз (Franzenshöhe), селение в Тироле на высоте 2189 м 35
Франция 76, 200, 206, 357, 406, 410, 423, 425
Фраскати, город в Римской провинции Италии, 327 м над уровнем моря; ныне свыше 19 тыс. жителей 77
- Хельсинки 441
Херсон 440
- Цвизельштейн (Zwieselstein), альпийское селение на высоте 1472 м, в 3 км от Зёльдена 30
Цвиндельштейн см. Цвизельштейн
Цугшпитце, высочайшая вершина баварских Альп (2963 м) 27

Цюрих, город в Швейцарии 143, 210, 215, 233, 237, 245, 246, 252, 401, 426, 429, 431, 432

Чехия 443

Шарантон (Шарантон-ле-Пон), город во французском департаменте Сена, к юго-востоку от Парижа 137, 147, 400

Шартр, город к юго-западу от Парижа 431

Швейцария 19, 36, 46, 176

Шверин 370

Штабен (Staben), деревня в Южном Тироле 32, 34

Шуя 349

Эгина, остров в Сароническом заливе, между Арголидой и Аттикой 105

Эгинский залив 105

Эйбзее, альпийское озеро (972 м над уровнем моря) 27

Эпир, историческая область на северо-западе Греции, большая часть которой занята горами Пинд 102, 103, 393

Эч (Etsch), река в Австрии (Тироль) и Италии 34

Ютли (собств. Утлиберг, Utliberg), гора в черте Цюриха (871 м над уровнем моря) 245, 246, 432

Ялта 392, 463

Япония 400

Ярославль 242, 461

Ясная Поляна 389

Ajaccio см. Аяччо

Biberwier, городок в Австрии (1060 м над уровнем моря), ныне горнолыжный центр 28

Capo del'Orso, мыс в Салернском заливе, юго-западнее Салерно 99

Chiavenna см. Кьявенна

Colico см. Колико

Ehrwald (Эрвальд), деревня в тирольских Восточных Альпах (993 м над уровнем моря) 26, 28

Fender-Thal см. Venter Tal

Gaisthal, деревня в Нижней Баварии (900 м над уровнем моря)
27

Habichen, деревня в тирольских Восточных Альпах (850 м над уровнем моря) 28, 29

Hochjoch (Hoch-Joch, Хох-Йох), горный перевал и вершина высотой 2875 м; ледник в Восточных Альпах 30–33

Längenfeld (Лэнгенфельд), деревня с населением 4000 жителей в долине Отцталь в Тироле, в 10 км от Зёльдена 29

Linz см. Линц

Mâcon см. Макон

Mallaggia 40

Maloja (Passo del Maloja, *ит.*), альпийский горный перевал между Швейцарией и Италией (1815 м над уровнем моря) 40

Marienberg, вершина в Альпах (высота 1600 м) вблизи Viberwier
28

Metz, ж.-д. станция 28, 29

Oberengadin (Ober Engadin), местность в Швейцарии 39

Obsteig, деревня в Тироле (1000 м над уровнем моря) 28

Ötztal (Oetz-Thal, Отцталь), долина в Восточных Альпах; железнодорожная станция 28–30

Pontresina (Понтрезина), климатический курорт в швейцарском кантоне Граубюнден (1803 м над уровнем моря), близ заповедника Энгадин 39, 40

Prad см. Прад

S. Carlo, селение в Южном Тироле 38, 39

S. Moritz см. Сен Мориц

Schlanders (Silandro, *ит.*), деревня в Южном Тироле, центр одноименной территориальной единицы, с 1919 отошла к Италии
34

Silser (Sils, Сильс), озеро в Швейцарии 40

Silvaplana, озеро в Швейцарии 40

Sölden (Зёльден), селение в долине Ötztal (1377 м над уровнем моря), ныне горнолыжный курорт 30

Sondrio (Сондрио), главный город приальпийской долины Valtellina, образуемой течением реки Адда (в начале XX в. 4400 жителей) 38

Staben см. Штабен

Staglieno (Стальено), деревня близ Генуи 375

Stilfser-Joch, Stelvio см. Стельвио

Suregne см. Сюрень

Thörlu (Тёрле), вершина Тёрле (1510 м) 27

Val Bregaglia (Bergell, нем.), долина в швейцарском кантоне Граубюнден 40, 41

Val di Campo, местность в Альпах 39

Valviola, Val Viola, долина вблизи г. Бормио 38, 39

Venter Tal, долина в Восточных Альпах, примыкающая к долине Ötztal 30

Via Mala, ущелье в долине Западного Рейна близ селения Тузис в Швейцарии 30, 372

Vicosoprano, деревня в долине Val Bregaglia (1087 м над уровнем моря) 40

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЯ (26 мая 1900 г. — ?), или Сколько стран можно увидеть на полтора ста рублей

27 мая 1900 г. Варшава	7 . . .	368
28 мая. День 2-ой путеш<ествия.> Варшава	8 . . .	368
29 мая (11 июня) 1900. 3-й день пути. Вена	11 . . .	368
30 мая (12 июня). 4-й день. Дунай (на пароходе)	12 . . .	368
31 мая (13 июня). День 5-тый. Линц	14 . . .	369
1 (14) июня. День 6-ой. Мюнхен	16 . . .	369
15 <(2)>июня 1900. 7-й день. Мюнхен	18 . . .	370
3 (16) июня. 8-ой день. Мурнау	19 . . .	371
4 (17) июня. 9-ый день. Обер-Аммергау	23	
5 (18) июня. 10-ый день. Гармиш	25 . . .	371
6 (19) июня. 11-й день. Тироль. Ehrwald	26 . . .	371
7 (20) июня. 12-ый день. Nabichen. Oetz-Thal	28 . . .	371
8 (21) июня. 13-й день. Oetz-Thal	29 . . .	372
9 (22) июня. 14-й день. У ледника Hoch-Joch	30 . . .	372
10 (23) июня. 15-ый день. Дол<ина> Мерана, Штабен	32	
11 (24) июня. 16 день. Долина Эча. Prad	34 . . .	372
12 (25) июня. День 17-ый. Долина Адды. Бормио	35 . . .	372
13 (26) июня. 18-ый день. Бормио	37	
14 (27) 1900. 19-ый день. Июнь. Valviola близ S. Carlo	38 . . .	372
15 (28) <июня>. 20-й день. Ober Engadin. Pontresina	39	
16 (29) июня. 21-ый день. 1900 г. Pontresina	40	
17 (30) июнь. 22 день. Val Bregaglia. Vicosoprano	40	
18 июня (1 июля). 23 день. Озеро Комо. Colico	41 . . .	372
19 июня (2 июля) 1900 24 день. Милан	42 . . .	373
20 <июня> (3 июля). 25 день. Милан	43 . . .	373
21 июня (4 июля). 26-ой день. Милан	46 . . .	374
22 июня (5 июля). 27<-й> день. Генуя	47 . . .	375
Генуя. 23 <июня> (6 июля). 28 день 1900	49 . . .	375
24 ию<ня> (7 ию<ля>). Пиза. 29 день	51 . . .	376
25 <июня> (8 июля). День 30. Пиза	52 . . .	376
26 июня (9 июля). 31-ый день. Флоренция	54 . . .	377

27 июня (10 июля). 32-ой день. Флоренция	58... 378
28 июня (11 июля). 33-ий день. Флоренция	60... 380
29 <июня> (12 июля). День 34. Флоренция	62... 381
Рим. 1900 года. 35-й день. 30 июня (13 июля)	63... 381
Рим. 36 день. 1 (14) июля	64... 383
37 день. 2 (15) июля. Рим	69... 385
Рим. 38 день. 3 (16) июля 1900 г.	72... 385
4 (17) июля. День 39. Рим	74... 386
5 (18) июля. 40-й день. Рим	78... 387
6 (19) июля. 41-й день. Рим	78... 388
7 (20) июля. 42 день. Рим	82... 388
8 (21) июля. День 43. Рим	84... 389
9 (22) июля. 44-ый день. Рим. Воскресенье	86... 390
10 (23) июля. День 45. Рим	87... 390
11 (24) июля. День 46. Рим	88... 391
12 (25) июля. 47-й день. Рим	91... 391
13 (26) июля. День 48. Неаполь	91... 391
14 (27) июля 1900 г. <День> 49. Неаполь	94... 392
15 (28) июля. 50-й д<ень>. Помпея	97... 392
16 (29) июля. День 51. Салерно — Равелло	98... 392
17 (30) июля. 52-ой день. Бриндизи	101... 393
18 (31) июля. 53 день. Бриндизи	101
19 июля (1 августа). День 54. Пароход «Romania».	
В виду берегов Эпира. Адриатическое море	102... 393
20 июля (2 авг<уста>). День 55. Приезд в Грецию	104... 394
21 июля (3 августа) 1900. День 56	105... 394
22 июля (4 ав<густа>). День 57. Афины. —	
Пароход «Эверта»	105... 394
23 июля (5 авг<уста>). День 58. Пароход	107
24 июля (6 августа). День 59-й. Константинополь	107... 394

ДНЕВНИК 1901—1903

<1901>

21 апреля.	111... 396
-----------------	------------

<1902>

18 июня. Ночь.	114... 397
3 июля.	114... 397
5 июля.	116... 397
15 июля.	121... 397

25 июля.	124. ...	397
9 августа.	125. ...	398
9 сентября.	127. ...	398
15 октября.	136. ...	399

1903 г.

Май.	137. ...	400
-----------	----------	-----

ИСТОРИЯ МОЕЙ ДУШИ

(дневниковые записи 1904—1909, 1911—1913, 1915, 1916, 1930—1931)

1904 год

29 мая.	143. ...	401
30 <мая>.	143. ...	402
3 ию<н>я.	143. ...	402
4 июня.	143. ...	402
5 июн<я>.	144. ...	403
6 июня.	144. ...	403
7 июня.	146. ...	403
8 июня.	146. ...	404
10 июня.	146. ...	404
11 июня.	147. ...	404
13 июня.	147. ...	404
14 июня.	151. ...	406
16 июня.	152. ...	406
17 июня.	153. ...	407
18 июня.	153. ...	407
19 <июня>.	154. ...	408
20 <июня>.	155. ...	408
21 июня.	156. ...	409
22 <июня>.	159. ...	409
23 <июня>.	159	
24 <июня>.	159. ...	410
19 июля.	159. ...	410
22 июля.	160. ...	410
9 августа.	160. ...	410
10 августа.	163. ...	411
12 августа.	165. ...	411
16 августа.	167. ...	412
18 августа.	168. ...	412
20 августа.	169. ...	413
22 августа.	171. ...	414

28 августа	173... 415
5 сентября	173... 415
17 сентяб<ря>	173... 415
18 сент<ября>	173
28 сент<ября>	173... 415
29 сентября	174... 415
2 октября	175... 416
5 октября	177... 416
6 октября	177... 416
10 октября	178... 416
21 октября	179
Ноябрь, 13-го	179... 416
<15 ноября>	180... 417
16 ноя<бря>	181... 417
17 ноября	181... 417
19 ноября	182... 417
21 декабря	182... 417
23 декабря	183
24 декабря	184... 418
27 <декабря>	185... 418
29 декабря	186... 419
31 декабря	187... 419

1905 год

2 января	188
3 января	188... 419
7 января	189... 419
9 января	189... 420
10 января	190... 420
4 апреля	194... 421
5 мая	194... 422
9 мая	200... 423
14 мая	201... 423
28 мая	202... 424
14 июня	204... 424
19 июня	205... 424
21 июня	207... 424
23 июня	207... 425
24 июня (день 23)	209... 426
24 июня	210... 426
26 июня	214... 426
27 июня	219... 428
28 июня	220... 428

29 июня	220... 428
3 июля	221
4 июля	221... 428
9 июля	221... 428
10 июля	222... 429
12 июля	222... 429
14 июля	224
18 июля	224... 429
19 июля	226... 429
20 июля	227... 430
21 июля	229... 431
23—24 июля	231... 431
2 августа. 3 авг<уста>	231... 431
4 авг<уста>	232
5...6 августа	233... 431
7 авг<уста>	233... 431
8 августа	235... 432
9 авг<уста>	237... 432
10 авг<уста>	239... 432
11 августа	243... 433
12 августа	248... 434
12 авг<уста>	249
13 август<а>	249... 434
14 авг<уста>	250

1906 г.

20 январ<я>	251... 434
-------------------	------------

1907 г.

1 марта	251... 434
2 марта	254
3 марта	255
6 марта	256... 436
7 марта	259
8 марта	260
9 марта	263... 436
10 марта	264... 437
11 марта	265... 437
12 сентября	266... 437
15 сентября	268... 438
18 сент<ября>	269... 438

20 сент<ября>	270... 438
21 сент<ября>	272... 440
23 <сентября>	274... 441
24 сент<ября>	276... 441
25 сент<ября>	277... 441
26 сент<ября>	277... 441
27 сент<ября>	279... 442
29 сент<ября>	280... 442
16 окт<ября>	280
17 <октября>	280... 443
20 <октября>	280
23 ноября	281... 443
25 ноября	283... 443
26 ноября	286
27 ноября	290... 444

1908

11 апреля	291... 444
18 апреля	292... 445
26 апр<еля>	294... 445
4 мая	295... 446
8 июня н<ового> с<тиля>	295... 446
12 июня	297... 446
17 июн<я>	298
21 ноября	298... 446
5 декабря	300... 447

1909 год

2 января	300... 447
19 января	301... 447
3 февраля	301... 447
16 марта	302... 447
18 марта	303... 448
14 июня	304... 448
22 июля	309... 448
7 августа	312... 448

1911 год

Зима	316... 449
3 ноября	317... 449
6 ноября	319
16 ноября	319... 449

1912 год

19 января	319... 450
22 февраля	321... 451
2 декабря	321

1913 год

3 января	322... 451
5 янв<аря>	323... 452
8 янв<аря>	328... 454
12 янв<аря>	331... 455
17 января	338... 458

1915 год

5 марта	349... 461
---------------	------------

1916 год

Январь	352... 462
--------------	------------

1930 год

14 марта	353... 463
26 мая	354... 463
28 мая	356... 463
7 сентября	358... 464

1931

6 июня	361... 465
--------------	------------

Комментарии	363
Указатель произведений	466
Указатель имен и названий	469
Географический указатель	525

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «Коктебельский вид». 1925 г.

Под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Волошин, М.А.
В68 Собрание сочинений. Т. 7, кн. 1. Журнал путешествия
(26 мая 1900 г. – ?); Дневник 1901–1903; История моей
души/Сост., подгот. текста, коммент. В.П. Купченко. –
М.: Эллис Лак 2000, 2006. – 544 с.

ISBN 5-902152-07-0 (т. 7)
ISBN 5-902152-05-4

Предлагаемый читателям том открывает собою биографический комплекс литературного наследия Волошина. В книгу включены путевой журнал «История путешествия» по Европе (1899), который вели его участники – Волошин, Л.В. Кандауров и В.И. Ишеев; дневник Волошина (1901–1903); а также цикл его дневниковых записей (1904–1909, 1911–1913, 1915, 1916, 1930, 1931) под заглавием «История моей души».

Для настоящего издания все тексты заново сверены с источниками; обнаруженные в предыдущих публикациях искажения устранены.

ББК 84(2Рос-Рус)

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Том седьмой, книга первая

Журнал путешествия (26 мая 1900 г.—?)
Дневник 1901—1903
История моей души

Редактор
Н.П. Ходюшина

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Корректор
Е.И. Коротаяева

Верстка
А.Б. Метелкин

Подписано в печать 07.02. 2006
Формат 84×108 $\frac{1}{2}$. Бумага офсетная.
Печ. л. 17. Тираж 3000 экз.

Заказ № 1051

ЛР № 01716 от 05.05.2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс: 254-26-11.
E-mail: ellisluck2000@mail.ru

ГУП Московская типография №2
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: 682-24-91

ISBN 5-902152-07-0

9 785902 152071